

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

05
7-23

Июль 1896

UC-NRLF

B 2 984 337

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 7—8.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

1896.

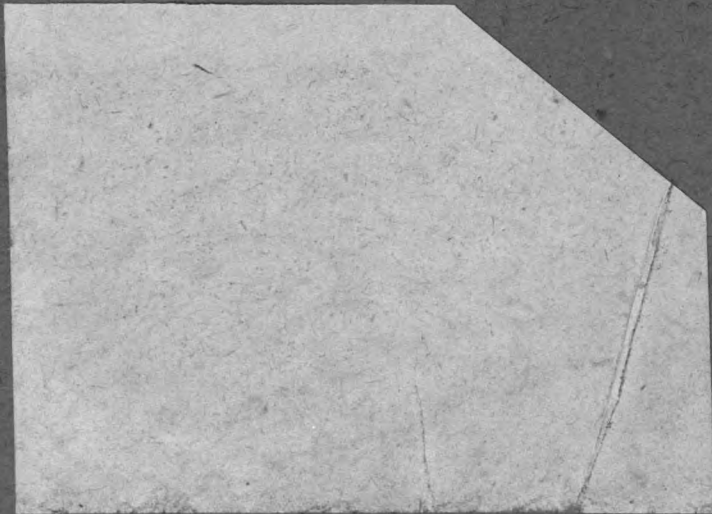

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1896.

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

1959

ИРК
0-23 - 23 =

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

И

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

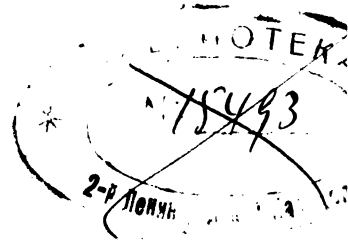
ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 7—8.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

1896
ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
пл. Лассаля, 3.

№ 3057 ж.ф. 11

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.
1896.

7-ИЮЛ 1889

Дозволено цензурою Спб. 1 Августа 1896 года.

L 51
035
v. 5:7-8

Правительственныя распоряженія.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Книгу: «Грамматика древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. Составилъ *Е. Бѣлявскій*. Изданіе 4-е, вновь пересмотрѣнное. М. 1894. стр. XXII+190. Цѣна 1 руб.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. П. Флеровъ*, преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса. 1894. Стр. XI+56+XXXVI»—рекомендовать въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно для IV—VIII классовъ гимназій.

— Книгу: «Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. П. Флеровъ*, преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса. 1894. Стр. VI+47+XXXVI» одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, преимущественно для IV класса гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Часть I (для низшихъ классовъ). Составилъ инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны покровительствомъ Усачевско-Черныявскаго женскаго училища и преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и 5-ой гимназіи *В. Соколовъ*. Изданіе третье. Москва. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. 1896. Стр. XIII+367. Цѣна 85 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ. Первые пять вѣковъ родной старины. (862—1362 гг.). Томъ первый. *Н. М. Павловъ*.

1*

— Изданные *В. А. Березовскимъ*: «I. Разказы *Д. Н. Логофета*: 1) Подшугили. — 2) Первый разъ въ секретѣ. — 3) Съ сердцемъ не совладать. — 4) Контрабанда задержана. — 5) Контрабанды нѣтъ. — II. Разказы: 1) *Ев. Маслова*. Часовня и 2) *Бамбука*. *Василій Ивановичъ*» — допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ школъ.

— Брошюру: «Береженого Богъ бережетъ (разказъ крестьянина). С.-Пб. 1895. 16 стр. in 18°» — допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книжку: «*Т. Лубенецъ*. Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія, письма и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. (Съ приложеніемъ церковно-славянской грамоты). Годъ II. Изданіе 5-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1896. Изданіе *Ф. Павленкова*. Стр. 149+III—въ 8-ку. Цѣна 40 коп.» — допустить для класснаго употребленія въ начальныхъ народныхъ школахъ.

— Книжку: «*А. И. Гольденбергъ*. Собраніе ариметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ приготовительнаго класса. С.-Пб. и Москва. 1895. Стр. 80 въ 8-ку. Цѣна 25 коп.» — допустить до употребленія въ приготовительномъ классѣ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Брошюру: «Что такое обыкновенная соль, какъ добываютъ ее и какъ пользуются ею? Чтеніе для солдатъ и народа. Составилъ *Н. К. Шведовъ*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Издалъ *В. Березовскій*. С.-Пб. 1895. 45 стр. in 12°. Цѣна 12 коп.» — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также и для народныхъ чтеній.

— Книжку: «*М. Герасимовъ*. Первое знакомство съ физикою посредствомъ общедоступныхъ приборовъ. Руководство для дѣтей средняго возраста. 2-е изданіе. С.-Пб. 1896. 89 стр. въ 8-ку. Цѣна 50 коп.» — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «Первые разказы изъ естественной исторіи *М. Быковой*. Для дѣтей только что научившихся читать. Часть I. Изд. 4-е. С.-Пб. 1894 г. 80 стр. Цѣна 30 коп. Часть II. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1894. 63 стр. in 12. Цѣна 25 коп.» — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Типы школъ для распространенія знаній среди взрослога населенія.

(Докладъ, читанный 1 января 1896 г. на 2 съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію).

Въ настоящее время, когда сама жизнь, въ лицѣ цѣлаго ряда обстоятельствъ, выдвинула, между прочимъ, неотложный вопросъ объ увеличеніи производительныхъ силъ нашей страны, широкое распространеніе образованія среди населенія, особенно, тѣхъ знаній, которыя имѣютъ болѣе непосредственное отношеніе къ разнымъ отраслямъ промышленности и извѣстны подъ общимъ названіемъ профессиональныхъ, сдѣлалось одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашего времени.

Задача распространенія образованія можетъ быть выполнена двумя параллельными путями, изъ которыхъ одинъ представляетъ необходимое дополненіе другого,—это обученіе подрастающихъ поколѣній, т. е. дѣтей школьнаго возраста, и обученія взрослыхъ или лучше сказать населенія внѣшкольнаго возраста. Организация обученія взрослыхъ имѣетъ у насъ особое значеніе, такъ какъ она можетъ служить не только для расширенія знаній, вынесенныхъ изъ школы, и ихъ болѣе или меньшей спеціализаціи, подобно тому какъ это въ Западной Европѣ, но и разсадникомъ грамотности для тѣхъ, кто начальнаго образованія не получилъ.

Цѣль настоящаго моего доклада—указать, какой характеръ должно носить у насъ обученіе взрослыхъ и какимъ образомъ оно можетъ быть организовано.

Въ предложеніи Господина Министра Народнаго Просвѣщенія на имя Попечителей учебныхъ округовъ отъ 18 февраля 1895 года, трактующемъ о распространеніи профессиональныхъ знаній среди рабочаго населенія посредствомъ воскресныхъ и вечернихъ курсовъ, между прочимъ говорится, что «эти знанія могутъ быть сообщаемы не только ученикамъ школъ, но и лицамъ, *уже получившимъ общее образованіе* и посвятившимъ себя практической дѣятельности».

Такимъ образомъ, по мнѣнію Министерства, необходимымъ основаніемъ для профессиональныхъ знаній служитъ образованіе

общее. Истина несомнѣнная, и практика западно-европейскихъ государствъ, гдѣ уже давно организовано обученіе взрослыхъ и подростковь, служить лучшимъ ея доказательствомъ. Во Франціи еще въ 1863 году, коммисія подѣ председательствомъ министра общественныхъ работъ признала, что безъ общаго образованія, хотя бы самаго элементарнаго, невозможно образованіе техническое, даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Въ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи, несмотря на обязательность школьнаго обученія, въ техническихъ и ремесленныхъ школахъ общее развитіе и образованіе не прекращается. Не меньшимъ, если не большимъ, уваженіемъ пользуется общее образованіе и на курсахъ профессиональныхъ знаній въ Англіи, устраиваемыхъ, главнымъ образомъ, рабочими союзами, несмотря на то, что врядъ-ли гдѣ специализація труда доведена до высшей степени дробленія, чѣмъ въ этой классической странѣ промышленности, и что здѣсь уже въ 1876 году было 81% грамотныхъ (включая и Ирландію).

У насъ нѣтъ общихъ статистическихъ данныхъ о положеніи грамотности, но судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются о новобранцахъ, косвенно по числу школъ и времени ихъ возникновенія, а также по имѣющимся статистическимъ свѣдѣніямъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ, надо считать среди производительнаго и полупроизводительнаго классовъ населенія не болѣе 30% грамотныхъ. Этотъ процентъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и среди молодыхъ нѣсколько больше, среди пожилыхъ — меньше. Если же взять только рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, то процентъ грамотныхъ нужно принимать въ общемъ еще меньшимъ указаннаго, такъ какъ на грамотныхъ большой спросъ въ торгово-промышленныя заведенія (приказчики, сидѣльцы, артельщики и т. п.) и на мелкія административныя должности на фабрикахъ и заводахъ (мастера, кладовщики, табельщики и пр.); кромѣ того, не мало грамотнаго рабочаго люда оттягиваютъ отъ фабрично-заводской дѣятельности столицы и большіе города на должности дворниковъ, городовыхъ, посыльныхъ, швейцаровъ и мн. другихъ.

Думаю, что мнѣ не нужно много говорить о качественной и количественной сторонѣ грамотности нашего народа, подѣ которою я разумѣю, кромѣ «умѣнья грамотѣ» въ букввальномъ смыслѣ, сумму начальныхъ свѣдѣній, выносимыхъ изъ народной школы: вслѣдствіе отсутствія въ достаточномъ количествѣ читаленъ, библиотекъ, дешевыхъ доступныхъ газетъ, чтеній и вообще всего того, что поддерживаетъ умственные интересы народа, грамотность эта, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, такъ ничтожна, что ея еле хватаетъ на прочтеніе легкой книжки и на умѣнье кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, написать «въ деревню» письмо. Въ виду этого врядъ-ли среди заводскихъ рабочихъ и ремесленниковъ можно найти въ настоящее время достаточное количество лицъ, подготовленныхъ къ тѣмъ специальнымъ курсамъ (въ

видѣ воскресныхъ и вечернихъ занятій) по рисованію, черченію, технологіи ремеслъ, физикѣ, химіи и пр., о которыхъ говорится въ вышеуказанномъ предложеніи Господина Министра.

Что это такъ, подтверждается практикой классовъ для рабочихъ, устроенныхъ въ С.-Петербургѣ Императорскимъ Русскимъ техническимъ Обществомъ. При всѣхъ школахъ Общества существуютъ общеобразовательные классы, но наоборотъ, не при всѣхъ, по недостатку учащихся, имѣются классы спеціальныя.

Въ теченіе 10 лѣтъ, начиная съ 1882 года, изъ 6000—7000 человѣкъ, перебивавшихъ въ школахъ Техн. О-ва, выпущено со свидѣтельствами на льготу IV разряда, т. е. по окончаніи общихъ классовъ, 500 человѣкъ, со льготою же III разряда, т. е. по окончаніи спеціальныхъ классовъ, всего только 100 человѣкъ. «Въ 1891—92 учебномъ году», читаемъ мы въ отчетѣ Попечительства при Фарфоровской Преображенской церкви, въ С.-Петербургѣ, извѣстнаго по своей энергичной дѣятельности по народному образованію, «младшаго отдѣленія спеціальныхъ классовъ, учрежденныхъ Императорскимъ Техническимъ Обществомъ, совсѣмъ не было, за *недостаткомъ желающихъ*; въ 1890—91 уч. году въ младшемъ отдѣленіи тѣхъ же классовъ изъ 45 человѣкъ въ концѣ года оставалось только 7».

Въ такомъ положеніи находятся спеціальныя классы, съ сравнительно широкой общей программой, въ такомъ обширномъ и бойкомъ фабричномъ центрѣ, какъ С.-Петербургъ; что же сказать о другихъ мѣстахъ, гдѣ умственный уровень рабочихъ стоитъ по большей части гораздо ниже!

Правда это обстоятельство отчасти объясняется положеніемъ рабочаго. «Условія, при которыхъ рабочему приходится посѣщать школу», говоритъ покойный В. Михайловъ, бывший инспекторомъ школъ И. Р. Т. О. (Техн. образ. I, 1893 г.), «до того обременительны, что нельзя безъ особаго уваженія относиться къ тѣмъ изъ этихъ людей, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергаютъ себя этому добровольному игу, ища знаній, отъ которыхъ матеріальное ихъ благосостояніе, если и находится въ зависимости, то въ далекомъ будущемъ. Имъ приходится дѣлать почти сверхсильное напряженіе, чтобы послѣ 10—12-часоваго физическаго труда, чуть что не въ ночное время, прямо отъ работы, придя въ школу, быть въ состояніи понимать то, что преподается и для усвоенія чего посредствомъ внѣ-классныхъ упражненій у нихъ нѣтъ времени».

Но главная причина неуспѣшности спеціальныхъ классовъ не въ этомъ: она болѣе общаго характера. Вѣдь у того же рабочаго, который отдавалъ послѣднее свое время на полученіе нѣкотораго общаго образованія, могло бы хватить еще силъ и времени, въ особенности по воскресеньямъ, чтобы еще годъ два поучиться въ техническихъ классахъ?

По нашему мнѣнію, у него не хватаетъ не силъ, а *потребности* совершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, въ своемъ дѣлѣ; той

потребности, которая истекаетъ не только изъ надеждъ на матеріальныя выгоды (онѣ далеки и гадательны), а выражается въ стремленіи сдѣлать свое, хотя бы и маленькое, дѣло получше, подобросовѣстнѣе, вложить въ него, что называется, душу; она тѣсно связана съ сознаниемъ своей личности и чувствомъ солидарности съ интересами всего общества и проявляется только на нѣкоторой ступени умственнаго и этическаго развитія. Пока этой потребности нѣтъ или она очень слабо развита, вся дѣятельность человѣка имѣетъ характеръ личнаго дѣла и, при непрехотливости нашего рабочаго, сводится къ удовлетворенію самыхъ первичныхъ нуждъ.

Каждому изъ насъ приходилось слышать отъ фабрикантовъ, сельскихъ хозяевъ и др. жалобы на рабочихъ, на ихъ распушенность, недобросовѣстность, лѣнь и отлыниваніе при всякомъ удобномъ случаѣ отъ работы. Несомнѣнно, въ этихъ жалобахъ есть доля правды, но эти качества суть только *необходимыя смѣтліваго недостатка умственнаго и этическаго развитія большинства рабочихъ*. Пока человѣкъ не поднимется до того, что будетъ чувствовать отвѣтственность за свою дѣятельность предъ обществомъ и своею совѣстью, а не только предъ хозяиномъ и его приказчиками, онъ не можетъ быть надежнымъ исполнителемъ возложеннаго на него дѣла, какими бы онъ спеціальными знаніями ни обладалъ. Развѣ рѣдкость встрѣтить у насъ прекраснаго мастера и вмѣстѣ съ тѣмъ горькаго пьяницу и человѣка распушеннаго, и потому, что нѣтъ у него того внутренняго запаса, который поддерживалъ бы въ немъ уваженіе въ себѣ человѣческаго достоинства.

А между тѣмъ нельзя не согласиться, что качество и цѣнность фабрикантовъ зависятъ не только отъ опытности и знанія инженеровъ, техниковъ и мастеровъ, но представляютъ интегральную величину всѣхъ производителей. Вѣдь во многихъ производствахъ мы не можемъ сравниться съ западными фабрикантами даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда техники и мастера выписываются изъ за границы... Плохіе не проникнутые сознаниемъ важности своихъ обязанностей рабочіе то же, что плохіе солдаты, съ которыми и искуснѣйшіе полководцы не одерживаютъ побѣды.

Такимъ образомъ, первымъ и важнѣйшимъ условіемъ для поднятія производительныхъ силъ нашей страны—это широкое распространеніе среди рабочаго населенія *общаго образованія*, „не только въ смыслъ грамотности, но въ смыслъ нѣкотораго умственнаго и нравственнаго развитія“ какъ вѣрно полагалъ и покойный Е. Андреевъ (Школьное дѣло въ Россіи. 1882 г.).

Для достиженія этого наиболѣе удобными учрежденіями являются воскресныя школы и вечерніе классы, такъ какъ они, не отрывая рабочаго люда отъ занятій, удовлетворяютъ, такъ сказать, потребностямъ жизни и образованія. Особенное значеніе они имѣютъ въ тѣхъ странахъ (какъ наша), гдѣ среднее благосостояніе массы невелико, и потому родители не могутъ долго держать

дѣтей въ школахъ обыкновенныхъ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда такихъ школъ совершенно недостаточно.

Общеобразовательныя воскресно - вечернія учрежденія для взрослыхъ должны имѣть двоякую цѣль: 1) дать начальное образование тѣмъ лицамъ, которыя такого или совсѣмъ не получили, или получили въ незначительной степени; 2) дать возможность лицамъ, занявшимся практической дѣятельностью и желающимъ продолжать свое образование, получать болѣе *основательныя* познанія по различнымъ предметамъ, въ часы, свободные отъ занятій, т. е. по вечерамъ и воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Этими двумя цѣлями опредѣляются само собою 2 типа общеобразовательныхъ школъ для взрослыхъ: *начальная воскресная школа*, которыя могутъ быть также вечерними и полуденными (между утренними и послѣобѣденными часами работы), смотря по мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ, и *воскресно-вечерніе курсы*.

Что касается *начальныхъ воскресныхъ школъ*, то практика школъ, существующихъ въ настоящее время, привела къ тому несомнѣнному заключенію, что программа ихъ должна быть сдѣлана болѣе *растяжимой*, т. е. должна видоизмѣняться по объему и расположенію учебнаго матеріала, смотря по возрасту, подготовкѣ и развитію учащихся, также требованію ихъ отъ школы; такъ въ настоящее время, напр., воскресная школа не имѣетъ права учить своихъ учениковъ рисованію и черченію, не говоря уже о самыхъ начальныхъ свѣдѣніяхъ изъ физики, химіи, гигиены и др. под. предметовъ, весьма важныхъ для рабочихъ, такъ какъ, по уставу, въ нихъ могутъ преподаваться только Законъ Божій, чтеніе, письмо и счетъ. Вторымъ неперемѣннымъ условіемъ правильной функціонированія воскресныхъ школъ должно быть признано существованіе при нихъ *подходящихъ библиотекъ*. Въ Англіи, напр., библиотекамъ при школахъ для рабочихъ придаютъ огромное значеніе, какъ наиболѣе могучему средству для распространенія образованія. Въ настоящее время для библиотекъ нашихъ воскресныхъ школъ разрѣшены только тѣ книги, что и для сельскихъ школъ. Нечего говорить о неудобствахъ такого порядка вещей, когда взрослому человѣку приходится давать для чтенія ту же книгу, что и 10—12-лѣтнему мальчику.

Воскресно-вечерніе курсы для взрослыхъ по своему характеру и устройству должны соответствовать Fortbildungsschulen въ Германіи и Швейцаріи, écoles complementaires во Франціи и Бельгіи и пригготовительнымъ классамъ Mechanic's Institutions въ Англіи (въ школахъ перваго типа эти страны, при обязательности обученія, не нуждаются).

Въ нихъ должны преподаваться слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ (письмо и отечественная литература), исторія, географія, ариеметика, алгебра и геометрія, физика, химія и естествознаніе, чистописаніе, техническое черченіе и рисованіе.

Способъ преподаванія—учебный и лекціонный; послѣдній въ особенности по такимъ предметамъ, какъ исторія, географія. При

добровольномъ выборѣ предметовъ, занятія должны быть распределены такимъ образомъ, чтобы можно было слушать и всѣ предметы, и только нѣкоторые изъ нихъ.

За обученіе на курсахъ должна быть установлена нѣкоторая плата, хотя бы и самая небольшая; это съ одной стороны побудило бы учащихся аккуратнѣе относиться къ занятіямъ и съ другой—болѣе соответствовало бы взглядамъ народа, относящагося всегда нѣсколько пренебрежительно къ даровому труду. Миѣ думается, что полугодовая плата въ 1¹/₂—2 рубля за 10 недѣльныхъ часовъ и 20 коп. за 1 недѣльный часъ была бы не особенно обременительной, конечно, въ томъ случаѣ, если широко практиковать систему освобожденія несостоятельныхъ отъ платы.

Въ цѣляхъ болѣе аккуратнаго посѣщенія занятій довольно остроумное средство практикуется въ техническихъ вечерне-воскресныхъ школахъ въ Цюрихѣ: поступающій въ школу вноситъ въ видѣ залога небольшую сумму, которая возвращается ему по окончаніи школы только въ томъ случаѣ, если онъ аккуратно посѣщалъ занятія, въ противномъ же случаѣ поступаетъ въ особый фондъ школы.

Что общеобразовательныя школы могутъ пользоваться большою симпатіей со стороны ремесленниковъ, мастеровыхъ и рабочихъ разнаго рода специальностей доказываетъ примѣръ Берлина. Тамъ 17 общеобразовательныхъ вечерне-воскресныхъ курсовъ наиболѣе богаты слушателями: въ 1893—94 уч. году они насчитывали 7,422 человекъ, что составляетъ 39% всѣхъ взрослыхъ мужчинъ и подростковъ, обучавшихся въ Берлинскихъ вечерне-воскресныхъ школахъ; изъ нихъ огромное большинство—84% приходится на долю слесарей, машиностроителей, химиковъ, ваятелей, мѣдниковъ и др., 10%—занимающихся торговлей и только 6%—на долю лицъ безъ опредѣленной специальности.

Третьимъ типомъ школъ для распространенія образованія среди взрослого населенія надо признать различнаго рода *профессиональныя школы* (собств. техническія, ремесленныя, сельско-хозяйственныя и коммерческія), соответствующія заграничнымъ *Gewerbeschulen, Fach-Schulen, écoles industrielles, écoles professionnelles* и др.

Познакомимся поближе съ характеромъ этихъ школъ въ Берлинѣ.

Въ 36 техническихъ школахъ (*Fach-Schulen*) содержимыхъ государствомъ, городомъ, обществомъ воскреснаго обученія и цехами, въ 1893—94 уч. году обучалось 4,657 учениковъ, что составляетъ 24% всѣхъ учащихся въ вечерне-воскресныхъ школахъ. Это школы для булочниковъ, портныхъ, столяровъ, слесарей, кузнецовъ, ткачей и др. Приводимъ программы нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Въ школѣ сапожниковъ преподается нѣмецкій яз., счетоводство, книговодство и рисованіе.

Въ школѣ столяровъ—рисованіе съ натуры, техн. рисованіе, теорія инструментовъ и технологія дерева.

Въ школѣ булочниковъ—нѣмецкій яз., счетъ, книговодство, химія.

Въ школъ кузнецовъ-нѣмецкій яз., счетъ и черченіе. Въ школъ трубочистовъ—нѣмецкій яз., ариѳметика, рисованіе и физика.

Въ самыхъ работахъ учащіеся упражняются только въ нѣкоторыхъ немногихъ школахъ, какъ напр., парикмахерскихъ, переплетныхъ, плетенія корзины и др. Довольно большое число учащихся—18%—привлекаютъ школы ремесленныя (Handwerker-Schulen); цѣль ихъ дать ученикамъ и подмастерьямъ, въ свободныя часы, необходимыя научныя свѣдѣнія, а также навыкъ и развитіе въ графическихъ искусствахъ. Предметы занятій: рисованіе, черченіе, моделированіе, орнаментовка, декоративное искусство, математика, механика, физика, химія, электротехника, счетоводство и книговодство.

Наконѣцъ на коммерческихъ курсахъ (Kaufmännische Fortbildungsschulen), привлекающихъ 8% всѣхъ учащихся, преподаются: нѣмецкій, французскій и англійскій языки, корреспонденція, счетоводство, торговое и вексельное право, коммерческая географія, товаровѣдѣніе, стенографія и способы для быстрого письма (машины Ремингтона и др.).

Изъ приведенныхъ программъ ясно видно, что главная задача профессиональныхъ школъ Берлина—*не оставляя общаго образованія, научить не самымъ приемамъ производства, а дать общія научныя начала, которыя позволяютъ бы человѣку сознательно относиться къ тому дѣлу, которому онъ посвятилъ свои силы.* Тотъ же характеръ имѣютъ профессиональныя школы и въ другихъ странахъ Западной Европы. Въ 1894 году открыты въ Пюрихѣ *) на счетъ союза и кантона вечерне-воскресныя техническія классы, цѣль которыхъ, какъ сказано въ уставѣ, дать дальнѣйшее общее развитіе и общія техническія свѣдѣнія, съ указаніемъ на ихъ практическое примѣненіе; предметы преподаванія: нѣмецкій и французскій языки, ариѳметика, геометрія, отечественнѣдѣніе, письмо, счетоводство, рисованіе и черченіе.

Характеръ преподаванія въ профессиональныхъ школахъ, выработавшіяся въ Западной Европѣ путемъ долголѣтняго опыта, долженъ быть сохраненъ и у насъ; кромѣ примѣра другихъ государствъ, въ пользу его служить еще слѣдующее соображеніе. У насъ сравнительно еще немного рабочихъ, составляющихъ какъ бы необходимую часть извѣстнаго производства и передающихъ свое дѣло изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ единственное средство къ жизни, напротивъ, огромное большинство ихъ, сохраняя связь съ деревней и землей, оставляетъ время отъ времени

*) Въ Швейцаріи вечерне-воскресныя школы начали открываться въ концѣ 50-хъ годовъ и сдѣлали тамъ громадныя успѣхи, въ 1892 году насчитывалось 2,303 школы съ 47,442 учащимися (изъ нихъ 2,355 женщинъ) и 3,260 преподавателями (слѣдовательно, въ среднемъ на 1 преподавателя приходится 14 человѣкъ). Для лицъ мужского пола, не кончившихъ секундарныхъ школъ (въ родѣ нашихъ уѣздныхъ училищъ), посѣщеніе вечерне-воскресныхъ школъ обязательно. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ въ послѣднее время обязательность распространена и на дѣвушекъ отъ 16 до 18 лѣтъ.

фабрики и заводы и возвращается къ сельскимъ работамъ; само собою разумѣется, что далеко не всѣмъ вернувшимся назадъ изъ деревни, удастся пристроиться на прежнихъ мѣстахъ; отъ этого и происходитъ то, что рабочій одинъ два года работаетъ, напр., на чугунно-литейномъ заводѣ, а тамъ попадаетъ на химическо-красочный или кожевенный заводъ. Обыкновенно на каждомъ заводѣ или фабрикѣ имѣется нѣкоторое постоянное ядро, состоящее изъ мастеровъ, ихъ помощниковъ и нѣкотораго числа рабочихъ—ветерановъ, остальная же масса представляетъ подвижной элементъ, зависящій отъ времени года, урожайности, семейныхъ обстоятельствъ и др. Вотъ для всей этой массы общая техническая подготовка имѣла бы большое значеніе, такъ какъ давеча бы возможность скорѣе примѣниться къ новой отрасли труда и лучше найтись около новой машины и новой обстановки производства.

Наконецъ, четвертымъ типомъ школъ для взрослыхъ, находящихся въ связи съ предыдущими, должны быть *спеціальныя курсы*, подъ которыми мы будемъ разумѣть бесѣды, чтенія и объясненія по отдѣльнымъ отраслямъ производства, напримѣръ, по обработкѣ металловъ, волокнистыхъ веществъ, ткачеству и проч.

При существованіи школъ указанныхъ выше типовъ, вопросъ о спеціальныхъ курсахъ просто рѣшается самъ собою: для рабочаго развитого и имѣющаго общую техническую подготовку, будетъ не трудно и интересно познакомиться съ какимъ либо отдѣльнымъ производствомъ или съ научной стороной и усовершенствованными практическими приѣмами того дѣла, которое даетъ ему средства къ жизни.

Установивши такимъ образомъ четыре типа вечерне-воскресныхъ школъ, обратимся къ весьма важному вопросу—о способахъ ихъ осуществленія. Принимая во вниманіе слабое распространеніе грамотности въ населеніи, намъ несомнѣнно болѣе всего нужно школъ перваго типа, т. е. начальныхъ общеобразовательныхъ *воскресныхъ школъ*; ихъ нужно не 200—300, какъ имѣется сейчасъ, а цѣлыя десятки тысячъ. Но организація ихъ, какъ показываетъ практика существующихъ школъ, довольно сложная, и для правильнаго и интенсивнаго веденія дѣла требуетъ большого количества преподавателей (одного не болѣе, какъ на 12—14 учащихся); привлечь ихъ за вознагражденіе, конечно, было бы затруднительно, но этого совершенно и не нужно. Стоитъ только облегчить способы открытія вечерне-воскресныхъ школъ частнымъ лицамъ и учреждениямъ, предоставить имъ безвозмездно училищныя помѣщенія (найти помимо этого помѣщеніе даже въ большихъ городахъ очень трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно), и можно смѣло сказать, что явятся тысячи даровыхъ преподавателей особенно изъ среды интеллигентныхъ женщинъ, которыя съ радостью будутъ отдавать нѣсколько часовъ въ недѣлю на это истинно нужное и доброе дѣло; что это такъ, доказательствомъ служатъ существующія въ настоящее время школы, которыя

содержатся только на частных средствах и, можно сказать, процвѣтаютъ, не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства. Министерство Народнаго Просвѣщенія, обладая повсемѣстно большимъ количествомъ своихъ служащихъ въ лицѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, директоровъ и учителей гимназій и др. среднихъ учебныхъ заведеній, смотрителей училищъ и пр. всегда можетъ контролировать непосредственно ходъ занятій въ школахъ и направлять ихъ по своему усмотрѣнію, слѣдовательно, врядъ ли могутъ быть серьезны и основательны въ настоящее время опасенія печальныхъ явленій, случившихся въ отдѣльныхъ школахъ въ 60 годахъ и создавшихъ имъ подозрительную репутацію въ глазахъ официальныхъ лицъ и нѣкоторой части общества.

Въ цѣляхъ лучшей постановки дѣла обученія взрослыхъ, учебное начальство могло бы взять на себя снабженіе бѣдныхъ школъ библіотеками и учебными пособиями, создавъ для этого особый капиталъ путемъ обложенія фабрикъ, заводовъ, сельско-хозяйственныхъ экономій и другихъ промышленныхъ учрежденій небольшимъ учебнымъ налогомъ (коп. 50 съ рабочаго въ годъ). Изъ этого же капитала можно было бы приглашать платныхъ учителей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не нашлось бы въ достаточномъ количествѣ даровыхъ. Наконецъ, къ нѣкоторымъ обязательнымъ издержкамъ на вечерне-воскресныя школы могли бы быть привлечены и городскія управленія.

Школы второго и третьяго типа, т. е. вечерне-воскресныя курсы и профессиональныя школы лучше всего, конечно, не ограничивая частной инициативы, приурочить къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, такъ какъ здѣсь имѣется достаточное количество специалистовъ по различнымъ предметамъ и находятся подъ рукою необходимыя учебныя пособия. Косвенно такія школы окажутъ и другую пользу; онѣ будутъ побуждать преподавателей поддерживать свои знанія на болѣе высокомъ уровнѣ, такъ какъ изложеніе научныхъ истинъ въ популярной формѣ передъ добровольной аудиторіей взрослыхъ требуетъ большаго запаса знаній и научнаго кругозора, чѣмъ разучиваніе съ учениками написаннаго по программѣ учебника.

Что касается специальныхъ курсовъ по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, то устройство ихъ прямо должно лежать на обязанности лицъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ приготовленіи себѣ болѣе искусныхъ работниковъ, т. е. на фабрикантахъ и заводчикахъ.

Для нихъ это тѣмъ болѣе легко сдѣлать, что на фабрикахъ и заводахъ имѣются и достаточно образованные для этой цѣли специалисты.

Правительство и общественныя учрежденія могли бы взять на себя устройство специальныхъ курсовъ только по такимъ отраслямъ производства, которыя для веденія дѣла не требуютъ боль-

шихъ капиталовъ и доступны для широкаго распространенія въ народѣ, напр.: по ткачеству, по разнымъ отдѣламъ сельскаго хозяйства и по различнымъ мѣстнымъ промысламъ.

Тезисы.

1) Воскресно-вечернія школы слѣдуетъ признать наиболее цѣлесообразными учрежденіями для распространенія знаній среди населенія внѣ-школьнаго возраста.

2) Для поднятія производительныхъ силъ населенія необходимо прежде всего повсемѣстное распространеніе бесплатныхъ начальныхъ общеобразовательныхъ воскресныхъ школъ.

3) Второй ступеню для распространенія знаній должны быть вечерне-воскресные курсы, профессиональныя школы и спеціальныя курсы.

4) Профессиональныя школы для взрослыхъ должны давать общія начала съ указаніемъ на ихъ практическія примѣненія, которыя позволяли бы человѣку сознательно относиться къ тому дѣлу, которому онъ себя посвятилъ.

5) Широкое распространеніе знаній среди взрослога населенія не можетъ быть выполнено безъ дружнаго содѣйствія всего образованнаго общества, поэтому должны быть приняты всѣ мѣры къ облегченію частнымъ лицамъ открытія и веденія школъ.

Ал. Гатлихъ.

Новыя педагогическія движенія на Западѣ.

Конгрессы по вѣтшкольному народному образованію во Франціи.

Читатели «Образованія» уже знакомы съ возникшимъ во Франціи общественно-педагогическимъ движеніемъ въ пользу распространенія вѣтшкольнаго образованія народа*). Во второй половинѣ 1895 г. по этому вопросу состоялось два сѣзда, имѣвшихъ весьма важное значеніе: «Свободный Конгрессъ ассоціацій, занимающихся распространеніемъ образованія среди народныхъ массъ», происходившій въ Гаврѣ, въ послѣднихъ числахъ августа, и «Конгрессъ Лиги Образованія», состоявшійся, въ концѣ сентября, въ Бордо.

Мы займемся рассмотрѣніемъ перваго изъ нихъ, какъ болѣе обширнаго: на немъ присутствовало до 400 делегатовъ отъ различныхъ обществъ, занимающихся народнымъ образованіемъ, отъ народныхъ библиотекъ и періодической педагогической прессы.

Выдающимися моментами этого конгресса было во первыхъ, посѣщеніе его президентомъ Французской Республики. Феликсъ Форъ явился на засѣданіе конгресса неожиданно и безъ всякой торжественности. Глава государства пожелалъ лично выразить конгрессу свое сочувствіе и отъ лица Франціи сказать пріивѣтственное слово и пожелать успѣха благимъ начинаніямъ частной инициативы въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія. Появленіе Президента и его пріивѣтствіе вызвали цѣлую бурю восторга.

Вторымъ выдающимся эпизодомъ сѣзда была блестящая заключительная рѣчь министра народнаго просвѣщенія Пуанкаре, избраннаго почетнымъ предсѣдателемъ конгресса и явившагося на него, по его собственному заявленію, не въ роли министра и представителя власти, а частнымъ лицомъ и равноправнымъ членомъ конгресса, «обязаннаго своимъ возникновеніемъ свободной инициативѣ».

*) См. «Образованіе» 1895 г. № IX.
«Образованіе». Отдѣлъ I. № 7—8.

№ 3057 ж.ф.

Мы воспользуемся этой рѣчью для выясненія значенія конгреса и характеристики его общаго тона и направленія.

«Состоявшійся конгрессъ представляетъ собою rendez-vous всѣхъ наиболѣе обширныхъ ассоціацій, свободно посвящающихъ свои силы дѣлу народнаго просвѣщенія. Предметомъ обсужденія его являются вопросы, имѣющіе, безъ сомнѣнія, важный интересъ для всѣхъ временъ и народовъ, но получившіе нынѣ для Франціи значеніе настоящей и жизненной потребности.

«Никогда еще съ такой силой, какъ въ наши дни, вопросъ о нравственномъ и умственномъ развитіи народа не занималъ у насъ общественнаго мнѣнія. Педагогическіе, политическіе и литературные журналы, отцы семействъ, школьные учителя, представители общественнаго управленія и администраціи, всѣ въ одинъ голосъ выказываютъ одну и ту же мысль: система нашего общественнаго образованія нуждается, если не въ пополненіи существующаго въ ней пробѣла, то, во всякомъ случаѣ, въ дополнителныхъ мѣрахъ. Французское общество не имѣетъ права почитать на лаврахъ, довольствуясь достигнутыми результатами. Оно обязано съ усиленной энергіей добиваться необходимыхъ улучшеній»...

Современная просвѣтительная задача во Франціи заключается не въ томъ только, чтобы прійти на помощь существующей школѣ, расширить и поддержать ея дѣятельность, «она шире и сложнѣе. Она заключается въ томъ, чтобы дополнить и продолжить работу школы, сгруппировавъ вокругъ дѣтей и юношества какъ можно большее количество воспитательныхъ силъ; въ томъ, чтобы, по окончаніи обязательнаго школьнаго образованія, поддерживать это образованіе и вести его дальше».

«Къ кому же должна обратиться Франція за осуществленіемъ этой великой миссіи? Кто долженъ принять на себя сложную обязанность совершить для юношества, для молодыхъ крестьянъ и рабочихъ то, что уже сдѣлано для дѣтей цѣною столькихъ жертвъ и усилій? Совѣты и указанія въ данномъ случаѣ, какъ всегда, многочисленны и разнорѣчивы. «Задача эта должна принадлежать исключительно правительству»—говорятъ одни. «Въ вопросахъ, которые могутъ возникать и рѣшаться только на почвѣ свободы—говорятъ другіе—необходимо предоставить дѣйствовать частной инициативѣ и остерегаться вмѣшательства и вліянія правительственной власти». Позвольте и мнѣ высказаться съ полною ясностью и откровенностью по этому вопросу, послужившему предметомъ серьезныхъ преній на засѣданіяхъ конгреса.

«Какою идеей руководствовалось Французское правительство, принимая на себя заботу о всеобщемъ начальномъ образованіи? Оно полагало, что задача благоустроеннаго общества заключается не только въ томъ, чтобы посредствомъ хорошо организованной полиціи гарантировать своимъ членамъ физическую свободу, но также въ томъ, чтобы доставить всѣмъ составляющимъ его индивидуумамъ возможность утилизировать свои нравственныя и

умственные качества, научить ихъ понимать свои права и гражданскія обязанности и пользоваться съ возможно большею равномѣрностью всѣми доставляемыми общественнымъ строемъ преимуществами. Во имя этой идеи, во имя воплощаемыхъ ею принциповъ справедливости и единодушія, оно признало необходимымъ, какъ самое существенное пособіе для жизни, дать дѣтямъ всѣхъ своихъ гражданъ опредѣленный минимумъ образованія. Оно, сверхъ того, открыло сельскому и рабочему населенію широкій доступъ къ среднему и высшему образованію. Оно не щадило ни трудовъ, ни расходовъ для выполненія принятой на себя задачи. Но оно не должно и не можетъ расширять ее неопредѣленно. Оно не должно и не можетъ сосредоточивать въ себѣ всѣ живыя силы націи: требовать, чтобы частныя лица общества и корпораціи, округа и коммуны возложили на него исполненіе обязанностей, которыя могутъ быть ими выполняемы собственными силами.

«Отказъ со стороны правительства централизовать вновь возникающія образовательныя учрежденія имѣетъ нѣсколько весьма серьезныхъ основаній. Во первыхъ, я никого не удивлю, сказавъ, что состояніе нашихъ финансовъ не допускаетъ новыхъ широкихъ начинаній. Мы должны не только обуздывать расточительную страсть къ общественнымъ расходамъ, но умѣрять иногда даже самыя законныя желанія. Иначе мы окажемся вынужденными прибѣгнуть къ одной изъ двухъ крайностей: подорвать кредитъ Франціи, или изнурить плательщиковъ податей непосильными налогами. Но ни одна эта причина, имѣющая, при всей своей важности, все же временный характеръ, является препятствіемъ къ сосредоточенію въ рукахъ центрального правительства всѣхъ образовательныхъ силъ націи. Такое завладѣваніе этими силами вредно и само по себѣ. Подъ его давленіемъ живыя силы общества вмѣсто того, чтобы умножаться и развиваться, группируясь подъ общимъ руководствомъ и поддержкою правительства, рискуютъ порѣдѣть и ослабнуть, заставъ въ односторонности. Въ программахъ и методахъ, создаваемыхъ правительствомъ, при всевозможной ихъ широтѣ, общности и растяжимости, не можетъ заключаться ни плодотворнаго разнообразія, ни безконечнаго богатства импровизаціи, свойственныхъ живому, самопроизвольно возникающему дѣлу. Весь же секретъ успѣха всѣхъ родовъ курсовъ и образовательныхъ учреждений для народа заключается, безъ всякаго сомнѣнія, именно въ приспособляемости программъ и методовъ къ вѣчно мѣняющимся запросамъ жизни и минуты, къ проявляющимся способностямъ, къ избираемымъ профессіямъ, мѣстнымъ потребностямъ и нравамъ, къ личнымъ склонностямъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и проч., и проч.

«Пусть правительство, если нужно, стимулируетъ инициативу, поощряетъ общества и частныхъ лицъ, вознаграждаетъ устроителей курсовъ и лекцій, пусть оно субсидируетъ общины и, наконецъ, дѣйствуетъ прямо и непосредственно тамъ, гдѣ оказа-

лось невозможнымъ вызвать къ жизни добровольную дѣятельность. Но не требуйте, чтобы оно на свой исключительный страхъ и рискъ покрыло всю французскую территорію новою учебно-административною сѣтью и на свой счетъ воздвигло второй этажъ надъ созданнымъ уже имъ дорогимъ и прекраснымъ зданіемъ начального образованія.

«Я смѣло заявляю, что въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія правительство должно принимать только ограниченную долю участія... Но за то я полагаю, что эту ограниченную помощь оно обязано оказать безъ замедленій. Въ силу этого убѣжденія я обратился уже въ финансовый комитетъ съ просьбой ассигновать кредитъ на пособіе внѣшкольному образованію и получилъ на это его согласіе».

Члены конгресса раздѣлились на четыре секціи: курсы для взрослыхъ, народныя чтенія, наглядное обученіе и школьныя попечительства.

По окончаніи занятій съѣздъ провозгласилъ слѣдующія резолюціи:

Конгрессъ объявляетъ:

1) что въ принципѣ, необходимо одарить страну сѣтью вспомогательныхъ и дополнительныхъ образовательныхъ учреждений, имѣющихъ цѣлью упрочить, какъ знанія, такъ и воспитаніе молодыхъ людей въ періодъ, слѣдующій за выходомъ ихъ изъ начальной школы, до достиженія ими совершеннолѣтія, и что надлежитъ также убѣдительно разъяснить обществу важность и насущную необходимость такихъ учреждений не столько съ педагогической, сколько съ національной и общественной точки зрѣнія.

2) Что это необходимое дополнение существующаго начального школьнаго обученія и воспитанія народа не можетъ быть создано по однообразному, официальному плану, что оно, напротивъ того, требуетъ постоянныхъ усилій со стороны самой націи въ самыхъ разнообразныхъ и свободныхъ формахъ; что оно должно состоять во множествѣ мѣстныхъ учреждений, разнообразныхъ и независимыхъ другъ отъ друга, хотя и стремящихся къ одной и той же цѣли, каковы: курсы для юношества, начальные классы для безграмотныхъ, систематическіе курсы для взрослыхъ, получившихъ начальное образованіе, профессиональные курсы для приказчиковъ и рабочихъ, народныя чтенія, библиотеки, общественныя собранія, читальни и, наконецъ, различнаго рода попечительства надъ юношествомъ и дѣтьми до-школьнаго и школьнаго возрастовъ.

3) Что преемствіе внѣшкольнаго образованія зависитъ, прежде всего, отъ частной инициативы; что оно не можетъ быть ни установлено правительственнымъ закономъ, ни оплачиваемо изъ государственнаго бюджета. Безъ сомнѣнія, представляется въ высшей степени желательнымъ полученіе на это дѣло субсидій, какъ изъ государственной казны, такъ и отъ департаментовъ и общинъ; но что на такія субсидіи должно смотрѣть только какъ

на поддержку, оказываемую правительством частным лицам, учителям, профессорам и свободным ассоциациям, которым и должен принадлежать починъ въ дѣлѣ распространения внѣшкольнаго образования.

Кромѣ вышеприведенныхъ трехъ общихъ резолюцій, съѣздомъ были рассмотрѣны и окончательно формулированы постановленія по секціямъ.

Первая секція имѣла своей задачей рассмотрѣніе слѣдующихъ вопросовъ: 1) дѣйствующее законодательство въ дѣлѣ внѣшкольнаго образования и дѣйствительное и желательное участіе въ этомъ дѣлѣ правительства; 2) роль свободныхъ обществъ, имѣющихъ своей задачей распространеніе образования среди народа; 3) общедоступные курсы для взрослыхъ; 4) вспомогательныя учрежденія, необходимыя для успѣшнаго функціонированія вышеназванныхъ обществъ и публичныхъ чтеній. Резолюціи этой секціи были окончательно сформулированы такъ:

1) *По вопросу о законодательствѣ.*

I. Принимая во вниманіе, что въ мѣстностяхъ, гдѣ муниципальный совѣтъ относится неблагопріятно къ учрежденію курсовъ для взрослыхъ, можетъ встрѣтиться надобность въ поощреніи устройства подобныхъ курсовъ, конгрессъ признаетъ желательнымъ внесеніе со стороны администраціи народнаго просвѣщенія нѣкоторыхъ дополненій и измѣненій въ § 98 закона 11-го января 1895 года въ смыслѣ расширенія правъ школьнаго учителя въ вопросѣ объ учрежденіи курсовъ, при условіи состоявшагося въ этомъ вопросѣ соглашенія между нимъ и компетентными въ этомъ дѣлѣ властями.

II. Конгрессъ признаетъ желательнымъ: а) поощреніе со стороны правительства учрежденія обществъ, имѣющихъ своей задачей распространеніе просвѣщенія среди народа и б) возможно большаго упрощенія формальностей въ утвержденіи уставовъ подобныхъ обществъ.

2) *О роли частныхъ учебно-воспитательныхъ обществъ.*

I. Желательно, чтобы въ каждомъ районѣ всѣ доброжелательные люди признали себя обязанными группироваться въ общества или комитеты, имѣющіе своей задачей организацію, поощреніе и субсидированіе всякаго рода начинаній, способствующихъ распространенію внѣшкольнаго образования среди народа, какъ-то: курсы для взрослыхъ, народныхъ чтеній, школьныхъ попечительствъ, библиотекъ и т. п. дополнительныхъ учрежденій.

II. Желательно, чтобы существующія ассоціаціи, имѣющія своей цѣлью распространеніе народнаго просвѣщенія, усилили и расширили свою дѣятельность во всѣхъ направленіяхъ и чтобы тѣмъ изъ нихъ, которыя стремятся путемъ командированія де-

легатовъ, лекторовъ и т. п. вызвать къ жизни подобныя же учрежденія въ другихъ департаментахъ, были дарованы на этотъ предметъ особыя средства.

III. Желательно поручить частнымъ учебно-воспитательнымъ обществамъ организацію, хотя бы въ большихъ центрахъ, курсовъ, отвѣчающихъ потребностямъ населенія и назначеніе такимъ обществамъ субсидій отъ правительства въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ усиліямъ.

IV. Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы одинъ или нѣсколько представителей отъ частныхъ учебно-воспитательныхъ обществъ были призваны къ участию въ высшемъ совѣтѣ по народному просвѣщенію *).

3) *О публичныхъ общедоступныхъ курсахъ для взрослыхъ.*

а) *Цѣль ихъ и программа.*—Курсы для взрослыхъ имѣютъ тройную цѣль: 1) нравственное и гражданское воспитаніе; 2) общее образованіе и 3) профессиональное обученіе.

а) *Устроители курсовъ* должны пользоваться свободой, какъ въ выборѣ предметовъ, такъ и въ установленіи программъ курсовъ, которые, по ихъ мнѣнію, наиболѣе отвѣчаютъ мѣстнымъ потребностямъ и запросамъ аудиторіи.

б) *Различныя виды курсовъ.* Курсы для взрослыхъ могутъ имѣть характеръ курсовъ: 1) подготовительныхъ, 2) дополнительныхъ, 3) техническихъ и профессиональныхъ, 4) высшихъ, 5) специальныхъ для военныхъ и 6) классовъ для ремесленныхъ учениковъ.

в) *Награды.* Для поощренія учащихся признано полезнымъ учредить ежегодныя награды, выдаваемыя изъ средствъ частныхъ лицъ, общинъ, департаментовъ и правительства.

г) *Средства на покрытие расходовъ по содержанію курсовъ* могутъ образовываться: 1) изъ платы за посѣщеніе лекцій, устанавливаемой по соглашенію между слушателями и устроителями курсовъ; 2) изъ добровольныхъ пожертвованій друзей образованія или учреждений и синдикатовъ (промышленныхъ, коммерческихъ и т. п.), интересующихся распространеніемъ курсовъ; 3) изъ субсидій отъ общинъ и департаментовъ и 4) субсидій отъ правительства.

4) *О вспомогательныхъ учрежденіяхъ.* а) *Общественныя бібліотеки.* Какъ средство для обогащенія и распространенія школьныхъ и другихъ общедоступныхъ частныхъ бібліотекъ, конгрессъ рекомендуетъ прибѣгнуть къ устройству бібліотечныхъ кассъ и добровольнымъ пожертвованіямъ, а также признаетъ полезнымъ:

*) Высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія собирается подъ предѣтельствомъ министра. Члены его состоятъ изъ представителей государственныхъ образовательныхъ учреждений всѣхъ трехъ ступеней общаго и профессиональнаго образованія. На обязанности совѣта лежитъ предварительное разсмотрѣніе законопроектовъ и всѣхъ вообще вопросовъ, касающихся образованія.

обмѣнъ книгъ между ближайшими бібліотеками, пересылку книгъ, предоставленіе по воскреснымъ днямъ школьныхъ и муниципальныхъ залъ въ пользованіе читателей.

Вторая секція.—Народная чтенія.

1) Чтенія должны быть общедоступны, а ихъ организація предоставлена преимущественно частной инициативѣ.

2) Чтеніе лекцій и всякое иное содѣйствіе обществамъ, занимающимся внѣ-школьнымъ образованіемъ, должно быть поощряемо Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

3) Вознагражденіе преподавателямъ и лекторамъ за чтеніе лекцій должно производиться изъ средствъ общинъ или синдикатовъ.

Третья секція.—Налажное обученіе.

1) Принимая во вниманіе, что туманныя картины являются весьма полезнымъ пособіемъ при занятіяхъ, почти всѣми, какъ общими, такъ и профессиональными предметами на всѣхъ ступеняхъ обученія, конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы частныя общества и ихъ дѣятели по народному образованію, какъ можно чаще, прибѣгали къ этому пособію.

2) Конгрессъ обращается къ частнымъ лицамъ, писателямъ и издателямъ съ просьбой составить для народныхъ чтеній рядъ конспектовъ для лекцій по космографіи, физикѣ, метеорологіи, химіи, технологіи, анатоміи и физиологіи, гигиенѣ, зоологіи, ботаникѣ, земледѣлю, геологіи, географіи, исторіи, исторіи искусствъ, нравственнымъ наукамъ и законовѣдѣнію. При каждомъ конспектѣ долженъ находиться: 1) списокъ немногочисленныхъ и элементарныхъ источниковъ, могущихъ быть полезными для составленія лекціи; 2) списокъ картинъ для волшебнаго фонаря, относящихся къ предмету лекціи.

3) Конгрессъ обращается за содѣйствіемъ къ издателямъ, обществамъ фотографовъ, ученымъ и другимъ обществамъ и къ частнымъ лицамъ, для собранія какъ можно большаго числа иллюстрацій и видовъ: монументовъ, заводовъ, различнаго рода производствъ и т. п.

4) Конгрессъ считаетъ полезнымъ имѣть въ собраніяхъ иллюстрацій особыя серіи для материнскихъ школъ и младшихъ отдѣленій начальныхъ школъ.

5) Конгрессъ обращается къ Министерству Народнаго Просвѣщенія съ просьбой—всѣми зависящими отъ него способами содѣйствовать составленію картинъ для облегченія изученія исторіи и географіи.

6) Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы особое вниманіе было обращено на коллекціи, предназначенныя служить пособіемъ для нравственнаго и гражданскаго воспитанія и для изученія исторіи

искусствъ, и чтобы модели для этихъ коллекцій избирались изъ хранящихся какъ въ публичныхъ музеяхъ, такъ и въ частныхъ собраніяхъ лучшихъ художественныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ.

7) При изученіи естественныхъ наукъ, требующемъ непосредственнаго наблюденія разсматриваемыхъ предметовъ, за отсутствіемъ этихъ предметовъ, должны быть употребляемы стѣнные картины и изображенія при помощи волшебнаго фонаря. Для этой же цѣли настойчиво рекомендуется учрежденіе школьныхъ музеевъ.

8) Конгрессъ выражаетъ желаніе, а) чтобы вездѣ, гдѣ встрѣтится возможность, были созданы научные, промышленные и торговые музеи и б) чтобы ученики народныхъ школъ и всякаго рода классовъ и курсовъ посѣщали, въ сопровожденіи своихъ преподавателей, учрежденія научныя, художественныя, промышленныя, агрономическія, коммерческія и т. п., а также знакомились наглядно и непосредственно съ историческими памятниками.

9) Желательно, чтобы практическое руководство къ обращенію съ волшебнымъ фонаремъ было печатаемо по мѣрѣ надобности въ официальномъ бюллетенѣ министерства народнаго просвѣщенія и перепечатываемо во всѣхъ департаментскихъ бюллетеняхъ.

10) Приборы для волшебнаго фонаря и иллюстрацій, приобретаемые на средства правительства, должны храниться въ педагогическомъ музеѣ или отдаваться въ пользованіе обществъ, занимающихся распространеніемъ образованія среди народа.

11) Желательно, чтобы министерство народнаго просвѣщенія вошло въ сношенія съ другими правительственными учрежденіями для полученія клише и другихъ предметовъ и документовъ, могущихъ способствовать составленію фотографическихъ снимковъ и наглядныхъ изображеній.

Четвертая секція—Школьныя Попечительства.

1) Школьныя попечительства представляютъ собой совокупность учрежденій и предпріятій частной инициативы, направленныхъ къ охраненію дѣтей и юношей и къ заботѣ о ихъ физическомъ, нравственномъ и умственномъ развитіи до школы, въ школьные годы и послѣ ея окончанія.

Школьныя попечительства должны функционировать всѣми способами, какіе только будутъ признаны ими цѣлесообразными.

2) Развитію попечительствъ могутъ способствовать школьныя кассы и иныя частныя учрежденія. Значительнымъ облегченіемъ въ дѣлѣ учрежденія коммунальныхъ школьныхъ кассъ можетъ служить устройство кантональныхъ кассъ. Секція выражаетъ желаніе, чтобы вопросъ о кантональныхъ кассахъ былъ основательно изученъ и задача школьныхъ кассъ разъяснена какъ можно шире.

3) Попечительства, имѣющія своей цѣлью заботу, преимущественно, о дѣтяхъ, окончившихъ начальную школу, должны, главнымъ образомъ, стремиться къ созданію всякаго рода учрежденій, имѣющихъ задачей сближеніе между юношествомъ и лицами, интересующимися ихъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ.

4) Для успѣшности своей задачи, попечительства должны заботиться о помѣщеніи юношей и дѣвушекъ на мѣста и слѣдить за ихъ дѣятельностью.

5) Попечительства обязаны также заботиться о развитіи въ своихъ питомцахъ бережливости, предусмотрительности и привычки къ взаимопомощи. Для этой цѣли особенно рекомендуются школьныя ассоціаціи взаимопомощи.

Конгрессъ «Лиги образованія» въ Бордо прошелъ также съ большимъ блескомъ и оживленіемъ, хотя программа его и была нѣсколько уже Гаврской. Въ ней, кромѣ разсматривавшагося въ Гаврѣ (четвертая секція) общаго вопроса о попечительствѣ надъ французской молодежью въ школахъ и внѣ ея, были намѣчены еще слѣдующіе вопросы; 1) реорганизація курсовъ для взрослыхъ, 2) обученіе женщинъ домашней экономіи и хозяйству, 3) мѣры къ болѣе исправному посѣщенію школъ согласно закону объ обязательности обученія и 4) физическое воспитаніе молодежи.

По характеру предложенныхъ на разсмотрѣніе съѣзда вопросовъ, по смыслу вотированныхъ имъ резолюцій, конгрессъ въ Бордо, въ сущности, составлялъ продолженіе Гаврскаго съѣзда и потому, имѣя нашей задачей ознакомленіе читателей «Образованія» съ общимъ характеромъ и направленіемъ возникшаго во Франціи общественно-педагогическаго движенія, мы воздерживаемся отъ перечня его постановленій, отмѣчая только еще разъ, что члены того и другого конгресса, говоря словами Пуанкаре, «ни на минуту не забывали той истины, что обширное и сложное дѣло, служи вшее предметомъ ихъ разсмотрѣнія, будетъ поставлено шатко и непрочо, если въ основу его не будетъ положена свобода частной инициативы».

Заклучимъ нашъ общій краткій очеркъ трудовъ обоихъ французскихъ конгрессовъ словами другого изъ бывшихъ французскихъ министровъ народнаго просвѣщенія, Леона Буржуа, сказанными имъ на Бордоскомъ Съѣздѣ, гдѣ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ: «чтобы выполнить задачу воспитателя, надо имѣть одно существенное качество, необходимое и достаточное—*умнье отдавать себя этому дѣлу*, а для этого не можетъ быть предписано ни правилъ, ни законовъ! Мы отдаемъ себя только тогда, когда желаемъ этого, и только тогда отдаемъ всецѣло, когда никто намъ этого не приказываетъ».

Е. Страннолюбская.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Ф. Кейера.

ВВЕДЕНІЕ

Этологія и Стюартъ Милль.—Аналитическое обозрѣніе главныхъ классификацій темперамента и характера.

Стюартъ Милль, требуя созданія науки о характерѣ, писалъ въ 1843 г.: «Я предложилъ бы назвать *этологіей*, словомъ, происходящимъ отъ греческаго *ἦθος*, и болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствующимъ термину «характеръ», науку, которая опредѣляла бы родъ характера, образуемаго, сообразно общимъ законамъ ума, какимъ либо рядомъ физическихъ и моральныхъ обстоятельствъ... Эту науку надо еще создать, но создать ее стало наконецъ дѣломъ возможнымъ. Если оставить въ сторонѣ неизвѣстность, которая господствуетъ еще относительно того, насколько велики природныя различія индивидуальныхъ умовъ, и каковы физическія обстоятельства, отъ которыхъ они могутъ зависѣть (соображенія второстепенной важности, когда разсматриваютъ человѣчскій родъ въ его цѣломъ), то, я думаю, компетентные люди не откажутся признать, что въ настоящее время общіе законы составныхъ элементовъ человѣческой природы уже достаточно уяснены, чтобы на основаніи ихъ можно было вывести, какой частный типъ характера можетъ быть произведенъ въ человѣческомъ родѣ даннымъ рядомъ обстоятельствъ. Итакъ, научная этологія, имѣющая своимъ основаніемъ психологическіе законы, возможна, хотя для созданія ея сдѣлано еще весьма мало, да и это малое сдѣлано не систематически... Предметомъ изслѣдованія является происхожденіе и источникъ этихъ человѣческихъ качествъ, интересныхъ для насъ, поскольку они являются фактами, которые можно произвести, устранить или просто понять, а цѣль этой науки—опредѣлить на основаніи общихъ законовъ ума, принимая въ соображеніе общее положеніе нашего вида въ мірѣ, какія дѣйствительныя или возможныя комбинаціи обстоятельствъ могутъ способствовать или воспрепятствовать появленію этихъ качествъ».

Имѣя большую цѣнность съ точки зрѣнія умозрительной, эта наука въ то же время несомнѣнно представляетъ и большой практической интересъ. И Стюартъ Милль прибавляетъ: «когда этологія будетъ такимъ образомъ разработана, тогда воспитаніе сведется къ простому преобразованію ея принциповъ въ параллельную систему правилъ и къ приспособленію этихъ правилъ ко всѣмъ вообще индивидуальнымъ обстоятельствамъ, имѣющимъ мѣсто въ каждомъ частномъ случаѣ». Такимъ образомъ «этологія является наукой, которая соответствуетъ искусству воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; она охватываетъ образованіе характеровъ національныхъ или коллективныхъ точно такъ же, какъ и характеровъ индивидуальныхъ. Правда, напрасно было бы ожидать (какъ бы полно ни были познаны законы образованія характера), чтобы мы могли когда либо настолько точно знать обстоятельства какого нибудь даннаго случая, чтобы быть въ состояніи предсказать съ достовѣрностью, какой долженъ сложиться характеръ въ этомъ данномъ случаѣ. Но не надо забывать, что извѣстная степень знанія, еще слишкомъ недостаточная для дѣйствительнаго предсказанія, часто имѣетъ большую практическую цѣнность. Можно имѣть большое вліяніе на явленія при весьма несовершенномъ знаніи причинъ, опредѣляющихъ ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Достаточно знать, что извѣстныя причины имѣютъ *стремленіе* породить данное дѣйствіе, а другія—стремленіе его уничтожать. Когда обстоятельства какого нибудь индивидуума или націи подчинены въ значительной степени нашему контролю, то знаніе стремленій часто даетъ намъ возможность давать этимъ обстоятельствамъ болѣе благоприятное для нашихъ намѣреній направленіе, чѣмъ то, которое они приняли бы сами по себѣ. Здѣсь предѣлъ нашей власти, но въ границахъ этого предѣла она весьма значительна» *).

Прежде всего можетъ показаться страннымъ, что такая полезная наука оставалась непризнанной или заброшенной до настоящаго времени. Но если мы вникнемъ въ смыслъ только что приведенной нами страницы, то легко усмотримъ причину такого запозданія. Вѣдь этологія есть не что иное, какъ слѣдствіе психологіи, науки весьма недавняго происхожденія, задача которой опредѣлить законы психической организаціи. Поэтому рациональное изученіе характера можетъ оказаться плодотворнымъ только тогда, когда этотъ анализъ челоѣческаго духа будетъ уже законченъ или по крайней мѣрѣ широко разработанъ, такъ какъ само это изученіе ведется посредствомъ послѣдовательнаго синтеза и имѣетъ цѣлью согласовать общіе, разъ установленные, законы съ частными обстоятельствами, порождающими индивидуальные характеры.

Итакъ, существованіе психологіи было необходимымъ для того, чтобы была возможна этологія.

*) *Система логики*, т. II, кн. VI, гл. V.

Впрочемъ, различный способъ дѣйствія людей при сходныхъ обстоятельствахъ не остался незамѣченнымъ еще въ давно прошедшемъ времени и не преминулъ дать мѣсто болѣе или менѣе систематическимъ толкованіямъ. Такъ, за недостаткомъ психологическихъ законовъ, физиологи приписывали различіе дѣйствій и противодѣйствій каждаго преобладанію той или другой органической стороны, и установили классификацію *темпераментовъ*, которая, съ болѣшими или меньшими измѣненіями, продержалась до нашего времени, тѣмъ болѣе что она давала психологамъ предварительную классификацію характеровъ, такъ какъ описывая физическія черты, свойственныя различнымъ организаціямъ, она въ то же время отмѣчала присущее имъ вліяніе на психическую жизнь и поведеніе.

Греческіе врачи Гиппократъ и Галенъ полагали, что въ человѣческомъ тѣлѣ находятся четыре первоначальныя жидкости: *кровь, желчь, лимфа и черная желчь*, которыя, смѣшиваясь различнымъ образомъ, составляютъ всѣ другія и, въ зависимости отъ преобладанія каждой изъ нихъ, образуютъ столько же темпераментовъ. Отсюда произошла древняя классификація, устанавливающая слѣдующіе темпераменты: *сангвиническій*, характеризующійся психически, *) любовью къ движенію и упражненію, живостью и одушевленіемъ, умомъ легкимъ, измѣнчивымъ, поверхностнымъ и сговорчивымъ;—*желчный* или холерическій, отличающійся упорствомъ, честолюбіемъ и любовью къ труду;—*лимфатическій* или флегматическій, который узнается по медленности въ движеніяхъ, степенности, мягкости, нерѣшительности, по недостатку живости въ ощущеніяхъ, по неспособности къ трудной работѣ; наконецъ—*меланхолическій*, знаменующійся тревожнымъ духомъ, печалью, уныніемъ, отвращеніемъ къ жизни, замкнутостью и склонностью къ самоанализу.

Когда на сцену явилась анатомія и установила первенство нервной системы въ физической организаціи человѣка—первенство, оставшееся съ тѣхъ поръ за ней, когда было признано, что черная желчь не существуетъ, то этотъ традиціонный списокъ подвергся нѣкоторымъ добавленіямъ и измѣненіямъ. Кабанисъ увеличилъ его, прибавивъ темпераментъ *нервный* (гибкость и ловкость въ движеніяхъ, способность къ продолжительному физическому труду и ко всякимъ физическимъ упражненіямъ, живое воображеніе, пылкія страсти) и темпераментъ *мышечный* (физическая сила, притупленная чувствительность, мало развитыя умственныя способности и нравственныя качества). Фоссати (Fossati) ограничилъ перечень темпераментами: нервнымъ, сангвиническимъ, желч-

*) Относительно описанія физическихъ характеровъ,—впрочемъ болѣе или менѣе различныхъ, смотря по авторамъ—можно указать на трудъ Cabanis'a *Rapports du physique et du moral*;—*Maladies du caractère*, Bourdet,—гл. *Temperament*, Fourcault въ *Dictionnaire de la Conversation*; и особенно на обстоятельный очеркъ Alf Fouillée *Le tempérament physique et moral, d'après la biologie contemporaine* (*Revue des Deux Mondes*, 15 іюля 1893 г.).

нимъ и лимфатическимъ, которые, впрочемъ, встрѣчаясь всегда въ смѣшанномъ видѣ и неравномерно скомбинированные, образуютъ еще слѣдующіе сложные темпераменты: нервно-желчный, нервно-сангвиническій, нервно-лимфатическій и т. д. Затѣмъ докторъ Фурко (Fourcault) свелъ все къ тремъ типамъ, въ зависимости отъ преобладанія системъ нервной, кровеносной и мышечной, которыя, комбинируясь различнымъ образомъ, порождаютъ семь новыхъ типовъ: жировой, фиброзный, мышечный, гастролимфическій или тощей, гастропатическій или меланхолическій, эротическій.

Первоначальное дѣленіе темпераментовъ на сангвиническій, меланхолическій, флегматическій и желчный было вновь принято нѣмцами: Мюллеръ объявляетъ его «превосходнымъ» *), впрочемъ подъ условіемъ видѣть въ этомъ дѣленіи не столько теорію физиологическую, сколько психологическую, классификацію четырехъ главныхъ типовъ нрава и характера, встрѣчающихся между людьми. Дѣйствительно, онъ полагаетъ, что эти типы суть различныя формы того, какъ распредѣляется, смотря по индивидууму, способность чувствовать удовольствіе и страданіе. Кантъ принимаетъ это же дѣленіе **), а также и Лотце; послѣдній, ради большей точности, ограничивается замѣной слова «меланхолическій» словомъ «сантиментальный» ***). Наконецъ и Вундтъ старался оправдать эту классификацію, указывая, что если разсматривать въ каждомъ человѣкѣ природу противоположныхъ душевныхъ движеній, то можно различать двѣ реакціи: одна имѣетъ отношеніе къ силѣ или *энергіи* этихъ движеній, а другая къ *быстротѣ ихъ смѣны*. Желчный и меланхоликъ склонны къ эмоціямъ сильнымъ, а лимфатикъ и сангвиникъ—къ эмоціямъ слабымъ. Сангвиникъ и желчный расположены къ измѣнчивости или быстрой смѣнѣ; меланхоликъ и лимфатикъ къ медленному измѣненію. Въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ этими двумя главными реакціями находятся и другія особенности темпераментовъ; такъ, темпераменты сильные, именно желчныя и меланхолики предаются предпочтительно, какъ показываетъ повседневный опытъ, тягостнымъ душевнымъ эмоціямъ; слабыя же, повидимому, болѣе склонны принимать жизнь съ ея хорошей стороны; далѣе, оба быстрые темперамента, желчный и сангвиническій, отдаваясь предпочтительно впечатлѣніямъ минуты, являются тѣмъ самымъ болѣе способными возбуждаться къ дѣйствию каждымъ новымъ представленіемъ; напротивъ того, оба медлительные темперамента, не будучи въ зависимости отъ перваго случайнаго чувствованія и оставаясь скорѣе замкнутыми въ себѣ, заняты больше всего будущимъ; — наконецъ, лим-

*) *Physiologie*, т. II.

**) *Anthropologie*, стр. 215.

***) Дѣйствительно, врачи обозначаютъ именемъ «меланхолія» болѣзнь характера, которую мы рассмотримъ далѣе на ея первой степени развитія. Теперь они сами во избѣжаніе смѣшенія употребляютъ по преимуществу слово «липеманія».—См. главу *Lypémanie* доктора Calmeil'a въ *Dict. encycl. des sciences médicales*.

фатическій и желчный, это темпераменты дѣятельности, которые противопоставляются темпераментамъ чувствованія, т. е. меланхолику и сангвинику *).

Какъ бы то ни было, но главный недостатокъ этого ученія о четырехъ темпераментахъ, примѣннаго къ психологiи, состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ обще и лишено точности, хотя нѣкоторые психологи и признають существованіе смѣшанныхъ темпераментовъ; оно слишкомъ далеко отъ дѣйствительности, а потому не даетъ возможности различать и классифицировать многочисленныя индивидуальныя разновидности. Тѣмъ не менѣе оно содержитъ въ себѣ долю истины, къ чему мы еще вернемся впоследствии.

Таково было положеніе вопроса, когда Стюартъ Милль опредѣлилъ съ точностью предметъ и возможность науки собственно о характерѣ, и написалъ въ своей *Логикѣ* ту главу, выдержки изъ которой мы приводили.

Въ отвѣтъ на это воззваніе Бэнъ въ 1861 году издалъ книгу подъ названіемъ «Study of character». Съ точки зрѣнія строго психологической онъ различаетъ три основныхъ типа: *интеллектуальный*, *эмоціональный* и *волевой* или энергическій.—Во Франціи еще въ 1858 году докторъ Евгенийъ Бурде въ своемъ трудѣ**), содержащемъ весьма основательныя замѣчанія, набросалъ классификацію характеровъ, не выдерживающую, впрочемъ, строгой критики, такъ какъ она не даетъ описанія отдѣльныхъ характеровъ, а скорѣе поречисляетъ качества, которыя могутъ встрѣчаться при всевозможныхъ формахъ характера. По его мнѣнію, мы можемъ наблюдать тридцать шесть характеровъ, происходящихъ изъ двѣнадцати первоначальныхъ качествъ (храбрость, щедрость, величіе, великодушіе и т. д.) и изъ преувеличенія или неимѣнія ихъ (дерзость и страхъ, расточительность и скупость, чванство и мелочность, надменность и низость и т. д.). Что же касается до общихъ, зависящихъ отъ тѣлосложенія, свойствъ, которыя порождаютъ болѣзненное состояніе характера, то онъ насчитываетъ ихъ три: ипохондрія, меланхолія и неврозъ.

Въ 1887 году другой врачъ, профессоръ Азамъ, возвратился къ тому же предмету ***) и поставилъ себѣ задачей опредѣлить основныя черты характера у животныхъ, именно у лошади и собаки, затѣмъ у націй, наконецъ у отдѣльныхъ индивидуумовъ въ здоровомъ или болѣзненномъ состояніи. Въ состояніи здоровья характеры, по его мнѣнію, должны быть подраздѣлены на три категоріи: характеры *хорошіе*, примѣрами которыхъ являются люди

*) См. Вундтъ, Основанія физиологической психологiи. т. II. Чтобы кончить съ ученіемъ о четырехъ темпераментахъ припомнимъ, что Henle (*Anthropologische Vorträge*, 1877), пытался объяснить ихъ различными степенями дѣятельности или *tonus*'ами чувствительныхъ и двигательныхъ нервовъ.

**) *Des maladies du caractère.*

***) *Le caractère dans la santé et dans la maladie.* Это произведеніе было затѣмъ перепечатано съ различными примѣчаніями самого авт. (а подъ заглавіемъ: „*Hypnotisme et double conscience*“.

веселые, кроткіе, привѣтливые, спокойные, умѣренные, стоворчивые, благородные, скромные, живые, искренніе, общительные, осторожные, щедрые, великодушные, твердые, преданные и т. д.; характеры *дурные*, примѣромъ которыхъ служатъ люди завистливые, ревнивые, скрытные, любопытные, лицемерные, лстивые, себялюбивые, обидчивые, насмѣшливые, сварливые, недоверчивые, утрюмые, вспыльчивые, грубые, упрямые, мстительные, наглые, расточительные, безпокойные, боязливые, капризные, хвастливые, рисующіеся, надменные, легкомысленные, безпечные, нерадивые, недоброжелательные, брюзгливые; наконецъ, характеры, которые *хороши или дурны, смотря по обстоятельствамъ*, напримѣръ, люди апатичные, хладнокровные, замкнутые, разбѣянные, неуступчивые, отважные, рѣшительные, застѣнчивые, независимые, своенравные и т. д. Словомъ, получается болѣе чѣмъ сто двадцать формъ характера. Очевидно, что, не смотря на богатство анализа, необходимо сильно сократить ихъ число. Азамъ заканчиваетъ свою книгу описаніемъ тѣхъ видоизмѣненій, которымъ подвергается характеръ при болѣзняхъ хроническихъ и нервныхъ, при общемъ параличѣ, при раздвоеніи личности, при эпилепсіи и т. д.; и эта часть его труда не безынтересна.

Съ тѣхъ поръ были предложены четыре новыя классификаціи характеровъ, отличающіяся болѣе систематичностью и имѣющія большую научную цѣнность, чѣмъ предыдущія; одна изъ нихъ принадлежитъ Пере, другая—Рибо, третья—Шолану и самая новая—Фуллье.

Пере *) (Pérez) кладетъ въ основу своей общей классификаціи характеровъ главные типы моторныхъ проявленій. Онъ рассматриваетъ движенія какъ выраженіе внутренней личности и въ то же время какъ элементы и факторы простыхъ или сложныхъ явленій нравственнаго лица, и открываетъ въ рядѣ моторныхъ обнаруженій нѣсколько общихъ формъ, представляющихъ извѣстное число формъ характера. Быстрота движеній опредѣляетъ первый типъ характера, типъ *живыхъ* (les vifs); противоположное качество—*медленныхъ* (les lents); сильно выраженная энергія—*пылкихъ*; та же энергія, но въ соединеніи съ живостью, причемъ эта послѣдняя преобладаетъ, представляетъ типъ переходный—*живые-пылкіе* (les vifs-ardents); въ соединеніи съ медлительностью—типъ *медлительныхъ-пылкихъ* (les lents-ardents). Къ этимъ пяти классамъ надо прибавить еще типъ *уравновѣшенныхъ* (les pondérés ou les équilibrés); это темпераментъ золотой середины, счастливой гармоніи, въ которомъ ни живость, ни медлительность, ни пылкость не имѣютъ явнаго преобладанія. Изъ этихъ нервно-моторныхъ качествъ, образующихъ только что перечисленные шесть типовъ, Пере полагаетъ возможнымъ выводить индивидуальныя характеры, какъ ихъ разновидности и комбинаціи. Онъ допускаетъ и даже считаетъ несомнѣннымъ, что могутъ встрѣчаться проти-

*) *Le caractère de l'enfant à l'homme*, 1891.

воположности, когда въ одномъ индивидуумѣ соединяются съ одной стороны, живое воображеніе, быстрое пониманіе и рѣшеніе, и медлительность движеній—съ другой; или соединеніе медлительности въ рѣчи, вялаго воображенія, разсудительнаго ума съ живостью движеній; но онъ думаетъ, что такія соединенія бывають весьма рѣдко; такъ какъ, «что бы тамъ ни говорили о склонности природы къ разнообразію, но она не въ такой степени любитъ различное и противорѣчивое. Къ тому же эти противоположности, кажущіяся или частныя, указываютъ только на то, что въ моторныхъ качествахъ, опредѣляющихъ характеръ, существуютъ различные переходы» *). Чтобы узнать эти различія, достаточно изучить второстепенные типы живости, медлительности и пылости; дѣйствительно, «это только оттѣнки и ничего болѣе». Для каждаго изъ этихъ шести классовъ характера Пере дѣлаетъ бѣглый очеркъ главныхъ видоизмѣненій нравственной личности, разсматриваемой въ самыхъ существенныхъ чертахъ со стороны чувствительности, ума и воли. Каждый изъ этихъ очерковъ сопровождается двумя остроумно написанными портретами, которые являются ихъ естественнымъ подтвержденіемъ.

Вѣроятно уже было замѣчено, что эта классификація сдѣлана съ объективной точки зрѣнія **), такъ какъ человекъ разсматривается въ ней извнѣ, и что вся она, такъ сказать, на одномъ уровнѣ, въ одной плоскости. Классификація же, предложенная

*) Стр. 23.

**) Поэтому ее слѣдуетъ сблизить съ трудами физиогномистовъ; таковы: *L'art de connaître les hommes par la physionomie*, Lavater'a; *La Physiognomie*, Delestr'a;—съ работами графологовъ, какъ *Système de graphologie*, аббата Michon; *L'écriture et le caractère* Crépieux-Jamin'a; наконецъ тѣхъ авторовъ, которые занимались изученіемъ проявленій эмоцій, какъ Дарвинъ (*Выраженіе ощущеній у человека и животныхъ*), Piderit (*La mimique et la physiognomie*), Мантегацца (*Физиономія и выраженіе чувствъ*) и т. д.

Лафатеръ, творецъ *физиономики*, учитъ распознавать людей по ихъ физиономіи и изъ анализа чертъ лица почерпаетъ свѣдѣнія о характерахъ. У такого-то человека лицо открытое, чистосердечное, у другого угрюмое; этотъ имѣетъ видъ сощрацательный, тотъ—чувственный или рѣшительный. Болѣе того, нѣкоторые люди имѣють поразительное сходство съ нѣкоторыми типами животныхъ: такъ, они напоминають, напримѣръ, льва, кошку, медвѣдя, барана, лисицу или хищную птицу; этому физическому сходству соответствуетъ и сходство психологическое... Голова Конде хорошо известна: чрезычръный носъ; большіе глаза, которые могли быть прекрасными, если бы не были на выкатѣ; отсутствіе щекъ—какъ бы два склеенныхъ профиля; гадкій ротъ, приподнятый косыми зубами; въ итогъ—носъ, два глаза и ничего болѣе... Это собственно голова орла, какъ голова Мирабо представляетъ изъ себя голову льва, голова Робеспьера—голову лисицы и голова Людовика XVI—голову барана (J. Lemaître, *Les contemporains*, 3-е série. p. 196—197). Въ послѣднее время итальянскій философъ Ломброзо попытался опредѣлить физическій типъ преступника болѣе точно: покатыя, узкія, морщинистыя лобъ, выступающія надбровныя дуги, очень большія глазныя впадины, крѣпкія и выдающіяся челюсти, большія торчащія уши, взглядъ пристальный и тусклый у убійцы, безпокойный и скрытный у вора и т. д. таковы должны быть отличительныя черты преступника. Но, признавая за этими взглядами долю истины, поостережемся придавать имъ научную цѣн-

Рибо *), сдѣлана съ субъективной точки зрѣнія и представляет нѣсколько ступеней. Этотъ психологъ прежде всего исключаетъ *аморфныхъ* или безформенныхъ (а ихъ легионъ), такъ какъ они, являясь характерами приобрѣтенными, не имѣютъ своей собственной формы, настоящей индивидуальности, и *неустойчивыхъ* (*instables*), представляющихъ остатки и отбросы цивилизации; затѣмъ онъ устанавливаетъ классификацію, которая проходитъ четыре ступени, отличающіяся другъ отъ друга возрастающей опредѣленностью и убывающей сложностью. «На первой ступени самыя общія условія, простыя, почти пустыя, рамки, не соотвѣтствующія никакой конкретной дѣйствительности и аналогичныя *родамъ* въ зоологіи и ботаникѣ. На второй ступени (аналогичной *видамъ*) основныя типы характера, *чистыя* формы, но уже на этотъ разъ реальныя и, слѣдовательно, провѣренныя и доказанныя наблюдениемъ. На третьей ступени формы *смѣшанныя* или *сложныя*, аналогичныя разновидностямъ, но менѣе отчетливо обрисованныя, нежели предыдущія. На четвертой ступени замѣстители или эквиваленты характера (ихъ можно также назвать характерами *частичными*), которые все болѣе и болѣе удаляются отъ чистаго типа, но замѣняютъ собою характеръ у множества лицъ».

Психическая жизнь, разсматриваемая въ ея самомъ общемъ видѣ, сводится къ двумъ основнымъ проявленіямъ: чувствованію и дѣйствию; отсюда получаются два главныхъ подраздѣленія первой ступени: характеры *сенситивные* или *чувствительные*, отличающіеся исключительнымъ преобладаніемъ чувствительности и *активные* или *дѣятельные*, характеризующіеся непрерывно возрождающимся природнымъ стремленіемъ къ дѣятельности. Наряду съ этими двумя положительными классами надо установить еще третій, хотя и отрицательный, но тѣмъ не менѣе весьма реальный; это классъ *апатичныхъ*, существеннымъ признакомъ кото-

ность. Лучше припомнимъ слова нашего великаго баснописца: *Никогда не надо судить по наружности*. Какъ часто, на примѣръ, случается, что у дѣтей, по виду заурядныхъ и грубыхъ, мы открываемъ самыя положительныя качества ума и сердца, тогда какъ другія съ оживленной фізіономіей и интеллигентнымъ взглядомъ оказываются въ дѣйствительности весьма плохо одаренными.

Еще болѣе сомнительна *графологія*, имѣющая притязанія научить насъ распознавать характеръ по почерку. Можетъ быть и есть извѣстное соотнесеніе между умственными привычками человѣка и его письмомъ, какъ между его характеромъ и жестами. Допустимъ это! Но должны ли мы на основаніи этого принимать безъ оговорокъ, что тотъ, кто правильно представляетъ строчки и буквы, имѣетъ характеръ ровный, а тотъ, у кого они наклонны, характеръ чувствительный; что у того, кто расчеркивается слѣва направо, движеніе центростремительное, — характеръ себялюбивый; кто сильно нажимаетъ на штрихахъ — характеръ энергичный, и кто мягко перчеркиваетъ букву t — характеръ слабый.

*) Въ его курсѣ, читанномъ въ Collège de France и въ вышедшемъ затѣмъ очеркѣ *Sur les diverses formes du caractère, Revue philosophique*, ноябрь, 1892 (въ рускомъ переводѣ В. В. Пушкаревой *О различныхъ формахъ характера*, Образование. январь, 1893; есть и отдѣльное изданіе: *Различныя формы характера*, пер. Стефановскаго. Харьковъ, 1894).

рыхъ является *инертность*. Когда мы отъ этихъ родовъ перейдемъ къ видамъ, то увидимъ, что на сцену выступаетъ новый факторъ — умственные способности. Эти послѣднія, вліяя *косвеннымъ путемъ* на индивидуальную организацію, образуютъ въ первомъ родѣ — чувствительныхъ — три вида: 1) типъ *смиранныхъ* (чрезмѣрная чувствительность, посредственный умъ, полное отсутствіе энергіи); 2) *созерцательныхъ* (живая чувствительность острый проникательный умъ, полное отсутствіе дѣятельности); 3) *эмоціональныхъ* (къ крайней воспримчивости, къ утонченности ума здѣсь присоединяется дѣятельность, но это дѣятельность прерывистая, подчасъ судорожная, т. е. то бурная энергія, то внезапный упадокъ). — Второй родъ — характеры активные или дѣятельные, въ зависимости отъ того, обладаютъ ли они умомъ посредственнымъ или сильнымъ, могутъ быть подраздѣлены на два вида: на *посредственно активныхъ* и *великихъ активныхъ*. — Въ классѣ апатичныхъ въ зависимости отъ роли ума есть также два вида: 1) типъ *чисто-апатичныхъ* и 2) типъ людей разчета (*calculateurs*) или *разсудочныхъ*, характеризующихся сильнымъ, но *практическимъ* умомъ. — Переходя отъ видовъ къ разновидностямъ, Рибо предлагаетъ слѣдующія группы: 1) *чувствительно-дѣятельные*; 2) *апатично-дѣятельные*; 3) *апатично-чувствительные*; 4) *умѣренные*. Наконецъ, удаляясь все болѣе и болѣе отъ формъ простыхъ, ясныхъ, хорошо очерченныхъ, мы приходимъ къ послѣдней группѣ, къ характерамъ *частичнымъ*; формула ихъ такова: типъ *безформенный* или *аморфный плюсъ* какаѣ нибудь умственная способность или сильно выраженная чувствительная склонность.

Вотъ въ чемъ состоитъ эта классификація, самая сложность которой (хотя изъ нея и устранены всѣ патологическія и даже просто противорѣчивыя и несвязныя формы*) дѣлаетъ для насъ нагляднымъ, «насколько различны и разнородны эти способы проявленія личности, обозначаемыя собирательнымъ именемъ «характеръ». Единство слова скрываетъ многообразіе случаевъ».

Но Рибо, указавъ задачу, которая «должна состоять въ опредѣленіи основныхъ типовъ индивидуальности по ихъ способу дѣйствовать и реагировать, источникъ котораго лежитъ въ чувствованіяхъ и волѣ» ограничился «простой попыткой классификаціи характеровъ». Полагая же захотѣлъ достигнуть цѣли, намѣченной Миллемъ. Въ своемъ, весьма цѣнномъ, трудѣ «*L'activité mentale*» онъ предложилъ теорію жизни человѣческаго духа и далъ рядъ отвлеченныхъ законовъ, примѣняющихся въ общей психологіи; въ другомъ же своемъ произведеніи**) онъ ставитъ

*) Рибо посвятилъ изученію ихъ часть своего курса въ 1895 г. Сокращенное изложеніе его лекцій по этому вопросу помѣщено въ *L'année psychologique* (2 année) de Beaunis et Binet, подъ заглавіемъ *Les caractères anormaux et morbides*. (Русскій переводъ см. ниже II отдѣлъ).

**) *Les caractères* 1894 (Русскій переводъ «*Психологія характера*» Спб. 1896).

себѣ задачей показать, «какимъ образомъ различныя проявленія этихъ отвлеченныхъ законовъ производятъ различныя категоріи психическихъ типовъ» или, другими словами, «свести всѣ черты характера къ наименѣ сложнымъ психическимъ элементамъ и къ наиболѣ простымъ формамъ великихъ психологическихъ законовъ, выясняя при этомъ сущность комбинаціи, ихъ создающей»*).

Сужденія, произносимыя нами надъ другимъ лицомъ, отмѣчаютъ, по мнѣнію Полапа, «извѣстныя качества иногда, и не похожія другъ на друга и не противоположны другъ другу, а только показывающія даннаго индивидуума или различныхъ индивидуумовъ при различномъ освѣщеніи; такъ, напримѣръ, говорятъ о человѣкѣ, что онъ непослѣдователенъ или капризенъ, о другомъ—что онъ лакомка, о третьемъ—что онъ живой или вялый, о четвертомъ—что онъ обидчивъ». Вотъ не только четыре сужденія, но и четыре различные способа опредѣленія характера и оцѣнки человѣка. Разсмотрѣвъ подробнѣе эти оцѣнки, Полапъ выводитъ изъ нихъ четыре различныя категоріи душевныхъ свойствъ.

Первая категорія содержитъ въ себѣ *типы, происходящія отъ различныхъ формъ ассоціаціи представлений*.—Въ эту категорію входятъ общіе типы, вызываемые тѣмъ или другимъ способомъ осуществленія въ данномъ индивидуумѣ законовъ систематической ассоціаціи**) (это уравновѣшенные характеры и цѣльныя натуры);—типы, вызываемые преобладаніемъ систематической задержки***) (люди, владѣющіе собой и люди, склонные къ самоанализу);—типы, получающіеся при преобладаніи ассоціаціи по контрасту (характеры безпокойные, нервные, склонные къ противорѣчію);—типы, характеризующіеся преобладаніемъ ассоціаціи по смежности и сходству;—типы, характеризующіеся независимой дѣятельностью элементовъ духа (характеры импульсивные (impulsif), сложные, непослѣдовательные, изломанные, воспримчивые къ внушенію, слабые, разсѣянные, вѣтренные, легкомысленные и т. д.).

Второй классъ обнимаетъ *типы, происходящія вслѣдствіе различія свойствъ духа и стремленій*. Эти типы опредѣляются по широтѣ личности и стремленій, по богатству ихъ элементовъ (широкій или узкій и мелочной характеръ);—по чистотѣ психическихъ элементовъ (характеры безмятежные и тревожные),—по силѣ стремленій (характеры страстные, предприимчивые и ихъ противоположности);—по устойчивости стремленій (характеры своевольные, упрямые, постоянные, измѣнчивые);—по гибкости стремленій

*) *Психологія характера* стр. 7.

**) Психическіе элементы имѣютъ двойное стремленіе: они *вызываютъ для соединенія съ собой* другія психическія системы, которыя съ ними гармонируютъ, причемъ, въ зависимости отъ своего значенія, или поглощаютъ ихъ, или сами ими поглощаются, или въ виду одной общей цѣли соединяются съ ними въ одно сложное цѣлое; *наоборотъ, они задерживаютъ, препятствуютъ зарожденію* и развитію, заставляютъ исчезать тѣ изъ нихъ, съ которыми не могутъ войти въ одну систему». (*L'activité mentale et les éléments de l'esprit*, (стр. 84).

***) См. предшств. примѣчаніе.

(мягкіе, суровые, непреклонные);—по степени чувствительности психических элементов (характеры живые, впечатлительные, холодные, вялые).

Къ третьему классу относятся *типы, обусловливаемые стремлениями, касающимися мичнаго существованія*.—Эти стремленія относятся или къ органической жизни (люди обжорливые и воздержные, сладострастные и холодные), или къ духовной (люди умственного типа и люди эмоциональнаго типа).

Къ четвертому классу относятся *типы, опредѣляемые социальными стремлениями*. Эти типы обусловливаются преобладаніемъ стремленій, имѣющихъ своимъ объектомъ отдѣльныхъ индивидуумовъ (эгоисты, альтруисты и пр.), или преобладаніемъ стремленій безличныхъ (свѣтскіе люди, профессионалисты, скупцы, скопидомы, расточительные, тщеславные, высокоумѣрные, смиренные, властолюбивые, покорные и т. д.); или наконецъ преобладаніемъ синтеза стремленій (характеры счастливые, жизнерадостные, пессимисты, аскеты).

Чистые типы, замѣчаетъ Полянь, чрезвычайно рѣдки. «Каждый типъ данной серіи можетъ комбинироваться съ большимъ числомъ типовъ другой серіи; равнымъ образомъ, могутъ соединяться между собой нѣсколько типовъ одной серіи. Этимъ объясняется безконечное разнообразіе людей, изъ которыхъ ни одинъ не походитъ на другого, но которые или вслѣдствіе равновѣсія ихъ стремленій, или вслѣдствіе преобладанія одного изъ нихъ всегда подходятъ подъ ту или другую изъ разсмотрѣнныхъ нами категорій конкретныхъ или абстрактныхъ типовъ».

Итакъ, если мы хотимъ поставить правильный діагнозъ характера какого-либо человѣка, то мы должны прежде всего узнать, какія различныя стремленія и противоположныя желанія въ немъ существуютъ; затѣмъ установить сущность ихъ соотношенія, ихъ одностороннюю или взаимную зависимость; необходимо также точнѣе опредѣлить значеніе и силу стремленій и принять въ соображеніе ихъ возможную эволюцію и замѣну однихъ другими.

Полянь заканчиваетъ свой трудъ, прилагая эти принципы къ опредѣленію характера Густава Флобера.

Другой выдающійся профессоръ, Альфредъ Фуллье *), находя основы вышеизложенной классификаціи Рибо слишкомъ узкими, поставилъ себѣ цѣлью «показать, что умъ не долженъ быть исключенъ изъ первоначальныхъ факторовъ, образующихъ характеръ; что, напротивъ, это одинъ изъ элементовъ, который больше всего отличаетъ характеръ отъ темперамента; и что, слѣдовательно, съ нимъ необходимо считаться при классификаціи различныхъ ти-

*) *Le caractère et l'intelligence (Revue des Deux Mondes, 15 февраля 1894)*; русскій переводъ *Характеръ и разумъ (Миръ Божій, январь, 1895)*. Эта работа вмѣстѣ съ упомянутой выше *Le tempérament physique et moral*, исправленная и дополненная авторомъ, появились въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ: *Tempérament et caractère, selon les individus, les sexes et les races* (русскій переводъ В. Н. Линда, *Темпераментъ и характеръ*, Москва, 1896).

повъ». Такимъ образомъ, онъ различаетъ три главныхъ рода: чувствительный, интеллектуальный и волевой. Каждый изъ насъ, говоритъ Платонъ, состоитъ изъ гидры, льва и человѣка: стоголавая гидра это — страсть; левъ — воля, человѣкъ — разумъ. Можно прибавить, говоритъ Фулье, что нашъ нравственный образъ мѣняется въ зависимости отъ преобладанія одного изъ этихъ элементовъ.

Родъ людей чувствительнаго типа подраздѣляется на три вида: 1) характеры чувствительные съ малымъ умомъ и слабой волей; 2) характеры чувствительные съ энергичной волей, но съ слабымъ умомъ; 3) характеры чувствительные съ слабой волей, но съ сильнымъ умомъ». Къ роду людей интеллектуальнаго типа относятся: 1) люди съ исключительнымъ преобладаніемъ ума, впрочемъ встрѣчающіеся рѣдко; 2) люди, у которыхъ «развитой умъ соединяется съ живой чувствительностью»; 3) люди, у которыхъ высшее развитіе ума не только не парализуетъ воли, какъ это бываетъ у диллетантовъ и у скептиковъ, но, напротивъ, сообщаетъ ей еще большую силу. Наконецъ, «тѣ, въ которыхъ преобладаетъ воля, могутъ быть подраздѣлены на три вида: 1) люди волевого типа съ малой чувствительностью и слабымъ умомъ (упрямцы); 2) съ большой чувствительностью и слабымъ умомъ (вспылчивые, горячіе); 3) съ сильнымъ умомъ и малой чувствительностью (разсчетливые, холодные, энергическіе умы, которыхъ ничто не останавливаетъ въ осуществленіи ихъ плановъ, каковы Тюреннъ и Мольте)».

Итакъ, мы видимъ, что хотя изученіемъ характера стали заниматься въ самое послѣднее время, тѣмъ не менѣе у насъ есть по этому вопросу многочисленныя и замѣчательныя труды. *) Поэтому, съ нашей стороны не будетъ ужъ слишкомъ большой смѣлостью вступить на этотъ путь, конечно, трудный, но на кото-

*) Чтобы дополнить списокъ работъ, имѣющихъ отношеніе къ занимающему насъ вопросу, остается упомянуть еще слѣдующія: *Charaktrologie* Bahnsen'a, трудъ который нельзя не упрекнуть за его гипотетичность и произвольность, хотя въ немъ и есть интересныя мѣста; Le Bon, *Notes sur l'étude du caractère* (Revue philosophique IV); Alex. Stewart, *Our temperaments* (Лондонъ, 1892); Pilo, *Etudes nouvelles sur le caractère* (Milan, 1892, 37 стр.); Greenstreet, *Le développement du caractère* (*Educational Review*, ноябрь 1894); La scola, *Observations sur l'origine et les manifestations du caractère* (Палермо, 1894); наконецъ латинскую диссертацию R. Thamin'a, *De puerorum indole quaedam notantur* (1895), въ которой авторъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ вопросъ о методѣ и утверждаетъ наперекоръ Ст. Миллю, Рибо, Полану и Пере, что этология не должна заимствовать своихъ принциповъ у психологіи, но должна основываться единственно на тѣхъ многочисленныхъ наблюденіяхъ, которыя даютъ возможность вычислить отношенія сосуществованія и послѣдовательности явленій. Во всякомъ случаѣ тѣ немногіе результаты, которые были достигнуты сотрудниками Thamin'a при помощи изслѣдованій, предпринятыхъ съ этою цѣлью въ главнѣйшихъ школахъ Ліона (изслѣдованія эти изложены въ четырехъ послѣднихъ главахъ диссертациі), не даютъ намъ еще права предполагать, что наука о характерѣ когда либо можетъ быть построена при помощи чисто экспериментальнаго метода.

ромъ насъ предупредили избранные психологи, что даетъ намъ возможность воспользоваться результатами ихъ изслѣдованій. Къ тому же очень важно, чтобы классификація характеровъ была упрощена на сколько возможно, если только мы хотимъ, чтобы педагогика могла дѣйствительно извлечь изъ нея какую либо пользу.

Прежде чѣмъ излагать нашу классификацію рассмотримъ ради большей ясности, какіе элементы входятъ въ составъ характера.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Элементы и формы характера.

Характеръ.—Различный смыслъ, придаваемый этому слову психологами и моралистами.—Въ какомъ смыслѣ мы сами употребляемъ его здѣсь—*Составные элементы характера:* 1) *природныя свойства;* дѣйствіе темперамента;—дѣйствіе наслѣдственности;—2) *привычка.*—Опредѣленіе характера.—Разновидности представляемыхъ имъ формъ у различныхъ лицъ.—*Классификація различныхъ формъ характера.*—Таблица этой классификаціи.

Слово *характеръ*, взятое въ психологическомъ смыслѣ, имѣетъ три значенія, немного разнящіяся между собой, которыя прежде всего должны быть точно опредѣлены.

Говорятъ, что у человѣка *есть характеръ*, если въ своемъ поведеніи и въ своихъ намѣреніяхъ онъ оказывается всегда энергичнымъ, рѣшительнымъ и настойчивымъ, и наоборотъ, говорятъ, что у него нѣтъ характера, когда онъ, какъ настоящій флюгеръ, безпрестанно доказываетъ свою нерѣшительность и измѣнчивость. Понимаемый такимъ образомъ характеръ является признакомъ воли. «Имѣть характеръ, говоритъ Кантъ, значитъ обладать тѣмъ свойствомъ воли, въ силу котораго субъектъ крѣпко держится опредѣленныхъ практическихъ принциповъ, имъ самимъ для себя своимъ собственнымъ разумомъ непреложно установленныхъ. Хотя эти принципы, прибавляетъ нѣмецкій философъ, и могутъ быть иногда ложными и неправильными, но вообще способность воли дѣйствовать по этимъ установленнымъ принципамъ (а не бросаться изъ стороны въ сторону на подобіе мухъ) есть уже нѣчто достойное уваженія и тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что встрѣчается крайне рѣдко*).

Употребляя это слово въ болѣе широкомъ смыслѣ, говорятъ, что у человѣка *есть характеръ*, или что *это—характеръ*, когда личность человѣка ясно опредѣляется сильными стремленіями, глубоко вкоренившимися привычками, тѣмъ постоянствомъ въ вкусахъ, идеяхъ и поступкахъ, которые сообщаютъ поведенію явную послѣдовательность. Вотъ о характерѣ въ этомъ смыслѣ Рибо справедливо писалъ: «чтобы образовать характеръ, необходимы и достаточны два условія: единство и постоянство. Единство заключается въ способѣ дѣйствовать и реагировать, всегда въ соот-

*) *Antropologie* ч. 2, § 3 стр. 222.

вѣтствіи съ самимъ собой. Въ подлинной индивидуальности стремленія согласуются между собой или, по крайней мѣрѣ, одно изъ нихъ подчиняетъ себѣ другія какъ служебныя. Если смотрѣть на человѣка какъ на соединеніе инстинктовъ, потребностей и желаній, то въ подлинной индивидуальности они образуютъ изъ себя плотно связанный пучекъ, дѣйствующій въ одномъ направленіи.— Постоянство—это единство, продолженное на долгое время. Если оно не продолжается, то связность желаній не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія характера. Нужно, чтобы оно поддерживалось или повторялось во всѣхъ тождественныхъ или одинаковыхъ случаяхъ. Вѣрный признакъ подлиннаго характера это то, что, проявившись однажды въ дѣтствѣ, онъ продолжаетъ проявляться всю жизнь. Заранѣе извѣстно, что сдѣлаетъ и чего не сдѣлаетъ человѣкъ при такихъ-то обстоятельствахъ. Все это равносильно тому, какъ если мы скажемъ, что подлинный характеръ врожденъ*). Но и это новое пониманіе характера кажется намъ еще слишкомъ узкимъ, <такъ какъ, спѣшитъ заявить самъ Рибо, очевидно, что среди безчисленныхъ человѣческихъ индивидуумовъ есть люди,—(и ихъ наибольшее число) которыя не обладаютъ ни единствомъ, ни постоянствомъ>, въ томъ строгомъ смыслѣ, который былъ только что высказанъ. Можно ли сказать, что у нихъ нѣтъ собственнаго характера? <Характеръ весьма прѣсный (fade), сказалъ Лабрюйеръ, это отсутствіе всякаго характера **)>. Пожалуй, но развѣ это не характеръ, и даже наиболѣе распространенный?

Поэтому намъ приходится отличать еще третье значеніе слова характеръ, значеніе, конечно, менѣе опредѣленное, но за то болѣе широкое, нежели предъидущія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ характеръ обозначаетъ типическій *отпечатокъ* природныхъ наклонностей, чувствованій, привычекъ, особой формы дѣятельности, способа желать, а также и способа судить и думать, свойственныхъ каждому человѣку. <Части лица однѣ и тѣ же у всѣхъ, но вслѣдствіе того, что онѣ скомбинированы въ различныхъ пропорціяхъ, у всѣхъ людей—различная физіономія; равнымъ образомъ, мы всѣ въ умственномъ отношеніи обладаемъ существенными чертами человѣческой природы, но обладаемъ этими чертами въ различной степени въ различныхъ соотношеніяхъ... Отсюда безконечное разнообразіе, какъ человѣческихъ лицъ, такъ и характеровъ. Два человѣка при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, не думаютъ и не дѣйствуютъ одинаковымъ образомъ, и, наоборотъ, если одному человѣку приходится быть нѣсколько разъ въ одинаковомъ положеніи, то его манера думать, чувствовать, дѣйствовать замѣтнымъ образомъ остается все та же... Онъ имѣетъ свои страсти, свой нравъ, свой складъ воображенія, свои интеллектуальныя привычки, присущія ему способности, такую или

*) «О различныхъ формахъ характера». Образование, Январь 1893, стр. 24.

**) «Характеры» глава V.

иную степень энергіи. Все это образуетъ болѣе или менѣе связанную группу, въ которой обыкновенно преобладаетъ какая нибудь главная склонность, сообщающая единство всему цѣлому и служащая ему обозначеніемъ*)».

Мы беремъ слово характеръ въ этомъ послѣднемъ значеніи, болѣе общимъ и къ тому же болѣе подходящемъ къ той цѣли, которую мы себѣ здѣсь ставимъ**), и такъ какъ намъ прежде всего важно опредѣлить, какими причинами обусловливается характеръ, и объясняются его видоизмѣненія у различныхъ лицъ, то мы рассмотримъ одишъ за другимъ существенные элементы, его составляющіе: природныя свойства и привычку.

Природныя свойства заключаются въ извѣстныхъ склонностяхъ, свойственныхъ каждому человѣку, напр. склонность быть веселымъ или печальнымъ, суровымъ или привѣтливымъ, смѣлымъ или робкимъ, дѣятельнымъ или бездѣятельнымъ. Эти склонности, которыя легко обнаруживаются въ выраженіи лица и при разсмотрѣніи тѣлосложенія, являются первоначальными и врожденными, такъ какъ зависятъ отъ нашего организма. Дѣйствительно, живость, ловкость, неподвижность, гнѣвливость, жестокость, раздражительность, терпѣливость, умѣренность, обжорство, представляютъ изъ себя качества или недостатки, тѣсно связанные съ нашей физической природой, именно съ кровообращеніемъ, нервной системой и пищевареніемъ. Вотъ та неоспоримая доля истины, которую содержитъ въ себѣ прежняя теорія темпераментовъ.

Бэнъ прекрасно показываетъ, напр. что веселость и гибкость характера зависятъ, главнымъ образомъ, отъ самой природы тѣлосложенія. Первое приводимое имъ доказательство «основывается на соединеніи веселаго темперамента съ молодостью, здоровьемъ и обильнымъ питаніемъ. Этотъ темпераментъ замѣчательнымъ образомъ обнаруживается при всякомъ обстоятельстве, способствующемъ физической крѣпости. Онъ проявляется отчасти во время вакансій, въ здоровомъ климатѣ и при занятіяхъ, благопріятныхъ для здоровья; и онъ исчезаетъ вслѣдствіе утомленія, лишенія и физическаго упадка. Кажущееся исключеніе изъ этого правила, когда веселость встрѣчается наряду съ тѣлеснымъ истощеніемъ, воздержаніемъ отъ пищи и аскетическими упражненіями, обыкновенно не уничтожаетъ этого принципа, но только устанавливаетъ другой принципъ, именно—возможность поддерживать одну часть системы, сокращая и преждевременно истощая другія.—На основаніи повседнежнаго опыта мы можемъ высказать и вторую догадку. Радостный и веселый темпераментъ и характеръ обыкновенно оказываются соединенными съ нѣкоторыми ясно выраженными признаками физической крѣпости. Веселые люди обыкновенно

*) De la Hautière, *Cours de psychologie appliquée à l'éducation*, стр. 356—357.

**) «Воспитаніе, говоритъ Marion, имѣетъ цѣлью образовать не только сильную волю, но также просвѣщенный умъ и доброе, хорошо направленное, сердце». (*Leçons de psychologie appliquée*, стр. 47).

но хорошо сложены, обладают крѣпкимъ, хорошо развитымъ тѣлосложеніемъ, энергичнымъ кровообращеніемъ и пищевареніемъ; они хорошо переносятъ усталость, трудъ и удовольствія. Явный примѣръ такой организаціи представляютъ Чарльзъ-Джемсъ Фоксъ и лордъ Пальмерстонъ; ихъ общительность, ровное расположеніе духа, веселость, выносливость въ свѣтскихъ удовольствіяхъ составляли предметъ удивленія для современниковъ. «Лицу съ обыкновенной организаціей столь же невозможно соперничать съ вдохновеніемъ и одушевленіемъ этихъ людей, какъ невозможно переваривать пищу при помощи чужого желудка или совершить двѣнадцать подвиговъ Геркулеса» *).

Отсюда видно, что различныя причины,—климатъ, питаніе, свѣжій воздухъ, вліяющія на темпераментъ, дѣйствуютъ въ силу этого и на склонности. Не могутъ люди рыхлаго и лимфатическаго строенія, каковы голландцы, выросшіе на молокѣ и пивѣ, обладать пылкостью и живостью итальянца, опаленнаго солнцемъ Неаполя или Тосканы; но зато упорная энергія сѣверныхъ народовъ представляетъ контрастъ съ лѣнностью южанъ. Въ болотистыхъ странахъ мы часто встрѣчаемъ умственное оцѣпенѣніе и полную безчувственность. Эта апатія измѣняетъ характеръ и нравственное состояніе человѣка, живущаго тамъ. Тупой фатализмъ, замѣченный Монфалькономъ у жителей Солони, **) встрѣчается также у арабовъ, иногда и у нашихъ солдатъ, у нашихъ колонистовъ, и значительно увеличиваетъ трудности колонизаціи. «Мы не живемъ, мы медленно умираемъ» говорили жители окрестностей Рима кому то, выразившему удивленіе по поводу ихъ жалкой жизни; но какъ эти потомки римлянъ, такъ населеніе Домба ***)) и Солони, такъ и арабы ничего не дѣлали, чтобы выйти изъ этого состоянія полного упадка. Въ Солони администрація отмѣчаетъ рѣдкость преступленій, совершаемыхъ по страсти и отсутствіе любви къ семьѣ» ****).

Къ этому дѣйствию темперамента, являющагося составнымъ элементомъ природныхъ свойствъ, надо присоединить еще дѣйствіе другого фактора, которымъ объясняется, почему два человѣка, обладая однимъ и тѣмъ же строеніемъ, рождаются предрасположенными къ разнымъ чувствованіямъ и склонностямъ ****)), однимъ словомъ, различнаго характера. Этотъ факторъ есть *наслѣдственность*. Тѣмъ, кто далъ намъ жизнь, мы обязаны въ большей или меньшей степени нашими умственными качествами и моральными наклонностями. «Тѣлосложеніе, этотъ родителъ нравственныхъ качествъ, передаетъ одинаковый характеръ отъ отца къ сыну въ продолженіе вѣковъ. Такъ, Аппіи были всегда горды и непоколебимы, Катоны всегда отличались строгостью. Весь родъ Гизовъ

*) *L'esprit et le corps*, стр. 206—207.

**) Болотистая страна, лежащая по среднему теченію Луары.

***)) Мѣстность въ Бургундіи.

****)) См. Рибо, *Наслѣдственность душевныхъ свойствъ*, Спб. 1884.

*****) Dr. Catrin, *Le paludisme chronique*, стр. 80.

былъ смѣлый, отважный, непокорный, преисполненный самой дерзкой гордости и самой плѣнительной вѣжливости» *).

Однако, это не значитъ, чтобы въ каждомъ ребенкѣ мы такимъ образомъ имѣли точнѣйшее подобіе и какъ бы чистое и простое повтореніе отца, матери или предка. «Я представляю изъ себя, пишетъ Маріонъ, предѣлъ и продуктъ длинной серіи поколѣній, слѣдовательно, точку пересѣченія множества вліяній; изъ нихъ одни болѣе сильныя, другія—менѣе, но всѣ пребываютъ въ скрытомъ состояніи, и изъ смѣшенія ихъ и происходитъ именно моя индивидуальная природа. При этихъ условіяхъ было бы странно, чтобы мой характеръ являлся во всѣхъ отношеніяхъ тождественнымъ съ характеромъ одного какого-либо предка, исключая всѣхъ другихъ. Хотя и бываютъ примѣры такого поразительнаго сходства во всѣхъ чертахъ, но оно можетъ встрѣчаться только въ видѣ исключенія, и при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается всегда лишь частичнымъ». Вѣроятно, «всѣмъ нашимъ предкамъ, взятымъ вмѣстѣ, мы обязаны нашими самыми общими способностями наиболѣе спеціальными. Вотъ почему мы обыкновенно болѣе похожи на нашихъ близкихъ: чѣмъ больше общихъ предковъ, тѣмъ сходства должны быть болѣе частыми и глубокими. Если разсматривать все въ цѣломъ и съ общей точки зрѣнія, то несомнѣнно, что франгузы изъ одной и той же провинці болѣе походятъ другъ на друга (въ нравственномъ отношеніи такъ же, какъ и въ физическомъ), нежели франгузы и нѣмецъ **), что между членами одной семьи чаще всего наблюдается фамиліное сходство, и что сходство въ частностяхъ встрѣчается въ среднемъ чаще между родными братьями, нежели между двоюродными ***).

Наслѣдственность характера есть только частный случай общаго закона наслѣдственности: она объясняется *сохраненіемъ и передачей нравовъ и привычекъ предковъ*, за которыхъ, такимъ образомъ, потомки являюся отвѣтственными. И это приводитъ насъ ко второму существенному фактору характера, именно къ личнымъ *привычкамъ*.

Примѣръ и воспитаніе оказываютъ сильное вліяніе на чело-

*) Voltaire, *Dict. philosophique*, гл. Caton. «Я читалъ въ одной медицинской книгѣ, что лица изъ рода Duvergier de Hauganne бываютъ обыкновенно жедчными и бѣшенными, но убѣжденными и суровыми. — Вторая часть опредѣленія можетъ заставить признать несправедливость первой. — Этотъ темпераментъ и характеръ восходили достаточно далеко въ прошедшее время, такъ какъ еще кардиналъ Ришелье говорилъ про одного Duvergier de Hauganne, изъ Портъ-Рояля (знаменитаго аббата de Saint-Cyran): «Его мозгъ постоянно дымится». (E. Deschane, *Physiologie des écrivains et des artistes*, стр. 131).

**) Относительно наслѣдственной устойчивости *національнаго характера* см. Рыбо, *Наслѣд. душевн. свойствъ*, I часть, гл. VII; — Тэнъ, *Чтенія объ искусствѣ*; — третій курсъ лекцій. — *Объ идеальн. въ искусствѣ*; — Лебонъ, *Психологія народовъ и массъ*; — и Fouillée, *La psychologie des peuples et l'anthropologie*, *Revue des Deux Mondes*, 1895, 15 марта.

***) *De la solidarité morale*, 4-е изданіе, стр. 59—60.

вѣка, особенно въ его первой юности. Въ зависимости отъ той семьи, въ которой онъ принадлежитъ, эпохи и общества, въ которыхъ онъ живетъ, человекъ можетъ усвоить себѣ весьма несходныя привычки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что европейскій ребенокъ, будучи воспитанъ у какого-нибудь дикаго племени, будетъ имѣть много общихъ чертъ характера съ дѣтьми этого племени; и обратно, если переселить одного изъ этихъ послѣднихъ въ цивилизованную страну, то онъ не замедлитъ глубоко измѣниться. Впрочемъ, необходимо, чтобы это было именно такъ; въ противномъ случаѣ, если бы мы рождались съ неизмѣннымъ характеромъ, мы никакъ не могли бы примѣняться къ мѣстнымъ, политическимъ и нравственнымъ обстоятельствамъ, которыя требовали бы отъ насъ другого характера, и мы остались бы навсегда чуждыми той средѣ, гдѣ порой намъ приходится жить. Равнымъ образомъ, если нравственныя качества и недостатки, каковы: правдивость, плутовство, послушаніе, услужливость, вѣжливость, соревнованіе, гордость, скромность и т. д. чужды нашей физической природѣ и происходятъ отъ привычекъ, порожденныхъ нашими кормилицами, матерями и всѣми тѣми, которыя дѣйствуютъ на насъ въ хорошую или дурную сторону, то очевидно, что каждый былъ бы другимъ, если бы его кормилица, мать, его учителя и окружающіе люди были помѣщены въ совсѣмъ другую среду. Вотъ въ этой-то подалливости нрава, различной у cadaго человека, и состоитъ значеніе воспитанія; она же даетъ поводъ нѣкоторымъ авторамъ утверждать съ довольно большой вѣроятностью, что характеръ есть не что иное, какъ наша первая привычка *). «Я думаю, сказала Монтэнъ, что наши самыя большіе пороки закладываются въ насъ съ самаго ранняго дѣтства, и что главное руководство нами находится въ рукахъ кормилицъ **). Фенелонъ высказалъ ту же мысль: «Первыя привычки самыя сильныя ***), и Ж. Ж. Руссо: «Воспитаніе человека начинается съ самаго его рожденія ****). Такъ какъ впоследствии у насъ будетъ случай вернуться къ этому вопросу *****), то мы не будемъ теперь долѣе на этомъ останавливаться.

Таково, въ общемъ, обоюдное участіе природныхъ свойствъ и привычки при образованіи характера. Итакъ, съ этой точки зрѣнія, характеръ можетъ быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: *кристаллизация привычекъ вокругъ центрального ядра, представляющаго изъ себя первоначальный темпераментъ.*

Въ этомъ общемъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, характеръ является синтезомъ трехъ главныхъ психическихъ способностей: чувствительности, ума и дѣятельности, и представляемая имъ разнообразныя формы всѣ болѣе или менѣе подходятъ подъ эти

*) См. именно Helvetius, *De l'esprit*, рѣчь II.

**) *Опыты*, книга I, глава XXII.

***) *Воспитаніе дѣтвицъ*, глава V.

****) *Эмилъ*, кн. I.

*****) См. главу XIII.

главныя подраздѣленія. У одного ребенка преобладающими чертами являются дѣятельность, живость, или наоборотъ, неподвижность, медлительность;—у другого—вѣтренность и легкомысліе или старательность и любовь къ занятіямъ;—у третьяго — кротость, покорность, восторженность или злость, духъ противорѣчія и равнодушія. Вотъ почему обыкновенно обозначаютъ характеръ каждаго человѣка именемъ той способности, которая кажется въ немъ преобладающей; напр. называютъ его страстнымъ или чувствительнымъ, созерцательнымъ или дѣятельнымъ. Однако-жь, цѣльные характеры встрѣчаются очень рѣдко; чаще всего бываетъ, что различныя указанныя нами элементы комбинируются различнымъ образомъ; отсюда эти разнообразныя формы характера, причины которыхъ мы указали; теперь намъ надо свести ихъ къ нѣсколькимъ главнымъ классамъ, а затѣмъ послѣдовательно изучить.

Мы думаемъ, что всѣ эти формы сводятся къ двѣнадцати классамъ. Или мы встрѣчаемся съ очень ясно выраженнымъ преобладаніемъ одного изъ трехъ психическихъ элементовъ, чувствительности, дѣятельности и ума, а вторые два элемента играютъ въ этомъ случаѣ совершенно второстепенную роль; или эти самые элементы попеременно скомбинированы по два, а третій остается въ тѣни; или они всѣ три, такъ сказать, сцементированы вмѣстѣ, впрочемъ, въ различномъ *тонусѣ* *), такъ какъ всѣ вмѣстѣ они могутъ быть или сильно, или средне развиты, или почти атрофированы; наконецъ, возможно, что у одного и того же индивидуума, какой-либо изъ этихъ элементовъ, напримѣръ дѣятельность или чувствительность, можетъ то проявляться сильно, то изглаживаться и временно исчезать.

На основаніи этого можно составить слѣдующую таблицу:

Классификація формъ характера.

I. Замѣтное преобладаніе какой либо способности или склонности.

1. <i>Характеры эмоциональные.</i>	2. <i>Характеры дѣятельные.</i>	3. <i>Характеры мыслительные или интеллектуальные.</i>

II. Единовременное преобладаніе двухъ способностей.

1. <i>Характеры дѣятельно-эмоциональные или страстные.</i>	2. <i>Характеры дѣятельно-мыслительные или волевые.</i>	3. <i>Характеры мыслительно-эмоциональные или сантиментальные.</i>

*) *Тонусъ*—среднее напряженіе.

III. Равновѣсіе трехъ способностей въ различной степени то-нальности.

1. *Характеры уравновѣшенные.*
2. *Характеры аморфные или безформенные.*
3. *Характеры апатичные.*

IV. Неправильное и перемежающееся дѣйствіе одной или различныхъ способностей.

1. *Характеры неустойчивые.*
2. *Характеры нервнительные.*
3. *Характеры противорѣчивые.*

Эти послѣднія три формы характера могутъ уже разсматриваться какъ полу-болѣзненные. Мы отмѣтимъ еще три новыхъ, дѣйствительно, патологическихъ формы, которыя получаются, такъ сказать, вслѣдствіе гипертрофіи нѣкоторыхъ, выше указанныхъ, формъ.

V. Болѣзни характера.

1. *Ипохондрія.*
2. *Меланхолія.*
3. *Истерія.*

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Чистые типы.

Какой смыслъ слѣдуетъ приписывать каждой изъ формъ характера. — *Характеры, образуемые замѣтнымъ преобладаніемъ одной какой-нибудь способности или наклонности:* 1) *Характеры эмоциональные.* — Ихъ существенныя черты. — Примѣръ: случай, приведенный у Мишле. — 2) *Характеры дѣятельные.* — Ихъ существенныя черты. — Цезарь; — другіе примѣры. — 3) *Характеры интеллектуальные.* — Врожденность типа: свидѣтельство Бальзака. — Природныя свойства этого характера. — Его разновидности. — Лейбницъ; — Кантъ; — Борда-Демулень; — Карлъ Марксъ; — другіе примѣры.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію различныхъ родовъ характера, необходимо разъяснить нѣкоторые вопросы, рѣшивъ которые, мы предупредимъ разъ навсегда всѣ могущія встрѣтиться недоразумѣнія, и въ то же время они помогутъ намъ точнѣе опредѣлить взаимныя границы cadaго изъ намѣченныхъ типовъ.

Отмѣтимъ прежде всего, что ни одинъ изъ характеровъ, образованный преобладаніемъ одной только наклонности и въ силу этого обозначаемый какъ эмоциональный, дѣятельный или мыслительный, не представляется въ совершенно чистомъ видѣ (т. е. что ни одинъ человекъ не бываетъ и не можетъ быть исключительно интеллектуальнымъ, дѣятельнымъ или чувствительнымъ); особенное названіе, которое мы имъ даемъ, обозначаетъ лишь то, что одинъ изъ трехъ психическихъ элементовъ, различный въ каждомъ случаѣ, достаточно развитъ, чтобы подчинить

себѣ другіе. Такое же заключеніе слѣдуетъ сдѣлать и по поводу смѣшанныхъ типовъ: мыслительно-дѣятельнаго, дѣятельно-эмоціональнаго и эмоціонально-мыслительнаго. Лица, осуществляющія ихъ, не лишены окончательно третьей способности, но она остается въ тѣни, болѣе или менѣе сглаживается. Поэтому, если мы хотимъ опредѣлить, къ какому изъ этихъ классовъ или категорій принадлежитъ данное лицо, то мы должны оставлять безъ вниманія черты неясныя, мало замѣтныя, и принимать въ расчетъ лишь признаки существенныя и ясно выраженныя.

Другое замѣчаніе: одинъ и тотъ же типъ можетъ представлять цѣлую массу разновидностей, или лучше сказать степеней, напр. у уравновѣшенныхъ склонности могутъ быть какъ развитыми и сильными, такъ и въ состояніи зачаточномъ; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ натуры гармоничныя и широкія, а во второмъ безличныя и корректныя посредственности, добропорядочныхъ глупцовъ, «автоматовъ, не отдающихъ себѣ отчета въ томъ, что они живутъ» *). Промежуточные типы служатъ связью между тѣми и другими. Такимъ образомъ, въ одной и той же формѣ характера можетъ быть большое различіе въ зависимости отъ богатства личности.

Наконецъ не надо упускать изъ виду, что преобладаніе одного психическаго элемента обнаруживается, смотря по обстоятельствамъ, весьма различно: сила воли одинаково проявляется какъ въ терпѣливомъ сопротивленіи, такъ и въ настойчивой дѣятельности; можно относиться со страстностью какъ ко злу, такъ и къ добру, и, безъ сомнѣнія, это главнымъ образомъ, дѣло случая или воспитанія, что Mandrin **) не сдѣлался Гошемъ ***) или Марсо ****). Справедливо было замѣчено, что многіе великіе злодѣи такого же закала, какъ и великіе люди *****).

Вотъ тѣ соображенія, которыя не слѣдуетъ упускать изъ виду при послѣдующемъ изученіи разнообразныхъ формъ характера.

Мы рассмотримъ прежде всего природныя свойства трехъ типовъ съ одной преобладающей наклонностью.

Эмоціональные, которыхъ можно еще назвать *чувствительными* или *аффективными*. характеризуются ненормальнымъ развитіемъ чувствительности. Рибо описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Чрезмѣрная чувствительность, ограниченный или посредственный умъ, отсутствіе энергіи: таковы элементы, образующіе этотъ видъ. Всѣ знаютъ подобныхъ людей, ибо они часто встрѣчаются. Ихъ главный признакъ застѣнчивость, боязливость и всѣ парализующіе виды чувствованій. Какъ заяцъ басни Лафонтена, они живутъ въ непрерывномъ безпокойствѣ. Они боятся за себя, за

*) Полянъ, *Психологія характера*, стр. 60.

**) Знаменитый предводитель разбойниковъ (колесованный въ 1755 г.).

***) Французскій генералъ, командовавшій Мовельской арміей (1768—1797).

****) Французскій генералъ, отличившійся въ Вандеѣ (1769—1796).

*****) Virey., гл. Caractère, *Dict. de la Conversation*.

свою семью, за свою крошечную должность или за ничтожную торговлю, бояться и настоящего, и будущего. Они тревожатся мнѣніемъ каждаго, даже незнакомаго имъ человѣка, котораго они мелькомъ видѣли. Они трясутся о своемъ спасеніи и въ этой, и въ будущей жизни, они сознаютъ себя ничтожествомъ въ общественномъ организмѣ, который виситъ надъ ними всею своею тяжестью, и котораго они часто даже совсѣмъ не понимаютъ. Самая ничтожная неприятность ихъ глубоко потрясаетъ, потому что они сознаютъ себя слабыми, безсильными дѣйствовать, безынициативными людьми» *). Прибавьте къ этому, что они боязливы, суевѣрны и, смотря по обстоятельствамъ, или любящи и услужливы, или озлоблены и недовѣрчивы. Словомъ «чрезмѣрно впечатлительные, они похожи на инструменты, находящіеся въ непрерывномъ дрожаніи; они живутъ главнымъ образомъ внутренней жизнью». Они обыкновенно «пессимисты, потому что опытъ, старшій какъ міръ, показываетъ, что сенситивные (чувствительные) люди страдаютъ отъ ничтожнаго несчастія въ большей степени, чѣмъ радуются значительному счастью» **).

Этотъ «почтенный человѣкъ, который занимался тѣмъ, что дѣлалъ рамки изъ раковинъ», котораго посѣтилъ Мишле во время поѣздки въ Гранвилль, представляетъ примѣръ чувствительнаго типа, правда, очень рѣзко подчеркнутаго, но тѣмъ болѣе яснаго и интереснаго. «Мой пріятель, пишетъ авторъ дивнаго произведенія *«La Mer»*, не будучи старымъ, былъ болѣзненъ и страдалъ лихорадкой. Въ августѣ его окно было уже законопачено и залеклено. Разсматривая его издѣлія и разговаривая съ нимъ, я замѣтилъ, что у него голова не совсѣмъ въ порядкѣ. Мозгъ его былъ потрясенъ семейнымъ событіемъ. Его братъ погибъ на этомъ песчаномъ берегу жертвою несчастнаго случая. Море стало для него зловѣщимъ, ему казалось, что оно имѣетъ что-то противъ него. Зимой оно неутомимо насылало снѣгъ или ледяной вѣтеръ, которые сѣкли и потрясали его стекла. Оно не давало ему спать. Во время долгихъ ночей, не зная ни отдыха, ни срока, оно поднимало подъ нимъ его утесъ. Лѣтомъ на немъ поднимались ни съ чѣмъ несравнимыя грозы, молніи, сверкавшія съ одного конца свѣта на другой. Во время большихъ приливовъ еще хуже. Море поднимается на шестьдесятъ футовъ, и его яростныя волны, пѣнясь и вздымаясь еще выше, оскорбительно бьютъ въ его окно. Онъ даже не былъ увѣренъ, что оно не всегда тутъ. Вѣдь въ своей ненависти оно можетъ сыграть съ нимъ плохую шутку. Но у него не было возможности найти себѣ лучшее пристанище, и, можетъ быть, онъ былъ удерживаемъ, самъ того не зная, невѣдомой притягательной силой. Онъ не осмѣлился бы разсориться окончательно съ этимъ ужаснымъ волшебникомъ. Онъ чувствовалъ къ нему извѣстное почтеніе. Онъ мало говорилъ о немъ и чаще

*) О различныхъ формахъ характера. Образованіе. 1893, январь, стр. 33.

***) Тамъ-же, стр. 27 и 28.

всего упоминалъ его, не называя, подобно тому какъ исландецъ не смѣетъ произнести въ морѣ имени Урка *), изъ боязни, чтобы тотъ не услышалъ и не явился. Я до сихъ поръ еще вижу его блѣдное лицо, когда онъ смотрѣлъ на берегъ моря и говорилъ: «Оно наводитъ на меня страхъ».

Физиологическая основа чувствительнаго характера заключается, повидимому, въ извѣстной тонкости организаціи, съ преобладаніемъ органическихъ ощущеній и въ чрезмѣрной воспримчивости нервной системы.

Спеціальнымъ признакомъ характера *дѣятельнаго* является ясно выраженное и постоянно возрождающееся стремленіе дѣйствовать. «Активные—это хорошія машины, надѣленные въ значительной степени живой силой и въ еще большей степени потенциальной энергіей. Рассмотрите мелкаго торговца, не умнаго, не образованнаго человѣка, но принадлежащаго къ этому типу: онъ расходуетъ на постоянное бѣганье взадъ и впередъ, на предложеніе услугъ, на болтовню безъ конца, безъ отдыха. И не одна приманка наживы поддерживаетъ его,—это просто его природа, которая побуждаетъ его дѣйствовать: такова его *потребность*. Поставьте сенситивнаго (чувствительнаго) человѣка на его мѣсто, и онъ будетъ дѣлать только то, что или необходимо, или же его особенно интересуетъ **).

Сравнивая эти два типа, Бэнъ писалъ: «Дѣятельный человѣкъ работаетъ лучше (нежели чувствительный), потому что онъ можетъ выполнять и заданную работу, тогда какъ другой небрежно относится ко всему, что его не возбуждаетъ, не интересуетъ. Одинъ можетъ прогуливаться единственно ради сохраненія здоровья; другой выходитъ не иначе, какъ съ ружьемъ, съ рыболовными принадлежностями, со спутникомъ, или съ намѣреніемъ что нибудь посмотреть» ***).

Безпокойные и шумливые, хвастливые, экспансивные и сообщительные, честолюбивые, пронырливые, таковы въ большей или меньшей степени характеры дѣятельные.

Въ эту категорію входятъ «всѣ тѣ, кто обладаетъ богатымъ запасомъ физической энергіи и потребностью расточать ее: *спортсмены*, которые ищутъ приключеній безъ всякой другой цѣли, кромѣ той, чтобы дѣйствовать; путешественники, которые объѣзжаютъ на всѣхъ парахъ свѣтъ не для самообразованія или какихъ нибудь дѣлъ, ничего не изучаютъ ни передъ путешествіемъ, ни во время, ни послѣ его, которые спѣшатъ всегда окончить путешествіе только для того, чтобы снова возобновить его. Прибавимъ сюда сражающихся безъ злобы, а только съ тѣмъ, чтобы дать выходъ своему избытку силъ. Во времена наемныхъ войскъ, послѣднія набирались исключительно изъ людей этой группы»;

*) Мифологическое морское чудовище, пожирающее суда.

**) Рыбо, тамъ же, стр. 35.

***) Study of character, стр. 214.

равнымъ образомъ эти шайки *кондотъери*, бывшіе въ среднѣе вѣка на жалованіи у итальянскихъ республикъ «прекрасные типы физической энергіи и дѣятельности безъ участія ума»; сюда же относятся находящіеся на высшей степени развитія *conquistadores* XVI вѣка, эти испанскіе капитаны (Кортесъ, Пизарро), экспедиціи которыхъ похожи на романъ: съ горстью смѣлыхъ, какъ они сами, людей они опрокидываютъ громадныя имперіи Мексики и Перу и предстаютъ предъ побѣжденными, какъ бы боги *)).

Къ характерамъ дѣятельнымъ надо отнести Монлюка и всѣхъ тѣхъ, о которыхъ говоритъ Монтэнъ въ слѣдующемъ мѣстѣ своихъ «Опытовъ»: Кто искалъ когда-нибудь съ такой же жадностью безопасности и отдыха, какъ Цезарь **), тревогъ и трудностей? Терей, отецъ Ситалка ***), обыкновенно говорилъ, что «когда онъ не воюетъ, то ему кажется, что нѣтъ никакой разницы между нимъ и его конюхомъ».

Консулъ Катонъ, желая упрочить за собой нѣкоторые города въ Испаніи, только запретилъ жителямъ этихъ городовъ носить оружіе, и большинство изъ нихъ убили себя: *ferox gens, nullam vitam rati sine armis esse* ****). Сколькихъ людей мы знаемъ, которые промѣняли тихую домашнюю жизнь среди своихъ родныхъ на ужасы необитаемыхъ пустынь) *****).

Въ противоположность чувствительнымъ, характеры дѣятельные «напоминаютъ собою машины, находящіяся въ постоянномъ движеніи и живутъ главнымъ образомъ внѣшнею жизнью... Взятые въ массѣ и въ ихъ чистой формѣ, активные (дѣятельные)—оптимисты, потому что, ощущая въ себѣ довольно силы для борьбы съ препятствіями и для побѣды надъ ними, они даже находятъ удовольствие въ борьбѣ» *****).

Физиологическая же основа этого характера заключается въ богатомъ запасѣ энергіи, въ избыткѣ жизни, являющемся слѣдствіемъ хорошаго питанія.

Дѣятельность человѣка не всегда обнаруживается такимъ

*) Рибо, *О различныхъ формахъ характера*, Образованіе, 1893, Январь, стр. 36.

**) По поводу этого великаго завоевателя Монтэнъ писалъ въ другомъ мѣстѣ (книга II, гл. XXXIII): «Никогда не случалось, чтобы удовольствія могли отнять у него хоть одну минуту или отклонить хоть на шагъ отъ представляющагося ему случая возвыситься; эта страсть такъ самодержавно царя въ немъ надъ всѣми другими и имѣла надъ нимъ такую полную власть, что влекла его, куда хотѣла. — Квинтилианъ, оцѣнивая его какъ оратора, сказалъ: «Мы находимъ въ его рѣчи столько силы, живости и одушевленія, что видно, что онъ говоритъ, какъ сражается». — Наконецъ къ нему же относится стихъ Лукана: *Nil actum reputans, si quid superesse agendum* (онъ считалъ, что ничего не сдѣлано, если оставалось что нибудь сдѣлать), а этотъ стихъ есть формула дѣятельнаго характера.

***) Царь еракійскій.

****) Жестокій народъ, не считающій возможнымъ жить безъ оружія.

*****) Книга I, глава XL.

*****) Рибо, *О различныхъ формахъ характера*, Образованіе, 1893, Январь, стр. 28.

„Образованіе“. Отдѣлъ II. № 7—8.

внѣшнимъ образомъ, и наряду съ любителями физическихъ упражненій, дѣйствительно, встрѣчаются другіе люди, которые оказываются пристрастными къ упражненіямъ умственнымъ; если первые любятъ дѣйствовать, то послѣдніе любятъ думать, и желаніе знать въ свою очередь становится у нихъ страстью. Это характеры *интеллектуальныя*, которые могутъ быть также названы *мыслительными* или *созерцательными*.

Въ этой новой формѣ были склонны видѣть скорѣе искусственное произведеніе, нежели произведеніе природы. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ доказательство ея врожденности въ томъ, что есть умы, которые съ самаго начала находятъ высшее наслажденіе въ идеяхъ. «Когда я былъ еще ребенкомъ, говорить одно изъ дѣйствующихъ лицъ *Возвращеннаго Рая* Мильтона, я не находилъ удовольствія ни въ одной дѣтской игрѣ. Всѣ помыслы мои были устремлены на то, чтобы учиться и знать, и такимъ образомъ работать на общее благо; я считалъ себя рожденнымъ, чтобы быть носителемъ истины и справедливости».

Оноре Балзакъ, описывая дѣтскіе годы *Людовика Ламбора*, т. е. свои собственные, пишетъ: «Вѣтхій и Новый Завѣтъ попали въ руки Людовика, когда ему было пять лѣтъ, и эта книга, заключающая въ себѣ столько книгъ, рѣшила его судьбу. Понимало ли уже дѣтское воображеніе таинственную глубину Священнаго Писанія, или оно просто увлеклось ихъ прелестью! Одно явилось слѣдствіемъ этого перваго чтенія Библии: Людовикъ ходилъ по всему Монтуару, выпрашивая книги; онъ получалъ ихъ благодаря той убѣдительности, секретъ которой знаютъ только дѣти, и которой никто не можетъ противостоять. Занимаясь такимъ образомъ безъ всякаго руководства, Людовикъ достигъ десятилѣтняго возраста». Тогда его отсылаютъ къ дядѣ съ материнской стороны, священнику де-Меръ, «старому члену конгрегаціи, достаточно образованному»; онъ берется заняться его образованіемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. «Людовикъ проводилъ обыкновенно въ родительскомъ домѣ каникулы, когда дядя освобождалъ его отъ занятій; но вмѣсто того, чтобы, по обычаю школьниковъ, предаваться здѣсь сладостному *farniente*, привлекающему насъ во всякомъ возрастѣ, онъ съ самаго ранняго утра забиралъ съ собою хлѣбъ и книги, и уходилъ читать и размышлять въ глубину лѣса, желая скрыться отъ увѣщаній матери, считавшей вредными такіа непрерывныя занятія. Съ этого времени потребность въ чтеніи стала у Людовика какъ бы голодомъ, котораго ничто не могло утолить: онъ поглощалъ книги всякаго рода и питался безразлично сочиненіями религиозными, историческими, философскими и по физикѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что испытывалъ чрезвычайное наслажденіе, читая словари за неимѣніемъ другихъ книгъ, и я охотно ему вѣрилъ... Впрочемъ, его страсть къ чтенію получала полное удовлетвореніе. Священникъ де-Меръ былъ обладателемъ библіотеки почти въ двѣ или три тысячи томовъ... Въ три года Людовикъ

Ламберъ усвоилъ себѣ содержаніе всѣхъ книгъ въ бібліотекѣ дяди, которыя только стоило прочесть» *).

Характеры интеллектуальные бывають обыкновенно склонны къ самоанализу, поглощены своими мыслями, мало общительны, холодны, часто разсѣяны и озабочены.

Типы измѣняются сообразно складу ума каждаго. Поланъ различаетъ ихъ нѣсколько видовъ: «Такъ, напримѣръ, одинъ изъ этихъ типовъ порождается пристраіемъ къ составленію естественно-историческихъ коллекцій, причеиъ коллекціонеръ бываетъ иногда больше художникъ, чѣмъ ученый, и увлекается столько же видомъ и цвѣтомъ своихъ насѣкомыхъ или раковинъ, сколько и умственнымъ удовольствіемъ, которое они ему доставляютъ». Переходя отъ типовъ конкретныхъ къ абстрактнымъ, мы встрѣчаемъ «ученыхъ, подвергающихъ научныя явленія анализу и синтезу, химиковъ, физиковъ, биологовъ, изучающихъ одновременно факты и ихъ толкованіе. Къ этой категоріи принадлежатъ Клодъ Бернаръ, Гельмгольцъ, Бертелло, такіе естествоиспытатели-философы, какъ Дарвинъ, философы съ явнымъ пристраіемъ къ фактамъ и частностямъ, какъ Спенсеръ, историки, подвергающіе анализу и факты, и теоріи, какъ Фустель-де-Куланжъ». Сюда же относятся романисты и драматурги. Новая категорія «обнимаетъ собою людей, питающихъ пристраіе къ очень отвлеченнымъ и общимъ законамъ логики, метафизики, математики, всѣхъ тѣхъ, кто приводитъ въ связь разныя научныя положенія и формулы или выводитъ одни изъ другихъ... Какую бы форму ни приняло пристраіе къ умственной жизни, оно налагаетъ ясный отпечатокъ на весь характеръ челоѡка» **).

Мы назовемъ въ частности, какъ лицъ, принадлежащихъ къ этой группѣ: Архимеда, Ньютона, Гаусса, Спинозу, Лейбница, который, по словамъ Фонтенелля, часто спалъ не иначе, какъ сидя въ креслѣ и «занимался наукой нѣсколько мѣсяцевъ сразу, не вставая съ мѣста», Пика де Мирандоля, Магліабеччи, Бейля, Байлье, Монтескье, Кювие, Гиббона, Ампера ***) , Вальтеръ-Скотта, Тэна, Борда-Демулена, который, раздавъ все, что имѣлъ, терпя недостатокъ во всемъ, почти умирая съ голоду, расходовалъ послѣдніе оставшіеся у него гроши въ читальнѣ; проведя всю свою жизнь въ парижской мансардѣ, въ занятіи метафизикой, онъ умеръ холостикомъ, не найдя времени для любви» ****). «Одна только ал-

*) См. *Balzac, sa vie et ses oeuvres*, par M-me Laure Surville, sa veuve.

**) *Психологія характера*, стр. 111.

***) «Для чего существуетъ міръ? говоритъ Амперъ. Чтобы давать мысли умамъ». Вотъ, говоритъ Фулье, интеллектуальный характеръ и его предствленіе о мірѣ. Этотъ же самый Амперъ незадолго до своей смерти разбиралъ философскіе вопросы съ однимъ изъ своихъ друзей, и когда послѣдній посоветовалъ ему беречь свои силы и здоровье, онъ вскричалъ: «Мое здоровье, стоить толковать о моемъ здоровьѣ! Между нами можетъ быть рѣчь только о томъ, что вѣчно».

****) *Letourneur, Physiologie des passions, Passions intellectuelles*. — См. Huet, *Histoire de la vie et des ouvrages de Bordas-Demoulin*.

гебра, говорить о Карлѣ Марксѣ его зять, Лафаргъ, могла доставить ему утѣшеніе въ самые печальные моменты его бурной жизни. Во время болѣзни своей жены, когда онъ опасался за ея жизнь, онъ написалъ трактатъ объ исчисленіи безконечно-малыхъ величинъ, чтобы отрѣшиться такимъ образомъ отъ скорбной дѣйствительности и уйти въ свѣтлыя сферы высшей абстракціи. Кому не знакомъ этотъ живописный портретъ Канта, написанный Мишле: Въ глубинѣ сѣверныхъ морей существовало странное и мощное созданіе: человѣкъ? Нѣтъ, система, живая схоластика, причудливая и суровая; утесъ, подводный камень, выточенный остріемъ алмаза въ гранитѣ Балтійскаго моря. Его называли Иммануиломъ Кантомъ; онъ называлъ себя «Критика». Въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, это существо, *совершенно отвлеченное*, не зная никакихъ человѣческихъ отношеній, выходило точно въ одинъ и тотъ же часъ, и, не говоря ни съ кѣмъ, совершало въ продолженіе опредѣленнаго числа минутъ одну и ту же прогулку, подобно тому какъ на старинныхъ городскихъ башенныхъ часахъ выходитъ желѣзный человѣкъ, бьетъ часы и затѣмъ уходитъ...». Кантъ не былъ женатъ и никогда не выѣзжалъ изъ своего родного города.

Физиологическая основа этого класса характеровъ опредѣляется, вѣроятно, лимфатическимъ темпераментомъ въ соединеніи съ специальнымъ предрасположеніемъ мозга.

Перев. Е. Максимова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Профессиональная школа на новых началах.

Профессиональное образование как мужское, так и женское, является одним из важнейших вопросов нашего времени, вопросом не выдуманном, не изобретенным искусственно, но властно поставленным самой жизнью. Поговорите с родителями, и вы навѣрно услышите отъ нихъ жалобы на то, что они не знаютъ, куда опредѣлять дѣтей, — такъ мало путей для «малыхъ сихъ». Дѣйствительно, если мальчику не подѣ силу классическій курсъ, а дѣвочка оказывается не на мѣстѣ въ гимназін или институтѣ, вопросъ объ ихъ участи поистинѣ доходитъ до трагизма. Положимъ, для мальчика есть еще выходъ—реальное училище, но попробуйте-ка попасть въ эти заповѣдныя стѣны. Не только въ первый классъ, но и въ приготовительный поступаютъ не иначе, какъ по конкурсу, и если у вашего мальчика нѣтъ выдающихся способностей, ему не видать реального училища. Всюду масса желающихъ при крошечномъ числѣ вакансій.

Но допустимъ даже, что ученику посчастливилось: онъ проникъ въ заветное училище и благополучно кончилъ курсъ. Тогда родителей да и его самого тревожитъ новая дума: можетъ ли онъ преодолѣть всѣ тѣ преграды, которыя ставятся реалистамъ на пути къ дальнѣйшему образованію? Побѣдитъ ли онъ цѣлыя полчища менѣе даровитыхъ соперниковъ и приобрѣтетъ ли право носить студенческой мундиръ одного изъ нашихъ немногочисленныхъ институтовъ?

Все сказанное показываетъ, что у насъ слишкомъ мало *типовъ* средней школы: или классическое образование, или реальное, третьяго нѣтъ. Потребность въ этомъ *третьемъ* типѣ заведеній сказалась ужъ настолько сильно, что мы, кажется, видимъ себя накануне открытія цѣлага ряда коммерческихъ, сельско-хозяйственныхъ и другихъ профессиональныхъ училищъ для мальчиковъ; говоримъ «наканунѣ», но какъ будто и «настоящій день» не далеко.

Мы видѣли, что при опредѣленіи мальчика въ среднее учебное заведеніе для родителей выбора почти нѣтъ; еще скупѣе онъ

для дѣвочки: институты доступны немногимъ, да къ тому же, это интернаты, стало быть, остается только гимназія. Впрочемъ, за послѣднее время стало развиваться женское профессиональное образованіе, но, къ сожалѣнію, многіе изъ родителей средняго круга не могутъ отдѣлаться отъ того рутиннаго взгляда, что профессиональная школа есть убѣжище для неудачницъ. Такой взглядъ, показывающій, что мы еще недостаточно выросли, явился, можетъ быть, потому, что научныя программы подобныхъ школъ страдали неполнотою, а самый профессиональный курсъ не давалъ настоящихъ практическихъ знаній. Женскимъ профессиональнымъ училищамъ еще не удалось установить надлежащаго равновѣсія между курсами научнымъ и ремесленнымъ, и если одинъ изъ нихъ получаетъ преобладающее значеніе, другой поневоля падаетъ. Здѣсь сказывается традиціонное неудобство служенія двумъ господамъ.

Потому нельзя не привѣтствовать появленія такой школы, гдѣ устраненъ этотъ антагонизмъ, научный курсъ совершенно отдѣленъ отъ ремесленнаго: когда заканчивается одинъ, тогда приступаютъ къ другому. Стало быть, здѣсь отсутствуетъ раннее навязываніе специальности: ученица, пробывъ въ научныхъ классахъ и не почувствовавъ призванія къ предлагаемымъ послѣ профессіямъ, имѣетъ ужъ за собой то преимущество, что она получила общее образованіе. Если же она переходитъ въ классы спеціальныя, она можетъ спокойно изучать выбранную профессію, не разрываясь между двумя задачами, изъ которыхъ одна мѣшаетъ другой. Мы говоримъ о женскомъ профессиональномъ училищѣ при «домѣ Анатолія Демидова», съ уставомъ и программой котораго намъ пришлось недавно познакомиться. Съ 1894 года оно состоитъ изъ общихъ классовъ и спеціальныхъ: послѣдніе раздѣляются на руководѣльно-профессиональную школу и училище коммерческаго счетоводства; первая преобразована изъ прежней Демидовской школы, второе недавно открылось. Въ общіе классы дѣвѣцы принимаются въ возрастѣ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, въ спеціальныя не позже 18. Итакъ, къ спеціальнымъ занятіямъ воспитанницы приступаютъ здѣсь уже въ возрастѣ сознательномъ, получивъ общее развитіе да и физически окрѣпнувъ настолько, что продолжительное сидѣнье за работою не такъ вредно отзывается на ихъ организмѣ, какъ въ годы отрочества; онѣ могутъ работать сознательно и охотно, видя, что трудъ имъ по силамъ, а потому и дѣло въ ихъ рукахъ будетъ спориться. Стало быть, этому принципу строгаго раздѣленія курсовъ нельзя не сочувствовать.

Поговоримъ о самой программѣ общеобразовательнаго курса. Онъ состоитъ изъ 5 классовъ, гдѣ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій языкъ, церковно-славянское чтеніе, языки французскій и нѣмецкій, ариѳметика и геометрія, исторія, географія, естествовѣдѣніе (ботаника и зоологія, краткія свѣдѣнія по анатоміи и физиологіи), физика, чистописаніе и каллигра-

фія, рисованіє, рукодѣліє и шитьє и гимнастика. Наибольшее число недѣльных уроковъ въ каждомъ классѣ 31, наименьшее 28. Пѣніемъ (преимущественно хоровымъ) ученицы занимаются внѣ класса и лишь по достиженіи 12-лѣтняго возраста—правило, которое каждый врачъ одобритъ. Ученицы могутъ за особую плату обучаться и игрѣ на фортепіано.

Изъ сказаннаго нами видно, что научный курсъ новаго училища составляетъ нѣчто среднее между прогимназическимъ и гимназическимъ, и, насколько мы можемъ судить по программѣ, онъ такъ принаровленъ, что если учащіяся не пожелаютъ поступить въ спеціальныя классы, онѣ могутъ продолжать свое образованіе въ гимназіи. Это другая важная сторона новой школы. Педагоги давно твердятъ о необходимости такого ієрархическаго устройства учебныхъ заведеній, при которомъ каждое изъ нихъ, давая своимъ питомцамъ нѣчто законченное, доставляло бы имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность поступать въ другое даже безъ особаго испытанія.

Если кто и найдетъ вышеупомянутую программу недостаточной, то замѣтимъ, что въ классахъ коммерческаго счетоводства, наравнѣ съ предметами спеціальными, дѣвицы продолжаютъ получать и общее образованіе, какъ это мы увидимъ ниже, такъ что прежніе пробѣлы пополняются. Что касается введенія новыхъ языковъ, пункта, противъ котораго, пожалуй, раздадутся многіе голоса, то оно сочтено необходимымъ какъ для того, чтобъ облегчить воспитанницамъ занятія въ коммерческихъ классахъ, такъ и потому, что для будущихъ портнихъ знаніе языковъ вещь далеко не лишняя: въ мірѣ модъ въ ходу не только французскіе, но и нѣмецкіе журналы (доказательство — журналъ «Вѣнскій шикъ», которымъ теперь пользуется много русскихъ мастерицъ портняжнаго дѣла). Наконецъ, нельзя не прибавить, что самое присутствіе иностранныхъ языковъ въ программѣ примиритъ съ профессиональнымъ образованіемъ тѣхъ родителей средняго круга (а для такого круга скорѣе всего и предназначается новое учебное заведеніе, такъ какъ плата за пансіонерку здѣсь 250 р. въ годъ), которые до сихъ поръ относились къ нему съ предубѣжденіемъ; многимъ изъ нихъ и школа съ серьезнымъ курсомъ кажется не пастоящей, если тамъ не проходитъ французскій языкъ.

Что касается остальныхъ предметовъ, то нельзя не пожалѣть, что курсъ русской исторіи сравненъ съ курсомъ всеобщей: преподаваніе древней, средней и новой исторіи имѣетъ эпизодическій характеръ, по русской исторіи проходятся тоже только «важнѣйшія событія». Конечно, исторія Россіи изучается подробнѣе въ коммерческихъ классахъ, но такъ какъ большинство ученицъ будетъ переходить въ рукодѣльно-профессіональную школу, то желательнее было бы лучше ознакомить ихъ основательно съ исторіей родной земли, а курсъ всеобщей исторіи перенести въ эти классы счетоводства.

Въ преподаваніи географіи этой ошибки мы не видимъ: она начинается во II классѣ, и здѣсь наряду со свѣдѣніями по математической географіи (неизбѣжнымъ зломъ методики этого предмета) проходитъ краткое обзоръ Россійской имперіи, а затѣмъ въ IV классѣ то же обзоръ предполагается дѣлать возможно подробнѣе. Надо было бы также поставить и преподаваніе родной исторіи. Можетъ быть, недосмотръ этотъ и будетъ исправленъ позднѣе. Не надо забывать, что мы говоримъ о школѣ совсѣмъ новаго, молодого типа. Директоръ ея въ предисловіи къ программамъ прямо называетъ ихъ примѣрными и прибавляетъ, что «практическое примѣненіе ихъ скоро покажетъ вѣроятную необходимость тѣхъ или ихъ измѣненій въ виду лучшаго и болѣе успѣшнаго достиженія школою своей цѣли».

Что касается коммерческихъ классовъ, то здѣсь, помимо предметовъ специальныхъ: коммерческой ариметики, бухгалтеріи, коммерческой корреспонденціи (русской и иностранной), коммерческой географіи и исторіи торговли, коммерческой экономіи, торговаго законовѣдѣнія и практическаго ознакомленія съ товарами, преподаются и предметы общеобразовательные; они проходятъ приблизительно въ объемѣ курса старшихъ классовъ гимназій. Очевидно, этимъ Демидовское коммерческое училище будетъ счастливо отличаться отъ другихъ коммерческихъ женскихъ курсовъ, гдѣ преподаются исключительно предметы, имѣющіе отношеніе къ будущей профессіи. Составители программъ, вводя сюда Законъ Божій, словесность, исторію, физику и естественвѣдѣніе, руководились, повидимому, желаніемъ избавить молодой умъ отъ иссушающей профессиональной узости, особенно опасной въ годы развитія. Мы только не можемъ не сдѣлать одно частное замѣчаніе по поводу курса словесности. Въ программѣ сказано, что въ послѣднемъ (третьемъ) классѣ specialнаго курса проходятъ краткую теорію словесности. Намъ интересно было бы знать, что входитъ въ него, такъ какъ всѣ главныя свѣдѣнія по этому предмету сообщаются ученицамъ раныше. Не слѣдуетъ ли замѣнить слово *проходятъ* словомъ *повторяютъ*, такъ какъ въ этомъ же послѣднемъ классѣ повторяется и исторія русской литературы.

На иностранныя языки въ коммерческомъ училищѣ обращено большое вниманіе, причемъ, кромѣ повторенія систематическаго курса грамматики и общепринятыхъ письменныхъ упражненій, ученицамъ предлагается составлять коммерческія письма на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а также изучать иностранныя формы различныхъ коммерческихъ документовъ. Но фундаментъ знанія языковъ долженъ быть заложенъ гораздо раныше; поэтому программа разумно полагаетъ, «что отъ хорошаго прохожденія языковъ въ первыхъ пяти классахъ зависятъ и успѣхи въ классахъ специальныхъ». Вслѣдствіе этого въ общихъ классахъ и отводится большее число часовъ на иностранныя языки, чѣмъ въ классахъ специальныхъ: по 5 недѣльныхъ уроковъ въ I классѣ общаго курса и по 4 въ остальныхъ; въ коммерческомъ же курсѣ

4 урока въ I кл. и по 3 въ слѣдующихъ. Во время внѣклассное ученицы должны упражняться въ разговорной рѣчи на иностранныхъ языкахъ. Какъ показываютъ эти старанія, преподаваніе должно быть направлено къ тому, чтобъ учащіяся усвоили не только грамматику обоихъ языковъ и доведены были до возможности понимать безъ затрудненія французскія и нѣмецкія сочиненія, но и научились бы выражаться на этихъ языкахъ безъ ошибокъ, какъ устно, такъ и письменно. Преслѣдуя, какъ уже сказано выше, и цѣли общаго образованія, программа говоритъ намъ, что вышеупомянутыя знанія позволятъ ученицамъ пользоваться лучшими произведеніями западной литературы, а это приведетъ, конечно, къ расширенію ихъ умственного горизонта.

Широта задачъ не исключаетъ желанія поставить преподаваніе и на дѣловую, практическую почву. Отъ учащихся требуются «безукоризненная чистота исполненія и изящный почеркъ». Дѣловое направленіе видно и въ намѣреніи обучить воспитанницъ стенографіи и работѣ на пишущей машинѣ. Послѣдній видъ заработка получаетъ все большее и большее распространеніе, почему нельзя не одобрить предусмотрительности тѣхъ, кто вырабаталъ программу.

Въ рукодѣльно-профессіональную школу поступаютъ по окончаніи общаго курса во 1-хъ) тѣ воспитанницы, которыя не оказали успѣховъ въ иностранныхъ языкахъ или отказались отъ изученія ихъ, во 2-хъ) тѣ, которыя не оказали достаточныхъ успѣховъ въ наукахъ, въ 3-хъ) тѣ, которыя, не смотря на успѣшно оконченное научное образованіе, сами пожелаютъ перейти не въ коммерческіе, а въ рукодѣльные классы. Здѣсь преподаются слѣдующія отрасли рукодѣлія: 1) Кройка бѣлья. 2) Шитье бѣлья. 3) Кройка платевъ и верхнихъ вещей. 4) Шитье платевъ и верхнихъ вещей. 5) Модное мастерство (дѣланіе шляпъ и головныхъ уборовъ). 6) Вязанье и вышиванье. 7) Цвѣтодѣліе. 8) Рисованіе (приспособленное къ мастерствамъ).

Изучая ремесла, воспитанницы знакомятся съ образцами матеріаловъ, а для пріобрѣтенія необходимаго ремесленного опыта присутствуютъ въ магазинѣ заведенія при пріемѣ и сдачѣ заказовъ (см. § 72 устава). Изъ общеобразовательныхъ предметовъ здѣсь остаются только Законъ Божій, русскій языкъ, ариметика и начальная геометрія. Курсъ ихъ повторительный.

Имѣя въ виду будущую профессію многихъ ученицъ, составители программы старались и въ общихъ классахъ серьезно поставить преподаваніе рукодѣлія: во всѣхъ классахъ, кромѣ 5-го, на него отводится по 4 часа, въ 5-мъ же 2 часа. При такомъ числѣ уроковъ ученицы естественно могутъ получить порядочную элементарную подготовку по рукодѣлію, а въ этомъ предметѣ практика значить почти *все*.

Практическій характеръ школы сказывается и въ томъ, что воспитанницъ заведенія предполагается знакомить съ домашнимъ садоводствомъ и огородничествомъ, молочнымъ хозяйствомъ, по-

вареннымъ искусствомъ, стиркой бѣлья и глаженьемъ (см. § 74 устава). Если дѣвушки пріобрѣтутъ достаточныя свѣдѣнія по вышеназваннымъ предметамъ, въ этомъ имъ будутъ выданы особыя удостовѣренія. «Занятія происходятъ весной и лѣтомъ въ каникулярное время, вслѣдствіе чего каждая воспитанница остается на каникулы въ заведеніи не менѣе одного раза въ теченіе всего учебнаго курса для ознакомленія съ вышеозначенными отраслями хозяйства. Неисполненіе почему-либо воспитанницею этого правила лишаетъ ее права на допущеніе къ окончательнымъ профессиональнымъ экзаменамъ». Необходимо, конечно, чтобы и практическія знанія имѣли свою разносторонность, и нельзя не сочувствовать тому, что здѣсь сообщаются свѣдѣнія, имѣющія непосредственное приложеніе къ жизни (въ этомъ отношеніи новое училище походить на народныя шведскія школы, гдѣ, знакомясь съ общеобразовательными предметами, ученицы при 5-лѣтнемъ или 6-лѣтнемъ курсѣ успѣваютъ научиться также домашнему хозяйству), но мы все же сомнѣваемся въ томъ, насколько осуществимо сообщеніе сельскохозяйственныхъ знаній въ центрѣ города хотя бы при собственномъ садѣ, огородѣ и молочной фермѣ. *Qui vivit — vegeta.*

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о правахъ, даваемыхъ новымъ заведеніемъ.

Дѣвицы, съ успѣхомъ окончившія курсъ училища коммерческаго счетоводства, получаютъ свидѣтельство на званіе конторщицы и, кромѣ того, именныя жетоны установленнаго образца съ подписью «конторщица». Двумъ отличнѣйшимъ выдаются золотые, а всѣмъ прочимъ серебряныя жетоны. О выдачѣ ихъ упоминается въ профессиональныхъ свидѣтельствахъ (выпускныхъ аттестатахъ). Названіе «конторщица», по примѣчанію въ уставѣ, выбрано, какъ терминъ общій, показывающій, что носящая это званіе способна къ бухгалтерской, кассирской и дѣлопроизводительской дѣятельности, изъ которыхъ слагается управленіе каждымъ промышленнымъ и торговымъ предпріятіемъ.

Житейская практика показываетъ, что женщины чрезвычайно пригодны для такой дѣятельности, благодаря своей способности къ усидчивому труду и добросовѣстному отношенію къ дѣлу. Поэтому, надо надѣяться, что тотъ контингентъ конторщицъ, который будетъ данъ Демидовскимъ училищемъ, сейчасъ же найдетъ приложеніе своему труду.

Воспитанницы же, съ успѣхомъ окончившія курсъ руководѣльно-профессиональной школы, получаютъ свидѣтельство на званіе мастерицы, на основаніи котораго могутъ открывать магазины, мастерскія и имѣть вывѣски. Лучшія мастерицы удостоиваются званія учительницы руководѣлія и получаютъ право, по достиженіи 21 года отъ роду, учреждать женскія профессиональныя школы. При выпускѣ двумъ отличнѣйшимъ выдаются также установленнаго образца золотыя жетоны съ надписью «учительница руководѣлія», а остальнымъ серебряныя. Самъ уставъ находитъ получае-

мы права «широкими», но они даются, чтобы поднять значеніе профессиональныхъ знаній, часто напрасно и незаслуженно при-
нижаемыхъ въ нашемъ обществѣ, гдѣ только нѣкоторыя формы
труда пользуются уваженіемъ. Такимъ образомъ коммиссія, пре-
образовывавшая Демидовскія учрежденія, стояла здѣсь на пра-
вильной точкѣ зрѣнія. Не мѣшало бы, однако, давая лучшимъ
ученицамъ рукодѣльно-профессиональной школы права учитель-
ницъ рукодѣлія, сообщать имъ нѣкоторыя свѣдѣнія по педагогикѣ
(если не по методикѣ рукодѣлій: послѣдній предметъ мало разра-
ботанъ и представляется чѣмъ-то неопредѣленнымъ) въ виду того,
что имъ придется имѣть дѣло, можетъ быть, преимущественно съ
дѣтьми. Замѣтимъ, кстати, что на курсахъ для приготовления
учительницъ рукодѣлія, учрежденныхъ обществомъ поощренія
женскаго ремесленного образованія, этотъ предметъ читается.

Комитетъ воспитательно-образовательнаго учрежденія состоитъ
изъ 250 дѣвицъ. Заведеніе остается закрытымъ, но допускаются
и приходящія ученицы, число которыхъ опредѣляется на каждый
учебный годъ Попечительнымъ совѣтомъ Дома.

Въ спеціальныя классы могутъ поступать не только воспитан-
ницы Дома Анат. Демидова, но и ученицы другихъ заведеній, а
равно и получившія домашнее образованіе, причемъ имѣющія
аттестатъ среднеучебнаго заведенія поступаютъ безъ экзамена,
если со времени окончанія ими курса прошло не болѣе года, въ
противномъ случаѣ имъ производится экзаменъ по иностраннымъ
языкамъ, а поступающимъ въ рукодѣльно-профессиональную школу
по рукодѣлію.

Заканчивая нашу замѣтку, пожелаемъ успѣха новому учреж-
денію и будемъ надѣяться, что оно дастъ русской женщинѣ но-
выя средства къ независимому и честному существованію и умень-
шить количество того женскаго пролетаріата, который, не зная,
куда примѣнить свои молодыя силы и бесплодно тоскуя и бѣд-
ствуя, наводитъ печальныя думы на каждого педагога, работаю-
щаго надъ дѣломъ женскаго образованія.

Н. Леонтьева.

Свободныя профессіи и ремесла *)).

Проф. Шарля Жиди.

Разъ въ годъ—это не слишкомъ часто,—мы сзываемъ въ эту залу большую публику Монпелье, чтобы вмѣстѣ порадоваться на успѣхи нашего университета, на возрастающее число студентовъ, тѣснящихся къ нашимъ кафедамъ, и чтобы укрѣпить другъ друга въ мысли о пользѣ, которую мы надѣемся принести для науки и для страны.

Никогда не было такого стремленія какъ теперь къ карьерамъ, извѣстнымъ подъ именемъ свободныхъ профессій. Фактъ очевиденъ. Но для ясности позвольте мнѣ привести простую цифру. Въ то время, какъ земледѣльческая и промышленная профессіи потеряли во Франціи въ теченіе сорока лѣтъ десятую часть своей численности, личный составъ занимающихся свободными профессіями увеличился больше чѣмъ на треть **).

	1856	1886	1891	
Земледѣльческія . . .	52,9%	47,8%	47,3%	уменьшен. на 10,73%
Промышленныя . . .	29,1%	25,2%	25,9%	
Сводн. профессіи и ранъеры	9,1%	11,1%	12,7%	увелич. на 39,55%

А такъ какъ университетъ это большія ворота для достиженія этихъ карьеръ, то для насъ первыхъ въ этомъ выгода.

Отлично. И какъ членъ этого университета и гражданинъ этого города, я принимаю большое участіе въ этой радости и въ этой гордости. Но такъ какъ въ нынѣшнемъ году честь обращенія къ вамъ съ обычной рѣчью выпала на долю профессора политической экономіи, позвольте ему внести въ этотъ хоръ поздравленій немного несоотвѣтствующую ноту, почти крикъ тревоги! Среди этой церемоніи, которая представляетъ какъ бы торжество свободныхъ профессій, такъ какъ въ этой залѣ собрались и юные кандидаты, готовящіеся къ нимъ и ихъ старшіе, достигшіе уже вершинъ этихъ карьеръ, которые представляютъ ихъ во всемъ

*) Рѣчь произнесенная на торжественномъ собраніи при открытіи факультетовъ въ Монпелье.

**) Вотъ статистика профессій за 45 лѣтъ.

блескъ,—простите, если я осмѣлюсь взять на себя роль суроваго предостерегателя, котораго заставляли въ Римѣ всходить на колесницу триумфаторовъ, чтобы смутить ихъ торжество какими-нибудь зловѣщими истинами.

Я не собираюсь однако, какъ это сдѣлали первые экономисты, фیزیократы, назвать классы, посвятившіе себя свободнымъ профессіямъ—классами непроизводительными и бесплодными. Это несправедливость и ошибка, которая уже давно исправлена. Я бы хотѣлъ только показать вамъ, что первенство, которымъ они пользовались такъ долго во всѣхъ человѣческихъ обществахъ и которое дѣлало изъ нихъ какой-то генеральный штабъ, совсѣмъ не такъ обезпечено, какъ думали, и что честолюбивыя надежды, которыя они открывали сыновьямъ семействъ, постепенно суживаются; но я надѣюсь также убѣдить васъ, хотя вы и причастны къ этому дѣлу, что въ общемъ это экономическое движеніе само по себѣ хорошо и что ему надо радоваться.

I.

Что означаетъ это громкое названіе *свободныя профессіи*? По своему этимологическому и историческому происхожденію, оно означало, очевидно, положеніе тѣхъ, кто жилъ въ условіяхъ людей свободныхъ, а не трудомъ своихъ рукъ, какъ рабы или крѣпостные.

Люди начали искать средствъ избавиться отъ ручного труда не сегодня и не вчера. Они всѣмъ пользовались для этого:—въ началѣ, правомъ сильнаго, въ самой грубой его формѣ, когда дикарь заставляетъ обрабатывать землю и таскать тяжести слабый полъ, своихъ женъ, между тѣмъ, какъ самъ охотится, спитъ, или если уже онъ болѣе цивилизованъ, какъ краснокожій, то онъ куритъ свою трубку;— во времена языческой древности, правомъ оружія, правомъ народа завоевателя, обращающаго въ рабство побѣжденныхъ и оставляющаго имъ жизнь съ условіемъ, чтобы они работали на него;—при феодальномъ порядкѣ—правомъ происхожденія, которое считаетъ праздность преимуществомъ знатныхъ людей, запрещаетъ имъ даже пользоваться руками, предоставляя эту обязанность тѣмъ, которые, по заносчивому выраженію того времени, не имѣли рожденія.

Въ настоящее время, всѣ эти преимущества уничтожены, но зато выдуманы другой, правда, болѣе демократическій способъ избавиться отъ паханія земли или кованія желѣза, а именно получить, какъ выразительно говорятъ, «мѣсто», и если возможно «хорошее мѣсто».

Я вовсе не утверждаю, чтобы желаніе избѣжать занятія ремесломъ было единственной причиной, которая заставляетъ въ наше время столько людей искать для себя или для своихъ дѣтей свободныхъ профессій, но не нужно скрывать, что это одна изъ главныхъ.

И даже, если взглянуть на стараніе или скорѣе горячность, съ которой бросаются въ наши дни въ погоню за мѣстами, то можно заключить, что старое желаніе избѣжать ручного труда не менѣе живо въ нашей крови, чѣмъ у первобытныхъ людей. Крестянинъ старается сдѣлать изъ своего сына причетника, писаря, мальчика на побѣгушкахъ: это первый шагъ къ освобожденію отъ ручного труда. Въ слѣдующемъ поколѣніи, внуки выдержатъ свои экзамены и придутъ къ намъ просить этихъ дипломовъ, которые такъ цѣнятся, увы, не ради науки, къ которой они относятся, а ради преимуществъ, которыя они доставляютъ.

Если можно будетъ получать мѣста безъ дипломовъ, безъ сомнѣнія ихъ будутъ еще болѣе домогаться. Этимъ объясняется необыкновенное умноженіе класса мелочныхъ лавочниковъ, маклеровъ, всевозможныхъ посредниковъ, сильно превышающаго классъ свободныхъ профессій; число ихъ, составлявшее тридцать лѣтъ тому назадъ 1.500,000, возросло въ настоящее время до 4 милліоновъ. Но теперь насъ занимаетъ не эта категория.

Я не хочу въ моей рѣчи слишкомъ распространяться о статистикѣ. Но все же одна изъ нихъ любопытна; это издаваемая ежегодно въ Парижѣ таблица числа должностей въ Сенской префектурѣ и числа записанныхъ кандидатовъ. Число должностей, даже еще несвободныхъ, замѣтите это, но *въролтно долженствуюшихъ быть свободными* — 299; число же записанныхъ кандидатовъ — 21,088, что въ среднемъ составляетъ по 70 кандидатовъ на одно мѣсто. Кромѣ того на этой таблицѣ можно замѣтить, что не всѣ должности одинаково составляютъ предметъ исканія. Изъ всѣхъ должностей наиболѣе возбуждаетъ мечту записанныхъ кандидатовъ должность *смотрителя*, а это, повидимому, указываетъ на то, что если мы находимъ мало удовольствія работать сами, то мы очень любимъ заставлять работать другихъ.

Чтобы поставить препятствіе этому наплыву, затрудняютъ всѣ пути, которые могутъ привести къ этимъ должностямъ, ставятъ рогатки, которыя называются экзаменами и конкурсами; умножаютъ дипломы и расширяютъ программы, которыя даютъ возможность получить этотъ дипломъ. Какъ египетскіе храмы охранялись длинными аллеями неподвижныхъ и величественныхъ сфинксовъ, такъ храмы науки охраняются въ наши дни новѣйшими сфинксами, но которые также, поставленные въ рядъ въ своемъ гіератическомъ костюмѣ, суровые и величественные, какъ мы сегодня, еще представляютъ нѣкоторую фигуру: потому что эти сфинксы, это мы: мы служимъ для охраненія входа въ святилище и для устраненія недостойныхъ. Наша роль заключается также въ томъ, чтобы задавать кандидатамъ мудренныя загадки и ждать ихъ отвѣта. Во всякомъ случаѣ, болѣе кроткіе, чѣмъ наши древніе и грозные собратья, когда этотъ отвѣтъ не является, мы не пожиремъ за это; мы удовлетворяемся, если выразиться официальнымъ терминомъ, который дышетъ безконечной кротостью, тѣмъ, что даемъ вамъ «отсрочку», т. е. приглашаемъ васъ

повторить. И эта отсрочка рѣдко бываетъ навсегда, доказательство—тотъ легендарный студентъ, который зналъ только одинъ вопросъ и являлся до тѣхъ поръ, пока ему его не задали.

И такъ эти препятствія, которыя пробуютъ ставить, слабы; они останавливаютъ лишь немногихъ, остальные черезъ нихъ проходятъ; они даже не замедляютъ общее рвеніе; напротивъ, кажутся, особенно его возбуждаютъ, какъ всегда это дѣлаютъ препятствія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, газеты упоминали съ удивленіемъ и уваженіемъ одно достойное семейство, которое одно, состоя изъ отца, матери, сыновей и дочерей, собрало не менѣе 23 дипломовъ. Этому нечего удивляться, такъ какъ образованіе распространяется все болѣе и болѣе, средства къ полученію дипломовъ умножаются, слѣдуя еще большей прогрессіи, чѣмъ сами дипломы. Съ другой стороны, огромное расширеніе государственнаго вмѣшательства, развитіе крупныхъ общественныхъ учрежденій и большихъ компаній, весь этотъ огромный аппаратъ передаточныхъ и направляющихъ колесъ, который какъ бы характеризуетъ новѣйшую цивилизацію, открываетъ все болѣе широкія поприща для свободныхъ профессій. Хотя они далеко не удовлетворяютъ требованіямъ, представляя во всякомъ случаѣ, простую возможность, онѣ питаютъ у большого числа людей надежду, основанную на возможности избѣжать въ случаѣ необходимости работы своихъ рукъ для жизненнаго заработка.

Приходя къ такому заключенію, мы начинаемъ беспокоиться. Останутся-ли безнаказанными старанія столькихъ людей избѣгнуть того великаго закона, который не только записанъ въ первой главѣ книги бытія, но который провозглашаютъ естественные и экономическіе законы такъ же ясно, какъ и въ первый день: Ты будешь трудиться въ потѣ лица? Ремесленный трудъ долженъ существовать: безъ него невозможно никакое произведеніе роскоши. И если мы находимъ средства отъ него избавляться, то другіе должны трудиться за насъ. Изъ этой дилеммы нельзя выйти.

Къ счастью, это не можетъ продолжаться, и, кажется, нѣкоторыя явленія времени позволяютъ предсказать близкую перемѣну. Вотъ на эти-то явленія я и хочу вамъ указать.

II.

Какія причины заставляли людей во всѣ времена предпочитать свободныя профессіи занятію ремесломъ?

Первая причина въ томъ, что ручной трудъ былъ гораздо труднѣе и грубѣе, чѣмъ умственный трудъ: я подразумѣваю то количество труда, котораго достаточно, чтобы занимать приличное мѣсто. Существовало и существуетъ еще одно слово, краснорѣчиво грубое для названія трудящагося руками; это «рабочій человекъ». Но благодаря механическимъ изобрѣтеніямъ, это грубое опредѣленіе становится все менѣе и менѣе точнымъ. Я очень хорошо знаю отвѣтъ, что, когда все будетъ дѣлаться посредствомъ

машинъ, работающія руками будутъ обращены въ истопниковъ и что это не будетъ большимъ выигрышемъ съ точки зрѣнія пріятности: мозоли на рукахъ все таки пріятнѣе черныхъ рукъ. Но говорить объ этомъ было бы слишкомъ запоздало. На выставкѣ въ Чикаго, пятьдесятъ-двѣ печи приводили въ движеніе тысячи паровыхъ двигателей «Ярмарки Націй». Но если бы вы поискали истопниковъ этой гигантской батареей печей, вы бы увидели только трехъ джентльменовъ, одѣтыхъ въ бѣлое, прогуливающихся передъ устьями печей. Печи отапливались нефтью и потому вышеупомянутымъ джентльменамъ не приходилось трогать ни кусочка угля, а только поворачивать нѣсколько крановъ, глядя на индикаторную таблицу и сообразуясь со знаками, которые имъ были переданы механиками. Итакъ, эта простая подробность, что можно впредь выполнять ремесло истопника одѣтымъ въ костюмъ изъ бѣлаго тика, составляетъ, смѣю васъ увѣрить, нѣкоторую революцію въ условіяхъ ручного труда.

И въ то время какъ ручной трудъ становится болѣе легкимъ, умственный трудъ кажется становится менѣе привлекательнымъ. Почему? Можетъ быть потому, что по мѣрѣ того, какъ сфера свободныхъ профессій расширяется, она понемногу теряетъ умственный характеръ, который ее возвышалъ. Даже въ свободныхъ профессіяхъ, считающихся самыми благородными, сколько рабства! сколько бесполезной работы, гораздо болѣе носящей характеръ барщины, чѣмъ какое бы то ни было ремесло! Та трата времени, какою высшій чиновникъ долженъ посвящать на подписываніе бумагъ, депутатъ на писаніе писемъ своимъ избирателямъ, писатель на исправленіе корректуръ, профессоръ на отправленіе экзаменовъ съ кандидатами, изъ которыхъ онъ не можетъ ничего вытянуть,—конечно гораздо ужаснѣе и тягостнѣе, чѣмъ та, которая будетъ посвящена разведенію извести или точенію ножекъ для стульевъ.

Можетъ быть умственный трудъ становится болѣе утомительнымъ и потому, что онъ все болѣе и болѣе удаляется отъ ручного труда; доказательствомъ можетъ служить особенная любовь къ спорту, которая дошла, въ настоящее время, до изступленія, и въ которой какъ будто хочетъ возстановить свой ущербъ наша искалѣченная природа. Доказано, что головная работа причиняетъ мускульное утомленіе и расходъ силъ, которые немного ниже расхода на ручной трудъ. Одинъ итальянецъ, профессоръ Моссо, устроилъ аппаратъ, который онъ называетъ *эргографомъ*, и который посредствомъ пружины, прикрѣпленной къ пальцу, и записывающаго цилиндра, измѣряетъ энергію мускульныхъ сокращеній. Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ результатовъ—это результатъ экзаменовъ—но не для кандидатовъ, какъ вы безъ сомнѣнія подумаете,—а для экзаменаторовъ. «Данный экзаменаторъ,—я цитирую буквально,—который до экзамена отмѣчалъ на эргографѣ 53 сокращенія, могъ дѣлать послѣ—только 19. Между тѣмъ представляетъ Моссо, онъ спросилъ только 11 кандидатовъ». Это именно обыкновенная наша порція на юридическомъ факультетѣ. Этотъ

оригинальный докторъ не примѣнилъ своего эргографа къ экзаменуемымъ кандидатамъ: я жалѣю объ этомъ, потому что увѣренъ, что онъ показалъ бы у нихъ безконечно меньше мускульнаго угнетенія, чѣмъ у насъ. И это дало бы намъ право требовать отъ васъ и вашихъ семействъ немного того снисхожденія, котораго у насъ просятъ для васъ.

Итакъ одно преимущество свободныхъ профессій надъ ручнымъ трудомъ уже очень поколеблено и готово исчезнуть. Но онѣ до сихъ поръ сохранили другое преимущество, которое дѣлало ихъ привлекательными: онѣ гораздо лучше вознаграждались. До тѣхъ поръ, пока простой фактъ умѣнія читать и писать составлялъ родъ монополіи, онъ доставлялъ тѣмъ, кто ею владѣлъ, тѣ преимущества, какія доставляетъ каждая монополія, а главное изъ нихъ то, что она принуждаетъ къ хорошей оплатѣ. Въ это счастливое время «имѣть образованіе» значило имѣть капиталъ. Теперь, когда образованіе роздается всѣмъ, не только даромъ, но обязательно, и когда посредствомъ стипендій, даровыхъ курсовъ, публичныхъ лекцій, и среднее и высшее обученіе даже щедро роздается почти всѣмъ, кто его желаетъ, оно съ экономической точки зрѣнія не имѣетъ большой цѣны. Извѣстно, какъ много теперь людей, имѣющихъ дипломъ простой, дипломъ высшій, дипломъ бакалавра, лиценціата, можетъ быть доктора и которымъ трудно найти мѣсто въ 100 франковъ въ мѣсяцъ. Можно знать греческій языкъ лучше Вадіуса, не заслуживъ за это въ нынѣшній прозаическій вѣкъ никакой практической выгоды, даже объятій Филаменты. Одна нѣмка, г-жа Вильгельми, въ одной публичной лекціи въ Лозаннѣ, подъ внушительнымъ заглавіемъ «*Умственный пролетаріатъ*» утверждаетъ, что въ Берлинѣ встрѣчались доктора, филологи и адвокаты, искавшіе мѣста швейцара. Это кажется преувеличеніемъ. Между тѣмъ я знаю мѣсто швейцара въ Hôtel-de-Ville въ Брюсселѣ, съ которымъ произошелъ тотъ же фактъ: оно было присуждено городомъ, и въ числѣ кандидатовъ на это важное мѣсто оказалось 33 кандидата правъ, 17 докторовъ медицины, 21 инженеръ, 3 химика и 1 астрономъ. Правда,—надо сказать, что оно приноситъ около 25000 франковъ въ годъ на чай.

Наконецъ, одно слово все объяснить: въ статистикахъ ночлежныхъ пріютовъ, свободныхъ профессій, пропорціонально своему числу, представлены особенно ярко.

И въ то время какъ свободный трудъ такъ униженъ естественнымъ ходомъ экономическихъ законовъ, оказывается, что по тому же закону предложенія и спроса цѣна ручного труда, ремесла повысилась. Повышеніе платы, принимая въ расчетъ конечно среднія цифры и оставляя въ сторонѣ особенные случаи представляетъ фактъ неоспоримый и неоспариваемый даже соціалистами, даже самими рабочими. Въ наше время хорошій рабочій зарабатываетъ конечно больше, чѣмъ чиновникъ, воспитатель, сельскій священникъ, можетъ быть подпоручикъ. Жоржъ

Дюваль написал по этому поводу, въ одномъ большомъ журналѣ, рядъ любопытныхъ статей. И эта разница еще болѣе замѣтна въ тѣхъ новыхъ странахъ, которыя можно считать представительницами будущаго общества, какъ Соединенные Штаты или Австралія.

Такимъ образомъ, эта вторая причина, которая заставляла предпочитать свободныя профессіи ручному труду, въ свою очередь готова исчезнуть. Но остается послѣдняя и самая упорная причина, хотя именно ее стараются скрыть,—именно та, что ручной трудъ во всѣ времена уважался гораздо меньше, чѣмъ свободныя искусства. О! я досыта слышался, какъ во всѣхъ официальныхъ церемоніяхъ и въ политическихъ рѣчахъ, повторяется фраза, что въ нашихъ демократическихъ обществахъ ручной трудъ уважается, прославляется, что онъ снова нашелъ свое высокое достоинство. Конечно: мы—христіане—охотно вспоминаемъ, что святой Петръ былъ рыбакомъ, а святой Павелъ дѣлалъ палатки; мы—франмасоны, беремъ эмблемой лопату и наугольникъ; мы—мистики конца вѣка задыхаемся отъ восторга передъ Толстымъ, который шьетъ сапоги и коситъ сѣно; но какъ говорить Гамлетъ: это слова! слова! Это даже явное лицемеріе. Народы менѣе цивилизованные, чѣмъ мы, болѣе откровенны въ этомъ отношеніи. Аннамиты высшихъ классовъ, чтобы явно показать, что ихъ руки никогда не прикасались къ какимъ нибудь орудіямъ, носятъ длинные ногти; они даютъ имъ расти, пока они не закрутятся какъ стебли волюбилиса: тогда они ихъ покрываютъ футлярами изъ перламутра или изъ слоновой кости... Мы смѣемся надъ ними, а въ сущности мы думаемъ, какъ они. Среди насъ нѣтъ никого изъ принадлежащихъ къ буржуазіи или свободнымъ профессіямъ, кто бы согласился сдѣлать изъ своего сына рабочаго или выдать свою дочь замужъ за каменщика,—я не говорю о франмасонѣ, но о настоящемъ каменщикѣ. Я же критикую, я только указываю фактъ. Впрочемъ, то же самое чувство существуетъ въ меньшей степени даже среди тѣхъ, которые живутъ работою своихъ рукъ, потому что мы видѣли, что все ихъ стремленіе—возвыситься если не себя, то своихъ сыновей надъ своимъ положеніемъ, найдя имъ мѣсто.

Но почему такъ стойко это предубѣжденіе противъ ручного труда? Я вижу въ этомъ двѣ причины: одну экономическую, другую нравственную.

Поговоримъ сначала объ экономической причинѣ.

Машины, оказывая ручному труду ту большую услугу, на которую я только-что указывалъ, т. е. отнимая отъ него его тяжесть и дѣлая его болѣе легкимъ, принесли ему пожалуй не меньшій вредъ и какъ бы разжаловали его, отнявъ у него всякій характеръ личности и самопроизвольности, ограничивая его однообразіемъ механическаго дѣйствія. Если случайно ручной трудъ соединенъ съ искусствомъ, то конечно, въ такомъ случаѣ онъ не презирается: напротивъ. Работы художниковъ-скульпторовъ или

живописцевъ, которыя возводятъ на самыя вершины человѣческой славы, развѣ не представляютъ ручного труда? И если ремесленники среднихъ вѣковъ, бывшіе только рабочими, управлявшими своими инструментами, занимали въ обществѣ своего времени болѣе высокое мѣсто, чѣмъ рабочіе настоящаго времени, если они сами гордились своимъ положеніемъ, такъ же какъ высшій классъ своимъ, и старались отличить его особеннымъ костюмомъ, то это потому, что, какъ говоритъ историкъ Янсенъ: «искусство свободно выросло изъ ремесла, какъ цвѣтокъ выростаеъ изъ стебля». Это потому, что тогда ручной трудъ умѣлъ придавать самымъ скромнымъ предметамъ отпечатокъ человѣческой личности, изъ за котораго они теперь неопѣнимы и—даже когда они поѣдены ржавчиной или червями—онъ представляетъ ихъ какъ бы живыми передъ глазами всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ прекрасныя вещи. Кто бы рѣшился утверждать, что эта форма производства прошла безвозвратно? Если такая сила природы, какъ паръ, могущественная, но суровая, могла придать труду неслыханное могущество, но цѣною его индивидуальности и принуждая его какъ бы стертая въ своихъ зубчатыхъ колесахъ и подъ плющильной, почему бы какая нибудь другая сила природы, болѣе утонченнаго рода, какъ напримѣръ электричество, которое бѣжитъ по проволокъ и какъ будто уже участвуетъ въ таинствѣ жизни—не могла бы вернуть человѣческому труду его независимость и прежнюю оригинальность? Пусть промышленная эволюція сдѣлаеъ изъ ручного труда не простое средство къ добыванію хлѣба, а дѣло искусства, и восстановленіе его правъ не замедлитъ. И такъ, вотъ экономическая перемена, которую не запрещено предвидѣть.

Но это не все: упомянутое предубѣжденіе имѣетъ также и нравственную причину.

Въ настоящее время ручной трудъ не пользуется уваженіемъ потому, что не доставляетъ занимающемуся имъ никакого удовлетворенія его тщеславію: рабочій всегда представляетъ въ нашемъ обществѣ безыменную личность: онъ—толпа. Напротивъ, свободныя профессіи носятъ болѣе декоративный характеръ: тотъ, кто ими занятъ, чувствуетъ, что онъ играетъ нѣкоторую роль и представляетъ собою нѣчто: выражаясь технически, онъ занимаетъ общественное положеніе.

Конечно, хорошо желать играть нѣкоторую роль; но когда мы научимся болѣе высоко смотрѣть на людей и на вещи, мы узнаемъ, что самыя высокія личности встрѣчаются часто внизу, на забытыхъ и брошенныхъ тропинкахъ—но мимо нихъ проходятъ, не замѣчая ихъ. Повѣрьте, что самыя великія жизни на землѣ—безыменны.

III.

Такимъ образомъ какъ экономическій прогрессъ, такъ и нравственный содѣйствуютъ тому, чтобы возвратитъ ручному труду

болѣе высокое достоинство. Но, такъ какъ мы видимъ, что ручной трудъ съ каждымъ днемъ дороже оплачивается, становится болѣе чистымъ, болѣе умственнымъ, болѣе художественнымъ, что онъ открываетъ двери парламентовъ — la Nouvelle-Galles du Sud имѣетъ двѣнадцать рабочихъ сенаторами! — а съ другой стороны свободный трудъ близится къ униженію уже по своей распространенности и по излишеству предложенія надъ спросомъ, — что же изъ этого можно заключить, если не то, что равновѣсіе между двумя факторами социальнаго производства стремится нарушиться?

Но я не хочу здѣсь затрогивать социальнаго вопроса. Я хочу только окончить совѣтомъ и надеждой, которую мнѣ позволяетъ этотъ короткій этюдъ.

Совѣтъ относится къ вамъ, господа студенты. Такъ какъ вы посвящаете себя этимъ свободнымъ профессіямъ, о которыхъ мы только что говорили, вы должны себѣ сказать, что милостью судьбы вы вольные, бѣжавшіе отъ ручнаго труда, и что слѣдовательно вы должны платить свой выкупъ....

Можетъ быть въ этотъ день начала занятій, вы немного жалѣете о концѣ каникулъ; можетъ быть вы не безъ нѣкоторой боязни увидали, что передъ вами открылись суровыя двери этого университета. Вотъ уже три мѣсяца, какъ вы ихъ не видали — а почему бы мнѣ не сказать: какъ мы увидѣли, что онѣ закрылись за нами и какъ мы забросили въ нашу бібліотеку наши ненужныя книги, какая радость!... Но подумали ли вы, что ваши товарищи — люди ручнаго труда не знаютъ въ своей жизни никакихъ каникулъ, или лучше сказать, они слишкомъ знаютъ и слишкомъ боятся этихъ каникулъ, которыя для нихъ, по горькой ироніи, называются безработицей и глухой порой? Ахъ! когда имъ приходится видѣть, какъ за ними закрываются на три длинныхъ мѣсяца двери завода или рудника, какое горе! Это не бываетъ праздникомъ для семейства: съ сердцемъ полнымъ печали и гнѣва имъ приходится отложить въ шкафъ орудія своей работы, теперь уже ненужныя... Но и съ какой радостью, если окончится безработица, они снова возьмутся за нихъ крѣпкой рукой! Сравните разницу между собой и ими! Подумайте, что тотъ мелкій трудъ, котораго съ васъ требуютъ, составляетъ только цѣну, и настоящую цѣну за вашу привилегію, и платите ее, не торгуясь!

Надежда остается за нами: можетъ быть это только мечта, но все равно, нужно восторгаться ею впередъ! Да, надо вѣрить, что наступитъ время — не знаю хорошенько когда, и не знаю какъ — когда пропасть, раздѣляющая ручныя профессіи отъ свободныхъ профессій, будетъ наконецъ уничтожена, когда выборъ той или другой профессіи будетъ продиктованъ только вкусомъ и личными способностями, а вовсе не побужденіями приличій и воспитанія, когда люди не будутъ считать себя менѣе «comme il faut», если они будутъ обязаны посвятить часть своего времени или своей молодости какому нибудь ручному занятію. А что же вы сдѣлаете со своими руками, господа профессора, мо-

жетъ быть спросите вы меня? Что-жь! Можетъ быть мы будемъ сами печатать свои книги, какъ Этьены и типографщики эпохи Возрожденія; можетъ быть, какъ это дѣлаетъ мой коллега и другъ, Лозанскій профессоръ Вальрасъ, мы будемъ сами ихъ переплетать, и если мы сдѣлаемъ хорошій переплетъ, у насъ будетъ по крайней мѣрѣ удовлетвореніе сказать себѣ, что въ такомъ видѣ онѣ сохраняются! — И мы надѣемся такъ же увидѣть, что многіе изъ васъ, уже получившіе дипломы, работаютъ скобелемъ и пахутъ землю—не по нуждѣ, какъ тѣ, которые дѣлаются швейцарами, но по своей собственной охотѣ к готовке повторить—по латыни, потому что они будутъ по крайней мѣрѣ лиценціаты—*Fortunatos nimium* Virgilii! Можетъ быть даже, они найдутъ тогда въ этихъ стихахъ болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ мы могли найти въ нихъ на школьной скамьѣ, можетъ быть даже болѣе глубокой смыслъ, чѣмъ влагалъ въ нихъ самъ латинскій поэтъ. Да, они съ удивленіемъ увидятъ, что ручной трудъ можетъ дать болѣе дѣйствительное и болѣе глубокое наслажденіе, чѣмъ трудъ умственный, — наслажденіе видѣть, что ихъ трудъ облекается въ конкретную форму, можетъ быть въ своемъ родѣ дѣйствительно совершеннымъ. Да, работа земледѣльца, который можетъ взять въ руки снопъ чистой пшеницы и убѣдиться, что онъ произвелъ хлѣбъ жизни, которымъ будутъ питаться люди, должна доставлять сердцу болѣе прочную и болѣе полную радость—радость сдѣланнаго дѣла и исполненнаго долга—чѣмъ та, которую можемъ узнать мы, когда, сѣя свое тощее сѣмя, смѣшанное съ сорными травами, испытываемъ каждый разъ страхъ возможнаго разочарованія, бесполезнаго усилія и не можемъ никогда знать, насытитъ ли неосвязаемый плодъ нашей работы хоть одну душу въ мірѣ.

Мы почти не знаемъ радости и мы почти никогда не имѣемъ вида счастливыхъ людей въ этомъ концѣ вѣка—по многимъ причинамъ, которыя было бы слишкомъ долго изслѣдовать. Наши коллеги по медицинскому факультету говорятъ, что въ настоящее время мы всѣ неврастеники: можетъ быть, это и правда. Но, когда умственный и ручной трудъ будутъ смѣняться, наши пре-емники не будутъ болѣе неврастениками, можетъ быть они будутъ счастливы! Во всякомъ случаѣ они будутъ нормальными людьми.

Въ настоящее время въ Comédie Française играютъ драму въ Шекспировскомъ вкусѣ, которая носитъ заманчивое названіе: *Vers la joie!* (На встрѣчу радости!) Поэтъ изображаетъ намъ принца, который ищетъ радости и находитъ ее наконецъ въ любви крестьянской дѣвушки, и онъ дѣлаетъ выводъ:

Que les vieilles chansons ne sont point mensongères,
Tout va droit quand les rois épousent des bergères.

(Старыя пѣсни правы, все идетъ хорошо, когда короли женятся на пастушкахъ).

Я не совѣмъ увѣренъ, чтобы такая развязка сдѣлала счастье королей или пастушекъ. Но такъ какъ теперь мода понимать все символически, то въ этомъ смыслѣ поэтъ правъ. Да, въ тотъ день, когда трудъ умственный и ручной примирятся, обнимутся, соединятся, тогда родъ человѣческій сдѣлаетъ большой шагъ на встрѣчу радости, — радости нравственной, которая произойдетъ изъ чувства солидарности съ нашими ближними, выраженной въ общемъ трудѣ и въ общей судьбѣ! — Но также и радости физической, которая произойдетъ изъ гармоніи дѣйствій и полноты жизни!

Пер. Н. Пыпиной.

Польская народная литература.

Знакомство съ современной народной литературой любой цивилизованной націи и изученіе этой литературы имѣетъ весьма большое значеніе. Оно, во 1-хъ, выясняетъ, насколько интеллигенція выполняетъ свои нравственныя обязанности по отношенію къ младшей братіи, и во 2-хъ, показываетъ степень духовнаго развитія народа и вообще результаты вліянія на него цивилизаціи. Исходя изъ этого основнаго положенія, мы попытаемся опредѣлить, что читаетъ польскій народъ, каковъ матеріаль, предназначенный для его умственнаго и нравственнаго развитія, а также указать труды польской интеллигенціи, предпринимаемые ею на пользу своего народа.

Польскія провинціи Россіи стоятъ къ намъ безспорно ближе всѣхъ, какъ по географическимъ, племеннымъ, такъ и по другимъ условіямъ ихъ существованія и государственнаго положенія. Историческія условія Польши преимущественно послѣдняго столѣтія мало отличались отъ нашихъ, по крайней мѣрѣ были отъ нихъ въ зависимости: крестьянство составляло земледѣльческое, низшее сословіе, находившееся цѣлыя вѣка въ зависимости отъ дворянскаго класса. Современное положеніе польскаго крестьянина тоже мало отличается отъ положенія нашего крестьянина, такъ какъ въ дѣлѣ развитія классоваго самосознанія народа дѣйствовали почти одни и тѣ же факторы. Такимъ образомъ, зная степень культурности польскаго крестьянина, зная, что онъ читаетъ и думаетъ, наконецъ, каковы отношенія къ нему интеллигенціи, мы путемъ сравненія могли бы содѣйствовать постановкѣ вопроса о народномъ образованіи у насъ на болѣе правильную почву, могли бы содѣйствовать разработкѣ этого вопроса болѣе всесторонне.

Какъ и у насъ, въ польской интеллигенціи были свои періоды усерднаго паломничества въ народъ и усиленной дѣятельности на пользу народа, и періоды ослабленія такой дѣятельности. По крайней мѣрѣ послѣднія пять лѣтъ отличались, можно сказать, ослабленіемъ дѣятельности по народной литературѣ, и за эти пять лѣтъ составлено и вышло въ свѣтъ новыхъ книжекъ для народа очень немногихъ.

Общее количество польскихъ народныхъ книжекъ по всѣмъ отдѣламъ литературы и знаній сравнительно невелико: ихъ всего 200—250 названій. Если сравнить это число названій съ нашими, то окажется, во 1-хъ, что матеріала для чтенія у насъ несравненно больше, во 2-хъ, матеріальъ этотъ разнообразнѣе, наконецъ въ 3-хъ, количество печатаемыхъ экземпляровъ cadaго названія

тоже несравненно больше: тогда какъ наша книжка печатается въ количествѣ 10, 20 и даже иной разъ 50 тысячъ экземпляровъ, польская народная книжка расходуется въ то же самое время въ количествѣ до 5 тысячъ экземпляровъ всего. Разумѣется, количество далеко не всегда *удовлетворяетъ* качество, а потому мы, прежде нежели дѣлать какіе-либо выводы, рассмотримъ содержаніе нѣсколькихъ народныхъ книжекъ и ихъ направленіе.

На первомъ планѣ стоятъ произведенія первоклассныхъ художниковъ, взятыхъ прямо изъ народной жизни и прекрасно иллюстрирующія ее, а также знакомящія съ психологіей польскаго простолюдина. Таковы произведенія Болеслава Пруса, Елизы Оржешко, Генриха Сенкевича и многихъ второстепенныхъ авторовъ. Разсматривая нашу народную литературу послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ, мы видимъ, что едва-ли не большую половину переводныхъ книжекъ составляютъ польскія. Вотъ перечень выдающихся произведеній, переведенныхъ для нашей народной литературы съ польскаго языка: Е. Оржешко: *Хамъ*, *Могучій Самсонъ*, *Деревенскій адвокатъ*, *Колдунья*, *Приключенія Яся*, *Мать*; Генриха Сенкевича: *Янко-музыкантъ*, *Мальчикъ Геркулесъ* (въ друг. изд. *Дѣти цирка*); Б. Пруса: *Антекъ*, *Михалко* (въ друг. перев. *Простая душа*) и нѣсколько мелкихъ рассказовъ, *Мельникъ* и *Поденщица*, *Простофиля Бролиса*, *Богъ смерти не даетъ*, *Ануса* и *Тетя М. Конопницкой*, *Доля Севера*, *Антонъ-сирота* и друг. Всѣ эти книжки очень богаты содержаніемъ и составляютъ довольно цѣнный вкладъ въ нашу народную литературу. Нѣкоторыя изъ названныхъ книгъ, какъ на примѣръ *Хамъ*, *Мальчикъ Геркулесъ* въ польскихъ народныхъ изданіяхъ совсѣмъ отсутствуютують,—онѣ предназначаются лишь для интеллигенціи,—но всѣ остальные существуютъ и считаются самыми лучшими и выдающимися.

Перломъ польской народной литературы можно считать рассказъ Б. Пруса: *Михалко*. Въ немъ изображенъ типъ простаго крестьянина съ сильно развитымъ чувствомъ альтруизма, которое у него постоянно проявляется въ жизни на каждомъ шагѣ. Михалко это человѣкъ съ небольшой придурью, счастливая натура, довѣрчивая и до наивности любящая. Какъ былинка, поддающаяся давленію вѣтра, онъ весь бессознательно отдается движенію своего чувства и слѣдуетъ его указаніямъ; и чувство это у него очень хорошее. Въ силу этого чувства, развитаго въ немъ совершенно бессознательно и проявляющагося инстинктивно, онъ, простой невѣжественный мужикъ, способенъ на такіе подвиги добра и героизма, на которые способенъ далеко не всякій интеллигентъ. Онъ совершаетъ эти подвиги въ силу непосредственнаго чувства, потому что такого потребность его человѣческой природы. Въ дѣлѣ любви и сочувствія къ ближнему онъ доходитъ до полнѣйшаго самозабвенія и самоотреченія, но все это въ немъ происходитъ въ высшей степени просто и естественно. Михалко—это чисто евангельскій типъ, если и встрѣчающійся въ жизни, то

лишь въ крестьянской средѣ, живущей непосредственной, болѣе согласной съ природою жизнью. Хотя онъ и исключительный человѣкъ, тѣмъ не менѣе по этому типу легко понять міросозерцаніе польскаго крестьянина, весь его образъ мыслей и внутренній психологическій міръ, а въ этомъ громадная заслуга автора. Въ нашей народной литературѣ такъ близко и глубоко коснулся души крестьянина лишь Толстой. Разсказъ этотъ написанъ въ высшей степени художественно, со свойственнымъ Б. Прусу талантомъ и задушевностью, и производитъ самое сильное впечатлѣніе не только на крестьянина, но и на интеллигента.

Второй разсказъ Б. Пруса Антекъ также отличается большими достоинствами. Въ этомъ разсказѣ говорится о судьбѣ деревенскаго сироты Антека. Антекъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что въ немъ горитъ искра Божія, талантъ, который проявляется въ разныхъ его издѣліяхъ изъ дерева и пр. Судьба Антека очень незавидна, ему приходится много выстрадать, но въ концѣ концовъ онъ отправляется въ свѣтъ пробовать собственной грудью дорогу. Разсказъ оканчивается пожеланіемъ читателю, — если встрѣтитъ парня, ищущаго работы, которому въ деревнѣ тѣсно стало, протянуть ему руку, потому что это нашъ младшій братъ, это тотъ самый нашъ Антекъ. Разсказъ написанъ умно и художественно и годится для чтенія и малолѣтнимъ, и взрослымъ.

Послѣ этихъ двухъ книжекъ Б. Пруса мы вдругъ наталкиваемся на передѣлку его романа Форпостъ, предназначенную для народа. Этотъ романъ въ его полномъ видѣ даетъ яркую правдивую картину изъ жизни польскаго крестьянства, принужденнаго бороться съ наплывомъ иноземцевъ за свою родную землю, и по богатству и цѣльности типовъ и характеровъ содержитъ дѣйствительно много матеріала подходящаго для народнаго чтенія; несомнѣнно, онъ появился и въ передѣлкѣ на русскій языкъ. Но въ польской передѣлкѣ для народнаго чтенія романъ этотъ искаженъ до невозможности и потерялъ все свое значеніе. Самые лучшія мѣста этого романа выброшены, художественности подлинника нѣтъ, оставлена лишь идея, да и та искажена.

Такая неудачная передѣлка выдающихся произведеній не единственная въ польской народной литературѣ. Какъ на примѣръ, укажемъ еще на очень неумѣло сдѣланную передѣлку романа Е. Оржешко «Дзюрдзи». Романъ этотъ, цѣликомъ переведенный на русскій языкъ, разносится нашими офенями въ коробахъ и продается по деревнямъ и ярмаркамъ, и совершенно не нуждается въ сокращеніи, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ ничего неудобопонятнаго; въ польскомъ же народномъ изданіи романъ этотъ почему-то сокращенъ и опять таки сокращенъ далеко не въ свою пользу. Кстати, это сокращеніе переведено на русскій языкъ и вышло въ изданіи г. Ледерле подъ заглавіемъ Колдунья.

Сокращенія эти и передѣлки свѣдѣтельствуютъ о томъ, во 1-хъ, что существуетъ нѣкоторая опека, заботливость въ отношеніи того, что долженъ читать народъ, а во 2-хъ, что интеллиген-

ція сознаеть необходимость упростить нѣсколько языкъ и сдѣлать его доступнымъ для крестьянскаго пониманія; но что касается внутренняго содержанія книжки, то интеллигенція очевидно придерживается нѣкоторыхъ довольно неправильныхъ и неумѣлыхъ приемовъ въ дѣлѣ воздѣйствія на народъ при помощи печатнаго слова. Беллетристическая форма—самая удобная для передачи и воспринятія идеи, но чтобы произведеніе покоряло сердца, обогащало мысль, требуется, чтобы оно было написано правдиво, съ извѣстной долей художественности, а не съ предвзятымъ намѣреніемъ поучать народъ. Это-то намѣреніе и дѣлаетъ народную книжку очень скучною, содержащей въ себѣ очень сухую мораль, которая читается неохотно и воспринимается туго.

Мы остановились на этихъ сокращеніяхъ для того, чтобы отмѣтить существующее въ польской народной литературѣ направленіе давать тенденціозную, поучающую мораль въ беллетристической формѣ. Мораль эта дѣлаетъ книжку скучною, лишеною жизни и иногда реальной правдоподобности.

Направленіе это проявляется во многихъ народныхъ книжкахъ. Книжки эти скучны и безцвѣтны и для народа, и для интеллигенціи даютъ невѣрное освѣщеніе жизни и отношеній разныхъ классовъ другъ къ другу. Будь добрымъ, трудолюбивымъ, послушнымъ, трезвымъ и пр. — вотъ какихъ темъ касаются эти книжки и, разумѣется, мало отвѣчаютъ требованіямъ, которыя можно предъявить къ хорошей народной книжкѣ. Темы этихъ рассказовъ не всегда взяты изъ народной жизни; часто здѣсь фигурируютъ помѣщики, священники и вообще лица другихъ сословій; въ этомъ, конечно, не было бы ничего неестественнаго, если бы представители этихъ сословій не являлись чуть ли не ангелами добродѣтели по отношенію къ народу. Напр. въ одной изъ книжекъ авторъ, изображая героиню-крестьянку, непременно выводитъ на сцену въ качествѣ добродѣтельныхъ опекуновъ и наставниковъ мѣстнаго священника и помѣщика, которые оказываютъ и нравственную поддержку, и матеріальную помощь крестьянамъ въ трудную минуту. Въ другихъ рассказахъ являются на сцену священники, помѣщики, учителя и пр., и пр., и для того, чтобы поднять ихъ престижъ и довѣріе къ нимъ, авторы выставляютъ ихъ въ идеально-прекрасномъ невѣрномъ освѣщеніи и выводятъ ихъ въ роли защитниковъ и спасителей крестьянства. Разумѣется, все это неправдоподобно и звучитъ фальшью. Въ такихъ произведеніяхъ мало типической правды. Не будемъ уже говорить о томъ, насколько все это интересно народу, пріятно и полезно. Вообразимъ лишь себѣ произведеніе, въ которомъ мы будемъ представлены карикатурами, а другіе люди, противъ которыхъ мы основательно или неосновательно предубѣждены, будутъ изображены какъ образецъ совершенства. Пусть такая мораль и направлена къ нашей корысти, тѣмъ не менѣе намъ должно быть приторно отъ такихъ воскажденій, отъ такихъ корыстныхъ книгъ; и каково же въ такомъ случаѣ отъ такихъ книгъ народу? Ко-

нечно, такіа сочиненія имѣють цѣлю сближеніе интеллигенціи съ народомъ, и цѣль эта симпатична, но ни самыя средства, ни ихъ выполненіе—нельзя назвать удачными. Правда, и у насъ нѣтъ недостатка въ такихъ книжкахъ: въ изданіяхъ Сытина и Посредника мы часто наталкиваемся на подобныя книжки, и у насъ ихъ далеко не меньше,—недавно еще вышли такіа книжки, напр., Горячее сердце изд. Посредника, На нивѣ народной Блинова, сказка о Богданѣ царевичѣ г-жи Беръ-Чистяковой и мног. друг., но у насъ такіа произведенія уже отживаютъ свой вѣкъ и встрѣчаются все рѣже и рѣже.

Было бы несправедливо сказать, что таково преобладающее направленіе въ польской народной литературѣ, и что поэтому вся она стоитъ на ложномъ пути. Направленіе это указываетъ на остатки прежняго отношенія интеллигенціи къ народу, отношенія, въ которомъ сильно сказывается незнакомство съ народомъ и непригодность старыхъ педагогическихъ приѣмовъ. Очевидно, теперь жизнь выработала другіе приѣмы. Взглядъ на крестьянина какъ на черную кость, для которой нужно все особенное: и особенный умственный кругозоръ, и особенная нравственность—уже отжили свой вѣкъ, и поводовъ для составленія такихъ книгъ, которыхъ интеллигенціи самой скучно читать—теперь меньше. Теперь преобладаетъ другой типъ книжки, и именно книжки лучшаго качества и если мы указали на такіа книжки, какъ сокращенный Форпостъ и друг., то лишь чтобы отмѣтить встрѣчающіеся въ польской народной литературѣ недостатки.

Къ лучшимъ произведеніямъ относится повѣсть Е. Орженко «Деревенскій адвокатъ». Она даетъ цѣлую картину деревенской жизни, съ ярко изображенными хорошими и дурными ея сторонами. Простодушіе, невѣжество и бѣдность, желаніе улучшить свой бытъ толкаетъ иногда народъ въ сѣти разныхъ деревенскихъ хищниковъ и эксплуататоровъ, какимъ является изображаемый деревенскій адвокатъ. Онъ долго эксплуатировалъ невѣжество крестьянъ и бросилъ ихъ лишь тогда, когда выпилъ изъ нихъ всѣ соки, когда они были совершенно разорены. Эта книжка безусловно принадлежитъ къ числу лучшихъ: она знакомитъ и интеллигенцію, и народъ съ его жизнью, показываетъ ему его недостатки и заставляетъ задуматься надъ многимъ. Повѣсть эта переведена и на русскій языкъ, но въ переводѣ она очень потеряла, такъ какъ переводъ этотъ сдѣланъ очень неумѣло, даже лубочно.

Въ рассказѣ Мун на Pokusie Искерки, переведенномъ на русскій языкъ, проведена симпатичная идея. Молодой парень, не находящій удовлетворенія въ той бесполезной жизни, которую онъ велъ, отправляется въ свѣтъ, учится, а потомъ возвращается на родину умѣлымъ мельничнымъ мастеромъ и вообще полезнымъ и желательнымъ членомъ общества.

Прежній пастухъ, какимъ былъ герой этого рассказа, подвергавшійся насмѣшкамъ и издѣвательствамъ крестьянъ, превращается благодаря труду, настойчивости и жизненному опыту, въ

уважаемаго всѣми человѣка; въ затруднительныхъ случаяхъ къ нему даже ходятъ за совѣтами. Книжка написана въ высшей степени интересно и трогательно *).

Разсказъ Е. Оржешко Мать (Romanowa) написанъ съ удивительнымъ талантомъ. Романовой жилось когда-то очень хорошо; ея мужъ Романъ относился къ ней съ трогательной любовью и нѣжностью, и годы замужества были для нея самымъ поэтическимъ, самымъ хорошимъ временемъ, не омраченнымъ ни ссорами, ни прозаическими заботами. У Романа была широкая, любящая натура, онъ одинаково любилъ какъ людей, такъ и лошадей, и собакъ, кошекъ и всякую живую тварь. Онъ былъ въ душѣ и поэтъ, и художникъ. Къ несчастью, скоро онъ утонулъ, Романова осталась одна съ ребенкомъ сыномъ и перешла жить въ городъ. Когда сынъ выросъ, то въ немъ сказалась широкая, артистическая натура отца, онъ былъ необыкновенно талантливъ, его всѣ любили, но въ то же время онъ пристрастился къ вину, которое и погубило его. Онъ кончилъ тюрьмою. Любовное отношеніе матери къ сыну, ея заботы о немъ, заступничество ея передъ другими, страданія матери, вызванныя развратнымъ поведеніемъ сына, наконецъ благородная, прекрасная натура этой крестьянки—все это составляетъ содержаніе этой книжки. Впечатлѣніе производитъ она необыкновенно сильное и хорошее.

Изъ менѣе извѣстныхъ авторовъ обращаетъ на себя вниманіе разсказъ Бролиса: Простофиля (Jurgis Durnialis), изд. В. И. Въ этомъ разсказѣ изображенъ типъ деревенскаго парня Юргиса. Въ обыденной жизни Юргисъ представлялся всѣмъ простофилей, глуповатымъ парнемъ, не умѣющимъ даже отстоять своихъ интересовъ. Онъ чуть было не подарилъ всей своей земли своимъ родственникамъ и ничего не оставилъ себѣ. Но подъ такимъ простофильствомъ Юргиса скрывалось величіе души, пренебреженіе ко всякимъ мелочамъ жизни. Онъ работалъ больше всѣхъ но работалъ не для себя, а для другихъ. Это величіе души дѣйствительно проявилось, когда дѣло коснулось не мелочей, а благосостоянія и счастья всей деревни. Когда случился въ деревнѣ пожаръ и когда огонь угрожалъ уничтожить всѣ постройки, все добро крестьянъ, то одинъ лишь «простофиля» явился самымъ умнымъ, дѣятельнымъ и энергичнымъ защитникомъ крестьянскаго добра, и благодаря лишь его трудамъ и энергіи пожаръ прекратился. Послѣ этого «Простофиля» сразу выросъ въ глазахъ всей деревни и даже самая богатая и красивая дѣвушка, прежде гнушавшаяся имъ, теперь сама хочетъ выйти за него замужъ. Разсказъ очень недуренъ, написанъ безъ всякой предвзятой цѣли и производитъ хорошее, вполне законченное впечатлѣніе.

Въ другихъ разсказахъ, взятыхъ большей частью всегда изъ народной жизни (напр. Sprawa o woz, Na służbę Boza, Małgorzatka 30 morgów, Historia o Szymku, O rolę, O Dyrduciu, Przygody

*) См. Ежегодн. Моск. Ком. Грам. 1892 г.

Florka, Crzes niepismienno и мног. друг.) ратуется противъ пьянства, невѣжества, неграмотности, грубости и т. п. болѣе грубыхъ проявленій отрицательныхъ сторонъ крестьянской жизни, но о высшей нравственности, о высшемъ идеалѣ говорится меньше. И вообще произведенія мало извѣстныхъ, второстепенныхъ авторовъ далеко не всегда интересны и удовлетворительны. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что книгъ по беллетристикѣ въ польской народной литературѣ немного: ихъ не болѣе семидесяти. Но зато тѣ немногія лучшія, о которыхъ мы раньше говорили, настолько хороши и содержательны, что крестьянинъ можетъ почерпнуть изъ нихъ очень многое и для ума, и для сердца.

Польская интеллигенція, работающая «на нивѣ народной», въ выборѣ темъ для народныхъ книжекъ впадаетъ на нашъ взглядъ въ нѣкоторую односторонность. Просматривая наши народныя изданія послѣднихъ лѣтъ, мы видимъ, что большинство ихъ—переводныя. Положимъ, что и у насъ въ этомъ случаѣ—крайность: своихъ оригинальныхъ меньше, нежели переводныхъ; тѣмъ не менѣе существованіе переводовъ свидѣтельствуетъ о томъ, во 1-хъ, что есть интеллигентный работникъ, который, не имѣя возможности дать что-нибудь свое оригинальное, дѣлаетъ доступнымъ для народа произведенія иностранныхъ писателей, во 2-хъ, что существуетъ спросъ на такую литературу. Литература европейскихъ цивилизованныхъ народовъ богата хорошими произведеніями, которыя можно перевести, передѣлать и приспособить для народа. Такъ у насъ и дѣлается. У насъ для народа изданы переводы изъ Гюго, Флобера, Мопассана, Мало, Бульвера, Диккенса, Оржешко, Сенкевича, Пруса, Пэйверинта и мног. друг., и все это самый лучший, самый цѣнный матеріалъ для народнаго чтенія, расходящійся въ тысячахъ экземплярахъ книжекъ. Если въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего прямо касающагося самого народа, то въ нихъ затрагиваются общечеловѣческія отношенія, историческія событія, не говоря уже о томъ, что чѣмъ больше хорошихъ книжекъ, тѣмъ легче и скорѣе можно утолить жажду чтенія и скорѣе подвинуть впередъ развитіе массы. Такая переводная литература у поляковъ совсѣмъ отсутствуетъ (исключая двухъ-трехъ сказокъ изъ Тысячи и одной ночи и Андерсона) и отсутствіе это объяснить довольно затруднительно. Предназначенно ли польская интеллигенція избѣгаетъ переводовъ или нѣтъ—трудно сказать. Существуетъ ли у нихъ принципъ—давать все лишь оригинальное, или убѣжденіе, что народъ не пойметъ перевода, виноваты ли въ этомъ какія-нибудь особенныя условія книжнаго дѣла—мы рѣшить не можемъ. Но что переводная книжка не нашла себѣ мѣста въ польской народной литературѣ—это фактъ.

Отдѣлъ сказокъ въ польской народной литературѣ сравнительно богатъ и разнообразенъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ сказки Андерсона, изъ Тысячи и одной ночи и оригинальныя, плодъ народной фантазіи. Сказки эти иногда нравоучительныя, иногда

юмористическія, и, очевидно, вполне отвѣчаютъ спросу народа на такую книжку. Но особенными достоинствами сказки эти не отличаются и останавливаются на нихъ мы не будемъ.

Въ исторической литературѣ мы находимъ всего лишь около десяти книжекъ. Лучшія изъ нихъ—изъ польской исторіи—Попель и Пясть и Крещеніе Мечислава написаны Е. Зорьяномъ, и надо признаться, написаны очень мастерски. Видно, что авторъ хорошо понимаетъ народъ и знаетъ, какимъ языкомъ съ нимъ разговаривать. Этотъ языкъ совершенно безыскусственный, необыкновенно простой, и такимъ языкомъ можно сообщить крестьянину самыя сложныя понятія и идеи. Изъ другихъ книжекъ укажемъ двѣтри книжки Крашевскаго, Ежа, историческій рассказъ Курпы изъ войны жмудиновъ со шведами; но сравнительно съ другими этотъ отдѣлъ бѣденъ.

Научный отдѣлъ и по содержанію, и по количеству несравненно богаче другихъ отдѣловъ народной литературы, даже обширнѣе и разнообразнѣ нашихъ научно-популярныхъ народныхъ книжекъ. Мы здѣсь находимъ книжки, касающіяся всевозможнымъ научныхъ вопросовъ и чуть ли не всѣхъ сторонъ культурной, бытовой и экономической жизни народа, къ поднятію которой онѣ направлены. Больше всего книжекъ, относящихся къ сельскому хозяйству; къ нимъ принадлежатъ: Дешевыя и хорошія земледѣльческія орудія, Какъ сѣять пшеницу на глинистой почвѣ, О скотоводствѣ, Какъ исправить крестьянскіе луга, О земледѣліи, Объ удобреніи, О пчеловодствѣ и множество другихъ. Много также книжекъ относится къ крестьянскому самоуправленію и вообще общественному строю деревни; изъ нихъ выдѣляются книжки: «Экономическія бесѣды», въ которыхъ изложены основныя начала политической экономіи, затѣмъ «Какъ люди помогали себѣ въ бѣдѣ», «О ссудо-сберегательныхъ товариществахъ». Затѣмъ по количеству слѣдуютъ медицинскія и гигиеническія книжки: Оспа и прививка ея, Что дѣлать для того, чтобы быть здоровымъ и долго жить, Что дѣлать, если кто заболѣетъ, Совѣты для женщинъ, О лѣченіи животныхъ и др. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ книжекъ по естествовѣдѣнію, географіи и другимъ отраслямъ знанія. Прекрасно составлена книжка М. Бржезинскаго — извѣстнаго составителя народныхъ книжекъ — Бесѣды о внутреннемъ строеніи земли. Эта книжка (она готовится къ печати на русскомъ языкѣ) даетъ понятія о геологическихъ переворотахъ и объясняетъ многія непонятныя темному люду явленія. Книжка иллюстрирована многочисленными рисунками. Нѣсколько книжекъ по астрономіи, затѣмъ путешествія Колумба и Магеллана, затѣмъ по естествовѣдѣнію — О полезныхъ и вредныхъ птицахъ, Ежъ, Кротъ и летучая мышь, Домашняя свинья и мног. друг. — все это вмѣстѣ взятое является довольно сильнымъ оружіемъ въ рукахъ интеллигенціи для борьбы съ невѣжествомъ. Книжка «Женщина въ семьѣ и въ хозяйствѣ» представляетъ изъ себя первый шагъ въ народной литературѣ по социологіи и хотя написана не совсѣмъ

удачно, тѣмъ не менѣе очень важна по затронутымъ въ ней вопросамъ. Самосознаніе, пониманіе своего положенія и значенія въ обществѣ необходимы крестьянину, въ особенности въ наше осложнившееся и постоянно осложняющееся время.

Въ общемъ отдѣлѣ научно-популярныхъ книгъ очень богатъ. Эти книжки написаны всѣ очень просто, приспособлены для крестьянскаго пониманія и взяты всѣ вмѣстѣ дадутъ народу много общеобразовательнаго матеріала. Въ сельскохозяйственныхъ и медицинскихъ книжкахъ, составленныхъ иногда извѣстными лицами, найдется не мало практическихъ совѣтовъ, очень полезныхъ и необходимыхъ для сельскаго населенія. Многія книжки, какъ напр. Наши враги и друзья среди птицъ, Заразные болѣзни, Бесѣды о небѣ и землѣ, Паровыя машины и желѣзныя дороги (перевед. на рус. яз., изд. Харьков. общ.) очень наглядно иллюстрированы, а въ книжкѣ Крестьянскій садъ приложена даже карта. Все это указываетъ на полноту и добросовѣстность изданій.

Особый отдѣлъ занимаютъ книги для первоначальнаго обученія грамотѣ. Ихъ немного, но зато каждая изъ нихъ выдается по своимъ достоинствамъ. Надо принять во вниманіе прежде всего то, что почти всѣ онѣ составлены и написаны К. Промыкомъ (Конрадомъ Прушинскимъ), извѣстнымъ дѣятелемъ по народному образованію. Промыкъ работаетъ на этомъ поприщѣ уже не первый десятокъ лѣтъ и за время этой дѣятельности много сдѣлалъ полезнаго для народа: написалъ и издалъ множество книжекъ всевозможнаго содержанія: беллетристическаго, научнаго и друг., и четырнадцатый годъ издаетъ крестьянскую газету *Gazeta swiateczna* (Праздничная газета), пользующуюся среди крестьянъ большимъ успѣхомъ. Ему-то и принадлежатъ труды по составленію почти всѣхъ учебныхъ книжекъ для народнаго пользованія и первоначальнаго обученія грамотѣ. Все, что только Промыкъ пишетъ для народа, отличается цѣнностью и по внѣшней формѣ, и по внутреннему содержанію; но никто не сравнится съ нимъ въ умѣнны составить книжку учебнаго характера. Онъ педагогъ-мастеръ. Какъ пріохотить къ чтенію, какъ сдѣлать приятнымъ это чтеніе, какъ незамѣтно обучить ребенка и въ то же время воспитывать его и владывать въ его натуру стремленіе къ саморазвитію—пусть всякій научится у Промыка этому искусству. Съ такимъ умѣніемъ и такимъ талантомъ составлены: Наглядное обученіе грамотѣ, признанное на Педагогическомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 1893 г., составленнымъ по самому рациональному методу преподаванія, затѣмъ Первая и Вторая книжка для чтенія, наконецъ Азбука, разошедшаяся въ непродолжительное время въ небывалой цифрѣ 410 тысячъ экземпляровъ, и многія другія книжки учебнаго и научно-популярнаго содержанія. Вообще имя Промыка, благодаря этимъ книжкамъ, очень популярно среди польскаго народа, и мало кто изъ грамотныхъ не знакомъ съ нимъ; но къ нему мы еще возвратимся.

Изъ книжекъ другихъ авторовъ выдѣляется по своимъ достоинствамъ и по полнотѣ *Podarunek dla mlodzieży* (Подарокъ для молодежи), состав. М. Бржезинскій, съ 64 картинками. Здѣсь много интереснаго и полезнаго чтенія для научившихся читать, приблизительно для II и III отдѣленій нашей школы; масса рассказовъ изъ растительнаго, минеральнаго и животнаго міра, изъ математической географіи, этнографіи и проч., при этомъ все изложено въ формѣ живыхъ интересныхъ рассказовъ, въ высшей степени простымъ и понятнымъ языкомъ, оживлено пословицами, стихотвореніями, загадками. Эта книжка дѣйствительно является подаркомъ для учениковъ деревенскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ. Авторъ ея М. Бржезинскій тоже видный дѣятель по народной литературѣ, написавшій для народа много интересныхъ и полезныхъ статей и книгъ.

Намъ остается лишь рассмотреть періодическія изданія и календари, и тогда нашъ обзоръ польской народной литературы будетъ оконченъ. Въ Варшавѣ издаются два періодическихъ еженедѣльныхъ народныхъ изданія: *Gazeta Świąteczna* (Праздничная газета), издаваемая 14-й годъ К. Промыкомъ и *Zorza* (Заря), иллюстрированный журналъ, издаваемый тридцатый годъ М. Мильгуй-Малиновскимъ. Продолжительное время существованія указываетъ на прочность этихъ изданій и на достаточное количество подписчиковъ. Оба эти изданія уже заслужили довѣріе крестьянина и такъ какъ стоятъ сравнительно недорого (1-я — 3 р. въ годъ, 2-й — 4 р.), то и расходятся въ порядочномъ количествѣ экземпляровъ не только въ Привислянскихъ губерніяхъ, но и въ Галиціи, и въ Познани. Разумѣется, такимъ довѣріемъ и популярностью эти изданія обязаны главнымъ образомъ своему содержанию. Содержание ихъ очень разнообразно. Въ Праздничной газетѣ помѣщаются политическія и публицистическія статьи, касающіяся какъ крестьянской, такъ и общественной жизни, затѣмъ рассказы, политическія новости, корреспонденціи, сообщенія изъ разныхъ городовъ и деревень, наконецъ разныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству и друг. Редакція ведетъ переписку со своими подписчиками, вѣрнѣе наоборотъ — подписчики съ редакціей, и отвѣчаетъ на всѣ ихъ вопросы, касающіеся хозяйства, правовѣдѣнія, книжнаго дѣла и проч. Вотъ краткій перечень статей, помѣщенныхъ въ журналѣ за короткое время: О порчѣ луговъ, полей и лѣсовъ, и наказаніи за эти проступки, О здоровьѣ и жизни, Работы въ огородѣ, Починка и постройка зданій, Гдѣ и какъ покупать товаръ, О планетахъ, Балтійское море и его значеніе для бережныхъ странъ, затѣмъ статьи по садоводству, пчеловодству и пр. Затѣмъ идетъ богатый справочный отдѣлъ о земляхъ, назначенныхъ въ продажу, о цѣнахъ на разные продукты, библиографическій отдѣлъ и корреспонденціи. Въ корреспонденціяхъ иногда изображается мѣстная жизнь какого-нибудь городка, поставленнаго въ хорошія или дурныя условія быта. Бываютъ

корреспонденціи и изъ русскихъ городовъ, напр. изъ Кириллова, Новгород. губ. и др.

Почти въ каждомъ номерѣ помѣщаются стихотворенія и отъ времени до времени загадки. Эти послѣднія иногда бывають премированными; премированная загадка настолько оригинальное явленіе въ народной газетѣ, что стоитъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Въ одномъ изъ номеровъ газеты редакция предложила подписчикамъ премию за разрѣшеніе такой загадки: какая статья и что вообще важнѣе всего въ этомъ номерѣ? Кто пришлетъ лучший отвѣтъ въ короткихъ словахъ къ 1-му мая, тотъ получитъ въ награду книжку. Такая загадка на нашъ взглядъ хотя и не разрѣшима, такъ какъ одинаково важны статьи и по астрономіи и по сельскому хозяйству и проч., однако, она имѣетъ то громадное значеніе, что во 1-хъ объясняетъ взглядъ крестьянина на то, что онъ считаетъ для себя важнѣе всего, во 2-хъ заставляетъ его задуматься надъ этимъ, въ 3-хъ наконецъ, сближаетъ редакцію съ подписчиками. И вотъ изъ присланныхъ подписчиками крестьянами писемъ видно, что 16 человекъ признали самой важной статью «О временахъ года на Марсѣ», потому что, писалъ одинъ, «я узналъ изъ этой статьи, отчего у насъ на землѣ бывають весна, лѣто, осень и зима». 8 читателей признали болѣе важной статью о постройкѣ печей, другіе о торговомъ договорѣ Германіи съ Россіей. Иные отдають первенство статьѣ о положеніи торговли, потому что «въ настоящее время, пишетъ одинъ, —хорошая пора взять торговлю въ свои руки, такъ какъ евреевъ удаляютъ изъ деревень—и не скоро такой поры дождешься». Остальные письма, числомъ болѣе 150, раздѣлились. Премию получили тѣ подписчики, которые признали первенство статьи о временахъ года на Марсѣ, по такъ какъ и другіе подписчики отвѣчали, болѣе или менѣе удачно и основательно, то и нѣкоторымъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и нѣсколькимъ женщинамъ, выданы награды.

Таковы чуть-ли не семейныя отношенія журнала и подписчиковъ другъ къ другу. Въ нихъ очень много симпатичнаго, трогательнаго за душу...

Иллюстрированный журналъ Zorza (Заря) отличается отъ праздничной газеты болѣе узкой программой. Положимъ, въ немъ помѣщаются произведенія такихъ писателей, какъ Клеменса Юноша, хорошо знающаго народную жизнь и мастерски изображающаго ее, но зато другіе отдѣлы бѣднѣе. Часто въ немъ помѣщаются статьи религіозно-нравственнаго содержанія, съ соответственными иллюстраціями, а это обстоятельство придаетъ особнй колоритъ всему журналу. Но несправедливо было бы сказать, что журналъ даетъ мало и бѣденъ содержаніемъ: онъ лишь въ матеріалѣ бѣднѣе Праздничной газеты, но самъ по себѣ соднательнъ. Здѣсь вы найдете въ одномъ номерѣ статью о Великобританіи, объ англичанахъ, ихъ характерѣ, религіи, образованіи и получите изъ этой статьи полное представленіе о нихъ; затѣмъ

идеть статья о радугѣ и свѣтлыхъ кругахъ на небѣ, письмо изъ уѣзднаго городка, рисующее жизнь и значеніе его; далѣе слѣдуетъ продолженіе разсказа «Приключенія Зярняка» и помѣщенъ анекдотъ. Кстатѣ объ этихъ анекдотахъ: они иногда составлены очень остроумно и всегда касаются общественныхъ золъ деревни.

Далѣе идутъ отдѣлы: *Gazetka*, въ которомъ помѣщены политическія извѣстія, но составлены онѣ ужъ очень кратко, и «Что слышно», въ которомъ помѣщаются корреспонденціи, характеризующія жизнь всей страны. Оканчивается номеръ Совѣтами торгующимъ, между которыми находятся: Торговья извѣстія, Что дѣлать и чего не дѣлать въ наступающемъ времени, срочныя работы въ саду, и наконецъ цѣны на хлѣбъ и прочіе сельско-хозяйственные продукты.

Это содержаніе лишь одного обыкновеннаго номера; если же взять все вмѣстѣ, напечатанное въ теченіе года и разосланное подписчикамъ, то получится масса разныхъ свѣдѣній и знаній, которыя не могутъ не повліять на подписчиковъ развивающимъ образомъ. Въ другихъ номерахъ журнала за тотъ же годъ мы находимъ: Государства и народы Европы, Изъ земли кафровъ (съ картинками), Знахарство въ разныхъ странахъ, О громъ и молніи (съ карт.), Сѣверное сіяніе, Угольные копи, Противопожарныя средства. Изъ статей по текущей общественной жизни, мы находимъ здѣсь слѣдующія: Будеть-ли хлѣбъ дороже, какимъ былъ минувшій годъ, Привитіе оспы и проч.

Написаны статьи въ высшей степени популярно, удобопонятно, подборъ иллюстрацій недурной, составленъ умѣло, и исполнены онѣ не лубочно. Вообще форма и внѣшность почти безукоризненны.

Изъ заграничныхъ журналовъ для народа болѣе распространенныхъ въ Привислянскомъ краѣ укажемъ на Сельскій хозяинъ (*Gospodarz wiejski*), издающійся въ гор. Львовѣ и содержащій общественныя, экономическія и сельско-хозяйственные статьи, затѣмъ *Polski lud*—Польскій народъ (въ годъ 2 р.), едва-ли не самая полная изъ всѣхъ польскихъ народныхъ газетъ и, наконецъ, *Gazeta Olsztynska*—Газета Ольштинская, издающаяся въ Познани въ г. Ольштинѣ съ 20 т. жителей. Стоитъ она 1 р., придерживается направленія націоналистическаго и богата политическими статьями и хорошими литературными произведениями.

Наконецъ, послѣдняя форма народной книжки — календарь. Польскій народный календарь существенно отличается отъ нашего. У насъ, среди крестьянъ, распространѣнъ, главнымъ образомъ, маленкій календарикъ, въ 3—5 коп., въ которомъ помѣщены святцы, почтово-тетеграфныя и желѣзно-дорожныя свѣдѣнія и неизбѣжныя Брюсовы предсказанія погоды; этотъ календарикъ расходится въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ и вытѣсняетъ собой другой, болѣе объемистый, содержательный и желательный календарь, стоящій дороже. Поэтому-то большіе наши

календари расходятся преимущественно среди городского и торгового населения, но не въ народѣ. У поляковъ совершенно наоборотъ: благодаря отсутствію лубочниковъ и принятому однажды обыкновенію, маленькій народный календарикъ почти отсутствуетъ, зато успѣшно распространяется объемистый календарь, содержащій въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній, еще беллетристику и много другихъ очень полезныхъ для крестьянства свѣдѣній. Таковы календари *Przyjacieli ludu* (Другъ народа), Гость изд. Промыка, *Strzecha rodzinna* (Родная кровля) изд. Миль гуй-Малиновскаго (изд. Зари) и другіе. Всѣ они распространяются въ большомъ количествѣ экземпляровъ, и врядъ-ли есть уголокъ, куда бы они не проникали, внося въ сѣрую жизнь крестьянина полезныя для его быта свѣдѣнія. Но сравнивая эти календари съ нашими такими же, какъ напр., бывшимъ Сельскимъ календаремъ Абрамова и даже Русскимъ сельскимъ календаремъ Горбунова приходится сказать, что они ниже нашихъ. Лишь печальная судьба нашего народнаго образованія и книжнаго дѣла задерживаютъ доступъ этихъ календарей въ народъ, чего напр. нѣтъ у поляковъ.

Остается лишь сказать нѣсколько словъ о внѣшности народныхъ изданій. Печатаются они почти всегда въ большомъ форматѣ (форматъ изданій комитета грамотности) и часто иллюстрированы внутри. Рисунокъ на верхней оберткѣ, столь необходимый въ нашихъ изданіяхъ, тамъ далеко не всегда существуетъ, но за то рисунокъ, если есть, то онъ всегда почти хорошъ. На польскихъ книжкахъ нѣтъ тѣхъ грубыхъ, возмущающихъ насъ и извращающихъ вкусъ читателей, лубочныхъ рисунковъ, какіе мы сплошь и рядомъ видимъ на нашихъ лубочныхъ изданіяхъ. Нѣкоторыя книжки иллюстрированы такими художниками, какъ Андриали, Хельмонскій, Костришевскій и мног. друг. Печатаются книжки на простой, довольно грубой бумагѣ, что, по нашему мнѣнію, нисколько не уменьшаетъ достоинствъ изданія, понижая при этомъ ихъ и безъ того высокую стоимость. И, дѣйствительно, дороговизна польскихъ народныхъ книжекъ бросается въ глаза. Листовка, стоящая у насъ 1—2 коп., въ польскихъ изданіяхъ продается за 5 коп. и дороже. Такая дороговизна объясняется тѣмъ, что во 1-хъ книжка не можетъ разойтись въ такомъ громадномъ количествѣ экземпляровъ, какъ у насъ: народонаселенія меньше, всякое же увеличеніе производства отражается на его дешевизнѣ, во 2-хъ, условія издательскаго дѣла иныя: гонорарная плата на народную книжку доведена у насъ до минимума, а это сильно понижаетъ стоимость книжки. Кромѣ того, у насъ въ дѣлѣ распространенія книжекъ играютъ немаловажную роль офени, которыхъ въ Польшѣ нѣтъ.

Такимъ образомъ, польская народная литература по своему содержанію довольно богатая и хорошо поставленная литература, хотя вслѣдствіе разныхъ особенностей и условій она еще далеко не то, чѣмъ могла бы быть. Можно желать лишь, чтобы тѣ или

другіе отдѣлы увеличались, расширились и постоянно расширялись, соответственно существующему спросу и вновь создающимся условиямъ народной жизни. Все, въ чемъ нуждается народъ—все должно находить себѣ освѣщеніе въ доступной его средствамъ и его пониманію литературѣ, и только прогрессируя въ этомъ направленіи, можно рассчитывать на болѣе существенные и прочные результаты.

Что касается самаго направленія польской народной литературы, общаго ея характера, то можно сказать, что здѣсь, какъ и вездѣ, нѣтъ единогласія; въ ней существуетъ два главныхъ направленія: 1) націоналистическое направленіе въ духѣ народности, распространенное преимущественно въ Привислянскомъ краѣ, явившееся, очевидно, вслѣдствіе особенностей международнаго положенія Польши, это направленіе опирается на беллетристическія книжки узко-тенденціознаго содержанія и главнымъ образомъ на духовно-нравственныя книжки, составляемыя духовенствомъ въ большомъ количествѣ и 2) утилитаристическое, ярко выраженное въ распространеніи среди народа всевозможныхъ научныхъ свѣдѣній и поднятіи его умственнаго и нравственнаго уровня и экономическаго благосостоянія.

Таково положеніе народной литературы въ Привислянскомъ краѣ. Въ Австрійской и Познанской Польшѣ дѣло стоитъ иначе. Въ Галиціи, напр., въ народѣ циркулируетъ масса книжекъ социалистическаго содержанія, составленныхъ и выходящихъ систематически, а также и періодическія изданія, доступныя для народа, стоящаго уже на порядочной высотѣ развитія. Въ Галиціи борются между собой два направленія: націоналистическое, во главѣ котораго стоятъ консерваторы и духовенство, и социально-демократическое. Эта борьба такъ обострилась, эти два направленія до такой степени вошли въ жизнь и приобрѣли себѣ права гражданства, что во время Львовской выставки прошлаго (1894) года образовался конгрессъ для разрѣшенія осложнившихся вопросовъ по народному образованію, имѣвшій цѣлью придти къ какому-нибудь общимъ результатамъ.

II.

Сравнивая условія, въ которыхъ находится дѣло народнаго образованія въ Польшѣ, съ нашими условіями, мы находимъ существенную разницу. У насъ въ дѣлѣ народнаго образованія дѣйствуютъ главнымъ образомъ два фактора: 1) школа, въ лицѣ земства, учителей и священниковъ и 2) интеллигенція. Въ Польшѣ нѣтъ земства, но есть школа, духовенство и интеллигенція. Духовенство здѣсь работаетъ само за себя, самостоятельно, и играетъ большую роль. Не будемъ касаться того, насколько оно вообще преуспѣваетъ въ *просвѣщеніи* народа и поставимъ вопросъ о духовномъ и умственномъ развитіи народа внѣ вліянія духовенства; но мы не можемъ умолчать о томъ фактѣ, что въ Царствѣ Поль-

скомъ духовенству принадлежитъ значительная часть трудовъ по обученію народа *грамотъ*. Какъ извѣстно изъ нашихъ статистическихкихъ данныхъ, въ Польшѣ процентъ неграмотныхъ несравненно большій, нежели у насъ, именно — 85⁰/₁₀₀ неграмотныхъ. Эти данныя невѣрны. При составленіи официальныхъ статистическихкихъ свѣдѣній принимается въ расчетъ лишь существующее количество учениковъ и школъ, тогда какъ масса польскаго крестьянскаго населенія выучивается читать дома, не посѣщая школъ, и выучивается именно благодаря давленію духовенства. Духовенство первымъ дѣломъ заставляетъ родителей выучивать своихъ дѣтей грамотѣ, не допуская неграмотныхъ до исповѣди. Положимъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, духовенство преслѣдуетъ свои религиозныя цѣли; но этимъ же оно косвенно способствуетъ распространенію *грамотности*, а слѣдовательно—даетъ возможность народу самому уже, дома, учиться и развиваться. Надо полагать, что умѣющій читать крестьянинъ скорѣе можетъ развиваться, и хотя о степени развитія его можно судить иногда не по грамотности, а по способности развиваться, по существующимъ экономическимъ, общественнымъ и географическимъ условіямъ страны, тѣмъ не менѣе грамотный крестьянинъ при настоящихъ экономическихъ условіяхъ разовьется скорѣе неграмотнаго.

Такое участіе духовенства въ дѣлѣ грамотности напоминаетъ намъ попытки нашихъ церковно-приходскихихъ школъ взять въ свои руки дѣло народнаго *образованія*; разница лишь та, что наша церковно-приходская школа составляетъ главное звено нашей государственной системы, тогда какъ въ Польшѣ отношенія между народомъ и духовенствомъ добровольныя, созданныя самой жизнью, обычаемъ, и отношенія эти имѣютъ въ виду прежде всего *грамотность*. Въ дальнѣйшемъ, окончательномъ развитіи личности въ томъ или иномъ направленіи духовенство уже не играетъ первостепенной, существенной роли: это доказалъ опытъ послѣднихъ десятилѣтій и весь общественно-экономическій строй современной деревни; на это развитіе могутъ вліять совершенно другіе факторы, какъ школа, журналъ, книжка, и такіе крупныя образовательныя центры, какъ Лодзь, Сосновицы, Варшава и другіе.

Такимъ образомъ, вышеупомянутая цифра 85% является далеко неправильною. Точно опредѣлить процентъ неграмотныхъ, благодаря существованію домашняго обученія — нельзя; но если къ числу грамотѣевъ, обучающихся и обучавшихся въ официальной школѣ, прибавить хотя бы столько же, обученныхъ дома, то процентъ неграмотныхъ значительно понизится и будетъ далеко ниже нашего.

Школа въ Привислянскомъ краѣ поставлена, насколько намъ извѣстно, довольно плохо: усилія ея ограничиваются лишь тѣмъ, чтобы дать крестьянину умѣнье читать, писать и считать, образовательнаго же матеріала школа не даетъ. Положимъ, разъ выучившись грамотѣ, польскій крестьянинъ уже не забываетъ ея никогда: ему приходится примѣнять ее въ жизни, приходится чи-

тать духовно-правственные книжки и молиться по молитвеннику; но само собой разумеется, что такая грамотность не есть еще развитие и образование. И то, и другое народу приходится брать отъ интеллигенціи и отъ самой жизни. Все, чего не даетъ ни школа, ни духовенство, приходится получать чрезъ интеллигенцію и отъ разныхъ условій жизни.

Разсмотримъ сначала тѣ условія, которыя способствуютъ распространенію грамотности въ Польшѣ.

Въ дѣлѣ распространенія народныхъ книгъ у насъ немало-важную роль играютъ офени, покупающіе книжки оптомъ по 1 руб. за сотню листовокъ, и даже дешевле. Въ Польшѣ такой оптовой чуть ли не на всѣхъ продажахъ народныхъ книгъ не существуетъ, книжка продается по магазинной цѣнѣ, но своего рода офени, продающіе народныя книги хотя бы и по дорогой цѣнѣ — у нихъ есть. Такими проводниками являются торговцы молитвенниками и крестиками, устраивающіеся на ярмаркахъ, и иногда венгерцы, развозящіе въ своихъ коробахъ между прочимъ доходнымъ товаромъ и книжки. Скученность населенія и множество промышленныхъ центровъ способствуютъ распространенію народной книжки, и она не является случайнымъ гостемъ въ хатѣ польскаго крестьянина. Многие хозяева получаютъ газету, читаютъ ее, дѣлятся съ другими, сами развиваются и другихъ развиваютъ. Тамъ, гдѣ распространяется газета, тамъ она дѣйствуетъ систематически, дѣйствуетъ настойчиво, цѣлыми годами, воспитывая цѣлыя поколѣнія; тамъ образуется привычка и любовь къ чтенію, и довѣріе къ печатному слову. А такихъ газетъ у поляковъ нѣсколько, и это обстоятельство очень содѣйствуетъ развитію грамотности и образованія.

Продажа книгъ въ городахъ организована довольно широко. Въ Варшавѣ имѣется нѣсколько большихъ книжныхъ складовъ: К. Прушинскаго (Księgarnia krajowa), В. Обуховскаго, Э. Коллинскаго, В. Водзинскаго и друг., торгующихъ главнымъ образомъ книжками для народа; такіе же склады имѣются въ Вильнѣ и другихъ городахъ, даже въ Петербургѣ (Библиотека Грендышинскаго). Если имѣть въ виду, что территория Привислянскаго края невелика и народонаселеніе (9 мил.) также невелико, то такое обиліе центральныхъ книжныхъ складовъ въ странѣ указываетъ прямо на существованіе большого спроса на книгу, а слѣдовательно и на существованіе большого развитія *). Насколько книжные склады ведутъ свое дѣло умѣло—это другой вопросъ. Само собой разумеется, что все зависитъ отъ лица, стоящаго во главѣ склада. Лучшій складъ К. Прушинскаго, издателя-редактора народнаго журнала *Gazeta Swiadcza*; этотъ складъ удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ читателя изъ народа и отличается сердечнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу.

*) У насъ на 100 мил. народонаселенія главн. складовъ народн. книгъ считается, кромѣ лубочныхъ: въ Петербургѣ 3, въ Москвѣ 4, въ Харьковѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ, Саратовѣ по одному, всего не больше 15 складовъ.

Но существуютъ нѣкоторыя на нашъ взглядъ неудобныя стороны, лежащія въ самихъ условіяхъ книжнаго дѣла и во взглядахъ общества на то, что долженъ читать народъ. Въ Польшѣ сильнѣе, нежели у насъ, распространенъ взглядъ, что народу надо давать исключительно народную книжку, написанную просто и доступно; этотъ взглядъ, пожалуй, и вѣренъ, и имѣетъ свои основанія, но вѣдь есть и такіе читатели изъ народа и фабричныхъ, которые по своему развитію выше; между тѣмъ для нихъ нѣтъ подходящихъ книгъ. Нѣкоторыя книги, вполне пригодныя для такой цѣли и даже вошедшія въ продажу у насъ, какъ напр. Потопъ—Сенкевича, Мейеръ Іозефовичъ и Дзюрдзи—Оржешко и многія другія, имѣющіяся и въ польскомъ переводѣ, какъ напр. Слѣпой братъ—Гренъ, сочиненія В. Гюго, Вальтеръ-Скотта, Дикенса, и научныя, какъ статьи Тиндала и т. п., совершенно отсутствуютъ въ каталогѣ книгъ для народа. Между тѣмъ, въ кругъ дѣятельности такихъ складовъ должно входить снабженіе деревни всѣмъ, что необходимо для ея образованія: интеллигенція должна имѣть въ виду не только начальное образованіе, но и переходную ступень развитія, должна удовлетворять всякое требованіе читателя. Перейти отъ обыкновенной народной книжки къ общей литературѣ для крестьянина было бы затруднительно, да и не по карману, и здѣсь то и должна была бы сослужить службу болѣе серьезная, недорогая книга, такая, какая разносится по деревнямъ въ коробахъ нашихъ офеней, вмѣстѣ съ обыкновенной народной книжкой *). Такая книга имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.

Сравнивая нашу народную литературу съ польской, мы наталкиваемся на одну характерную особенность послѣдней, на отсутствіе въ ней лубочной литературы. Намъ съ этимъ зломъ, съ этой лубочной литературой приходилось и приходится бороться. Нашей интеллигенціи понадобились громадныя усилія, чтобы хотя немного оттѣснить эту литературу на задній планъ и пустить въ народъ хорошія изданія. Нѣтъ сомнѣнія, что усилія нашей интеллигенціи не пропали безслѣдно: два-три лубочныхъ издателя прекратили свое существованіе, а нѣкоторые покинули свои старыя привычки, торговля подъ Никольскими воротами въ Москвѣ прекратилась, но никто не поручится, что теперь лубочныхъ изданій распространяется у насъ меньше, нежели хорошихъ, настолько меньше, чтобы можно было не придавать имъ значенія. Лубочная книжка проникаетъ въ деревню въ коробахъ офеней и чрезъ города, наравнѣ съ хорошей, и подрываетъ столь необходимое для развитія народа довѣріе къ печатному слову. Съ этимъ зломъ почти нѣтъ возможности бороться. Можно бороться лишь чрезъ школы, читальни, библиотеки, систематически воспитывая въ молодыхъ поколѣніяхъ путемъ класснаго и внѣкласснаго чтенія вкусъ къ иному рода книжкамъ. Ежегодно у насъ издается масса лубочныхъ книжекъ,

*) См. ст. Н. Рубакина. Недѣля, 92 г.

которыя и расходятся на-ряду съ интеллигентными, а нѣкоторые издатели, какъ напр. Сятинъ, издають наравнѣ съ хорошими и лубочныя, чтобы имѣть возможность конкурировать на книжномъ рынкѣ съ другими лубочниками.

Вотъ этой то лубочной литературы, этихъ невѣжественныхъ, глухихъ книжекъ, написанныхъ большею частью безнравственными, полуграмотными людьми, являющихся тормазомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и существующихъ даже въ такихъ государствахъ, какъ Англія и Франція, этихъ книжекъ въ польской народной литературѣ нѣтъ: онѣ совершенно отсутствуютъ. Очевидно, этому благоприятствуетъ книжное, издательское дѣло, находящееся главнымъ образомъ въ рукахъ не кулаковъ-аферистовъ, а людей болѣе интеллигентныхъ, а также увѣренность, что изданіе народныхъ книжекъ мало доходно и неудачно въ смыслѣ ихъ распространенія; можетъ быть здѣсь играютъ роль другія, неизвѣстныя намъ условія, однако несомнѣнно, что это отсутствіе лубочной литературы сильно способствуетъ развитію народа. Это развитіе можно направить на надлежащій путь, съ увѣренностью, что печатное слово не распространитъ невѣжества, но подорветъ къ себѣ довѣрія. Положимъ, и между польскими народными книжками встрѣчаются такія, которыхъ нельзя назвать хорошими, но это въ сущности неудачныя книжки, а недубочныя.

Это обстоятельство тоже говоритъ въ пользу народнаго образованія.

Наконецъ, если принять во вниманіе географическое положеніе Польши и чисто мѣстныя условія, какъ напр. густоту населенія, существованіе множества фабричныхъ центровъ съ правильно поставленными школами, читальнями, бібліотеками, театрами, центры, въ которыхъ умственный уровень выше и образованіе распространяется на окрестности, затѣмъ — гминное управленіе деревни, болѣе благоприятное для ея развитія, нежели наше, густая сѣтъ желѣзныхъ дорогъ, болѣе развитая промышленность и близкое сосѣдство западно-европейскихъ, болѣе культурныхъ государствъ, то будетъ ясно, что Польша стоитъ въ несравненно болѣе благоприятныхъ, нежели мы, условіяхъ для развитія и распространенія грамотности и знаній въ народѣ, и что всякій трудъ интеллигенціи будетъ тамъ болѣе замѣтенъ, болѣе значителенъ, нежели у насъ, такъ какъ найдетъ для себя удобную, готовую почву. И чѣмъ этихъ трудовъ больше, тѣмъ, слѣдовательно, результаты осязательнѣе и существеннѣе. Несомнѣнно, что польскій крестьянинъ развивается, идетъ впередъ, не стоитъ на одной точкѣ прозябанія, что можно сказать про нѣкоторые наши медвѣжьи углы.

Мы знаемъ, что прослѣдить развитіе народа очень трудно, что у насъ (да и у поляковъ) образовалась цѣлая литература, поставившая себѣ цѣлью изученіе народа и не давшая до сихъ поръ почти никакихъ положительныхъ результатовъ; но общій уровень образованности, культурности всегда можно опредѣлить

хотя приблизительно; поэтому то мы и говоримъ, что польскій крестьянинъ развивается, а не стоитъ на точкѣ прозябанія. Но для лучшей постановки дѣла, для большаго развитія его можно желать, чтобы труды интеллигенціи, предпринимаемые на пользу народа, были болѣе систематизированы и продуктивны. Быть можетъ, когда интеллигенція создастъ въ польскихъ селахъ читальни и бібліотеки, когда выдѣлитъ изъ своей среды большее количество просвѣщенныхъ учителей, быть можетъ тогда развитіе народа пойдетъ впередъ еще быстрѣе, болѣе крупными шагами...

Подведемъ же теперь итогъ дѣятельности интеллигенціи. Дѣятельность ея по народному образованію выразилась въ издательствѣ народныхъ книжекъ, газетъ и журналовъ, въ устройствѣ нѣсколькихъ центральныхъ книжныхъ складовъ для народной литературы и наконецъ въ изученіи народной литературы, крестьянскаго быта, жизни и міросозерцанія народа, его умственной, нравственной и экономической жизни, однимъ словомъ—всего, что относится къ народу.

Про составленіе и издательство народныхъ книжекъ и газетъ мы уже говорили. Исходя изъ того понятія, что для народа необходимо иной, нежели для интеллигенціи, литературный языкъ, интеллигенція, изучивъ сначала этотъ языкъ, дала народу много интересныхъ и полезныхъ книжекъ, цѣлую коллекцію по всѣмъ отраслямъ знаній, цѣлый общеобразовательный курсъ для крестьянина и кромѣ того, дала много хорошаго нравственно-воспитательнаго чтенія по беллетристикѣ. Затѣмъ, не довольствуясь книжками, она дала газету и журналъ, желая сдѣлать это чтеніе и знаніе болѣе доступнымъ для разныхъ заброшенныхъ захолустій. Если разсматривать эти газеты и журналы, какъ средство, находящееся въ рукахъ интеллигенціи для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, то надо признаться, что въ рукахъ ея находится очень и очень многое. Периодическое изданіе дѣйствуетъ, во 1-хъ, систематически, въ извѣстный срокъ, послѣдовательно вноситъ свѣтъ и культуру въ тьму непроглядную, во 2-хъ, массой мелкихъ статейкъ, замѣтокъ, сообщеній, имѣющихъ живой интересъ, которыхъ отдѣльно издать невозможно, пристращаетъ читателя къ чтенію, распространяетъ грамотность и популяризируетъ печатное слово.

Разсматривая эти журналы и вспоминая наши, мы приходимъ къ убѣжденію, что такого журнала у насъ совсѣмъ нѣтъ и что поэтому мы лишены самаго лучшаго друга и помощника въ борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ. Благодаря отсутствію такого журнала дѣло народнаго образованія идетъ у насъ туго, черепашинымъ шагомъ. У насъ есть нѣсколько періодическихъ изданій, но это все не то, что нужно. Правда, у насъ были такіе журналы; они родились въ эпоху самаго сильнаго стремленія интеллигенціи служить народу—въ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годахъ, но выродились, между тѣмъ, польскія газеты ведутъ свое существованіе съ того времени.

Въ другихъ польскихъ провинціяхъ дѣло стоитъ иначе. Въ Галиціи, напр., главнымъ проводникомъ образованія являются школы и читальни. Въ Краковѣ существуетъ своего рода Комитетъ грамотности, называющійся «Обществомъ народнаго образованія»; цѣль общества распространять книги, газеты и журналы и устраивать библіотеки при школахъ и читальни. Общество уведомляетъ староство (нѣчто въ родѣ мэріи) о томъ, что оно устроило читальню въ такомъ-то селѣ или мѣстечкѣ и завѣдывающимъ ею назначило такое-то лицо. При устройствѣ библіотеки при школѣ, Общество сообщаетъ объ этомъ лишь Училищному Совѣту, и библіотека считается открытою; завѣдываетъ же ею учитель. Въ народныхъ читальняхъ имѣется отъ 100 до 400 книгъ; читаются вслухъ такія книги, какъ напр. Вліяніе свѣта на жизнь. О водѣ и огнѣ въ природѣ, О правахъ гражданъ въ выборахъ, Изъ области жизни и естественныхъ наукъ и проч. Каждый завѣдывающій читальней снабженъ программой для собиранія свѣдѣній о томъ, что и какъ читаетъ народъ, и долженъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: 1) Какія книжки требуютъ читальня? 2) Получаетъ-ли кто въ волости газеты, помимо читальни? 3) Какое періодическое изданіе больше нравится и увлекаютъ-ли читатели практическую изъ него пользу? 4) Кто охотнѣе читаетъ газеты и книжки: молодые или старые, женщины или мужчины и почему? 5) Какія книги по мнѣнію читателей интересны, полезны и какія больше всего читаются? 6) Покупаетъ ли народъ книжки самъ? 7) Какія книжки признаетъ необходимыми самъ завѣдующій? 8) Произвела ли читальня какое-нибудь вліяніе на округу и какое?

Польская интеллигенція въ Привислянскомъ краѣ, чтобы знать, что именно давать народу и какимъ путемъ удобнѣе достигнуть своей цѣли, стала изучать народъ. Въ Варшавѣ издается журналъ «Висла», выходящій четыре раза въ годъ. Издается онъ давно и, очевидно, имѣетъ опредѣленное число подписчиковъ. Это очень интересное и цѣнное изданіе, даже для насъ. Въ немъ вы найдете самыя подробныя, самыя мелкія и въ то же время цѣнныя свѣдѣнія, относящіяся къ изученію географіи, этнографіи, быта крестьянъ бывшихъ польскихъ провинцій: Литвы, Вѣлорусіи, Привислянскаго края, Галиціи и Познани. По этимъ свѣдѣніямъ довольно легко составить себѣ понятіе о полякахъ и литовцахъ, объ ихъ вѣрованіяхъ, обычаяхъ, развитіи и экономическомъ состояніи. Очевидно, въ составленіи сборника принимаетъ участіе деревенская интеллигенція, стоящая лицомъ къ народу и сообщая о немъ иногда очень интересныя данныя. Но есть здѣсь много и серіозныхъ статей, представляющихъ научное изслѣдованіе народной жизни.

Затѣмъ, точно такъ же, какъ и у насъ, польской интеллигенціей выработаны программы для собиранія свѣдѣній о томъ, что и какъ читаетъ народъ, — программы, имѣющія цѣлью изучить читателя. Въ Польшѣ жизнь или опытъ тоже привели къ тому,

что такая программа необходима въ интересахъ знакомства съ народомъ и лучшей постановки издательскаго дѣла. Составленный польской интеллигенціей Сборникъ вопросовъ содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. а) Общія условія народнаго образованія, б) географическія, этнографическія, общественныя и экономическія условія образованія.

II. Состояніе народнаго образованія: а) вообще, б) о школахъ. Взгляды народа на образованіе.

III. Книжное дѣло: а) настоящее его положеніе, б) взгляды народа на него и в) оцѣнка отдѣльныхъ книжекъ.

Программа эта очень широка, приближается по своему содержанию къ программѣ Пругавина и если найдетъ себѣ примѣненіе, то дѣйствительно можетъ сослужить для интеллигенціи и для народнаго образованія большую службу. Положимъ, они, какъ и мы, впадаютъ въ ошибку. Опытъ показалъ, что такая программа далеко не достигаетъ своей цѣли. Въ такихъ программахъ обыкновенно предлагается схема вопросовъ, однихъ и тѣхъ же на всякій случай, на всякую книжку, вопросовъ, имѣющихъ выяснить взглядъ крестьянина на прочитанное: хороша ли книжка, понравилась ли или нѣтъ, хорошо ли или дурно поступали герои, хорошо ли книжка написана и прочіе общіе вопросы, которые нисколько не выясняютъ ни міросозерцанія народа, ни его развитія. Опытъ доказалъ, что такая общая программа отслужила своей вѣкъ, что на каждую книжку надо составлять отдѣльную схему вопросовъ, которые и приходится издать отдѣльной книгой, какъ пособие для учителей и проч. интеллигенціи.

Вспоминается намъ и наша интеллигенція и ея труды на нивѣ народной. Труды ея слишкомъ не систематизированы, рознь между такими отдѣльными работниками страшная, объединительныхъ органовъ (какъ напр. у поляковъ «Висла») нѣтъ и ни къ какимъ общимъ результатамъ, даже къ изданію такого журнала или народнаго они не пришли. Одинъ нашъ интеллигентъ отправляется въ деревню, живетъ въ ней, входитъ въ близкое общеніе съ народомъ, кладетъ въ нихъ свою душу. Но что есть у поляковъ, того нѣтъ у насъ. Въ общемъ они достигли на пути народнаго образованія болѣе существенныхъ результатовъ, а если бы отношенія интеллигенціи къ народу были болѣе сердечны, если бы не было страшной розни между сословіями, если бы крестьянское сословіе стояло на первомъ планѣ, то труды польской рабочей интеллигенціи несомнѣнно принесли бы болѣе существенную пользу, и польскій крестьянинъ стоялъ бы во всѣхъ отношеніяхъ еще выше и культурнѣе, нежели стоитъ теперь.

М. Круковский.

О современномъ состояніи начальнаго образованія въ Россіи *).

Для сообщенія начальнаго образованія въ Россіи существуетъ пѣтый рядъ учебныхъ заведеній, весьма различныхъ по своему типу, внутреннему устройству и названію. Это разнообразіе verursacht отъ многихъ причинъ. Главной—является распределеніе начальныхъ учебныхъ заведеній чуть ли не по всѣмъ вѣдомствамъ. Въ той или иной степени заботятся о начальномъ образованіи слѣдующія вѣдомства: Министерство Народнаго Просвѣщенія, Святѣйшій Синодъ, Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Министерство Земледѣ-

*) Къ открывшейся въ Нижнемъ-Новгородѣ Всероссийской Выставкѣ Министерство Финансовъ выпустило книгу подъ названіемъ «Производительныя силы Россіи», — рядъ обзоровъ различныхъ отраслей труда въ области русской производительности. Однимъ изъ такихъ обзоровъ, вошедшихъ въ эту книгу, является настоящая статья. Очеркъ составленъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ Коммиссіей, учрежденной при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, по устройству Педагогическаго Отдѣла на Нижегородской выставкѣ. Свѣдѣнія эти, доставленныя инспекторами народныхъ училищъ по вѣреннымъ имъ уздамъ и директорами народныхъ училищъ по губерніямъ, относятся къ 1 января 1894 г. Большая часть присланныхъ вѣдомостей со статистическими данными заключала въ себѣ данныя по учебнымъ заведеніямъ и другихъ вѣдомствъ, кромѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, недостающія же, особенно о школахъ духовнаго вѣдомства, пришлось дополнить свѣдѣніями, собранными нами въ Св. Синодѣ. Всѣ таблицы, имѣющіяся въ текстѣ этого обзора, составлены по вѣдомствамъ, со общеннымъ директорами народныхъ училищъ; таблицы же, помѣщенные въ приложеніи къ этому обзору, выведены на основаніи сообщеній инспекторовъ народныхъ училищъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что иногда итоги таблицъ въ текстѣ и въ приложеніи не вполне сходятся, такъ какъ цифры, приведенныя въ нихъ, взяты изъ разныхъ источниковъ, которые, слѣдовало бы ожидать, должны быть вполне однородны. Мы рѣшились допустить эту ошибку, въ большинствѣ случаевъ, небольшую, такъ какъ не сочли возможнымъ вносить исправленія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти погрѣшности были вполне очевидны, такъ какъ трудно рѣшить, какія изъ цифръ слѣдуетъ признать наиболее правильными. Во всякомъ случаѣ, ошибки эти не вліяютъ на выясненіе общей картины состоянія начальнаго образованія въ Россіи, что имѣлось, главнымъ образомъ, въ виду при составленіи настоящаго очерка.

лія и Государственныхъ Имуществъ, Министерство Военное, Министерство Финансовъ (въ лицѣ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и Таможеннаго Департамента), Министерство Императорскаго Двора и Удѣловъ, С.-Петербургское, Московское и Одесское Городскія Управленія и, наконецъ, Императорское Русское Техническое Общество. Само собой понятно, что, въ виду такой многообразности въ организаціи начальнаго образованія въ Россіи, сведеніе его къ нѣсколькимъ типамъ учебныхъ заведеній представляется весьма затруднительнымъ. Трудность эта увеличивается еще въ силу другой причины, оказывающей весьма значительное вліяніе на различіе въ устройствѣ нашихъ низшихъ учебныхъ заведеній. Это—этнографическія особенности населенія въ различныхъ частяхъ Россіи и связанныя съ ними отличія во внутреннемъ управленіи даннаго края. При такихъ условіяхъ представляется невозможнымъ сдѣлать обзоръ начальнаго образованія по вѣдомствамъ, коимъ ввѣрено у насъ попеченіе о немъ, такъ какъ такой очеркъ дастъ лишь сравнительное представленіе о дѣятельности каждаго вѣдомства въ области народнаго просвѣщенія, а не выяснитъ положенія у насъ народнаго образованія. Равнымъ образомъ мы считаемъ неудобнымъ пользоваться для нашего обозрѣнія общепринятой у насъ системой подраздѣленія всѣхъ учебныхъ заведеній на учебныя округа: она не пригодна для нашей цѣли главнымъ образомъ потому, что совершенно не считается съ весьма важными, какъ уже было замѣчено, условіями развитія русскаго народнаго образованія, а именно—съ составомъ населенія мѣстностей, образующихъ такой учебный округъ, и способомъ существующаго въ нихъ общественнаго и государственнаго управленія.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ мы намѣрены обозрѣть состояніе начальнаго образованія въ Россіи, раздѣливъ ее на слѣдующіе 9 районовъ: 1) земскія губерніи; 2) Сѣверо-Западный край; 3) Юго-Западный край; 4) Привислянскій край; 5) Прибалтійскій край; 6) Юго-восточныя губерніи: Астраханская и Оренбургская и Донская, Уральская и Тургайская области и Архангельская губ., какъ не относящаяся ни къ одному изъ названныхъ районовъ; 7) Кавказъ; 8) Сибирь и 9) Туркестанъ.

Земскія губерніи.

Мы не будемъ описывать различные типы низшихъ учебныхъ заведеній въ земскихъ губерніяхъ, предполагая, что читателямъ они извѣстны. Перейдемъ прямо къ ихъ статистикѣ. Данныя о начальномъ образованіи въ земскихъ губерніяхъ мы расположимъ по слѣдующему плану:

I. «Высшія» начальныя училища, т. е. городскія и уѣздныя; II. Собственно начальныя училища: городскія и сельскія, министерскія и земскія; III. Церковно-приходскія школы и школы грамоты и IV. Школы другихъ вѣдомствъ.

Городскія и уѣздныя училища.

Приводимыя въ нижеслѣдующей таблицѣ данныя о городскихъ и уѣздныхъ училищахъ имѣютъ цѣлью указать, насколько распространены въ земскихъ губерніяхъ эти высшія начальныя учебныя заведенія, какъ велико въ нихъ число учащихся и какъ долго они остаются въ этихъ училищахъ.

Губернія.	Число городск. поселеній.	Число училищъ.	Число учащихсѣ.	Изъ нихъ обучалось въ					Число		Средства со-держанія.
				1 и 2 г.	3 г.	4 г.	5 и 6 г.	выбывшихъ до оконч. шихъ.	окончившихъ.		
Бессарабская .	17	14	1,569	904	357	172	136	229	179	63.690,63	
Владимірская .	19	12	1,115	670	199	123	113	150	105	43.608,79	
Вологодская .	13	11	998	322	198	205	273	183	117	35.823,73	
Воронежская .	12	11	1,004	580	232	85	106	158	120	38.895,52	
Вятская	12	13	1,610	544	434	257	375	319	181	55.236,78	
Екатеринослав.	10	8	1,194	662	310	83	139	223	68	45.944,31	
Казанская . . .	15	12	1,261	441	331	209	280	253	129	40.385,09	
Калужская . .	14	12	778	457	221	37	63	163	112	31.768,87	
Костромская .	20	13	1,139	551	250	133	205	179	162	45.787,92	
Курская	18	14	1,291	761	296	111	123	248	146	47.337,86	
Московская . .	15	20	2,664	1,306	627	391	320	514	210	84.217,00	
Нижегородск.	11	12	1,125	137	389	337	262	180	151	43.407,37	
Новгородская.	14	11	1,273	473	313	218	269	209	90	46.500,50	
Олонецкая . . .	7	6	329	167	68	41	55	63	38	26.150,26	
Орловская . . .	12	12	1,443	322	423	328	365	281	108	57.304,08	
Пензенская . .	13	10	1,329	541	373	174	241	170	159	44.560,65	
Пермская	15	14	1,658	449	490	337	382	257	224	61.679,58	
Полтавская . .	17	15	1,464	491	395	244	334	223	165	52.414,29	
Псковская . . .	12	8	702	251	203	126	144	119	90	31.928,89	
Рязанская . . .	12	11	1,393	625	343	183	242	294	119	39.191,03	
Самарская . . .	9	6	847	312	210	150	175	175	88	24.190,00	
С.-Петербург.	13	16	2,543	—	—	—	—	—	—	94.794,18	
Саратовская . .	11	10	1,381	424	337	238	382	216	169	44.004,00	
Симбирская . .	9	8	898	269	270	163	196	250	109	27.138,84	
Смоленская . .	12	13	2,173	1,034	479	290	370	417	150	80.922,15	
Таврическая . .	16	9	1,063	529	239	135	160	251	52	57.274,00	
Тамбовская . .	13	13	1,352	932	302	63	55	216	193	40.699,39	
Тверская	15	12	1,588	664	414	272	238	365	125	43.812,17	
Тульская	12	12	1,338	631	324	249	74	271	187	43.127,14	
Уфимская . . .	6	6	716	174	241	150	151	116	87	32.720,26	
Харьковская . .	17	13	1,142	495	276	148	223	191	130	44.432,15	
Херсонская . .	19	10	1,729	776	442	258	253	364	111	68.589,67	
Черниговская .	25	17	1,918	803	442	301	372	281	146	59.918,24	
Ярославская . .	12	10	1,425	—	—	—	—	232	137	46.977,00	
Итого въ 34 зем. губ.											
гор.	—	291	36,817	12,282	8,267	5,539	6,758	6,222	2,784	1.323,357,75	
уѣз.	—	103	8,615	8,276	2,139	673	328	1,495	1,573	321,074,59	
	467	394	45,432	17,697	10,406	6,212	7,086	7,717	4,357	1.654,432,34	

Итакъ, въ 34 земскихъ губерніяхъ, насчитывающихъ 467 городовъ и городскихъ поселеній, существуетъ 291 городское училище и 103 уѣздныхъ, итого 394 начальныхъ училищъ высшаго типа. Слѣдовательно, 173 города такихъ учебныхъ заведеній не имѣютъ и должны довольствоваться начальными училищами. По числу городскихъ и уѣздныхъ училищъ первое мѣсто занимаютъ Московская и С.-Петербургская губерніи, гдѣ число училищъ даже превышаетъ число городскихъ поселеній, во всѣхъ же остальныхъ губерніяхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, еще Смоленской—число городскихъ поселеній превышаетъ, и иногда весьма значительно, число училищъ разсматриваемаго типа. Число учащихся въ городскихъ училищахъ равно 36,817, въ уѣздныхъ — 8,615, что даетъ въ среднемъ на 1 городское училище 126 чел., а на 1 уѣздное—83. Такая разница въ числѣ учащихся объясняется разной продолжительностью курса въ этихъ училищахъ (въ городскихъ онъ равенъ 5—6 годамъ, въ уѣздныхъ всего чаще 3 годамъ). Интересно сонаоставить цифры учащихся по годамъ: въ городскихъ училищахъ на 1 и 2 года обученія приходится 37,3 всего числа учащихся, на 3-й годъ—25,1, на 4-й—17 и на 5-й и 6-й—20,6%. Между тѣмъ для уѣздныхъ училищъ вслѣдствіе того, что курсъ ученія въ $\frac{6}{10}$ всего числа училищъ продолжается три года, цифры о посѣщаемости въ различные годы обученія получаются слѣдующія: 62,3%, 25,4%, 8,4% и 3,9%. Процентъ выбывающихъ до окончанія курса въ тѣхъ и другихъ училищахъ почти одинаковъ: 18 и 17,2, процентъ же оканчивающихъ въ уѣздныхъ училищахъ значительно больше: 8,2 и 18,2. Эти цифры наводятъ на соображеніе, что населеніе, конечно, въ виду его тяжелыхъ экономическихъ условий, нуждается больше въ училищахъ съ курсомъ средней продолжительности.

Содержаніе училищъ того и другого типа обходится почти одинаково: городского — въ среднемъ — 4,547,62 рб. а уѣздного — 3,107,51; рб. одного учащагося—36,27-и 37,27 рб. которую нельзя, однако, признать вѣрной, такъ какъ въ дѣйствительности число женскихъ прогимназій больше.

Городскимъ училищамъ по положенію 1872 г. соотвѣтствуютъ женскія прогимназіи и маріинскія училища. Поэтому здѣсь будетъ уместно привести о нихъ соотвѣтствующія данныя, которыя соединяемъ въ нижеслѣдующей таблицѣ (см. 96 стр.).

Приведенная таблица показываетъ, что высшее начальное образованіе для дѣвушекъ находится въ еще болѣе неутѣшительномъ состояніи, чѣмъ для мальчиковъ. На 394 городскихъ и уѣздныхъ училища приходится только 93 женскихъ прогимназій; (въ дѣйствительности ихъ больше) число учащихся въ первыхъ—равно 45,432, въ послѣднихъ—только 12,740. Выше мы видѣли, что 173 города совершенно лишены мужскихъ начальныхъ училищъ высшаго типа, здѣсь оказывается, что въ 374 городахъ нѣтъ такихъ учебныхъ заведеній для дѣвушекъ. Далѣе, не великъ также процентъ оканчивающихъ —8,9 но зато сравнительно незначителенъ процентъ выбыв-

пихъ до окончанія курса—14,6. Содержаніе 1 прогимназии обходится въ среднемъ въ 4,582 р., расходъ на 1 учащуюся равенъ 33,2, а на одну окончившую—397,1 р.

Губерніи:	Ч и с л о					Средства содержанія.
	прогим- назій.	учащихся	выбыв- шихъ.	окон- чивш.		
Владимірская . . .	3	381	14	18		6.924,55
Вологодская . . .	6	664	92	80		16.519,88
Вятская	8	1,370	210	119		31.346,72
Екатеринославская.	2	150	32	18		9.562,40
Базанская	1	419	115	15		7.375,98
Калужская	3	383	31	43		9.114,35
Курская	11	1,507	206	99		57.941,33
Нижегородская . . .	1	132	25	11		2.965,00
Новгородская . . .	5	603	72	29		16.328,88
Олонецкая	1	195	5	9		4.200,00
Пермская	6	1,000	113	124		36.925,24
Псковская	3	285	30	42		16.675,27
Самарская	1	107	15	16		3.765,00
С-Петербургская . .	1	133	—	—		5.315,08
Симбирская	3	174	23	17		7.811,82
Смоленская	8	1,097	198	22		30.054,93
Тазрическая	3	424	43	8		24.101,00
Тамбовская	5	1,027	218	69		31.915,41
Тверская	3	533	—	—		5.315,08
Тульская	2	224	59	22		5.020,50
Харьковская	10	1,044	173	139		43.736,00
Херсонская	7	888	129	113		53.211,42
Итого	93	12,740	1,803*)	1,073*)		426.125.76*)

Маринскихъ училищъ всего показано 4 съ 291 учащимися.

Переходимъ къ рассмотрѣнiю *начальныхъ училищъ*. Къ сожалѣнiю, нѣтъ возможности расположить ихъ по двумъ главнымъ группамъ: на городскія и сельскія, для того, чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ городское и сельское населеніе обезпечено школами, такъ какъ нѣкоторыя изъ начальныхъ училищъ, напр., приходскія и многія вѣроисповѣдныя, напр., магометанскія, лютеранскія существуютъ и въ селахъ и въ городахъ, распредѣленіе же по этимъ двумъ группамъ въ матеріалахъ, которыми мы обладаемъ, нѣтъ. Поэтому, придется располагать статистическія свѣдѣнiя о значительной части начальныхъ училищъ по ихъ названiямъ, совершенно минуя интересный вопросъ о распредѣленіи ихъ по городамъ и селамъ. Послѣднее можно сдѣлать лишь для земскихъ школъ. Такимъ образомъ, всѣ свѣдѣнiя о начальныхъ школахъ мы соединимъ въ двѣ таблицы: въ одной будутъ помѣщены городскія (главнымъ образомъ) и сельскія, а именнo:

*) Въ это число не вошли окончившія въ прогимназіяхъ С.-Петербургской и Тверской губ.

земскія городскія начальныя, приходскія по уставу 1828 года, различныя вѣроисповѣдныя, какъ-то: лютеранскія, магометанскія, еврейскія и т. п. и всѣ частныя училища, въ другой — только сельскія съ подраздѣленіемъ на министерскія (образцовыя) и земскія. Такое расположеніе данныхъ дастъ возможность, хотя бы приблизительно, судить о сравнительномъ распространеніи городскыхъ и сельскихъ училищъ.

ГУБЕРНИИ.	Число школъ.	Число учащихся.			Число		Средства содержанія.
		мальч.	дѣвоч.	Итого.	выбывш. до окон. курса.	оконч. курсъ.	
Бессарабская . . .	434	11,863	6,896	18,759	—	—	—
Владимирская . . .	53	3,873	1,779	5,652	—	—	104,557,60
Вологодская . . .	22	863	663	1,526	359	252	19,336,12
Воронежская . . .	53	2,005	1,008	3,013	712	409	52,926,99
Вятская	202	4,345	2,118	6,463	—	—	—
Екатеринославская	322	7,646	5,032	12,678	1,855	646	212,745,09
Казанская	656	22,601	11,788	34,389	—	—	—
Калужская	41	2,003	1,315	3,318	749	398	49,848,89
Костромская	42	1,888	1,588	3,476	867	418	36,906,33
Курская	59	2,545	1,228	3,773	864	607	44,789,05
Московская	285	13,617	10,582	24,199	6,515	3,172	—
Нижегородская . . .	119	6,220	1,952	8,172	—	—	—
Новгородская	56	1,734	1,312	2,046	—	—	—
Олонецкая	12	358	426	784	—	—	—
Орловская	57	3,555	2,360	5,915	1,239	701	57,132,72
Пензенская	120	5,152	2,999	8,151	—	—	—
Пермская	150	6,664	3,290	9,954	—	—	—
Полтавская	256	—	—	7,307	—	—	97,649,58
Псковская	37	2,092	1,135	3,227	—	—	—
Рязанская	56	2,422	1,878	4,300	—	—	—
Самарская	245	20,873	17,575	38,448	—	—	—
С.-Петербургская . .	333	12,504	10,326	22,830	—	—	—
Саратовская	259	23,075	16,195	39,270	—	—	—
Симбирская	181	7,175	1,272	8,447	—	597	69,004,57
Смоленская	55	1,345	1,210	2,555	—	—	—
Таврическая	983	17,155	10,797	27,952	—	—	—
Тамбовская	87	4,790	2,074	6,864	1,086	762	84,730,33
Тверская	57	3,660	2,524	6,184	835	484	35,093,93
Тульская	59	2,462	1,967	4,429	—	—	—
Уфимская	605	22,420	1,515	23,940	—	—	—
Харьковская	148	5,451	3,019	8,470	—	—	—
Херсонская	645	23,498	14,495	37,993	—	—	—
Черниговская	182	—	—	6,225	—	—	—
Ярославская	42	2,306	1,937	4,243	1,061	579	37,611
Итого земск. учил.	1,320	60,231	49,175	110,106	26,732	13,810	2,393,964,65
другихъ „	5,593	—	—	294,846	—	—	—
	6,913	—	—	404,952	—	—	—

Слѣдовательно, въ земскихъ губерніяхъ начальныхъ училищъ перечисленныхъ нами выше категорій имѣется 6,913 съ 404,952 учащимися. За недостаткомъ многихъ данныхъ, мы не можемъ сдѣлать на основаніи этой таблицы соотвѣтственные выводы. Остановимся лишь на цифрахъ, касающихся земскихъ школъ.

Земскихъ школъ въ городахъ насчитывается 1,320 съ 110,106 учащимися. Это число приходится на 497 городскихъ поселеній; слѣдовательно, на 1 городъ въ земскихъ губерніяхъ собственно земскихъ школъ имѣется 2,8 училища съ 221,5 учащихся. На одно земское городское училище въ среднемъ приходится 84 учащихся. Распределеніе числа учащихся въ земскихъ городскихъ училищахъ въ отношеніи пола довольно благопріятное: дѣвочекъ учится 45% всего числа учащихся; въ приходскихъ только 29,6%; хотя надо замѣтить, что процентъ этотъ ниже, чѣмъ въ лютеранскихъ и католическихъ училищахъ, гдѣ онъ равенъ 49%. Любопытно также распределеніе учащихся въ земскихъ училищахъ по продолжительности обученія. Главная масса учащихся, какъ это видно изъ приведенныхъ данныхъ, обучается только 2 года (и это, впрочемъ, трудно сказать: несомнѣнно, что извѣстная часть оставляетъ школу послѣ 1-го года обученія, но сказать, какъ она велика, невозможно, потому что въ данныхъ, которыя у насъ имѣются, показаны повсюду совмѣстно учащіеся въ 1 и 2 году), а именно 77,6% всего числа учащихся, третій годъ въ школъ остается только 20%, въ четвертомъ году она уже падаетъ до 2,2%, а затѣмъ болѣе продолжительное пребываніе въ школъ выражается минимальной цифрой 0,2%. Число выбывающихъ до окончанія курса соотвѣтственно этому весьма значительно, оно равно 24,3% всего числа обучающихся, а процентъ оканчивающихъ равенъ 12,5. Цифра эта сравнительно должна быть признана довольно удовлетворительной. — Содержаніе 1 городского училища обходится въ 1813,4 руб., одного учащагося—21,74 руб., а одного окончившаго въ 174 руб.

Если произвести такія же вычисленія для приходскихъ училищъ, то окажется, что на 1 училище приходится 109 учащихся: распределеніе учащихся по продолжительности почти то же, что и въ городскихъ—73,8%, 21,3%, 3,7% и 1,2%. Число выбывшихъ составляетъ 20,8%, а окончившихъ—12%. Содержаніе 1 приходскаго училища обходится въ 1,180 р., 1 учащагося—10,78 р., 1 окончившаго—83,5.

Переходимъ къ обзору *сельскихъ училищъ*.

Изъ нижепомѣщенной таблицы слѣдуетъ, что въ 231,626 селеніяхъ, находящихся въ районѣ 34 губерній, земскихъ и министерскихъ (образцовыхъ) школъ къ 1-му января 1894 года насчитывалось 14,978, т. е. на *пятнадцать* слишкомъ селеній приходится 1 школа. Въ этихъ школахъ обучалось 1.048,007 дѣтей обоого пола. Изъ этого числа въ министерскихъ школахъ (число которыхъ почти въ 13 разъ меньше числа земскихъ школъ) обучалось немного меньше $\frac{1}{10}$ части. Въ среднемъ на 1 земскую

ГУБЕРНІИ.

Губернія.	Число сененій.	Число учн-ницъ.	Число учащихся			Въ томъ числѣ обуч. въ				Число окон-чившхъ курсъ.	Средства содержанія.	
			малыя.	дѣвоч.	Итого.	въ						
						1 и 2 г.	3 году.	4 году.	5 и 6 г.			
Бессарабская	3,234	384	19,985	3,282	23,267	16,767	4,462	2,896	1,243	4,628	1,484	285,494,86
Владимирская	8,234	462	22,826	7,075	29,901	24,477	5,040	256	128	6,954	2,869	299,631,69
Вологодская	14,546	207	10,844	2,166	13,010	10,137	2,672	127	74	3,269	1,818	110,311,44
Воронежская	2,340	532	38,099	6,083	44,182	37,310	6,662	118	92	13,497	4,255	261,442,57
Вятская	2,143	475	35,327	7,929	43,156	32,247	9,641	1,118	150	11,764	6,355	348,408,86
Екатеринославская	1,788	399	2,688	4,750	30,433	26,677	3,074	601	81	5,353	2,166	299,654,10
Каванская	5,853	523	22,794	5,850	28,644	20,266	5,545	169	133	8,276	3,474	226,916,05
Калужская	6,296	390	21,765	4,844	26,109	20,262	3,571	1,881	156	4,491	2,559	145,039,88
Костромская	11,853	335	17,257	4,511	21,768	18,001	3,571	110	86	5,564	2,903	242,213,51
Курская	3,456	558	34,351	6,056	40,407	32,240	7,036	861	270	11,120	4,349	283,685,12
Московская	7,549	609	30,989	11,412	42,401	36,391	5,509	300	201	11,012	4,981	582,399,36
Нижегородская	4,731	411	18,363	4,614	22,977	17,487	5,260	139	91	6,008	2,641	232,599,19
Новгородская	11,607	459	18,589	5,052	23,611	18,414	4,552	286	159	4,735	3,018	194,469,24
Олонская	4,352	179	5,921	1,329	7,450	5,987	1,415	82	66	1,378	819	103,976,89
Орловская	7,366	543	33,775	4,799	38,584	16,448	3,685	1,556	806	8,000	2,649	222,200,89
Пензенская	1,840	357	19,691	3,864	23,555	19,662	3,710	103	70	6,859	3,050	150,660,66
Пермская	12,437	679	38,686	14,572	53,258	41,468	10,055	1,110	568	10,900	6,796	507,995,79
Полтавская	4,502	662	46,932	5,721	52,653	38,973	13,061	369	250	13,543	4,888	344,431,05
Псковская	16,500	193	9,057	1,707	10,764	8,821	1,856	54	33	3,061	1,499	121,781,79
Рязанская	5,204	548	33,344	7,673	41,017	33,897	6,654	296	170	11,469	4,299	272,788,27
Самарская	4,123	474	28,072	7,662	35,734	19,524	7,181	2,059	1,043	7,919	3,292	273,929,00
С.-Петербургская	5,969	347	14,911	7,915	22,826	—	—	—	—	—	—	—
Саратовская	4,629	456	30,450	5,023	35,473	24,216	7,868	2,772	617	7,829	3,232	246,559,00
Симбирская	3,483	422	19,900	3,503	23,403	17,475	4,787	1,028	113	6,222	3,494	221,175,53
Смоленская	14,422	403	22,991	2,790	25,781	20,144	5,181	277	179	6,294	2,371	226,622,62
Таврическая	4,377	327	20,250	5,095	25,345	7,23	226	98	60	6,434	1,715	307,085,00
Тамбовская	6,112	571	35,177	4,632	39,809	33,089	6,412	188	120	12,002	3,781	312,228,41
Тверская	13,280	577	33,653	10,314	43,967	29,832	9,877	4,138	120	9,090	4,098	285,985,12
Тульская	5,969	518	25,544	5,966	31,410	26,856	4,380	145	89	9,365	2,544	161,325,86
Уфимская	3,831	191	9,206	2,798	12,004	9,174	2,265	407	158	672	1,478	104,329,41
Харьковская	5,864	514	32,075	5,699	37,774	29,055	7,890	433	396	10,545	3,832	292,139,00
Херсонская	7,327	345	23,584	4,722	28,256	22,594	5,135	348	179	6,613	1,950	267,397,60
Черниговская	5,619	554	38,129	5,672	43,801	34,874	8,420	304	236	9,481	3,854	269,602,81
Ярославская	10,800	374	18,323	6,964	25,287	—	—	—	—	6,773	3,369	194,903,00
Всего, ин-ци	13,900	1,900	771,858	173,762	945,620	683,042	160,663	15,909	2,821	235,168	98,829	7,390,121,03
Минск	1,078	—	84,605	17,732	102,337	60,396	18,770	8,720	5,316	21,768	8,623	1,185,642,44
Итого въ 34 губ.	231,626	14,978	856,463	191,544	1,048,007	743,488	179,383	24,629	8,137	26,926	107,452	8,575,763,47

школу приходится 68 учащихся, а на 1 министерскую—95. Это объясняется тѣмъ, что большая часть министерскихъ школъ (469) двухклассныя (въ нихъ учится 52,356 м. и 10,972 д., т. е. 63,328 дѣтей обоого пола). Число выбывающихъ до окончанія курса въ земскихъ школахъ нѣсколько выше, чѣмъ въ министерскихъ—24,8% и 21,2%, но за то процентъ оканчивающихъ больше въ первыхъ, а именно, онъ равенъ 10,4, тогда какъ въ министерскихъ только 8,4.

Заслуживаютъ особеннаго вниманія цифры въ вышеприведенной таблицѣ о распредѣленіи учащихся по годамъ курса. Онѣ имѣютъ двоякое значеніе: во 1) указываютъ на то, какъ долго экономическія условія крестьянской жизни позволяютъ ребенку оставаться въ школѣ, и тѣмъ самымъ чему онъ можетъ въ такомъ случаѣ научиться и во 2) могутъ служить весьма важнымъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса, что слѣдуетъ подразумѣвать у насъ подѣ школьнымъ возрастомъ и какое, слѣдовательно, число дѣтей должно въ каждый данный моментъ подлежать начальному обученію.

Обращаясь къ этимъ цифрамъ *), мы видимъ, что почти $\frac{1}{2}$ всего числа учащихся (т. е. той суммы, для которой дано распредѣленіе) въ земскихъ сельскихъ школахъ обучается только въ 1 и 2 году, въ 3 году—уже всего только 11,7%, въ 4-мъ—1,8%, а въ 5-мъ году совершенно ничтожная цифра—0,3. Такъ какъ эти отношенія почти постоянны—мы видѣли почти то же и въ городскихъ училищахъ—то можно съ извѣстной достовѣрностью установить, что $\frac{3}{4}$ всего числа обучающихся въ Россіи дѣтей (идеть рѣчь только о начальныхъ школахъ) обучается не болѣе 2 лѣтъ (т. е. зимъ), третій годъ продолжаетъ свое обученіе только $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{2}$ часть, а долѣе 3 лѣтъ учится очень незначительное количество дѣтей. Этотъ фактъ нельзя не признать весьма прискорбнымъ, такъ какъ въ теченіе двухъ или трехъ зимъ, укорачивающихся по условіямъ крестьянскаго хозяйства до полугода каждая, весьма затруднительно научиться грамотѣ такъ, чтобы ее знать твердо и не забыть. Съ другой стороны, тотъ фактъ, что два % учащихся остается годъ и болѣе сверхъ положеннаго срока, указываетъ на возрастающій постепенно интересъ къ образованію среди населенія.

Остановимся еще на сравнительномъ количествѣ сельскихъ школъ въ разныхъ губерніяхъ. Наибольшее число земскихъ школъ имѣетъ Полтавская губ.—632, затѣмъ идутъ: Пермская съ 624, Московская съ 587, Тверская съ 562, Тамбовская съ 557, Орловская съ 531, Курская съ 534, Черниговская съ 525, Воронежская

*) Эти цифры въ итогѣ не сходятся съ суммой, показывающей число учащихся, потому что въ 3 губерніяхъ: С.-Петербургской, Таврической и Ярославской это распредѣленіе не дано и вообще часто итоги по отдѣльнымъ губерніямъ не сходятся. Поэтому выводы изъ этихъ данныхъ могутъ быть приближительныя.

съ 521, Рязанская съ 515 и т. д. Меньше всего школъ: въ Уфимской—174, въ Олонцкой—140 и въ Бессарабской—136.

Министерскихъ училищъ всего больше въ Бессарабской губ.—238, за нею идетъ Новгородская—67, Херсонская—53 и т. д., всего меньше въ Таврической и Воронежской—11 и въ Самарской—9. Распределение, какъ видно, довольно неравномерное, не находящееся при этомъ въ зависимости отъ распространенности въ губерніи земскихъ школъ.

На содержаніе сельскихъ земскихъ школъ въ отчетномъ году израсходована довольно внушительная цифра—7.390,121 р. 03 к. Достойно замѣчанія, что въ этой суммѣ расходовъ государственное казначейство участвуетъ лишь въ размѣрѣ 0,97%, главную тяжесть несетъ на себѣ земство, а именно 69,37%, пособіе отъ городовъ составляетъ 0,2%, остальная часть расходовъ, тоже довольно значительная—29,46% составляется изъ пособій отъ сельскихъ обществъ и жертвованій частныхъ лицъ. Но этимъ расходомъ, равняющимся 5.126,006,62 руб., не ограничиваются затраты земства на народное образованіе. Оно отпускаетъ еще на содержаніе образцовыхъ министерскихъ школъ 230,683,15 руб. и на содержаніе церковно-приходскихъ школъ 255,913,49 руб., итого, по нашимъ даннымъ, земствомъ на нужды однихъ сельскихъ училищъ тратится около 6 милліоновъ руб. (эта цифра можетъ лишь быть приблизительною, такъ какъ многія изъ учебныхъ заведеній предыдущей таблицы тоже относятся къ сельскимъ и субсидируются земствомъ).

Содержаніе 1 земской школы обходится въ 531 руб. 65 коп., расходъ на одного учащагося равенъ 7 р. 93 к., на 1 окончившаго—74 р. 77 к. Въ министерскихъ (образцовыхъ) училищахъ этотъ расходъ выразится въ цифрахъ: 1,099,8 р.; на содержаніе школъ и 11,58 руб.—расходъ на обученіе одного учащагося и 137,49 руб. на обученіе одного окончившаго.

Переходимъ къ даннымъ о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты.

Церковно-приходскія школы и школы грамоты.

Губерніи:	Число школъ.	Число учащихся.			Исходовано на содержаніе.	
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Итого.	Руб.	Коп.
Бессарабская	313	15,219	1,381	16,600	49,773	89
Владимірская	614	13,136	3,927	17,063	59,411	19
Вологодская	684	16,714	2,996	19,710	72,602	82
Воронежская	572	17,331	3,447	20,778	22,464	75
Вятская	907	22,239	6,252	28,491	63,368	6
Екатеринославская .	286	8,765	1,456	10,221	60,087	89
Каванская	637	16,818	4,165	20,983	29,843	85
Калужская	435	8,931	1,726	10,657	36,994	59
Костромская	373	7,542	1,783	9,325	21,400	90
Курская	699	18,978	4,138	23,116	52,244	72
Московская	349	10,900	2,306	13,206	29,517	53
Нижегородская . . .	510	11,223	1,771	12,994	43,990	85
Новгородская	590	11,189	2,330	13,519	32,753	42
Олонецкая	154	2,816	1,024	3,840	20,049	51
Орловская	554	16,877	3,543	20,420	27,560	39
Пензенская	304	7,599	1,427	9,026	29,103	80
Пермская	662	14,382	4,332	18,714	29,863	80
Полтавская	748	17,342	4,118	21,460	40,540	12
Псковская	195	4,838	708	5,546	24,694	61
Рязанская	565	16,767	4,242	21,009	82,466	21
Самарская	769	19,768	5,254	25,022	24,502	20
С.-Петербургская . .	190	4,964	2,516	7,480	29,283	20
Саратовская	668	20,468	4,953	25,421	58,548	67
Симбирская	239	5,215	1,207	6,422	10,711	98
Смоленская	523	12,756	1,975	14,731	40,104	98
Таврическая	165	5,840	1,987	7,827	73,348	23
Тамбовская	1,002	25,908	8,173	34,081	78,776	45
Тверская	897	18,251	4,394	22,645	29,138	76
Тульская	546	15,167	2,322	17,489	37,660	21
Уфимская	190	4,692	1,078	5,770	10,552	96
Херсонская	487	13,230	7,217	20,447	47,742	12
Харьковская	473	11,555	2,359	13,914	47,629	90
Черниговская	509	12,516	1,897	14,413	40,650	86
Ярославская	594	11,679	5,963	17,642	73,873	3
Итого въ 34 губерніяхъ	17,503	441,615	108,367	549,982	1,441,166	45

Такимъ образомъ, въ 34 земскихъ губерніяхъ насчитывается 17,503 школы духовнаго вѣдомства съ 549,982 учащимися. Процентъ учащихся дѣвочекъ въ этихъ школахъ равенъ 19,7. На 1 школу въ среднемъ приходится 30,8 учащихся и содержаніе ея обходится въ среднемъ въ 82,3 руб., цифра, надо замѣтить, совершенно минимальная, не дающая возможности хоть сколько нибудь удовлетворительно поставить въ нихъ дѣло обученія. По губерніямъ наибольшее число школъ приходится на Тамбовскую (1,002 школы съ 37,081 учащимися), затѣмъ идутъ: Вятская— (907 школъ съ 28,491 учащимися), Тверская (съ 897 школами и 226,475 учащимися). Всего меньше ихъ въ Таврической губ.— (165 съ 7,827 учащимися), С.-Петербургской (190 школъ и 7,480 учащихся) и Псковской (195 школъ съ 5,546 учащимися).

Послѣ этого краткаго обзора различныхъ начальныхъ учебныхъ заведеній, находящихся въ 34 земскихъ губерніяхъ, мы можемъ подвести итоги и нѣсколькими общими цифрами опредѣлить состояніе начального образованія въ самомъ большомъ районѣ Европейской Россіи.

Въ 34 земскихъ губерніяхъ, занимающихъ пространство въ 2.514,784 кв. в., съ населеніемъ въ 66.089,000, имѣется начальныхъ учебныхъ заведеній:

	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего дѣтей.
291 город. учил. по полож. 1872 г.	36,817	—	36,817
103 уѣздныхъ учил.	8,615	—	8,615
97 женскихъ гимназій и маринск. учил.		13,031	13,031
1,320 городскихъ начальн. учил.	60,231	49,875	110,106
524 приходскихъ Мин. Нар. Пр.	40,356	16,963	57,319
696 лютеранскихъ	41,004	38,479	79,483
2,083 магометанскихъ	61,600	15,661	77,261
1,078 сельскихъ учил. Мин. Нар. Пр.	84,605	17,782	102,387
13,900 сельскихъ земскихъ учил.	771,858	173,762	945,620
2,290 другихъ училищъ Мин. Нар. Пр.	—	—	80,783
17,053 церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты	—	—	549,982
Итого 39,435 низш. учебн. зав., въ коихъ обучается			2,061,440

Для всего земскаго района, слѣдовательно, показатель образованія равенъ 3,119‰; 1 школа приходится на 63,77 кв. в. и на 1,675 жителей, а на 1 школу приходится въ среднемъ 52,3 учащихся.

Сѣверо-Западный край.

Городскія училища по положенію 1872 года и уѣздныя училища существуютъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ земскихъ губерніяхъ. Но число ихъ сравнительно съ населеніемъ и числомъ городовъ здѣсь еще меньше, чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ.

Почти половина (38 изъ 79) городовъ (не считая мѣстечекъ) Сѣверо-Западнаго края не имѣетъ никакихъ высшихъ начальныхъ училищъ; но и въ существующихъ училищахъ число учащихся не велико: на 1 городское училище приходится 133 ученика, на 1 уѣздное 67, почти въ два раза меньше, что объясняется такой же, если не большей, разницей въ продолжительности курса этихъ училищъ. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется весьма различный процентъ выбывающихъ до окончанія курса и окончившихъ. Въ городскихъ училищахъ вышло до окончанія курса—16,8%, а въ уѣздныхъ—12‰; окончило курсъ городскихъ училищъ—8,09‰, а уѣздныхъ—24,9‰, т. е. въ три раза больше. Всѣ эти данныя могутъ свидѣтельствовать о томъ, что населеніемъ, повидимому, еще не признана потребность въ болѣе закон-

Губерніи.	Наименованіе училищъ.	Число городовъ.	Городское насел. въ тыс.	Число училищъ.	Число учащихся.	Число		Средства со-держанія.
						Выбывшихъ.	Окончившихъ.	
Виленская . .	гор. уѣзд.	—	—	1 5	109 298	16 47	11 72	3.812.16 15.322.90
Итого		9	152	6	407	63	83	19.135.06
Ковенская . .	гор. уѣзд.	—	—	3 1	227 65	33 4	28 16	7.175.79 2.356.20
Итого		9	151	4	292	37	44	9.914.10
Гродненская .	уѣзд.	25	166	6	438	44	129	14.836.85
Минская . . .	уѣзд. гор.	— —	— —	4 1	616 68	105 7	55 34	19.120.40 2.450.50
Итого		11	238	5	684	112	89	21.570.90
Витебская . .	гор. уѣзд.	— —	— —	4 7	487 483	112 82	44 108	17.106.74 17.680.05
Итого		12	218	11	970	194	152	34.786.79
Могилевская .	гор. уѣзд.	— —	— —	4 5	686 339	92 19	52 59	29.997.25 12.109.23
Итого		13	166	9	1.025	101	111	42.106.48
Итого въ Сѣв.-Зап. краѣ .	уѣзд. гор.	— —	— —	16 25	2.125 1.691	358 203	190 418	77.212.25 64.755.73
Всего		79	1.091	41	3.816	461	608	141.967.98

ченномъ начальномъ образованіи, или же, что экономическія условия его настолько тяжелы, что не позволяютъ посвящать болѣе двухъ-трехъ лѣтъ на пребываніе въ высшей начальной школѣ. Но, съ другой стороны, причина неуспѣха этихъ училищъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, быть можетъ, кроется въ перасположеніи мѣстнаго польскаго населенія къ русской школѣ. Такое предположеніе, пожалуй, подтверждается данными о вѣроисповѣдномъ составѣ учащихся въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Въ общемъ числѣ учащихся (въ 1894 г.) въ городскихъ училищахъ православные составляли 44,5%, католики—30,6%; въ уѣздныхъ училищахъ эта разница еще значительнѣе: православныхъ насчитывалось 55,4% всего числа учащихся, католики—28%. Такое небольшое число учащихся католиковъ тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что католики составляютъ преобладающую массу населенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Женскихъ прогимназій въ Сѣверо-Западномъ краѣ существуетъ всего 1—въ Гомелѣ съ 160 учащимися; изъ нихъ въ теченіе года выбыло—44, т. е. больше $\frac{1}{4}$ всего числа, окончило курсъ 25 ученицъ, т. е. 15,5%. На содержаніе прогимназій въ отчетномъ году израсходовано 4.530 р.

Начальныя народныя училища двухклассныя и одноклассныя насчитывались въ городахъ (гдѣ они называются приходскими училищами) и селахъ въ количествѣ 1,503. Число двухклассныхъ училищъ не велико: оно равно 47, изъ нихъ 7 въ селахъ, остальные въ городахъ. Въ городскихъ училищахъ мальчики и дѣвочки учатся отдѣльно; для дѣвочекъ существуютъ или самостоятельныя училища или устраиваются при приходскихъ училищахъ, такъ называемыя, женскія смѣны, т. е. послѣобѣденныя занятія. Такихъ женскихъ училищъ и смѣнъ въ отчетномъ году существовало всего 66. Въ сельскихъ школахъ въ большинствѣ случаевъ мальчики и дѣвочки обучаются совмѣстно.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы представимъ свѣдѣнія о городскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ. Для краткости соединимъ одноклассныя и двухклассныя училища.

Городскія начальныя народныя училища.

Губерніи.	Число учащихся. Въ томъ числѣ обучалось въ:				Число окончившихъ въ:			Средства содержанія.		
	Училищъ.	Мальч.	Дѣв.	Итого.	1 и 2 г.	3 г.	4 г.			
Виленская.	25	1,143	935	2,078	1,341	737	—	385	219	18.761,98
Ковенская.	24	1,330	532	1,862	1,290	490	82	427	392	19.579,26
Гродненск.	29	1,806	701	2,507	1,534	545	428	390	231	12.750,80
Минская.	13	682	625	1,307	—	—	—	248	129	9.566,14
Могилевск.	29	989	728	1,717	—	—	—	189	190	11.486,00
Витебская.	22	838	593	1,431	—	—	—	323	251	10.336,05
Итого.	142	6.788	4.114	10.902				1.962	1.412	82.480,23

Изъ этой суммы надо еще исключить 7 сельскихъ училищъ (распредѣленіе ихъ по губерніямъ не дано), въ которыхъ обучалось 481 мальч. и 114 дѣвоч.; изъ этого числа выбыло до окончанія курса 152 учащихся и окончило курсъ 52. Такимъ образомъ къ 1 января 1894 г. въ городахъ Сѣверо-Западнаго края существовало 135 начальныхъ народныхъ училищъ, въ коихъ учащихся было: 6307 мальчиковъ и 4000 дѣвочекъ. Число выбывшихъ составляло 18%, число окончившихъ—13%. Изъ свѣдѣній, имѣющихся о распредѣленіи учащихся по годамъ обученія, видно, что въ 1 и 2 году обучалось 64,5%, въ 3 году—27,4%, а въ 4 году—8,1%. Содержаніе 1 училища стоило 580 р. 84 к., на одно училище въ среднемъ приходилось 74 учащихся, что составляетъ на 1 учащагося расходъ на 7 р. 85 коп. По числу училищъ и учащихся губерніи идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Гродненская, Могилевская, Витебская, Ковенская и Минская.

Къ городскимъ низшимъ учебнымъ заведеніямъ еще должны быть отнесены существующія въ городахъ Сѣверо-Западнаго края лютеранскія учебныя заведенія при церквяхъ, частныя учебныя заведенія для христіанъ, учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ

(Учрежденій Императрицы Маріи, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ) и еврейскія учебныя заведенія, какъ казенныя, такъ и частныя. Всѣ эти учебныя заведенія, за исключеніемъ еврейскихъ, которыя необходимо выдѣлить, въ виду ихъ особенностей, мы соединимъ въ одну таблицу.

Губерніи.	Число училищъ.	Число учащихся.			Выбывшихъ.	Число окончившихъ.	Средства содержанія.
		Мальч.	Дѣв.	Об. пола.			
Виленская .	6	100	320	420	—	—	—
Ковенская .	12	107	272	279	92	54	14.308,64
Гродненск. .	20	565	738	1.303	223	141	13.415,79
Минская . .	13	174	646	820	—	—	—
Витебская .	13	142	397	539	86	80	10.973
Могилевск.	10	8	951	959	66	112	—
Итого . .	74	1.096	3.324	4.420			

Въ этой, какъ и въ предыдущей таблицѣ, Гродненская губ. занимаетъ первое мѣсто, затѣмъ идутъ Могилевская и Минская губ., Ковенская же губ. по числу учащихся занимаетъ послѣднее мѣсто, хотя число училищъ больше, чѣмъ, напримѣръ, въ Могилевской губ. Въ губерніяхъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, процентъ окончивающихъ сравнительно большой—отъ 10 до 19; процентъ выбывшихъ—представляетъ значительныя колебанія отъ 33 до 7.

Обратимся къ рассмотрѣнію степени обезпеченія школами сельскаго населенія Сѣверо-Западнаго края.

Для обученія сельскаго населенія существуютъ одноклассныя начальныя народныя училища (двухклассныхъ, какъ было сказано выше, всего 7) и церковно-приходскія школы и школы грамоты.

Тѣ и другія учебныя заведенія распредѣляются по губерніямъ Сѣверо-Западнаго края, какъ показано на таблицѣ (см. стр. 107).

Изъ нея слѣдуетъ, что на 8.286,000 сельскаго населенія, на которое по приблизительному расчету приходится дѣтей школьнаго возраста 910,000, имѣется училищъ и школъ 6,269 съ 186,280 учащимися, т. е. 1 школа на 1,323 жителей и на 145 дѣтей школьнаго возраста. Учится въ этихъ школахъ и училищахъ только $\frac{1}{4}$ часть, вся же остальная масса дѣтей, болѣе 700,000 остается внѣ школъ. Такимъ образомъ показатель образованія для сельскаго населенія Сѣверо-Западнаго края равенъ 2,24, для отдѣльныхъ губерній онъ еще меньше: для Ковенской губ.—0,76, Виленской губ.—1,6 для Витебской—1,87, Минской—2,6, а для Гродненской и Могилевской—3,17 и 3,33. Соотвѣственно этому 1 школа приходится на 6,558 жителей въ Ковенской губ., на 1,831 жителя въ Виленской, на 1,416 въ Витебской, на 1,116 въ Гродненской, на 1,015 въ Минской и на 830 въ Могилевской.

Губерніи.	Сельское на- селеніе въ тысячахъ.		Названіе. Число учи- лищъ и школъ.	Число учащихся.			Въ томъ числѣ обучающъ въ.				Число. Выпускъ. Школь. Окон- чившъ.	Средства со- держанія.
	мин. дух.	Итого.		Мальч. Дѣвочъ. Обоего пола.	1 и 2 годъ.	3 годъ.	4 годъ.					
Виленская .	191 дух.	484	191	10,859	924	11,783	10,142	1,486	155	1,784	1,303	75,977,87 27,075,23
Итого.	1,259	675	—	20,169	—	—	—	—	—	—	—	103,053,10
Ковенская .	166 дух.	58	166	9,319	553	9,872	8,450	1,350	72	1,972	659	72,826,53 11,691,00
Итого.	1,469	224	10,323	930	11,253	—	—	—	—	—	—	84,517,53
Гродненская.	302 дух.	846	302	18,609	2,368	20,967	15,062	4,130	1,775	4,674	1,779	193,842,19 51,252,88
Итого.	1,281	1,148	35,108	5,544	40,652	—	—	—	—	—	—	248,095,07
Минская .	296 дух.	1,312	296	16,137	1,988	18,075	—	—	—	—	1,254	— 55,530,95
Итого.	1,633	1,608	37,863	4,521	42,384	—	—	—	—	—	—	—
Витебская .	201 дух.	621	201	9,223	778	10,001	—	—	—	2,594	1,642	118,803,14 43,529,91
Итого.	1,164	822	19,058	2,771	21,829	—	—	—	—	—	—	162,333,05
Могилевская.	205 дух.	1,580	205	10,874	1,303	12,177	10,889	1,388	—	1,434	1,220	86,646,80 112,717,29
Итого.	1,483	1,785	44,530	5,868	49,398	—	—	—	—	—	—	109,364,09
Итого въ 6 губ.	1,361 7	75,021	7,804	82,875	—	—	—	—	—	—	—	—
Сѣв.-Зап. края	4,901 дух.	—	481	114	595	—	—	—	—	152	52	— 301,797,26
Всего. . .	8,286	6 269	—	186,280	—	—	—	—	—	—	—	—

Значительная часть учащихся въ сельскихъ министерскихъ школахъ учится только въ теченіе 2 лѣтъ, а именно: 85,2% — въ Виленской губ., 84,8% — въ Ковенской губ., 71,8% — въ Гродненской и 89% — въ Могилевской. Третій годъ остается въ школѣ только приблизительно $\frac{1}{3}$ часть (12,6%, 13,9%, 19,8% и 11%) четыре же года обучается очень незначительная часть: (2,2%, и 1,5%) въ Виленской и Ковенской губерніи. Выдѣляется только Гродненская губернія, гдѣ въ сельскихъ училищахъ 4 года обучается даже 8,4% всего числа учащихся: этотъ фактъ находится въ связи съ лучшей постановкой начальнаго образованія въ этой губерніи, занимающей въ этомъ отношеніи первое

мѣсто среди губерній Сѣверо-Западнаго края. Процентъ выбывающихъ до окончанія курса весьма неравномеренъ въ различныхъ губ.; онъ равенъ отъ 11,7 (въ Могилевской губ.) до 25,7 въ Витебской, такія же колебанія наблюдаются и на процентѣ окончивающихъ курсъ (6,6 въ Ковенской, 6,8%—въ Минской, 8,5%—въ Гродненской, 10%—въ Могилевской, 11,9%—въ Виленской и 16,4% въ Витебской).

Содержаніе одного министерскаго сельскаго училища всего дешевле обходится въ Виленской губ.—въ 397 руб., затѣмъ слѣдуетъ Могилевская—422,6 руб., Ковенская—439, Витебская—591 и, наконецъ, Гродненская—641,8. На содержаніе школъ православнаго вѣдомства въ Сѣверо-Западномъ краѣ расходуется еще меньше, чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ: 42 руб.—(въ среднемъ) въ Минской губ., 55,9 руб. въ Виленской, 60,6 руб. въ Гродненской; 70 руб. и 71,3 руб.—въ Витебской и Могилевской губ. Исключеніе составляетъ только Ковенская губ., гдѣ на содержаніе одной школы въ среднемъ израсходовано въ отчетномъ году—219 руб.

Обращаясь къ разсмотрѣнію обоихъ типовъ сельской школы—министерской и духовной, слѣдуетъ замѣтить, что послѣдняя отличается своей малолюдностью: на 1 училище вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія приходится въ среднемъ 61 учащійся, на 1 школу вѣдомства Св. Синода только 21; поэтому хотя послѣднихъ школъ и почти въ 4 раза больше, чѣмъ министерскихъ, но число учащихся въ нихъ только на 9,000 больше. Такое явленіе, наряду съ указаннымъ нами фактомъ, что 700,000 дѣтей остается внѣ школы, потому что ея нѣтъ, наводитъ на мысль, впрочемъ, уже неоднократно высказывавшуюся, что школа церковно-приходская или грамоты не пользуется довѣріемъ и расположеніемъ населенія, что въ Сѣверо-Западномъ краѣ, населенномъ по преимуществу инновѣрцами, особенно можетъ имѣть мѣсто.

Для доставленія дѣтямъ евреевъ элементарнаго образованія существуютъ еврейскія начальныя училища, извѣстныя подъ именемъ «казенныя еврейскія училища», народныя училища (двухклассныя и одноклассныя) съ женскими при нихъ смѣнами, талмудъ-торы, ешиботы, хедера, а также частныя учебныя заведенія. Большинство еврейскихъ начальныхъ училищъ одноклассныя, но они подраздѣляются на три послѣдовательныя отдѣленія съ двухгодичнымъ курсомъ каждое. Народныя еврейскія училища пользуются приблизительно тѣмъ же устройствомъ, что и общія народныя училища, то же самое относится и къ еврейскимъ частнымъ училищамъ. Особенности представляютъ ешиботы и талмудъ-торы. Эти учебныя заведенія, большей частью интернаты, существуютъ на средства еврейскихъ общинъ: учащіеся принимаются разнаго возраста, и для пребыванія въ учебномъ заведеніи нѣтъ опредѣленнаго числа лѣтъ. Талмудъ-торы и ешиботы носятъ въ значительной степени благотворительный характеръ:

ихъ цѣль дать образованіе неимущимъ. Наряду съ еврейскими предметами преподаются также русскій языкъ и ариѳметика. Хедера — это своего рода школы грамоты, въ коихъ малолѣтнія дѣти (мальчики и дѣвочки) уже съ 5—6 лѣтъ обучаются у еврейскихъ учителей «меламедовъ» началамъ еврейской грамоты. Въ каждомъ хедерѣ имѣется также учитель русскаго языка и ариѳметики.

Статистическія данныя о еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ отличаются неполнотой, особенно касающіяся хедеровъ. Поэтому нижеприводимыя свѣдѣнія могутъ быть названы лишь приближительными.

Число еврейскихъ начальныхъ училищъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ равно 31; по губерніямъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 7—въ Виленской, 6—въ Могилевской, по 5—въ Ковенской и Витебской, по 4—въ Гродненской и Минской. Народныхъ училищъ 59—наибольшее количество изъ нихъ приходится на Виленскую губ.—35. Затѣмъ идетъ Гродненская—съ 10, Витебская съ 5, Минская съ 4, Ковенская—съ 3 и Могилевская—съ 2. Частныхъ училищъ, считая въ томъ числѣ талмудъ-торы и ешиботы—99. Число хедеровъ за 1893 годъ намъ точно неизвѣстно; въ отчетѣ попечителя Виленскаго Учебнаго Округа ихъ показано 720 съ 7142 учащимися. Въ перечисленныхъ 189 еврейскихъ начальныхъ училищахъ учащихся было 15,316 (11,397 м. и 3,919 д.).

Если свести теперь всѣ приведенныя нами свѣдѣнія о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Сѣверо-Западнаго края, то получимъ слѣдующее:

16 городскихъ	учил. съ	2,125	учащим. изъ нихъ	2,115	м.
25 уѣздныхъ	»	1,691	»	1,691	»
1 прогимназія	»	161	»	»	161 д.
135 городск. нач. нар.	»	10,307	»	6,307	4,000
17 лютеранскихъ	»	1,206	»	684	522
42 частныхъ	»	1,728	»	179	1,549
15 другихъ вѣд.	»	1,386	»	233	1,253
1.368 сельск. нач.	»	83,470	»	75,502	7,968
4.901 церк.-прих. и шк.-грам.	»	186,280	»	»	»
189 еврейскихъ	»	15,316	»	»	»
720 хедеровъ	»	7,142	»	11,397	3,919

Итого 7,429 низшихъ учебныхъ заведеній съ 310,812 учащимися, что составляетъ: 1 училище на 1,262 жит. и 3,31 учащихся на 100 жит., другими словами, показатель образованія—3,31.

Юго-Западный край.

Въ трехъ губерніяхъ Юго-Западнаго края—Кіевской, Подольской и Волынской, существуютъ въ городахъ, подобно уѣзднымъ училищамъ Сѣверо-Западнаго края, городскія двухклассныя училища, по положенію 1869 года. Курсъ ученія въ нихъ двухгодичный, не считая пригготовительнаго класса, состоящаго при каждомъ городскомъ училищѣ, съ программой однокласснаго народ-

наго училища. Кромѣ того въ городахъ Юго-Западнаго края имѣются приходскія училища по уставу 1828 года. Для обученія сельскаго населенія служатъ одноклассныя народныя училища и, въ небольшомъ количествѣ, сельскія двухклассныя училища. Устройство и организація этихъ училищъ въ остальномъ мало чѣмъ отличаются отъ извѣстныхъ намъ изъ прежняго изложенія. Какъ на особенность школьной системы Юго-Западнаго края надо еще указать во 1) на обусловленіе возможности открытія одноклассныхъ народныхъ училищъ согласіемъ епархіальнаго начальства, (если въ сказанной мѣстности уже существуетъ церковно-приходская школа) и во 2) на существованіе при городскихъ двухклассныхъ и одноклассныхъ народныхъ училищахъ классовъ для взрослыхъ, имѣющихъ цѣлью доставить взрослымъ, учившимся въ первоначальныхъ училищахъ, съ одной стороны, возможность повторить пройденное, а съ другой стороны—обучить неграмотныхъ, по крайней мѣрѣ, грамотѣ.

Городскія двухклассныя училища въ Юго-Западномъ краѣ насчитывается 69: въ томъ числѣ 35 мужскихъ и 34 женскихъ (въ Кіевской губ.—23, въ Волынской—20, и въ Подольской—26). Учащихся въ нихъ было 7,835—(4,892 мальч. и 2,943 дѣвочки). Окончило курсъ 565 мальчиковъ и 262 дѣвочки, что составляетъ 11,5% и 8,9% числа учившихся въ этихъ школахъ; вышло до окончанія курса 880 мальчиковъ и 534 дѣвочки, т. е. 18% всего числа учащихся. Что касается распредѣленія этихъ училищъ по городамъ, то оно является довольно равномѣрнымъ: во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, за исключеніемъ г. Ровно и Острога, Волынской губ. имѣются по одному мужскому и женскому двухклассному училищу (исключеніе составляетъ г. Кіевъ, въ которомъ нѣтъ женскаго училища).

Приходскія училища М. Н. П. въ Юго-Западномъ краѣ—80; за исключеніемъ 3 двухклассныхъ, всѣ одноклассныя, значительная часть ихъ, а именно 37 приходится на г. Кіевъ, остальные распредѣляются весьма неравномѣрно между уѣздами Юго-Западныхъ губерній. Наименѣе обезпечены ими Подольская губ., гдѣ въ одномъ губернскомъ городѣ ихъ имѣется—4, а во всѣхъ 12 уѣздахъ только 3. Учащихся во всѣхъ приходскихъ училищахъ было—въ двухклассныхъ 400 мальч. и 82 дѣвочки; а въ одноклассныхъ—3,498 мальч. и 1,556 дѣвочекъ, всего 5,556 дѣтей обоего пола. Число окончившихъ составляло 37 въ двухклассныхъ и 751 въ одноклассныхъ, число выбывшихъ до окончанія курса—150 и 1,077. Выразивъ эти числа въ процентахъ, получимъ: окончило двухклассныхъ училищъ 7,6%, а вышло до окончанія 31%; въ одноклассныхъ эти цифры значительно благоприятнѣе: 14,8% и 21%. Такой фактъ слѣдуетъ объяснить экономическими условіями населенія, нуждающагося въ своихъ дѣтяхъ, какъ въ рабочей силѣ, и потому вынужденныхъ укорачивать время ихъ обученія.

Содержаніе одного двухкласснаго приходскаго училища обхо-

дится въ 1,416 р., одного учащагося въ 8,8 р. и одного окончившаго въ 115 р., для одноклассныхъ приходскихъ училищъ цифры тѣхъ же расходовъ будутъ 1,250 р., 11,1 р. и 128 р.

Сельскія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія, по сравненію съ населеніемъ Юго-Западнаго края, существуютъ въ весьма недостаточномъ числѣ, особенно въ Кіевской губ. Свѣдѣнія о состояніи сельскихъ училищъ заключаются въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи.	Училищъ.	Ч и с л о.		Учащихся обоимъ пола.	Ч и с л о.		Во что обхо- дится.		1 школа на жителей.	
		Мальч.	Дѣв.		Выбыв- шихъ.	Окончив- шихъ.	1 учащ. 1 обочн.	1 обочн.		
Кіевская	двухкл.	17	2,218	377	2,595	563	229	11,98	135,72	} 20,167
	однокл.	118	7,534	1,006	8,540	2,408	848	7,19	72,50	
Волин- ская	двухкл.	2	313	120	433	66	33	12,86	168,82	} 8,093
	однокл.	253	13,026	2,059	15,085	2,967	1,773	9,08	77,25	
Подоль- ская	двухкл.	6	733	199	932	191	52	11,18	200,43	} 9,774
	однокл.	242	14,264	2,444	16,708	4,135	1,985	8,23	69,31	
Итого.		638	38,088	6,205	44,293	10,330	4,920	8,65	77,87	11,203

Эта таблица съ наглядностью показываеь, какъ мало въ селахъ Юго-Западнаго края министерскихъ школъ; одна такая школа приходится въ среднемъ на 11,203 жителей (въ Кіевской губ. эта цифра почти вдвое больше). Обращаясь къ даннымъ о числѣ учащихся въ сельскихъ училищахъ, мы видимъ, что на 1 двухклассное училище приходится въ среднемъ 158, а на 1 одноклассное—65 учащихся; при этомъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, обращаетъ на себя вниманіе небольшой процентъ среди учащихся дѣвочекъ, а именно 14. Процентъ выбывающихъ до окончанія курса довольно значителенъ, — 23, особенно въ сравненіи съ процентомъ оканчивающихъ, равнымъ 11. Расходъ на содержаніе училищъ всего меньше въ Кіевской губ., гдѣ на одноклассное сельское училище приходится только 521 р. (540 р. въ Волинской и 570 р. въ Подольской губ.), между тѣмъ какъ минимумомъ расходовъ на содержаніе училищъ слѣдуетъ считать 650 р.; таковой недостатокъ въ средствахъ отражается прежде всего на матеріальной необеспеченности учителей, получающихъ весьма часто (21% всего числа учителей) отъ 150 р. до 200 р.

Классы для взрослыхъ состояли въ 1893 году при 74 народныхъ училищахъ, а именно при 2 двухклассныхъ городскихъ училищахъ, при 4 двухклассныхъ и 68 одноклассныхъ сельскихъ училищахъ. По губерніямъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ Кіевской—32 класса съ 879 учащимися, въ Подольской—15 съ 647, и въ Волинской—27 съ 778 учащимися. Учащіеся въ этихъ классахъ, въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ, по своимъ познаніямъ дѣлились на три группы: окончившихъ курсъ

народнаго училища, научившихся грамотѣ внѣ школы и совершенно безграмотныхъ.

Ремесленныхъ и руководѣльныхъ классовъ при народныхъ училищахъ состояло 102.

Въ Юго-Западномъ краѣ, особенно въ Волынской губерніи, разсѣяны нѣмецкія колоніи. Населеніе этихъ колоній имѣетъ свои школы, устраиваемыя при молельняхъ. Всѣхъ лютеранскихъ школъ въ Юго-Западномъ краѣ къ 1 января 1894 г. было 360, а именно: въ Кіевской губ.—17 съ 690 учащимися (366 мальч. и 324 дѣвочки), въ Подольской губ.—4 съ 257 учащимися (151 мальч. и 120 дѣвочекъ) и въ Волынской губ.—327 съ 9,013 учащимися (5,564 мальч. и 3,449 дѣвоч.). Такимъ образомъ общее число учащихся въ лютеранскихъ школахъ Юго-Западнаго края равно 9,960 (6,067 мальч. и 3,893 дѣвоч.), по сравненію съ 1892 годомъ это число значительно уменьшилось (на 1,745), что объясняется нежеланіемъ колонистовъ посылать своихъ дѣтей въ школы, гдѣ обязательно съ недавняго времени веденіе преподаванія на русскомъ языкѣ. Весьма значительно также число выбывшихъ въ отчетномъ году—4,243, т. е. 42,6%, между тѣмъ какъ число окончившихъ всего равняется 73, т. е. 0,74%.

Для обученія дѣтей еврейской части населенія существуютъ тѣ же категоріи еврейскихъ учебныхъ заведеній, что и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводимъ данныя о числѣ этихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ. Къ сожалѣнію, послѣднія данныя не вполне точны. Въ матеріалахъ, откуда мы заимствуемъ наши цифры, свѣдѣнія о еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ очень не точны, въ отчетѣ же попечителя Кіевского учебнаго округа даны отдѣльныя цифры для каждой губерніи лишь о числѣ училищъ, а данныя о числѣ учащихся въ нихъ показаны для всего округа, т. е. относятся также и къ Черниговской и Полтавской губ., а потому намъ пришлось вычислить число учащихся въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ Юго-Западныхъ губерній лишь приблизительно, взявъ среднія цифры учащихся въ различныхъ категоріяхъ этихъ учебныхъ заведеній по всему Кіевскому округу.

Названіе училищъ.	Кіевск. губ.	Волынк. губ.	Подольск. губ.	Всего въ Юго-Запад. краѣ учащихся.	учащихся.		Об. полг.
					Мальч.	Дѣвоч.	
Начальн. по пол.							
1873 г.	3	7	4	14	1,726	—	1,726
Частныя.	20	14	15	49	650	759	1,409
Талмудъ-Торы . . .	5	4	2	11	1,232	—	1,232
Хедеры	228	241	110	579	6,533	—	6,530
Итого.	256	266	131	653	10,138	759	10,897

Эти цифры могутъ быть названы лишь приблизительноми: число учащихся въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ значительно

выше, въ особенности число дѣвочекъ, такъ какъ еврейское населеніе обучаетъ началамъ грамоты одинаково какъ мальчиковъ такъ и дѣвочекъ, и не только еврейской грамотѣ—всѣ еврейскія дѣти поголовно умѣютъ читать и писать на своемъ языкѣ,—но и русской: евреи, какъ практическій народъ, прекрасно понимаютъ значеніе образованія и стараются по возможности дать своимъ дѣтямъ русское образованіе. Поэтому очень жаль, что статистическія данныя объ учащихся евреяхъ такъ неполны и скудны.

Частныя учебныя заведенія для христіанъ существовали въ Юго-Западномъ краѣ въ 1 января 1894 г. въ числѣ 39—въ Киевской губ. (главнымъ образомъ въ г. Киевѣ)—31, въ Подольской—3 и въ Волынской—5. Число учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ приводимъ по тому же приблизительному разсчету; въ Киевской губ.—1,114 дѣтей обоого пола, въ Подольской—51, въ Волынской—103. Итого въ 39 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ обучалось приблизительно 1,268 дѣтей обоого пола.

Число школъ, находящихся въ вѣдѣніи православнаго духовенства, въ Юго-Западномъ краѣ довольно значительно. Въ Киевской губ. насчитывается 889 церковно-приходскихъ школъ съ 55,749 учащимися (48,670 м. и 7,079 д.) и 704 школы грамоты съ 24,072 учащимися (21,356 м. и 2,716 д.). Итого 1,593 школы духовнаго вѣдомства съ 79,821 учащимися обоого пола. Въ Подольской губ.—639 церковно-приходскихъ школъ съ 30,048 учаш. (25,867 м. и 4,181 д.) и 594 школы грамоты съ 20,631 учаш. (17,910 м. и 2,721 д.). Въ Волынской губ. церковно-приходскихъ школъ 705, въ нихъ обучалось 23,601 человекъ (21,100 м. и 2,501 д.), въ школахъ грамоты, число которыхъ равнялось 517, значилось 12,622 учащихся (11,344 м. и 1,278 д.). Если соединить всѣ эти цифры, то получимъ, что въ Юго-Западномъ краѣ числилось 2,233 церковн. школъ съ 109,398 учащимися (95,637 м. и 13,761 д.) и 1,815 школъ грамоты съ 57,325 учащимися (50,610 м. и 6,715 д.).

По отношенію къ православному населенію 1 школа духовнаго вѣдомства приходится на 1,530 жит.

Къ перечисленнымъ низшимъ учебнымъ заведеніямъ Юго-Западнаго края надо еще присоединить 7 училищъ въ Киевской губ.: 3 пріюта вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи съ 138 мальч. и 149 дѣвочками, и 4 школы, подвѣдомственныя Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, въ которыхъ обучалось 149 мальчиковъ и 141 дѣвочка.

Послѣ этого краткаго обзора данныхъ о различныхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Юго-Западнаго края, мы можемъ, сведя ихъ воедино, опредѣлить, въ какой степени обезпечено населеніе этой окраины школами.

Названіе училищъ:	Число училищъ.	Число учащихъся.			Израсходов.
		Мальч.	Дѣвоч.	Об. пола.	
Городскія 2-хъ кл.	69	4,892	2,943	7,835	204,811,10
Приходскія	80	3,898	1,638	5,536	100,391,12
Сельскія	638	38,088	6,205	44,293	383,130,65
Лютеранскія	360	6,067	3,893	9,960	—
Еврейскія	653	10,138	759	10,897	—
Частныя	39	—	—	1,208	—
Церковн.-приходск.	2,233	95,637	13,761	109,398	614,926,32
Школы грамоты	1,815	50,610	6,715	57,325	—
Другихъ вѣдомствъ	7	287	290	577	—
Итого	5,894	209,617	35,264	247,089	

Юго-Западныя губерніи занимаютъ пространство въ 144,736 кв. в. съ населеніемъ въ 8.393,615 человекъ. Такимъ образомъ одно низшее учебное заведеніе приходится на 24,5 кв. в. и на 1,424 жителя, показатель образованія равенъ 2,94. Эта цифра, сама по себѣ очень невысокая, на самомъ дѣлѣ должна быть еще ниже, въ виду того, что больше половины учащихся показано посѣщающими церковно-приходскія школы и школы грамоты, учебныя заведенія, по условіямъ своей организаціи, не подходящія строго подъ понятіе правильно и хорошо функционирующихъ училищъ. Къ тому же около $\frac{1}{4}$ всего числа учащихся въ Юго-Западномъ краѣ, числящаяся въ школахъ грамоты, едва-ли можетъ быть принята во вниманіе при вычисленіи показателя образованія, такъ какъ учащіеся въ школахъ грамоты, гдѣ курсъ ученія продолжается одинъ годъ, т. е. семь, много восемь мѣсяцевъ, не въ состояніи какъ слѣдуетъ усвоить грамоту такъ, чтобы дѣйствительно стать грамотными. Трудность эта усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми располагали эти школы, преподавательскій персоналъ въ нихъ былъ очень слабый, мало подготовленный для столь труднаго дѣла, какъ обученіе грамотѣ. Но и помимо того, не касаясь внутренней стороны дѣла, нельзя быть увѣренными въ правильности выведеннаго нами показателя еще и по причинамъ, такъ сказать, вѣшняго свойства. Наша статистика, а школьная, въ особенности, какъ это уже много разъ было замѣчено, не отличается достовѣрностью въ силу отсутствія въ большинствѣ случаевъ правильной ея организаціи. Тамъ, гдѣ такая организація болѣе или менѣе имѣется, гдѣ собраніе статистическихъ свѣдѣній по школьному дѣлу происходитъ при содѣйствіи многихъ лицъ и подъ общественнымъ и правительственнымъ контролемъ, какъ мы это видимъ въ земскихъ губерніяхъ, на полученныхъ свѣдѣніяхъ можно съ гораздо болѣею увѣренностью строить тѣ или другія заключенія. Гдѣ такой организаціи нѣтъ, гдѣ собраніе свѣдѣній совершается отдѣльными *лицами*, а не учрежденіями, какъ это имѣетъ напр. мѣсто въ Юго-Западномъ краѣ, дѣлать выводы на основаніи этихъ свѣдѣній можно лишь съ оговоркой. Такъ, мы уже указывали выше на очевидную невѣрность цифръ о числѣ учащихся

въ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ; возможно, что не вполне отвѣчаютъ истинѣ данныя о числѣ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Тѣ и другія свѣдѣнія, т. е. о еврейскихъ училищахъ и о школахъ духовнаго вѣдомства, основаны на сообщеніяхъ, которыя могутъ быть не точны по самой природѣ своей: лицамъ, ихъ собирающимъ трудно провѣрить, вѣрны-ли цифры, имъ сообщаемыя.

Совсѣмъ другое положеніе дѣла въ земскихъ губерніяхъ: тамъ всѣ статистическія свѣдѣнія по народному образованію получаютъ на почвѣ совмѣстной, другъ друга контролирующей дѣятельности земства и министерской инспекціи, мало того, ихъ сообщенія дѣлаются гласно, въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ всякая неточность можетъ быть исправлена людьми, стоящими у самаго дѣла, для которыхъ цифра выражаетъ хорошо извѣстные имъ живые факты дѣйствительности. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, казалось бы, наибольшаго довѣрія заслуживаетъ статистика школьнаго дѣла въ земскихъ губерніяхъ. Правильность такого заключенія подтверждается, между прочимъ, и на примѣрѣ школъ духовнаго вѣдомства. Въ 1893—94 году число учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты 3 губерній Юго-Западнаго края равнялось, по свѣдѣніямъ Св. Синода, 170,404, въ то же время число учащихся въ такихъ же школахъ 34 земскихъ губерній равнялось 554,506, т. е. только въ $3\frac{1}{4}$ раза больше, между тѣмъ какъ населеніе земскихъ губерній почти въ 8 разъ больше населенія Юго-Западнаго края, а если взять отношеніе только православнаго населенія обоихъ этихъ районовъ, то оно будетъ еще значительнѣе. Эта ариметическая выкладка, правда, не рѣшающая еще вопроса, также наводитъ на сомнѣніе въ правильности числа обучающихся въ церковно-приходскихъ школахъ Юго-Западнаго края и въ точности выведеннаго нами для него показателя образованія.

Привислянскій край.

Въ Привислянскомъ краѣ, въ отчетномъ году, городскихъ училищъ, существующихъ здѣсь на основаніи положенія 1887 года, насчитывалось 8 съ 1,500 учащимися мужского пола, при 78 преподавателяхъ (въ томъ числѣ 20 законоучителей). Эти восемь городскихъ училищъ существовали въ пяти губерніяхъ (2—въ Варшавской, 3—въ Петровской и по 1—въ Плоцкой, Сувалкской и Калишской). Если принять во вниманіе, что въ этихъ пяти губерніяхъ насчитывается 218 городовъ и посадовъ съ населеніемъ въ 1,513,645 жителей, то окажется, что 1 городское училище этого типа приходится на 189,205 жителей и на 27 городскихъ поселеній. Въ еще болѣе худшихъ условіяхъ находятся остальные пять губерній Привислянскаго края, съ 900-тысячнымъ городскимъ населеніемъ, совершенно лишеннымъ городскихъ училищъ высшаго типа.

Выбывших до окончания курса было 411, т. е. 24,4%, почти четверть всего числа учащихся, окончивших 96, т. е. 6,4%. На содержание 8 городских училищ было израсходовано 67,295 руб. 47 коп. Каждый учащийся обходился, следовательно, в 44,8 руб., а каждый окончивший в 701 руб. Все эти цифры заставляют заключить о весьма неудовлетворительной постановке высшего начального образования в Царствѣ Польскомъ. Убѣднѣе училищъ въ этомъ краѣ совсѣмъ нѣтъ.

Женскихъ прогимназій въ Привислянскомъ краѣ, въ отчетномъ году, было 4, въ нихъ обучалось 439 дѣвочекъ, изъ этого числа 58 учащихся или 13% выбыло до окончания курса, а 55 или 12,7% окончило курсъ. На содержание этихъ 4 прогимназій израсходовано 45,578 руб. 31 к. Такимъ образомъ содержание 1 прогимназій обходится в 11,394 руб. 57 к., а одной ученицы 103 р. 82 к. и одной оканчивающей 383 руб. 70 к.

Начальныхъ народныхъ училищъ въ привислянскихъ губерніяхъ насчитывалось въ 1893 году 2,920—изъ нихъ городскихъ 351, сельскихъ—2,569. Въ первыхъ обучалось 17,674 мальчика и 11,780 дѣвочекъ, итого 29,454 дѣтей обоего пола; въ послѣднихъ—101,891 мальчикъ и 45,036 дѣвочекъ, всего 146,927 дѣтей. По годамъ обученія они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Число учащихся.	Изъ нихъ обучалось въ					выбывшихъ живш.
		1 и 2 г.	3 году.	4 году.	5 и 6 г.	и въ 6 г.	
Городскія училища.	29,454	18,321	5,809	2,852	773	65	1,657
Сельскія	146,927	109,506	20,772	6,695	1,072	32,550	6,530

Изъ этой таблицы мы видимъ, что какъ въ сельскихъ, такъ и въ городскихъ училищахъ число выбывающихъ до окончания курса приблизительно одинаково: немного болѣе $\frac{1}{3}$ всего числа учащихся, число оканчивающихъ въ городскихъ училищахъ нѣсколько выше, чѣмъ въ сельскихъ: 5,6% и 4,4%, но въ обоихъ случаяхъ довольно незначительно. Достойно вниманія еще и то, что изъ учащихся въ сельскихъ школахъ большинство— $\frac{3}{4}$ учится только въ 1 и 2 году, третій годъ обучается только 12% (въ городскихъ болѣе 19%), четвертый годъ немного болѣе 4% (въ городскихъ—почти 10%) пятый и шестой годъ уже менѣе 1% (въ городскихъ 2,6%). Обращаетъ на себя вниманіе также сравнительно большее число учащихся дѣвочекъ въ городскихъ школахъ (40,4%), чѣмъ въ сельскихъ (30,6%). На содержаніе 345 городскихъ училищъ израсходовано—260,597 р. 47 $\frac{1}{2}$ к., а на 2,569 сельскихъ училищъ—623,780 р. 37 коп. Такимъ образомъ, одно городское училище обходится в 755 руб., а одно сельское в 243 руб., т. е. в 3 слишкомъ раза дешевле. Главныя источники содержанія городскихъ училищъ составляютъ средства, отпускаемыя городскими обществами (229,635,77 $\frac{1}{2}$), а для сельскихъ—пособія отъ сельскихъ обществъ.

Въ Привислянскомъ краѣ евангелическимъ и реформатскимъ консисторіямъ предоставлено право открывать и содержать на

свои, а также и частныя, средства религіозныя училища, называющіяся *конторатами*. Такихъ конторатовъ въ настоящее время существуетъ 359 съ 8,817 учащимися (4,932 мальч. и 3,885 дѣв.). Изъ нихъ до окончанія курса выбыло 1,077, т. е. 12%, и окончило 633, что составляетъ 7%, цифры болѣе благопріятныя, чѣмъ приведенныя для общихъ начальныхъ училищъ.

Особенность образовательной системы Привислянскаго края составляютъ нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся *воскресно-ремесленныя* и *воскресно-коммерческія училища*. Воскресно-ремесленныя училища, вопреки своему названію, относятся не къ разряду профессиональныхъ школъ, а являются низшими общеобразовательными заведеніями для дѣтей ремесленниковъ. Программа этихъ училищъ, въ которыхъ занятія происходятъ только по воскреснымъ днямъ, составлена примѣнительно къ программѣ двухклассныхъ начальныхъ училищъ; главный контингентъ учащихся этихъ училищъ составляютъ мальчики, обучающіеся какому-нибудь ремеслу.

Число воскресно-ремесленныхъ училищъ къ 1 января 1894 г. равнялось 118, въ нихъ обучалось 4,869 мальчиковъ, до окончанія курса выбыло 1,769 и окончило курсъ—882, что, выраженное въ процентахъ, дастъ 36% и 18%. Значительный процентъ выбывшихъ до окончанія курса объясняется зависимостью учащихся отъ мастеровъ, у которыхъ они находятся на обученіи. На содержаніе воскресно-ремесленныхъ училищъ израсходовано 23,883 руб. 80 коп.

Воскресно-коммерческія училища представляютъ соединеніе общеобразовательныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, русскій и нѣмецкій языки, географія, ариѳметика, черченіе и рисованіе, торговое и вексельное право и счетоводство. Поступающіе въ эти училища уже имѣютъ обыкновенно нѣкоторую подготовку, большей частью это окончившіе двухклассное начальное училище или выбывшіе почему-либо изъ среднихъ учебныхъ заведеній. Число этихъ училищъ не велико, всего 6, посѣщаемыхъ 819 учащимися; изъ нихъ окончило курсъ въ отчетномъ году—64 ученика, т. е. 7,8%. На содержаніе этихъ училищъ израсходовано 9,822 р. 61 коп.

Частныхъ учебныхъ заведеній христіанскихъ и еврейскихъ *) въ 1893 г. существовало 275 съ 19,274 учащимися (8,545 мальчиковъ и 10,729 дѣвочекъ). Изъ этого числа выбыло до окончанія курса 3,153 учащихся—16,3%, окончило курсъ 615 чело-вѣкъ, т. е. 3,2%. Кромѣ того, еврейскихъ казенныхъ начальныхъ училищъ было 61, въ которыхъ обучались 1,784 мальчика и 2,642 дѣвочки. Въ этихъ училищахъ окончило курсъ 257 учащихся, т. е. 5,8%, а выбыло до окончанія курса — 1,311 учащихся, что составляетъ 29,6%. На содержаніе этихъ училищъ

*) По нѣкоторымъ губерніямъ эти цифры показаны выѣстѣ.

израсходовано 55,615,35. Наряду съ еврейскими казенными и частными училищами дѣламъ распространенія начального образованія еще служатъ такъ-называемые хедеры, т. е. небольшія школки, содержимыя евреями-учителями (меламдами), не получившими никакой специальной подготовки. Они обучаютъ въ большинствѣ случаевъ чтенію и письму—еврейскому, а также и русскому. Такихъ хедеровъ въ Привислянскомъ краѣ за отчетный годъ зарегистрировано—2,583, съ 38,982 учащимися (37,478 мальчиковъ и 1,504 дѣвочки).

Церковно-приходскія школы и школы грамоты мало распространены въ Привислянскихъ губерніяхъ—ихъ всего 48 (изъ нихъ 23—въ Люблинской губ., 22—въ Сувалеской) съ 1,523 учащимися (1,247 мальчиковъ и 276 дѣвочекъ). Число окончившихъ курсъ равняется 33—3,48%, а выбывшихъ до окончанія курса — 72 или 17%.

Кромѣ перечисленныхъ, къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ надо отнести 3 училища при различнаго рода пріютахъ и Таможенное въ д. Александровѣ съ 257 учащимися.

Если соединить теперь всѣ приведенныя нами данныя о числѣ учебныхъ заведеній, учащихся въ нихъ и о средствахъ содержанія, то получимъ слѣдующее:

Названіе учебныхъ заведеній.	Число учил.	Число учащихся.			Обоего пола.	%, окончивш.	Израсходовано.
		Мальчик.	Дѣвочекъ				
Городскія училища.	8	1,500	—	1,500	6,4	66428,53	
Женскія прогим. .	4	—	439	439	12,7	45578,31	
Город. нач. учил. .	351	17,674	11,788	29,462	5,16	282546,73	
Сельск. нач. учил. .	2,569	101,891	45,036	146,927	4,4	684209,93	
Учил. при иностр. церкв.	359	4,932	3,885	8,817	7	28900,62	
Воскр.-ремес. учил.	118	4,869	—	4,869	18	23888,80	
Воскр.-комм. учил.	6	819	—	819	7,8	9822,61	
Церк.-прих. шк. .	48	1,247	276	1,523	3,48	10065,02	
Частн. учебн. зав.	275	8,545	10,729	19,274	3,2		
Еврейск. учеб. зав.	61	1,784	2,642	4,426	5,8	64681,78	
Хедеры	2,583	37,478	1,504	38,982	—		
Другія училища. .	4	232	25	257	—		
	6,428	189,971	76,324	257,295	—	1211531,58	

Въ Привислянскомъ краѣ, занимающемъ пространство въ 110,873 кв. в. насчитывается 8.894,000 жителей. Слѣдовательно, 1 школа приходится на 1,382 жит. и на 17,2 кв. в. Показатель образованія при этомъ равенъ 2,89.

Прибалтійскій край.

Организація начальнаго образованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ значительно отличается отъ организаціи его въ остальной части Россіи. Наиболѣе важнымъ отличіемъ является самая постановка дѣла обученія: оно признается здѣсь, чего нѣтъ нигдѣ въ Россіи, обязательнымъ. Ст. 3630 Свода Законовъ устанавливаетъ обязательность посѣщенія народной школы для всѣхъ дѣтей евангелическо-лютеранскаго исповѣданія отъ десяти до тринадцатилѣтняго возраста. Иной также порядокъ существуетъ въ Прибалтійскомъ краѣ для открытія и завѣдыванія начальными школами, тутъ населеніе ближе стоитъ къ школѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, оно принимаетъ большее участіе въ завѣдываніи школьнымъ дѣломъ. Наконецъ, здѣсь сама школа выше, основная ея программа шире, чѣмъ программа напр. нашей земской школы. Всѣ эти условія, равно какъ и большая культурность самого населенія создали довольно высокое положеніе народнаго образованія.

Городскія училища, соотвѣтствующія уѣзднымъ въ другихъ губерніяхъ Россіи, въ Прибалтійскомъ краѣ имѣются въ числѣ 27. Къ нимъ же надо отнести и 7 женскихъ городскихъ училищъ. Итого 34, вотъ подробныя свѣдѣнія о нихъ:

Названіе училищъ.	Число учащихся.				Число		Во что обх.		
	Число.	Мальч.	Дѣвоч.	Всего.	выбыв.	оконч.	Израско- довано.	одинъ учащ. оконч.	
Курлянд. губ. Город. муж.	10	1,397	—	1,397	373	129	63438,75	45,4 491,7	
Лифлянд. губ. {	Город. муж.	12	1,751	—	2,056	431	160	79889,06	45,6 499,3
	„ жен.	4	—	305	—	82	—	9078,70	29,7 ?
Эстлянд. губ. {	Город. муж.	5	770	—	917	185	52	29004,98	37,6 557,7
	„ жен.	3	—	147	—	47	12	2915,72	19,8 242,9
Итого . . .	34	3,918	452	4,370	1,118	353	184327,21	42,18 —	

Итакъ, въ городскихъ училищахъ Прибалтійскаго края обучалось 4,370 человекъ, изъ нихъ дѣвочекъ только 9,9%. Число выбывшихъ до окончанія курса довольно значительно, а именно 24,8%, окончило городскія училища 8,2% всего числа учившихся въ нихъ.

Городскія начальныя училища являются съ одной стороны подготовительной ступенью къ только что разсмотрѣннымъ городскимъ училищамъ, а съ другой—служатъ для сообщенія основъ начального образованія. Кромѣ предметовъ, составляющихъ курсъ всякаго начального училища въ Имперіи, въ прибалтійскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ преподается еще нѣмецкій языкъ.

Губерніи:	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Число учащихся:				Число.		Израско- довано.	Во что обход. одинъ	
	Число учил.	Мальч.	Дѣвоч.	Всего.	Выбыв.	оконч.		учил.	оконч.
Курляндская . .	18	608	432	1,040	265	137	29294,93	28,1	214,5
Лифляндская . .	59	2,696	1,612	4,308	1,309	500	99966,59	23,2	199,8
Эстляндская . .	12	762	599	1,361	361	149	27512,12	20,2	181,9
	89	4,066	2,643	6,709	1,935	786	156773,64	23,3	199,1

Слѣдовательно, въ 89 городскихъ начальныхъ училищахъ обучалось 6,709 дѣтей обоого пола (изъ нихъ мальчиковъ—61%, дѣвочекъ—39%). Изъ всего числа учащихся выбыло до окончанія курса 28%, окончило 11,7%. Содержаніе 1 учащагося въ городскомъ училищѣ низшаго типа обходится почти въ 2 раза дешевле, чѣмъ въ городскомъ училищѣ высшаго типа.

Кромѣ этихъ двухъ категорій для обученія дѣтей городского населенія существуютъ еще различныя вѣроисповѣдныя и частныя учебныя заведенія, свѣдѣнія о которыхъ мы соединяемъ для краткости въ слѣдующую таблицу:

Учебныя заведенія.		1	2	3	4	5	6	7
Лютеранск.	(Курляндск. . .	26	677	546	1,223	156	226	7,435
	(Лифляндск. . .	14	516	756	1,272	394	173	11,607,7
	Итого . . .	40	1,193	1,302	2,495	550	399	18,982,72
Католическ.	(Курляндск. . .	11	320	229	549	97	85	2,098
	(Лифляндск. . .	3	148	139	287	75	35	2,437
	Итого . . .	14	468	368	836	172	120	4,535
Еврейскія.	(Курляндск. . .	17	593	72	665	163	67	13,248,70
	(Лифляндск. . .	7	377	179	556	132	5	11,969
	Итого . . .	24	970	251	1,221	295	72	25,217,70
Частныя	(Курляндск. . .	138	1,974	2,532	4,506	1,177	651	91,685
	(Лифляндск. . .	144	2,451	3,710	6,161	1,309	776	?
	(Эстляндск. . .	41	581	1,085	1,666	334	173	40,251
Итого . . .	323	5,006	7,427	12,333	2,820	1,600	—	
Частн. общ. и благ. зав.	(Курляндск. . .	9	206	86	292	28	52	14,498
	(Лифляндск. . .	24	1,119	1,133	2,252	464	149	62,155
	Итого . . .	33	1,325	1,219	2,544	492	201	76,653

Рваныхъ вѣ-	(Курляндск. . .	8	194	55	249	88	54	22,508
домствъ.	(Лифляндск. . .	4	234	138	372	101	186	23,539,57
	Итого . . .	12	428	193	621	189	240	46,047,57
Общая сумма по губерніямъ:	(209	3,964	3,520	7,484	1,709	1,135	151,469,70
		196	4,845	6,055	10,900	2,475	1,324	—
)	41	581	1,085	1,666	334	173	40,251
		446	9,390	10,660	20,050	4,518	2,632	—

Присоединивъ къ этимъ цифрамъ данныя изъ двухъ выше-приведенныхъ таблицъ о городскихъ училищахъ, получимъ итогъ, указывающій, сколько въ городахъ Прибалтійскаго края имѣется низшихъ учебныхъ заведеній и въ нихъ учащихся.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Курляндская .	237	5,969	3,952	9,921	2,347	1,401	244,203,38	24,6	174,13
Лифляндская .	271	9,292	7,972	17,264	4,297	1,984	—	—	—
Эстляндская .	61	2,113	1,831	3,944	927	386	99,683,82	25,3	258,2
Итого въ город.	569	17,374	13,755	31,129	7,571	3,771	—	—	—

Городскаго населенія въ Прибалтійскомъ краѣ числилось 434,833 жителя, по губерніямъ оно распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: въ Лифляндской губ.—254,552 жит., въ Курляндской—115,291 и въ Эстляндской—64,990 жит. Раздѣливъ эти цифры на число школь, получаемъ, что 1 школа приходится на 939 жит. городскаго населенія въ Лифляндской губ., 486—въ Курляндской и 1,065—въ Эстляндской. Отношеніе числа учащихся къ населенію выразится въ слѣдующихъ цифрахъ: 8,6 въ Курляндской губ., 6,07—въ Эстляндской и 6,8—въ Лифляндской. Такой процентъ долженъ быть признанъ для Россіи весьма значительнымъ. Нельзя не указать еще на сравнительно весьма высокій процентъ учащихся дѣвочекъ—44,1, и на болѣе значительный процентъ оканчивающихъ курсъ начальныхъ училищъ—12,1.

Сельскія народныя школы Прибалтійскаго края суть *волостныя*, учреждаемыя на одно или нѣсколько волостныхъ обществъ, и *приходскія*, учреждаемыя на цѣлый приходъ. Предметы преподаванія въ волостныхъ школахъ: Законъ Божій, русскій и туземный языки, первыя четыре дѣйствія ариметики; элементарныя свѣдѣнія изъ географіи и исторія, въ особенности отечественной и хоровое пѣніе, особенно церковное. Въ приходскихъ школахъ преподаются Законъ Божій, церковная исторія, русскій и туземный языки, ариметика, исторія, географія и пѣніе. Кромѣ этихъ школь въ Прибалтійскихъ губ. существуютъ еще образцовыя сельскія одноклассныя и двухклассныя училища Министерства Народнаго Просвѣщенія и православныя приходскія и вспомогательныя школы (соотвѣтствующія школамъ грамоты). Послѣднія мы относимъ къ числу сельскихъ школь, такъ какъ въ городахъ ихъ очень немного; данныхъ о подраздѣленіи ихъ на городскія и сельскія не имѣемъ; во всякомъ случаѣ, допускаемая нами ошибка не велика.

Соединимъ точно такъ же, какъ мы это сдѣлали съ городскими, свѣдѣнія о всѣхъ сельскихъ школахъ въ одну таблицу.

Губ.	Училища	1	2	3	4	5	6	7	8
Курляндск.	Волостн. . .	345	13,504	10,738	24,242	1,336	6,362	164,830	6,7
	Приходскія .	1	21	14	35	4	7	932	26,6
	Образцовыя .	12	1,246	522	1,768	640	82	14,498,46	8,2
	Церк.-прих.	29	986	331	1,317	235	231	10,740	8,1
	Вспомогател.	13	328	94	422	81	64	3,715	8,8
	Итого . .	400	16,085	11,699	27,784	2,296	6,746	214,715,46	—
Лифлянд.	Волостн. . .	1,044	23,683	22,502	46,185	3,602	9,165	?	—
	Приходскія .	114	3,904	980	4,884	1,008	997	?	—
	Образцовыя .	9	682	350	1,032	175	134	13,364,50	12,8
	Церк.-прих.	131	3,646	1,617	5,263	1,026	813	?	—
	Вспомогател.	228	3,998	2,958	6,956	1,130	1,070	?	—
	Итого . .	1,526	35,913	25,407	64,320	6,941	12,179	—	—
Эстляндск.	Волостныя .	497	8,684	7,485	16,169	1,374	4,780	124,874,80	—
	Приходскія .	6	218	53	271	49	31	5,119,82	—
	Образцовыя .	7	253	163	416	116	29	5945,11	—
	Церк.-прих.	31	553	374	927	187	205	37,532,80	—
	Вспомогател.	34	291	237	528	94	158	6,061	—
	Итого . .	575	9,999	8,312	18,311	1,820	5,203	179,533,53	—
Прибалт. край.	Всего сельскихъ школъ	2,501	61,997	48,418	110,415	9,419	24,128	—	—

Итакъ, число сельскихъ школъ Прибалтійскаго края равно 2,501 съ 110,415 учащимися; какъ и въ городскихъ школахъ процентъ дѣвочекъ, посѣщающихъ школы, значителенъ—43,8%, заслуживаетъ также вниманія громадный процентъ оканчивающихъ въ сельскихъ школахъ—21,9, почти вдвое больше, чѣмъ въ городскихъ школахъ, гдѣ онъ, самъ по себѣ, выше сравнительно съ другими мѣстностями; соответственно этому процентъ выбывающихъ до окончанія курса здѣсь ниже — онъ равенъ только 9,99. Остается еще сравнить распространеніе школъ по отношенію къ сельскому населенію. Въ Курляндской губ. 1 школа приходится на 1481 жит., въ Лифляндской—на 673, а въ Эстляндской—на 601 жит., показатель образованія въ этихъ губерніяхъ для сельскаго населенія будетъ: 4,7; 6,2 и 5,3.

Соединимъ теперь цифры о школьности въ городахъ Прибалтійскаго края съ таковыми же, выведенными нами для селъ, и получимъ слѣдующія данныя о состояніи начальнаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ:

Губер- ніи.	Простран- ство. на кв. в.	Населеніе.	Число.		Число учащихся.			1 школа на		
			населен. мѣстѣ.	школъ.	Мальчик.	Дѣвочекъ.	Итого.	кв. верстѣ.	жителей.	Показатель образ.
Курлянд.	23,747	707,993	24,735	637	22,054	15,651	37,705	37,6	1,111	5,34
Лифлянд.	42,725	1,282,860	45,820	1,797	45,205	36,379	81,584	23,8	714	6,36
Эстлянд.	17,307	410,887	14,157	636	12,112	10,143	22,255	27,2	646	5,41
Итого.	83,779	2,401,740	84,712	3,070	79,371	62,173	141,544	27,2	782	5,89

Въ Прибалтійскомъ краѣ, слѣдовательно, обучается 141,544 дѣтей обоего пола въ 3,070 школахъ; 1 школа приходится на 782 жителя, на 1 школу среднимъ числомъ 46 учащихся, а 1 учащійся на 17 жителей. Цифры, которыми можетъ позавидовать любой изъ районовъ Имперіи.

Юго-восточныя губерніи.

Внѣ разсмотрѣнныхъ нами районовъ остались юго-восточныя губерніи: Астраханская и Оренбургская и Области: Донская, Уральская и Тургайская, а также сѣверная губернія—Архангельская. Всѣ эти губерніи, за исключеніемъ, Архангельской и Тургайской обл., которую также придется разсмотрѣть отдѣльно, по свойству имѣющихся о ней данныхъ, можно соединить для обозрѣнія въ нихъ положенія начальнаго образованія, такъ какъ эти области и губерніи и по своему географическому положенію, и по составу населенія образуютъ какъ бы одно цѣлое.

Городскія и уѣздныя училища существуютъ въ Астраханской и Оренбургской губ. и Донской области на общихъ основаніяхъ, въ послѣдней только уѣздныя училища называются окружными. Въ областяхъ Уральской и Тургайской такихъ училищъ совсѣмъ нѣтъ.

	Число		Въ томъ числѣ обуча- лось.				Число		Средства со- держанія.
	училищъ.	учащихся.	1 и 2 г.	3 году.	4 году.	5 и 6 г.	выбв.	оконч.	
Донская Обл.	10	731	414	135	94	88	68	58	51,848,89
Астраханская .	8	735	251	200	124	160	181	58	35,030,95
Оренбургская .	6	703	125	212	140	204	126	76	27,523,00
Итого.	24	2,169	790	557	358	452	375	192	114,320,84

При разсмотрѣніи этой таблицы бросается въ глаза распре- дѣленіе учащихся въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ по го- дамъ обученія: здѣсь процентъ учащихся въ 5 и 6 году дости- гаетъ почти 21%, цифры, которой мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ Россіи. Процентъ выбывающихъ равенъ 17,3, окончившихъ 8,8. Содержаніе одного училища обходится сравнительно дорого: отъ

4,128 р. 87 к. (въ Астраханской губ.) до 5,184 р. 88 к. (въ Донской Области).

Женскія прогимназіи имѣются только въ Оренбургской губ.— 3 съ 428 учащимися и въ Донской Области—2 съ 403 учащимися; кромѣ того здѣсь имѣются еще и женскія 4-хъ классныя училища въ числѣ 7 съ 1,924 учащимися. Процентъ выбывшихъ до окончанія курса въ прогимназіяхъ весьма не великъ: 14,5— въ Оренбургской губерніи и 9,1 — въ Донской Области; процентъ окончившихъ равенъ 13,3 и 7. Въ женскихъ училищахъ объ эти цифры значительно меньше: 4,5 и 3. Содержание 1 прогимназіи обходится въ 4,915 руб. въ Оренбургской губ. и въ 9,597 руб. 50 к., а 1 женское училище—въ 7,871 руб.

Приходскія училища существуютъ въ городахъ и станицахъ Астраханской и Оренбургской губ. и Донской Области; въ Уральской и Гургайской обл. имъ соотвѣтствуютъ русско-киргизскія училища. Большинство этихъ училищъ одноклассныя—261, двухклассныхъ только 16. По областямъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число училищъ.	Число учащихся. Въ томъ числѣ обучалось.						Число выбыв.	Число оконч.	Средства со-держанія.
		малыч.	дѣвоч.	об. пола.	1 и 2 г.	3 году.	4 году.			
Донск. Обл. 234 *)	15,541	3,362	18,903	13,626	4,944	206	127	2,091	2,016	180,900,50
Астрах. губ. 19	799	684	1,483	1,221	262	—	—	320	214	26,425,92
Оренбург . 22	1,551	1,082	2,633	—	—	—	—	464	304	36,593
Урал. обл. . 3	353	—	353	175	95	62	21	58	33	17,260
	278	18,244	5,128	23,372	—	—	—	2,933	2,567	261,179,42

Расходъ на обученіе одного учащагося сравнительно большой; каждый учащійся въ двухклассномъ училищѣ обходится въ 11,9 р. въ Донской Обл., 11,48—въ Оренбургской губ. и 50,6 р. въ Уральской обл., расходъ на 1 учащагося однокласснаго училища равенъ 9,27 р. въ Донской Обл., 10,7 р.—въ Астраханской губ. 14,02 р въ Оренбургской губ. и 44,2 р. въ Уральской области.

Слѣдуетъ еще указать на довольно высокой процентъ оканчивающихъ училища: въ Донской области: 10,6; въ Астраханской губ.—14,4; въ Оренбургской губ.—11,5 и въ Уральской обл.—9,3.

Начальныя народныя училища существуютъ въ разсматриваемыхъ губерніяхъ и областяхъ, на общемъ положеніи 1874 года, въ городахъ и въ селахъ; въ послѣднихъ на-ряду съ ними имѣются также образцовыя училища, одноклассныя и двухклассныя. Сюда же должны быть отнесены казачьи начальныя училища, въ Астраханской губ. и Уральской обл. подвѣдомственныя

*) Въ это число включено 17 женскихъ станичныхъ училищъ III разряда.

войсковому начальству. Соединимъ данныя о нихъ въ одну таблицу.

Губерніи и области	Названіе училищъ.	Число учи- лицъ.	Число учащихся.				Изъ нихъ обуч. въ				Число выб.	Число оконч.	Средства со- держанія.
			мальчнх.	дѣвоч.	об. пола.	1 и 2 году.	3 году.	4 году.	5 и 6 году.				
Донск. (городскихъ . . .)		17	1,237	798	2,035	1,771	264	—	—	160	248	50,334	
обл. (сельск. нач. . .)		171	8,682	2,508	11,190	8,082	3,108	—	—	1,426	1,087	98,149,26	
Астра-хан-ская.	образц. . .	8	810	132	942	640	182	71	49	121	60	11,282	
Орен-бург.	сельск. нач. . .	40	1,859	974	2,833	2,277	556	—	—	844	269	22,923,50	
	сельск. образц. . .	21	1,287	216	1,503	1,118	265	75	42	402	192	18,085,40	
Урал. обл.	сельск. нач. . .	82	4,618	1,168	5,786	—	—	—	—	1,261	575	24,351	
	сельск. образц. . .	4	401	21	422	—	—	—	—	57	42	4,063	
		79	2,405	666	3,071	2,144	814	36	26	—	236	23,103	

431 21.299 6,463 27,782 — — — — 2,709 252,291,16

Во всѣхъ одноклассныхъ училищахъ, которыхъ насчитывается 411, учащіеся обучаются три года, въ двухклассныхъ же, числомъ 20, учащіеся посѣщаютъ училища и послѣ 3-го года, но въ небольшомъ количествѣ, такъ въ 7 двухклассныхъ образцовыхъ училищахъ Донской Области, въ 4 году учащихся было 7,7% всего числа, а въ 5 и 6 году—только 5,3%.

Процентъ оканчивающихъ въ сельскихъ начальныхъ школахъ приблизительно одинаковъ: немного меньше 10%, за исключеніемъ Уральской области, гдѣ онъ равенъ 7,7, въ образцовыхъ онъ представляетъ значительныя колебанія: 6,3 (въ Донской Области) и 12,7 (въ Астраханской губ.). Обучение 1 учащагося въ сельскихъ начальныхъ училищахъ названныхъ губерній и областей обходится въ 8,77 р., 8,09 р., 4,20 р. и 7,52 р. Тотъ же расходъ для сельскихъ образцовыхъ училищъ выразится въ цифрахъ: 11,9 р., 12,03 р. и 9,62 р. Такимъ образомъ обучение въ сельскихъ училищахъ обходится дешевле, чѣмъ въ городскихъ, и не только приходскихъ (см. выше), но и въ начальныхъ: въ Донской Обл. обучение 1 учащагося въ городской начальной школѣ обходится въ 24,7 р.

Въ разсматриваемомъ нами районѣ имѣется значительное число инородцевъ и инородцевъ; для сообщенія элементарнаго образованія ихъ дѣтямъ и существуютъ различныя училища: лютеранскія, магометанскія (мектебе и медресе), католическія, армяно-григоріанскія, инородческія (калмыцкія) и наконецъ еврейскія.

Соединимъ ихъ также въ одну общую таблицу; для краткости включимъ въ нее частныя учебныя заведенія, а также подъ рубрикой «другія»—приюты, находящіяся въ вѣдомствѣ Учрежденій Императрицы Маріи и Военнаго Министерства.

Число.	Донская Область.						Астраханская губ.						Оренбургск.						
	лютеран.	калогич.	арм.-прин.	матомет.	еврейск.	инородн.	частный.	другихъ.	итого.	арм.-прин.	матомет.	инородн.	частн.	другія.	итого.	матомет.	инородн.	частный.	итого.
Училищъ . . .	58	8	11	1	34	5	45	8	170	3	33	8	13	2	59	126	21	3	150
Учащ.: мальчиковъ	1,351	190	960	25	713	254	395	249	4,137	22	833	218	186	45	1,304	?	807	32	—
дѣвочекъ	1,111	162	205	—	195	7	969	425	3,074	145	142	1,303	72	663	?	?	51	55	—
об. пола.	2,462	352	1,165	25	908	261	1,364	674	7,211	167	975	219	489	117	1,967	?	858	87	—
	Общій итогъ.																		
	Уральская Область.						О б щ и й и т о г ъ .												
	матомет.	инородн.	частный.	другія.	итого.		лютеран.	калогич.	арм.-прин.	матомет.	еврейск.	инородн.	частный.	другія.	итого.	матомет.	инородн.	частный.	итого.
Училищъ . . .	2	10	2	2	16	58	8	14	162	34	44	63	12	395	—	—	—	—	—
Учащ.: мальчиковъ	110	396	11	45	562	1,351	190	982	?	713	1,675	624	339	—	—	—	—	—	—
дѣвочекъ	—	4	12	—	16	1,111	162	350	?	195	63	1,339	552	—	—	—	—	—	—
об. пола.	110	400	23	45	578	2,462	352	1,332	?	908	1,738	1,963	891	—	—	—	—	—	—

Въ заключеніе остается назвать число школъ церковно-приходскихъ и школъ грамоты.

	Число школъ.	Число учащихся			Израсходовано.
		мальч.	дѣвоч.	об. пола.	
Донская обл. . . .	591	15,913	4,543	20,456	55,725,91
Астраханская губ.	197	5,698	1,673	7,371	49,286,30
Оренбургская >	251	7,064	1,535	8,599	(43,049,59 *)
Уральская обл. . .	39	770	285	1,055	
Итого.	1,078	29,445	8,036	37,481	148,061,80

*) Въ эту цифру входитъ расходъ на церковныя школы также и Тургайской обл.

Число учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты и въ этомъ районѣ, сравнительно съ числомъ школъ, не велико. Наибольшая цифра 37 приходится въ среднемъ на 1 школу въ Астраханской губ., наименьшая—27—въ Уральской области. Въ матеріальномъ отношеніи наиболѣе обезпеченными являются школы духовнаго вѣдомства въ Астраханской губ.—израсходовано въ среднемъ 250 р. на школу, наименѣе въ Донской области, гдѣ расходъ на 1 школу въ отчетномъ году равнялся 94 р.

Тургайская область.

Въ Тургайской области всѣ существующія начальныя учебныя заведенія, числомъ 46, подвѣдомственны Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ 1894 году въ ней числилось: 5 двухклассныхъ русско - киргизскихъ училищъ (соотвѣтствующихъ двухкласснымъ приходскимъ), 11 одноклассныхъ и 22 аульныхъ школы (онѣ составляютъ какъ бы отдѣленія одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ и по курсу равняются первымъ двумъ годамъ обученія въ этихъ училищахъ) и 8 русскихъ, существующихъ по положенію 25 мая 1874 года. Изъ названныхъ 46 училищъ—35 было мужскихъ, 4—женскихъ и 7 смѣшанныхъ (аульныя школы). Приведемъ подробности о нихъ свѣдѣнія.

Названіе училищъ.	Число учил.	Число учащихся.			Изъ нихъ обучалось въ				Выбывшихъ.	Закончивъ.	Средства со-держанія.
		малыч.	дѣвоч.	об. пола.	1 и 2 г.	3 году.	4 году.	5 и 6 г.			
Сельск. началн.	8	352	90	442	401	41	14	5	108	31	6,001,50
Инородческія.	38	782	148	930	610	136	96	88	251	72	44,890,40
Итого.	46	1,134	238	1,372	1,011	177	96	88	359	103	50,891,90
Церковно-приходскія и школы грамоты.	13	393	159	552	—	—	—	—	—	—	—
Всего.	59	1,527	397	1,924	—	—	—	—	—	—	—

При разсмотрѣніи этой таблицы, обращаетъ на себя вниманіе малолюдность инородческихъ школъ—около 25 учащихся въ среднемъ на 1 школу; по этой же причинѣ весьма значителенъ расходъ на каждаго учащагося, а именно 48,2 руб. Такая малолюдность школъ тѣмъ болѣе удивительна, что вообще школъ въ Тургайской области очень мало: на населеніе въ 368 тысячъ всего 59 школъ, что даетъ 1 школу на 6,237 и на 100 жителей только $\frac{1}{3}$, учащагося! А между тѣмъ въ этой мѣстности, какъ одной изъ окраинъ Россіи, населенной инородческимъ, еще очень темнымъ, населеніемъ школа чрезвычайно необходима.

Подведемъ итоги всему вышесказанному.

И такъ, въ районѣ 5 юго-восточныхъ губерній и областей имѣется низшихъ учебныхъ заведеній:

	мальч.	дѣвоч.	дѣт. об. пола.
24 город. и уѣздн. (окр.) учил. съ	2,169		12,166
5 женск. пригимн.		831	831
7 женск. училищъ.		1924	1924
278 приход. Мин. Нар. Просв.	18,244	5,128	23,372
17 город. начал. народ. учил.	1,237	798	2,035
33 сельск. образцовыхъ учил.	2,498	369	2,867
389 сельск. началн. нар. учил.	17,916	5,406	23,322
276 исповѣдныхъ	4,094	1,960	6,054 *)
82 инородческихъ училищъ	2,457	211	2,668
63 частныхъ	624	1,339	1,963
12 другихъ вѣдомствъ	339	552	891
1091 школа православ. вѣдом.	29,838	8,195	38,033

Итого. 2,277 низшихъ учебн. заведеній съ 106131 уч. (79,41 8 м. и 26713 д.)

Принимая во вниманіе, что на пространствѣ названныхъ 5 губерній и областей живетъ 5.278,000 жителей, оказывается, что 1 школа приходится на 2,330 жителей, на 1 школу—46,6 учащихся и на 100 жителей 2 учащихся—процентъ весьма незначительный.

Архангельская губернія.

Состояніе начальнаго образованія въ Архангельской губ. представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Названіе училищъ.	Число учил.	Число учащихся.			Изъ нихъ обуча-лось въ				Число выбыв.	Средства содержан.	
		мальч.	дѣвоч.	Итого.	1 и 2 г.	3 году.	4 году.	5 и 6 г.			оконч.
городскія.	3	248	—	248	103	61	33	51	49	19	13,049,10
прих. М.Н.П.	20	712	412	1,124	719	285	69	51	291	117	17,708,07
образ. сельск.	28	1,328	340	1,668	1,137	429	64	38	363	181	21,370,49
начал. народ.	49	1,779	445	2,224	1,692	532	—	—	539	232	16,059,16
частн. учил.	6	54	40	94	71	23	—	—	52	24	?
др. уч.-зав.	9	156	141	297	348	49	—	—	94	25	22,486
Итого.	115	4,277	1,378	5,655	4,480	1,379	166	140	1,388	598	90,672,82
Црк.-прих. и шк.-гр.	185	3,549	1,570	5,119	—	—	—	—	—	413	25,902,18
Всего.	300	7,826	2,948	10,774	—	—	—	—	—	1,011	116,475

Такимъ образомъ въ Архангельской губ., населенной на пространствѣ 740,367 кв. в. 347,552 жителями, имѣется 300 низшихъ учебн. завед., въ коихъ обучается 7,826 мальчиковъ и 2,948 дѣвочекъ, итого 10,774 дѣтей обоего пола. Одно начальное учебное заведеніе приходится, слѣдовательно, на 2,467,8 кв. в. и на 1,160 жителей, показатель образованія для этой губерніи, весьма мало населенной, поэтому не очень низокъ—3,1.

Школы Архангельской губ. не отличаются многолюдностью: въ среднемъ 40 учащихся, въ церковно-приходскихъ и школахъ грамоты еще меньше—28. Процентъ окончивающихъ въ училищахъ

*) Сюда не вошли учащіеся въ 126 магометанскихъ школахъ.

довольно удовлетворительный—большей частью не ниже 10. Въ смыслѣ матеріальной обеспеченности всего ниже стоятъ начальныя сельскія школы—на 1 школу расходъ равенъ 328 руб., а на эту сумму, какъ извѣстно, трудно организовать правильное обученіе. Еще меньше сумма расхода на 1 школу духовнаго вѣдомства—193 руб., но сравнительно съ цифрами содержанія этихъ школъ въ другихъ районахъ она можетъ быть названа удовлетворительной.

Кавказъ.

Нижними учебными заведениями высшаго типа на Кавказѣ являются городскія училища по положенію 1872 г. и горскія школы, предназначенныя для распространенія образованія среди

Названіе училищъ.	Число оцѣнокъ	Число учащихся.		Изъ нихъ обучалъ въ				Число оконч.	Средствъ со-держанія.	
		малыя.	большыя.	1 и 2 г.	3 г.	4 г.	5 и 6 г.			
Кубанская обл.	6	1,447	—	708	285	178	136	343	44	42,393
горск.	1	61	—	49	12	—	—	7	11	9,234
прогимн.	1	—	239	77	44	40	75	18	9	10,461
Ставропольская губ.	1	319	—	111	62	59	87	52	27	4,329
горск.	5	629	—	343	131	64	91	142	31	29,799
Терская обл.	3	213	—	—	—	—	—	84	25	29,345
горск.	8	1,860	—	1,078	319	230	243	423	82	81,955
прогимн.	1	—	123	61	25	17	20	18	7	7,183
Тифлисская губ.	7	1,937	—	919	349	278	381	416	150	63,336
горск.	1	—	93	517	17	11	8	18	9	6,983
прогимн.	1	184	—	132	40	12	—	22	15	12,054
Кутаисская губ.	1	184	—	132	40	12	—	22	15	12,054
горск.	1	—	137	96	20	13	8	50	3	6,018
Елисаветпольская губ.	3	550	—	283	117	62	88	98	33	22,355
горск.	3	436	—	260	84	46	46	89	16	25,488
Эриванская губ.	2	—	243	95	61	41	46	26	19	26,802
горск.	1	220	—	121	55	21	23	75	7	5,559
ж. прогимн.	1	—	88	65	10	9	4	29	4	5,336
Карская обл.	2	334	—	164	71	53	46	83	12	14,339
Ваканская губ.	1	135	—	62	23	21	29	17	10	5,273
горск.	1	—	104	43	19	18	24	14	6	6,380
ж. прогимн.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого.	37	7,867	—	4,049	1,496	1,002	1,190	1,738	412	302,969
горск.	5	458	—	—	—	—	—	103	51	50,633
прогимн.	6	—	802	333	166	127	176	94	50	51,439
марин.	2	—	—	161	30	22	12	79	7	11,354

«Образованіе». Отдѣлъ I. № 7—8.

горцевъ. Общее число тѣхъ и другихъ школъ не велико: къ 1 января 1894 года городскихъ школъ было 97, горскихъ школъ—5. Данные объ этихъ училищахъ, а также о женскихъ прогимназіяхъ и Маріинскихъ училищахъ представлены въ вышепомѣщенной таблицѣ (см. стр. 129).

Изъ нея видно, что на весь Кавказъ съ его 10 областями и губерніями имѣется 42 начальныхъ училища высшаго типа для мальчиковъ и 8 такихъ же учебныхъ заведеній для дѣвочекъ. Училища эти отличаются сравнительной многочисленностью: на 1 мужское учебное заведеніе приходится въ среднемъ 196 учащихся, на 1 женское—128. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе незначительный процентъ оканчивающихся—5,6% при довольно высокомъ процентѣ выбывающихъ—22 (въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ ниже—только 16,8%). Въ матеріальномъ отношеніи эти учебныя заведенія находятся въ хорошемъ состояніи, главный источникъ содержанія составляютъ еуммы изъ средствъ Государственнаго Казначейства (46,8%), затѣмъ идутъ пособія отъ городскихъ обществъ (23,3%) и плата за ученіе (21,2%).

Начальныя училища на Кавказѣ, главнымъ образомъ, содержатся на средства городскихъ и сельскихъ обществъ—такихъ насчитывается 800; казенныхъ—59, вѣроисповѣдныхъ (лютеранскихъ и католическихъ)—39, содержимыхъ благотворительными обществами и частными лицами—26. Кроме того, существуютъ: церковно-приходскія училища—армяно-григоріанскія 209, вѣдомства православнаго исповѣданія—770; мусульманскія—въ числѣ 2,149 и еврейскія—39. Сюда же надо присоединить 90 частныхъ учебныхъ заведеній. Приведемъ распредѣленіе этихъ училищъ по губерніямъ: (какъ показано выше).

	Число училищъ.	Число учащихся.			Изъ нихъ обучалось въ				Число оконч.	Средства содерж.	
		Мальч.	Дѣвоч.	Об. пола.	1 и 2 г.	3 году.	4 году.	5 и 6 г.			
Кубанская .	288	16,116	5,279	21,395	17,144	3,471	511	269	3,587	1,605	309,899
Ставропольс.	157	6,572	1,820	8,392	7,288	1,019	44	40	1,201	734	92,783
Терская обл.	114	5,462	2,036	7,498	—	—	—	—	—	—	78,257
Тифлис. губ.	294	9,432	5,424	14,856	12,566	1,567	398	325	1,787	543	194,869
Кутаис. губ.	420	16,110	1,618	17,728	14,022	2,756	590	371	1,273	768	104,052
Елисаветп. г.	543	7,156	1,492	8,648	—	—	—	—	—	—	132,669
Эриванск. г.	129	5,997	1,434	7,431	—	—	—	—	—	—	121,176
Барск. обл.	314	5,908	1,286	7,194	—	—	—	—	—	—	56,698
Бакинская г.	325	7,232	1,052	8,284	—	—	—	—	—	—	68,752
Дагестан. об.	742	4,363	573	4,936	—	—	—	—	—	—	16,703
Итого . .	3,326	84,348	22,014	106,362	—	—	—	—	—	—	1,262,858
Частн. уч. зав.	90	3,249	1,045	4,294	—	—	—	—	—	—	276,913
Церк. прих. и шк. грамотн.	770	18,989	4,789	23,778	—	—	—	—	—	—	125,410,95
Всего . .	4,186	106,586	27,848	134,434	—	—	—	—	—	—	1.665,181,95

Если присоединить къ итогу, показанному въ таблицѣ, выше выведенную цифру начальныхъ училищъ высшаго типа, то получимъ, что на Кавказѣ имѣется 4,236 низшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ обучалось 114,911 мальчиковъ и 28,875 дѣвочекъ, а всего 143,786 дѣтей обоого пола.

Это число школъ и учащихся, по сравненію съ пространствомъ и населеніемъ Кавказа *), является чрезвычайно незначительнымъ: 1 школа приходится на 96 кв. верстъ и приблизительно на 2,000 жителей, показатель образованія для всего Кавказа равенъ 1,72. Число дѣвочекъ, обучающихся въ кавказскихъ школахъ, составляетъ, какъ и въ большинствѣ губерній Россіи, только $\frac{1}{5}$ часть всего числа учащихся. Какъ на особенность школъ Кавказскаго края слѣдуетъ указать на ихъ малолюдность: на 1 школу въ среднемъ приходится 32 учащихся. И это явленіе, обыкновенно характерное для церковно приходскихъ школъ, здѣсь въ еще большей степени господствуетъ въ мусульманскихъ школахъ: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Елисаветпольской или въ Дагестанской области, на одну такую школу приходится 6—7 учащихся. При такихъ условіяхъ, когда число мусульманскихъ школъ на Кавказѣ равно 2,149, а обучается въ нихъ всего 26,948 учащихся, число школъ ничего не говоритъ о распространенности въ этомъ районѣ начального образованія. Наилучшимъ критеріемъ остается показатель образованія 1,61, самъ по себѣ минимальный и, по сравненію съ показателями для другихъ районовъ Россіи, самый низкій.

Не взирая, однако, на такую нужду въ школахъ, новыхъ открывается очень мало. Если мы остановимся на данныхъ только о школахъ, непосредственно подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, какъ на самыхъ многочисленныхъ и лучше поставленныхъ (въ 1893 году въ 917 такихъ училищахъ обучалось 60,889 дѣтей, почти половина всего числа учащихся на Кавказѣ), то увидимъ, что за отчетный годъ число этихъ училищъ увеличилось противъ прошлогодняго всего на 6. Конечно, такого числа недостаточно для обученія даже прироста населенія; понятно, что при такомъ слабомъ движеніи школьнаго дѣла, число остающихся внѣ школы все увеличивается и увеличивается—явленіе, крайне печальное и, къ сожалѣнію, общее для большинства мѣстностей Россіи. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на весьма неравномѣрное распредѣленіе школъ у различныхъ народностей Кавказа—фактъ крайне любопытный, но ускользающій отъ вниманія при выводѣ среднихъ цифръ. Въ наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ находятся нѣмцы-колонисты: у нихъ на каждую тысячу душъ имѣется одна и двѣ школы,—у русскихъ 1 училище приходится на 4,6 тысячи населенія, у грузинъ—на 7,6, у армянъ—на 20,6, у татаръ—на 33,0 (при этомъ надо вспом-

*) Кавказъ занимаетъ 408,914 кв. в. и имѣетъ населенія около $8\frac{1}{2}$ милліоновъ жителей.

нить, что въ такой школѣ обучается среднимъ числомъ 12 дѣтей—это значить 1 учащійся на 2,580 жителей), у горцевъ—на 68,5 тысячъ жителей.

Въ заключеніе укажемъ на распредѣленіе всего числа начальныхъ училищъ по различнымъ категоріямъ. На Кавказѣ существуютъ:

42 городскихъ и горскихъ училищъ, въ нихъ обучается.	8,325 дѣтей.
6 женскихъ прогимназій	802 >
2 Маріинскихъ училища	225 >
72 городскихъ начальныхъ училищъ, въ нихъ обучается.	5,102 >
232 сельскихъ образцовыхъ > > >	18,891 >
565 > начальныхъ > > >	31,564 >
210 армяно-григоріанскихъ > > >	15,406 >
770 церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты православнога вѣдомства, въ нихъ обучается	23,778 >
2,149 мусульманскихъ	26,948 >
29 лютеранскихъ	2,567 >
12 католическихъ	991 >
39 еврейскихъ	951 >
90 частныхъ	4,294 >
18 разныхъ категорій	1.475 >

С и б и р ь .

Въ Сибири, какъ и въ Европейской Россіи, низшія общеобразовательныя учебныя заведенія могутъ быть подраздѣлены на два главные типа: высшія начальные учебныя заведенія, т. е. городскія по положенію 1872 года и уѣздныя училища, и собственно начальные. Послѣднія представляютъ еще большее разнообразіе, чѣмъ въ Европейской Россіи: кромѣ подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія образцовыхъ и приходскихъ училищъ, въ Сибири являются довольно распространеннымъ типомъ сельскихъ школъ такъ называемыя *школы Министерства Государственныхъ Имуществъ и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*. Подчиненныя въ учебномъ отношеніи директорамъ училищъ, съ административной и хозяйственной стороны онѣ вѣдаются губернаторами, а также исправниками и чиновниками по крестьянскимъ дѣламъ. Такой же порядокъ управленія за-разъ нѣсколькими вѣдомствами существуетъ и относительно другого типа начальныхъ училищъ: станичныхъ и поселковыхъ школъ Сибирскаго казачьяго войска. Но въ Сибири имѣются школы, вовсе не подчиненныя учебному началству—это *горныя школы*. Такъ называются въ Сибири частныя школы, существующія при горныхъ заводахъ и рудникахъ. Эти школы имѣютъ еще одну особенность: будучи общеобразовательными, онѣ носятъ также профессиональный характеръ, такъ какъ въ нихъ преподается практическое распознаваніе рудъ.

Школы церковно-приходскія и школы грамоты существуютъ въ Сибири на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ Европейской Россіи. Къ церковнымъ же школамъ относятся миссіонерскія учи-

лица, открываемыя въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Для распространенія образованія среди этого населенія существуютъ кромѣ того особыя инородческія училища, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ преподаваніе ведется на инородческихъ нарѣчіяхъ. Къ инородческимъ же школамъ надо отнести мусульманскія школы—мектебе и медресе.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній о различныхъ видахъ начальныхъ учебныхъ заведеній въ Сибири мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію числа школъ и учащихся въ отдѣльныхъ губерніяхъ и областяхъ этого края. Воспользуемся при этомъ общепринятымъ дѣленіемъ Сибири на три района: Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Приамурскій край. Такое же дѣленіе принято въ учебно-административномъ отношеніи. Всѣ учебныя заведенія Западной Сибири находятся въ вѣдѣніи Попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа, управленіе же учебными заведеніями Восточной Сибири и Приамурскаго края находится въ вѣдѣніи Иркутскаго и Приамурскаго генераль-губернаторовъ, при чемъ ближайшій надзоръ въѣренъ главному инспектору училищъ при Иркутскомъ генераль-губернаторѣ и окружному инспектору училищъ Приамурскаго края.

Западная Сибирь.

Губерніи и области.	Пространств.		Число училищ.	Число учащихся.			Число.	
	въ кв. в.	въ т.		Мальч.	Дѣвоч.	Об. пола.	Выбыв.	Оконч.
Тобольская г. . .	1,295,758	1,326	432	11,516	3,943	15,459	3,243	1,248
Акмолинская обл. .	479,200	505	132	4,002	1,564	5,566	840	470
Семипалатинская .	445,000	587	95	3,204	757	3,961	813	151
Семирѣченская . .	347,916	691	63	2,398	703	3,101	—	—
Томская губ. . .	759,068	1,408	644	15,443	4,833	20,276	—	—
Итого.	3,326,942	4,517	1,366	36,563	11,800	48,363	—	—

Такимъ образомъ въ Западной Сибири, населенной 4.517,000 жителей и на пространствѣ 3.326,942 кв. верстъ, существуетъ 1,366 низшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ обучалось къ 1 января 1894 года 48,363 дѣтей обоого пола. Если взять отношеніе числа школъ и учащихся къ пространству и населенію, то получимъ, что въ Западной Сибири 1 низшее учебное заведеніе приходится на 2,435 кв. верстъ и на 3,306 жителей. Цифры эти сами по себѣ указываютъ на чрезвычайное несоотвѣтствіе образовательныхъ средствъ въ Западной Сибири; для того, чтобы хоть сколько нибудь удовлетворить нужду въ образованіи, необходимо школы, по крайней мѣрѣ, въ 7 разъ больше существующаго числа при разчетѣ въ среднемъ 50 учащихся на школу, между тѣмъ, какъ въ настоящее время на 1 школу приходится только 35 учащихся. Изъ общаго числа учащихся дѣвочекъ, посѣщающихъ школы, насчитывается только $\frac{1}{4}$. Что касается процента окончивающихъ школу, то онъ въ Западной Сибири не великъ: въ Тобольской губерніи и Акмолинской области—8%, а въ Семипала-

тинской даже меньше 4%; тогда какъ процентъ выбывающихъ въ послѣдней равенъ 21; таковъ же приблизительно онъ въ Семипалатинской области, а въ Тобольской нѣсколько меньше—15%. Показатель образованія для Западной Сибири равенъ 1,07, ниже показателей всѣхъ районовъ Европейской Россіи.

Восточная Сибирь.

Губерніи и области.	Населен. въ тыс.	Простран. въ кв. в.	Число учащихъ.	Число учащихся.			Число выбывш. окон.
				мальч.	дѣвоч.	об. пола.	
Иркутская	470	703,650	400	7,050	2,564	9,614	— —
Енисейская	466	2.259,562	199	4,866	2,154	7,020	1,377 783
Якутская	264	3.489,689	76	742	204	946	79 43
Итого	1,200	6.452,901	675	12,658	4,922	17,580	— —

Положеніе начального образованія въ Восточной Сибири почти то же, что и въ Западной; но такъ какъ число жителей ея значительно меньше, то несоотвѣтствіе числа школъ и обучающихся въ нихъ по сравненію съ населеніемъ нѣсколько меньше: показатель образованія для Восточной Сибири равенъ 1,465%. Одна школа приходится на 9,560 кв. в. и 1,777 жителей. (Для правильной оцѣнки этихъ цифръ необходимо имѣть въ виду громадную пространства Восточной Сибири, къ тому же очень скудно населенная). На 1 школу приходится учащихся въ среднемъ 26—еще меньше, чѣмъ въ Западной Сибири. Это явленіе—крайняя малолюдность школъ, не смотря на чрезвычайную незначительность ихъ числа—объясняется разбросанностью селеній въ Сибири, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи десятковъ верстъ. Это обстоятельство еще болѣе подчеркиваетъ крайнюю недостаточность имѣющихся въ Сибири школъ.

Приамурскій край.

Приамурскій край состоитъ изъ трехъ областей: Забайкальской, Амурской, Приморской и о. Сахалина. Площадь, занимаемая ими, равна 2,570,756 кв. верстамъ. Населеніе простирается до 783,000. На всемъ этомъ громадномъ районѣ существуетъ 460 начальныхъ школъ разныхъ вѣдомствъ, число учащихся въ нихъ равно 14,059 (11,247 мальч. и 2,812 дѣвоч.). 1 школа приходится на 5,589 верстъ и на 1,703 жителей. Число учащихся на одну школу въ среднемъ равно 30. Показатель образованія въ Приамурскомъ краѣ выше, чѣмъ въ остальной части Сибири: онъ достигаетъ здѣсь 1,79%.

Во всей Сибири, слѣдовательно, насчитывается 2,501 низшее учебное заведеніе съ 80,002 учащимся (въ томъ числѣ 60,468 мальч. и 19,534 дѣвоч.) при населеніи въ 6.544,000. Одно низшее учебное заведеніе приходится поэтому на 2,600 жителей и на 4,938 кв. верстъ. Показатель образованія для всей Сибири равенъ 1,23,

Туркестанскій край.

Туркестанскій край состоитъ изъ областей: Самаркандской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Закаспійской. Число учебныхъ заведеній равно 127, въ нихъ обучалось 5,019 дѣтей обоого пола; слѣдовательно, 1 школа приходится на 31,958 жителей. Показатель образованія равенъ 1,19.

Мы разсмотрѣли состояніе начального образованія во всей Россійской Имперіи и можемъ теперь подвести итоги.

Названіе района.	Населеніе.	Простран.	Ч и с л о		1 учил. на		Показат. образов.
			учил.	учащ.	жит.	кв. в.	
Земскія губ.	66.089.000	2.514.784	39.435	2.061.404	1.675	63.7	3.12
Сѣв.-Западн. край	9.377.000	268.718	7.429	310.812	1.236	36.1	3.38
Юго-Западн. кр. . .	8.394.000	144.735	5.894	246.149	1.423	24.5	2.94
Привислянск. >	8.894.000	110.873	6.428	257.295	1.382	17.2	2.89
Прибалтійск. >	2.402.000	83.779	3.070	141.544	.782	27.2	5.89
Остальныя губ.	5.626.000	1.967.545	2.577	116.905	2.193	740	2.03
Кавказъ	8.340.000	408.914	4.236	143.786	1.968	96.4	1.72
Итого по Европейской Россіи . . .	109.122.000	5.499.348	69.069	3.277.895	1.580	79.7	3.001
По Сибири	6.544.000	12.350.599	2.501	80.002	2.600	4.938	1.23

Въ Европейской Россіи, слѣдовательно, получаетъ начальное образованіе 3% населенія. Чтобы точнѣе опредѣлить это отношеніе, надо замѣтить, что по послѣднимъ вычисленіямъ дѣти школьнаго возраста, т. е. отъ 7 до 11 лѣтъ, составляютъ 11% общаго количества населенія. Этотъ процентъ не можетъ быть признанъ преувеличеннымъ, потому что исчисленіе школьнаго возраста отъ 7 до 11 лѣтъ значительно ниже принятыхъ за границей исчисленій: такъ въ Пруссіи и Австріи школьный возрастъ считается отъ 6 до 14 лѣтъ, во Франціи 6—13 лѣтъ и т. д. Слѣдовательно признавая 11% населенія подлежащимъ начальному обученію, приходится констатировать тотъ печальный фактъ, что въ нашихъ школахъ въ дѣйствительности обучается только 3%—*восемь* же процентовъ населенія, т. е. почти девять съ половиною миллионѣвъ дѣтей, остается *вне* школы.

Но противъ такого вычисленія можетъ быть сдѣлано то возраженіе, что нельзя за школьный возрастъ въ Россіи принимать даже возрастъ отъ 7 до 11 лѣтъ, потому 1) что русскія дѣти не учатся 4 лѣтъ, и 2) что въ нашихъ школахъ весьма часты учащіеся и гораздо старше 11 лѣтъ. Чтобы избѣжать этой ошибки, мы при своихъ вычисленіяхъ и оставили совершенно въ сто-

ронѣ школьный возрастъ и взяли за критерій показатель образованія, т. е. число учащихъ на 100 жителей, какъ самый удобный для сравненія. Поэтому, чтобы опредѣлить, что обозначаетъ собой выведенный нами для Россіи показатель образованія—3,001%, мы приведемъ для сравненія показатели образованія въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ.

Соед. Шт. Сѣв. Ам.	22,36	Австрія	13,10
Швейцарія	19	Финляндія	12,65
Германія	18,8	Испанія	8,44
Англія	16,6	Японія	7,57
Франція	14,7	Италія	7,01
Швеція	14,43	Болгарія	5,45
Норвегія	14,07	Португалія	3,27

Эти взятые нами на выдержку данныя о состояніи начального образованія въ главнѣйшихъ государствахъ указываютъ на то, что Россія въ отношеніи образованія, къ глубокому сожалѣнію, занимаетъ послѣднее мѣсто среди цивилизованныхъ государствъ.

Александръ Острогорскій.

СТАТИСТИКА НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВЪ РОССИИ.

Губерніи*)	Населеніе въ тысячь	Пространст.			Въдомств. М. Н. П.			Церковно-учр. шк. и шк. грам.			Другихъ ведомствъ.			Числ о.			Учн.			Учащіяся.			Итого.	% отъ общаго числа учащихся	1 школа приходится на	Показатели образованія
		Школъ	Мальч.	Дѣвоч.	Школъ	Мальч.	Дѣвоч.	Школъ	Мальч.	Дѣвоч.	Школъ	Мальч.	Дѣвоч.	Учн.	Муж. п.	Жен. п.	Итого.	Учн.	Муж. п.	Жен. п.	Итого.					
1. Тверская	1.201	53.079	1.317	38.372	16.528	165	5.840	1.987	5	96	86	1.487	44.508	18.601	62.909	29,56	807	35,02	5,23							
2. Ярославская	1.139	31.296	426	22.054	8.901	594	11.679	5.943	—	—	—	1.020	33.733	14.864	48.597	30,6	1.115	30,6	4,27							
3. Саратовская	2.483	74.244	712	55.084	21.062	668	20.468	4.953	7	41	156	1.387	75.598	26.171	101.764	25,66	1.790	53,52	4,1							
4. Тверская	1.937	56.837	647	38.817	12.798	847	18.251	4.934	2	61	121	1.546	37.129	17.313	74.442	23,25	1.252	36,76	3,843							
5. Херсонская	2.380	62.213	996	48.517	19.606	497	13.230	7.217	11	190	499	1.494	61.991	27.322	89.313	30,60	1.593	41,64	3,73							
6. Казанская	2.269	55.954	1.189	45.323	17.733	637	16.818	4.165	—	—	—	1.826	62.220	21.898	84.118	26,03	1.242	30,64	3,707							
7. Самарская	2.735	136.713	724	50.602	24.521	709	19.768	5.254	4	43	76	1.497	70.413	29.851	100.264	29,77	1.880	91,5	3,665							
8. Владимирская	1.491	42.831	527	27.766	9.190	614	13.136	3.927	2	48	45	1.143	40.950	13.162	54.112	24,32	1.300	37,43	6,2							
9. Тульская	1.529	27.204	582	29.095	7.711	546	15.167	2.322	9	249	346	1.137	44.518	10.379	54.892	18,90	1.344	23,93	3,59							
10. Олоньская	360	130.719	197	6.599	2.150	194	2.816	1.024	—	—	—	351	9.415	3.174	12.589	25,20	1.025	372,41	13,497							
11. Рязанская	1.962	36.814	616	37.159	9.733	565	16.767	4.242	—	959	—	1.171	53.926	13.975	67.901	20,50	1.675	31,46	3,46							
12. Московская	2.399	29.236	876	46.291	21.580	349	10.900	2.306	40	402	663	1.265	58.150	24.549	82.699	29,68	1.896	23,11	3,45							
13. Новгородская	1.292	107.499	509	21.257	6.853	570	11.111	3.230	12	125	1.111	33.666	10.208	43.874	23,2	1.163	96,75	3,396								
14. Бессарабская	1.832	40.095	830	34.229	10.058	313	15.219	1.981	2	110	1.145	49.448	11.549	60.997	19,01	1.600	34,07	3,32								
15. Калужская	1.265	27.177	446	24.546	6.042	435	8.931	1.726	—	—	—	881	33.477	7.768	41.245	18,93	1.432	30,84	3,26							
16. Екатеринбургская	1.694	55.705	731	34.523	9.932	296	8.765	1.456	—	—	—	1.017	43.288	11.388	54.676	20,80	1.655	54,77	3,225							
17. Смоленская	1.413	49.212	465	26.425	3.955	523	12.756	1.975	—	—	—	988	39.181	5.930	45.111	13,14	1.430	49,89	3,18							
18. Орловская	2.144	41.057	612	38.773	7.159	554	16.877	3.543	—	—	—	1.166	56.650	10.702	66.352	16,11	1.838	35,21	3,09							
19. Пермская	2.879	290.168	867	48.420	18.227	662	14.382	4.332	2	66	119	1.531	62.868	22.678	85.546	26,5	1.880	189,52	2,971							
20. Тамбовская	2.905	58.511	667	41.140	7.536	1.072	25.908	8.173	4	76	47	1.673	67.124	15.756	82.880	19,01	1.736	34,97	2,85							
21. Нижегородская	1.600	47.036	540	25.528	6.605	510	11.223	1.771	—	—	—	1.050	36.851	8.376	45.227	18,56	1.523	44,73	2,82							
22. Черниговская	2.321	42.162	752	43.156	7.285	609	12.516	1.897	1	43	—	1.262	56.715	9.182	64.897	14,14	1.839	36,48	2,796							
23. Вологодская	1.305	353.882	247	12.705	8.493	684	16.714	2.996	—	—	—	931	29.419	6.489	35.908	18,07	1.401	38,01	2,75							
24. Полтавская	2.972	43.844	763	51.698	7.659	748	17.342	4.118	—	—	—	1.511	69.040	11.777	80.817	14,57	1.966	29,01	2,719							
25. Курская	2.612	40.821	642	38.187	8.853	699	18.978	4.138	—	—	—	1.341	57.165	12.991	70.156	18,37	1.955	30,44	2,68							
26. Пензенская	1.617	34.129	487	26.172	7.081	304	7.599	1.427	1	—	50	792	33.771	8,5	8	42.329	20,21	2.041	43,09	2,61						
27. Рязанская	3.106	134.537	693	41.241	11.238	907	22.239	6.252	2	40	10	1.602	63.520	17.500	81.020	21,6	1.958	83,98	2,609							
28. Воронежская	2.739	57.902	597	41.108	7.091	572	17.331	3.447	—	—	—	1.169	58.439	10.558	68.997	15,28	2.307	49,97	2,59							
29. Костромская	1.405	74.291	401	20.662	6.184	373	7.542	1.783	—	—	—	774	28.204	7.967	62.171	22,02	1.888	95,98	2,56							
30. Харьковская	2.475	47.848	673	38.169	9.507	473	11.555	2.359	12	431	323	1.158	50.155	12.189	62.344	19,53	2.137	41,32	2,51							
31. Сибирская	1.686	43.491	609	27.741	5.232	239	5.255	1.207	2	61	39	860	33.017	6.478	39.495	16,40	1.982	51,16	2,34							
32. С.-Петербург.	1.806	47.305	713	24.796	15.053	190	4.578	2.763	15	1.083	729	9.830	47.184	18.548	49.025	37,8	1.858	51,1	12,17							
33. Уфимская	2.003	107.209	744	30.025	4.411	190	4.692	1.078	60	2.322	41	994	37.039	5.530	42.569	2,99	2.015	107,85	2,266							
34. Псковская	1.133	37.955	241	11.009	2.755	195	4.838	708	1	56	—	436	15.847	3.463	19.310	17,93	2.598	87,03	1,704							

Земскія губерніи.

*) Въ этой таблицѣ губерніи расположены въ последовательномъ порядкѣ по величинѣ показателя образованія.

Юго-Восточный край.

1. Донецкая обл.	2.096	144.577	614	31.580	10.790	603	16.020	4.955	5	76	425	1.222	47	646	16.170	63.876	23.821	1.723	118,3	3,04
2. Астраханская г.	838	207.193	177	6.594	2.711	197	5.698	1.673	2	45	72	376	12.387	4.456	16.793	26,53	2.229	532,4	2,004	
3. Оренбургская »	1.411	168.155	268	8.158	2.800	252	7.034	1.535	—	—	—	520	15.242	4.385	19.577	23,14	2.713	323,3	1,387	
4. Уральская »	565	316.717	98	3.320	681	39	770	285	—	—	—	137	4.090	967	5.057	19,12	4.124	2,311	0,806	
5. Тургайская обл.	368	390.356	46	1.134	238	13	393	159	—	—	—	59	1.527	397	1.924	26	6.237	6,769	0,522	
1. Архангельская	348	740.367	112	4.243	1.237	185	3.549	1.570	3	34	141	300	7.826	2.948	10.774	27,36	1.160	246,78	3,09	

К а в к а з ь.

1. Карская обл.	219	16.631	1315	6.128	1.286	25	319	36	—	—	—	340	6.44	1.322	7.769	17,	644	49,	3,54
2. Кутаисская . . .	1.019	31.789	437	18.384	1.627	210	4.713	299	—	—	—	647	23.097	1.919	25.016	7,6	1.575	99,2	2,45
3. Тифлисская . . .	1.006	37.937	333	12.300	5.828	94	2.101	910	—	—	—	427	14.401	6.738	21.139	31,4	2.356	88,8	2,1
4. Ставропольская	709	44.716	167	6.855	1.918	154	4.183	934	—	—	—	321	11.038	2.852	13.890	21,2	2.207	148,6	1,97
5. Кубанская . . .	1.574	89.489	314	17.729	5.384	212	5.886	1.803	—	—	—	526	23.615	7.187	30.802	23,3	2.992	170,	1,9
6. Терская . . .	799	64.235	127	6.368	2.085	63	1.511	657	—	—	—	190	7.879	2.742	10.621	25,8	4.205	420,5	1,32
7. Елисаветпольск.	810	38.053	556	8.169	1.660	2	19	16	—	—	—	558	8.188	1.676	9.864	17,	1.451	68,2	1,21
8. Эриванская . . .	718	22.929	136	6.562	1.437	2	43	29	1	26	—	138	6.631	1.466	8.097	18,1	5.203	166,1	1,12
9. Бакинская . . .	864	34.353	399	7.059	1.403	8	214	112	—	—	—	347	7.273	1.515	8.788	17,12	2.490	96,2	1,01
10. Дагестанская . . .	662	25.737	744	4.560	659	—	—	—	—	—	—	744	4.560	659	5.219	12,6	836	34,6	0,83

С и б и р ь.

1. Иркутская . . .	470	703.650	109	3.874	1.404	285	3.052	685	5	126	385	399	7.062	2.474	9.536	25,9	1177,9	1,763	2,02	
2. Приамурск. край	733	2.570.756	—	—	—	—	—	—	—	—	—	460	11.247	2.812	14.059	20	1.703	5.589	1,79	
3. Енисейская губ.	466	2.259.562	70	2.666	987	128	2.200	922	1	—	—	45	199	4.866	1.954	6.820	28,6	2.341	11.354	1,46
4. Томская »	1.408	759.068	241	7.705	3.256	403	7.738	1.577	—	—	—	644	15.443	4.833	20.276	23,8	2.186	1.178,6	1,4	
5. Тобольская »	1.326	1.295.758	34	1.636	916	152	2.421	954	246	7.459	2.073	432	11.516	3.943	15.459	25,5	3.069	3.001	1,16	
6. Акмолинск. обл.	505	479.200	31	1.469	688	10	205	88	91	2.328	788	132	4.002	1.564	5.556	28	3.825	3.630	1,1	
7. Семипалатин. »	587	445.000	28	1.609	341	6	246	116	61	1.349	300	95	3.204	757	3.961	19,1	6.179	4.683	0,67	
8. Семиречен. »	691	347.916	40	1.715	480	22	663	223	1	20	—	63	2.398	703	3.101	29,3	10.969	5.524	0,45	
9. Якутская »	264	3.489.689	17	274	89	57	422	89	2	46	26	76	742	204	946	21,56	3.473	45,733	0,35	

Не слишком-ли много мы лѣчимъ нашихъ дѣтей?

Въ настоящей статьѣ своей я обращаюсь къ матерямъ и воспитательницамъ и прежде всего къ тѣмъ матерямъ, которыя преданы своимъ дѣтямъ, которыя готовы положить за нихъ свою душу и способны неутомимо проводить долгія бессонныя ночи у ихъ изголовья во время болѣзни.

Жертвы, на которыя идутъ подобныя матери, казалось бы, достойны и соответствующей награды. Но не всякое хорошее побужденіе и благородное чувство — какъ бы глубоки они ни были — гарантируютъ отъ ошибокъ и избавляютъ отъ ложныхъ путей, по которымъ такъ склоненъ идти человѣкъ по несовершенству своей природы. Грустно и больно должно быть матери, когда печальные плоды ея воспитанія безошадно докажутъ ей ошибочность ея взглядовъ и когда она увидитъ, что она сама, своими руками, причиняла вредъ тому существу, которое любила болѣе всего на свѣтѣ!

Сознательное зло сравнительно рѣдко, бессознательное же почти неисчерпаемо. Трудно избѣжать этого зла, часто непримѣтнаго, не бьющаго въ глаза, но тѣмъ не менѣе дѣлающаго свое злое дѣло.

Въ дѣлѣ воспитанія, кромѣ горячей любви къ дѣтямъ и извѣстныхъ солидныхъ знаній, не менѣе необходимы самообладаніе, тонкая наблюдательность, много благоразумія и собственной выдержки. Быть можетъ покажется страннымъ, что, желая говорить о лѣченіи дѣтей, я начинаю говорить о воспитаніи. Но не надо забывать, что для ребенка, который растетъ и складывается духовно и тѣлесно—всякое внѣшнее явленіе, слово, поступокъ окружающихъ имѣютъ вообще гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ для взрослого, но кромѣ того имѣютъ значеніе *воспитательное*. Я попытаюсь до нѣкоторой степени уяснить все это въ дальнѣйшемъ изложеніи. Надѣюсь, что читатели простятъ мнѣ еще и нѣкоторыя другія отступленія отъ предлагаемой темы; всѣ эти отступленія имѣютъ жизненный интересъ и тѣсно связаны съ разбираемымъ вопросомъ.

Зло, о которомъ я намѣрена говорить здѣсь, есть *избытокъ мѣченія*, злоупотребленіе лѣкарствами, даваемыми дѣтямъ съ самаго ранняго ихъ возраста. Зло это замѣтнымъ образомъ развилось въ интеллигентныхъ семьяхъ за послѣднія 10—15 лѣтъ и, повидимому, все возрастаетъ.

За это время стали распространяться свѣдѣнія объ уходѣ за дѣтьми, питаніи и содержаніи ихъ, благодаря довольно большому числу популярныхъ книжекъ, лекціямъ по этимъ вопросамъ, и т. д.

Кромѣ того, въ журналахъ и газетахъ стали все чаще появляться популярныя сообщенія о новыхъ медицинскихъ открытіяхъ, лѣчебныхъ средствахъ, и проч. Все это, конечно, не проходитъ безслѣдно и приноситъ свои результаты: въ этомъ, конечно, есть несомнѣнная польза, но къ сожалѣнію есть и доля вреда. Матери и воспитательницы спѣшатъ примѣнять почерпнутыя свѣдѣнія на практикѣ. Но тутъ то несовершенство человѣческой природы играетъ надъ человѣкомъ свою злую шутку!

Цѣли—благія; выполненіе же ихъ часто неудовлетворительно, даже плохо и поэтому иногда приноситъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Почерпнутыя свѣдѣнія часто толкуются совершенно неправильно. Къ нимъ относятся какъ къ чему то незбылемому, абсолютному. Выполненіе ихъ считается обязательнымъ и нерѣдко готовы принести въ жертву все, лишь бы соблюсти предписанія довольно сомнительнаго свойства. Въ погонѣ за гигиеной, дезинфекціей и проч. упускаются изъ виду и забываются другія, болѣе важныя, задачи воспитанія, не говоря уже о томъ, что не достигается и то, къ чему стремятся—сохраненіе здоровья.

Что можно напримѣръ сказать про тѣхъ матерей, которыя изъ за простаго насморка, явившагося у ребенка, немедленно распекаютъ няньку за то, что она «заразила» ребенка и отдѣляютъ ее отъ него? А что сказать про тѣхъ, которыя изъ опасенія все той же заразы стараются постоянно изолировать своего ребенка, убѣждая его «быть умникомъ и не ходить туда, гдѣ бѣгаютъ дѣти, можетъ быть, зараженныя Богъ знаетъ какими болѣзнями»?

Сколько эгоизма, себялюбія и трусости вселяютъ подобныя взгляды! Сколько лишены испытываетъ и бѣдный ребенокъ! Въмѣсто постоянной любви и нѣжности, дѣйствующихъ неотразимо на дѣтскую душу между ребенкомъ и нянькой становится *микробъ* и притомъ *предполагаемый*, такъ какъ еще и среди медиковъ нерѣшенъ вопросъ, происходитъ ли простой насморкъ отъ заразы или простуды (я конечно не хочу этимъ сказать, что насморкъ, особенно у грудныхъ дѣтей, есть заболѣваніе, на которое не стоитъ обращать никакого вниманія—иногда его приходится разсматривать прямо за серьезное страданіе—но противъ него необходимо принимать мѣры совсѣмъ съ другой стороны). Въмѣсто оживленной игры съ товарищами, общенія съ другими дѣтьми, что составляетъ существенную потребность дѣтскаго возраста, ребенокъ обреченъ на одиночество и долженъ съ завистью поглядывать на шумную толпу тѣхъ счастливыхъ ребятешекъ, которые

не бояться микробовъ. Такую картину всего чаще приходится видѣть въ деревнѣ: тамъ барское дитя не имѣетъ подходящихъ товарищей.

Если вспомнить, какъ часты насморки, да кромѣ того какъ часты всѣ эти *petites misères* дѣтскаго возраста, изъ за которыхъ надо было бы ежеминутно отдѣлять ребенка отъ всѣхъ окружающихъ, то нельзя не согласиться, что этотъ шумъ изъ за ничего, это удаленіе ребенка отъ дорогихъ и близкихъ ему лицъ не могутъ не отразиться дурно на душевномъ его мірѣ. Охраненіе якобы отъ заразы покупается слишкомъ дорогой цѣной. Можно указать на множество подобныхъ примѣровъ и я надѣюсь это сдѣлать при дальнѣйшемъ изложеніи.

И вотъ другіе (чаще всего отцы семейства) видя крайности, въ которыя впадаютъ матери и не замѣчая, чтобы отъ всѣхъ предосторожностей уменьшалось число болѣзней и возня съ докторами — впадаютъ въ свою очередь въ новую крайность. «Ну, ужъ эти доктора, говорятъ они. Съ тѣхъ поръ какъ стали поминутно звать доктора, дѣти изъ болѣзней не выходятъ». Или: «начитались книгъ, а толку стало еще меньше».

Можно ли считать подобные взгляды правильными? Конечно, нѣтъ. Взгляды эти тоже страдаютъ односторонностью, а потому ведутъ человѣка къ новымъ ошибкамъ и злу. Однако и въ этихъ взглядахъ есть своя доля истины: въ нихъ кроется приговоръ надъ неправильнымъ примѣненіемъ почерпнутыхъ свѣдѣній, надъ крайностями матерей и воспитательницъ.

Постараюсь, хоть вкратцѣ, прослѣдить зло отъ начала до конца.

Будущая молодая мать обыкновенно запасается какой либо популярной книгой, не всегда удачной, и, слѣдуя всѣмъ ея предписаніямъ, начинаетъ приготовленія для новорожденнаго. Углубляясь въ свои занятія, санкціонированныя книгой, печатнымъ словомъ, она, безъ того уже склонная къ увлеченію, легко впадаетъ въ крайности и забываетъ многое, *съ чѣмъ однако въ жизни необходимо считаться*. Бѣлья и пеленокъ нашивается слишкомъ много, матеріалъ покупается самый тонкій и дорогой. Для ребенка должно быть «все самое лучшее». Кроватка заказывается, а не покупается (я знавала матерей, которыя даже взрослымъ своимъ дѣтямъ никогда не покупали готовыхъ кроватей, а всегда заказывали ихъ), потому что является опасеніе «какъ бы въ магазинѣ не продали кроватку подержанную, которая употреблялась можетъ быть больными». Во всемъ этомъ конечно для ребенка еще нѣтъ особенной бѣды, но сама *исходная точка неправильна* и въ будущемъ приводитъ къ печальнымъ результатамъ. Неправильность заключается въ *преувеличенности* заботъ и опасеній, что не только дурно отражается на дѣтяхъ, но ведетъ къ ненужнымъ и непомернымъ расходамъ, не соответствующимъ часто доходамъ интеллигентной семьи средней руки. Если послѣднее еще мало замѣтно при появленіи перваго ребенка, то оно становится настоящимъ бременемъ, когда число дѣтей возрастаетъ и крѣп-

кимъ узломъ затягиваетъ шею отца — кормильца семьи. Отсюда рождается стремленіе избѣгать дѣтей. Появленіе новаго крошечнаго члена встрѣчается не радостно, а съ неудовольствіемъ и страхомъ; отецъ и мать готовы прибѣгнуть къ самымъ противоестественнымъ мѣрамъ, чтобы избѣжать потомства. Однако все противоестественное жестоко наказывается самой же природой, не говоря уже о томъ, что сама жизнь становится не въ радость, а въ тягость. Но идемъ далѣе.

Когда все готово и ребенокъ явился на свѣтъ, онъ становится идоломъ, передъ которымъ все должно преклоняться—и не ради простой любви и баловства, какъ это бывало въ доброе старое время, а ради гигиены, значеніе которой преувеличивается и неправильно толкуется. Все должно быть «гигиенично». «Кричать ребенку вредно»—чтобы его успокоить, ему суютъ все, что попадаетъ подъ руку. Книги, альбомы, фотографіи—предметы до нѣкоторой степени священные даются ребенку, онъ ихъ рветъ, царапаетъ и портитъ. «Дѣтямъ необходимы движеніе и свобода»—и вотъ ихъ «не стѣсняють», позволяя имъ вездѣ кричать, шумѣть и бѣгать. Дѣти при этомъ нисколько не учатся владѣть собой, нисколько не дисциплинируются. Подростая они дѣлаютъ все требовательнѣе и раздражительнѣе. Не имъ конечно знать мѣру, если ея не знаютъ взрослые. «Ахъ, онъ у меня такой нервный», говоритъ мать послѣ какойнибудь шумной выходки ребенка. Я знала дѣвочку, которая при малѣйшемъ противорѣчій доходила до послѣдней степени раздраженія. Она ревѣла, топала ногами и неистово кричала, «я зарѣжусь, я зарѣжусь!» Мать очень баловала дѣвочку, но въ своемъ поведеніи не видѣла и не сознавала никакого баловства, а только выполненіе «необходимыхъ» гигиеническихъ требованій и постоянно возила ребенка по докторамъ. Дѣвочкѣ прописывали бромистый калий вмѣсто того, чтобы измѣнить систему воспитанія. Къ сожалѣнію воспитательницѣ гораздо легче дать лѣкарство, чѣмъ видѣть собственныя ошибки. Между тѣмъ бромистый калий далеко не невинное средство. При частомъ употребленіи *) онъ ведетъ къ ослабленію психики, уменьшенію памяти, не ясному мышленію, затрудненію находить для своихъ мыслей подходящее выраженіе. Кромѣ того онъ ведетъ къ потерѣ аппетита, разстройству желудка и кишекъ и исхуданію. Явленія эти развиваются иногда послѣ относительно малыхъ дозъ какогонибудь бромистаго препарата **). Отрыжка, тошнота и рвота нерѣдки.

При болѣзни ребенка, даже самой незначительной, въ домѣ поднимается тревога, немедленно приглашается врачъ. И вотъ ребенку прописывается лѣкарство. Сама мать такъ встревожена, такъ разстроена и нервна, что врачъ рѣшительно не можетъ уйти, ничего не прописавши. Однако какъ бы невинно ни было

*) Россбахъ, фармакологія, стр. 240.

***) Dr Lewin, побочное дѣйствіе лекарства, стр. 97.

то, что онъ прописалъ, все же оно имѣетъ свои побочныя вредныя вліянія. Можно смѣло сказать, что въ двухъ третяхъ случаевъ, если не больше, дѣло могло бы обойтись и безъ лѣченія.

Нѣтъ такого пустяка, по которому не звали бы доктора. И это дѣлается не взирая на стѣсненные обстоятельства, на трудность, съ которою въ теперешнее время добывается кусокъ хлѣба. Но этого мало. Не достаточно постоянныхъ визитовъ врача. На ряду съ ними широкою рукою практикуется домашнее лѣченіе. Послѣ врача остаются рецепты лѣкарствъ, которые помогли. Въ нимъ ежеминутно прибѣгаютъ. Отъ жару, отъ кашля, отъ головной боли, отъ боли горла—на все есть любимыя средства. Принять хининъ, салицилку—при малѣйшей простудѣ—дѣло совсѣмъ обычное. Съ другой стороны, ежеминутная охрана ребенка отъ всякихъ «вредныхъ» вліяній считается дѣломъ первой необходимости. Боже сохрани выйти ребенку гулять при вѣтрѣ и дождѣ! Боже сохрани глотнуть ему сырой воды! Бѣда прислугѣ, если ребенку замѣшкали вскипятить молоко или подать утромъ чашку какао! Въ одной изъ популярныя книгъ совѣтуется давать дѣтямъ какао. Часто послѣдній грошъ ставится ребромъ, чтобы добыть ребенку этотъ какао. Но такъ ли онъ важенъ на самомъ дѣлѣ?

Однако, несмотря на такую усиленный надзоръ, на такую тщательную борьбу съ болѣзнями—теперешнія дѣти слабы, малокровны, нервны и не жизнерадостны. Бѣлые здоровые зубы стали теперь большою рѣдкостью. При каждой болѣзни ребенка мать приходитъ въ отчаяніе, упрекаетъ себя, упрекаетъ другихъ и нерѣдко даже самого заболѣвшаго. Мнѣ случалось видѣть, что дѣти скрывали свое заболѣваніе въ виду этого обстоятельства. «Что ты такой блѣдный? Не болитъ ли у тебя головка?» съ испугомъ и тревогой спрашиваетъ ребенка мать, поминутно хватая его то за голову, то за пульсъ, нисколько не думая, что она этимъ самымъ можетъ пугать маленькаго больного и *мишатъ его того спокойствія, которое необходимо для правильнаго и благоприятнаго теченія болѣзни.*

Ребенокъ продолжаетъ хворать. Никто въ домѣ не смѣетъ поселиться. «Левочка боленъ, какъ можно другимъ дѣтямъ идти въ циркъ или въ гости!» И вотъ уныніе водворяется въ домѣ, уныніе, уничтожающее ту бодрость духа, которая позволяетъ легче переносить невзгоды жизни и болѣзни! Развивается и поддерживается та особенная нервозность, боязнь болѣзней, а слѣдовательно, и предрасположеніе къ нимъ! Я далека отъ мысли совѣтывать развивать равнодушіе у дѣтей къ болѣзнямъ другъ друга, я говорю только о крайностяхъ.

Упомянувши о частомъ употребленіи лѣкарствъ, я должна коснуться того вреда, который они приносятъ. Прежде всего почти всѣ лѣкарства, особенно при частомъ употребленіи, портятъ зубы и пищевареніе. Въ этомъ отношеніи особенно вредны желѣзные препараты, напр. полуторакдористое желѣзо, которое въ нѣкоторыхъ семьяхъ постоянно употребляется для полосканья при бо-

лѣзни горла. Побѣда надъ воображаемымъ дифтеритомъ нерѣдко покупается цѣною здоровыхъ зубовъ. Между тѣмъ здоровые зубы и здоровый желудокъ суть первыя условія долголѣтней жизни *).

Хининъ, назначаемый съ пользою при перемежающейся лихорадкѣ и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ болѣзни, тѣмъ не менѣе рѣшительно неумѣстенъ для постоянного употребленія при каждой легкой простудѣ, повышенной температурѣ. Во 1-хъ, теперь уже прошло то время, когда врачи безмѣрно увлекались всѣми жаропонижающими средствами. Средства эти теперь почти совсѣмъ оставлены съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что *повышенная температура **)* есть способъ *противодѣйствія организма противъ поступившаго въ него заразнаго начала*, это есть реакція, посредствомъ которой *самъ организмъ побѣждаетъ болѣзнь*. Жаропонижающими, употребляемыми безъ строжайшаго выбора, мы чаще всего поэтому просто вредимъ, а не помогаемъ. Но помимо этого хининъ ***) разстраиваетъ аппетитъ, пищевареніе, вліяетъ неблагоприятно на составъ крови и нервную систему и иногда даже вызываетъ появленіе крови въ мозгѣ ****). Если вспомнить, что *масса болъзней проходитъ сама собою*, безъ лѣченія, то польза отъ хинина окажется равной нулю, а вредъ его оставляетъ свой слѣдъ.

Другимъ любимымъ средствомъ, употребляемымъ при простудѣ является салициловый натръ, по счастью менѣе распространенный чѣмъ хининъ. Вредныя его стороны заключаются ****) въ томъ, что онъ дѣйствуетъ на сердце, можетъ дать крайне тяжелый упадокъ силъ, дурно вліяетъ на почки и нервную систему. У дѣтей надо быть особенно осторожнымъ съ этимъ средствомъ.

Любимымъ средствомъ отъ кашля служатъ такъ называемыя Доверовы порошки. Въ составъ послѣднихъ входитъ рвотный корень и опій—одно изъ наркотическихъ веществъ, которыя вообще чрезвычайно сильно дѣйствуютъ на дѣтскій организмъ. Одна капля опійной настойки можетъ убить грудного ребенка!

Чувствительность дѣтей къ наркотическимъ средствамъ такъ велика, что въ медицинской практикѣ ребенку до 6 мѣсяцевъ не полагается прописывать *никакихъ наркотическихъ средствъ*. Это правило должно бы до извѣстной степени считаться аксіомой. Въ новѣйшее время много разъ отступали отъ этого практическаго правила и считали, что опасность отъ опія преувеличена или даже совсѣмъ нѣтъ никакой опасности. Однако извѣстны случаи смерти уже послѣ дозъ въ 0,0003—0,0006 *****)). Я знаю матерей, которыя даютъ своимъ груднымъ дѣтямъ Доверовъ порошокъ, не подозревая опасности, которой онѣ ихъ подвергаютъ. Но помимо этого опій

*) Гуфеландъ, Макробіотика.

**) Боткинъ, Клиническія лекціи «О тифахъ».

***) Россбогъ, Фармакологія, стр. 560.

****) Лезинъ, стр. 260.

*****) Линсвъ, Побочное дѣйствіе лѣкарствъ, стр. 276.

*****) Левинъ, стр. 60.

„Образованіе“ Отд. 1 №7—8.

имѣть дурное вліяніе на аппетитъ, желудокъ, ведетъ къ запорамъ, головнымъ болямъ и общей вялости.

Другою составною частью Доверова порошка является ипекакуана, употребляемая очень часто и въ видѣ микстуры при кашлѣ. Частое употребленіе внутрь даже маленькихъ дозъ вслѣдствіе мѣстнаго дѣйствія на слизистую оболочку желудка, вызываетъ потерю аппетита, даже эрозіи (ссадины) самой слизистой оболочки *).

О вредѣ бромистаго калия я уже говорила.

Надобно замѣтить, что вредное дѣйствіе лѣкарствъ обусловливается въ значительной степени индивидуальными особенностями лицъ, ихъ принимающихъ. То, что одинъ переноситъ безъ видимаго вреда, для другого уже явно вредно и даже можетъ быть смертельно. Особенности эти узнаются, къ сожалѣнію, только на опытъ.

Мнѣ кажется, что сказаннаго вполне достаточно, чтобы лица, смотряція на лѣкарства *только* какъ на средства полезныя, обратили хоть нѣкоторое вниманіе и на отрицательную ихъ сторону. Методы лѣченія ежедневно мѣняются, новыя лѣкарства, модныя средства то появляются, то исчезаютъ. Кто то сказалъ, что вѣрныхъ средствъ такъ мало, что ихъ можно всѣ записать на ногтѣ большого пальца. Если такъ, то мы спокойно можемъ отбросить массу лѣкарствъ, какъ совершенно ненужныя, если не желаемъ подвергать своихъ дѣтей простымъ экспериментамъ, послѣ которыхъ окажется, что «средство признано бесполезнымъ». Къ лѣкарствамъ позволительно прибѣгать только, тогда, *когда безъ нихъ обойтись нельзя*. Говоря о вредѣ лѣкарствъ, даваемыхъ ежеминутно, безъ строгаго разбора, безъ крайней необходимости я не могу не коснуться и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ такъ или иначе обнаруживается дѣйствіе на дѣтей тѣхъ же фармацевтическихъ средствъ, но употребляемыхъ съ другими не лѣчебными цѣлями.

Прежде всего мы съ этимъ сталкиваемся при мѣрахъ, употребляемыхъ для очищенія воздуха. Чистота воздуха является предметомъ особенныхъ заботъ, что совершенно основательно и понятно. Но къ сожалѣнію и здѣсь есть погрѣшности, ведущія скорѣе къ дурнымъ послѣдствіямъ, нежели къ ожидаемой пользѣ.

Чтобы очистить воздухъ въ комнатѣ, прибѣгаютъ къ различнымъ пульверизаціямъ — скипидаромъ, карболовымъ растворомъ, и проч. Думаютъ, что отъ скипидара воздухъ озонируется, микробы этимъ убиваются и онъ становится «чистымъ», а что карболовый растворъ прямо ихъ убиваетъ. На самомъ дѣлѣ убить микробовъ не такъ то легко какъ кажется. *Бактеріи вездѣ*. Мы ими окружены. Онѣ мелки и невидимы для глазъ. Ихъ міриады. Кто то сказалъ даже, «что укрыться намъ отъ бактерій такъ же трудно, какъ рыбѣ укрыться отъ сырости».

*) Левинъ, стр. 377.

Что касается скипидара, то хотя при распыленіи его и развѣивается искусственно озонъ, но «наука еще не даетъ намъ права рекомендовать озонъ, какъ дезинфецирующее средство въ цѣляхъ общественной гигиены *). Имъ можно дезинфецировать— и то подъ стекляннымъ колпакомъ—платье, бѣлье, и т. п. Но и этотъ скромный отзывъ о примѣнности озона къ дезинфекціи подлежитъ, можетъ быть, еще нѣкоторой модификаціи, такъ какъ совершенно неизвѣстно, какъ относятся къ этому завѣдомо болѣзнетворныя бактерии. Можетъ быть озонъ не только не убиваетъ ихъ, но даже оказываетъ на нихъ оживляющее дѣйствіе».

Вотъ слова профессора Эрисмана, которымъ нельзя не придавать значенія.

Распыленіе въ воздухѣ карболовой кислоты достигаетъ цѣли не больше, чѣмъ распыленіе скипидара. Чтобы убить бактерій (притомъ необыкновенно стойкихъ) необходимо *строго определенное количество* карболоваго раствора *определенной крепости*, дѣйствующее *извѣстное определенное* время на опять таки *извѣстное и определенное количество предметовъ*, которые хотятъ дезинфецировать. Само собою понятно, что количества раствора для *истинной* дезинфекціи жилого помѣщенія должны быть громадны и не имѣютъ ничего общаго съ тѣми ничтожными количествами, которыя пульверизируются въ комнатахъ и которыя даютъ только карболовый запахъ.

Я далека отъ мысли отрицать дезинфекцію. Она несомнѣнно принесла и приноситъ большую пользу въ извѣстныхъ случаяхъ, но *дезинфекція должна быть основательная*, и самый дѣйствительный изъ всѣхъ способовъ есть сожиганіе зараженныхъ вещей. Простая же пульверизація въ воздухѣ карболкой или скипидаромъ ведетъ только къ *порчѣ воздуха*, давая постороннія ненужныя ему примѣси, притупляя обоняніе и раздражая дыхательныя пути. Между тѣмъ въ обоняніи мы имѣемъ могучее средство для распознаванія качества воздуха и притупленіе этой способности прямо для организма не выгодно. Мнѣ случалось бывать въ дѣтскихъ, гдѣ отъ духоты и скипидара у свѣжаго человѣка занимало духъ. А бѣдныя дѣти спокойно играютъ въ подобной атмосферѣ! Такія дѣти конечно и понятія не имѣютъ о томъ, что значить не выносить спертаго воздуха, насыщеннаго посторонними запахами и рваться на чистый воздухъ, какъ это наблюдается у крестьянскихъ дѣтей. «Съ особенной силой неблагоприятное дѣйствіе испорченнаго воздуха жилыхъ помѣщеній обнаруживается на чувствительныхъ субъектахъ, привыкшихъ жить въ чистой атмосферѣ. Впечатлѣніе, производимое на нихъ внешнимъ дѣйствіемъ спертаго жилого воздуха, бываетъ до такой степени сильно, что они нерѣдко сразу чувствуютъ дурноту и впадаютъ въ обморочное состояніе. Со временемъ можно до нѣкоторой степени привыкнуть къ такому воздуху. Но эта аккли-

*) Эрисманъ, гигиена, т. I стр. 41.

матизація едва ли желательна и состоитъ обыкновенно лишь въ томъ, что даже сильно испорченный воздухъ не причиняетъ уже неприятныхъ ощущений и не вызываетъ острыхъ болѣзненныхъ явленій; хроническое же болѣзнетворное дѣйствіе подобнаго воздуха едва ли ослабѣваетъ отъ привычки къ нему и подтачиваетъ здоровье лицъ, вполне «акклиматизированныхъ» *).

Со времени открытія дезинфекціонныхъ свойствъ карболовой кислоты и нѣкоторыхъ другихъ веществъ, какъ напр., сулемы и пр. средства эти немедленно были примѣнены къ хирургіи, акушерству — всѣ раны промывались сулемой, всѣ полости тѣла дезинфицировались ею же. Но когда явился цѣлый рядъ случаевъ отравленія дезинфицирующими жидкостями, увлеченіе ими сразу ослабло. И что же? Теперь онѣ занимаютъ довольно ограниченное мѣсто: оказалось, что главную роль играли не онѣ, а педантичная чистота, обильное обмываніе. Теперь отварная вода, слабый растворъ поваренной соли во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ замѣняютъ жидкости, которыя были причиной не единичнаго смертельнаго отравленія. Желая убить бактерий—убивали людей, не зная того. Тоже увлеченіе дезинфекціей жилыхъ помѣщеній значительно уменьшилось. Многія средства, въ тѣхъ количествахъ, которыя могутъ привести къ цѣли, оказались вредными для самихъ обитателей и по всей вѣроятности не далеко то время, когда только простая чистота воздуха и всего жилья признаются за желательное и необходимое. Я не говорю конечно о помѣщеніи, въ которомъ находились опасные, особенно заразительные больные. Я говорю о простомъ жильѣ.

Говоря о порчѣ воздуха, необходимо упомянуть о *курении табаку*.

Меня часто поражало, что многія нѣжно любящія матери снисходительно смотрятъ на свою привычку курить табакъ и не покидаютъ ея не смотря на ея вредъ, указываемый далеко не голословно компетентными лицами. Въ лучшемъ случаѣ, если не курятъ въ дѣтской, рассчитываютъ, что табакъ не проникаетъ туда изъ другихъ комнатъ. Но во 1-хъ, дѣти очень часто бѣгаютъ и играютъ въ столовой, гостиной (чего при тѣснотѣ нашихъ квартиръ избѣгать невозможно) а во 2-хъ, табачный дымъ, какъ всякій другой, легко проникаетъ чрезъ щели дверей (тѣмъ болѣе, что двери далеко не всегда держатся взаперти) во всѣ комнаты, а значить и въ дѣтскую.

Некурящіе, у которыхъ обоняніе къ табаку *не притуплено*, всегда откроютъ запахъ табаку, его присутствіе тамъ, гдѣ курильщики его не слышатъ. Пребываніе въ табачной атмосферѣ до нѣкоторой степени равносильно куренію **). Курящія матери обыкновенно предполагаютъ, что табачный дымъ не вреденъ, а нѣкоторыя заходятъ такъ далеко, что считаютъ, что дымъ этотъ

*) Эрисманъ, Гигіена, т. I. стр. 448.

**) *Gélineau* Hygiène des gens nerveux, p. 30.

полезенъ, что онъ дезинфицируетъ, убиваетъ бактерій. Въ вѣчной погонѣ за убиваніемъ бактерій совершенно забываютъ, что для ребенка создается атмосфера для него тяжелая и вредная, изъ которой онъ *уйти не можетъ, даже еслибъ и желалъ*, потому что онъ малъ и слабъ. Всякій знаетъ, что есть много лицъ (особенно изъ дамъ), не привывшихъ къ табаку и не переносящихъ табачнаго дыма. *Но переносятъ ли его дѣти—объ этомъ ихъ не спрашиваютъ.* Если припомнить между тѣмъ крайнюю чувствительность дѣтей къ наркотическимъ средствамъ, то не станетъ удивительнымъ, что никотинъ, наркотическое начало табака, *долженъ имѣть несомнѣнно вредное вліяніе на дѣтей даже въ самыхъ малыхъ количествахъ.* Вотъ что говорится о никотинѣ въ фармакологіи Россбаха *). Никотинъ принадлежитъ къ числу сильнѣйшихъ ядовъ, и по отношенію къ малой величинѣ дозъ, потребныхъ для того, чтобы убить человѣка или животныхъ, приближается къ синильной кислотѣ (сильнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ ядовъ). Маленькія животныя, напр., птицы погибаютъ отъ вдыханія *несомнѣннѣ* количества никотина, испаряющихся съ капли никотина, которую у нихъ держатъ передъ ртомъ. При чувствительности дѣтей (которые конечно чувствительнѣе многихъ дамъ, не переносящихъ табакъ) къ наркотическимъ веществамъ, вредное вліяніе на нихъ табачнаго дыма не можетъ подлежать сомнѣнію. *Сомнѣваются въ этомъ только тѣ, которые сами курятъ.* Нервная система дѣтей поэтому подвергается непримѣтному дѣйствию никотина — дѣти систематически отравляются, не говоря уже о томъ, что ихъ обоняніе притупляется, утрачивая тонкую способность различать полезность или вредность атмосферы. Вообще *«обоняніе даетъ намъ чувствовать присутствіе въ атмосферномъ воздухѣ такихъ веществъ, которыя не могутъ быть открыты никакимъ реактивомъ»* **). Отъ дѣйствія табачнаго дыма страдаетъ не только тонкость обонянія, но и слизистыя оболочки глазъ и дыхательныхъ путей подвергаются постоянному раздраженію. Оставивъ въ сторонѣ вліяніе никотина, уже простой дымъ самъ по себѣ въ видѣ примѣси къ воздуху не желателенъ. Въ табачномъ дымѣ обнаружено присутствіе ціанистаго водорода, сѣроводорода, окиси углерода, болотнаго газа ***). Само собою понятно, что присутствіе всѣхъ этихъ вредныхъ газовъ въ воздухѣ нашихъ городскихъ квартиръ не можетъ быть дл дѣтей желательнымъ. Что сказали бы мы, еслибъ кто нибудь вздумалъ постоянно жечь въ комнатѣ кусочки бумаги и ваты? На это вознегодовали бы и сами курильщики, такъ какъ это портитъ воздухъ. Но о куреніи они иного мнѣнія.

Но могутъ предложить вопросъ: почему табакъ я подвергаю такому остракизму, когда вопросъ о вредѣ его еще не разрѣшенъ?

*) Россбахъ, фармакологія, стр. 674.

***) Вани, физиологія, т. I, стр. 654.

***) Россбахъ, фармакологія, стр. 679.

Но развѣ для тѣхъ матерей, которыя заботу о здоровьи своихъ дѣтей ставятъ на первомъ планѣ, мало тѣхъ вѣскихъ доводовъ противъ куренія, приводимыхъ людьми солидными и не голословно, чтобы отказаться отъ своей привычки? Неужели надо ждать вреда видимаго и осязаемаго? Въ нашъ нервный вѣкъ не мѣшаетъ серьезно объ этомъ подумать. Лишать дѣтей той чистоты воздуха, которую мы съ трудомъ можемъ поддерживать въ городской квартирѣ, насыщать его по меньшей мѣрѣ ненужными для дыханія газами—есть, по нашему мнѣнью, непросительный грѣхъ. *Матери*, пребывающія дома въ постоянномъ общеніи съ дѣтьми, *курить не должны*.

Очень возможно, что, проглядѣвши все сказанное мною выше, читатель придетъ къ выводу, что я проповѣдую безотрадныя вещи. Не лѣзть, не вмѣшиваться, предоставить все естественному теченію—развѣ все это не безотраднo? Развѣ этимъ не разбиваются надежды на помощь тамъ, гдѣ является опасность потерять дорогое существо? Неужели тогда бездѣйствовать и сидѣть сложа руки? Нѣтъ, мои взгляды не подразумеваютъ бездѣйствія и не отрицаютъ надежды. Я постараюсь далѣе яснѣе развить свои мысли и убѣждена, что вѣра и надежда, направленные туда, куда слѣдуетъ и на то, на что нужно и теперь позабыто, должны придать намъ бодрости духа и не вести къ бездѣйствію. Здѣсь я желала бы только оградить отъ односторонностей и крайностей, въ которыя такъ легко впадаетъ человѣкъ, особенно когда тревога охватываетъ его душу, и показать предѣлы искусства сравнительно съ могучими и безпредѣльными силами природы, которую мы забываемъ въ нашей искусственно сложившейся жизни.

Болѣзни неизбежны — съ этой мыслью надо примириться. Искусствомъ, правда, удастся до нѣкоторой степени ограждать себя отъ болѣзней, но только *до нѣкоторой степени*, за которой остается и всегда останется еще много мѣста для покорности и сознанія неизбежности. Безъ этого мы рискуемъ надѣлать еще больше зла. Надо разстаться съ мыслью, что лѣкарствами можно все вылѣчить, «оборвать» всякую болѣзнь. Медицина, правда, представляетъ силу, но однако и въ самыхъ лучшихъ рукахъ она бессильна, чѣмъ это кажется съ перваго разу. Медицину должно уважать, но не благоговѣть передъ ней. Есть *нѣчто другое*, на что надо надѣяться и что сторицей искупааетъ разбиваемыя нами иллюзіи.

Это *нѣчто*—есть дивное строеніе самого человѣческаго организма или, лучше сказать, тѣ дивныя приспособленія живыхъ существъ, посредствомъ которыхъ они *избѣгаютъ* заболѣваній и борются съ ними, разъ они появились. Искусство временно и перемѣнчиво, а силы организма и планъ организациі его частица вѣчности. Въ этомъ взглядѣ много утѣшительнаго. Надо твердо вѣрить и надѣяться, что *болѣзнь пройдетъ*, потому что организмъ является на свѣтъ для жизни, онъ *долженъ жить* великими мощной и таинственной природы, изъ нѣдръ которой онъ вызванъ.

Сама природа за насъ! Она щедрою рукою надѣлила живыя существа всѣми приспособленіями для сохраненія собственной жизни и здоровья. Если организмъ не старъ—онъ *долженъ* жить, онъ *долженъ* побороть болѣзнь. Вѣра и убѣжденіе въ возможность исцѣленія есть уже шагъ къ выздоровленію. Всякій знаетъ, какъ дурно протекаетъ болѣзнь, когда человѣкъ падаетъ духомъ и какой благопріятный поворотъ она принимаетъ, когда у больного возрождается надежда.

Организмъ не безпомощенъ. Гдѣ кроются силы его — это мы рассмотримъ ниже. Скажемъ только пока, что за бактеріями, дезинфекціей и лѣкарствами — мы совсѣмъ забыли объ этихъ дивныхъ силахъ и приспособленіяхъ самого организма. Не въ мѣру желая помогать и вмѣшиваться, мы нерѣдко собственными руками разбиваемъ то, надъ чѣмъ природа работала цѣлую вѣчность.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы совсѣмъ иначе будемъ относиться и къ болѣзни. Сознаніе неизбѣжности болѣзней должно примирить насъ съ ихъ появленіемъ и позволить покорнѣе переносить ихъ. Это полезнѣе и для больного и для окружающихъ. А твердое убѣжденіе, что въ самомъ организмѣ даны всѣ условія и приспособленія для выздоровленія и жизни не позволятъ впадать намъ въ отчаяніе. Вѣчное и неизблжимое сильнѣе всякаго искусства. Это мы наблюдаемъ въ явленіяхъ природы и въ самомъ человѣкѣ.

Мнѣ невольно припоминается слѣд. случай:

Лѣтомъ 1892 года мнѣ довелось въ іюнь мѣсяцѣ быть въ глухой деревнѣ одного изъ глухихъ уѣздовъ Самарской губерніи. Это было во время голода. Жара и засуха стояли неимоверныя. О дождѣ молили, но его не было. И вотъ однажды, идя по главной улицѣ села, я замѣтила массу сѣрыхъ гусеницъ, ползущихъ въ одномъ направленіи. Присмотрѣвшись, я увидѣла, что вся улица занята гусеницами. Я повернула на другую улицу, въ переулокъ—и тамъ все двигались гусеницы сплошною массою по одному направленію. Это было цѣлое нашествіе. Такое явленіе мнѣ довелось видѣть въ первый разъ. Оно было поразительно. Проходя мимо дома священника, имѣвшего порядочный фруктовый садикъ, (лѣсъ и деревья вообще въ этой мѣстности крайне рѣдки) я увидѣла его самого въ саду. Красный, весь въ поту, онъ снималъ съ деревьевъ гусеницъ и ожесточенно давилъ ихъ. Въ этой работѣ ему помогали всѣ домашніе и дѣти. Замѣтивъ меня, священникъ, едва отвѣчая на поклонъ и продолжая свою работу, вскричалъ: «гусеница одолѣла! Бѣда теперь, она послѣднюю зеленъ поѣстъ. Если дождя не будетъ—все пропадетъ». Но къ вечеру небо потемнѣло, поднялся вѣтеръ и разразилась гроза съ дождемъ, котораго давно уже ожидали. На другое утро нигдѣ не было видно ни одной гусеницы. Правда священникъ не принялъ ранѣе тѣхъ мѣръ, которыя даетъ искусство для борьбы съ гусеницей. Но никакое искусство не могло бы сдѣлать того, что такъ быстро, однимъ мощнымъ взмахомъ сдѣлала при-

рода! Появленіе и исчезновеніе гусеницъ имѣеть полную аналогію съ появленіемъ и исчезновеніемъ бактерій. Метеорологическія условія имѣють несомнѣнное вліяніе на послѣднихъ, но условія эти еще недостаточно изучены. Если борьба съ гусеницами — существами видимыми — для насъ трудна, то что же можно сказать про борьбу съ бактеріями, невидимыми для глаза, неисчислимыми, насыщающими воздухъ, воду и почву, обладающими необыкновенной силой противодѣйствія и страшной способностью размноженія?! Опять таки мы не говоримъ здѣсь о *строго научной* борьбѣ, дающей нѣкоторые несомнѣнные результаты, но о повседневной, *милой* борьбѣ, на которую полагаеть свои надежды публика. Не лучше ли поменьше думать о борьбѣ съ подобными почти непобѣдимыми врагами, а обратить все свое вниманіе, всѣ усилія на повышеніе силъ организма, при которыхъ бактеріи ему не страшны?

Это не значить, что мы должны пренебрегать искусственными мѣрами для огражденія своего здоровья, но не надо думать, что въ нихъ заключается *все спасеніе*, что это есть самое главное, за которымъ ничего другого уже нѣтъ. За искусствомъ стоитъ еще сама природа, съ которой нельзя не считаться.

Возвращаясь къ гусеницамъ, намъ хотѣлось бы отмѣтить еще одно въ высшей степени интересное явленіе. Не поразителенъ-ли самъ фактъ путешествія гусеницъ на зелень? Природный *инстинктъ*, и только онъ одинъ, ведетъ ихъ чрезъ огромныя пространства къ цѣли, ведетъ и не ошибается. Инстинкты присущи всякому живому существу, ими одаренъ и человѣкъ, но въ нашей жизни, полной искусственности, *мы ихъ забываемъ*, мы ихъ почти не знаемъ и не придаемъ имъ никакого значенія. «Животныя слушаются предупрежденій инстинкта — человѣкъ же въ ущербъ своему здоровью стремится передѣлать природу и путемъ привычки постепенно возводитъ въ потребность то, что вначалѣ вызывало у него отвращеніе» *). Есть множество людей, которые презрительно улыбнутся на предположеніе, что въ жизни сознательно живущихъ людей инстинктъ *можетъ* играть какую бы то ни было роль. Они готовы даже совсѣмъ отбросить его, какъ не совмѣстное съ достоинствомъ человѣка, всюду вносящаго свѣтъ своего разума. Тѣмъ не менѣе, это есть сила, которая безъ вѣдома нашего нерѣдко распоряжается нашими здоровьемъ и жизнью. Игнорировать ее мы не въ правѣ. Мы должны, въ своихъ же интересахъ, оберегать ее, чтобы она, въ свою очередь, оберегала насъ.

Въ явленіяхъ природы, не замаскированныхъ искусствомъ, мы находимъ поразительные примѣры силы инстинкта. Но ихъ достаточно и въ человѣческой жизни. Что заставляетъ насъ стремиться изъ атмосферы, насыщенной вредными газами? Что по-

*) J. Froelich, Das natürliche Zweckmässigkeitsprinzip in seiner Bedeutung für Krankheit und Heilung. 1894, стр. 3.

буждаетъ насъ съ отвращеніемъ отворачиваться отъ гнилой пищи? Конечно, *не сознаете*, что намъ вредны извѣстные газы или птомаины, развивающіеся при гніеніи органическихъ веществъ! А многочисленныя примѣры *инстинкта самосохраненія* развѣ не достаточно показываютъ намъ, что въ насъ есть *нѣчто*, охраняющее и оберегающее насъ помимо нашей воли. «Смыканіе вѣкъ предохраняетъ нѣжную сѣтчатку глаза отъ слишкомъ рѣзкаго свѣта, органъ слуха, благодаря своей связи съ полостью рта, имѣетъ защиту отъ слишкомъ рѣзкихъ звуковъ, посредствомъ спазма гортанной щели организмъ защищается отъ ядовитыхъ газовъ, рвотой—отъ нѣкоторыхъ ядовъ, наконецъ, въ кожѣ мы имѣемъ органъ, который, — оставляя въ сторонѣ другія важныя назначенія его,—выравниваетъ и дѣлаетъ для насъ безвредными колебанія температуры и влажности воздуха» *). Мы не имѣемъ права игнорировать этихъ инстинктовъ и средствъ приспособленія или, что еще хуже, извращать и пригуплять ихъ мѣрами, имѣющими временную и преходящую цѣну. Развиваемый здѣсь взглядъ можетъ дать массу практически полезныхъ результатовъ. Мы прежде всего должны* будемъ уменьшить свою неумѣренную охоту лѣчить и будемъ прибѣгать къ врачу только въ случаяхъ серьезныхъ. Мы не будемъ вливать въ ротъ беззащитнаго ребенка массы лѣкарствъ, безъ которыхъ отлично можно обойтись, а ограничимся мѣропріятіями гигиеническаго характера, отнюдь не вредными. Обративъ вниманіе на силы самого организма и способность его къ приспособленію, мы будемъ заботиться гораздо болѣе о развитіи и сохраненіи этихъ силъ. Мы будемъ стремиться всѣчески увеличить силу противодѣйствія самого организма, при которой ему нечего бояться ежеминутно бактерій, будемъ поддерживать въ немъ вѣру въ собственныя силы, что дастъ ему спокойствіе духа и бодрость, а слѣдовательно и меньшую восприимчивость къ болѣзнямъ. Что самочувствіе имѣетъ огромное значеніе при появленіи болѣзни—это фактъ неоспоримый.

Вернемся же теперь къ приспособленіямъ и силамъ организма и посмотримъ, вкратцѣ, въ чемъ они состоятъ.

Начнемъ съ того, что благодаря зрѣнію и слуху, живое существо избѣгаетъ извѣстныхъ опасностей. Вкусъ позволяетъ ему различать полезную и вредную пищу, а обоняніе—вредность извѣстной атмосферы. Слухъ и зрѣніе, вполне основательно, принято улучшать и совершенствовать. На ихъ показанія привыкли полагаться какъ на нѣчто незыблемое. «Я своими глазами видѣлъ», часто является самымъ лучшимъ и неотразимымъ доводомъ въ сомнительныхъ случаяхъ. Съ обоняніемъ и вкусомъ совѣмъ иначе. На первое не обращается никакого вниманія, за вторымъ признается его способность различать пріятное отъ непріятнаго — и только. На самомъ же дѣлѣ и эти органы чувствъ должны были

*) *Froehlich*, стр. 3.

бы изопрятаться и во всякомъ случаѣ къ ихъ голосу слѣдовало бы больше прислушиваться, нежели это дѣлается теперь.

Надобно избѣгать всего, что притупляетъ обоняніе. Мы уже видѣли выше, какой аппаратъ поразительной тонкости мы имѣемъ въ этомъ органѣ. Самое лучшее средство для охраненія послѣдняго отъ порчи есть простое пребываніе въ чистомъ воздухѣ. Лице съ притупленнымъ обоняніемъ рискуетъ угорѣть въ той атмосферѣ, изъ которой давно ушелъ бы человѣкъ со здоровой способностью обонять. Съ этой точки зрѣнія всякія покуриванья, обрызгиванья карболкой, скипидаромъ, куреніе табаку и пребываніе въ табачной атмосферѣ рѣшительно вредны.

Вкусъ позволяетъ не только различать пріятное отъ непріятнаго, но даже прямо предостерегаетъ насъ отъ вреднаго — отъ испорченной несвѣжей пищи и проч. Но кромѣ того, онъ прямо высказываетъ намъ потребности самого организма. *Здоровый* вкусъ требуетъ того, что необходимо и полезно организму, что хорошо имъ переносится, и только вкусъ извращенный и ослабленный сбиваетъ насъ съ толку. Но даже и вкусъ больного человѣка имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели это принято думать. Есть люди, которые ѣдятъ мѣлъ. Оказывается, что организмъ ихъ требуетъ известковыхъ солей. Другіе ѣдятъ уголь, и большинство изъ нихъ страдаетъ отрыжкой и газами желудка, поглощающимися именно углемъ. Любители сладкаго обыкновенно страдаютъ запорами — сахаръ предохраняетъ задержанное содержимое кишекъ отъ гніенія. Знаменитый французскій клиницистъ Труссо считаетъ необходимымъ прислушиваться къ голосу больныхъ при назначеніи имъ діеты. Свѣдѣнія, добытыя ихъ личнымъ опытомъ, кладутся въ основу послѣдней, различныя же теоретическія соображенія и проч. группируются вокругъ. Конечно, здѣсь далеко не одинъ вкусъ, но самъ организмъ, желудокъ, кишки даютъ свои бессознательныя указанія. Однако, это не значитъ, что всякій больной можетъ ѣсть то, что ему нравится. Есть виды пищи, которые безусловно вредны при извѣстныхъ болѣзняхъ. Но все же при запрещеніи подобной пищи надо отдавать большее предпочтеніе голосу организма, нежели собственнымъ теоретическимъ соображеніямъ. Примѣровъ, въ которыхъ вкусъ является инстинктомъ, вѣрно указывающимъ данную потребность организма, можно найти множество.

Практическій выводъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ сдѣлать тотъ, что нужно дорожить вкусомъ, а не извращать его. Дѣлать это не трудно, держась самой простой, здоровой пищи — молока, яицъ, хлѣба, простыхъ мясныхъ и мучнистыхъ блюдъ. Всѣ пріятности, вино, чай, кофе, шоколадъ дѣлаютъ вкусъ болѣе изысканнымъ, но кромѣ того, они раздражаютъ желудокъ и имѣютъ общее возбуждающее дѣйствіе. Дѣтямъ они поэтому совершенно излишни со всѣхъ точекъ зрѣнія. Дѣти любятъ сладкое, и этотъ фактъ самъ по себѣ показываетъ, что ихъ организмъ этого требуетъ. Но однако нельзя преувеличенно смотрѣть на эту потреб-

ность: дѣтскій вкусъ еще не вполне развитъ и не можетъ давать такихъ точныхъ указаній, какъ вкусъ взрослога. Притомъ, дѣти легко поддаются постороннему вліянію, склонны къ подражанію. Нельзя поэтому безпредѣльно удовлетворять требованіе дѣтей на сладкое и неконтрольно довѣряться дѣтскому вкусу. Прежде всего здѣсь нужна извѣстная умѣренность и простота—какое-нибудь яблоко, ложка варенья, леденецъ — совершенно достаточны для неизбалованнаго ребенка: они доставляютъ ему и удовольствіе и удовлетворяютъ существующую потребность. При анализѣ дѣтскаго вкуса не надо никогда упускать изъ виду того, что опытъ и наблюденіе въ этомъ направленіи должны производиться *незаметно* для дѣтей. Сознаніе ребенка, что на его особу, его вкусы и проч. обращено особое вниманіе, воспитываютъ въ немъ себялюбіе.

Переходимъ отъ органовъ чувствъ къ другимъ приспособленіямъ живого существа, даннымъ ему для охраненія своего здоровья и равновѣсія. Одно изъ самыхъ изумительныхъ изъ нихъ есть способность организма приспособляться къ колебаніямъ температуры, къ теплу и холоду. Если организмъ попадаетъ въ холодную среду, онъ извѣстнымъ приспособленіемъ сейчасъ же *разриваетъ* въ себѣ усиленно тепло, чтобы тѣло его не остыло. Если организмъ попадаетъ въ жаркое мѣсто — онъ охлаждаетъ себя испариной и вырабатываетъ меньше тепла. Конечно, во всемъ существуютъ извѣстные предѣлы, дальше которыхъ организмъ идти не можетъ.

Если организмъ боленъ, то не меньшими приспособленіями онъ борется съ болѣзью. Высокая температура при заразныхъ болѣзняхъ есть, какъ уже упомянуто выше, противодѣйствіе организма противъ внѣдрившихся въ него бактерій. Ею онъ избавляется отъ нихъ. Съ этой точки зрѣнія всѣ жаропонижающія средства не только излишни, но даже вредны. Новѣйшія наблюденія (Мечниковъ) открыли въ человѣческой крови новыхъ борцовъ за здоровье: бѣлыя кровяныя тѣльца способны поглощать бактерій и такимъ образомъ уничтожать ихъ, разъ они попали въ тѣло человѣка. Если, на примѣръ, человѣкъ укушенъ змѣей, загрязнилъ и заразилъ себѣ какую либо ранку—тотчасъ же у него, по содѣйствію съ заболѣвшимъ мѣстомъ, опухаютъ лимфатическія железы—онѣ набухаютъ, задерживая въ себѣ заразное начало — затѣмъ нагнаиваются: образуется нарывъ, который вскрывается, и заразное начало удаляется изъ тѣла вмѣстѣ съ гноемъ. Такимъ образомъ организмъ охраняется отъ общаго зараженія. Такую же способность, какъ и лимфатическія железы, задерживать ядовитыя и вредныя вещества, имѣетъ и печень: она, какъ бы сказать, фильтруетъ чрезъ себя тѣ соки, которые вырабатываются въ пищеварительномъ каналѣ и не всегда бываютъ безвредны. Коснувшись силъ и приспособленій, находящихся въ организмѣ для борьбы съ болѣзью, я надѣюсь, что мнѣ удалось вызвать въ читателѣ хоть нѣкоторое убѣжденіе въ томъ, что даже больной

человѣкъ не такъ безпомощенъ, какъ оно кажется, и что исходъ болѣзни прежде всего зависитъ отъ скрытой въ немъ самой борьбы. Поддержатъ и развить силы, данныя въ большей или меньшей степени каждому человѣку, есть первая и главная наша задача. Знакомство съ этими силами еще далеко не полно. Чуть не ежедневно знанія обогащаются новыми сокровищами въ этомъ направленіи: открываются все новыя изумительныя приспособленія, показывающія поразительную цѣлесообразность въ строеніи организма, цѣлесообразность, имѣющую цѣлью сохраненіе жизненнаго равновѣсія и здоровья. А на-ряду съ этимъ тоже появляются, но быстро и безслѣдно исчезаютъ новыя средства, новыя лечебныя методы. Достаточно припомнить хотя бы одни Коховскія впрыскиванія при чахоткѣ! Сколько шуму они надѣлали, но какъ быстро они пали. При такой параллели невольно приходишь къ заключенію, что не въ лѣкарствахъ надо искать спасенія, а въ силахъ самого организма. Необходимо поставить организмъ въ такія условія, при которыхъ силы его развивались и крѣпли бы безъ стѣсненія и помѣхи, гдѣ было бы поменьше искусственнаго и часто сомнительнаго вмѣшательства съ нашей стороны, нѣрѣдко затемняющаго и маскирующаго естественныя проявленія. Говоря объ этихъ условіяхъ, необходимо воснуться режима, который съ этой точки зрѣнія необходимъ для *здоровыхъ* дѣтей. Мы нарочно подчеркиваемъ *здоровыхъ*, потому что больной организмъ требуетъ часто иныхъ условій, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто. Всѣ дѣти, страдающія вообще какой либо хронической болѣзnią, нами оставляются въ сторонѣ. Мы говоримъ здѣсь о дѣтяхъ здоровыхъ, переносящихъ конечно массу мелкихъ простудъ и всякихъ дѣтскихъ болѣзней, но все же остающихся въ остальное время здоровыми.

Много было говорено и писано о режимѣ, необходимомъ дѣтямъ, но конечно вопросъ этотъ далеко не исчерпанъ. Можно многое еще сказать и многое будетъ еще говориться по этому поводу, многое измѣнится. Вотъ почему нельзя смотрѣть на даваемые совѣты и предписанія какъ на нѣчто окончательное и абсолютное.

Условія жизни ребенка должны быть здоровы и просты. Чистый воздухъ ему необходимъ прежде всего. Оставивъ въ сторонѣ всѣ сомнительныя способы очищенія воздуха, самый простой и разумный способъ поддерживать чистый воздухъ въ комнатѣ есть вентиляція. Такимъ путемъ внѣшній воздухъ, чище котораго мы въ комнатѣ искусственно никакъ не получимъ, будетъ поступать въ жилое помещеніе. Удобный и простой способъ вентиляціи состоитъ въ продолжительномъ легкомъ подтапливаніи печи и въ долгомъ незакрываніи трубы. Испорченный воздухъ вытягивается въ печь, а въ замѣнъ его чрезъ оконныя рамы, щели, форточки поступаетъ наружный наружный воздухъ. Если еще къ этому присоединить открываніе форточекъ по нѣсколько разъ въ день, то это и будетъ самое лучшее и простое, что можно сдѣлать для

чистоты воздуха. Однако нельзя всё надежды свои полагать и на вентиляцію; надо препятствовать порчѣ воздуха. «Заботы о чистотѣ комнатнаго воздуха должны прежде всего сосредоточиваться не на вентиляціи, говоритъ проф. Эрисманъ*), т. е. не на возобновленіи испорченнаго уже воздуха, а на такихъ мѣрахъ, которыя не допускали бы порчи его. Окружающую насъ атмосферу слѣдуетъ по возможности избавлять отъ всѣхъ тѣхъ постороннихъ примѣсей, которыя могли бы обижать наше эстетическое чувство, раздражать нашу нервную систему или производить какое нибудь острое или хроническое отравленіе нашего организма. Вентиляція можетъ принести надлежащую пользу только тогда, когда мы не злоупотребляемъ ею, а пользуемся ею разумно и лишь для устраненія такъ называемой «неизбѣжной» порчи комнатнаго воздуха, т. е. той порчи его, которую невозможно предотвратить потому, что она слишкомъ тѣсно связана съ присутствіемъ и жизненнымъ процессомъ самихъ обывателей. Подобныхъ процессовъ слишкомъ достаточно, а поэтому всё искусственно производимыя примѣси не должны быть терпимы.

Затѣмъ необходимо какъ можно чаще и дольше держать дѣтей на свѣжемъ воздухѣ.

Прогулки, игра и движеніе на воздухѣ должны быть обязательны. Ихъ нельзя приносить въ жертву различнымъ страхамъ и опасеніямъ болѣзней. Они необходимы дѣтямъ именно для усиленія ихъ самозащиты. Организация прогулокъ и игръ на свѣжемъ воздухѣ для дѣтей должна была стать насущной заботой учебныхъ заведеній. Не надо бояться и дурной погоды и приучать ребенка къ дождю и вѣтру. Мысль эта конечно не нова, и многія разумныя матери стараются приучать своихъ дѣтей гулять во всякую погоду. Но здѣсь намъ хотѣлось бы еще рѣзче отмѣтить вліяніе переменъ погоды на человѣка, отмѣтить *прямую пользу* ихъ. Привычка къ различнымъ переменамъ погоды не можетъ разсматриваться только какъ помогающая *избѣгать вредъ* этихъ колебаній, но привычка эта позволяетъ намъ пользоваться и *благодѣтельной стороной* этихъ переменъ. Различныя переменны погоды съ грозами, дождемъ, вѣтромъ, переходами отъ тепла къ холоду—производятъ на человѣчскій организмъ известное необходимое полезное дѣйствіе. Они возбуждаютъ дыханіе, сердцебіеніе, нервную систему и тѣмъ способствуютъ наилучшему обмѣну веществъ, развитію той пластичности и свѣжести, которыя свойственны здоровью и хорошему самочувствію**). Жизнь, которая главнымъ образомъ проводится въ комнатѣ, не есть физиологически нормальная жизнь; послѣдствія подобной жизни всегда плачевны. Наоборотъ, самыхъ крѣпкихъ и здоровыхъ людей мы встрѣчаемъ чаще всего среди такихъ, которые имѣютъ заня-

*) Эрисманъ, гигиена, т. I, стр. 444.

***) Magelssen, Ueber die Abhängigkeit der Krankheiten von der Witterung стр. 10.

тія на открытомъ воздухѣ и привычку къ переměнамъ погоды. Подходящее ежедневное движеніе на свѣжемъ воздухѣ при различныхъ переměнахъ погоды и при различныхъ временахъ года могло бы приучать организмъ къ противостоянію ихъ вреднымъ вліяніямъ и воспріятію ихъ полезныхъ дѣйствій. Мы далеки конечно отъ мысли совѣтывать «закаливаніе» организма въ томъ неразумномъ смыслѣ, какъ это практикуется нѣкоторыми воспитателями. Но все же закаливаніе во всякомъ случаѣ лучше изнѣживанья, когда ребенка почти все время держать въ комнатѣ, боясь простуды, выводить гулять только въ хорошую погоду и непомѣрно кутаютъ и дома и на улицѣ. Такой ребенокъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра рискуеть простудиться и конечно не перенесетъ дурной погоды, еслибъ случайно она его застигла.

Приучать ребенка къ воздуху необходимо разумно и осторожно.

Намъ могутъ возразить на это, что «разумно и осторожно» легко говорить, но не легко выполнить. Совершенно вѣрно, что выполнить все это трудно, такъ же трудно, какъ «жизнь прожить». Какъ найти ту средину, при которой не выходило бы вреда и пересола? Задача трудна и требуетъ много вниманія, умѣнья наблюдать и разбираться въ своихъ наблюденіяхъ, дѣлать изъ нихъ выводы и, сообразуясь съ требованіями науки, примѣнять ихъ на дѣлѣ! Сердце матери подчасъ должно больно болѣть при видѣ плодовъ своего незнаья и неумѣнья!

Что касается жизненнаго режима ребенка, то онъ по возможности долженъ приближаться къ природнымъ условіямъ жизни. Онъ долженъ быть простъ и суровъ.

Жизнь человѣка нашего круга такъ искусственна, что нужно гораздо чаще обращать вниманіе на природу и условія ея жизни, чтобы не впадать въ чрезмѣрную искусственность. Природа должна быть единственнымъ великимъ образцомъ для человѣка.

Помимо чистоты воздуха нужно тщательно заботиться и о чистотѣ помѣщенія, бѣлья, одежды и всего окружающаго ребенка. Одежда при отсутствіи надлежащей опрятности, становится немаловажнымъ источникомъ порчи воздуха въ жилыхъ помѣщеніяхъ *). Такимъ образомъ чистота ея необходима съ двойной точки зрѣнія. Ребенокъ маленький, легко пачкающійся, долженъ ежедневно надѣвать свѣжее бѣлье. Дѣти старшаго возраста могутъ дѣлать это рѣже, но и для нихъ частая смѣна бѣлья необходима: испарина, выдѣленія тѣла, ненужныя и вредныя для здоровья, удаляются такимъ путемъ и позволяютъ поддерживать необходимую чистоту. Платье дѣтей должно быть безусловно просто, свободно и удобно для мытья. Зимой для этого должны употребляться довольно плотныя шерстяныя ткани, лѣтомъ—бумажныя. Ребенокъ больше теряетъ тепла, легче забнетъ, а поэтому водить его зимою въ ситцевыхъ платьицахъ, какъ это

*) Эрисманъ, гигиена, т. I, стр. 452.

нерѣдко приходится видѣть, въ то время, когда взрослые, менѣе зябкіе, одѣты въ шерстяныя ткани, не цѣлесообразно.

Въ пищу должна соблюдаться безусловная простота. Приемъ пищи долженъ происходить въ строго опредѣленные часы. Подобная правильность способствуетъ и правильности отправленій организма, а слѣдовательно сохраненію силъ и здоровья. Самая питательная пища должна приниматься ближе къ полуденнымъ часамъ, чтобы организмъ запасся питаніемъ на необходимыя ежедневныя работы и занятія. Крайне нецѣлесообразенъ и вреденъ обычай, установившійся въ столицахъ обѣдать поздно, въ 6—7 часовъ. Для дѣтей это въ высшей степени вредно. Дѣти, посѣщающія гимназію, особенно сильно страдаютъ отъ этого, такъ какъ лишаются сытнаго домашняго завтрака тамъ, гдѣ онъ существуетъ. Самыя неприятныя и трудныя часы ученія ребенокъ продѣлываетъ при недостаточномъ питаніи. Утромъ, спѣша въ гимназію, онъ наскоро выпиваетъ дома чашку чая и уноситъ съ собою какую-нибудь закуску. На такой сухоматѣй онъ проводитъ свои главные учебныя часы и кое-какъ утоляетъ этимъ свой голодъ въ полдень—время, когда у здоровыхъ дѣтей аппетитъ разигрывается всего сильнѣе. Возвращаясь домой, ребенокъ уже «перетерпѣлъ» и ѣсть почти не хочетъ, а если хочетъ, то пьетъ чай, жуетъ булку, дожидаясь обѣденнаго часа. Такое питаніе безусловно вредно, и при существующей заботѣ о переутомленіи учащихъ на это обстоятельство слѣдовало бы обратить *особенное вниманіе*. Родители должны были бы настаивать на томъ, чтобы ихъ дѣти имѣли горячій и питательный завтракъ въ полдень. Въ Швейцаріи напр. находятъ возможнымъ закрывать не только школы, но даже магазины и лавки, отъ 12 до 2-хъ часовъ дня, въ обѣденное время. Обратившись къ болѣе естественнымъ условіямъ жизни, напр. къ жизни простолюдина, мы увидимъ режимъ гораздо болѣе цѣлесообразный. Крестьяне, вставши рано утромъ, завтракаютъ, а затѣмъ въ 12 часовъ обѣдаютъ. Такимъ образомъ, главный трудъ ихъ совпадаетъ съ главнымъ приемомъ пищи. За этимъ всѣмъ не надо забывать, что нѣтъ такого явленія, которое не дѣйствовало бы на дѣтей воспитательно—въ хорошую или дурную сторону. Вотъ почему, прибѣгая къ тѣмъ или инымъ гигиеническимъ и прочимъ мѣрамъ, никогда нельзя упускать изъ виду эту сторону дѣла. Поэтому и я, касаясь вопросовъ гигиеническихъ и медицинскихъ, принуждена была, какъ я уже указала выше, затронуть вопросы воспитанія. Каждое правило и каждое мѣропріятіе должно поэтому примѣняться къ дѣтямъ съ двойною осторожностью. Это относится напр. къ порядку во время обѣденнаго часа. За ѣдой дѣти должны быть болѣе дисциплинированы, нежели это дѣлается въ домахъ, гдѣ дѣтей «не стѣсняютъ». Отсутствие дисциплины, неумѣнье сдерживаться и обуздывать себя есть уже первый шагъ къ такъ называемой нервности, которая даетъ поводъ къ лѣченію. Между тѣмъ, понятіе «нервности» весьма растяжимо. Ребенокъ, который дрожить

и плачетъ при видѣ пирожнаго или начинаетъ ревѣть, если ему не скоро подана тарелка съ кушаньемъ, можетъ одними считаться за нервнаго, другими—за дурно воспитаннаго. У мусульманъ существуетъ прекрасный обычай заставлять дѣтей во время обѣда прислуживать старшимъ, а затѣмъ уже ѣсть самимъ. Это подавляетъ жадность и развиваетъ самообладаніе. Съ этой цѣлью никогда не слѣдовало бы дѣтямъ первымъ класть кушанье: они должны ждать старшихъ. Въ такихъ простыхъ мѣрахъ кроется иногда гораздо больше пользы, нежели вреда отъ нѣсколько позже удовлетвореннаго аппетита. Развитие самообладанія—вотъ истинная и почти единственная мѣра, ведущая въ дѣтскомъ возрастѣ къ цѣли, противъ развитія современной нервозности, доведенной у дѣтей до непереносимыхъ размѣровъ.

Вкусъ ребенка не долженъ оставаться безъ вниманія и наблюденія, но не надо забывать, что вкусъ ребенка *еще развивается*, и потому его легко извратить и не всегда легко понять. Не странно ли, когда здоровый ребенокъ проситъ «еще пить воды», ему вдругъ мать говоритъ: «довольно, много пить вредно». Почему? На какомъ основаніи? Или когда ребенокъ проситъ сырой воды, ему дадутъ отварную, которая ему противна, говоря, что «сырая вредна». Что одному вредно, другому можетъ быть полезно.

Принимаемая пища не должна быть чрезъ чуръ горяча. Ребенокъ долженъ привыкнуть любить тепловатую и остуженную пищу. Горячая пища чрезвычайно вредна для зубовъ и желудка, не говоря уже о томъ, что она способствуетъ появленію простуды. Отъ горячей пищи трескается эмаль на зубахъ, а затѣмъ кислоты, образующіяся во рту отъ остатковъ пищи и броженія, разъѣдаютъ и разрушаютъ зубное вещество. Хлѣбъ, молоко, яйца, мясо—вотъ виды пищи, которые ребенокъ долженъ ѣсть и любить. Простая пища здорова и, кромѣ того, безъ труда получается вездѣ. Подростающій ребенокъ, у котораго пищеварительные органы уже до нѣкоторой степени окрѣпли, не долженъ съ преувеличенной боязнью охраняться отъ сколько-нибудь тяжелой пищи. Извѣстное упражненіе пищеварительныхъ органовъ, «тренировка» въ этомъ направленіи можетъ даже быть весьма полезной. Ребенокъ, привыкшій къ простой пищѣ, никогда не будетъ испытывать напрасныхъ лишеній. Избѣгать развитія излишнихъ потребностей—должно было бы стать одной изъ важныхъ задачъ воспитанія. Чай, кофе, шоколадъ, какъ мы уже говорили, должны быть совсѣмъ изъяты изъ пищевого режима дѣтей и чѣмъ дольше, тѣмъ лучше. Во 1-хъ потому, что всѣ эти вещества содержатъ возбуждающія нервную систему начала, излишнія для дѣтей, во 2-хъ, не всѣ изъ нихъ достаточно питательны и кромѣ того представляются продуктами уже болѣе изысканными, а слѣдовательно, представляютъ отступленіе отъ простоты. Нѣкоторые авторы совѣтуютъ давать дѣтямъ какао. Но въ этомъ рѣшительно нѣтъ никакой необходимости. Одно молоко само по себѣ и питательно и вкусно. Какао является опять же продуктомъ бо-

лѣе изысканнымъ. Получить хорошій какао, а не какой-нибудь дрянной суррогатъ. далеко не вездѣ возможно, и ребенокъ, привыкшій къ нему, легко можетъ отказываться отъ простого молока тамъ, гдѣ кромѣ молока другого ничего нѣтъ. Я настаиваю на одномъ молокѣ—конечно, для здоровыхъ дѣтей. Тамъ же, гдѣ молоко пьется неохотно и не переносится или гдѣ нужно особенное повышеніе питанія, позволительны отступленія.

Молоко, по нашему мнѣнію, можетъ употребляться сырымъ или кипяченымъ, смотря по вкусу ребенка. Мы знавали дѣтей, которыя получали отвращеніе къ молоку, какъ только его начинали давать имъ кипяченымъ. Другія же не переносятъ сырого молока. Одни любятъ парное, другіе горячее, третьи холодное молоко. Все это не безъ извѣстной причины. Боязнь сырого молока положительно преувеличена такъ же, какъ боязнь сырой воды. Есть лица, у которыхъ дѣлается запоръ отъ кипяченой воды. Все очень индивидуально. На различныя индивидуальныя требованія указываетъ вкусъ, и имъ пренебрегать нельзя. Отказываться отъ того, что хорошо переносится, изъ опасенія заболѣть—позволительно развѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ напр. о молокѣ больныхъ коровъ или о завѣдомо дурной водѣ.

Послѣ всякой ѣды ребенокъ долженъ полоскать ротъ теплою водой и чистить зубы волосяной щеткой. Эта мѣра чрезвычайно сохраняетъ зубы, а хорошіе зубы—лучшій залогъ хорошаго питанія. Нельзя достаточно настаивать на подобной мѣрѣ.

Затѣмъ мы не можемъ не возмущаться установившейся привычкой давать дѣтямъ вино—одно или съ водой, разчитывая на укрѣпляющее его дѣйствіе. Всякое искусственное возбужденіе, какъ бы слабо оно ни было, должно быть устраняемо отъ дѣтей. Мысль, что вино въ небольшихъ количествахъ укрѣпляетъ ребенка, рѣшительно ошибочно. Здоровому ребенку оно не нужно. Оно напрасно возбуждаетъ его, а употребляемое въ нѣсколько большихъ количествахъ, вліяетъ на желудокъ и печень. Съ тѣхъ поръ какъ обнаружались факты даже смертельнаго и неизлѣчимаго заболѣванія печени у дѣтей отъ привычнаго употребленія вина съ цѣлью укрѣпленія ихъ,—увлеченіе виномъ значительно ослабѣло. Нужны серьезныя показанія для его употребленія. Вино есть напитокъ, созданный и пригодный для взрослыхъ, могущій стимулировать нервную систему при чрезмѣрныхъ физическихъ и умственныхъ напряженіяхъ людей. Но и въ рукахъ взрослыхъ имъ слишкомъ часто злоупотребляютъ, что влечетъ за собою неисчислимые бѣдствія съ *физическимъ и психическимъ вырожденіемъ включительно*. Вотъ что говоритъ проф. Штрюмпель въ своей лекціи «объ алкогольномъ вопросѣ» съ врачебной точки зрѣнія: «надо надѣяться, что алкогольный вопросъ не будетъ такъ безопасно трактоваться, какъ это дѣлается теперь съ врачебной точки зрѣнія, съ тѣхъ поръ, какъ знаніе многочисленныхъ вредныхъ послѣдствій посто-

*) «Современная Клиника» № 6, стр. 17.

„Образованіе“ Отд. 1 № 7—8

явного употребленія вина (хронической алкогольной интоксикаціи) будетъ чаще и настойчивѣе проникать въ сферу врачебнаго сознанія, когда многочисленныя ложныя *представленія безвредности, даже о пользѣ и мнимой цѣлебной силѣ* алкоголя будутъ устранены. При этомъ я придаю особенное значеніе *запрещенію алкогольных напитков для дѣтей*. Едва вѣроятно, съ какимъ легкомысліемъ и непониманіемъ взрослыми распространяется и поощряется часто уже у маленькихъ дѣтей «привычка къ употребленію алкогольных напитков».

Правильный и покойный сонъ играетъ тоже огромное значеніе въ физическомъ здоровьи ребенка. Лечь и встать рано, въ опредѣленные часы, есть привычка, поддерживающая равновѣсіе силъ организма, и особенно его нервной системы. Развлеченія и отдыхъ, связанные съ поздними вечерними часами—театры, концерты и т. п. для дѣтей и подростковъ безусловно вредны. Вообще отдыхъ насчетъ времени, назначеннаго для сна, губительно дѣйствуетъ не только на дѣтей, но и на взрослыхъ. Нельзя не указать на прекрасный обычай въ Швейцаріи закрывать театры и концерты въ 10 часовъ вечера. У дѣтей школьнаго возраста ночныя удовольствія и развлеченія въ значительной степени способствуютъ развитію переутомленія, о которомъ не безъ основанія теперь такъ много пишутъ. Одну школу въ немъ винить нельзя*).

Что касается укрѣпленія организма и развитія въ немъ способности безъ вреда для себя переносить тепло и холодъ переменчивой погоды, то для этого самымъ лучшимъ способомъ служатъ *купальня и ванны*.

Слѣдовало бы гораздо больше обращать вниманіе на купанья, обмыванія, обтиранія и т. п., для подростающихъ дѣтей, нежели это дѣлается теперь. Грудныхъ дѣтей купаютъ еще довольно часто, но для болѣе старшихъ дѣтей это не считается необходимымъ. Однако купанье есть превосходная мѣра, предохраняющая отъ простуды. Достаточно купаться круглый годъ два раза въ недѣлю, лѣтомъ разумѣется чаще въ теплой водѣ (25°—26°) съ послѣдовательнымъ обливаніемъ болѣе прохладной водой**). Такое обливаніе развиваетъ *привычку къ переменамъ* температуры, усиливаетъ обменъ веществъ, укрѣпляетъ и очищаетъ кожу. При появленіи эпидеміи, купанья должны становиться чаще и служатъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ заразы***). (При существованіи простуды, насморка, съ др. стороны, обтиранія и ванны оставляются, особенно для дѣтей младшаго возраста).

*Купанья должны были бы стать общественнымъ учрежденіемъ****)* и для взрослыхъ—*настолько они важны* какъ средство укрѣпляющее, очищающее и слѣд. предохраняющее отъ заболѣваній. Ку-

*) Schuschny, Schulhygiene in Ungarn, стр. 9.

**) Коссовичъ, лекція по болѣзнямъ дѣтскаго возраста, стр. 190.

***) Magelssen, стр. 105.

****) Magelssen, стр. 106.

панья, бани должны были бы быть доступны по цѣнѣ, удобно и привлекательно устроены для лицъ всѣхъ сословій.

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, мѣры, которыхъ слѣдуетъ держаться для режима здоровыхъ дѣтей. При появленіи болѣзни, не слѣдуетъ сейчасъ же бить тревогу, а спокойно выждать нѣкоторое время, ограничиваясь домашними простыми средствами—спокойнымъ положеніемъ въ постели при повышенной температурѣ, очищеніемъ желудка какимъ либо легкимъ слабительнымъ, потогоннымъ питьемъ, согрѣвающимъ или холоднымъ компрессомъ, смотря по надобности. Однимъ словомъ, позволительно употреблять самыя безвредныя наружныя и внутреннія средства и *ни подъ какимъ видомъ* не надо позволять себѣ самовольно прибѣгать къ лѣкарствамъ. Чтобы опредѣлить болѣзнь, и врачу нужно нѣкоторое время. Если болѣзнь, благодаря принятымъ простымъ мѣрамъ, не поддается улучшенію, то всегда еще есть время обратиться къ врачу. *Поменьше лѣкарствъ*—вотъ правило, котораго необходимо держаться.

Теперь, въ заключеніе, мы еще разъ повторяемъ, что *чрезмѣрная боязнь болѣзни размножаетъ ихъ*. Нѣтъ возможности всегда и вездѣ охраниться отъ заболѣванія. Вниманіе, трудъ и время, слишкомъ избыточно идущіе на постоянныя охраненія, предупрежденія и опасенія слѣдуетъ лучше употребить на укрѣпленіе организма и развитія его способности къ приспособленію. Поменьше страховъ, угнетающихъ душу и лишającychъ тѣло той силы психическаго противодѣйствія, которое необходимо въ борьбѣ съ болѣзнью, побольше бодрости, духа и вѣры въ собственныя силы, вытекающія изъ плана организациі всякаго живого существа! Вотъ атмосфера, въ которой долженъ воспитываться и ребенокъ! Правда, провести все это въ жизнь не легко, не легко и держаться всегда извѣстной мѣры, при которой не было бы перегону въ ту или другую сторону, не легко отрѣшиться отъ взглядовъ и мѣропріятій, дающихъ мнимую помощь и утѣшеніе, но тѣмъ не менѣе задача, слегка очерченная нами, есть задача, къ которой нужно стремиться, какъ бы трудна она ни была.

Елизавета Дрентельнъ.

Л. Н. Модзалевскій.

(Некрологъ).

12 мая скончался извѣстный ученый педагогъ Левъ Николаевичъ Модзалевскій. Смерть подкралась къ покойному совершенно неожиданно, похитивъ эту полезную жизнь въ минуты ея еще неослабѣвшей энергіи и силы. Еще наканунѣ бодрый и жизнѣдѣтельный, Л. Н. Модзалевскій присутствовалъ на торжественномъ актѣ въ училищѣ глухонѣмыхъ, принимая живое участіе въ торжествѣ, какъ директоръ этого заведенія. Актъ на этотъ разъ прошелъ съ особенной задумчивостью, взволновавшей и растрогавшей покойнаго. Воспитанники выпускного класса поднесли своему директору адресъ, съ большой теплотой выразивъ въ немъ свою признательность гуманному руководителю-директору. Левъ Николаевичъ былъ особенно тронутъ этимъ сердечнымъ порывомъ несчастной (глухонѣмой) молодежи, такъ скоро (Л. Н. директоромъ всего 1 годъ) сумѣвшей оцѣнить и понять своего главнаго руководителя. Придя домой, Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ повторялъ семьѣ, какое нравственное удовлетвореніе доставило ему трогательное выраженіе расположенія и любви къ нему учащихся. Нѣсколько болѣе, чѣмъ всегда, возбужденный, но совершенно здоровый легъ онъ въ обычное время спать и ужъ не просыпался болѣе: когда на другой день утромъ пришли его будить,—въ кровати лежалъ совершенно холодный трупъ. Смерть послѣдовала мгновенно отъ апоплексіи.

Л. Н. Модзалевскій происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, родился 14 февраля 1837 года въ селѣ Гаряхъ, Гдовскаго уѣзда (отсюда и его псевдонимъ Гарскій). По окончаніи курса въ 3-ей С.-Петербургской гимназіи въ 1855 году и филологическаго факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1859 году, Л. Н. былъ оставленъ при университетѣ на педагогическихъ курсахъ. «Ему улыбалась карьера ученаго» какъ выразился въ своей прекрасной рѣчи у гроба покойнаго его товарищъ и сослуживецъ Д. Д. Семеновъ, но Левъ Николаевичъ не могъ не увлечься охватившимъ въ то время все русское общество интересомъ къ вопросамъ образованія. Проник-

нутый тѣми же самыми настроеніями, которыя волновали всѣхъ лучшихъ и талантливыхъ людей его времени, Левъ Николаевичъ всецѣло отдался дѣлу просвѣщенія, увлекаемый на это поприще въ не малой степени и знаменитыми статьями Н. И. Пирогова, а въ послѣдствіи (за границей) и личнымъ вліяніемъ этого замѣчательнаго дѣятеля. Вліяніе Н. И. Пирогова отмѣчаетъ на себѣ и самъ Л. Н. Модзалевскій, посвящая ему юношескій трудъ: «Быть русскихъ студентовъ въ Германіи» (Спб. 1865 г. ст. 165), гдѣ въ предисловіи мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующія строки по адресу Н. И. Пирогова: «Ваши искреннія просвѣщенія бесѣды, Ваши свѣтлыя и гуманныя воззрѣнія глубоко запали мнѣ въ душу... время моего знакомства съ вами составило для меня одно изъ отраднѣхъ воспоминаній не только моей заграничной, но и всей моей жизни». Эти «свѣтлыя гуманныя воззрѣнія», о которыхъ говорилъ здѣсь Левъ Николаевичъ, были понесены имъ въ русскую школу, благоговѣйная признательность къ тому, кто заронилъ ихъ въ душу Льва Николаевича, къ Н. И. Пирогову — сохранилась у него на всю жизнь. Еще за нѣсколько дней до смерти Льва Николаевича намъ пришлось бесѣдовать съ нимъ о веснѣ нашей педагогіи, о незабвенной эпохѣ первыхъ воскресныхъ школъ, и Л. Н., вспоминая объ Ушинскомъ и другихъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ той поры, съ глубокимъ почтеніемъ заговорилъ о Н. И. Пироговѣ, указалъ намъ и на посвященіе ему первой юношеской своей книжки. Не всякому съ такимъ достоинствомъ и честью удастся прочесть данное тридцать лѣтъ назадъ общпаніе: «свободное, но неотразимое вліяніе вашей личности, — такъ пишетъ Л. Н. въ своемъ посвященіи Н. И. Пирогову — останется неизгладимымъ во мнѣ всюду, во всемъ и всегда!..

Еще студентомъ 2-го курса Л. Н. принимаетъ участіе въ знаменитой Василеостровской бесплатной школѣ, открытой 25-го января 1860 года, гдѣ преподаетъ русскій языкъ, работая вмѣстѣ съ цѣлой группой молодежи—въ послѣдствіи наиболѣе извѣстныхъ нашихъ педагоговъ (чит. Воспоминанія Д. Д. Семенова, В. П. Острогорскаго и др.) Почти одновременно Л. Н. сближается и съ К. Д. Ушинскимъ, который тогда былъ инспекторомъ Смольнаго института и проводилъ тамъ коренную реформу учебныхъ плановъ и всего преподаванія. Дѣятельно подбирая себѣ талантливыхъ сотрудниковъ изъ молодежи, К. Д. Ушинскій пригласилъ Л. Н. Модзалевскаго въ Смольный на уроки русскаго языка и словесности. Быстро оцѣнивъ своего молодого сотрудника, К. Д. Ушинскій предложилъ ему и постоянное сотрудничество въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», котораго редакторомъ онъ состоялъ въ 1860—1861 годахъ.

Педагогическая дѣятельность Льва Николаевича очень быстро расширялась: кромѣ Смольнаго онъ давалъ уроки въ Василеостровской женской гимназіи и въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Въ 1862 году Министерство Народнаго Просвѣщенія отправило Л. Н. Модза-

левскаго за границу для изученія устройства учительскихъ семинарій и педагогическаго дѣла вообще. Заграницей Л. Н. провель болѣе двухъ лѣтъ, проживая попеременно въ разныхъ университетскихъ городахъ Германіи; отсюда Л. Н., какъ человекъ живой и наблюдательный, вынесъ кромѣ научно-педагогическихъ знаній много наблюденій общественнаго характера. Плодомъ этихъ наблюденій между прочимъ была и упомянутая уже нами книга: «Быть студентовъ Германіи», въ которой читатель найдетъ не безынтересныя данныя объ исторіи и современномъ положеніи буршества, а также любопытную не только для того времени защиту и психологическое обоснованіе попытокъ молодежи вступить въ борьбу со старымъ поколѣніемъ.

По возвращеніи изъ-за границы, Л. Н. былъ назначенъ инспекторомъ и учителемъ первыхъ въ Россіи педагогическихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ для приготовленія учителей городскихъ училищъ. Задуманная въ то время реформа военныхъ корпусовъ была осуществлена тоже не безъ содѣйствія Льва Николаевича, которому было поручено читать педагогику на педагогическихъ курсахъ военно-учебнаго вѣдомства для приготовленія учителей военныхъ гимназій, онъ же читалъ курсы педагогики и въ специальныхъ классахъ Смольнаго института. Общее педагогическое оживленіе 60-хъ годовъ отразилось между прочимъ и на жизни пріюта принца Ольденбургскаго, въ судьбѣ котораго одно время принималъ дѣятельное участіе Вышнеградскій и куда Л. Н. Модзалевскій былъ приглашенъ инспекторомъ классовъ. Въ 1867 году Л. Н. отправился на Кавказъ наставникомъ-наблюдателемъ августѣйшихъ дѣтей В. Князя Михаила Николаевича. Тамъ же на Кавказѣ Л. Н. исполнялъ послѣдовательно обязанности чиновника особыхъ порученій при попечителѣ Кавказскаго учебнаго округа, инспектора и директора гимназій и предсѣдателя кавказскаго цензурнаго комитета.

Въ 1883 году Л. Н. вынужденъ былъ выйти въ отставку, а въ 1884 году причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, состоя нѣсколько лѣтъ членомъ особаго комитета по разбору отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

Только съ 1889 года начинается вновь педагогическая дѣятельность Льва Николаевича. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта, а вскорѣ затѣмъ и инспекторомъ (по всѣмъ частямъ, а не только классовъ) въ Маріинскій институтъ. Въ 1895 году Л. Н. былъ назначенъ и д. директора Училища Глухонѣмыхъ.

Литературно-научная и общественная дѣятельность Льва Николаевича не прекращалась до послѣднихъ дней его жизни. Его фундаментальный трудъ «Исторія воспитанія и обученія» недавно вышелъ уже 3-мъ изданіемъ (1-е въ 1867 году) и извѣстенъ, конечно, каждому, кто занимался педагогикой. За послѣднее время Львомъ Николаевичемъ было много сдѣлано по изученію сочиненій знаменитаго славянскаго педагога Амоса Коменскаго, а

также К. Д. Ушинскаго; капитальное сочиненіе этого послѣдняго вышло недавно новымъ изданіемъ подѣ редакціей его и г. Сентъ-Илера. Болѣе мелкія статьи Л. Н. по вопросамъ воспитанія и образованія разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ— въ «Ж. М. Н. Просвѣщенія», въ «Русской Школѣ», «Образованіи», «Педагогическомъ Сборникѣ», въ газетахъ «Голосъ» и «Кавказъ».

Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ покойный Л. Н. за всѣми новыми явленіями педагогической жизни, отмѣчая въ своихъ статьяхъ и замѣткахъ все лучшее, всякое новое движеніе живой мысли прогресса. Онъ очень интересовался дѣятельностью комитетовъ грамотности, а также усилившимся въ послѣднее время въ обществѣ интересомъ къ вопросамъ о самообразованіи, заслуживаетъ упоминанія его обстоятельная критическая статья по поводу извѣстной книги Н. И. Карѣева «О самообразованіи», напечатанная въ «Русской Школѣ» за подписью *Гарскаго*. Здѣсь также умѣстно вспомнить его мужественную защиту учительскихъ семинарій въ С.-Петербургскомъ дворянскомъ собраніи. Онъ смѣло ратовалъ за дѣло народнаго просвѣщенія, глубоко скорбя по поводу неудовлетворительности его постановки въ наше время, когда «стала надвигаться тѣма на русскую школу и ея дальнѣйшія судьбы» (слова Л. Н.). Онъ былъ всегда сторонникомъ свѣтской гуманной школы и горячо отстаивалъ въ этомъ смыслѣ ея неприкосновенность отъ всякихъ иныхъ тенденцій. Усвоивъ себѣ общечеловѣческіе идеалы и настроенія, почерпнутыя въ сокровищницѣ европейской науки и мысли, Левъ Николаевичъ соединилъ ихъ съ глубокимъ чувствомъ народности, которое опиралось у него, главнымъ образомъ, на воззрѣніяхъ К. Д. Ушинскаго; въ этомъ отношеніи Левъ Николаевичъ представляетъ собою рѣдкій примѣръ гармоническаго сочетанія общечеловѣческаго съ національнымъ. Чуждый всякаго челоуконенавистничества, всякой племенной или религіозной нетерпимости, всякихъ житейскихъ расчетовъ, А. Н. желалъ торжества русскому народу только на поприщѣ успѣховъ его просвѣщенія и гражданственности; не въ подавленіи иноземца, не въ привилегіяхъ, обезпеченныхъ грубой силой, видѣлъ онъ благо роднаго народа, а въ мирномъ преуспѣяніи народной культуры. Потому онъ и могъ, никѣмъ «не заподозриваемый», смѣло и прямо указывать на опасность, грозящую русскому народу въ настоящую минуту, «когда снова стала извращаться и замирать просвѣтительная дѣятельность нашего земства и когда... инородецъ снова сталъ обгонять (на пути просвѣщенія) своего невѣжественнаго соотечественника, русскаго мужика» («Рус. Школа» 1894. I); съ другой стороны съ живѣйшей радостью привѣтствовалъ онъ каждое отрадное явленіе въ русской школѣ, каждое напоминаніе «о недавнемъ прошломъ, полномъ смѣлыхъ надеждъ и благородныхъ порывовъ къ свѣту». Только мыслью объ этомъ свѣтѣ руководствовался А. Н. и въ своихъ общественныхъ начинаніяхъ такъ,

напр., при учрежденіи «Союза ревнителей русскаго слова», котораго онъ былъ и первымъ предсѣдателемъ. Въ этомъ обществѣ видѣлъ онъ не возрожденіе пишковщины, а одно изъ средствъ противодѣйствія потемнѣнію народнаго сознанія, несомнѣнно наступавшаго вслѣдствіе недостатка образованія въ народѣ и неизбежно неправильнаго употребленія имъ иностранныхъ словъ по звуковому сходству ихъ съ нѣкоторыми русскими словами.

Намъ лично пришлось выслушать отъ А. Н. убѣжденную защиту этого дѣла именно въ вышеуказанномъ смыслѣ, вполне чуждую какой бы то ни было пишковщины.

Другое общество, обязанное своимъ возникновеніемъ и существованіемъ Л. Н. Модзалевскому—это отдѣлъ Коменскаго при «Педагогическомъ Музеѣ». Разработка трудовъ этого замѣчательнаго славянскаго педагога, ознакомленіе русскаго общества съ личностью и воззрѣніями Коменскаго, несомнѣнно серьезная общественная заслуга Л. Н. Модзалевскаго.

Въ послѣднее время Л. Н. принималъ особенно дѣятельное участіе въ трудахъ комиссіи по увѣковѣченію памяти К. Д. Ушинскаго, учрежденной при С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ взаимопомощи. Какъ предсѣдатель этой комиссіи, онъ не пропустилъ ни одного ея засѣданія, являясь первымъ на нихъ, и еще за четыре дня до смерти подписалъ выработанный совместно съ комиссіей докладъ ея Общему Собранію Педагогическаго Общества. Дѣятельность комиссіи К. Д. Ушинскаго, видимо, очень воодушевляла его. Нужно впрочемъ замѣтить, что Л. Н. вообще относился съ большимъ сочувствіемъ ко всякому живому дѣлу, исходившему изъ среды педагоговъ, и въ этомъ отношеніи педагогическое общество взаимопомощи и клубъ педагоговъ потеряли въ немъ дѣятельнѣйшаго сотрудника и талантливаго предсѣдателя общихъ собраній.

Какъ представитель лучшей эпохи нашего просвѣщенія, какъ стойкій и дѣятельный защитникъ тѣхъ новыхъ началъ русской школы, свѣтъ которыхъ сливается съ общимъ яркимъ сіяніемъ загоравшейся зари освобожденія,—Левъ Николаевичъ Модзалевскій является однимъ изъ симпатичнѣйшихъ послѣднихъ мигановъ этой эпохи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ однимъ изъ мощныхъ звеньевъ въ цѣпи, соединяющей наше прошлое съ нашимъ будущимъ. Въ этомъ отношеніи Л. Н. весьма выгодно выдѣляется изъ ряда многихъ другихъ своихъ современниковъ.

Лица, имѣвшія возможность принимать участіе въ одномъ общемъ съ Л. Н. дѣлѣ, не могли не удивляться его стойкой и вмѣстѣ спокойной энергіи въ веденіи и защитѣ дорогаго дѣла, не преклоняться передъ его благородной прямою въ сужденіяхъ, передъ его искренней терпимостью и уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ, передъ его свѣтлымъ умомъ и широкимъ взглядомъ на вещи. Это былъ истинно просвѣщенный человекъ съ истинно гуманными воззрѣніями на жизнь и людей. Относясь отрицательно къ современной дѣйствительности, онъ не замкнулся, однако, въ

гордомъ сознаниі своей принадлежности къ блистательному прошлому: онъ вѣрилъ въ русскій народъ, вѣрилъ въ людей, въ лучшее будущее и съ жизненностью, присущей истинно идейному воодушевленію, указывалъ къ нему дорогу, искалъ и находилъ новыхъ людей, ободрялъ ихъ къ труду и дѣятельности во имя лучшихъ завѣтовъ нашего просвѣщенія. Это одна изъ серьезныхъ заслугъ Л. Н. Модзалевскаго и, — думается намъ, всѣ лично знавшіе покойнаго съ особой теплотой и искренностью будутъ хранить въ душѣ благодарное воспоминаніе о благородномъ, обаятельномъ обликѣ незабвеннаго Льва Николаевича. Несомнѣнно, что и въ широкихъ кругахъ русскаго общества дѣятельность Л. Н. Модзалевскаго, одного изъ сподвижниковъ К. Д. Ушинскаго, одного изъ немногихъ представителей научной педагогіи, найдетъ справедливую и достойную оцѣнку.

К. Арабажинъ.

Критика и библиографія.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. А. Д. Меншиковъ. Его жизнь и государственная дѣятельность. Биографическій очеркъ. Б. Д. Порозовской. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

Биографія Меншикова не можетъ не быть интересна, потому что этотъ „птенецъ гнѣзда Петрова“ поражаетъ необычайностью своей карьеры. „Никто изъ временщиковъ XVIII вѣка“, говоритъ авторъ, не обладалъ такимъ могуществомъ, никто не поднимался на такую головокружительную высоту, и ничье паденіе не было такъ глубоко и трагично“. Положимъ, относительно могущества Биронъ могъ бы поспорить съ Меншиковымъ, но ужъ и то обстоятельство, что Петръ Великій съ его властной натурой нашелъ возможнымъ, однако, поднять своего фаворита такъ высоко и дать ему столько силы и власти, говоритъ въ пользу царскаго любимца. Очевидно, въ биографіи Меншикова фактическаго матеріала не занимать, и онъ изложенъ г-жею Порозовской добросовѣстно, гладко и безъ значительныхъ пропусковъ. Если же, не смотря на это, мы все таки чувствуемъ, что въ очеркѣ чего-то недостаетъ, и онъ не совсѣмъ удовлетворяетъ насъ, то это объясняется тѣмъ, что біографу приходилось ограничиться одной фактической стороною—психическая фізіономія Меншикова остается для насъ невыясненной. Это и понятно: онъ былъ дѣлецъ по преимуществу и среди своей кипучей жизни и лихорадочной дѣятельности, хватая налету то тамъ, то здѣсь различныя практическія свѣдѣнія, едва научился, однако, подписывать свое имя. Поэтому отъ него не дошло до насъ никакихъ документовъ, кромѣ официальныхъ, онъ не успѣлъ да и не могъ бы вести дневникъ, какъ это дѣлаютъ и дѣлали другія историческія лица. Приходится, конечно, пожалѣть о томъ, что тѣ записки, которыя онъ диктовалъ своимъ дѣтямъ въ ссылкѣ, исчезли: онѣ, вѣроятно, пролили бы яркій свѣтъ на многія событія начала XVIII вѣка и на самую личность Меншикова. За неимѣніемъ данныхъ при выясненіи внутренняго міра этого дѣятеля, біографъ прибѣгаетъ по неволѣ къ гипотезамъ. Разсуждая объ извѣстномъ лихоимствѣ Меншикова, онъ даетъ ему два толкованія: во первыхъ, Меншиковъ былъ корыстолюбивъ отъ природы, во вторыхъ, казнокрадомъ дѣлала его сама сила обстоятельствъ, заставлявшихъ его жить роскошно. Мы прибавили бы отъ себя, что здѣсь, пожалуй, ска-

залось и его шляхетское происхождение: весьма возможно, что временщикъ, сынъ мелкаго шляхтича, переселившася, въ Москву, по всей вѣроятности, послѣ присоединенія Малороссіи, слышалъ отъ своего отца рассказы о сказочной роскоши польскихъ магнатовъ, и они врѣзались въ его память; потомъ, побывавши въ Польшѣ, онъ вдоволь насмотрѣлся на пышность вельможь короля Августа и, вернувшись въ Петербургъ, сталъ удивлять всѣхъ невиданной до тѣхъ поръ роскошью.

Не умалчивая о крупныхъ недостаткахъ Меншикова, біографъ его, какъ мы видѣли, ищетъ для нихъ иногда смягчающихъ обстоятельствъ. Онъ старается также умалить вину своего героя въ дѣлѣ несчастнаго царевича Алексѣя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ процессѣ роль Меншикова была далеко не изъ значительныхъ,—всѣмъ руководила воля Петра и его давно составленное имъ рѣшеніе во что бы ни стало отстранить старшаго сына отъ престола; на это рѣшеніе не мало повліяло рожденіе царевича Петра Петровича, въ которомъ Преобразователь и хотѣлъ видѣть настоящаго наслѣдника. На это обстоятельство постоянно указывали историки, указалъ на него недавно и Брикнеръ (см. „Вѣстн. Европы“ янв. 1896 года), и г-жа Порозовской не мѣшало бы упомянуть объ этомъ объясненіи, до нѣкоторой степени снимающемъ отвѣтственность съ Меншикова. Приводя невыгодные отзывы иностранныхъ дипломатовъ о князѣ, біографъ совершенно справедливо укоряетъ ихъ въ пристрастіи, говоря, что только крупныя заслуги Меншикова, какъ дѣятеля, побудили Петра такъ приблизить его къ себѣ; но, помимо того, любовь Преобразователя къ своему „герценкину“ вытекала, по нашему мнѣнію, изъ самой ответственности ихъ натуръ: есть люди, которые въ другихъ дѣлать лишь качества, недостающія имъ самимъ, но Петръ не принадлежалъ къ ихъ числу: смѣлый и энергичный паче мѣры, онъ и въ сподвижникахъ своихъ ставилъ выше всего силу воли, умъ, смѣлость, находчивость, полную отрѣшенность отъ традицій, умѣнье неутомимо работать и способность, не задумываясь долго, пользоваться обстоятельствами, и все это онъ нашелъ въ „безродномъ баловнѣ счастья“, котораго поэтому и сдѣлалъ „полудержавнымъ властелиномъ“. Къ сожалѣнію, царь не могъ развить въ любимца ни своей любви къ родинѣ, ни своего безкорыстія, но то мужество и смиреніе, которыя Меншиковъ выказалъ въ изгнаніи, заставляють предполагать, что въ немъ дремали и лучшіе нравственные задатки, задавленные постоянными блестящими удачами.

Н. Леонтьева.

Князь Бисмаркъ, его жизнь и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ Р. Сементковскаго. Спб. 1895 г. 96 стр. 25 коп.

Въ этомъ біографическомъ очеркѣ чрезвычайно рѣзко отличаются тѣ мѣста, гдѣ авторъ даетъ намъ характеристику Бисмарка, какъ отдѣльной личности, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится о его политической, государственной дѣятельности.

Въ первыхъ авторъ является въ полномъ смыслѣ слова художникомъ. Можно спорить, именно ли таковъ Бисмаркъ, какимъ изобразилъ его г. Сементковскій, но несомнѣнно нельзя было обрисовать типъ крас-

ками болѣе яркими. Нельзя было дать болѣе полной характеристики того типа, къ которому, по мнѣнію автора, относится кн. Бисмаркъ. Передъ читателемъ во весь свой ростъ встаетъ мощная фигура человѣка съ несокрушимымъ, здоровымъ, даже поражающимъ алетитомъ, человѣка способнаго выпить баснословное количество вина или пива; человѣка, въ которомъ, въ особенности въ его молодые годы, такой избытокъ силы, что онъ постоянно прорываются въ родѣ дивихъ, иногда безумныхъ, выходовъ. Въ немъ энергіи безъ конца, но энергіи неупорядоченной. Онъ неспособенъ ни къ какой послѣдовательной серьезной работѣ: его тянетъ къ вину, картамъ, къ бѣшеной верховой ѣздѣ. Борьба во всѣхъ видахъ, дуэли, даже драки составляютъ для него абсолютную необходимость. Онъ ищетъ ихъ. Если у него нѣтъ враговъ, нѣтъ затрудненій, онъ ихъ себѣ создаетъ самъ: ему нужно противъ кого либо направлять свои неистощимыя силы. Въстѣтъ съ тѣмъ въ этомъ человѣкѣ нѣтъ мѣста ничему духовному, возвышенному. Г. Сементовскій мастерски изобразилъ этотъ избытокъ силъ, въ чемъ онъ видитъ основную черту характера кн. Бисмарка, этотъ избытокъ энергіи грубой, но несокрушимой, страстной, бурной.

Этотъ типъ несимпатиченъ автору біографіи. То же надо сказать и про тѣ приемы, къ которымъ прибѣгалъ кн. Бисмаркъ въ своей политической дѣятельности.

Чувство антипатіи къ Бисмарку весьма часто связывается и въ отношеніи автора къ результатамъ этой дѣятельности. Въ оцѣнѣ этой послѣдней постоянно проявляется какое то пристрастное, предупредительное къ ней отношеніе. Автору во что бы то ни стало хочется развѣнчать кн. Бисмарка. Такая, крайне трудная задача, которую поставилъ себѣ авторъ, нерѣдко вынуждаетъ его вступать въ самыя рѣзкія противорѣчія и съ самимъ собою, и съ фактами.

На стр. 26 и 32 мы читаемъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ, въ началѣ 50-хъ Австрія въ военномъ отношеніи была совершенно слаба, а Пруссія уже вполне готова къ войнѣ; тутъ г. Сементовскому хочется упрекнуть Бисмарка за то, что онъ, повидимому, избѣгалъ войны съ Австріею; на стр. 36 и 39, гдѣ говорится о времени двумя-тремя годами позже, Пруссія оказывается неподготовленной къ войнѣ: тутъ Бисмарку ставится въ упрекъ тотъ вызывающій образъ дѣйствій, котораго онъ сталъ держаться относительно той же Австріи.

Назначеніе Бисмарка посланникомъ послѣдовательно во Франкфуртъ на Майнѣ (1851 г.), въ Петербургъ (1859) и въ Парижъ (1862) обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что правительство Пруссіи хотѣло подготовить Бисмарка къ его роли руководителя политики и поэтому предоставляло ему посты, на которыхъ онъ могъ бы обстоятельно познакомиться съ пружинами германской и общеевропейской политики. Г. Сементовскому не нравится это объясненіе, приписывающее Бисмарку слишкомъ крупную роль, хотя бы въ глазахъ прусскаго правительства. По словамъ автора біографіи, вполне невѣроятно, чтобы эти назначенія кн. Бисмарка были бы всѣ направлены къ одной какой либо цѣли. „Король Фридрихъ Вильгельмъ IV отличался удивительно непослѣдовательностію въ своихъ рѣшеніяхъ и симпатіяхъ“, читаемъ мы (стр. 43). На слѣдующей страницѣ оказывается, что съ 1857 года, т. е. въ то время, когда Бисмарка переводили

въ Петербургъ и Парижъ, всѣми государственными дѣлами Пруссіи управлялъ за болѣзнию Короля принцъ регентъ, впоследствии Императоръ Вильгельмъ I, который давно уже симпатизировалъ Бисмарку.

Изъ несообразностей, къ которымъ приходитъ авторъ въ силу своего желанія во что бы то ни стало развѣнчать Бисмарка, можно указать напр. на то, какимъ образомъ Бисмаркъ оказывается виновнымъ, что французы побѣдили австрійцевъ въ 1859 году: „Бисмаркъ сдѣлалъ крупную ошибку, допустивъ, чтобы у Австріи отняли Ломбардію, что усилило Австрію (стр. 41), въ то время враждебно настроенную противъ Пруссіи“. Непонятно, какимъ образомъ потеря одной изъ самыхъ большихъ провинцій и безусловно самой богатой можетъ усилить государство.

По словамъ автора (стр. 75). объединеніе нѣмцевъ въ одну Имперію привело ихъ только въ болѣе сильному разобщенію.

Въ самомъ концѣ книги мы читаемъ, что Бисмаркъ послѣдовательно не стремился къ объединенію нѣмцевъ въ одно государство, и что если это и случилось, то только вопреки всѣмъ совершеннымъ Бисмаркомъ ошибкамъ.

Нечего и говорить, что этотъ выводъ абсолютно противорѣчитъ мнѣнію подавляющаго большинства политиковъ и ученыхъ, занимавшихся исторіей послѣдняго полувѣка. Быть можетъ г. Сementовскій имѣетъ какіе либо серьезные доводы въ пользу своего оригинальнаго взгляда на дѣятельность кн. Бисмарка. Въ такомъ случаѣ намъ остается только пожалѣть, что въ этой книгѣ, въ виду того круга читателей, для котораго она написана, автору не пришлось подѣлиться съ публикой всѣми тѣми соображеніями и матеріалами, обусловившими такіе удивительные выводы

Н. Лазаревскій.

Исторія Греціи со времени пелопоннеской войны. Сборникъ статей. Переводъ подъ ред. Н. Н. Шамина и Д. М. Петрушевскаго. Выпускъ I. Библиотека для самообразования. Москва-1896. Ц. 1 р. 75 коп.

Труды Московской Комиссіи по организаціи дѣла самообразованія уже съ самаго начала встрѣтили сочувственное вниманіе просвѣщенной части общества, при томъ интересѣ къ вопросамъ просвѣщенія, который несомнѣнно составляетъ признакъ нашего времени. Отъ Комиссіи многого ждутъ, и имѣютъ на то право и основаніе. Во главѣ ея состоятъ люди весьма почтенные, носящіе имена крупныхъ научныхъ талантовъ, даровитыхъ профессоровъ и симпатичныхъ дѣателей. Дѣло же, ею принятое, настолько важно и такъ глубоко захватываетъ всякаго сознательнаго и активнаго члена общества, что строгое отношеніе къ трудамъ Комиссіи не только обязательно, но и прямо полезно для самаго дѣла. Руководясь этой мыслью, мы и намѣрены сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ изданіи, указанномъ въ заголовкѣ. Мы не будемъ говорить о научной сторонѣ изданія, такъ какъ за нее должны ручаться имена авторовъ отдѣльныхъ статей сборника, какъ Ранке, Дройзенъ и др. Мы будемъ имѣть

въ виду *учебную*, образовательную сторону книжки (вѣдь, эту цѣль и преслѣдуетъ самое изданіе).

Начнемъ сразу съ самаго главнаго—съ значенія самаго изданія „сборника статей“.

Намъ кажется такой характеръ изданія неудачнымъ. Вѣдь для кого изданіе предназначено? для лицъ, неполучившихъ высшаго или система ическаго образованія. Для чего? чтобъ дать возможность *пополнить пробѣлы*, освѣжить знанія, *систематически* познакомиться съ вопросомъ. Но отвѣчаетъ ли этимъ цѣлямъ сборникъ небольшихъ статей, да еще разныхъ авторовъ, и подѣ силу ли онъ лицу, начинающему „ознакомленіе“?.. Это вопросъ не праздный. Изданіе предпринимается, вѣдь въ виду *исцеленія учебныхъ пособій по данному предмету*. Этого не слѣдуетъ забывать: читатель этой книжки прочтетъ ее не какъ одну изъ многихъ, а какъ единственную, къ къ своего рода учебникъ. А главное требованіе, которое слѣдуетъ предъявлять къ учебнику, это систематичность и цѣнность. Особенно такое требованіе приложимо къ учебнику историческому, уже по самому характеру *историческаго метода*. Для выработки историческаго міросозерцанія. Послѣднее весьма важно. Историческій методъ, *par excellence*, научный методъ, это методъ эволюціонный. А онъ состоитъ въ томъ, чтобы не только на данное явленіе, но на эпоху, на всю исторію, смотрѣть какъ на нѣчто цѣлое, всѣ отдѣльныя части коего находятся въ необходимой, глубоко-гармоничной связи между собой, при томъ такъ, что одно развивается изъ другого въ непревѣнномъ рядѣ причинъ и слѣдствій. И вотъ съ этой точки зрѣнія и не удовлетворяетъ роли учебника форма сборника статей. Думается, что сами издатели сознавали неудобство такой формы, предпосылая сборнику „предисловіе“, въ которомъ бѣгло указываютъ связь и взаимоотношеніе отдѣльныхъ статей (стр. XI—XVII). Возьмемъ, напр., первую статью: „Партія въ Аѣнахъ въ началѣ целопоннеской войны“ (стр. 1). На стр. XI поясняется, что „въ первой статьѣ заслуживаетъ особаго вниманія читателя выясненіе того, что въ основѣ дѣленія на партіи лежало и въ Аѣнахъ сознаніе розни интересовъ различныхъ слоевъ населенія Аттики“. Здѣсь, казалось бы, всего естественнѣе, было бы выяснить вопросъ объ этихъ „интересахъ“, объ экономическихъ условіяхъ жизни аттическаго государства. Между тѣмъ читатель объ экономическихъ условіяхъ разрѣшенія вопроса долженъ искать въ другой связи, въ статьяхъ Пельмана (II отдѣл., стр. 243 и сл.), хотя сама по себѣ статья о партіяхъ весьма хорошая статья—по сжатости и ясности изложенія. Затѣмъ гл. XIV (о греч. наемникахъ) излагается съ точки зрѣнія аѣнскаго государства, что опять представляетъ неудобство для читателя книжки, но конечно, въ „сборникѣ“ допустимо. Читателю, не знакомому съ предметомъ, трудно справиться съ предлагаемымъ матеріаломъ; этого обстоятельства не облегчаетъ систематичность подбора статей, ибо, во первыхъ, подборъ не можетъ быть такимъ идеальнымъ, чтобы давая цѣльность, а во вторыхъ, не надо забывать, что статьи—отрывки изъ сочиненій разныхъ авторовъ, которые даржятся разныхъ взглядовъ и не однихъ и тѣхъ же методовъ, и съ которыми можно совладать, лишь будучи съ ними знакомымъ вообще. А то малосвѣдущій читатель (для котораго книга и назначена), читая объ Эпаминонтѣ, въ концѣ статьи, на стр. 230, выслушаетъ такое поуче-

ніе по поводу гибели дѣла Эпаминода: „... его примѣръ ясно показываетъ намъ, какъ *даже самая крупная личность* служить только *однимъ изъ звеньевъ* въ великой цѣли историческаго развитія, и какъ надъ дѣятельностью личности господствуетъ съ *неотразимою* силою высшій *міровой* порядокъ“. Но на стр. 234 наемники покоряютъ Востока, потому что „явился человекъ, сумѣвшій это сдѣлать“. Читателю, конечно очень интересно разрѣшить эту контрверсу между личностью („даже самой крупной“) и „неотразимою силою высшего мирового порядка“. Онъ ищетъ отвѣта на это въ книжкѣ и на стр. 392, по поводу краха монархіи Александра В., находитъ слѣд. многозначительныя строки: „это дѣло осталось неоконченнымъ благодаря его скорой смерти или, *если угодно*, благодаря внутренней необходимости греческой жизни“. Какъ хотите, а это „если угодно“ должно звучать горькой ироніей для жаждущаго просвѣщенія читателя! Такой отрывочный характеръ статей отражается даже на правописаніи,—напр., въ V и VI главахъ мы имѣемъ Ферамена, а въ XVIII онъ уже—Терамень, на ряду съ Фукидидомъ-Тразибулъ. Размѣръ замѣтки не позволяетъ вдаваться въ въ подробное разслѣдованіе погрѣшностей и несоотвѣтствій. Остановимся вератцѣ на статьяхъ Пельмана. Выборъ ихъ мы находимъ крайне неудачнымъ.

Тонъ этихъ статей совершенно неподходящій къ задачамъ учебника. Чрезмѣрная напыщенность, паѳосъ, сбивающійся часто въ ложный тонъ, весьма убогое содержаніе, невыдержанность, спутанность руководящихъ точекъ зрѣнія—вотъ характерныя черты статей. Уже съ самаго начала авторъ говоритъ языкомъ патетически-негодующимъ. На стр. 244 онъ нападаетъ на государство, гдѣ основой является „начало народнаго верховенства“, ибо де тогда „въ политической жизни рѣшающимъ двигателемъ являются съ самаго начала социальныя силы“ (какъ будто гдѣ нибудь дѣло обходится безъ нихъ). Такое государство, по мнѣнію автора,—лишенное „сильнаго органа государственной идеи“ (какъ будто этотъ органъ можетъ лежать внѣ области социальныхъ силъ“, внѣ пространства и времени), должно подчиняться классовымъ интересамъ. Затѣмъ авторъ обрушивается на „притязанія политич. партій на обладаніе государственной властью“, которыя де „при этихъ обстоятельствахъ“ являются „стремленіемъ провести классовые частныя интересы“. Послѣдняя фраза, безъ сомнѣнія, украсила бы собой нравств. диссертацию благожелательнаго проповѣдника, но она не у мѣста въ учебникѣ, какъ и всѣ эти вопли противъ эгоизма и проповѣдь альтруистическихъ чувствъ. Къ чему все это? Конечно, было бы желательно, чтобы богиня Астрея, такъ некстати покинувшая землю, воротилась на нее обратно. Но, къ сожалѣнію, альтруистическія наклонности личности и формы общества пока существуютъ лишь *in idea*, какъ идеаль, а заправляетъ общественными отношеніями, какъ это ни грустно, и теперь, какъ и прежде, эгоизмъ. И если выдвигаются альтруистическія формулы, то развѣ въ видѣ декораціи и въ роли фиговаго листка для прикрытія отнюдь не альтруистическихъ дѣйствительныхъ отношеній. Никакіе органы государственной идеи „и никакія проповѣдническія lamentаціи“ не въ силахъ явиться защитниками угнетаемыхъ классовъ общества, разъ отсутствуютъ реальныя гарантіи у даннаго класса въ видѣ *реальнаго*—непосредственнаго или посредственнаго — участія

въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ. И что за странная тенденція представить государство, какъ самодовлѣющее цѣлое, организмъ? авторъ слилъ себя съ Аристотелемъ, увлечшись враждой къ „политическому атомизму“; но Аристотель имѣлъ право философствовать надъ государствомъ, представляя его какъ организмъ; наука же новаго времени такихъ фантазій не допускаетъ, отлично зная, что политическіе атомы могутъ прекрасно чувствовать, мыслить и сознавать иногда конфликтъ своей воли съ условіями своего „дѣлага“. И что такое это „цѣлое“, какъ не совокупность этихъ „атомовъ“, имѣющая цѣлью благо этихъ атомовъ, и только здѣсь находящая себѣ оправданіе, свое *raison d'être*; какъ это государство можетъ „относиться дружелюбно къ самому себѣ“? Точно также, мы отказываемся понять слѣдующую фразу, „Право должно сообразоваться съ интересами и потребностями *всего населенія* государства; *право личности* стоитъ уже только на второмъ планѣ“ (стр. 254). Что за противоположность между личностью и *всѣмъ населеніемъ*? это пустая фраза, ведущая на практикѣ къ безнравственнымъ результатамъ, когда интересы реальной, чувствующей, мыслящей и хотящей личности приносятся въ жертву абстрактному понятію „цѣлага“ общества, государства. На стр. 253 опять проповѣдническое обращеніе. „Нужно содѣйствовать смягченію вражды классовъ, нужно, чтобы совокупность гражданъ *снова* (послѣ блаженныхъ временъ богини Астреи) стала чувствовать себя настолько массою *однородныхъ* атомовъ, сколько *нравственнымъ* цѣлымъ (какое ловкое противопоставленіе: однородный и нравственный!), объединяемымъ узами чувствъ и представлений, для *всѣхъ* одинаковыхъ, и идеаловъ, *всѣмъ* общихъ и т. д. Вѣдь, все это жалкая фикція. Положимъ, нашелся гениальный проповѣдникъ, который бы убѣдилъ оставить классовыя пререканія и соединиться на почвѣ „одинаковыхъ чувствъ и представлений“ и „общихъ идеаловъ“; въ дѣйствительной жизни, это равнялось бы постановкѣ какой либо способной объединить задачи, напр. устройству пресловутаго все-эллинскаго похода на персовъ. Допустимъ, что всѣ греки бы двинулись, забывъ о всякихъ экономическихъ интересахъ и социальныхъ контроверсахъ. Развѣ это забвеніе было бы равно исчезновенію? Контроверсы и рознь интересовъ остались бы, какъ огонь подъ пепломъ, чтобы разгорѣться снова, когда „одинаковыя чувства и представленія“ ослабѣли бы. И легче развѣ стало бы личности, страдающей отъ этихъ контроверсъ, если бы она, вмѣсто попытки разрѣшить ихъ, попыталась ихъ „забыть“. Гораздо поучительнѣе было бы для читателя, если бы онъ, вмѣсто всѣхъ этихъ слезъ горькихъ, нашелъ въ книгѣ статью, изслѣдующую вопросъ о происхожденіи и причинахъ этой розни интересовъ и социальныхъ контроверсъ, и указывающую въ отсутствіи или ненормальности какихъ учреждений кроется источникъ неурядицъ. Въ статьяхъ Цельмана читатель усматриваетъ, что положеніе Аѣннскаго государства было печальное, но въ статьѣ Гольма („Аѣнны около 360 года“, стр. 300 и сл.) онъ вдругъ обрѣтаетъ, что положеніе это было не такъ ужъ грустно, и статьи Цельмана оказываются результатомъ „преувеличенныхъ толковъ“ (стр. 307). Статья Гольма весьма содержательная и дѣлаетъ статьи Цельмана, пожалуй, излишними.

Этими замѣчаньями мы и ограничимся, чтобы не выходить за пре-

дѣлы короткой замѣтки; не смотря на краткость, мы надѣемся, что наша мысль достаточно ясна и не требуетъ излишнихъ довазательствъ.

Находя изданіе неудачнымъ съ точки зрѣнія его значенія, мы съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить, что на книжномъ рынкѣ появилась прекрасная книжка, которую можно прочитати съ большимъ удовольствіемъ. Наша историческая литература до сихъ поръ очень очень бѣдна, особенно сочиненіями по исторіи классическаго міра, какъ это ни страннымъ можетъ показаться, если вспомнить долготѣнее господство классицизма, даваша до сихъ поръ болѣе, чѣмъ убогіе результаты. Съ его господствомъ, мы не только не научились новому, но потеряли интересъ и къ старому. А между тѣмъ привычка уха къ именамъ греко-римскаго міра такъ велика, что они просятся на языкъ и на бумагу. Сочиненія историческія изобилуютъ аналогіями съ фактами классической древности, политическіе трактаты аргументами, взятыми оттуда же. И все это на основаніи знакомства съ убогими учебниками!.. Мы только думаемъ, что знаемъ, а на самомъ дѣлѣ далеки отъ знанія классической древности. Въ книжкѣ, изданной Комиссіей, читатели найдутъ много интереснаго для ознакомленія съ той богатой и блестящей культурой, которая развилась въ независимыхъ, свободныхъ и самоуправныхъ городскихъ общинахъ Греціи, съ тѣмъ многообъщавшимъ, здоровымъ процессомъ политическаго развитія, который велъ эти общины къ образованію могучей, жизненной федераціи, съ сохраненіемъ всѣхъ плодотворныхъ результатовъ тысячелѣтней цивилизаціи, и тѣми причинами, которыя помѣшали совершиться этому процессу.

Ник. Козьминъ.

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера. Извлечены и приведены въ систему Юлією Реймондъ Гинджелль. Перевелъ съ англійскаго А. Гойжевскій, подъ редакцію Вл. Соловьева. Спб., 1896 г. Изданіе Н. П. Карбасникова. Цѣна 1 руб.

Хотя въ приложеніи къ этой изящно изданной и снабженной хорошимъ портретомъ Г. Спенсера книжкѣ и помѣщены похвальные о ней отзывы нѣкоторыхъ англійскихъ газетъ, казалось бы, предрѣшающіе задачу критика, однако, мы рѣшительно затрудняемся опредѣлить, какой смыслъ и употребленіе можетъ имѣть этотъ томикъ изъ 200 небольшихъ страничекъ. Время, когда литература сборниковъ изреченій, „пчелъ“, „двѣтниковъ“ давала дѣйствительную пищу несложнымъ умственнымъ запросамъ человечества, давно и безвозвратно миновало. Въ наше время „двѣтники“ составляются, по большей части, фанатическими поклонниками того или другаго писателя или мыслителя—иногда въ видѣ посылной лепты для распространенія взглядовъ своего кумира, иногда даже просто потому, что человѣку жаль разстаться, жаль разорвать всѣ выписки, которыя онъ дѣлалъ при чтеніи своего любимца, надъ которыми онъ провелъ много пріятныхъ часовъ чистаго наслажденія мышленіемъ. И конечно, чрезвычайно похвально, что въ нѣкоторыхъ личностяхъ способность отвеченнаго мышленія до такой степени стала дѣломъ сердца, привычки, натуры; но врядъ-ли стоитъ предавать тисненію эти „плоды благоговѣнія“. Прежде всего, собиратель выписокъ долженъ, по своимъ взглядамъ и развитію, быть вполне въ уровень

писателю, а на это никогда нельзя рассчитывать; во-вторых, вырванные из контекста изречения, ясны и много говоряща компилятору, читавшему весь текст и размышлявшему надъ нимъ, могутъ ничего не говорить тому, кто этого текста не знаетъ, а кто его знаетъ, тотъ не будетъ читать выписокъ; въ-третьихъ, эти обрывки мыслей не передаютъ самаго главнаго,—аргументаціи, той работы мысли, благодаря которой доходитъ писатель до своихъ формулъ; обрывки эти, получая „пшнейскій“ характеръ, становясь „изречениями“, получая видъ догматовъ, убиваютъ въ читателѣ самый жизненный нервъ чтенія,—постоянную, самостоятельную критику читаемаго, постоянную умственную борьбу съ авторомъ серьезнаго сочиненія, борьбу, въ которой крѣпнуть умственные силы, которая оставляетъ самые благотворные слѣды на развитіи человѣка. И дѣйствительно, собирателемъ выписокъ можетъ сдѣлаться только болѣе или менѣе узкій и немыслящій человѣкъ, только тотъ, кто „увѣренъ“ въ своего любимаго автора, откажется отъ самостоятельнаго къ нему отношенія, закроетъ глаза на его недостатки и ошибки и каждое слово его станетъ считать непогрѣшимымъ. А такъ какъ развивать и утверждать такое отношеніе къ умственной работѣ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній, то къ такого рода „цвѣтникамъ“ надо отнестись вообще отрицательно, что бы ни говорили „нѣкоторые англійскія газеты“. Нѣтъ, не это намъ нужно; не собраніе „афоризмовъ“ Г. Спенсера, стоящее къ тому же страшно дорого,—рубль за книжку, которую можно прочесть въ часъ-полтора... Намъ нужно, настоятельно нужно новое, полное и дешевое изданіе всѣхъ сочиненій Спенсера; что такое изданіе будетъ имѣть очень большой успѣхъ, видно и изъ апіорныхъ соображеній, и изъ опыта всѣхъ предпринимавшихся за послѣднее время изданій классическихъ произведеній серьезнаго и популярно-научнаго содержанія. Собраніе сочиненій попадетъ въ руки какъ разъ той публики, которой у насъ особенно много: ищущей въ чтеніи не отдыха, не забавы, не одной изъ возможностей какъ нибудь убить время, а серьезнаго поученія, матеріала для пополненія своихъ знаній, для подъема уровня своего (увъ! часто по многимъ независящимъ отъ личной воли причинамъ) недостаточнаго развитія; этой публикѣ надо давать за рубль большой томъ, который осилить можно развѣ въ 2 недѣли, а не сборничекъ афоризмовъ. Спенсеръ имѣлъ большое и своеобразное вліяніе на русскую читающую публику. Съ одной стороны, это—замѣчательный физиологъ, психологъ, социологъ, одинъ изъ творцовъ эволюціонной теоріи, человѣкъ колоссальныхъ познаній, съ чрезвычайно широкимъ кругозоромъ, способный прослѣживать то или другое явленіе во всѣхъ, иногда въ высшей степени запутанныхъ, сочетаніяхъ, превосходный аналитикъ и въ то же время творецъ „синтетической философіи“, вытягивающей ряды явленій въ стройныя нити. Съ другой, это—одинъ изъ наиболее буржуазныхъ мыслителей въ области общественной политики, ограниченности взглядовъ котораго иногда нельзя достаточно надивиться. И когда мы въ числѣ афоризмовъ, выбранныхъ г-жею Гиндзелъ находимъ слѣдующій (стр. 56): „если бѣднякъ намъ мало знакомъ или вовсе неизвѣстенъ, то мы, сочувствуя ему, совершенно не обращаемъ вниманія на тѣ недостатки, какіе онъ можетъ имѣть. Поэтому обыкновенно случается, что рѣчь о лишеніяхъ бѣднаго люда вызываетъ въ насъ представленіе о невинныхъ стра-

дальцахъ, между тѣмъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, эти лишенія являются вполнѣ заслуженными“—остается предположить, что на родинѣ автора справедливость (если таковая можетъ быть объективно и безусловно опредѣлена для каждаго отдѣльнаго случая) уже совершенно точно вымѣрена и взвѣшена для всего общественнаго строя, и что поэтому стоитъ предоставить бѣднякамъ погибать,—и высшая правда будетъ осуществлена. Такихъ „афоризмовъ“ у г-жи Гинджелль не мало; укажемъ для образца глубокомыслия автора: „намъ нестерпима сентиментальная филантропія, которая стремится защитить глупость (?) отъ заслуженной ею кары. Охранять постоянно людей отъ послѣдствій ихъ безразсудства значить заселять міръ глупцами“... Въ минувшія времена социальный строй былъ таковъ, что, благодаря ему, малочисленные лучшіе люди жили на счетъ многочисленныхъ худшихъ людей. Въ настоящее время предлагается осуществить такой (?) порядокъ вещей, при которомъ многіе худшіе люди жили бы на счетъ немногихъ лучшихъ“. Эта параллель съ древностью показываетъ, что Спенсеръ ушелъ безконечно назадъ даже сравнительно съ Аристотелемъ, который въ основаніе своего дѣленія людей на рабовъ и свободныхъ принялъ всетаки не богатство, а моральныя качества. Рядомъ съ такого рода „афоризмами“ стоятъ очень правильныя и почтенныя мысли; но онѣ много теряютъ, будучи вырваны изъ текста, такъ какъ сила Спенсера вовсе не въ особомъ блескѣ или глубокомыслии отдѣльныхъ фразъ, а именно въ стройности системы, въ приведеніи массы фактовъ къ общимъ точкамъ зрѣнія. Стиль его—ясенъ, простъ, но отнюдь не афористиченъ. Поэтому самую идею собранія афоризмовъ изъ его сочиненій нельзя признать удачною.

Владиміръ Ивановскій.

А. Герценъ. Проф. физиологіи въ Лозаннскомъ унив. Наука и нравственность. Общедоступная лекція. Спб. 1896. Ц. 25 коп.

„Наука и нравственность“—очень интересное заглавіе. И выборъ такой темы для *общедоступной* лекціи весьма удаченъ. Дѣйствительно, остановиться на выясненіи вопроса о взаимодействіи науки и нравственности, показать большой публикѣ въ простой и ясной формѣ, какое вліяніе имѣетъ наука на развитіе нравственности, очищаетъ ли она нравы или развращаетъ, какъ думалъ и въ своей пламенной рѣчи доказывалъ Руссо — задача достойная и своевременная. Такая лекція именно своевременна: она явилась бы съ отвѣтомъ на вопросъ дня, на злобу нашего времени, когда науки достигли, кажется, своего апогея, а нравы пришли въ упадокъ. Открытыя предъ слушателями истинныя причины такого паденія нравовъ, происходящаго, конечно, не отъ необычнаго развитія наукъ, а отъ сложности социальныхъ условій и ихъ крайней ненормальности, объяснить, какимъ путемъ можетъ быть устранена это ненормальность, какую преобладающую роль на этомъ пути будетъ играть знаніе и наука,—интересно и заманчиво именно для человѣка науки. Для насъ интересъ этой задачи усиливался еще вслѣдствіе того, что за разрѣшеніе ея взялся не специалистъ,—не профессоръ этики или философіи. На нашъ взглядъ всегда любопытно познакомиться съ сужденіемъ по какому [нибудь общему во-

просу не специалиста-теоретика; самое желание, появившееся у человека науки, сказать нечто по вопросу из области, чуждой его специальных занятий, свидетельствует о томъ, что то, что онъ хочетъ повѣдать, есть плодъ его житейскаго опыта, умудреннаго знаніемъ, а не отвлеченныя измышленія. По всѣмъ этимъ причинамъ насъ привлекла эта маленькая брошюра. Тѣмъ большее было, къ сожалѣнію, разочарованіе, которое оставило въ насъ ея прочтеніе.

Въ ней, какъ это ни странно, нѣтъ ни слова о наукѣ и нравственности, т. е. о вліяніи и значеніи первой для послѣдней. Но, быть можетъ, мы невѣрно поняли ея заглавіе, и авторъ хотѣлъ сказать о наукѣ само по себѣ, о нравственности само по себѣ. Но и это не замѣтно. О наукѣ проф. Герценъ ничего не говоритъ, о нравственности очень немного, да и то, что говоритъ, гораздо уже заглавія, какъ это сейчасъ увидитъ читатель. Авторъ заявляетъ, что „обыкновенно вопросы нравственности рассматриваютъ исключительно и спеціально съ одной стороны“. Онъ же желаетъ „объединить ихъ, дать общій обзоръ этого предмета со всѣхъ точекъ зрѣнія“. Затѣмъ указавъ на то, что „человѣкъ есть существо общественное“, что „въ основѣ всѣхъ его дѣйствій лежитъ эгоизмъ и альтруизмъ, вытекающіе изъ инстинкта сохраненія индивида и сохраненія рода, проф. Герценъ замѣчаетъ, что „въ гармоническомъ соединеніи этихъ стремленій состоитъ искусство индивидуальнаго и социальнаго поведенія, *нравственность*“. Послѣ этого авторъ задаетъ вопросомъ: какова же эта нравственность? Принципы ея, по его мнѣнію, вездѣ одни и тѣ же, суть слѣдующіе: 1) нравственность человека взятаго въ отдѣльности, состоитъ въ томъ, чтобы *вездѣ, всегда и во чтобы то ни стало дѣйствовать согласно со своими внутренними убѣжденіями* и 2) нравственность человека, какъ члена общества, состоитъ въ томъ, чтобы *вездѣ, всегда и во чтобы то ни стало дѣйствовать согласно съ требованіями наибольшаго блага ближнихъ и всего общества*. Кромѣ этихъ двухъ принциповъ авторъ находитъ еще третій: „истинно нравственный образъ дѣйствія есть тотъ, который *можно возвести въ общее правило поведенія* для каждаго нормально развитаго человека“. „Эти три принципа, замѣчаетъ авторъ, обращаясь къ своей аудиторіи, я хочу, чтобы служили вамъ руководящей нитью въ томъ лабиринтѣ, въ который мы вступаемъ. Не забывайте ихъ и вы увидите, что въ области половыхъ отношеній это три основныхъ критерія, которые должны принять и держаться ихъ, если онъ желаетъ быть честнымъ человекомъ“. Этимъ заканчивается, такъ сказать, введеніе автора. Оно вызываетъ нѣсколько замѣчаній. Во-первыхъ, врядъ ли можно согласиться съ опредѣленіемъ нравственности какъ искусства. Проявленія истинной нравственности всегда должны быть естественны, рождаются сами собой, въ нихъ не должно быть ничего искусственнаго, вынужденнаго; они должны исходить изъ всего его существа, быть ему присущи какъ движенія сердца, порывы его души. Поэтому нельзя называть нравственность искусствомъ поведенія. Къ тому же искусство, какъ и всякое умѣнье, можетъ быть меньшее или большее, между тѣмъ въ нравственности нельзя различать степеней, наши поступки или дѣйствія (исключая безразличныхъ для нравственности) могутъ быть нравственны или безнравственны—и только. Во-вторыхъ, едва ли правильно установленіе авторомъ трехъ принциповъ

нравственнаго поведенія. Третій принципъ, въ сущности, есть только перефразировка второго: смыслъ ихъ одинаковъ. Что касается перваго, то едва ли возможно признать вѣрность его: весьма часто люди, дѣйствующіе согласно со своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, поступаютъ дурно и безнравственно. Въ-третьихъ, нѣсколько страннымъ и неожиданнымъ является переходъ автора къ области половыхъ отношеній. Имѣя въ виду то, что было сказано авторомъ двумя страницами ранѣе, можно было ожидать, что лабиринтъ, въ который онъ приглашалъ вступить своихъ слушателей, и будетъ тотъ „общій обзоръ предмета (надо думать, науки и нравственности), со всѣхъ точекъ зрѣнія“, который авторъ хотѣлъ сдѣлать передъ своей аудиторіей. На самомъ же дѣлѣ авторъ неожиданно перешелъ къ области половыхъ отношеній и ей посвятилъ всю свою лекцію. Все, что говоритъ авторъ по этому вопросу, совершенно вѣрно и вызываетъ полнѣйшее сочувствіе, но къ темъ то, выставленной въ заглавіи, имѣетъ малое отношеніе. Конечно, чистота тѣлесная есть важное требованіе индивидуальной и еще болѣе общественной нравственности, но вѣдь ею не исчерпывается понятіе нравственности вообще, о которой, да еще въ связи съ наукой, хотѣлъ говорить проф. Герценъ. Можно быть чистымъ тѣломъ и не обладать чистотой душевной. Чистота физическая есть несомнѣнно одно изъ условій нравственнаго поведенія, но вѣдь имъ, повторяемъ, не исчерпывается оно. Поэтому, вѣрнѣе было бы автору назвать свою брошюру „Будьте цѣломудренны“, оно было бы правильно и достигло бы цѣли, а то читатель подъ впечатлѣніемъ заглавія ищетъ отвѣта на него, конечно, не находитъ и можетъ при этомъ только упустить изъ виду то полезное, что содержится въ данной брошюрѣ, для которой проф. Герценъ почему ты выбралъ такое громкое и совсѣмъ ей не соответствующее заглавіе, какъ „Наука и нравственность“.

Александръ Острогорскій.

Адольфъ Гацфельдтъ. Основы Литературной критики. Переводъ Діонео, изд. Бейленсона и Юровскаго. г. Одесса 1895 г. Ц. 15 коп.

Роль критики въ области литературы настолько значительна, что безъ сомнѣнія, заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія и серьезнаго изученія. Изученіе это должно опредѣлить степень ихъ отношенія другъ къ другу и размѣры совмѣстнаго воздѣйствія на окружающую дѣйствительность. Выясненіе только что формулированнаго положенія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторіи литературы и вообще возбуждаетъ большой интересъ. Въ частности-же бѣдность нашей литературы по данному вопросу заставляетъ отмѣчать все вновь появляющееся въ этомъ направленіи, хотя-бы само-по-себѣ оно и не представляло изъ себя ничего особеннаго. Разсматриваемая нами книжка—именно и принадлежитъ къ числу изданій—„ничего изъ себя не представляющихъ“. Она цѣликомъ посвящена краткому обзору главныхъ видовъ литературной критики. Сообразно съ этимъ ей слѣдовало-бы и названіе дать „виды литературной критики“, а не „основы“, потому что объ нихъ собственно въ книжкѣ нѣтъ и рѣчи. Всѣхъ видовъ авторъ насчитываетъ четыре: критика—эстетическая, моралистическая, историческая и психологическая. Характеризуя каждый

изъ этихъ видовъ критики въ отлѣльности, г. Гацфельтъ пытается указать какъ его достоинства, такъ и недостатки. Самъ-же онъ не склоняется въ пользу одного какого-нибудь вида, не отдаетъ ему предпочтенія: „всѣ они, по его словамъ, имѣютъ свои достоинства, если не впадаютъ въ крайность, если примѣняются разумно. Каждый изъ нихъ представляетъ точку зрѣнія, съ которой литературное произведеніе можетъ быть разсматриваемо, т. е. одну изъ сторонъ жизни, одну изъ граней истины“. Мудрено разобраться въ подобной расплывчатой неопредѣленности,—но мы и не будемъ этого дѣлать... Поговоримъ лучше по поводу слѣдующаго обстоятельства: въ одномъ изъ своихъ примѣчаній переводчикъ разбираемой книжки—г. Діонео—говоритъ, что онъ сдѣлалъ въ ней кой-какія измѣненія; надо полагать, что они были очень незначительны,—въ противномъ случаѣ—мы видѣли-бы значительныя дополненія, въ которыхъ книжка очень нуждается. Такъ напримѣръ, г. Гацфельтъ совершенно умалчиваетъ еще объ одномъ видѣ литературной критики,—по нашему мнѣнію самомъ важномъ,—о *критикѣ публицистической*.

Можно, пожалуй, признать, что на Западѣ этотъ видъ критики мало разработанъ, а потому и незначителенъ, что-же касается Россіи, то у насъ публицистическая критика занимаетъ первое мѣсто не только въ критикѣ, а по-истинѣ составляетъ гордость и силу всей русской литературы. Трудно сказать, чѣмъ была-бы русская литература безъ русской критики, но врядъ-ли кто искренно рѣшится отрицать, что значеніе второй для первой было громадно... Мы лично признаемъ роль русской критики, въ лицѣ такихъ ея представителей, какъ Бѣлинскій, Чернышевскій и Добролюбовъ, въ развитіи русской литературы — не *служебною*, а *творческою*...

Большой интересъ представить изъ себя трудъ, который изслѣдуетъ степень участія нашей философско-публицистической критики въ процессѣ выработки нашего общественнаго самосознанія, но когда еще такой трудъ появится; пока-же и такія книжки, какъ лежащая передъ нами книжка г. Гацфельдта, имѣютъ нѣкоторое значеніе — онѣ зондируютъ почву.

В. Леоновичъ.

Джонъ Стюартъ Милль. Автобіографія. М. 1896 г., 280 стр., ц. 75 коп. Изд. магазина „Книжное Дѣло“.

Знаменитый англійскій философъ, экономистъ и политикъ, Д. С. Милль, принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не столько „родились“, сколько „сдѣлались великими“, благодаря правильно поставленному воспитанію и счастливому сочетанію жизненныхъ условій. Въ своей во всѣхъ отношеніяхъ интересной и поучительной автобіографіи Милль и старается показать, кому и чему онъ обязанъ тѣмъ, что его жизнь прошла не безслѣдно для человѣчества.

Конечно, съ Миллемъ трудно согласиться, чтобъ отъ природы его способности не превышали среднихъ, но несомнѣнно, что онъ никогда бы „не перегналъ своихъ сверстниковъ на цѣлыхъ четверть вѣка“, если бы былъ принужденъ пройти рутинную школу воспитанія и образованія. Милль

сдѣлался замѣчательнымъ мыслителемъ, несмотря на то или вѣрнѣе именно потому, что не былъ ни въ гимназій, ни въ университетѣ, не имѣлъ никакихъ дипломовъ въ доказательство своей „зрѣлости“ и „учености“. Гимназію и отчасти университетъ замѣнилъ ему его отецъ, тоже выдающійся мыслитель и человекъ, который, несмотря на свои сложныя служебныя обязанности въ Остъ-Индской компаніи и многочисленные ученые труды, находилъ достаточно времени для систематическаго воспитанія ума и характера своего сына.

Старанія Джемса Милля были направлены прежде всего къ тому, чтобы сынъ его приобрѣлъ привычку логично и ясно мыслить, не останавливаясь въ анализѣ на подорогѣ... Онъ заставлялъ его преодолевать препятствія безъ посторонней помощи, но при этомъ заботился и о подборѣ интересныхъ сочиненій для развитія любознательности, необходимой при трудной мозговой работѣ. „Зазубриванья уроковъ“ онъ ни въ коемъ случаѣ не допускалъ. Тщеславіе въ связи съ соревнованіемъ, служащее главнымъ рычагомъ при обученіи нашихъ дѣтей, было по возможности устраняемо, заглашаемо, такъ какъ мальчикъ никогда не слышалъ похвалъ и восторговъ передъ своими успѣхами, и не имѣлъ „соперниковъ“, занимаясь, по большей части, одинъ съ своимъ отцомъ. Джемсъ Милль ревниво оберегалъ своего сына отъ постороннихъ вліяній, которыя могли бы привить ему предрасудки, но за то онъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за бесѣдами юноши съ своими знаменитыми друзьями: Рикардо, Юомъ, Бентамомъ, Гронгомъ (авторомъ „Исторіи Греціи“) и др.

Первоначальное образованіе, полученное Д. Миллемъ, слѣдуетъ назвать классическимъ, хотя оно и не имѣетъ ничего общаго съ системой, господствующей въ нашихъ гимназіяхъ. Первымъ языкомъ, который Милль началъ изучать наравнѣ съ англійскимъ, былъ греческій, а къ 8 годамъ, когда онъ началъ заниматься латинскимъ, имъ уже было прочитано несравненно больше греческихъ классиковъ, чѣмъ нашими гимназистами при полученіи аттестата зрѣлости. Помимо „уроковъ“ важную образовательную роль имѣли и „бесѣды“ съ отцомъ во время прогулокъ; много мыслей, зародившихся при этомъ въ головѣ мальчика, нашли себѣ потомъ блестящее развитіе въ его сочиненіяхъ.

Стремленіе „писать“, „сочинять“ проявилось у Милля чрезвычайно рано, такъ уже на 12-мъ году онъ, по собственной инициативѣ, составляетъ по Руку, Титу Ливію и Діонисію Галикарнасскому исторію борьбы патриціевъ съ плебеями. Въ эти сочиненія отецъ Милля никогда не заглядывалъ, не желая охлаждать рвенія юнаго автора ожиданіемъ строгой критики. Но на-ряду съ этими добровольными сочиненіями были и обязательныя. Во время прогулокъ Джемсъ Милль сообщалъ, между прочимъ, своему сыну свѣдѣнія изъ политической экономіи, и мальчикъ на другой день долженъ былъ представить отцу письменное изложеніе предыдущей бесѣды.

Религіознаго воспитанія Милль не получилъ и, по его словамъ, при надлежалъ къ числу тѣхъ низшихъ людей, которые не теряли религіозной вѣры, а просто никогда ея не имѣли. На нравственное же воспитаніе было обращено серьезное вниманіе, хотя и здѣсь примѣръ отца и „ко-свенныя“ указанія играли главную роль.

Четырнадцать лѣтъ молодой Милль покиннулъ на годъ Англію и зани-

мался на югѣ Франціи въ Монпелье французскимъ языкомъ, французской литературой и естественными науками. По возвращеніи въ Англію, онъ принимается за изученіе права и увлекается ученіемъ Бентама, которое имѣло большое значеніе при выработкѣ его утилитарныхъ этическихъ воззрѣній. Онъ образуетъ даже „кружокъ утилитаристовъ“, дебаты въ которомъ для всѣхъ его членовъ, въ особенности же для самого Милля, послужили хорошей философской и политической школой. Вообще Милль не разъ былъ инициаторомъ при устройствѣ общества самообразованія.

Если въ дѣтствѣ и юности другомъ и воспитателемъ Джона Милля былъ главнымъ образомъ его отецъ, то въ болѣе зрѣломъ возрастѣ наибольшее вліяніе на него имѣла г-жа Тэйлоръ, которая послѣ 20-ти лѣтней дружбы, потерявъ своего перваго мужа, согласилась сдѣлаться женой Милля.

Врядъ-ли когда еще существовала такая возвышенная, такая благотворная для обѣихъ сторонъ дружба между женщиной и между мужчиной, какая неизмѣнно соединяла въ теченіе 27 лѣтъ Милля съ Тэйлоръ, какъ до ихъ брака, такъ и послѣ него! Врядъ-ли какая-нибудь другая женщина добилась такого искренняго признанія своихъ духовныхъ достоинствъ, какое мы встрѣчаемъ на страницахъ „автобіографіи“ Милля, посвященныхъ его другу—женѣ.

„Въ періодъ такого умственнаго развитія“,—пишетъ онъ, вспоминая начало своего зрѣлаго возраста,—„и завязалъ дружбу, которая была для меня величайшимъ счастьемъ моей жизни; она также послужила источникомъ почти всего, что я сдѣлалъ до сихъ поръ, и что я надѣюсь сдѣлать на пользу человѣческаго благосостоянія... Прошло нѣсколько лѣтъ нашего знакомства съ мистриссъ Тэйлоръ, прежде чѣмъ между нами установилась тѣсная дружба и совершенное довѣріе; но я съ самаго начала почувствовалъ, что она была самымъ удивительнымъ человѣкомъ, какого я когда либо встрѣчалъ. Безъ сомнѣнія, она не была, да и никто не могъ быть въ тѣ лѣта, когда я впервые увидѣлъ ее, тѣмъ совершенствомъ, какимъ она сдѣлалась впоследствии. По отношенію къ ней это было еще менѣе справедливо, чѣмъ къ кому-либо другому. Казалось, что основнымъ закономъ ея натуры было постоянное саморазвитіе въ лучшемъ и самомъ возвышенномъ видѣ; это было какъ бы потребностью, происходившею отъ той пылкости, съ какою она стремилась къ самоусовершенствованію, и отъ той природной наклонности ума, которая не могла поддаться какому либо впечатлѣнію, не обративъ его въ источникъ умственнаго развитія...

Въ ней полная свобода отъ предрасудковъ и протестъ противъ мнѣній и условій общественной жизни происходили не отъ строгаго логическаго ума, а отъ сильныхъ и возвышенныхъ чувствъ, которыя притомъ соединялись съ наклонностью уважать и любить все достойное и высокое. Общій строй ея ума, ея темпераментъ и характеръ часто заставляли меня ссравнивать ее въ то время съ поэтомъ Шелли, но по уму и глубинѣ мыслей, Шелли—преждевременная смерть слишкомъ рано его похитила,—былъ только ребенкомъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ она сдѣлалась впоследствии. Въ самыхъ возвышенныхъ областяхъ философскаго наблюденія, какъ и въ обыденныхъ жизненныхъ мелочахъ, ея умъ повсюду являлся

одинаково совершеннымъ; онъ проникалъ вглубь, въ сущность каждаго вопроса; ни основная идея, ни принципъ не ускользали отъ него“.

Вліянію и содѣйствію этой замѣчательной женщины Милль приписываетъ лучшія, наиболее благородныя и глубокія по мысли, мѣста своихъ сочиненій. Одобрение ея было ему дороже похвалъ всего міра и, послѣ ея смерти, онъ не рѣшался измѣнять тѣхъ мѣстъ, которыя были написаны при ея сотрудничествѣ. Она умерла 50 лѣтъ въ Авиньонѣ, послѣ 7 лѣтъ брака съ Миллемъ, которому она завѣщала продолжать работать на пользу человѣчества. Свою привязанность къ женѣ Милль послѣ ея смерти перенесъ на свою падчерицу (дочь г-на Тэйлоръ), „способности“ которой, постоянно развиваясь и укрѣпляясь, были посвящены преслѣдованію тѣхъ же возвышенныхъ цѣлей“, которыми жила и ея мать. Помимо личныхъ вліяній для развитія и успѣшной дѣятельности Милля огромное вліяние имѣли и тѣ общественныя условія, среди которыхъ онъ жилъ. Милль таковъ, какимъ мы его знаемъ по его сочиненіямъ и его общественной дѣятельности, возможенъ былъ только въ странѣ, гдѣ свободное исповѣданіе своихъ убѣжденій, какъ бы ни шли они въ разрѣзъ съ господствующимъ настроеніемъ, считается незыблемымъ правомъ каждаго гражданина, гдѣ широко развита частная инициатива въ общественныхъ дѣлахъ, гдѣ идетъ постоянная борьба партій, гдѣ законность не пустое слово и т. д. Развѣ могъ бы, напр., Милль жить и дѣйствовать гдѣ нибудь въ Турціи или Персіи?!

Но, конечно, и въ англійской общественной жизни не мало отрицательныхъ сторонъ, которыя Милль и бичевалъ съ беспощадною страстностью. Рѣдкій иноземецъ сказалъ англичанамъ столько горькихъ истинъ, сколько имъ ихъ пришлось выслушать отъ своего великаго земляка.

Результаты разносторонней дѣятельности Милля трудно обхватить. Своей логикой онъ первый вполне ясно опредѣлилъ значеніе для различныхъ наукъ индукціи и дедукціи и указалъ ихъ соотношенія, онъ нанесъ рѣшительные удары туманной метафизикѣ и расчищалъ путь здоровому позитивизму, защищая его, какъ отъ враговъ, такъ и отъ еще болѣе опасныхъ друзей въ родѣ Конта въ его послѣдній періодъ; утилитарной этикѣ онъ придавалъ стройность и красоту; въ политической экономіи онъ явился сторонникомъ Рикардо, Сэя, своего отца и др., но пошелъ дальше ихъ въ вопросѣ объ отношеніи нанимателей къ рабочимъ, хотя и не могъ отрѣшиться отъ традиционныхъ взглядовъ буржуазной политической экономіи. Истинный демократъ, онъ стоялъ за всеобщую подачу голосовъ, за пропорціональное представительство меньшинства, за полную равноправность женщинъ. Женское движеніе не въ одной Англій, но во всемъ мірѣ въ значительной степени обязано ему своимъ быстрымъ развитіемъ. Онъ откликнулся даже и на стремленіе русской женщины къ высшему образованію.

Въ качествѣ выдающагося дѣятеля Остъ-Индской компаніи, до конца 50-хъ годовъ управлявшей Индіей, онъ много способствовалъ установленію законности и порядка въ этой богатой колоніи, вообще онъ старался заставить своихъ соотечественниковъ болѣе гуманно относиться къ жителямъ подчиненныхъ имъ странъ; онъ стоялъ за реформы, даровавшія извѣстную автономію Канадѣ, требовалъ суда надъ губернаторомъ, жестоко

обращавшимся съ туземцами въ Африкѣ, выработалъ проектъ аграрной реформы въ Ирландіи. Во время войны за освобожденіе невольниковъ онъ, вопреки общественному мнѣнію, открыто стоялъ на сторонѣ Сѣвера.

Членомъ палаты онъ былъ всего 3 года, занимая тамъ мѣсто на крайней лѣвой, но на законодательную дѣятельность парламента онъ имѣлъ влияние въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ черезъ своихъ многочисленныхъ друзей-депутатовъ, такъ и черезъ газеты, нѣкоторыя изъ которыхъ онъ самъ редактировалъ.

Изъ крупныхъ его сочиненій, которыя всѣ поражаютъ своей отчетливой, какъ внутренней, такъ и вѣшной отдѣлкой, особенно извѣстны: „Система логики“, „Основы политической экономіи“, къ которымъ написалъ свои примѣчанія русскій ученый, по уму стоящій не ниже Милля, „Подчиненность женщины“, „О свободѣ“, „Утилитаризмъ“, и „Юность Контъ и позитивизмъ“

„Автобіографія“ вышла въ свѣтъ уже послѣ смерти Милля, послѣдовавшей въ 1873-мъ году въ Авиньонѣ, тамъ же, гдѣ умерла и его жена.

Новый русскій переводъ этого посмертнаго сочиненія является какъ разъ кстати, онъ несомнѣнно будетъ способствовать усиленію популярности Милля въ нашемъ обществѣ. Рѣдкій, кто со вниманіемъ прочтетъ „Автобіографію“, откажетъ себѣ въ удовольствіи познакомиться и съ другими сочиненіями ея великаго автора.

И нельзя не пожелать, чтобъ Милль въ современномъ широкомъ кругѣ русскихъ читателей встрѣтилъ тотъ же радушный пріемъ, каковой выпалъ на долю его сочиненій въ 60-хъ и 70-хъ годахъ среди сравнительно небольшого кружка русскихъ интеллигентныхъ людей.

В. Поссе.

Альфонсъ Дюнанъ. Народное законодательство въ Швейцаріи.
Историческій обзоръ. Спб. 1896. 16 д. 125 стр. Цѣна 50 коп.

Наука государственнаго права различаетъ два вида государствъ съ республиканскою формою правленія: республики представительныя и непосредственныя.—Основное различіе между ними состоитъ въ томъ, что въ первыхъ вся государственная власть находится въ рукахъ избранныхъ представителей народа, тогда какъ въ непосредственныхъ республикахъ нѣкоторые государственные акты и при томъ обыкновенно тѣ, которые представляютъ особенное значеніе—законы и наиболѣе важныя административныя распоряженія — должны быть утверждены самимъ народомъ, или правильнѣе говоря большинствомъ его совершеннолѣтнихъ, правоспособныхъ гражданъ.

Это участіе всего народа въ государственномъ управленіи встрѣчалось довольно часто въ государствахъ древней Греціи; народное собраніе было представителемъ верховной власти и въ республиканскомъ Римѣ. Въ настоящее время въ цивилизованныхъ государствахъ эта форма государственнаго устройства почти не встрѣчается; мы находимъ ее лишь въ Швейцаріи и затѣмъ въ отдѣльныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ впрочемъ ко всенародному голосованію прибѣгаютъ только по весьма небольшому кругу дѣлъ. Поэтому для всѣхъ, интересующихся

вопросомъ объ участіи народа въ управленіи, изученіе государственнаго устройства Швейцаріи и его исторіи должно являться основнымъ источникомъ матеріаловъ и выводовъ.

Швейцарія принадлежитъ къ таеъ называемымъ союзнымъ государствамъ, составными частями которыхъ являются государства же. Такимъ образомъ Швейцарская республика есть государство, со всѣми правами и атрибутами, присущими каждому государству; отдѣльные кантоны, изъ которыхъ состоитъ Швейцарская Республика, суть тоже государства, тоже имѣющія свою законодательную, свою исполнительную и свою судебную власть.

Въ Швейцаріи народъ призывается къ участію въ законодательствѣ какъ отдѣльныхъ кантоновъ, такъ и союза ихъ, Швейцарской республики.

Книга Дюнана довольно таки сухо, но почти всегда достаточно обстоятельно описываетъ намъ возникновеніе, развитіе и особенности современной организациі обѣихъ основныхъ формъ привлеченія народа къ дѣлу законодательства: путемъ созванія кантона въ одно собраніе, обсуждающее и голосующее вопросы, предлагаемые ему на разрѣшеніе, или же во вторыхъ, путемъ того, что каждому гражданину предоставляется лишь подать свой голосъ противъ законопроекта или въ пользу его.

Наименѣе интересно разработанъ Дюнаномъ вопросъ о „мірскихъ сходахъ“. Тутъ читатель узнаетъ лишь, когда они возникли, въ какомъ изъ кантоновъ (такіе сходы, какъ органы верховнаго государственнаго управленія, существуютъ далеко не во всѣхъ кантонахъ). — Затѣмъ Дюнанъ отъ среднихъ вѣковъ, когда возникали эти сходы, переходитъ прямо къ современному ихъ устройству, при чемъ сообщаемы имъ свѣдѣнія такъ отрывочны, что, по нимъ нельзя прійти ни къ какимъ положительнымъ выводамъ относительно политическаго значенія сходовъ и ихъ достоинствъ, какъ органовъ управленія.

Гораздо обстоятельнѣй прослѣжена исторія того права народа на участіе въ законодательствѣ, которое проявляется въ одной лишь подачѣ голоса. Правда, что исторія эта коротка: тутъ весьма часто приходится имѣть дѣло съ меньшимъ количествомъ десятилѣтій, чѣмъ сколько насчитываетъ исторія законодательствующихъ „мірскихъ сходовъ“.

Авторъ довольно подробно прослѣживаетъ тотъ процессъ, путемъ котораго выработались современные формы всенароднаго голосованія законопроектовъ; такимъ образомъ книга Дюнана сообщаетъ намъ весьма много свѣдѣній по затронутому ею, столь интересному, предмету. Нельзя также не указать, что свѣдѣнія автора по вопросу не только весьма обильны, но почти всегда и вполне точны. Это образецъ добросовѣстной работы нѣмецкаго студента: авторъ за эту книжку получилъ отъ Гейдельбергскаго университета титулъ доктора. Выстъ съ тѣмъ книжка эта обладаетъ всѣми недостатками студенческихъ работъ: писана она спѣшно, поэтому не достаточно продумана даже и въ главныхъ своихъ частяхъ. На многіе изъ вопросовъ, неизбежно возникающіе у маломальски внимательнаго читателя, книга не даетъ не только отвѣта, но и матеріаловъ для него. Собственныя замѣчанія автора почти всегда крайне поверх-

ности, иногда даже прямо наивны (на стр. 106 замѣчанія о факультативномъ референдумѣ).

Переводчикъ почти повсюду весьма удачно справился со своею крайне трудною задачею передать на русскомъ языкѣ вещи, для которыхъ не только нѣтъ у насъ соотвѣствующихъ словъ, но и самое понятие о которыхъ отсутствуетъ у большинства русскихъ читателей.

Мѣстами только (стр. 46—51) попадаются не совсѣмъ удобопонятныя или не совсѣмъ точныя фразы. Къ тому же, надо сказать, что для читателей, которые не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ устройство Швейцарской конфедераціи, весьма трудно будетъ по книгѣ Дюнана составить себѣ представленіе объ организациі законодательной власти въ Швейцаріи. Тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые хотѣли бы имѣть весьма полное, строго научное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне популярное изложеніе государственнаго и общественнаго строя Швейцаріи, мы могли бы рекомендовать Книгу Эдемса и Конингэли „Швейцарія и ея учрежденія“ пер. съ англійскаго Спб. 1893. 320 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Лазаревскій.

И. П. Бородинъ. Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ. Съ 169 рисунками. Второе переработанное изданіе. Стр. 226. Ц. 1 р. 50 к. Изд. ред. журнала „Міръ Божій“. Спб. 1896 г.

„Нѣтъ въ мірѣ тайны болѣе заманчивой, какъ тайна жизни. Богословъ, философъ, историкъ, естествоиспытатель, каждый по своему, старается разгадать ее, изучая то сложнѣйшія проявленія жизни въ области духа, то матеріальную подкладку жизненныхъ явленій—живую матерію. Во всеоружіи скальпеля, микроскопа, реактива и логики подходит естествоиспытатель къ живымъ существамъ, стараясь вырвать у нихъ ревниво скрываемую ими тайну; попеременно обращается онъ то къ вѣнцу творенія—человѣку, то къ подонкамъ жизни—туда, гдѣ дыханіе ея обнаруживается въ простѣйшей формѣ. Нужно ли прибавлять, что тайна по прежнему остается тайной? Суждено ли человѣку вообще проникнуть въ ея сущность—кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Но сомнѣніе здѣсь какъ нельзя болѣе законно. Истина—кругъ, знаніе—многоугольникъ, вписанный въ этотъ кругъ. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ мы умножаемъ число сторонъ многоугольника и приближаемся къ кругу, но достигнуть его мы можемъ лишь подъ маленькимъ условіемъ — безконечности. Значитъ ли это, что не стоитъ даже интересоваться наукой? Разумѣется, нѣтъ. Всего дальше отъ истины тотъ, кто отъ нея упорно отворачивается“.

Вотъ первыя слова интереснаго сочиненія профессора Бородина. Книга написана съ необычайнымъ талантомъ и живостью; не смотря на трудности, представляемыя этимъ отдѣломъ ботаники для популярнаго изложенія, трудно нарисовать болѣе ясную картину постепеннаго развитія важной функціи оплодотворенія въ растительномъ царствѣ, функціи, которая на низшихъ ступеняхъ жизненныхъ проявленій составляетъ кульминаціонный пунктъ всего существованія организма, причѣмъ обычныя явленія питанія и роста служатъ какъ бы прелюдіей или подготовкой къ акту оплодотво-

ренія и созданія новыхъ особей. Въ самомъ дѣлѣ, если вспомнить, что низшіе организмы находятся въ гораздо большей зависимости отъ окружающихъ условій, чѣмъ высшія существа, не говоря уже о человѣкѣ, то становится понятнымъ, что главныя силы ихъ посвящены завѣтной цѣли—продолженію рода. Сочиненіе проф. Бородина рисуеъ предъ нами постепенное развитіе и совершенствованіе этого процесса, который на высшихъ ступеняхъ жизни, не теряя своего значенія, отступаетъ нѣсколько на второй планъ и уступаетъ мѣсто или лучше даетъ просторъ личной жизни индивида съ ея мимолетными радостями и удовольствіями. Авторъ, какъ это видно изъ приведенныхъ словъ его, смотритъ на жизнь нѣсколько пессимистически; для него она неразрѣшимая тайна. Но въ этомъ мы съ нимъ разоидемся. Тайна есть нѣчто, что не обнаружено или же она нѣчто, что съ самаго начала мыслится какъ тайна. Въ первомъ случаѣ неразрѣшимость тайны, въ данномъ вопросѣ тайны жизни, происходитъ не отъ того, что она заключаетъ въ себѣ элементъ неразрѣшимости, а отъ того, что съ одной стороны разрѣшеніе ея зависитъ отъ времени, а съ другой стороны сама тайна по мѣрѣ нашего развитія увеличивается въ объемѣ, потому что развитой умъ задаетъ природѣ больше вопросовъ, чѣмъ умъ не развитой, въ микроскопъ видно больше предметовъ, чѣмъ ихъ видно простымъ глазомъ, и на всѣхъ материкахъ земного шара живетъ больше растений, чѣмъ на нашей лужайкѣ. Такимъ образомъ разрѣшеніе тайны сводится ко времени и къ пространству, а такъ какъ и то и другое мыслится нами подъ условіемъ безконечности, то и тайна жизни представляется намъ недостижимой. Но съ другой стороны мы можемъ представлять себѣ любое явленіе въ видѣ тайны, напр., при изслѣдованіи вопроса, почему во время десерта одинъ господинъ съѣлъ грушу, а другой апельсинъ, можно дойти до безконечности, призвать на помощь наследственность ихъ обоихъ, наследственность апельсина и груши, изслѣдовать вопросъ, почему оба господина и оба фрукта въ одно и то же время очутились въ близкомъ сосѣдствѣ, какое отношеніе имѣлъ къ ихъ выбору разговоръ объ оперѣ, зашедшій въ это время за столomъ, словомъ, простой фактъ разрастается въ необычайные размѣры. Если начать думать о жизни какъ о тайнѣ, тайнѣ непонятной, неразрѣшимой, неостижимой и т. д., то сознание укрѣпится въ этой мысли, и тогда уже трудно вернуть его въ рамки болѣе простаго пониманія, простаго, но въ то же время вполне реальнаго.

Во второмъ № „Образованія“ разбирался споръ между проф. Тимирязевымъ и проф. Бородинымъ по вопросу о витализмѣ. Тамъ говорилось о пессимизмѣ и разочарованіи, въ которое впалъ проф. Бородинъ, и намъ кажется, что, подъ влияніемъ подобнаго настроенія, тайна жизни предстала ему въ образѣ сфинкса, которому даже напрасно смотрѣть въ глаза, все равно ничего не скажетъ. Такимъ же погребальнымъ тономъ звучитъ заключеніе разбираемаго сочиненія, составляющее рѣзкій контрастъ съ проникнутымъ бодростью содержаніемъ книги. Вотъ это заключеніе: „Общій выводъ изъ всего сказаннаго можетъ быть только одинъ: девятнадцатое столѣтіе разъяснило намъ, и то еще не вполне, формальную, морфологическую сторону процесса оплодотворенія, не выяснивъ внутренней физиологической его стороны; мы знаемъ, болѣе или менѣе, какъ въ

разныхъ случаяхъ совершается этотъ процессъ, но не понимаемъ—*зачѣмъ* (оба курсива подлинника) онъ вообще происходитъ и на вопросъ: „почему сіе важно?“ — наука не даетъ намъ пока удовлетворительнаго отвѣта. Если этотъ общій выводъ вызоветъ въ умѣ терпѣливаго читателя чувство досады и полнѣйшей неудовлетворенности, то намъ останется только сочувственно пожать другъ другу руки, утѣшая себя мыслью, что хотя не намъ самимъ, но пытливому человѣческому уму вообще суждено встрѣтить не только двадцатое, но, вѣроятно, и двухсотое столѣтіе..“ Интересно было бы услышать отвѣтъ проф. Бородина, къ чему ему нужно это *зачѣмъ*?

Жиро. Общества у животныхъ. Перевелъ В. Сквифасовскій.
Современная научная бібліотека. М. Стр. 175. Ц. 1 р.

Сходство между человѣкомъ и другими живыми существами не ограничивается сходствомъ анатомическаго строенія органовъ и физиологическаго отправления ихъ. Оно простирается на психическія явленія внутренней жизни и на социальную организацію. Значеніе, которое имѣетъ для человѣка его привычка жить въ обществѣ, и сложныя явленія этой общественной жизни являются главной причиной интереса изученія общества. Эта же причина побуждаетъ человѣка изучать болѣе простыя проявленія общественной жизни у животныхъ, чтобы путемъ сравненія объяснить происхожденіе, постепенное развитіе общественныхъ формъ, влияние ихъ на отдѣльную особь, и возникновеніе различныхъ общественныхъ инстинктовъ и чувствъ.

Въ этомъ отношеніи изученіе обществъ у животныхъ представляетъ высочайшій интересъ: предъ вами раскрываются всевозможныя формы общежитія, начиная отъ временныхъ союзовъ и кончая высоко развитой, какъ бы отлившейся въ прочную неподвижную форму, общиной пчелъ и муравьевъ. На ряду съ формами, въ которыхъ всѣ особи равноправны, являются общежитія, въ которыхъ они подчинены другъ другу какъ бы „на точномъ основаніи законовъ“, напр. у пчелъ и муравьевъ, наконецъ общежитія, въ которыхъ одна форма или особь эксплуатируетъ другую и превращается въ паразита.

Въ сочиненіи проф. Жиро мы находимъ довольно полное и интересное описаніе различныхъ подобныхъ общежитій. Онъ разсматриваетъ ихъ у различныхъ группъ животныхъ, начиная съ позвоночныхъ и кончая полипами и червями. Ассоціаціи позвоночныхъ животныхъ онъ раздѣляетъ на: 1) ассоціаціи индифферентныя, какъ напр., стаи рыбъ и птицъ; 2) ассоціаціи взаимопомощи, напр., города бобровъ и 3) постоянныя ассоціаціи, которыя наблюдаются у многихъ птицъ и млекопитающихъ. У безпозвоночныхъ Жиро разсматриваетъ прежде всего удивительныя общины пчелъ, муравьевъ и термитовъ; а затѣмъ переходитъ къ явленіямъ комменсализма или сотрапезничества, въ которомъ онъ различаетъ настоящій комменсализмъ и мутуализмъ; затѣмъ изслѣдуетъ паразитизмъ и заканчиваетъ книгу разсмотрѣніемъ колоніальныхъ обществъ (сифонофоры, губки, полипняки и проч.). При маломъ размѣрѣ книги, сравнительно съ объемомъ предмета, многія главы ея слишкомъ поверхностны и ограничиваются

описательною стороною. Впрочемъ авторъ почти вездѣ только описываетъ формы общежитій, но не вдается въ разсмотрѣніе причинъ происхожденія ихъ. Это составляетъ недостатокъ книги.

Многія сложныя явленія социальной жизни животныхъ, особенно у общественныхъ наѣжкомыхъ, положительно ставятъ человѣческій умъ въ тупикъ: какъ могли они образоваться у существъ, у которыхъ по ничтожности ихъ мы готовы отрицать всякія сложныя проявленія психической жизни. А между тѣмъ самыя формы ихъ жизни свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ умѣ ихъ; невозможно же въ самомъ дѣлѣ признать сознательныя дѣйствія муравьевъ инстинктивными, мы должны допустить, что въ ничтожномъ другу своего муравейника они понимаютъ свои интересы столь же хорошо, какъ и мы свои, мы должны даже допустить существованіе у нихъ языка, хотя наблюденія пока не подтвердили самый фактъ существованія его. Читая подробное описаніе общины пчелъ, муравьевъ и термитовъ съ ихъ сложной дифференціаціей особей на бесполовыхъ и половыхъ, на работниковъ, трутней, царицъ и т. д., иной не искусившійся въ естествознаніи читатель вѣроятно усумнится, возможно ли объяснить эти, сложныя по своему происхожденію, но ясныя по дѣлу, формы принципами Дарвина. Цѣлесообразность подобной организаціи при ничтожности самихъ организмовъ и срока ихъ жизни можетъ вызвать въ жизни въ умахъ многихъ читателей погребенные нынѣ принципы телеологии. Но надо воздержаться. Изъ того, что многія явленія недостаточно понятны и ясны, вовсе не вытекаетъ, что мы должны оставить средства изслѣдованія и разъясненія, которыя одни только носятъ разумный характеръ, и прибѣгнуть къ объясненіямъ характера сверхъестественнаго.

Бротье. Исторія земли. Переводъ съ французскаго Литвинова.

Общепользная бібліотека для самообразованія. Изданіе М. Кюлина. Стр. 173. М. П. 50 к. Съ рисунками.

Составленіе популярной книги по какому нибудь отдѣлу знанія задача весьма трудная: съ одной стороны, она требуетъ полнаго знанія данной отрасли науки и связи ея съ сосѣдними отраслями, съ другой стороны необходимо умѣнье изложить предметъ просто, т. е., выдѣлить и обрисовать ясно и картинно лишь главное и существенное, а не второстепенное и несущественное. Вотъ почему въ послѣднее время, когда всюду въ Европѣ вмѣстѣ съ ростомъ демократіи явилась потребность въ популярныхъ сочиненіяхъ для народныхъ массъ, задачу составленія ихъ стали поручать въ Германіи и Англій ученымъ, и ученымъ по возможности первокласснымъ. Во Франціи, наоборотъ, этого пока не замѣчается. Тамъ, по видимому, думаютъ, что всякій образованный человѣкъ можетъ скомпиллировать книгу для народа по двумъ-тремъ сочиненіямъ. Въ результатъ получаютъ нерѣдко сочиненія, лишенные ясности изложенія, лишенные системы и, сплошь и рядомъ, переполненные ошибками. У насъ въ Россіи наибольшимъ распространеніемъ пользуется знаніе французскаго языка, и вотъ по этой причинѣ нѣкоторые издатели чаще всего прибѣгаютъ къ французской популярной литературѣ. Намъ не разъ уже приходилось разбирать переводы французскихъ популярныхъ книгъ въ изданіи Сойкина,

и всегда мы находили въ нихъ одни и тѣ же недостатки: малое знакомство съ предметомъ, наклонность къ эффектнымъ, но пустымъ гипотезамъ, цѣлты краснорѣчія и... ошибки.

„Исторія Земли“, изданная нынѣ г. М. Ключинимъ, представляетъ какъ разъ подобнаго типа сочиненіе. Конечно, читатель, прочитавшій эти 173 страницы, что нибудъ да вынесетъ изъ нихъ; но это будутъ отдѣльныя разрозненныя свѣдѣнія, термины, а на ряду съ ними устарѣлыя гипотезы и ошибочныя представленія. Напр. въ книгѣ описаны важнѣйшія горныя породы: кремнеземъ, глиноземъ, известнякъ, мергель, металлы, полевои шпаты, талькъ, слюда, гранитъ, порфиръ, пуддингъ. Мы не говоримъ уже о путаницѣ, внесенной авторомъ, когда онъ смѣшиваетъ понятіе о горной породѣ (напр. гранитъ, известнякъ) съ понятіемъ о минералѣ (талькъ, полевои шпаты), спрашиваемъ только, почему приведены талькъ, слюда и вдругъ пуддингъ, а нѣтъ столь обыкновенной породы, какъ песчаникъ, глинистый сланецъ и т. п. „Гранитъ есть камень съ раковистымъ изломомъ“ (стр. 9)—или авторъ, или переводчикъ, а можетъ быть оба они не знаютъ, что такое гранитъ и что такое раковистый изломъ. Кромѣ того, какъ можно пользоваться понятіемъ, не разъяснивъ его; если бы авторъ объяснилъ, что такое раковистый изломъ, такъ онъ бы не сказалъ, что гранитъ обладаетъ раковистымъ изломомъ. На той же страницѣ приведенъ рисунокъ гранита, но не указано, что это препаратъ, приготовленный для микроскопа. Конечно, читатель, сто разъ видѣвшій гранитъ, станетъ въ тупикъ и проникнется недоувѣріемъ либо въ себя, либо въ данному сочиненію. Дальнѣйшее изложеніе представляетъ такую же смѣсь и путаницу, покрытую лакомъ внѣшней систематичности. Намъ, конечно, мало дѣла до Бротъе, писавшаго для французовъ, но мы желали бы, чтобы русскій читатель, желающій ознакомиться съ столь интересной и важной для общаго развитія наукой, какою является геологія, получалъ бы здоровую и правильно размягченную, а не раскромсанную неумѣлой рукой пищу.

Н. Березинъ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

‘Аполлонъ Коринфскій. На ранней зорькѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Съ рисунк. Н. Н. Каразина, Н. Богданова и др. СПб. 1896 г. Изданіе книгопрод. М. В. Ключина Стр. 127. Ц. 50 к.

Мнѣ лѣсовъ родимыхъ Эльфы,
Хороводы вольныхъ фей
Указали путь-дорожку
Къ сердцу маленькихъ людей!..

Такъ заключаетъ г. Коринфскій свое прелестное стихотвореніе: „Миръ дѣтей“ помѣщенное въ началѣ его новаго сборника стихотвореній, предназначеннаго имъ на этотъ разъ „маленькимъ людямъ!“

Отдавая всю дань уваженія поэтическому таланту г. Коринфскаго, мы все-же думаемъ, что врядъ-ли эльфы и феи, указывая ему на путь въ дѣтскому сердцу, имѣли въ виду, именно этотъ его сборникъ: „На ранней зорькѣ“. Писать для дѣтей, а въ особенности для маленькихъ, очень трудно, и не всякій способенъ снизить до простоты понятій ребенка, который

не терпит ничего отвлеченнаго ни въ фабулѣ, ни въ слогѣ, а въ этой то отвлеченности, расплывчатости образовъ и скудости содержанія мы и замѣчаемъ главный недостатокъ новаго произведенія г. Коринфскаго.

Теперь перейдемъ къ частностямъ. Сборникъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ; въ первомъ, озаглавленномъ „Малюткамъ“, помѣщены десять стихотвореній, посвященныхъ, какъ самое заглавіе показываетъ, дѣтямъ очень маленькимъ, открываемъ первую страницу и читаемъ:

Дѣтскіе годы
Счастья пора!
Праздникъ свободы
Нива добра.

И далѣе.

Сны ваши (дѣтки-малютки) грезы,
Чудные сны
Сыплеть въ нихъ розы
Геній весны.

Скажите—многое пойметъ *малютка* въ этихъ строкахъ, и могутъ ли онѣ заинтересовать его? Второе стихотвореніе „Солнце и мама“. „Мама! Что такое солнце?“ спрашиваетъ ребенокъ—„То, что ярко такъ блеститъ“—отвѣчаетъ мать, объясненіе, какъ намъ кажется, нѣсколько странное и неспособное удовлетворить малютку, которому также едва-ли придетъ въ голову вопросъ: есть-ли у солнца мама и

Кто жъ его
Приголубить и пригрѣть
Въ Божьемъ мірѣ самого?

Въ стихотв. „Звѣздочка любопытная“ читаемъ слѣдующее:

Да, Богъ вѣсть о чемъ, подъ шелестъ
За слезой слезу роняя
Разрыдалася *ревниво*
Рядомъ (съ двумя шепчущимися березками) липка молодая.

Не превышаютъ ли подобные, можетъ быть и весьма поэтичные, образы уровень понятій малютокъ, спрашивающихъ, есть ли у солнца мама. Лучшими въ этомъ отдѣлѣ можно считать стих. „Бѣлый Дѣдъ“ „Одѣяльце“ и „Зимнія забавы“, представляющія вполне законченныя, интересныя и понятныя для ребенка картины.

Что касается до послѣдняго стихотворенія „Школа“, гдѣ внучекъ спрашиваетъ глухую бабушку, правда-ли, что въ школѣ, кромѣ складовъ, учатъ еще тому, „какъ жить счастливо горемыкамъ бѣднякамъ“—мы бы отнесли ко второму отдѣлу, гдѣ помѣщены стихи для дѣтей всѣхъ возрастовъ, какъ не вполне еще доступны по своей идеѣ для *малютокъ*.

Второй отдѣлъ, подъ названіемъ „Природа и жизнь“ заключаетъ въ себѣ 34 стихотвор. которыя при всей прелести формы, тоже не отличаются особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, хотя, будучи предложены дѣтямъ болѣе старшаго возраста, многія изъ нихъ могутъ доставить удовольствіе юнымъ читателямъ, способнымъ уже увлекаться описаніями природы и музыкальностью стиха. Не можемъ однако не замѣтить, что нѣкоторыя стихотворенія г. Коринфскаго невольно приводятъ на память произведенія Майкова, Фета и др. Для примѣра возьмемъ стих. „Съ удоч-

нами“, при чтеніи котораго мы не могли не вспомнить „Рыбную ловлю“ Майкова, который рисуетъ намъ не менѣ поэтическую картину съ тою только разницею, что она лишена такихъ преждевременныхъ по нашему мнѣнію красотъ, какъ слѣдующія заключительныя строки.

Мой челнокъ надъ влагою лиловой
Какъ чайка полетѣлъ—Истомою объять
Гляжу я, какъ, земной тревогой волнуемъ,
Прощаясь съ волной стыдливимъ поцѣлуемъ
Румянится загать.

Г. Коринфскій очень любитъ подобныя сравненія: въ стихотвор. „Одиновая сосна“ читаемъ:

Перешептывались съ ними (опять съ юными липками)
Ароматные цвѣты
Зорьки алыми устами
Цѣловали ихъ листы.

Чѣмъ увлекается взрослый, то не всегда можетъ понравиться ребенку. И, да проститъ намъ г. Коринфскій, но, намъ кажется, что и для него еще „торные ходы къ завѣтному ключу воды живой“ какъ онъ называетъ дѣтское сердце, остались еще далеко не вполне изслѣдованными.

Справедливость требуетъ замѣтить, что цѣна на книгу назначена весьма скромная, но эта дешевизна не извиняетъ той небрежности, съ которой издатель отнесся къ внѣшней сторонѣ сборника: насъ поражаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ несоотвѣтствіе рисунковъ и виньетокъ съ содержаніемъ стихотвореній. Жаль также, что на ряду съ прекрасными талантливыми иллюстраціями г. Каразина и др. помѣщены такія слабыя и безсодержательныя виньетки, какъ та, напр. которая украшаетъ стихотвореніе „Мѣсяцева внучка“ или сказку „Царь Морозъ“.

Мамины сказки и рассказы маленькимъ дѣткамъ И. Бѣлоусова. СПб. 1896 г. Изданіе М. М. Ледерле. Стр. 62 Ц. 50 к.

Простое изложеніе, доступная фабула и любовное отношеніе автора къ малышамъ, проглядывающее въ каждой строчкѣ „Маминныхъ сказокъ“ и рассказовъ г. Бѣлоусова, дѣлаютъ книгу вполне подходящею для чтенія дѣтямъ младшаго возраста. Но эти сказки и картинки съ натуры еще болѣе выиграютъ, если будутъ прочтены дѣтямъ вслухъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ и описанія, и разговорная рѣчь будутъ живѣе восприняты ими, тѣмъ болѣе, что между рассказами есть нѣсколько, изложенныхъ стихами, ихъ дѣти очень любятъ слушать и даже часто заучиваютъ со словъ наизусть.

Сказки жизни. А. Королева. Изданіе книжнаго магазина М. Ледерле. СПб. 1896 г. Стр. 54. Ц. 50 к.

Насколько мы можемъ судить по содержанію „Сказокъ жизни“ г. Королева, авторъ предназначаетъ ихъ для дѣтей младшаго возраста, но мы сомнѣваемся, чтобы онѣ могли привлечь къ себѣ вниманіе послѣднихъ. Дѣти ждутъ отъ разсказа, не говоря уже отъ сказки, живыхъ опредѣленныхъ образовъ, быстро смѣняющихся картинъ и дѣйствій. Малыши не

особенно любят описанія природы, которыя имъ наскучиваютъ, такъ какъ они еще не въ состояннн увлечся красотами слога. Дайте имъ самую немудрую фавулу, но расскажите ее оригинальнымъ, точнымъ и простымъ языкомъ, и они съ наслажденіемъ будутъ читать ее нѣсколько разъ.

Изъ четырехъ сказокъ г. Королева, а именно: „Рассказъ фонаря“, „Балъ вокругъ свѣчки“, „Лепетъ березки“ и „Малиновки“ доступнѣе всѣхъ для нихъ первый—исторія бѣднаго мальчика-нищенки, приходившаго каждый вечеръ подъ окно ярко освѣщенной комнаты смотрѣть на весело играющихъ тамъ дѣтей и умершаго въ больницѣ отъ простуды. Не говоря уже о томъ, что тема эта достаточно избита, рассказъ еще кромѣ того отличается дѣланностью и желаніемъ разжалобить читателя. Вторая сказка „Балъ вокругъ свѣчки“—повѣствуетъ о тѣхъ приключеніяхъ, которыя передаютъ другъ другу различныя насѣкомыя, летая вокругъ зажженной свѣчи. Намъ кажется, что дѣти немного потеряютъ, если не узнаютъ, что какою то комаръ, „отрекомендовавшій себя поэтомъ любви и природы недавно ужасно влюбился въ одну прелестную дѣвочку, съ бѣлымъ какъ молоко личикомъ и съ нѣжнымъ розовымъ налетомъ по щекамъ, и не утерпѣвъ, неслышно сѣлъ на ея руку и припалъ къ ней жаркимъ поцѣлуемъ“. Лучшее впечатлѣніе производятъ два послѣдніе разсказа: описаніе урагана (Лепетъ березки) изложено весьма недурно, но все же намъ кажется, что съ подобными описаніями „полезнѣе будетъ знакомить дѣтей по произведеніямъ нашихъ образцовыхъ писателей.

Дѣтвора. Рассказы **В. А. Радича.** СПб. 1895. изданіе М. М. Ледерле.
Стр. 68. Ц. 50 в.

„Дѣтвора“, которой г. Радичъ предлагаетъ свою книжку, навѣрно не безъ удовольствія прочтетъ помѣщенные въ ней рассказы, изъ которыхъ мы особенно отмѣтимъ слѣдующіе: „Бандуристъ“, „Исторія Митьки“ и „Въ неволѣ“. Маленькіе читатели отъ души пожалѣютъ бѣднаго слѣплого бандуриста, принужденнаго разстаться съ любимымъ мальчикомъ, водившимъ его по ярмаркамъ украинскихъ сель и деревень и пожелають этому послѣднему полнаго успѣха на томъ пути, куда судьба поставила его, познакомивъ съ художникомъ, замѣтившимъ въ мальчикѣ недюжинныя способности и страстную любовь къ рисованію и взявшимъ его съ собой въ столицу.—Въ „Исторіи Митьки“ они порадуются за участь героя, маленькаго оборвыша нищенки, не устоявшаго отъ искушенія полакомиться вгусной ветчиной, увидѣнной имъ въ окнѣ одного изъ подвальныхъ этажей, куда онъ уже намѣревался влѣзть черезъ плохо затворенную форточку, но былъ схваченъ чьей то сильной рукой, которая вслѣдъ за тѣмъ нанесла такой ударъ, что онъ упалъ въ обморокъ. Очнулся онъ уже въ комнатѣ обладателя этой руки, дворника Михенча, который сжалился надъ ребенкомъ и оставилъ его жить у себя. Граціозный рассказъ „Въ неволѣ“ заинтересуетъ ихъ судьбой двухъ птичекъ, пойманныхъ на зеленомъ цвѣтущемъ острову и увезенныхъ въ неволю въ душный большой городъ. Всѣ эти сюжеты доступны „Дѣтворѣ“ и изложенные хорошимъ, яснымъ слогомъ, доставятъ ей пріятное и занимательное чтеніе.

Разказы для дѣтей старшаго возраста. Е. Д. Григоровой. Изданіе второе, дополненное М. А. Мензбира. Москва. 1896. Стр. 226. Ц. 1 р. 25 в.

Съ удовольствіемъ встрѣчаемъ появленіе второго изданія прекрасныхъ разказовъ госпожи Григоровой и охотно рекомендуемъ ихъ дѣтямъ не только старшаго, но даже и средняго возраста. Намъ удалось получить отзывъ объ этой книгѣ отъ нѣсколькихъ маленькихъ читателей различныхъ вкусовъ и характеровъ, и всѣ единодушно признали ее чрезвычайно интересной и занимательной. Конечно, занимательность не есть еще главное достоинство хорошей дѣтской книги, но въ настоящемъ случаѣ она является слѣдствіемъ другихъ болѣе положительныхъ достоинствъ, а именно: замѣчательной правдивости въ передачѣ положеній и картинъ, выхваченныхъ изъ дѣйствительной жизни, и живости образовъ, не вымученныхъ и ходульныхъ, а естественныхъ и близкихъ дѣтямъ, которыя на мой вопросъ: „чѣмъ же вамъ особенно понравились эти разказы?“ отвѣтили въ одинъ голосъ: да тѣмъ, что въ нихъ все такъ правдоподобно, какъ будто на самомъ дѣлѣ все это было“. Правда, что всѣ почти разказы носятъ печальный характеръ, но это не бѣда, печаль эта понятна и доступна дѣтямъ, которыя отзовутся на нее своей чуткой душой и задумаются надъ участіемъ героевъ.

Единственно, что не вполне удалось г-жѣ Григоровой—это разговорная рѣчь, которая не всегда бываетъ въ соотвѣтствіи съ той жизнью, изъ которой приводится разказъ.

О. Лорисъ-Меликова.

Народныя книги.

Изданія на средства Издательскаго Общ-ва при учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній: 1) **Русская Исторія въ романахъ и повѣстяхъ.** Книга 1-я. Спб. 1895 г. 220 стр. Ц. 40 в. 2) **Хвала Богу.** Сборникъ стихотвореній. Спб. 1894 г. 168 стр. Ц. 40 в. 3) **Второй сборникъ стихотвореній.** Спб. 1895 г. 84 стр. Ц. 15 в. 4) **Третій сборникъ стихотвореній. Слава родной земли.** Спб. 1895 г. 92 стр. Ц. 12 в.

Изданія Московскаго Общ-ва распространенія полезныхъ книгъ: 5) **Древнее сказаніе объ основаніи Колоцкаго монастыря.** А. Сизовой. М. 1895 г. 32 стр. Ц. 5 в. 6) **Соломонія Сабурова** А. Сизовой. М. 1894 г. Ц. 25 в. 7) **Св. Филиппъ, митрополитъ московскій,** А. Сизовой. М. 1895 г. 36 стр. Ц. 10 в. 8) **Верба.** А. Сизовой. М. 1895 г. 32 стр. Ц. 5 в. 9) **Добрый бояринъ стараго времени.** А. Сизовой. М. 1896 г. 64 стр. Ц. 12 в. 10) **Новый 1700 годъ.** А. Сизовой. М. 1895 г. 32 стр. Ц. 5 в. 11) **Кузнецъ Демидычъ.** А. Сизовой. М. 1895 г. Ц. 5 в.

12) **Св. Стефанъ епископъ Пермскій,** Н. Филиппова. Изд. 3-е, Клювина. М. 1896 г. 15 стр. Ц. 3 в. 13) **Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.** А. Быковой. Изд. книж. склада Муриновой. М. 1896 г. 201 стр. Ц. 50 в. (Съ 7-ю рис. въ текстѣ и съ географ. картой). 14) **Приключенія двухъ кораблей или разказы о Цар-**

ствѣ **Вѣчнаго Холода**, Н. Рубакина. Съ 34 рис. въ текстѣ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1896 г. 109 стр. Ц. 20 к. 15) **Карпушкинъ родникъ**. Изд. вн. сѣлада Калмыковой. Спб. 1895 г. 40 стр. Ц. 7 к. 16) **Родныя пѣсни**. Сборникъ стихотвореній. Сост. Вл. Бончъ-Бруевичъ. Изд. книж. скл. Муриновой. М. 1896 г. 72 стр. Ц. 10 к.

Историческіе рассказы всегда очень охотно читаются простымъ народомъ и доставляютъ матеріалъ для этого чтенія очень полезно. На средства издательскаго общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній напечатана „Книга первая“ интересной исторической хрестоматіи, озаглавленной: *Русская исторія въ романахъ и повѣстяхъ*. Періодъ отъ смутнаго времени до Петра Великаго является здѣсь не въ видѣ связнаго, послѣдовательнаго рассказа, а въ видѣ отрывковъ изъ романовъ, рисующихъ соотвѣтствующую эпоху. Отрывки, сами по себѣ довольно большіе, связаны краткими изложеніями внѣшней стороны промежуточныхъ событій (вставки эти напечатаны другимъ, мелкимъ шрифтомъ) и такимъ образомъ книга оставляетъ по себѣ впечатлѣніе цѣльности. Отдѣльные отрывки служатъ какъ бы главами, на которыя разбитъ послѣдовательный рассказъ, заключающій въ себѣ рядъ эпизодовъ. Подборъ отрывковъ слѣдующій: изъ „Юрія Милославскаго“ сцена на площади, гдѣ говоритъ свою призывную рѣчь Козьма Мининъ; тяжелыя самообвиненія Юрія, видающаго, что онъ впалъ въ ошибку, присягнувъ польскому королевичу; попытки Юрія покончить съ этими самообвиненіями сначала самоубійствомъ, потомъ, когда самоубійство не удалось, постриженіемъ въ монашество; послушаніе, наложенное на него Аврааміемъ Палицынымъ—идти сражаться за Россію; нечаянное вѣнчаніе съ боярышней, которую надо спасти отъ раздраженнаго народа, рвущагося убить въ ней дочь измѣнника. Изъ романа В. Соловьева „Женихъ царевны“ взяты нѣсколько страницъ характеристики Михаила Теодоровича, пріѣздъ датскаго королевича — жениха царевны Ирины, волненія и происки дѣвчьяго терема, смерть царя Михаила. Затѣмъ идутъ „Царь Алексѣй съ соколомъ“ Данилевскаго, смотрины, изъ романа Соловьева „Касимовская невѣста“, интриги противъ этой невѣсты и отправленіе ея домой, сцены изъ романа Соловьева же: „Царское посольство“, картина придворныхъ увеселеній того времени—„Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя“ Данилевскаго, и наконецъ уничтоженіе мѣстничества при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, изъ рассказа Фурмана: „Князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ“. Можно надѣяться, что за первой книгой такого подбора отрывковъ послѣдуютъ вторая и третья: матеріалъ найдется въ нашей литературѣ, а такіа изданія полезны.

Кстати укажемъ на нѣсколько отдѣльныхъ книжекъ историческихъ рассказовъ Сизовой: *Соломонія Сабурова, Великій печальчикъ Русской земли—св. Филиппъ митрополитъ московскій, Добрый бояринъ стараго времени* (Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ), *Вѣра*—обычаи празднованія вербнаго воскресенія при Алексѣѣ Михайловичѣ, *Новый 1700 годъ* — недоумѣнія старыхъ бояръ передъ разными новшествами Петра I-го и, между прочимъ, передъ перенесеніемъ „новолѣтія“ съ 1-го сентября на 1-ое января, *Кузнецъ Демидовъ*—исторія энергичныхъ родоначальниковъ фамиліи извѣстныхъ богачей Демидовыхъ, и *Древнее сказаніе объ основаніи Колоцкого монастыря* (мужикъ

Лука, разбогатѣвшій отъ найденной имъ иконы, къ которой всѣ ходили какъ къ чудотворной, вообразилъ себя такимъ богоугоднымъ человѣкомъ, что началъ хвастаться, будто ему ничто не страшно, отъ всякаго зла его Богъ сохранитъ; въ доказательство велѣлъ выпустить на себя медвѣдя; конечно, медвѣдь чуть не до смерти измялъ его; тогда онъ одумался и, по выздоровленіи, оставивъ свою роскошную жизнь, положилъ начало монастырю). Всѣ эти рассказы особенно цѣнны тѣмъ, что въ нихъ видно настоящее знакомство автора съ бытовыми чертами эпохъ, о которыхъ онъ говоритъ. Не останавливаемся подробно на каждомъ изъ нихъ, т. е. содержание сказывается прямо въ заглавіяхъ.

По поводу 500-лѣтія со дня кончины св. Стефана, епископа Пермскаго, появилось въ нынѣшнемъ году много книжекъ о немъ. Какъ на одну изъ лучшихъ по изложенію и притомъ самыхъ дешевыхъ, укажемъ на книжку Филиппова: „*Св. Стефанъ, епископъ Пермскій*“. Написана она очень понятно, очень живо и вполне интересно какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты А. Быковой принадлежитъ къ такому же разряду книгъ. Это хорошо и для юношества, для подростковъ-гимназистовъ, и для грамотнаго читателя изъ простаго народа. Изложеніе серьезное, ясное, легко-доступное, такъ какъ оно не испещрено лишними иностранными словами и не дугаетъ затѣйливыми періодами въ полъ-страницы. Какъ исторія Соединенныхъ Штатовъ, такъ и природа ихъ, и образъ жизни ихъ жителей даютъ много чрезвычайно благодарнаго матеріала, которымъ авторъ и сумѣлъ вполне воспользоваться. Книга раздѣляется на двѣнадцать главъ. Первая глава, какъ бы отражая первыя впечатлѣнія пріѣзжаго въ Америку, рисуетъ внѣшній видъ американскихъ городовъ—Нью-Йорка, Чикаго. Вторая возвращается къ прошлому; въ ней рассказывается объ индѣйцахъ—о томъ, какими они были раньше и что отъ нихъ остается теперь. Третья глава: первыя поселенія англичанъ, война за независимость, Вашингтонъ. Четвертая: теперешнее управление Соединенныхъ Штатовъ. Пятая: природа Америки. Шестая: бывшее рабство, война Сѣвера и Юга, взаимныя отношенія разныхъ американскихъ народностей въ настоящее время. Седьмая: характеръ земледѣлія въ Америкѣ: очень интересная картина развитія фермерскихъ хозяйствъ и постепеннаго вытѣсненія мелкихъ хозяйствъ крупными. Восьмая: характеръ развитія промышленности, производство машинъ, положеніе заводскихъ рабочихъ. Девятая: характеръ американской торговли и желѣзнодорожныхъ путей, во всѣхъ направленіяхъ изрѣзывающихъ Америку. Десятая: народное образованіе, бібліотеки, газеты. Одиннадцатая: положеніе религіи и духовенства, еркви, набожность американцевъ, почитаніе воскресныхъ и праздничныхъ дней, широкая благотворительность приходская и личная. Двѣнадцатая: нѣкоторыя особенности американскихъ нравовъ, положеніе женщинъ и дѣтей, отношеніе къ труду, американскія богатства.—Этой книгѣ, какъ и предшествующей, стоитъ пожелать большого распространенія.

Къ числу книгъ, тоже очень удачныхъ, надо отнести и *Приключенія двухъ кораблей или рассказы о Царствѣ Вѣчнаго Холода*, Рубакина. Они очень содержательны и интересны, хотя, конечно, о сѣверныхъ странахъ гораздо меньше, чѣмъ о какихъ-нибудь другихъ, можно сказать новаго, даже для читателей неизбалованныхъ. Рассказывающихъ о крайнемъ сѣверѣ

книгъ, книжекъ, статей въ журналахъ и хрестоматіяхъ очень много и онѣ твердо остаются въ головѣ, такъ какъ изображаютъ характеръ жизни необычный и крайне своеобразный. Читать ихъ вообще любятъ во всѣхъ вариантахъ, какъ любятъ читать робинзонады; воспитательное же значеніе ихъ заключается особенно въ картинѣ энергіи, выносливости и товарищеской взаимопомощи разныхъ экспедицій.

Воспитательнымъ характеромъ богата маленькая книжка „*Карпушкинъ родникъ*“. Въ ней два разсказа: „Карпушкинъ родникъ“ М. Богданова и „Рыбоводъ французъ Ремп“. Въ первомъ—примѣръ толково-приложенной предприимчивости, дѣлающей живое, населенное мѣсто изъ заброшеннаго по безводію уголка, въ другомъ—примѣръ наблюдательности и настойчивости, приводящихъ человѣка къ открытію рыбоводства, совершенно новой отрасли промышленности.

Иного рода чтеніе дается сборниками стихотвореній, на которые хотимъ еще указать: здѣсь пища для чувства, для воображенія, для развитія художественнаго вкуса. Вызывая въ народѣ интересъ къ хорошимъ стихотвореніямъ, мы расширяемъ для простаго человѣка область доступныхъ ему наслажденій. Къ сожалѣнію, сборники издательскаго общества, существующаго при постоянной комисіи народныхъ чтеній, не достаточно дешевы; если даже сравнить ихъ не съ другими какими-нибудь изданіями, а одинъ съ другимъ, то оказывается, что цѣны ихъ не пропорціональны: „третій“ сборникъ, при 92-хъ страницахъ, стоитъ 12 коп. (его и нельзя упрекнуть дороговизной), тогда какъ „второй“, при 84-хъ страницахъ, стоитъ 15 коп., а „первый“, въ 168 страницъ, 40 коп. (отчего не 20 коп., сравнительно съ „третьимъ“)? Сборникъ Бончъ-Бруевича: *Родныя тѣсти* напечатанъ съ однимъ измѣненіемъ противъ обычнаго печатанія стихотвореній; въ немъ стихи помѣщены обычными короткими строками, но прописныя буквы не стоятъ въ началѣ каждой строки, а только передъ точками и вообще тамъ, гдѣ онѣ размѣщаются обыкновенно въ прозаическомъ изложеніи. Со своей стороны всегда думаемъ, что въ народныхъ книгахъ, въ видахъ удешевленія, ничто не мѣшало бы печатать стихи какъ прозу, не разбивая на короткія строки: складъ и звучность останутся при хорошихъ стихотвореніяхъ, какъ ихъ ни напечатай, а для умѣнья читать стихи съ выразительностью еще лучше, чтобъ не было соблазна отбивать строку за строкой.—По содержанію, сборникъ „*Хвала Богу*“ состоитъ исключительно изъ молитвенныхъ стихотвореній, переложеній изъ псалмовъ и стихотворныхъ изложеній событій Новаго Завѣта; есть кое-что слабоватое, появившееся сюда, очевидно, только за сюжетъ, но есть и многія классически-прекрасныя вещи: „Грѣшница“ А. Толстого, „Моленіе о чашѣ“, Апухтина и т. д. *Второй сборникъ* заключаетъ въ себѣ пятнадцать разсказовъ въ стихахъ: здѣсь „Христіанка“ Надсона, „Марія Египетская“ Алмазова, „Бѣда проповѣдникъ“ Полонскаго, нѣсколько стихотвореній Жуковскаго („Выборъ креста“, „Капитанъ Боппъ“, „Судъ Божій надъ епископомъ“), „Власъ“ Некрасова и т. под.—Въ *Третьемъ сборникѣ* стихотворенія исключительно историческаго содержанія и кромѣ того гимны и патріотическія стихотворенія („Многолѣтіе“ и „Русскій народный гимнъ“ Жуковскаго, „Русь“ Никитина, „Стародавняя пора“ Хруцова и т. д.)—Въ сборникѣ *Родныя тѣсти* помѣщено нѣсколько стихотвореній Некрасова („Въ деревнѣ“, „Забытая

деревня“, „Зеленый шум“, „Орина, мать солдатская“, отрывокъ изъ „Коробейниковъ“) Никитина, („Соха“, „Пахарь“, „Староста“), Сурикова, Дрожжина, Жадовской, Надсона, Барыковой и другихъ поэтовъ. У А. Толстого взяты два стихотворенія: „Ой кабы Волга-матушка...“ и „Илья-Муромецъ“.

Е. Свѣшникова.

Журнальное обозрѣніе.

„Сѣверный Вѣстникъ“ 1896 г.

„Нейрастенники“ и „Карьера Струкова“.—„Вопросы самообразования“.

Современное русское общество переполнено людьми съ разстроенной нервной системой, такъ называемыми „нейрастенниками“; этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется упадокъ общественной энергіи. Нейрастенія проявляется, разумѣется, не совсѣмъ одинаково у людей различной наслѣдственности, различнаго воспитанія и образованія, но во всякомъ случаѣ у всѣхъ, заботѣвшихъ ею, она вызываетъ упадокъ нравственной энергіи, больной быстро возбуждается, или вѣрнѣе раздражается отъ всякаго пустяка, но еще быстрѣе утомляется отъ каждаго самаго незначительнаго усилія. Онъ теряетъ обыкновенно интересъ ко всему, кромѣ своей личности, теряетъ способность любить другихъ, и чѣмъ ближе они къ нему стоятъ, тѣмъ сильнѣе онъ ихъ мучитъ своими капризами. Онъ теряетъ опредѣленный взглядъ на людскія отношенія и, подчиняясь то тому, то другому вліянію, шатается изъ стороны въ сторону. Къ людямъ опредѣленнымъ, здоровымъ у него не рѣдко проявляется недоброжелательное чувство, которое онъ однако не рѣшается проявлять вполне открыто, такъ какъ вмѣстѣ съ общимъ упадкомъ духовныхъ, а часто и физическихъ силъ, у него развивается трусливость, а съ ней идетъ, конечно, ея вѣрная спутница—лживость.

Рѣже всего, вопреки общераспространенному мнѣнію, нейрастенія вызывается усиленной умственной работой, чаще всего чрезчуръ сытой, бездѣятельной жизнью, заполняемой обыкновенно развратомъ и злоупотребленіемъ алкоголемъ и табакомъ. Нерѣдко являясь отчасти слѣдствіемъ какихъ-нибудь ненормальностей въ половыхъ отношеніяхъ, она въ свою очередь почти всегда до извѣстной степени отражается и въ половой сферѣ: нормальное чувство извращается, больной ищетъ какихъ-нибудь особыхъ, болѣе „тонкихъ“ наслажденій, онъ говоритъ о „любви безъ желаній“, а въ то время въ душѣ питаетъ самый утонченный развратъ. За половымъ лицемѣріемъ идетъ обыкновенно и лицемѣріе религиозное и... философское; съ устъ такого лицемѣра-нейрастенника не сходятъ слова „высшія области духа“, „иной, идеальный міръ“, неземная нравственность, а главное непрерывное склоненіе словъ философія и религія, хотя онъ и не можетъ дать яснаго отвѣта, что онъ подразумѣваетъ подъ ними.

Эта нервная болѣзнь въ общественномъ отношеніи болѣе опасная, чѣмъ настоящее сумасшествіе, не могла не отразиться и на нашей современной литературѣ. За послѣднее время у насъ стало появляться много нейрастенничныхъ произведеній, находящихъ себѣ пріютъ преимущественно въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“.

Изъ этихъ произведеній по талантливости особенно выдѣляется новая повѣсть А. Эртеля „Карьера Струкова“, начавшаяся въ декабрьской книжкѣ „С. В.“ и закончившаяся въ юнѣ.

Читая эту повѣсть, дѣйствительно, живешь среди типичныхъ нервно-больныхъ нашего безвременья. Она интересна и поучительна, хотя въ творчествѣ талантливаго автора и замѣтна нѣкоторая робость, утомленность, точно онъ самъ немного заразился нейрастеніей отъ своихъ героевъ. Только что начинается во всю ширь развертываться передъ вами талантливо набросанная картина, какъ свѣтъ меркнетъ, и все погружается во мракъ, только начинается васъ захватывать глубокой психологической анализъ, какъ нить его обрывается, и васъ обхватываетъ неприятное чувство неудовлетворенія, и вся повѣсть послѣ ряда подъемовъ и утомленій творчества обрывается въ тотъ моментъ, когда вы ждете отвѣта на поставленные вопросы.

Какъ робкій, не вполне увѣренный въ себѣ актеръ въ самые трагическія минуты закрываетъ лицо руками, такъ авторъ „Карьеры Струкова“ въ нѣкоторые наиболѣе сложные и трудные моменты обрываетъ рассказъ, предоставляя самимъ читателямъ догадываться, какъ дѣйствуютъ, говорятъ и думаютъ въ это время его герои?

Но, несмотря на все это, повѣсть Эртеля несомнѣнно одно изъ наиболѣе крупныхъ литературныхъ явленій послѣдняго времени, и на неѣ слѣдуетъ остановиться внимательно.

Струковъ—герой Эртеля—подобно большинству тургеневскихъ и гончаровскихъ героевъ, съ которыми онъ естатически несомнѣнно состоитъ въ близкомъ родствѣ, происходитъ изъ дворянской помѣщицкой семьи, у него имется своя небольшая „Куриловка“ (теперь безъ живыхъ и мертвыхъ душъ), которую онъ тоже подобно своимъ литературнымъ родственникамъ „проживаетъ“ за границей, занимаясь наукой, слѣдя за теченіемъ мировой мысли. Согласно духу времени онъ интересуется, главнымъ образомъ, экономикой, придерживается „марксизма“ и надѣется развить нѣкоторые вопросы, слегка лишь затронутые Марксомъ; собираемъ фактическаго матеріала Струковъ удовлетвориться не хочетъ, его не привлекаетъ карьера „маленькаго ученаго“. Въ нравственномъ отношеніи онъ, по словамъ автора, долженъ быть причисленъ къ числу людей, о которыхъ принято говорить, что они „высокой нравственности“. Правда, во время студентства у него была связь съ какой-то прыткой горничной изъ меблированныхъ комнатъ, правда, онъ въ извѣстные промежутки времени „для здоровья“ „освѣжается“, но все же онъ не любитъ пошлости въ разговорахъ, морщится при слишкомъ откровенныхъ шуточкахъ, а, главное, на *настоящую* любовь у него самые возвышенные взгляды.

Она „не физиологическій вопросъ, а вопросъ всей жизни“, она хотя и коренится въ нѣдрахъ физиологій, но расцвѣтаетъ въ самой высокой душевной сферѣ. Этой истинной любви онъ не зналъ до 30 лѣтъ, и мы встречаемъ его какъ разъ въ то время, какъ она пробуждается у него къ оригинальной и образованной „раскольницѣ“ Наташѣ, путешествующей съ своимъ отцомъ богачемъ Перелыгинымъ по Англіи.

У Струкова нѣтъ сомнѣній, что онъ любитъ Наташу. Онъ знаетъ это „уже по тому, что не могъ бы отвѣтить, когда началась его любовь, съ

какихъ именно поръ все ему кажется прекраснымъ въ этой дѣвушкѣ, въ какой именно день и часъ стало замирать его сердце отъ ея шаговъ, отъ шелеста ея платья, отъ звука ея голоса, отъ прикосновенія руки къ ея рукѣ. Ему казалось, что это никогда не начиналось, а было вѣчно. Ему казалось, что вѣчно онъ знаетъ ее—одну только въ цѣломъ мірѣ, и какъ это ни странно, одну лишь ее онъ не могъ-бы описать постороннему человѣку и, въ свою очередь, не узналъ бы въ чужомъ, самомъ точномъ описаніи“.

Наташа тоже полюбила Струкова, и они проводятъ въ шумномъ Лондонѣ лучший мѣсяцъ своей жизни, мѣсяцъ до брачной любви. Свои марксистскія ученныя занятія Струковъ бросаетъ и подъ вліяніемъ Наташи рѣшаетъ не добиваться ученой карьеры, а идти въ деревню, служить въ мировыхъ судьяхъ и культурно бороться съ „властью тьмы“.

Онъ мечтаетъ, какъ „безъ всякихъ революцій, постепеннымъ развитіемъ сознанія, законности, довольства, безкровными жертвами, культурными силами, осуществленіемъ скромныхъ задачъ“ уничтожится гоголевская и щедринская Россія.

Струковъ сблизился съ Наташей, и въ Парижѣ они поселились вмѣстѣ не повѣнчавшись, какъ мужъ съ женой. Наташѣ это кажется вполне естественнымъ, но Струкову „неловко“ передъ другими, и онъ въ разговорахъ о знакомыхъ старается дать имъ понять, что онъ съ Наташей повѣнчанъ, отъ дѣлаетъ эти намеки, впрочемъ, такъ, что въ случаѣ нужды можетъ дать имъ совсѣмъ другое объясненіе. Безмятежное счастье супруговъ продолжается однако недолго, не проходитъ и мѣсяца, какъ у Струкова пробуждается какое-то глухое недовольство, вспыхиваетъ безпричинная ревность, и онъ, нѣсколько недѣль тому назадъ пѣвшій восторженные гимны предмету своей возвышенной любви, начинаетъ мучить Наташу мелкими придирками, нейрастеническими капризами. Дѣло даже дошло до того, что имъ на время пришлось разлѣхаться, но потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда они повѣнчались и поселились въ деревнѣ въ имѣніи, подаренномъ имъ старикомъ Перелыгинымъ, отношенія какъ будто приняли болѣе нормальный характеръ. Струковъ сталъ пытаться осуществлять свои „культурныя“ мечты. Онъ основалъ ферму, лавку, агрономическую станцію; былъ выбранъ въ мировые судьи, но сблизиться съ народомъ ему не удалось, не видѣлъ онъ и благотворныхъ результатовъ отъ своихъ затѣй, отъ своей дѣятельности, напротивъ, онъ увидѣлъ, что, какъ судья, онъ часто принужденъ вредить крестьянамъ, помогая жаднымъ кулакамъ высасывать изъ нихъ послѣдніе соки. Во всей своей силѣ предстала передъ нимъ страшная русская дѣйствительность. „Отовсюду, точно осенній туманъ, поднималась убійственная, вопіющая дремучая скука“. И въ этомъ туманѣ съ одной стороны видѣлись „мертвыя кости“, онъ „стягивался“ жилами, обростали мясомъ и, за неимѣніемъ пророка, который вложилъ бы въ ихъ уста что-нибудь здравосмысленное, начинали бормотать владбищенскія рѣчи, суетловить о святости кровопролитій и о ежевыхъ рукавицахъ, объ идилліи крѣпостнаго права, о провиденціальности различія бѣлой и черной кости“, съ другой стороны стояли безсильные и бесполезные люди, еще не забывшіе „азбуки“, стояли съ усталымъ и брезгливымъ видомъ, отвращиваясь отъ торжествующей скверны“. Среди этихъ „безсильныхъ

безполезных“ стоит и Струковъ съ разладомъ въ душѣ, съ непониманіемъ народа, безъ отвѣта на мучительный вопросъ: что же дѣлать? За этимъ періодомъ „разлада“ скоро наступаетъ періодъ равнодушія, апатичнаго „равновѣсія“. Онъ привыкъ „не додумывать“, „скользить по поверхности, судить о вещахъ, какъ судитъ порядочная газета, т. е. „благонравно“ честно, но въ виду „независимыхъ обстоятельствъ“ скучно и съ обиняками.

Это „равновѣсіе“ распространилось и на отношенія къ женѣ, и скучное, спокойное чувство только изрѣдка прерывалось мелкой раздражительностью и чувствомъ физическаго отвращенія, „причемъ ему становилось скверно и до слезъ дѣлалось жаль самого себя...“

Эта апатія, соединенная съ „отвращеніемъ“ къ любимой женщинѣ и съ жалостью до слезъ къ себѣ самому—одинъ изъ обычныхъ симптомовъ нейрастеніи, показывающій, что болѣзнъ быстро развивается. Вскорѣ мы видимъ уже, что равновѣсіе силъ исчезаетъ и замѣняется мучительнымъ душевнымъ хаосомъ, нравственная выдержка окончательно пропадаетъ, и Струковъ быстро скатывается по наклонной плоскости. Онъ вступаетъ въ связь съ красавицей Фросей, женой до бѣшенства ревниваго гѣсника Максима, онъ жетъ женѣ и продолжаетъ связь съ любовницей, хотя ясно видитъ, что та постоянно живетъ подъ угрозой смерти отъ руки дикаго мужа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ снова поднимается и ревность къ женѣ, вспышки дикаго гнѣва учащаются, общая слабость увеличивается. Определенный критерій въ общественной дѣятельности утерянъ окончательно. Прежде онъ чувствовалъ себя нехорошо въ должности мирового судьи, сознавая, что „это компромиссъ“, теперь же онъ хлопочетъ о мѣстѣ земскаго начальника, не чувствуя въ этомъ гораздо худшаго компромисса. Вообще нейрастенія уже окончательно распатала Струкова, когда на него свалился послѣдній ударъ—убійство Фроси ея мужемъ Максимомъ. Свою жалкую жизнь онъ заканчиваетъ самоубійствомъ, и это самый храбрый, самый благородный поступокъ несчастнаго нейрастенника. Но что довело его до этого упадка нравственныхъ силъ, до этой въ высшей степени нейрастеніи? Первые задатки болѣзни получены Струковымъ, вѣроятно, наслѣдственно, какъ наказаніе за грѣхи отцовъ, они проявлялись напр. уже въ противорѣчивомъ и живомъ отношеніи къ любви, но развились до полнаго опустошенія души несомнѣнно подъ вліяніемъ современныхъ условій русской жизни. Струкова пришибло сопоставленіе Запада съ современной Россіей, его запутало противорѣчіе между мечтами и дѣйствительностью, его затемнила мертвящая слеза и пошлость. Въ немъ было отъ природы слишкомъ мало силы, слишкомъ мало истинной любви къ народу, чтобы найти выходъ, чтобы найти настоящее дѣло. Но, конечно, онъ не погибъ бы, не покончилъ бы самъ со своею жизнью, какъ не кончаютъ десятки тысячъ русскихъ нейрастенниковъ, если бы онъ не пошелъ „въ жизнь“, а остался вѣренъ своей карьерѣ, своимъ енигамъ, своему марксизму. Но Струкова и не жаль, страшно жалко Наташу, постепенно гибнущую съ нимъ вмѣстѣ.

Въ Наташѣ точно такъ же, какъ въ гончаровскихъ Ольгѣ и Вѣрѣ, какъ въ тургеневской Еленѣ, таился огонь истинной нравственной силы, таи-

лась надежда на свѣтлое будущее, на пробужденіе отъ современнаго тяжелаго кошмара.

Въ ней чувствуется настоящая любовь къ людямъ, ея порывы чисты и сильны, она способна на героизмъ, она способна всѣмъ до жизни величательно пожертвовать ради идеи, но и въ ней нѣтъ достаточно инициативы, чтобъ идти впередъ одной безъ любви къ мужчине, безъ его поддержки. Встрѣчая такихъ дѣвушекъ, какъ Наташа, невольно готовъ вѣрить, что души ихъ витали въ мірѣ чистыхъ идей, въ мірѣ любви, красоты, чистыхъ помысловъ и, упавъ на грязную землю, онѣ испуганно озираются кругомъ, ища выхода изъ душевной тьмы на свѣтъ, на чистый воздухъ. И лишь коснется ихъ слуха хоть одно чистое правдивое слово, онѣ уже выкидываются безотчетно на встрѣчу къ нему и безъ думъ отдаются всѣмъ существомъ, отдаются тому, отъ кого вырвались эти слова, они вѣрятъ, что этотъ человѣкъ введетъ ихъ въ чудный міръ истины и красоты, котораго такъ томительно жаждутъ ихъ чистыя души. За то, какъ страшно бываетъ суровое отрезвленіе!

Въ словахъ Струкова о любви была искра истины, въ его любовномъ призывѣ на минуту прозвучалъ чистый тонъ, и душа Наташи встрепенулась и понеслась къ нему... Наташа вся преобразилась; „она сдѣлалась нѣжна, послушна, ласкова и все ярче расцвѣтала той поразительной красотой, что свѣтитъ изнутри отъ воспламененнаго любовью сердца“.

Но скоро начались разочарованія. Прежде всего она почувствовала, что мужъ смотритъ на нее не какъ на равнаго, свободнаго человѣка, а какъ на жену, *принадлежащую* ему, живущую только для него, *обязанную* доставлять ему наслажденія, когда онъ того потребуетъ.

„Я ненавижу насиліе и ваши претензіи надъ нами. Что такое жена? любовница? Это вы, все вы назвали. Я—человѣкъ, и моя воля надо мною, а не твоя... Какъ ты тамъ не называй меня. Правды можешь требовать и, будь спокоенъ, никогда, никогда не солгу. Но и только, Алексѣй Васильевичъ, и только!“ говоритъ она, возмущенная претензіями мужа, уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ они поселились вмѣстѣ.

Но Наташа не сумѣла сохранить въ себѣ свободнаго человѣка, не сумѣла, вопреки тяжелымъ окружающимъ условіямъ, дать настоящее выраженіе своей любви къ народу, а народъ она любила, любила не теоретически, какъ Струковъ, а инстинктивно, сердцемъ, потому что она вышла изъ его среды, потому что она еще ребенкомъ вмѣстѣ съ раскольниками плакала, слушая о страданіяхъ за старую вѣру, читая пламенные письма Аввакума къ Морозовой.

Противъ ея деревенскихъ начинаній (школы, чтенія и т. д.) возстала деревенская мразь въ лицѣ кабатчика-кулака Юносова и пьяницы доносчика О. Демьяна. Она не сумѣла бороться до конца, она уступила слиткомъ рано и, разочарованная, замкнулась въ свою семейную скорлупу.

Такия женщины, какъ Наташа, способны на героизмъ, но онѣ слабеютъ, онѣ быстро устаютъ и падаютъ въ мелкой борьбѣ, а для героизма въ нашей современной жизни такъ мало мѣста...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ опускался Струковъ, опускалась, хотя и не такъ быстро, не такъ низко, и Наташа, въ ней тоже проявлялись печальные признаки нейрастеніи. Ея страхъ за здоровье дѣтей принялъ болѣзненные

размѣры. „Она вѣчно тревожилась, вѣчно подозрѣвала заразу, и теперь въ застольной жаловались на ея „огневой характеръ“ далеко не съ прежнимъ добродушіемъ... Теперь деревенскій народъ не только не принимался въ домъ и не сажался за одинъ столъ, но даже, когда появлялся въ усадьбѣ, возбуждалъ безпокойство Наташи“. Интересы дѣтскаго здоровья заслоняютъ у ней всѣ другіе интересы. Но вотъ появляется „новый человекъ“ д-ръ Бучневъ, въ немъ какъ будто таится сила, какой нѣтъ въ Струковѣ, въ немъ какъ будто мерцаетъ дѣйствительный чистый свѣтъ, и Наташа снова пробуждается и уже готова броситься ему на встрѣчу, когда на нее обрушивается откровенный разговоръ мужа о его связи съ убитой Фросей, и жившее въ тайникахъ души сознаніе пошлости прожитой жизни возстаетъ въ Наташѣ съ полною ясностью, и душу заполняетъ холодъ безсилія.

„Господи, Господи“, восклицаетъ она въ отвѣтъ на слабый призывъ мужа вспомнить первый мѣсяцъ ихъ чистой любви, „что я дѣлала? Дѣтей рожала? Огрызалась изъ за нихъ, какъ волчиха? Радовалась, какіе глазки ручки, ножки?.. А ты?.. Развѣ я того отъ тебя ждала? Развѣ на то надѣялась?.. Ты еще тамъ, въ Парижѣ, истерзалъ мое сердце... своими ласками, своею нехорошею страстью. О, какъ я тогда возненавидѣла себя, какъ поняла сколько гнусности въ положеніи женщины... Въ этомъ обязательствѣ отдаваться—не потому что любишь и желаешь, но потому, что такъ принято и такъ угодно мужу. И все-таки поѣхала съ тобой!..И все-таки думала, что ты мой товарищъ!.. Не говори, не говори, что наши лондонскіе планы оказались не практичны. А жить, ѣсть, пить, спать и все это съ комфортомъ, не спѣша, смакуя—это практично? Это можно?.. Я бы съ тобой въ огонь пошла, на голодъ, на холодъ-бы пошла... А ты? Читалъ умныя книжки? Говорилъ умныя разговоры?... И ждалъ, ждалъ: вотъ нахлынуть откуда-то волны и понесутъ насъ... Ну, и нахлынули, да не тѣ!“

И передъ этими волнами не устоять ослабѣвшей Наташѣ, если бы она и бросилась послѣ смерти Струкова на привлекающую загадочную силу Бучнева. Ея сердцу пришлось бы только передъ смертью еще разъ сжаться въ судорожной мукѣ позорнаго разочарованія,—потому что таинственный мистикъ Бучневъ такой же больной человекъ, какъ и марксистъ Струковъ.

Струковъ—современный, *неренобольной* Рудинъ, Бучневъ тоже современный, тоже *неренобольной* Базаровъ.

По манерѣ мыслить и держать себя, по умѣнью привлекать къ себѣ сердца дѣтей и простого народа, даже отчасти по наружности и костюму—это какъ бы сколокъ съ знаменитаго тургеневскаго нигилиста. „Добра и зла“ онъ не различаетъ, по его мнѣнію, это просто „слова“, въ медицину не вѣрить, хотя и докторъ, съ мужиками не кокетничаетъ, къ шестидесятымъ годамъ относится презрительно—„душеньки были тѣ же, только либеральными микробами заражены“—все какъ слѣдуетъ... И вдругъ вы слышите отъ него разговоры о безсмертіи души, въ которое онъ твердо вѣрить, узнаете, что онъ интересуется и тоже отчасти вѣрить и въ спиритизмъ, и въ визионеровъ и въ разную другую ученую чертовщину, онъ слышитъ какіе-то голоса, гипнотизируетъ собакъ и т. д.

Эти странные придатки къ Базарову, по нашему мнѣнію, объясняются

главнымъ образомъ тѣмъ, что тургеневскій докторъ мясо ѣлъ, запоемъ не страдалъ, эртелевскій же, хотя мяса и не ѣстъ, но пьетъ запоемъ и страдаетъ ясно выраженной алкоголической нейрастеніей...

Въ доказательство нашего утвержденія приведемъ хотя бы слѣдующую характерную сцену. Докторъ Бучневъ высмѣиваетъ передъ Наташей медицину, онъ находитъ, что лучшее дѣятельство сказать себѣ „не хочу болѣть“. Наташа спрашиваетъ не „толстолицъ ли онъ?“—Нѣтъ, я хирургъ, отвѣчаетъ Бучневъ. Наташа высказываетъ предположеніе, что онъ повѣрилъ бы въ медицину, если бы у него были дѣти.

— „Вы хотите сказать, возражаетъ Бучневъ, тогда бы я вѣрилъ ворожеямъ? Но вѣрятъ отъ двухъ причинъ: оттого, что думаютъ, жизнь—благо, и еще оттого, будто бы жизнь замыкается въ здѣшнихъ формахъ. Я ни того, ни другого не признаю.

— А! какой вы счастливый человѣкъ! Значить предполагаете—есть безсмертіе?

— Не предполагаю, но увѣренъ“.

Наташа удивлена. Между тѣмъ Бучневъ „остановился, къ чему-то прислушиваясь; на лицѣ его была неизяснимая тревога; неподвижный взглядъ, устремленный куда-то въ даль, свѣтился новымъ для Наташи выраженіемъ тоски и безпомощности“... „Что съ вами? прошептала Наташа.

Онъ, очевидно, сдѣлалъ усиліе надъ собой, усмѣхнулся и произнесъ также тихо:

— Не бойтесь... Это бываетъ со мной...

Вы ничего не слыхали?

— Нѣтъ, ничего... Иволга кричить?—сказала она шопотомъ, не отрывая глазъ отъ его измѣнившагося лица и усиливаясь преодолѣть безпричинный ознобъ, отъ котораго начинали дрожать ея ноги и руки.

Онъ тряхнулъ головой и молча прошелъ нѣсколько шаговъ. Потомъ сказалъ обыкновеннымъ голосомъ:—Я иногда пью.. Надо полагать—это подходить. А можетъ быть и передъ грозой“ ..

Бѣдная женщина! Съ одной стороны мужъ нейрастеникъ, съ другой влюбленный другъ алкоголикъ, съ третьей любящій отецъ психопатъ и циникъ, въ одно и то же время старовѣръ и нигилистъ.

Понятно, что и въ ней, въ этомъ единственномъ болѣе или менѣе нормальномъ человѣкѣ, расшатались нервы, и она вышла въ ряды безсильныхъ и бесполезныхъ. Ухъ, какое безотрадное впечатлѣніе оставляетъ эта повѣсть Эртеля!

Болѣзнь, пошлость, мерзость, нищета, развратъ! и нигдѣ ни щелки просвѣта! Никогда еще, кажется, не появилось на русскомъ языкѣ произведенія болѣе мрачнаго и безнадежнаго!

Кажется, будто надъ всей Россіей нависъ тяжелый осенній туманъ, кажется, что „ненастный октябрьскій день согналъ краски и пріятные полутоны“, что все стало „холодно, убого, непріятно“, что даже народная „дубинушка“ отъывается „не удалю“, а жалобнымъ стономъ пришибленнаго, голоднаго, непоправимо несчастнаго человѣка“.

И съ новой силой встаетъ въ душѣ томительный вопросъ, кто правъ—нашъ ли послѣдній великій сатирикъ, мрачно заявившій о наступленіи въ русской жизни послѣднаго періода, періода гніенія, разложенія или нашъ

послѣдній поэтъ, призывавшій „не падать душою“ и въ самой чрезмѣрности тьмы и гнета искать надежду на торжество „любви“?

„Оглянись, зло вокругъ черезчуръ ужь гнететь,
Ночь вокругъ черезчуръ ужь темна.
Миръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безсильной борьбой
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полныя скорбной мольбы“.

Мы больше вѣримъ оптимисту Надсону, чѣмъ скептику Салтыкову: признаки начинающагося „выздоровленія“, по нашему мнѣнiю, уже на лицо. Заботы о личномъ и общественномъ здоровьѣ, расширенiе народнаго образованiя, борьба съ алкоголемъ и табакомъ, правильная постановка воспитанiя,— все это начинаетъ понемногу переходить въ жизнь изъ области пышныхъ фразъ. На общественное оживленiе указываетъ и тотъ несомнѣнный фактъ, что кругъ лицъ, стремящихся къ серьезному самообразованiю, все расширяется, и студенты уже перестали составлять его главную часть.

Тотъ же самый „Сѣверный Вѣстникъ“, который такъ ярко отражаетъ въ себѣ болѣзненные явленiя нашей жизни, пытался идти на встрѣчу потребности въ самообразованiи, устроивъ у себя интересный (по мысли) отдѣлъ „Вопросы самообразованiя“, въ которомъ приглашалъ участвовать литераторовъ и ученыхъ разныхъ специальностей и разнаго направленiя. Надо правду сказать, что трудно подыскать мѣсто болѣе неудачное для обменна мнѣнiя между выдающимися русскими мыслителями, какъ „Сѣверный Вѣстникъ“. Не смотря на многiя внѣшнiя благоприятныя условiя, не смотря на участие и сочувствiе Л. Н. Толстого, не смотря на приобретенныя редакцiей крайне интересные историко-литературныя матерьялы, журналъ счумѣлъ быстро и рѣшительно скомпрометировать себя въ глазахъ большинства прогрессивныхъ русскихъ людей. Въ особенности постарался объ этомъ Г. Волинскiй своими статьями о Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ, Чернышевскомъ и Писаревѣ. Если бы даже онъ былъ и правъ въ своихъ нападкахъ, то и тогда бы нельзя было ему простить грубое непониманiе немѣстности развѣнчиванiя дѣятелей „Современника“ при настоящихъ условiяхъ нашей жизни, и тогда бы нельзя было равнодушно слышать тонъ мелкой вражды къ крупнымъ русскимъ личностямъ, такъ ясно звучащiй у Волинскаго, не смотря на всѣ его сладкiе комплименты. Неужто для торжества „философско-научной критики“ необходимо было на цѣломъ рядѣ страницъ доказывать безтактность Добролюбова по отношенiю къ Пирогову, Кавуру, Якушеину и др.?

И кому бы обвинять въ безтактности! Вѣдь трудно и перечестъ всѣ безтактности самого „С. В“.

В. Поссе.

НОВЫЯ КНИГИ ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Вѣлинскій. Сочиненія въ 4 т. съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картинъ Наумова и статьей Н. К. Михайловскаго. Дешевое изданіе Ф. Павленкова. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к. Спб.

Сигеле. Преступная толпа, пер. съ франц. А. Афанасьева 1896. 2-ое изд. Ф. Павленкова Ц. 30 к. Спб. 1896.

Годлевскій, С. Ф. Ренанъ какъ человекъ и писатель. Критико-биографическій писатель. Ц. 1 руб. Спб. 1895.

Добролюбовъ, Н. А. Сочиненія т. IV. Изд. V-е О. Н. Поповой Ц. за 4 т. семь руб. Спб. 1896.

Чарльзъ-Дарвинъ. Сочиненія т. II. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 4 р 50 к. Спб. 1896.

Шерръ, I. Всеобщая исторія литературы. Вып. IX—XII. М. 1896. Изд. Д. В. Байкова и К^о.

Фуллеръ, А. Темпераментъ и характеръ. Пер. В. Линда. М. 1896. Изд. маг. «Книжное Дѣло». Ц. 1 руб.

Ланге, д-ръ, Эмоціи. Психофизиологическій очеркъ. Ц. 30 к. Изд. магазина «Книжное Дѣло». М. 1896.

Саккетти, Я. Краткая историческая музыкальная хрестоматія съ древнѣйшимъ временемъ до XVII вѣка включительно. Изд. книж. магаз. М. М. Ледерле. Ц. 5 руб. Спб. 1896.

Джорджъ Генри. Прогрессъ и бѣдность. Пер. А. Сахаровой подъ ред. А. Шеллера. Изд. книжн. магаз. М. М. Ледерле. Ц. 2 руб. Спб. 1896.

Мережковскій, Д. С. Новыя стихотворенія. Изд. книжн. магаз. М. М. Ледерле. Спб. 1896.

Тамбовскій, А. Анакреонтъ. Первое полное собраніе его сочиненій въ переводахъ русскихъ писателей. Изд. книжн. магаз. М. М. Ледерле. Ц. 60 к. Спб. 1896.

Шенбергъ, Г. Положеніе труда въ промышленности, перев. съ нѣм. М. Соболева подъ ред. проф. А. И. Чупрова. Библиотека для самообразованія М. 1896. Ц. 1 р. 60 к.

Педагогическая бібліотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ:

Вып. IX. Джонъ Локъ. О Воспитаніи. Пер. А. Басистова. Ц. 1 р. 50 к.

VII. Иммануэль Кантъ. О Педагогикѣ. Пер. С. Любомудрова. Ц. 75 к.

VIII. Руссо. Эмиль. Пер. съ фр. П. Первова. Ц. 3 р. 50 к.

X. Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. Пер. В. Недачина. Ц. 75 к.

XI. Раблѣ и Монтень. Мысли о воспитаніи и обученіи. Пер. В. Смирнова. Ц. 1 руб.

Болѣзненные формы характера *).

проф. Т. Рибо.

Въ многочисленныхъ работахъ, напечатанныхъ за эти послѣдніе годы (Пере 1892; Поланъ, 1894; Фуллье 1895), различныя формы характера были распределены по классамъ, описаны и приведены къ объяснимымъ принципамъ. Не смотря на разность толкованій и различіе въ терминологіи, есть типы, принятые всѣми, таковы характеры дѣятельные, чувствительные, апатичные. Но одинаковой ли они цѣнности? вотъ вопросъ, который возникаетъ немедленно, какъ только мы перейдемъ отъ формъ нормальныхъ къ болѣзненнымъ.

Повидимому предполагаютъ, что такъ какъ каждый типъ имѣетъ свои достоинства и недостатки, свои преимущества и неудобства, то всѣ они должны быть поставлены на одну доску. И тотъ, кто ограничивается классификаціей и описаніемъ характеровъ, можетъ остаться при этомъ мнѣніи и не затрогивать труднаго вопроса. Но какъ только мы приступаемъ къ изученію формъ явно болѣзненныхъ, мы видимъ себя вынужденными предварительно рѣшить вопросъ о томъ, всѣ ли характеры, считаемыя за нормальные, являются таковыми въ одинаковой степени, не приближаются ли нѣкоторые изъ нихъ, по самой своей природѣ, къ формамъ паталогическимъ, не являются ли они болѣе способными къ регрессивному превращенію: другими словами, дѣло идетъ о томъ, чтобы установить не классификацію, а іерархію характеровъ, сдѣлать оцѣнку ихъ значенію, которое оказывается часто спорнымъ и трудно опредѣлимымъ.

Русскій антропологъ Николай Зееландъ, былъ единственнымъ, насколько мнѣ извѣстно, кто подошелъ къ вопросу съ этой стороны. Правда, древніе писатели, классифицируя темпераменты, а тѣмъ самымъ и характеры, подраздѣляли ихъ на темпераменты сильные (холерическій, меланхолическій) и слабые (сангвиническій, флегматическій), но это дѣленіе, принятое Вундтомъ, можетъ дать поводъ ко многимъ возраженіямъ,

*) Эта статья составляетъ продолженіе моей классификаціи характеровъ, помѣщенной въ *Revue philosophique*, oct. 1892 (въ русск. перев. *Образованіе*, 1893, Янв.), которую я, немного неосторожно, обязался пополнить классификаціей характеровъ болѣзненныхъ.

„Образованіе“. Отд. II, № 7—8.

которыя я обхожу молчаніемъ. Зеландъ порываетъ съ традиціей и рѣшительно отказывается отъ четырехчленного дѣленія. Онъ не думаетъ, что «всѣ темпераменты равноцѣнны, причеъ одни болѣе приближаются къ идеѣ совершенства, а другіе менѣе. Высказывали мнѣніе, говорить онъ, что всѣ темпераменты стоятъ одинъ другого, и что всѣ они равно необходимы для прогресса человѣчества; но я съ этимъ не согласенъ». Его классификація является, значить, въ дѣйствительности, іерархіей, и вотъ она вкратцѣ *) начиная съ формъ характера наиболѣе совершенныхъ.

I. Темпераменты сильные или положительные, къ которымъ относятся:

1) Темпераментъ *веселый*; сангвиническій темпераментъ классическихъ подраздѣленій является лишь его разновидностью; онъ содержитъ въ себѣ три главныхъ вида: а) сангвиническій сильный: преобладаніе растительной жизни, реакціи быстрыя, но приспособленныя, сообразующіяся съ цѣлью, отсутствие волненія; б) сангвиническій менѣе сильный: подходит на предыдущій съ присоединеніемъ нервнаго темперамента; въ реакціяхъ меньше умѣренности и вообще мѣры; таковы французы и поляки; в) темпераментъ ясный: помѣщается между сангвиническимъ сильнымъ и флегматическимъ, соединяя въ себѣ преимущества обоихъ.

2) Темпераментъ *флегматическій* или спокойный не переходитъ за предѣлы средней напряженности и представляетъ рѣдкое единообразіе: это цѣлое, которое въ своемъ движеніи не допускаетъ ни ускоренія, ни замедленія; но спокойствіе не только не исключаетъ силы, а совсѣмъ напротивъ предполагаетъ наличность ея. Взятые какъ народъ, голландцы, англичане, норвежцы, принадлежать къ этому типу.

II. Мы спускаемся съ темпераментомъ *среднимъ* или *нейтральнымъ* ступеню ниже; этотъ темпераментъ неизвѣстенъ въ наукѣ, хотя большинство людей обладаютъ имъ; онъ соответствуетъ типу уравновѣшенныхъ Полана, и тѣмъ, которыхъ мы въ другомъ мѣстѣ назвали аморфными или безформенными, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни одного, лично имъ принадлежащаго, признака.

III. Наконецъ, мы спускаемся еще ниже и приходимъ къ темпераментамъ *слабымъ* или *отрицательнымъ*; ихъ реакція можетъ быть и медленной и быстрой; характеризуются же они неправильностью, бесполезностью и даже извращенностью проявленій. Они представляютъ три разновидности: а) темпераментъ чисто меланхолическій, отличающійся уныніемъ и апатією, безъ нервныхъ симптомовъ, по крайней мѣрѣ, безъ преобладанія ихъ; б) характеръ перемежчивый, обнаруживающій попеременно то нормальную дѣятельность, то упадокъ, то возбужденіе; в) холерическій; этотъ темпераментъ довольно рѣдокъ и не представляетъ осо-

*) *Le tempérament au point de vue psychologique et anthropologique.* Статья, напечатанная въ *Bulletins du Congrès international d'anthropologie*, VI, 1892, С.-Петербургъ (на фран. языкѣ) стр. 91—154.

баго рода; онъ отличается раздражительностью и можетъ комбинироваться съ меланхолическимъ или сангвиническимъ менѣе сильнымъ; темпераменты ясныи и флегматическiй его исключаютъ.

Въ подкрѣпленіе этой классификаціи приведено длинное антропологическое изслѣдованіе, изображенное на шестнадцати таблицахъ. Оно было произведено надъ 160 мужчинами и 40 женщинами, принадлежащими къ четыремъ главнымъ типамъ: веселому, флегматическому, нейтральному, меланхолическому и содержитъ въ себѣ сравнительныя изысканія относительно роста, периметра грудной полости, шеи и плечъ, объема легкихъ, относительно дыханія, пульса, температуры, динамометрической силы, примѣтъ черепа, состоянія чувствъ и т. д. и т. д. Результаты оказываются рѣшительно благоприятными для темпераментовъ веселыхъ и весьма неблагоприятными для меланхоликовъ (см. особ. табл. V, стр. 114), у которыхъ замѣчается меньше силы и сенсоріальной чувствительности, за исключеніемъ чувствительности къ боли. Что касается женщинъ, то группа нервныхъ, замѣняющая собою группу меланхоликовъ у мужчинъ, является единственной, представляющей аномалію.

Въ своихъ выводахъ авторъ борется противъ укоренившагося стремленія искать сущность темперамента въ явленіяхъ кровообращенія и сопровождающемъ его обмѣнѣ веществъ. «Восемь здоровыхъ солдатъ, изъ которыхъ четыре принадлежали къ типу веселому, а четыре—къ меланхолическому, были поставлены имъ въ одинаковыя условія питанія и подвергнуты строгому надзору. Результатъ анализа вѣса, выдѣлений и испраженій не показалъ, чтобы обмѣнъ веществъ у сангвиниковъ былъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ у ихъ товарищей меланхоликовъ». Но можетъ ли быть убѣдительнымъ такой краткій и ограниченный опытъ?

Какъ бы то ни было, но Зееландъ отбрасываетъ химическую теорію и предпочитаетъ физическое объясненіе. По его мнѣнію, «нервная ткань, помимо своей общей дѣятельности, обладаетъ еще жизнью элементовъ (*vie élémentaire*), которая служитъ основою темперамента и характера». Все зависитъ отъ того способа, какъ нервная система воспринимаетъ вѣшнія и внутреннія возбужденія. Веселый темпераментъ соответствуетъ молекулярнымъ вибраціямъ быстрымъ и гармоничнымъ; флегматичный — вибраціямъ менѣе быстрымъ, но болѣе постояннымъ; нейтральный — вибраціямъ не особенно быстрымъ, но согласнымъ между собой, формы отрицательныя соответствуютъ вибраціямъ медленнымъ и нестройнымъ или быстрымъ, но прерывающимся.

Это іерархическое расположеніе не свободно отъ возраженій. Я привожу его только какъ примѣръ классификаціи, основанной на предполагаемой цѣнности характеровъ, и какъ введеніе въ изученіе болѣзненныхъ формъ, къ которому мы теперь перейдемъ.

I.

Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, по какимъ признакамъ можно узнать, что извѣстный характеръ есть отклоненіе отъ нормальнаго типа. Чтобы не возвращаться къ предмету, изложенному въ моей вышеупомянутой статьѣ, повторимъ вкратцѣ.

1) Подлинный характеръ можетъ быть сведенъ къ одному признаку, къ одному преобладающему стремленію, которое составляетъ его единство и устойчивость или постоянство въ продолженіе всей жизни. Такое опредѣленіе немного идеально; чѣмъ рѣзче выраженъ характеръ, тѣмъ больше онъ къ этому приближается.

2) Въ практической жизни цѣльный характеръ (за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, которые имѣютъ свое объясненіе) даетъ всегда возможность предсказать и предвидѣть. Мы впередъ знаемъ, какъ поступить при такихъ то обстоятельствахъ человѣкъ дѣятельнаго, чувствительнаго, флегматичнаго, созерцательнаго характера. Характеры средніе, которые, собственно говоря, суть не характеры, управляются событіями или другими людьми; поэтому расчетъ предвидѣнія имѣть свою точку опоры не въ нихъ, а внѣ ихъ.

Одинъ изъ этихъ признаковъ, или они оба, отсутствуетъ въ характерахъ ненормальныхъ, и чѣмъ болѣе они нарушаютъ эти два существенныя условія—единство и возможность предвидѣнія—тѣмъ болѣе они удаляются отъ типическихъ формъ и становятся въ концѣ концовъ явно болѣзненными.

Можетъ показаться, что аномаліи характера, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ наблюдаемъ, настолько разнообразны и многочисленны, что ускользаютъ отъ всякой классификаціи, и нѣтъ возможности въ нихъ разобратся; я тѣмъ не менѣе думаю, что признаки, опредѣленные выше, могутъ служить намъ путеводной нитью.

Врядъ ли нужно упоминать, что изъ числа аномалій я исключаю легкія, временныя, перемежающіяся уклоненія, которыя являются лишь скоро преходящими нарушеніями единства характера. Цезарь, Рихелье, Наполеонъ были типами весьма цѣльными, и тѣмъ не менѣе въ извѣстные моменты своей жизни они переставали быть самими собой. Когда Наполеона увозили на островъ Эльбу, то передъ яростью и оскорбленіями народа онъ пережилъ нѣсколько минутъ страннаго малодушія, засвидѣтельствованнаго очевидцами въ различныхъ мемуарахъ того времени. Факты подобнаго рода еще разъ доказываютъ, что совершенный характеръ есть только идеалъ; но съ другой стороны кратковременное нездоровье не можетъ считаться болѣзнью. Сдѣлавъ эту оговорку, мы можемъ, имѣя въ виду установить классификацію, постепенно спускаться отъ упорядоченнаго единства къ несвязному множеству, отъ устойчивости къ разложенію; и у насъ получатся тогда три группы, которыя будутъ все дальше и дальше отступать отъ нормальныхъ формъ: 1) характеры одновременно - противорѣчивые;

2) характеры одновременно - противорѣчивые, 3) характеры неустойчивые или полиморфные, послѣдняя степень распада личности. Приступимъ теперь къ изученію ихъ въ этомъ же порядкѣ.

Подъ характерами одновременно - противорѣчивыми я понимаю двѣ противоположныя формы, два противоположныя способа чувствовать и дѣйствовать, такъ что если взять всю жизнь человѣка въ цѣломъ, то будетъ казаться, что мы имѣемъ дѣло съ двумя индивидуумами, съ однимъ—до перелома, а съ другимъ—послѣ него.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію подлинныхъ случаевъ, надо предварительно сдѣлать нѣкоторыя исключенія, именно вычеркнуть:

1) Характеры противорѣчивые по наружности (*триумвиръ* Октавій и *императоръ* Августъ); политическая исторія изобилуетъ ими. Этотъ характеръ далекъ отъ того, чтобы противорѣчить себѣ и быть неустойчивымъ, напротивъ того, онъ во всѣхъ случаяхъ является однимъ и тѣмъ же и весьма положительнымъ: полное единство относительно цѣли; противорѣчіе наблюдается лишь въ средствахъ. Моралистъ справедливо называетъ ихъ двоедушными, потому что они носятъ маску; для психолога же это характеры нормальные и хорошо подчеркнутые. Ихъ очень много и въ обыденной жизни, — и нѣтъ необходимости быть дѣйствующимъ лицомъ на всемірной сценѣ, чтобы по наружности казаться въ противорѣчіи съ самимъ собой; достаточно оставаться вѣрнымъ цѣли, къ которой стремишься, и не брезгать средствами. Тѣ, которые во время революціи дѣлаются жестокими изъ чувства страха, принадлежать къ той же категоріи: ихъ единство въ заботѣ о своемъ самосохраненіи.

2) Превращенія, производимыя развитіемъ жизни и измѣненіемъ обстоятельствъ. Такъ, характеръ дѣятельный можетъ проявляться попеременно то въ любви, то въ опасныхъ приключеніяхъ, то въ честолюбіи, то въ погонѣ за наживой.

Откинувъ эти сомнительныя формы, мы можемъ подраздѣлить характеры одновременно - противорѣчивые на два класса: первый будетъ заключать въ себѣ формы ненормальныя, а второй—патологическія.

1-ый классъ.—Такъ какъ въ нашей классификаціи мы шагъ за шагомъ удаляемся отъ нормальнаго состоянія, то намъ и приходится начинать съ формъ неясныхъ, представляющихъ простыя отступленія отъ идеальнаго характера, т. е. отъ характера, обладающаго постояннымъ, непоколебимымъ единствомъ. Не говоря уже объ идеалѣ, одновременно-противорѣчивые характеры являются исключеніями по отношенію ко всѣмъ вообще, такъ какъ даже нейтральные имѣютъ въ продолженіе всей своей жизни родъ единства, это ихъ вѣчная пластичность.

Въ первомъ классѣ я различаю два случая. Можетъ быть читатель найдетъ излишнимъ такое обиліе дѣленій и подраздѣленій, но я тутъ не при чемъ. Нельзя устанавливать классификацію, не проводя различій, и нельзя придерживаться регрессивнаго порядка, не отмѣчая каждаго шага, ведущаго къ разложенію.

1) Самый простой и близкій къ нормальному состоянію случай состоитъ въ измѣненіи направленія одного и того же стремленія, преобладающаго у даннаго человѣка. Таковы превращенія любовныхъ страстей, поглотившихъ первую половину жизни въ платоническую и рыцарскую любовь, которая наполняетъ вторую половину (Раймондъ Луллій). Не рѣдкость и обратный случай, примѣръ его можно найти у мистиковъ. Сюда относятся и искреннія обращенія въ области религіозной или политической (св. Павелъ, Лютеръ). Сюда же принадлежать и тѣ случаи, когда пылкій темпераментъ, израсходовавъ всю свою энергію на добро, обращаетъ ее на зло, и обратно. Для моралиста это — полное измѣненіе; онъ видитъ тутъ двухъ людей; а для психолога это — перемѣна объекта, здѣсь только одинъ человѣкъ. Не трудно замѣтить, что всѣ эти противорѣчія имѣютъ одну общую основу, скрытое единство; оно заключается въ томъ, что количество энергіи остается однимъ и тѣмъ же, только направляется она на двѣ противоположныя цѣли, и безъ всякаго усилія можно открыть въ бабочкѣ куколку.

2) Это были формы неясныя; несомнѣнные же случаи, еще болѣе отклоняющіеся отъ правила, предполагаютъ уже настоящій глубокій дуализмъ. Примѣрами его могутъ служить: переходъ отъ жизни, преисполненной оргій, къ аскетизму, *продолжающемуся, длящемуся* (иначе это случайное обстоятельство); отъ жизни дѣятельной къ жизни созерцательной (Диоклетіанъ); отъ жизни созерцательной къ жизни дѣятельной (Юліанъ Отступникъ); однимъ словомъ всѣ тѣ случаи, когда человѣкъ сжигаетъ то, чему раньше поклонялся, и повлоняется тому, что раньше сжигалъ; когда въ одномъ индивидуумѣ мы находимъ двухъ. Въ обыденной рѣчи эти случаи называются «обращеніями». Обращенія могутъ быть характера религіознаго, нравственнаго, политическаго, эстетическаго, философскаго, научнаго и т. д., но всегда они состоятъ въ томъ, что какое нибудь стремленіе или группы стремленій замѣняются имъ противоположными; одно вѣрованіе замѣняется другимъ, противоположнымъ, одна форма единства уступаетъ мѣсто другой: равнозначущія выраженія, обозначающія различныя психологическіе виды превращенія. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ людяхъ, перешедшихъ черезъ два противоположныя фазиса, общественное мнѣніе признаетъ только одинъ, или тотъ, который былъ вторымъ, окончательнымъ, или болѣе длинный, или болѣе яркій; другой же остается въ тѣни. Блаженный Августинъ—это человѣкъ постѣ обращенія; Диоклетіанъ—до отреченія. Въ основѣ этого сужденія лежитъ потребность въ простотѣ и единствѣ духа, приписываемаго характеру.

Какъ совершается это измѣненіе личности, которое въ крайнихъ случаяхъ раздѣляетъ жизнь на два противоположныя фазиса? Трудно дать на это общій отвѣтъ, такъ какъ каждый отдѣльный случай предполагаетъ особыя условія. Тѣмъ не менѣе можно попытаться опредѣлить, какія причины дѣйствуютъ всего чаще.

Прежде всего причины физическія. Бываютъ такія тяжелыя болѣзни, которыя, внося измѣненія въ организацію, измѣняютъ и характеръ, показывая

тѣмъ самымъ, насколько этотъ послѣдній находится въ зависимости отъ общей чувствительности или органическаго чувства (*sénesthésie*); при этомъ безразлично, будемъ ли мы считать конечнымъ условіемъ измѣненія химическія (питаніе) или физическія (гипотеза Генде и Зееланда). Затѣмъ, могутъ дѣйствовать сильные удары или толчки, напримѣръ, механическое поврежденіе головы, о чемъ мы будемъ говорить дальше. Азамъ *) приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ перемѣнъ: трудолюбивый и степенный человѣкъ, послѣ серіознаго перелома ноги, дѣлается импульсивнымъ и невыносимымъ; авторъ предполагаетъ тѣсную анемію мозга. У другого при такихъ же обстоятельствахъ характеръ изъ веселаго становится безнадежно меланхолическимъ. Незлѣчимая лицевая невралгія превращаетъ человѣка вполнѣ добраго въ существо злое и брюзгливое и т. д.

Наконецъ, причины нравственныя; онѣ дѣйствуютъ на подобіе толчка, причѣмъ дѣйствіе получается или непосредственное или черезъ долгій промежутокъ времени; отсюда превращенія бывають или внезапными, или проходить долгій скрытый періодъ. Первый случай имѣетъ мѣсто при обращеніяхъ, являющихся слѣдствіемъ неожиданнаго кризиса: видѣніе апостола Павла, несчастный случай съ Паскалемъ, Раймондъ-Лулліи и внушеніе, сдѣланное ему одной изъ его возлюбленныхъ, испанскій сеньоръ Марана, исторію котораго разсказывали столько разъ и который, будучи дон-жуаномъ въ первую половину своей жизни, былъ внезапно обращенъ, услышавъ церковное пѣніе. «Чудесное дѣйствіе благодати», выставляемое богословами, психологически совершенно вѣрно. — Другіе не сдаются сразу, а только послѣ борьбы между старыми и новыми стремленіями: Блаженный Августинъ, Лютеръ, Лойола, Борджіа, который, при видѣ трупа своей государыни (жены Карла V), рѣшился отречься отъ міра, но сдѣлалъ это много позже. Прибавьте къ этимъ знаменитымъ именамъ лицъ, ничѣмъ не замѣчательныхъ, но извѣстныхъ каждому изъ насъ.

Можетъ возникнуть вопросъ, дѣйствительно ли эти измѣненія, даже самыя внезапныя изъ нихъ, настолько неожиданны, какъ они кажутся; не предшествуетъ ли имъ что-либо въ жизни человѣка, и не являются ли они ускореннымъ результатомъ полубезсознательнаго процесса? Что бы тамъ ни говорили, но психологическій механизмъ обращеній сильно походитъ на механизмъ непреодолимыхъ импульсовъ. Въ своемъ полномъ развитіи онъ проходитъ три момента: представленіе противоположной цѣли или идеала; это случается со всѣми, но остается безъ послѣдствій и не имѣетъ продолженія; такое состояніе проходитъ безслѣдно, если оно только промелькнуло въ умѣ, если оно характера переходнаго; 2) значитъ, необходимо, чтобы представленіе стало *idée fixe*, съ присущими ей устойчивостью, преобладаніемъ и навязчивостью; 3) тогда совершается самый актъ обращенія, такъ какъ онъ уже содержится въ *idée fixe*, и такъ какъ *idée fixe* есть вѣрованіе, а всякое вѣрованіе представляется уму какъ нѣчто суще-

*) *Le caractère dans les maladies*, стр. 188.

ствующее или долженствующее существовать. Словомъ, ничего не выходитъ, пока идея не станетъ импульсомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обращеніе бываетъ внезапнымъ, подобно громовому удару, стремительный порывъ страсти рождается внезапно и немедленно торжествуетъ. И здѣсь есть сходство съ непреодолимыми импульсами, которые переходятъ въ дѣйствіе или послѣ періода борьбы, или быстрымъ натискомъ.

Во всякомъ случаѣ между ними то различіе, что новый характеръ, — т. е. новая манера чувствовать, думать и дѣйствовать — продолжается. Эта устойчивость не была бы возможной, если бы въ обоихъ случаяхъ, — въ случаѣ медленнаго подготовленія и въ случаѣ быстрого проявленія, — не произошло бы глубокаго измѣненія въ индивидуальной организаци. Обращенія не создаютъ новой склонности, но показываютъ, что въ насъ существуютъ самыя противоположныя склонности, и что одна склонность замѣняетъ другую не въ силу акта воли, дѣйствіе котораго всегда непрочно, но вслѣдствіе кореннаго преобразованія нашихъ чувствованій.

2-й классъ. — Онъ содержитъ характеры *чередующіеся* (*alternants*), которые иногда смѣняются съ такой быстротой и такъ часто, что приближаются къ характерамъ одновременно противорѣчивымъ. Въмѣсто двухъ различныхъ характеровъ, одного — до кризиса, а другого — послѣ, формула которыхъ по отношенію ко всей жизни человѣка была бы: А, затѣмъ В, мы имѣемъ чередованіе двухъ формъ характера (при наличности промежуточнаго кризиса, или безъ него) и формула будетъ: А, затѣмъ В, затѣмъ опять А, опять В и т. д.

Такое чередованіе встрѣчается и въ нормальномъ или должно нормальномъ состояніи; но оно бываетъ слишкомъ быстротечнымъ, или же его слишкомъ трудно опредѣлить, чтобы отличить отъ характеровъ неустойчивыхъ; совсѣмъ другое дѣло, когда эта форма болѣзненная, показывающая явленіе въ преувеличенномъ видѣ. Таковы явленія, которыми такъ много занимались въ наше время подъ именемъ измѣненій, болѣзней, разстройствъ личности. Они извѣстны читателю; къ тому же, они и не совсѣмъ относятся къ нашему предмету, и если я касаюсь ихъ, то только ради освѣщенія извѣстнаго пункта измѣненія характера.

Разсматривая случаи чередованія личности, можно обращать вниманіе или на переменныя фізіологическія, довольно темныя, или на переменныя интеллектуальныя, которыя сводятся почти всѣ къ измѣненіямъ памяти, или на переменныя аффективныя; этими послѣдними немного пренебрегаютъ, во многихъ наблюденіяхъ о нихъ даже не упоминаютъ; для насъ же они одни представляютъ интересъ, такъ какъ состоятъ въ поперебмѣнномъ измѣненіи характера.

Дѣйствительно, если брать полныя наблюденія, то увидимъ, что существованіе двухъ личностей (а иногда ихъ бываетъ и больше) не состоитъ только въ чередованіи двухъ памятей, но также и въ чередованіи двухъ различныхъ аффективныхъ состояній, которыя обыкновенно противоположны другъ другу. Извѣстная Фелида Азама является въ теченіи перваго

періода времени мрачной, холодной, замкнутой въ себѣ; а въ теченіи втораго она весела, общительна, оживлена до кокетства, до буйства. Въ лицѣ Маріи Райнольдъ — случай, приводимый Weir Mitchell'емъ — мы видимъ сперва женщину меланхоличную, упрямую, избѣгающую людей; затѣмъ, въ ея новой личности «ея расположеніе духа вполне и безусловно перемѣнилось», она помѣшана на удовольствіяхъ, шутивла, всегда ищетъ общества, если только не носится пѣшкомъ или верхомъ по лѣсамъ, долинамъ и горамъ, упиваясь картинами природы и не ощущая ни малѣйшаго страха. Такое чередованіе продолжалось шестнадцать лѣтъ, затѣмъ «противоположность въ чувствованіяхъ между двумя состояніями, повидимому, постепенно сгладилась, и получилось состояніе среднее между ними, темпераментъ уравновѣшенный», который существовалъ въ продолженіи четверти вѣка съ ея вторымъ состояніемъ, сдѣвшимся постояннымъ. Припомнимъ еще хорошо извѣстный примѣръ L. V., у котораго *самопроизвольно* представляются по крайней мѣрѣ двѣ противоположныя формы характера: то это человѣкъ болтливый, надменный, буйный, грубый, недисциплинированный, вороватый, готовый убить того, кто ему приказываетъ; то онъ кротокъ, вѣжливъ, молчаливъ, угрюмъ и проявляетъ почти дѣтскую застѣнчивость. Я употребляю терминъ «самопроизвольно», потому что Bourgu и Vigot *искусственно* производили въ немъ извѣстныя физическія видоизмѣненія, которыя сопровождались также нѣкоторыми видоизмѣненіями характера; но я имѣю въ виду лишь перемѣны естественныя. — Другіе примѣры можно найти въ специальныхъ сочиненіяхъ.

По моему мнѣнію, чередованія памяти, хотя бы самыя необычныя и болѣзненные, являются результатомъ аффективныхъ предрасположеній характера, которыя въ свою очередь, оказываются слѣдствіями физиологическихъ перемѣнъ; такъ что въ концѣ концовъ все сводится къ органическому чувству. Когда мы видимъ, что у L. V. гемиплегія и анестезія правой стороны сопровождается всегда характеромъ буйнымъ, а гемиплегія и анестезія лѣвой стороны характеромъ кроткимъ — не говоря уже о частныхъ видоизмѣненіяхъ, сопровождающихъ параличъ, полную анестезію и т. д., производимыхъ искусственно въ состояніи гипноза, — то нельзя не признать, что измѣненія памяти, характера, физическаго сложенія составляютъ одно, почти неразрывное цѣлое. Къ этому же выводу пришли на основаніи своихъ изысканій Bourgu и Vigot.

За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, которыя устанавливали бы, что измѣненіе органическаго чувства занимаетъ первое мѣсто въ этихъ измѣненіяхъ характера, мы можемъ сблизить ихъ съ одной формой психической болѣзни, гдѣ чередованіе, еще болѣе простое, позволяетъ лучше уловить его физиологическія условія: это сумашествіе въ двойной формѣ, (называемое также сумашествіемъ круговымъ, въ чередующейся формѣ). Оно состоитъ въ правильномъ чередованіи двухъ періодовъ: состоянія угнетенія и состоянія возбужденія. Переходъ отъ одного состоянія къ другому совершается или мгновенно или путемъ незамѣтнаго ослабленія одного и

усиленія другого; но нѣтъ ничего болѣе опредѣленнаго, какъ контрастъ между этими двумя періодами.

Угнетеніе сопровождается слѣдующими аффективными симптомами: меланхоліей, чувствомъ усталости, оцѣпенѣніемъ, безучастіемъ, неопредѣленнымъ страхомъ, въ особенности безпокойствомъ. Въ физическомъ отношеніи больной выглядит похудѣвшимъ, постарѣвшимъ, разбитымъ, сморщеннымъ; замѣчается пониженіе температуры, замедленіе пульса, уменьшеніе выдѣленій и отдѣленій, уменьшеніе вѣса тѣла (въ десять фунтовъ въ недѣлю).

Во время возбужденія мы наблюдаемъ точь-въ-точь обратное явленіе: чувство благосостоянія, радость, гордость, излишняя дѣятельность; больной помолодѣлъ, пополнилъ, функціи организма совершаются легко и обильно. «Этотъ контрастъ, говоритъ одинъ психіатръ, есть одно изъ любопытнѣйшихъ и интереснѣйшихъ явленій въ медицинѣ психическихъ болѣзней» *).

Здѣсь связь между аффективнымъ расположеніемъ и состояніемъ тѣла выступаетъ со всей ясностью и сводится, повидимому, къ мѣстной атрофіи мозга вслѣдствіе поврежденія нервовъ (Schüle, Krafft-Ebing). Надо сознаться, что эта болѣзнь, являющаяся крайней формой, и чередованія личности, представляющія формы смягченныя, даютъ намъ только паталогическіе примѣры; но зародыши болѣзненныхъ проявленій находятся въ нормальной жизни. Къ несчастію, уловить эти чередованія можно только въ ихъ вышудомъ видѣ, и потому приходится приводить только серьезные случаи. По сравненію съ характерами одновременно-противорѣчивыми, изъ которыхъ одинъ убиваетъ другой, эти чередующіеся характеры отмѣчаютъ новую ступень на пути къ разложенію и составляютъ переходъ къ нашей второй группѣ, характерамъ противорѣчивымъ, *сосуществующимъ*.

II.

Эти характеры отмѣчаются сосуществованіемъ двухъ противоположныхъ склонностей, одинаково преобладающихъ и непримиримыхъ; получаютъ два характера, два противорѣчивые источника дѣйствія, и по нашей практической оцѣнкѣ въ каждомъ данномъ случаѣ имѣются два возможныхъ и одинаково вѣроятныхъ предвиднія. Они отличаются и отъ характеровъ разно-временно-противорѣчивыхъ, когда второй человекъ совершенно устраняетъ перваго, и отъ характеровъ чередующихся, которые попеременно выступаютъ на сцену и нѣкоторое время занимаютъ ее *исключительно*. Они являются подъ двумя главными формами.

1) Первая форма не представляетъ типа чистаго и полнаго. Она есть результатъ противорѣчія между мыслью и чувствованіемъ, между теоріей и практикой, между принципами и склонностями. Ничего нѣтъ менѣе рѣд-

*) Régis. *Maladies mentale* стр. 200.

каго, и почти не стоит приводить примѣровъ: рѣзкая противоположность между человѣкомъ въ частной жизни и имъ же, какъ общественнымъ дѣятелемъ, между человѣкомъ, какъ ученымъ, и имъ же, какъ вѣрующимъ; такой-то, весьма несговорчивый, пока дѣло идетъ о научныхъ доказательствахъ, является простодушнымъ и чистосердечнымъ въ вопросахъ религіи и любви. Нѣтъ недостатка и въ такихъ, которые энергично проповѣдуютъ какое-нибудь ученіе и дѣйствуютъ въ противоположномъ ему духѣ. Шопенгауэръ, будучи въ теоріи пессимистомъ, ненавистникомъ женщинъ, проникнутымъ состраданіемъ ко всѣмъ существамъ, аскетомъ, оказывается въ дѣйствительной жизни совсѣмъ другимъ. Это непримиримое противорѣчіе, которому я противопоставилъ бы единство Спинозы.

Если предположить существованіе человѣка вполне интеллектуальнаго типа (если только это возможно), который тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ бы, то онъ въ силу своей организациіи избѣжалъ бы этой противорѣчивой двойственности. Къ этому типу приближается тотъ судья, про котораго Эскириль писалъ, что онъ при полной ясности ума потерялъ всякую чувствительность и <былъ также равнодушенъ къ своимъ близкимъ и вообще ко всему, какъ къ теоремѣ Евклида>. Въ ослабленномъ видѣ эта форма наблюдается у интеллигентныхъ людей апатическаго темперамента.

Но такая противорѣчивая двойственность—явленіе настолько обыденное, что не стоило бы и останавливаться на ней, если бы она не обнаруживала всю несостоятельность весьма распространеннаго предрасудка, что достаточно запечатлѣть въ головѣ принципы, правила, идеи, и они будутъ дѣйствовать. Безъ сомнѣнія, власть, воспитаніе, законъ не имѣютъ въ своемъ распоряженіи другихъ средствъ для воздѣйствія на людей, но это средство недѣйствительно само по себѣ: оно можетъ имѣть успѣхъ, а можетъ и не удался; это попытка произвести опытъ, который сводился бы на слѣдующее: могутъ ли быть поставлены рядомъ характеръ интеллектуальный (если только существуютъ собственно интеллектуальные характеры, какъ то допускаютъ нѣкоторые психологи) и характеръ аффективный?

2. Вторая форма представляетъ полный и чистый видъ; она заключаетъ въ себѣ болѣе глубокое противорѣчіе, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя способами чувствовать, съ двумя склонностями, съ двумя способами дѣйствія, изъ которыхъ одно отрицаетъ другое. Эти характеры приближаются къ нашей послѣдней группѣ (неустойчивыхъ); это характеры не связанные, они не могутъ или не хотятъ разрѣшить противорѣчіе, заключающееся въ нихъ самихъ. Однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ примѣровъ являются люди, проявляющіе въ одно и то же время искреннюю религіозность и распущенность. Общественное мнѣніе судитъ ихъ очень строго и считаетъ лицемерами, смѣшивая такимъ образомъ двѣ весьма различныя вещи: чувство религіозное и чувство половое, крѣпко укоренившіяся въ нихъ и дѣйствующія поочередно, люди эти не даютъ себѣ труда ихъ согласовать. Сюда же принадлежатъ тѣ люди, которые разрываются между потребностью дѣятельности и потребностью покоя, и безпре-

станно переходить отъ одного къ другому: любовникъ, одновременно чувствующій къ своей возлюбленной и пылкую любовь, и глубокое презрѣніе. Изучая характеры «сложные», Поланъ упоминаетъ, что Рубенсъ, будучи спокойнымъ, положительнымъ, степеннымъ въ практической жизни, дѣлался жертвой трагическаго броженія, какъ только брался за кисть. Про одного знаменитаго современника (Вагнера) говорили, что онъ совмѣщалъ въ себѣ «инстинкты аскета и сатира, потребность любить и ненавидѣть, стремленіе къ наслажденію и жажду идеала, высокоумное величіе и низменную лесть, смѣсь преданности и малодушнаго предательства». Это портретъ многихъ. Онъ обнаруживаетъ болѣе чѣмъ противорѣчивую двойственность, потому что его нельзя свести къ двумъ существеннымъ признакамъ; но это еще не настоящій типъ неустойчивыхъ.

Если вѣрить извѣстнымъ авторамъ, то причина существованія одновременно противорѣчивыхъ характеровъ очень проста, и сводится къ двойственности мозга. Извѣстно, что оба полушарія мозга, даже въ нормальномъ состояніи, несимметричны; они различаются по вѣсу, по распредѣленію артерій, по функциональному значенію; причемъ лѣвому полушарію принадлежитъ преобладающая роль; извѣстно также, что галлюцинаціи могутъ быть односторонними и двухсторонними съ разнымъ характеромъ для каждой стороны, и т. д. Словомъ, двойственность мозга неоспорима; но объяснить ею двойственность характера, настоялько односторонняя гипотеза, что я и не подумаю ее обсуждать.

Объясненіе, основанное на психологическихъ фактахъ, будетъ менѣе простымъ, но зато и менѣе легковѣснымъ. Слѣдующій путь кажется мнѣ наилучшимъ для уясненія того, какъ складываются эти характеры. Возьмемъ за точку отправленія характеры хорошо уравновѣшенные «вполнѣ цѣльные», представляющіе іерархическую координацію различныхъ склонностей. Первый шагъ на пути къ разладу отмѣчается преобладаніемъ одной единственной склонности: типъ дѣятельный, созерцательный, чувствительный, и т. д. Но это все еще единство; только вмѣсто единства общности въ направленіи, похожаго на федерацію, мы имѣемъ единство преобладанія, соответствующее абсолютной монархіи. Второй рѣшительный шагъ знаменуется появленіемъ двухъ господствующихъ склонностей; только нужно, чтобы онѣ были противорѣчивыми. Такъ, Мигуэль Сервантесъ, который, проведя часть своей жизни въ сраженіяхъ, сдѣлался затѣмъ, какъ извѣстно, писателемъ, является примѣромъ натуры сложной, составной, но отнюдь не противорѣчивой. Вѣрующій же развратникъ представляетъ противорѣчіе, такъ какъ онъ одновременно и признаетъ правила морали, предписанныя его религіей, и отрицаетъ ихъ своими поступками. Значитъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя несвязными стремленіями. Но во всякомъ случаѣ это только преувеличеніе нормальнаго факта: очень серьезный человекъ можетъ испытывать припадки безумной радости; другой можетъ быть охваченъ страстью, которая идетъ въ разрѣзъ со всеми его привычками. Придайте этому переходному, эпизодическому состоянію устойчивость, продолжительность, и

противорѣчивый типъ характера установится. Причины такого превращенія могутъ быть приписаны обстоятельствамъ; но я думаю, что онѣ гораздо болѣе завязятъ отъ врожденныхъ свойствъ; это предрасположенія, присутствія индивидуальной организаціи; а случай только способствуетъ ихъ проявленію.

Наконецъ, не будетъ парадоксомъ, если мы выскажемъ ту мысль, что эти характеры являются противорѣчивыми или непротиворѣчивыми, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія на нихъ смотрѣть: для логики ума они противорѣчивые, для логики чувствованій нѣтъ.

Когда мы говоримъ, что такой-то характеръ есть характеръ противорѣчивый, то мы разсуждаемъ *объективно*; мы констатируемъ въ индивидуумѣ одновременное существованіе двухъ господствующихъ идей, изъ которыхъ одна отрицаетъ другую; мы объявляемъ его нелогичнымъ съ рациональной точки зрѣнія, потому что принципъ противорѣчія есть краеугольный камень всѣхъ нашихъ утвержденій, на которыхъ покоится вся логика ума.

Логика чувствованій *субъективна*, она управляется принципомъ цѣлесообразности или приспособленія. Индивидуумъ, будучи существомъ чисто аффективнымъ, стремится къ одной только цѣли—къ удовлетворенію своихъ желаній; въ немъ каждая отдѣльная склонность стремится къ своей отдѣльной цѣли, къ своему отдѣльному благу. Такимъ образомъ, если ученый, движимый любовью къ истинѣ, склоняется къ истинѣ чисто научной, а движимый сильнымъ религіознымъ чувствомъ удовлетворяетъ ему дѣтскимъ вѣрованіемъ, то между этими двумя желаніями нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія; оно существуетъ лишь объективно въ области идей. Логика чувствованій можетъ также имѣть свои отклоненія отъ правилъ, но онѣ другого рода; я различаю ихъ только два: 1) когда отдѣльная склонность, стремясь къ своей цѣли, причиняетъ разрушеніе или поврежденія индивидууму въ его цѣломъ; 2) когда этотъ послѣдній находитъ удовольствіе въ своемъ собственномъ уничтоженіи, какъ это бываетъ при «наслаженіи страданіемъ», состояніи, сущность котораго, какъ мнѣ кажется, осталась непонятою многими авторами; но здѣсь не мѣсто заниматься ея изученіемъ.

III.

Характеры неустойчивые или полиморфные могутъ быть названы «характерами» развѣ только въ силу неправильнаго широкаго толкованія этого слова, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни единства, ни устойчивости, ни возможнаго предвидѣнія. Какъ поступать они въ томъ или другомъ случаѣ? Всякую минуту мы становимся лицомъ къ лицу съ загадкой. На дѣлѣ это разложеніе характера, и всѣ образцы этой группы относятся къ патологическимъ случаямъ.

Не стоитъ труда ихъ описывать, такъ какъ они понятны сами собой. Главнѣйшіе типы встрѣчаются среди истеричныхъ, перемежчивая психо-

логія которыхъ была столько разъ описана и притомъ такъ хорошо, что къ ней нечего прибавлять; среди авантюристовъ, исторія которыхъ, при всемъ своемъ разнообразіи, остается въ сущности одной и той же, и можетъ быть сформулирована такъ: раннее развитіе, неповиновеніе родителямъ или школьной дисциплинѣ, частыя побѣги, неспособность къ продолжительной работѣ, рѣзкіе переходы отъ увлеченія къ отвращенію; они берутся за все и все бросаютъ, подчиняясь такимъ образомъ волѣ случайныхъ побужденій или обстоятельствъ, пока какая нибудь окончательная катастрофа не приведетъ ихъ на судъ присяжныхъ или въ больницу для умалишенныхъ.

Причины этой неустойчивости бывають прирожденными или благопріобрѣтенными.

Спазматическій діатезисъ (diathèse), какъ выражается Маудсли, въ большинствѣ случаевъ прирожденъ. Его признаками являются различные симптомы, извѣстные подъ именемъ вырожденія; они группируются на признаки физическіе и психическіе; такіе типы слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ стоило перечислять.

Неустойчивость, пріобрѣтенная втеченіе жизни, есть послѣдствіе нѣкоторыхъ болѣзней, особенно поврежденій и сотрясеній мозга, и прежде всего поврежденія лобной доли. Къ такому заключенію приводятъ насъ наблюденія Давида Ферріе, Буаз (Boyer), Лепина и др. Въ болѣе недавнее время Алленъ Старръ *) констатировалъ, что въ двадцати трехъ случаяхъ изъ сорока шести единственными симптомами являются: умственная тупость, неспособность ко вниманію, раздражительность, несвязные импульсивные поступки, отсутствіе волевого контроля, потеря способности къ задержкѣ, однимъ словомъ, всѣ явленія, которыми спеціально сопровождаются поврежденія лѣвой стороны лобной области.

Поланъ, въ своей книгѣ «*Психологія характера*», изучая характеры, означаемые имъ какъ беспокойные, нервные, склонные къ противорѣчію, приводитъ нѣсколько примѣровъ, и между ними Альфреда де Мюссе, описаніе характера котораго заимствовано изъ его собственныхъ показаній, подтвержденныхъ и Жоржъ Зандъ. «По окончаніи этихъ ужасныхъ сценъ, какая то странная любовь, возбужденіе, доходившее до крайней степени, заставляло меня относиться къ моей любовницѣ, какъ къ божеству. Четверть часа тому назадъ я осыпалъ ее оскорбленіями, теперь я лежалъ у ея ногъ; какъ только я переставалъ обвинять, я просилъ прощенія; какъ только переставалъ издѣваться, я плакалъ» (Мюссе). «Его реакціи были настолько же внезапными и сильными, насколько жива была его радость. Казалось, что двѣ души, споряція о томъ, которая изъ нихъ будетъ оживлять его тѣло, вступили въ ожесточенную борьбу, стараясь изгнать одна другую... Его странная организація подчинялась неизмѣнному правилу, неслышанному, но безусловному: сонъ совершенно измѣнялъ его настроеніе; онъ засыпалъ преисполненный вѣжності, а просыпался съ жаждой борьбы и убійства; если

*) *Brain* № 32 стр. 570 и *Brain Surgery* (1893) гл. I.

наканунъ онъ уходилъ съ проклятіями на устахъ, то на другое утро онъ возвращался съ благословеніями» (Ж. Зандъ). Изъ этого и другихъ аналогичныхъ случаевъ Поланъ заключаетъ, что «эти типы обуславливаются преобладаніемъ ассоціаціи по контрасту. Но мнѣ кажется невозможнымъ сводить психологію неустойчивыхъ (характеры противорѣчивые граничатъ съ ними) къ одному этому факту. Прежде всего ассоціація по контрасту не есть первоначальная. Психологи совершенно справедливо сводятъ ее косвеннымъ образомъ къ ассоціаціи по сходству, къ которой иногда присоединяются элементы смежности. Болѣе того, контрастъ можетъ имѣть только двѣ стороны, между тѣмъ у натуръ «нервныхъ, безпокойныхъ, склонныхъ къ противорѣчію» замѣчается не только переходъ отъ противоположнаго къ противоположному, но и переходъ отъ различнаго къ различному; они проходятъ цѣлую гамму. Наконецъ, ассоціація по контрасту имѣетъ опредѣленную форму только какъ явленіе *интеллектуальное*, а вѣдь нельзя утверждать, что любовь, въ качествѣ представленія, вызоветъ по контрасту представленіе насилія, или что *идея* ревности вызоветъ идею равнодушія. Въ данномъ случаѣ ассоціація идей есть не что иное, какъ слѣдствіе, результатъ, переведеніе въ сознаніе событій болѣе глубокихъ, порядка аффективного и даже органическаго. Если Мюссе, представивъ себѣ Ж. Зандъ въ видѣ божества, немедленно затѣмъ обращается съ нею, какъ грубый плантаторъ со своею рабою, то такая перемѣна въ направленіи лежитъ въ его способѣ чувствовать, а не въ способѣ думать. Я вижу въ этомъ скорѣе дѣйствіе быстрого, но частичнаго истощенія, которое очень часто встрѣчается у натуръ неуравновѣшенныхъ. Если хотятъ непремѣнно сохранить слово контрастъ, то нужно понимать его не въ психологическомъ смыслѣ, а въ томъ, въ какомъ оно употребляется физиологами, когда они говорятъ о «послѣдовательномъ контрастѣ», и который они приписываютъ (вѣрно или ошибочно) усталости извѣстныхъ частей сѣтчатой оболочки.

По моему мнѣнію, формула, объясняющая и резюмирующая характеры неустойчивые, будетъ: *психологическое впаденіе въ дѣтство* (*infantilisme psychologique*). Можно сказать также «остановка въ развитіи»; но это выраженіе не подойдетъ подъ всѣ случаи.

Дѣйствительно, если разсматривать отличительные признаки дѣтскаго характера (не принимая въ расчетъ исключеній), то прежде всего мы замѣчаемъ въ нихъ извѣстное непостоянство; сейчасъ они желаютъ одного, сейчасъ же другого, потомъ третьяго; бросаются изъ одной крайности въ другую, переходятъ отъ восторга къ отвращенію, отъ смѣха къ слезамъ; они представляютъ несвязный пучекъ стремленій и желаній, изъ которыхъ одно прогоняетъ другое. Затѣмъ слабость или полное отсутствіе воли, той высшей формы задержки, которая обуздываетъ и упорядочиваетъ. Возникаетъ вопросъ, являются ли они натурами импульсивными по недостатку задержки или они неспособны управлять собою вслѣдствіе чрезмѣрности импульсовъ? Оба случая могутъ имѣть мѣсто, и результатъ получается одинаковый. Изо-

браженіе ихъ характера, который бесполезно описывать въ подробностяхъ, есть изображеніе характера неустойчиваго, т. е. несложившагося характера.

Терминъ «впаденіе въ дѣтство» одинаково примѣнимъ и къ формамъ природнымъ, и къ формамъ прибрѣтеннымъ. Первые характеры не переставали быть дѣтьми, вторые становятся ими опять; они находятся на одномъ уровнѣ, такъ какъ одни недостаточно поднялись, а другіе слишкомъ спустились: остановка въ развитіи или регрессъ. Правда, противъ этого можно было бы возразить, что такая неустойчивость наблюдалась много разъ у умовъ высшаго порядка; но гений—одно, а характеръ—другое; здѣсь же вопросъ только о характерѣ. Общественное мнѣніе, которое, поражаясь безсвязностью поведенія этихъ великихъ людей, называетъ ихъ «большими дѣтьми», находитъ такое обозначеніе вѣрнымъ, не вдаваясь въ тонкости анализа.

Словомъ, начиная съ *настоящаго* характера (т. е. согласія личности съ самой собой въ устойчивой и постоянной формѣ), который никогда не осуществляется вполнѣ и не можетъ обойтись безъ краткихъ исключеній, могутъ встрѣчаться всевозможныя формы нарушенія единства и устойчивости вплоть до того момента, когда въ силу безсвязной множественности, характеръ или не могъ зародиться совсѣмъ, или пересталъ существовать.

Перев. Е. Максимова.

Силы природы и естественные законы.

А. Лампа.

О Т Я Ж Е С Т И.

Предварительное разъясненіе понятій работы и энергіи. Механическая энергія. Тяжесть. Понятіе о силѣ. Законъ Ньютона. Ученіе о движеніи: опредѣленія.

«Все движется, все течетъ» училъ греческій философъ Гераклитъ; современное естествознаніе можетъ смѣло подписаться подъ этими словами. Все въ мірѣ, начиная отъ безчисленныхъ солнць и кончая ничтожными атомами, находится въ непрерывномъ движеніи. Покоя и неподвижности не существуетъ. Всеобщность этого положенія можно было установить лишь въ новѣйшее время, когда выяснилось, что теплота есть не что иное какъ особый видъ движенія; но въ жизни люди съ давнихъ временъ умѣли пользоваться «теченіемъ всѣхъ вещей» въ качествѣ полезной для себя работы.

Прежде всего воспользовались движеніемъ воды (водяныя колеса) и движеніемъ воздуха (парусныя суда). Воспользовавшись самой вещью, люди воспользовались и словомъ, и потому возможно говорить о работѣ текучей воды и о работѣ воздуха. Что такое работа, знаетъ всякій по собственному опыту, и потому я не буду пока разъяснять этого понятія. Наше обычное представленіе о работѣ въ научномъ отношеніи конечно не удовлетворительно, но впоследствии мы безъ труда выведемъ изъ него научное опредѣленіе работы. Предварительно-же необходимо ознакомить читателей съ новымъ понятіемъ объ энергіи, которое тѣсно связано съ понятіемъ о работѣ.

Отношеніе между энергіей и работой напоминаетъ намъ отношеніе между причиной и дѣйствиемъ; подобно тому какъ дѣйствіе невозможно безъ причины, такъ невозможна и работа, если для нея нѣтъ соответствующей энергіи. Болѣе подробное разъясненіе тѣсной зависимости между работой и энергіей я представлю послѣ, здѣсь-же укажу только, что понятіе объ энергіи человѣкъ перенесъ на природу, заимствовавъ его у себя, подобно тому какъ онъ это сдѣлалъ съ понятіемъ о работѣ. Подобное представленіе объ энергіи, конечно, тоже не научно, но ниже намъ

удастся вывести изъ него точное понятіе о томъ, что такое энергія, а пока довольно и этого.

Опытъ показываетъ намъ, что существуютъ различные роды энергій; для начала возьмемъ самый обычный, самый грубый родъ энергій и съ помощью его постараемся разъяснить вышесказанное. Этотъ родъ энергій свойственъ каждому движущемуся веществу, и мы называемъ его движущейся энергіей. Мы уже говорили о томъ, что человекъ воспользовался этой всюду встрѣчающейся въ природѣ энергіей для замѣны при работѣ собственной силы. По словамъ географа Страбона, знаменитый своими знаніями понтійскій царь Митридатъ построилъ противъ своего дворца водяное колесо; римляне стали пользоваться имъ со времени первыхъ императоровъ. Съ тѣхъ поръ текучая сила воды нашла себѣ обширное примѣненіе. Водяныя мельницы распространены теперь повсюду; кромѣ мельницъ силу воды примѣняютъ на лѣсопилкахъ и для приведенія въ движеніе тяжелыхъ молотовъ, ткацкихъ станковъ, ситцепечатныхъ машинъ и т. д., а въ самое послѣднее время и для электрическихъ машинъ. Энергія текучей воды представляетъ самую дешевую и доступную энергію, и мы пользуемся ею изъ обширныхъ запасовъ природы, не смотря на то, что она имѣетъ одинъ недостатокъ, именно, — она имѣется не вездѣ. Обильные запасы ея находятся въ горахъ, между тѣмъ какъ на низменностяхъ человекъ, если хочетъ воспользоваться силой рѣки, долженъ прибѣгать къ различнымъ сложнымъ приспособленіямъ.

Но насъ занимаетъ главнымъ образомъ вопросъ, въ чемъ источникъ этой энергій. Мы знаемъ изъ опыта, что стоячая вода не можетъ привести въ движеніе колесо или турбину. Вода сама должна двигаться и лишь при этомъ условіи она способна вращать колесо. Энергія, которую мы извлекаемъ изъ воды, въ концѣ концовъ проистекаетъ изъ той же причины, по которой движется вода, а эта причина есть свойственная всѣмъ предметамъ тяжесть.

Мы знаемъ, что камень, приподнятый съ земли, немедленно падаетъ обратно на землю, какъ только мы его выпустимъ изъ рукъ. Это явленіе должно имѣть свою причину; этой причины мы не знаемъ, и если мы говоримъ, что камень падаетъ на землю потому, что земля притягиваетъ его, то въ сущности мы ничего не объясняемъ этими словами. Слово притяженіе представляетъ лишь сокращенный способъ выраженія для болѣе нагляднаго изображенія этого явленія, но оно ни на волосъ не приближаетъ насъ къ объясненію самаго явленія. Подобное выраженіе представляетъ не болѣе какъ остатокъ дѣтскаго воззрѣнія человека на природу, которое переводитъ всѣ непонятныя нашему разуму явленія на доступный человеку, но все-же непонятный ему, языкъ. Для объясненія великихъ явленій природы человекъ создавалъ себѣ божества, для мелкихъ — демоновъ, изъ которыхъ одни относились къ нему благосклонно, а другіе враждебно, но человѣческая мысль постепенно зрѣла въ этомъ отношеніи, и въ наиболѣе свѣтлыхъ головахъ зародилось сомнѣніе въ

томъ, существуютъ-ли дѣйствительно подобныя созданія. Да еслибы они и существовали, то ужъ самое сомнѣніе могло бы ихъ убить. Они исчезли со сцены въ качествѣ личностей, но уцѣляли въ видѣ различныхъ свойствъ, и тѣни ихъ мы еще узнаемъ въ «скрытыхъ свойствахъ» и «флюидахъ» средневѣковыхъ ученыхъ; и въ нашей современной научной терминологіи мы замѣчаемъ еще остатки этихъ первобытныхъ представлений. Но мы смѣло можемъ пользоваться подобными понятіями въ цѣляхъ сокращенія способа выраженія, если только будемъ твердо помнить, что эти понятія намъ ровно ничего не объясняютъ. Подъ этимъ условіемъ мы можемъ воспользоваться словомъ *сила* и говорить о *притягательной силѣ* земли, дѣйствующей на камень.

Ислѣдованіемъ этой притягательной силы, силы тяжести, или попросту тяжести, мы обязаны сѣру Исааку Ньютону.

Разсказываютъ, что на ислѣдованіе тяжести его натолкнуло зрѣлище яблока, падающаго съ дерева. Не станемъ разбирать, вѣрнѣ ли этотъ разсказъ; во всякомъ случаѣ Ньютонъ разрѣшилъ поставленную себѣ задачу самымъ поразительнымъ образомъ, и это рѣшеніе, равно какъ и методъ его, легли въ основаніе величественнаго зданія современнаго естествознанія. Ньютонъ доказалъ, что дѣйствіе равно всегда противоположно, поэтому если земля притягиваетъ камень, то и камень съ такою же силою притягиваетъ ее; вообще тяжесть есть общее свойство матеріи. Законъ взаимнаго притяженія двухъ тѣлъ заключается въ томъ, что притяженіе ихъ зависитъ отъ массы обоихъ тѣлъ, т. е. только отъ количества вещества, и отъ разстоянія между ними, такъ что сила притяженія равняется произведенію ихъ массъ, дѣленному на квадратъ разстоянія между ними.

Ньютонъ доказалъ всеобщность притяженія; кромѣ того, онъ доказалъ, что небесныя свѣтила, повинувшись тому же закону, также притягиваютъ другъ друга, причемъ Ньютонъ воспользовался законами Кеплера о движеніи планетъ, выведенными послѣднимъ изъ астрономическихъ наблюденій; онъ показалъ, что эти законы не болѣе какъ выводъ изъ его закона притяженія и подтвердилъ это тѣмъ указаніемъ, что земля притягиваетъ луну съ такою же силою, какъ и всякія земныя тѣла, и что не существуетъ никакого различія между космическимъ и земнымъ притяженіемъ; открытія Ньютона положили основаніе небесной механикѣ, которая стала съ тѣхъ поръ быстро развиваться.

Но возвратимся къ землѣ.

Притяженіе двухъ тѣлъ проявляется болѣе наглядно въ томъ случаѣ, если оба они свободны. Повинувшись притяженію, они придутъ въ движеніе, и раздѣляющее ихъ разстояніе начинаетъ сокращаться. Движеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока что-нибудь не помѣшаетъ ему, однако, притяженіе отъ этого отнюдь не прекращается и начинаетъ проявляться не въ движеніи, а въ давленіи на препятствіе. Если камень вслѣдствіе тяжести падаетъ на землю, то, обратно, и земля падаетъ на него,

такъ что дѣйствіе равно противодѣйствию. Если даны два одинаковаго размѣра и вѣса шара, то, двигаясь подъ вліяніемъ тяжести другъ къ другу, они пробѣгутъ въ первую секунду равные пути. Но если на одной сторонѣ не одинъ, а два шара, то понятно, что въ первую секунду они пробѣгутъ лишь половину прежняго пути; дѣйствія тяжести при этомъ одинаковы, ибо два шара, пробѣжавшіе каждый половину пути, то же самое, что одинъ шаръ, пробѣжавшій цѣлый путь. Такимъ же образомъ три шара пробѣгутъ лишь треть пути, четыре шара четверть пути и т. д. Изъ этого слѣдуетъ, что путь, который земля сбѣлаетъ по направленію къ брошенному на воздухъ камню, соотвѣтствуетъ ея гигантскимъ размѣрамъ, т. е. что онъ ничтоженъ, такъ что на дѣлѣ мы можемъ совершенно пренебречь имъ и говорить, что камень падаетъ на землю.

Далѣе, сила притяженія зависитъ отъ разстоянія; но отъ силы притяженія зависитъ также скорость, съ которой движутся притягивающіяся тѣла. Поэтому далеко не все равно, бросимъ ли мы камень на высоту десяти или на высоту тысячи метровъ надъ земной поверхностью. Въ обоихъ случаяхъ скорость движенія и пройденный въ первую секунду путь будутъ неодинаковы. Но земля такъ громадна, что разница подобныхъ разстояній совершенно ступшевывается передъ ея размѣрами, и на дѣлѣ мы вправѣ допустить, что при паденіи тѣла скорость его движенія въ первую секунду не зависитъ отъ высоты. Приведемъ относящіяся сюда цифры: при свободномъ паденіи, т. е. не принимая въ расчетъ сопротивленія воздуха, тѣло, притягиваемое землей, проходитъ въ первую секунду путь длиною въ 4,9 метра, что равняется 490 сантиметрамъ. На всѣхъ высотахъ, куда только человекъ до сихъ поръ ни забирался, онъ наблюдалъ ту же самую скорость паденія тѣла. Но на болѣе значительномъ разстояніи дѣло происходитъ уже иначе. Такъ, если бы камень падалъ на землю съ высоты, равной разстоянію до луны, онъ первую секунду пробѣжалъ бы всего 0,0013 метра, т. е. приблизительно $1\frac{1}{3}$ миллиметра.

Оба эти обстоятельства значительно уменьшаютъ трудности, съ какими иначе было бы сопряжено изученіе явленія тяжести на землѣ; поэтому неудивительно, что Галилей установилъ законы этихъ явленій прежде, чѣмъ Ньютонъ открылъ свой законъ.

Для яснаго пониманія движенія тѣлъ подъ вліяніемъ силы тяжести намъ необходимо познакомиться съ интересующими насъ выводами Галилея.

Подъ движеніемъ тѣла мы понимаемъ перемѣщеніе его въ пространствѣ. Противуположность движенію есть покой. Но въ началѣ нашей бѣсѣды мы замѣтили, что абсолютнаго покоя не существуетъ. Деревья, дома и другіе неподвижные предметы находятся въ покой по отношенію къ землѣ, но они движутся вмѣстѣ съ нею около ея оси и около солнца. Въ движеніи всякаго тѣла слѣдуетъ различать направленіе движенія и скорость. Само собой понятно, что путь движущагося тѣла можетъ представлять либо прямую, либо кривую линію, а скорость можетъ быть либо равномѣрной, когда тѣло проходитъ въ равное время равные пути, такъ что

путь и время увеличиваются одинаково, и скорость движениа есть не что иное какъ путь, пройденный въ единицу времени (счисленіе зависитъ, конечно, отъ принятыхъ мѣръ; обыкновенно для этого служатъ секунда и метръ), либо же скорость можетъ быть неравномѣрной, если въ каждую единицу времени (секунду) тѣло проходитъ большій или меньшій путь, чѣмъ въ предыдущую. Въ первомъ случаѣ движеніе будетъ ускоренное, во второмъ—замедленное. Но какъ опредѣлить скорость подобнаго движенія? Подобное опредѣленіе возможно лишь для каждаго отдѣльнаго момента, и подь скоростью его приходится подразумѣвать тотъ путь, который тѣло отложило бы, если бы, начиная съ этого момента, движеніе его превратилось бы въ равномѣрное.

О СВОБОДНОМЪ ПАДЕНІИ ТѢЛЪ.

Законъ Галилея. Паденіе тѣла: скорость, путь и замедленіе. Тяжесть на другихъ міровыхъ тѣлахъ.

Древнимъ были неизвѣстны истинные законы движениа; такъ, ученія о движениа Аристотеля частью невѣрны, частью не даютъ ничего новаго. Напримѣръ, Аристотель устанавливалъ различіе между естественнымъ движениемъ свободно падающаго тѣла и насильственнымъ движениемъ брошеннаго тѣла; далѣе, онъ думалъ, что тѣло падаетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ тяжелѣе оно. Подобное мнѣніе находитъ себѣ не мало сторонниковъ, потому что опытъ на первый взглядъ подтверждаетъ его: въ самомъ дѣлѣ, пухъ даже въ спокойномъ воздухѣ садится очень медленно, между тѣмъ какъ кусокъ свинца падаетъ почти мгновенно. Но различіе это объясняется неодинаковымъ сопротивленіемъ воздуха, которое для пуха весьма значительно, а для свинца ничтожно. Если повторить этотъ же опытъ въ стеклянной трубкѣ, изъ которой выкаченъ воздухъ, то нетрудно убѣдиться, что и пухъ, и свинецъ въ одинаковое время достигаютъ нижняго конца ея. Но спрашивается, упадетъ ли въ безвоздушномъ пространствѣ одинъ килограммъ свинца столь же быстро, какъ одинъ граммъ его? Вѣдь изъ закона Ньютона вытекаетъ, что притяженіе увеличивается вмѣстѣ съ массой тѣла, а если увеличилось притяженіе, то должна была увеличиться и вызванная имъ скорость. Однако это не такъ: хотя притяженіе увеличилось, зато увеличилась и масса тѣла, которую оно приводитъ въ движеніе, и такъ какъ притяженіе и масса увеличились въ одинаковыхъ размѣрахъ, то понятно, что при такихъ условіяхъ скорость тѣла не могла возрасти. Мы можемъ доказать это еще слѣдующимъ рассужденіемъ: кусокъ свинца вѣсомъ въ одинъ граммъ проходитъ въ первую секунду своего паденія 4,9 или, скажемъ для круглаго счета, 5 метровъ; примемъ силу дѣйствующей на него тяжести равную единицѣ. Если у насъ тысяча такихъ же свинцовыхъ кусковъ, то на каждый изъ нихъ дѣйствуетъ конечно то же самое притяженіе, т. е. единица, и потому каждый изъ нихъ опустится въ

первую секунду своего паденія на 5 метровъ; если мы соединимъ ихъ въ одинъ большой кусокъ, то отъ этого ровно ничего не измѣнится, ибо безразлично, будетъ ли свинецъ падать разрозненными кусками или соединенный въ одну массу. Но этотъ большой кусокъ будетъ вѣсить 1000 граммовъ или одинъ килограммъ, сила притяженія дѣйствующая на него будетъ равняться не единицѣ, а 1000 единицъ, и все же намъ ясно, что въ первую секунду онъ пройдетъ тѣ же 5 метровъ.

Основные законы движенія были открыты Галилеемъ, имя котораго вслѣдствіе преслѣдованія стало извѣстно не однимъ только специалистамъ-ученымъ. Первый установленный имъ законъ—это законъ косности или инерціи, согласно которому разъ приведенное въ движеніе тѣло должно двигаться съ равномерной скоростью до тѣхъ поръ, пока на него не подействуетъ какая-либо другая сила.

Доказать этотъ законъ было не легко, ибо въ природѣ подобнаго движенія вовсе не существуетъ, и человекъ точно также не въ состояніи поставить движущееся тѣло въ такія условія, чтобы на него не дѣйствовали постороннія силы, измѣняющія его движеніе; если мы можемъ уменьшить всѣякія препятствія для движенія, какъ напримѣръ, сопротивленіе воздуха и треніе, то все-же мы не въ состояніи устранить ихъ вполне; а вѣдь это именно необходимо, чтобы доказать справедливость этого закона на опытѣ. Задача поэтому заключалась въ томъ, чтобы доказать и опредѣлить дѣйствіе тренія при сложныхъ явленіяхъ движенія, которыя мы встрѣчаемъ въ природѣ и при собственныхъ опытахъ. Это именно удалось доказать Галилею для случаевъ свободнаго паденія тѣлъ, для тѣла брошеннаго на воздухъ и для другихъ подобныхъ-же явленій.

Второй установленный Галилеемъ законъ гласитъ, что путь тѣла, движущагося подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ какой либо силы, въ каждый ничтожный промежутокъ времени представляетъ сумму двухъ такихъ путей, изъ которыхъ одинъ тѣло прошло бы по инерціи подъ вліяніемъ уже раньше приобрѣтенной имъ скорости, а другой представляетъ путь, который тѣло проходитъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ въ этотъ-же промежутокъ времени дѣйствій силы.

Изъ этого второго закона вытекаетъ, что всякая непрерывно дѣйствующая сила приводитъ тѣло въ ускоренное движеніе, а если она дѣйствуетъ одинаково, то производитъ равномерно ускоренное движеніе. Изъ сказаннаго раньше намъ теперь ясно, что тяжесть вблизи земной поверхности представляетъ именно такую силу, такъ что свободное паденіе всякаго тѣла служитъ намъ превосходнымъ примѣромъ равномерно ускореннаго движенія.

Астрономія научаетъ насъ опредѣлять размѣры и массу солнца, луны и планетъ; изъ полученныхъ этимъ путемъ величинъ мы въ состояніи опредѣлить скорость падающаго тѣла или ускореніе тяжести на каждомъ изъ этихъ міровыхъ тѣлъ. Такъ, на солнцѣ она равняется 20 метрамъ, на лунѣ всего только 2 метрамъ. Въ то время какъ на землѣ падающее

тѣло въ первую секунду проходить 5 метровъ, на лунѣ оно проходить всего одинъ метръ, а на солнцѣ 145 метровъ. Слѣдствіемъ подобнаго различія является необычайная разница въ вѣсѣ тѣла. На землѣ литръ воды вѣситъ одинъ килограммъ или 1000 граммовъ, на лунѣ онъ вѣсилъ бы всего 200 граммовъ, между тѣмъ какъ на солнцѣ онъ вѣсилъ бы 29 килограммовъ. Вообразимъ теперь себѣ, что мы перенеслись на солнце. Мышечная сила наша не измѣнилась бы при этомъ, между тѣмъ, какъ вѣсъ нашего тѣла увеличился бы сразу въ 29 разъ, и навѣрное ни одинъ человекъ не въ состояніи былъ бы сдѣлать даже шагъ, потому что мышцы тѣла оказались бы слишкомъ слабыми сравнительно съ вѣсомъ его; между тѣмъ на лунѣ человекъ двигался бы съ необычайной легкостью; усиліе, которое человекъ дѣлаетъ, чтобъ подскочить на землѣ на одинъ метръ, подбрасывало бы его на лунѣ на высоту пяти метровъ. Не будемъ предаваться дальнѣйшимъ фантазіямъ, обратимъ вниманіе лишь на одно обстоятельство, именно на зависимость между строеніемъ и всѣми отправленіями нашего тѣла и размѣрами силы тяжести на землѣ. Несомнѣнно строеніе и всѣ отправленія нашего тѣла слагались подъ вліяніемъ этого всеобщаго фактора.

Пер. Н. Березинъ.

Психологія женщины *)

Въ числѣ множества вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ предстоитъ XX вѣку, женскій вопросъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Почти вездѣ въ Европѣ женщина уже не довольствуется болѣе тѣмъ мѣстомъ, которое ей отводится въ обществѣ законами, обычаями, нравами и воспитаніемъ, и чувствуетъ себя стѣсненною поставленными ей рамками. Она жаждетъ на невозможность развить свои способности въ такой степени, какъ того требуютъ условия современной жизни, гдѣ женщинѣ, одинокой и необезпеченной, зачастую приходится бороться какъ мужчинѣ, чтобы заработать свой хлѣбъ и притомъ бороться съ мужчинами же, такъ какъ тамъ гдѣ существуетъ конкуренція, любезность отходить на второй планъ и уже не можетъ быть рѣчи о традиціонной предупредительности къ женскому полу. Такимъ образомъ въ основѣ женскаго движенія лежатъ также и экономическія причины, и поэтому даже самые ярые противники женскаго равноправія вынуждены относиться серьезно къ женскому вопросу и вмѣсто обычныхъ насмѣшекъ, придумывать теперь болѣе или менѣе серьезные и научныя доказательства несостоятельности женщинъ и полной ихъ неприспособленности къ занятію того положенія, котораго онѣ добиваются. Рядомъ съ движеніемъ, которое смѣло можно назвать популярнымъ, въ настоящее время, существуетъ еще другое, научное движеніе; одно стремится доставить женщинѣ вполнѣ равноправное положеніе въ социальномъ и политическомъ отношеніи, т. е. совершенно измѣнить сферу ея дѣятельности, возложить на нее новыя обязанности, новыя тягости, что несомнѣнно должно повести за собой и измѣненіе семейныхъ отношеній,—другое же старательно отыскиваетъ антропологическія и иныя данныя, которыя бы подтвердили конституціональную разницу, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи, между женщиною и мужчиною и доставили бы вѣскіе доводы противъ измѣненія существующаго положенія женщины.

Профессоръ Патрикъ въ своей книгѣ «Психологія женщины» рассматриваетъ нѣкоторые изъ результатовъ новѣйшихъ антропологическихъ изслѣдо-

*) «The Psychology of Woman» by Prof. G. F. W. Patrick.

ваній, относящихся главнымъ образомъ къ психологіи женщины, съ цѣлью выяснитъ, какое вообще вліяніе могутъ имѣть эти научные результаты на рѣшеніе женскаго вопроса. Безъ сомнѣнія даже самый преданный сторонникъ женскаго равноправія, какъ въ психическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи образованія, не станетъ отрицать, что успѣхъ и прочность реформы, касающейся женщинъ, находятся въ полной зависимости отъ того, существуетъ или нѣтъ противорѣчіе между ея природною физическою и умственной организаціей и новыми обязанностями, которыя будутъ на нее возложены ея новымъ положеніемъ. Но слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, говоритъ проф. Патрикъ, что если бы даже научныя изслѣдованія подтвердили интеллектуальную или физическую слабость женщины въ данное время, то все же это не можетъ служить уважительною причиною для лишенія ея политическихъ и воспитательныхъ преимуществъ, которыхъ она добивается. Во всякомъ случаѣ, если дѣйствительно эта несостоятельность женщины явилась результатомъ ея подчиненнаго положенія, въ которомъ ее оставляли до сихъ поръ, то тѣмъ болѣе причинъ измѣнить это положеніе, доставивъ женщинѣ возможность выйти изъ него. Но надо все таки посоветовать женщинамъ лишь постепенно возлагать на себя новыя обязанности, такъ какъ чрезмѣрное обремененіе неприспособленныхъ силъ можетъ лишь повредить всему дѣлу женщинъ въ данную минуту и доставить противникамъ реформы новое оружіе противъ нея.

Теоріи, объясняющія особенности женскаго организма весьма разнообразны. Еще со временъ Аристотеля на женщину смотрѣли какъ на низшій типъ, изображающій приостановленное развитіе, затѣмъ про женщину стали говорить, что она взрослый ребенокъ, что она принадлежитъ къ дѣтскому типу и поэтому сохраняетъ до нѣкоторой степени всѣ особенности дѣтской природы. Къ этой теоріи въ новѣйшее время сдѣлана слѣдующая прибавка: женщина принадлежитъ къ дѣтскому типу, но дѣтскій типъ въ сущности есть расовый типъ и поэтому болѣе совершенный, нежели типъ взрослага человѣка, характерною чертою котораго является дряхлость. Указывается также, что въ животномъ мірѣ, гдѣ искусственныя условія не измѣнили естественныхъ отношеній, самка не уступаетъ въ физическомъ превосходствѣ, въ величинѣ и жизненности и сохраняетъ въ большей степени основныя качества вида.

Психологію нельзя отдѣлять отъ физиологіи и поэтому, чтобы лучше судить о вышеуказанныхъ теоріяхъ, касающихся женскаго организма, мы должны предварительно рассмотретьъ вторичные половые признаки, характеризующіе физическое строеніе женщины. Женщины у всѣхъ цивилизованныхъ расъ ниже и легче мужчины, за исключеніемъ 13 и 14-лѣтняго возраста, такъ какъ въ нашемъ климатѣ дѣвочки въ этомъ возрастѣ больше и тяжелѣе мальчиковъ соотвѣтствующаго возраста. Формы женскаго тѣла болѣе округлены и мягки, менѣе костлявы и угловаты, такъ какъ жиръ преобладаетъ надъ мускулами. Мускульная ткань женщины содержитъ нѣсколько большій процентъ воды. Сила женщины, какъ указываетъ динамо-

метръ, едва равняется двумъ третямъ силы мужчины. Длина рукъ и ногъ у женщины по отношенію къ туловищу больше, чѣмъ у мужчины. Положеніе туловища не столь прямое какъ у мужчины, благодаря наклоненію костей таза, женщина держитъ голову не такъ какъ мужчина, и походка ея сравнительно менѣе прямая и менѣе твердая. Особенностью женщинъ считается также большая длина первой фаланги пальцевъ по сравненію съ третьей, что указываетъ на высшую эволюцію, такъ какъ у обезьянъ и дикихъ этого не наблюдается. Голосовыя связки у женщины короче и голосъ выше и звонче. Гортань меньше и помѣщена выше. Щитовидная железа больше, чѣмъ у мужчины. Емкость легкихъ, по отношенію къ величинѣ туловища и количество выдыхаемой углекислоты меньше, чѣмъ у мужчины. Въ составѣ крови существуетъ также довольно большая разница: кровь женщины содержитъ меньшее количество кровяныхъ шариковъ, большій процентъ воды и имѣетъ меньшій удѣльный вѣсъ.

Въ отношеніи рожденія, смерти и болѣзней женщины обнаруживаютъ довольно любопытныя особенности. Статистика указываетъ, что въ Европѣ и Америкѣ на каждыя сто дѣвочекъ рождается приблизительно 105 мальчиковъ. Большая смертность мальчиковъ наблюдается въ самые первые годы жизни и чѣмъ далѣе, тѣмъ она болѣе возрастаетъ. Однако если сосчитать число мальчиковъ и дѣвочекъ послѣ перваго года и мужчинъ и женщинъ каковаго бы то ни было возраста, то окажется, что женскій элементъ преобладаетъ, несмотря на то, что много женщинъ погибаетъ отъ болѣзней, сопряженныхъ съ рожденіемъ дѣтей. Это явленіе, приписывавшееся прежде случайнымъ причинамъ, теперь объясняется болѣею смертностью среди мужчинъ, находящеюся въ аналогіи съ болѣею силою сопротивляемости женскаго организма почти всѣмъ болѣзнямъ. Госпитальныя статистики указываютъ, что женщины менѣе подвержены такимъ болѣзнямъ какъ ревматизмъ, геморрой, ракъ и мозговыя страданія. Хотя онѣ и болѣе подвержены нѣкоторымъ заболѣваніямъ другого рода: дифтериту, чахоткѣ и коклюшу, но тѣмъ не менѣе смертность отъ этихъ болѣзней у нихъ меньше, чѣмъ у мужчинъ. Случаи внезапной смерти отъ внутреннихъ причинъ рѣже наблюдаются у женщинъ, нежели у мужчинъ. Онѣ лучше переносятъ хирургическія операціи и скорѣе выздоравливаютъ отъ ранъ. Женщины живутъ дольше, и между столѣтними стариками встрѣчается больше женщинъ нежели мужчинъ. Женщины дольше сохраняютъ пользованіе своими членами, позднеѣ сѣдѣютъ и менѣе обнаруживаютъ старческой раздражительности и потери зрѣнія, слуха и памяти. Вопреки распространенному мнѣнію, женщина крѣпче мужчины и имѣетъ большій запасъ жизненныхъ силъ. Мы еще должны упомянуть, что у женщинъ гораздо рѣже наблюдаются физическія аномаліи, нежели у мужчинъ. Антропологическія изслѣдованія въ Англіи и Италіи указываютъ, что признаки дезенфаціи, уродства и всякаго рода уклоненія отъ нормальнаго типа менѣе обыкновенны у женщинъ, нежели у мужчинъ.

Особенности женскаго черепа, указываемыя Ребентишемъ, Шафгаузенемъ

и Мантегаццой, состоятъ въ его меньшей величинѣ, причѣмъ въ теменѣ черепъ шире, чѣмъ у основанія. Лобныя кости направляются болѣе перпендикулярно и образуютъ болѣе острый уголъ съ плоскимъ теменемъ. Переносы и надбровныя дуги менѣе выдаются. Темянныя бугры выдаются больше, но затылочный бугоръ и челюстные отростки менѣе рѣзко выражены. Нижняя челюсть меньше и болѣе округлена. Лицо по отношенію къ величинѣ головы меньше и ниже, и прогнатизмъ нѣсколько болѣе выраженъ, чѣмъ у мужчины.

Вопросъ о женскомъ мозгѣ, вызвавшій такой продолжительный споръ и полемику, повидимому, близится къ своему разрѣшенію по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ пунктовъ. Прежде всего мозгъ женщины имѣетъ меньшій абсолютный вѣсъ, нежели мозгъ мужчины, отношеніе у цивилизованныхъ расъ = 9 : 10. Но это обстоятельство не имѣетъ большого значенія уже потому, что мужчина тяжелѣе и больше женщины. Если мы будемъ разсматривать вѣсъ мозга по отношенію къ вѣсу туловища, то окажется, что мозгъ женщины все таки меньше, нежели мозгъ мужчины. Если же мы сопоставимъ вѣсъ мозга съ вѣсомъ тѣла, то отношеніе будетъ равное какъ у мужчины, такъ и у женщины, и даже если существуетъ какая нибудь разница, то въ пользу женщины. Но гораздо большее значеніе, съ точки зрѣнія умственныхъ способностей женщины, имѣетъ относительный вѣсъ различныхъ частей ея мозга. Тутъ въ женскомъ мозгѣ наблюдается большая величина нижнихъ центровъ по сравненію съ полушаріями большого мозга, но зато мозгъ женщины болѣе богатъ кровью, нежели мозгъ мужчины.

Какое же отношеніе имѣютъ всѣ эти особенности женскаго организма къ занимаемому женщиною положенію? Подтверждаютъ ли онѣ несостоятельность ея притязаній? Проф. Патрикъ склоненъ думать, что нѣтъ. Большая жизненная сила женщины и сопротивляемость болѣзнямъ уравниваютъ другіе недостатки ея организма, жидкость крови и преобладаніе низшихъ центровъ. Что касается гипотезы дѣтскаго типа, то она, повидимому подтверждается физическими особенностями женщины, которыя, въ то же время, составляютъ и особенность дѣтскаго организма. Что касается рѣзко выраженныхъ психическихъ различій между мужчиной и женщиной, то для сравненія надо непременно брать среднихъ мужчинъ и среднихъ женщинъ, между тѣмъ какъ тутъ именно и впадали въ ошибку, сравнивая обыкновенно заурядные типы женщинъ съ мужчинами, выдающимися надъ среднимъ уровнемъ или наоборотъ.

Общераспространенное мнѣніе, что чувствительность у женщины развита больше, нежели у мужчины не подтверждается наблюденіями. Ломброзо, на основаніи данныхъ, полученныхъ итальянскими и англійскими изслѣдованіями, пришелъ къ заключенію, что чувствительность женщинъ нѣсколько притуплена въ отношеніи осязанія, вкуса, зрѣнія и слуха, и болевая чувствительность у нея меньше, чѣмъ у мужчины, однако всѣ эти заключенія нельзя считать абсолютными. Тщательныя изслѣдованія Баллея и Никольса указываютъ, что вкусъ у женщины болѣе развитъ, нежели у мужчины, но

относительно обонянія наблюдается обратное явленіе. Ислѣдованія слуха и зрѣнія еще не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Обращается вниманіе, впрочемъ, на то, что настройщики и отвѣдыватели чая и вина для опредѣленія ихъ качествъ,—почти всегда мужчины. Но вообще, въ отношеніи опредѣленія сравнительной чувствительности мужчины и женщины, мы располагаемъ до сихъ поръ еще слишкомъ незначительнымъ числомъ данныхъ и поэтому преждевременно выводить тутъ какія либо заключенія. Гавеллокъ Эллисъ, однако, на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, полагаетъ вмѣстѣ съ Гальтономъ, что чувствительность менѣе развита у женщины, но ея большая нервная раздражительность часто симулируетъ у нея чувствительность и дала поводъ къ образованію на этотъ счетъ ложнаго мнѣнія. Что касается цвѣтной слѣпоты, то она наблюдается у мужчинъ гораздо чаще; такъ, около трехъ съ половиною процентовъ одержимы цвѣтною слѣпотой, тогда какъ не болѣе четырехъ десятыхъ процента женщинъ подвержены этой аномаліи. Причины этого явленія еще не выяснены вполнѣ, такъ какъ ни одно изъ господствующихъ объясненій не выдерживаетъ критики.

Господствующее воззрѣніе, что женщина стоитъ выше мужчины относительно ловкости рукъ, повидимому, проистекаетъ вовсе не изъ опыта и наблюденія надъ работою женщинъ въ области механическихъ искусствъ. Наблюденія доктора Бріана надъ быстротою движеній у 789 школьниковъ указываютъ, что у мальчиковъ отъ 5 до 16 лѣтъ быстрота движеній нѣсколько больше, за исключеніемъ тринадцатилѣтняго возраста. Согласно тому же наблюденію быстрота эта правильно возрастаетъ вмѣстѣ съ годами. Бріанъ также произвелъ опыты надъ цѣлесообразностью движеній у мальчиковъ и дѣвочекъ, и у первыхъ оказались движенія нѣсколько больше цѣлесообразными, нежели у вторыхъ. Къ такимъ же заключеніямъ пришелъ и Джильбертъ, наблюдавшій волевыя движенія у двѣнадцати тысячъ дѣтей въ школахъ въ Нью-Овенѣ отъ 6 до 16-ти лѣтняго возраста. Его наблюденія указываютъ, что время реакціи короче у мальчиковъ, и какъ у мальчиковъ, такъ и у дѣвочекъ это время одинаково уменьшается вмѣстѣ съ возрастомъ, за исключеніемъ небольшой остановки въ четырнадцать лѣтъ.

Что касается большей ловкости въ ручныхъ работахъ, то въ этомъ отношеніи показанія расходятся. Гавеллокъ Эллисъ, изслѣдуя различныя отрасли фабричнаго производства и промышленности, пришелъ къ заключенію, что болѣе тонкія работы, требующія большаго искусства, поручаются мужчинамъ даже въ такой области, гдѣ равно употребляется какъ трудъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Превосходство женщинъ въ работѣ иглой уже потому не можетъ быть поставлено на видъ, что мужчины не вступали съ ними въ состязаніе въ этой области, точно также нельзя говорить о превосходствѣ мужчинъ въ такой области, въ какой женщины не пробовали съ ними конкурировать.

Мы переходимъ теперь къ различіямъ въ умственномъ отношеніи

между обоими полами. Это самая избитая и старая тема, о которой очень любят говорить и теперь. Мы укажем только ту разницу умственной дѣятельности мужчины и женщины, которая подтверждается опытом и статистикой. Прежде всего, женщина дѣйствительно обладает большою быстротою соображенія. Она быстрѣ прочтетъ книгу, чѣмъ мужчина и, при условіи одинаковыхъ познаній, она больше схватываетъ изъ того, что прочла. Она быстрѣ схватываетъ число или группы предметовъ въ цѣломъ и необыкновенно быстро, не разсуждая и какъ бы интуитивно, познаетъ отношенія вещей. Но за то она далеко не такъ точно распознаетъ детали, и вообще быстрота соображенія проявляется у нея лишь относительно предметовъ обыкновеннаго житейскаго опыта. Субъективность играетъ у женщины гораздо болѣе значительную роль, чѣмъ у мужчины, и она разсматриваетъ вещи преимущественно съ точки зрѣнія собственнаго опыта, желаній и предразсудковъ; поэтому то женщина менѣе способна быть критикомъ, нежели мужчина и очень рѣдко бываетъ безпристрастнымъ судьей, гораздо чаще и сильнѣе мужчины поддаваясь вліянію чувства. Женскій умъ менѣе приспособленъ къ образованію понятій, особенно абстрактныхъ, и женщина мыслить по преимуществу конкретными образами и понятіями. Эта разница мышленія лучше всего иллюстрируется слѣдующимъ простымъ примѣромъ: если взять 50 женщинъ и 50 мужчинъ и предложить имъ написать какъ можно быстрѣ, не раздумывая, сотню какихъ нибудь словъ, то у женщинъ мы найдемъ гораздо большее число словъ, выражающихъ конкретныя понятія, частныя выраженія, вещи въ цѣломъ и ассоціаціи въ пространствѣ, тогда какъ у мужчинъ преобладаютъ абстрактныя слова, отдѣльныя части предметовъ, общія выраженія и ассоціаціи во времени. Еще Лотце замѣтилъ, что женщины отличаются способностью распределять вещи въ пространствѣ, а мужчины—во времени. Мужчины стремятся подвести всѣ вещи подъ какое нибудь общее правило, причемъ особенно заботятся о симметріи и согласованіи выводовъ; женщины же гораздо менѣе думаютъ объ общихъ правилахъ и больше принимаютъ во вниманіе конечныя цѣли, всегда стремясь согласовать вещи съ окружающей обстановкою и придать имъ законченность.

Память у женщинъ, согласно наблюденіямъ, лучше развита, чѣмъ у мужчинъ. Въ школахъ дѣвочки превосходятъ мальчиковъ во всѣхъ урокахъ, требующихъ памяти. Однако Джильбертъ въ своихъ наблюденіяхъ надъ школьными дѣтьми замѣтилъ, что мальчики точнѣ воспроизводятъ промежутокъ времени, нежели дѣвочки. Женщины болѣе способны къ быстрой ассоціаціи мышленія, но что касается логическихъ разсужденій, все равно индуктивнаго или дедуктивнаго характера, то онѣ оказываются рѣшительно несостоятельными. У нихъ недостаетъ чувства логики и несообразности ихъ менѣе смущаютъ, нежели мужчинъ; онѣ не любятъ анализировать и менѣе быстро понимаютъ отношенія части къ цѣлому. На этомъ основаніи онѣ менѣе пригодны къ усидчивому аналитическому науч-

ному труду, къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ; интересъ ихъ преимущественно устремленъ на конечные результаты. Изъ 483,517 патентовъ на различныя изобрѣтенія, выданныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ до октября 1892 года, всего лишь 3,458 получены женщинами. Вообще женское мышленіе менѣе методично и болѣе поверхностно, чѣмъ мужское. Искусства, науки и философія обязаны своимъ прогрессомъ мужчинамъ, а не женщинамъ, и рѣшительно во всѣхъ областяхъ науки и искусства преобладаютъ мужскія имена. Даже въ такихъ сферахъ, гдѣ могутъ быть особенно полезны спеціальныя качества женщинъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи, напримѣръ: вокальная музыка, сцена, беллетристика, все таки преобладаютъ мужчины, и въ спискѣ великихъ артистовъ встрѣчается меньше женскихъ именъ, нежели мужскихъ. Даже въ кулинарномъ и портняжномъ искусствѣ мужчина часто занимаетъ первое мѣсто. Но женщина, благодаря большей дозѣ терпѣнія, интуиціи и хорошей памяти, особенно способна къ педагогической дѣятельности, гдѣ она имѣетъ одинаковый, если даже не болѣе, успѣхъ, нежели мужчина, и всѣ воспитательныя реформы, начиная отъ дѣтскаго сада до университета, производились именно при помощи женщинъ.

Недостатокъ глубины своего соображенія женщина вознаграждаетъ быстротою. Она обладаетъ тактомъ въ гораздо большей степени, нежели мужчина и умѣетъ вывертываться изъ затрудненій съ изумительною ловкостью. Она болѣе рѣчиста, нежели мужчина; дѣвочки раньше и скорѣе выучиваются говорить, нежели мальчики, и въ необразованныхъ классахъ женщина всегда умѣетъ лучше выразиться, нежели мужчина. Опыты совмѣстнаго воспитанія указываютъ, что женщины болѣе добросовѣстны и пунктуальны и въ общемъ одинаково способны. Въ коллегіяхъ, при совмѣстномъ воспитаніи, тамъ, гдѣ допускается соперничество, женщины берутъ верхъ надъ мужчинами, но въ годы, слѣдующіе за полученіемъ ученой степени, мужчины прогрессируютъ интеллектуально гораздо болѣе, нежели женщины. Женщины достигаютъ умственной зрѣлости въ болѣе раннемъ возрастѣ, но послѣ этого развиваются медленнѣе. Во многихъ родахъ рутиннаго труда женщины оказываются пригоднѣе мужчинъ, особенно тамъ, гдѣ требуется терпѣніе, но онѣ гораздо менѣе способны выносить продолжительную чрезмѣрную работу.

Какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, женщины менѣе разнообразны, менѣе отступаютъ отъ общаго уровня и болѣе нормальны. Женское мышленіе болѣе склнно направляться по старымъ путямъ, нежели по новымъ, и женщины вообще питаютъ пристрастіе къ старымъ, къ испытанному и къ общеупотребительному. Женщина болѣе консервативна, нежели мужчина и поэтому дѣйствуетъ какъ общественный противовѣсъ. Мужчина служитъ представителемъ разнообразія; онъ реформируетъ, изслѣдуетъ и открываетъ новые пути.

Самая большая разниця между мужчиною и женщиной заключается въ болѣе сильной раздражительности нервныхъ центровъ у этой послѣдней. Способ-

ность нервной ткани реагировать на каждый стимуль особенно сильно развита у женщинъ. Психомоторная система у женщины легче возбуждается, и это находится въ непосредственной связи съ ея эмоциональною жизнью. Женщина болѣе склонна къ эмоціямъ, что выражается у нея различными внѣшними признаками: смѣхомъ, плачемъ, покраснѣніемъ и усиленіемъ бѣнія сердца. Лицо ея гораздо болѣе подвижно и выражаетъ всѣ состоянія ея души. Вслѣдствіе такихъ основныхъ свойствъ ея нервной системы у женщины чаще наблюдаются различныя формы уклоненій, стоящихъ въ связи съ эмоциональною дѣятельностью, и истерія, напримѣръ, встрѣчается чаще у женщинъ, нежели у мужчинъ. Женщины легче поддаются внушенію и ихъ легче гипнотизировать. Медумы, впадающіе въ трансъ, чаще наблюдаются между женщинами. Слово: «вѣдьма» исключительно примѣнялось къ женщинамъ, и это служитъ указаніемъ, что различныя формы умственныхъ расстройствъ, стоящія въ связи съ суевѣрными понятіями, гораздо чаще наблюдались у женщинъ. Чувство симпатіи, состраданія и милосердія болѣе развито у женщинъ, и поэтому женщины всегда занимали выдающееся мѣсто въ такихъ дѣлахъ, которыя требуютъ примѣненія этихъ чувствъ. Женщина шла впереди во всѣхъ филантропическихъ и гуманныхъ движеніяхъ, вездѣ, гдѣ требовалось великодушіе и состраданіе, такъ какъ ея материнскіе инстинкты всегда влекутъ ее къ слабымъ и беспомощнымъ, больнымъ и одинокимъ. Болѣе доступная чувству состраданія, нежели мужчина, женщина готова простить преступника, пріютить нищаго бродягу, не заботясь объ отдаленныхъ послѣдствіяхъ и имѣя въ виду только настоящее.

Въ нравственномъ отношеніи между полами существуетъ несомнѣнно рѣзко выраженная разница. Мужчинъ преступниковъ въ шесть разъ больше, чѣмъ женщинъ. Свойства женской натуры, ея физическая слабость, робость, чувство состраданія и склонность къ домашней спокойной жизни плохо приспособливаютъ ее къ жизни преступника. Испорченныя нравственно женщины все таки чаще находятъ для себя другіе пути, помимо преступленій. Нѣкоторыя формы преступленій однако болѣе свойственны женщинамъ, нежели мужчинамъ, напр. отравленіе, домашнее воровство и дѣтоубійство. Но когда женщины становятся преступными, то зачастую эта преступность бываетъ у нихъ выражена гораздо рѣзче и онѣ обнаруживаютъ большую жестокость и большую испорченность. Ломброзо и его школа вообще утверждаютъ, что въ отношеніи жестокости женщины превосходятъ мужчинъ, особенно по отношенію къ своему же полу. Страсти у женщины не столь развиты, и она менѣе склонна къ излишествамъ, но всего болѣе нравственное превосходство женщины выражается въ ея альтруизмѣ, а самый большой ея нравственный недостатокъ — это лживость. На основаніи своихъ альтруистическихъ чувствъ и самоотверженія женщина должна быть поставлена во главѣ христіанской цивилизаціи. Но насколько она стоитъ высоко въ этомъ отношеніи, настолько же она стоитъ низко въ отношеніи правдивости. Ея понятія объ абстрактной

истинѣ совѣмъ инья чѣмъ у мужчины. Хитрость и обманъ составляютъ гораздо болѣе обычное явленіе у женщинѣ, нежели у мужчинѣ, но не надо забывать, что привычка обманывать и хитрить въ данномъ случаѣ явилась конечно какъ средство самозащиты, результатомъ долговременныхъ социальныхъ, интеллектуальныхъ и физиологическихъ условий.

Религіозное чувство развито у женщины гораздо сильнѣе, нежели у мужчины. Женщина болѣе склонна благоговѣть и подчиняться; преданность и вѣрность также составляютъ основныя свойства ея натуры. Вообще женщина болѣе склонна вѣрить, и скептицизмъ вовсе не въ ея характерѣ.

Посмотримъ теперь, насколько всѣ эти данныя подтверждаютъ теорію низшаго типа. Безъ сомнѣнія женщина стоитъ ниже мужчины въ философіи, наукѣ и изобрѣтательности, но что касается интуиціи, милосердія, вѣрности и воздержности, то тутъ намъ приходится поставить ее на первое мѣсто. Главныя же черты, приближающія женщину къ дѣтскому типу, это — эмоциональность и импульсивность. Быстрота воспріятія и хорошая память также напоминаютъ ребенка скорѣе, нежели взрослою мужчиною съ его строго логическимъ способомъ мышленія. Склонность женщины къ конкретнымъ образамъ, къ индивидуализаціи, къ схватыванію цѣлаго, а не части, къ ассоціаціямъ въ пространствѣ, а не во времени, также приближаютъ ее къ ребенку, равно какъ и ея религіозныя инстинкты, отсутствіе скептицизма, робость и чувство зависимости, составляющія также черты дѣтской натуры. Дѣти, какъ и женщины, легче гипнотизируются. Вообще такихъ общихъ чертъ можно найти чрезвычайно много, такъ что теорія дѣтскаго типа находитъ подтвержденіе во многихъ отношеніяхъ.

Другая гипотеза, согласно которой женщина болѣе приближается къ первобытному типу, нежели къ типу ребенка, и что она представляетъ пріостановленное развитіе, также находитъ подтвержденіе въ нѣкоторыхъ чертахъ психической природы женщины. Равнодушіе къ физическимъ и психическимъ страданіямъ, отсутствіе цвѣтной слѣпоты, преобладаніе памяти и интуиціи надъ разсудкомъ, недостатокъ механической изобрѣтательности, консерватизмъ и приверженность обычаямъ, измѣчивость, эмоциональность, тактичность, религіозное чувство и т. д. — все это черты, свойственныя первобытнымъ расамъ, и у женщины онѣ выражаются рѣзче, чѣмъ у мужчины. Въ пользу пріостановленнаго развитія говоритъ также то обстоятельство, что женскіе типы менѣе разнообразны и болѣе сложны между собою, чѣмъ мужскіе. Извѣстно также, что въ больницахъ для сумасшедшихъ женщины причиняютъ гораздо болѣе хлопотъ, нежели мужчины; онѣ болѣе шумливы, болѣе порочны, склонны къ разрушенію, къ ругательствамъ, хотя обыкновенно ихъ заболѣваніе не столь серьезно и онѣ скорѣе излѣчиваются. Такіе факты, въ связи съ наблюденіемъ, что если женщина становится порочною, то она обыкновенно бываетъ еще болѣе порочна, нежели мужчина, дали поводъ сдѣлать нѣсколько поспѣшный выводъ, что

женщина, подобно ребенку — первобытный дикарь. Въ подтвержденіе этой теоріи приводится еще слѣдующее: женщина всегда обнаруживала недостатокъ логики и философіи и мало содѣйствовала развитію науки, искусства и изобрѣтеній, обусловливающихъ прогрессъ человѣчества. Однако, во многихъ своихъ психическихъ чертахъ женщина еще болѣе удаляется отъ первобытнаго типа, нежели мужчина, особенно въ томъ, что касается нравственныхъ качествъ, гдѣ она обнаруживаетъ высшую эволюцію. Въ этомъ отношеніи нельзя слѣдовательно говорить о приостановленномъ развитіи, хотя и нельзя отрицать, что въ отношеніи чисто интеллектуальнаго развитія женщина отстала отъ мужчины и это имѣетъ практическое значеніе, въ виду того, что въ борьбѣ за существованіе въ настоящее время главное мѣсто отводится интеллектуальнымъ качествамъ.

Теорія приостановленнаго развитія подтверждается еще нѣкоторыми антропологическими данными, относящимися къ одеждѣ, украшеніямъ и образу жизни. Исторія цивилизаций указываетъ на постоянный и вполне определенный прогрессъ человѣчества въ этомъ отношеніи, но что касается женщинъ, то онѣ все же отстали на цѣлыя столѣтія отъ мужчинъ во всемъ, что относится къ одеждѣ и украшеніямъ собственнаго тѣла.

Происхожденіе одежды, какъ теперь уже извѣстно, вызвано желаніемъ человѣка украсить свое собственное тѣло. Первобытный дикарь заботился не о томъ, чтобы защитить свое тѣло, а лишь о томъ, чтобы украсить его и для этой послѣдней цѣли готовъ былъ истратить и свое богатство и время и даже перенести извѣстныя страданія. Ради украшенія дикарь раскрашивалъ свое тѣло, татуировалъ его, убиралъ голову перьями, навѣшивалъ на себя разныя блестящія погремушки, драпировался въ звѣриныя шкуры и натиралъ тѣло пахучими смолами. Всѣ эти дѣйствія направлены были къ тому, чтобы ласкать зрѣніе или обоняніе. Ради украшенія дикарь подвергалъ себя различнымъ болѣзненнымъ операціямъ, татуировкѣ, протыканію ушей, носа и губъ. Дикарь не стригъ волосъ на своей головѣ, а устраивалъ изъ нихъ самыя фантастическія прически, декорированныя перьями, раковинами, кусочками металловъ, блестящими камушками и т. п. Довольно рано, впрочемъ, одежда приобрѣла еще и другое значеніе въ глазахъ дикаря: она сдѣлалась символомъ богатства, средствомъ производить впечатлѣніе и внушать къ себѣ почтеніе. При такихъ условіяхъ, разумѣется, дикарь началъ отдавать предпочтеніе такимъ украшеніямъ, которыя достать было не легко и которыя больше блестяли и бросались въ глаза, золото, серебро, брилліанты, рубины приобрѣли цѣну въ глазахъ дикаря. Устраивая свою одежду, дикарь же столько заботился о томъ, чтобы она была удобна и защищала его тѣло, сколько о томъ, чтобы она была красива, блестяща и бросалась въ глаза. Во время войны дикарь снималъ свою одежду, потому что она стѣсняла его движенія и также точно онъ поступалъ во время дурной погоды, больше заботясь о своей одеждѣ, нежели о своемъ тѣлѣ. Эти первобытныя воззрѣнія дикаря на цѣли одежды постепенно стали измѣняться, и въ дальнѣйшей своей эволюціи одежда все болѣе и болѣе уклонялась отъ своей

исходной точки, преслѣдуя въ большей степени цѣли удобства и защиты тѣла, нежели его украшенія. Такимъ образомъ изъ одежды постепенно исчезло все то, что было бесполезно или стѣснительно для человѣка. Чѣмъ далѣе подвигалась цивилизація, тѣмъ рѣзче измѣнялся характеръ одежды. Человѣкъ пересталъ подвергать себя болѣзненнымъ операціямъ ради украшенія, обрѣзалъ свои волосы ради экономіи времени и удобства, замѣнилъ неудобныя звѣриныя шкуры шерстяною тканью и придалъ своей одеждѣ такую форму, которая менѣе всего могла стѣснить его движенія. вмѣстѣ съ этими перемѣнами началъ постепенно исчезать и символическій характеръ одежды, такъ что все труднѣе и труднѣе становилось судить о богатствѣ человѣка по его платью. Однако ни въ одномъ изъ цивилизованныхъ обществъ эволюція одежды еще не достигла полного развитія и первобытныя черты не вполне исчезли, но все же современный человѣкъ заботится теперь главнымъ образомъ объ удобствѣ и защитѣ тѣла и не смотритъ на одежду только какъ на средство производить впечатлѣніе и удовлетворять свое тщеславіе. Съ этой точки зрѣнія женщина дѣйствительно обнаруживаетъ пріостановленное развитіе, такъ какъ даже въ самыхъ цивилизованныхъ обществахъ она преслѣдуетъ въ своей одеждѣ цѣли украшенія гораздо болѣе, нежели цѣли удобства и защиты тѣла. Форма ея одежды большею частью такова, что стѣсняетъ ея движенія. Изъ волосъ она устраиваетъ фантастическія прически, украшаемыя иногда, также какъ у дикарей, блестящими погрешками, серебромъ, золотомъ, камнями, а также перьями. Женскія шляпы, какъ извѣстно, болѣе служатъ для украшенія, нежели для защиты головы и часто въ дурную погоду ихъ не надѣваютъ, чтобы не испортить, замѣняя ихъ какимъ-нибудь болѣе простымъ головнымъ уборомъ. Крестьянки, напримѣръ, въ обыкновенные дни ходятъ съ непокрытыми головами, а по праздникамъ надѣваютъ разные, иногда очень сложные, головные уборы. Въ одеждѣ женщины чаще встрѣчаются яркіе цвѣта, нежели въ одеждѣ мужчины. Переживаніе первобытнаго обычая оставлять нѣкоторыя части тѣла совершенно неприкрытыми подтверждается женскими бальными костюмами, ясно указывающими, что идея выставленія напоказъ преобладаетъ надъ идеею пользы. Женщины любятъ украшать себя драгоценными металлами и камнями, гораздо болѣе нежели мужчины. Обычай раскрашиванія тѣла исчезъ у обоихъ половъ, хотя женщины все-таки прибѣгаютъ иногда и теперь къ раскрашиванію лица. Изувѣченіе тѣла ради цѣлей украшенія уже не практикуется болѣе, хотя у женщинъ все-таки остались еще слѣды этого обычая въ видѣ протыканія ушей, естественнаго шнурованія талій и ногъ; послѣднее до сихъ поръ практикуется въ Китаѣ. Вообще въ одеждѣ женщинъ можно найти много указаній на переживаніе первобытныхъ обычаевъ.

Но самымъ разительнымъ указаніемъ на пріостановленную эволюцію служить непоколебимость идеи, что одежда женщины не столько должна защищать ея тѣло, сколько служить символомъ ея богатства или положенія. Эта идея не исчезла даже въ самыхъ цивилизованныхъ обществахъ,

гдѣ одежда мужчины давно уже перестала служить символомъ его богатства. Если по одеждѣ мужчины нельзя судить о его положеніи и богатствѣ, то того же нельзя сказать объ одеждѣ его жены и дочерей. Тутъ наблюдается такое же стремленіе выставить на показъ свое богатство, какое обнаруживается у первобытнаго дикаря, украшающаго себя рѣдкими предметами, которые вслѣдствіе этого цѣнятся высоко. Женщины менѣе свободны, нежели мужчины отъ тираніи моды и съ рабскою покорностью подчиняются всѣмъ ея капризамъ, жертвуя и своими удобствами, здоровьемъ и экономіей. Однимъ словомъ эволюція женской одежды совершается далеко не такъ ровно и быстро какъ въ мужской, и въ женской одеждѣ сохранились еще въ значительной степени первобытныя черты, когда цѣлью одежды было лишь украшеніе и выставленіе на показъ, а никакъ не прикрытіе и защита тѣла отъ непогоды, ради удобства человѣка.

Приостановка эволюціи женщины наблюдается и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Напримѣръ раздѣленіе труда, указывающее на прогрессъ цивилизаціи, существуетъ далеко не въ такой степени въ работѣ женщинъ, какъ въ работѣ мужчинъ. Пожалуй даже можно сказать, что въ сферѣ чисто женскаго труда почти не существуетъ такого раздѣленія. Въ домашнемъ быту женщина исполняетъ всѣ работы. Ни одинъ мужчина въ цивилизованныхъ обществахъ не шьетъ самъ для себя платья, но женщины очень часто дѣлаютъ это, а въ крестьянскомъ быту онѣ даже ткнутъ матерію себѣ на платье и готовятъ нитки для шитья. Ихъ способъ работы и орудія мало отличаются отъ первобытнаго способа и орудій. Въ германскихъ городахъ, напримѣръ, мужчины и женщины отправляются на базаръ для продажи своихъ продуктовъ и при этомъ всегда можно наблюдать, что мужчины доставляютъ свои продукты на тележкахъ, а женщины тащатъ ихъ на спинѣ самымъ первобытнымъ способомъ.

Всѣ эти факты, относящіеся къ женщинамъ, могутъ до нѣкоторой степени служить подтвержденіемъ теорій, по которымъ женщина представляетъ дѣтскій типъ, задержанное развитіе или расовый типъ. Каждая изъ этихъ теорій находитъ свою точку опоры въ антропологическихъ данныхъ, но отсюда не слѣдуетъ дѣлать поспѣшнаго вывода о низшемъ достоинствѣ женскаго типа и о превосходствѣ мужчины. Если превосходство заключается въ приспособленности къ окружающимъ условіямъ, то мы должны конечно мужчину поставить выше женщины; но если съ понятіемъ о превосходствѣ мы соединяемъ понятіе объ обладаніи основными качествами характеризующими расу въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, то мы должны поставить женщину выше мужчины.

Во всякомъ случаѣ всѣ новѣйшія антропологическія изслѣдованія пока еще только намѣчаютъ главныя черты женскаго типа и требуютъ во многихъ отношеніяхъ дополнительныхъ изслѣдованій и подтвержденій для того, чтобы можно было строить какіе-нибудь положительные выводы, но по словамъ проф. Патрика, политическіе и социальныя реформаторы могутъ и теперь извлечь много поучительнаго изъ того, что уже сдѣлано наукою

въ этомъ направленіи. Защитники женскаго равноправія могутъ найти поддержку въ доказательствахъ того, что женщина отъ природы одарена высшими свойствами человѣческой души. Политики же и реформаторы могутъ почерпнуть изъ доказательствъ приостановленнаго развитія женщины полезное для себя указаніе, что нельзя въ одно столѣтіе измѣнить зло, созданное вѣками и что дѣло всѣхъ женщинъ можетъ пострадать отъ этого, если на женщину въ ея теперешнемъ неподготовленномъ состояніи будутъ внезапно ввалены новыя обязанности, требующія отъ нея чрезмѣрнаго напряженія и слишкомъ большой затраты силъ. Мужчина, приспособленный вѣками, можетъ вынести такую затрату силъ безъ особеннаго ущерба для себя, но женщина еще недостаточно крѣпка для этого. Другія свойства женской натуры, указывающія на ея близость къ дѣтскому и къ расовому типу, должны навести на еще болѣе серьезныя размышленія. Въ женщинѣ заключается прошлое и будущее человѣчества, она представляетъ резервъ силъ расы, и на ней, болѣе чѣмъ на мужчинѣ, лежитъ отвѣтственность за будущія поколѣнія. Въ виду всего этого было бы слишкомъ неосторожно вваливать на плечи женщины все бремя борьбы за существованіе, и мужчина долженъ, ради будущности человѣчества, избавить женщину отъ нѣкоторыхъ обязанностей, къ которымъ онъ самъ гораздо лучше приспособленъ, чѣмъ она.

П. Кириловъ.

Біологіческія параллели *).

Идея тѣсной связи, существующей между біологіей и соціологіей, не нова и давно уже была провозглашена философами, но лишь сравнительно недавно ученые стали подбирать факты, подтверждающіе эту связь и отыскивать въ органическомъ мірѣ такія же явленія, какія существуютъ въ социальномъ. Наука о жизни главнымъ образомъ должна заключаться въ наблюденіи явленій жизни во всемъ ихъ безконечномъ разнообразіи, а не въ однихъ только изслѣдованіяхъ и изученіяхъ мертвыхъ тканей или отдѣльныхъ организмовъ и ихъ особенностей, безъ всякой связи со всемъ остальнымъ міромъ живыхъ существъ. Анатомическое, фізіологическое и всякое другое научное изслѣдованіе составляютъ лишь одинъ изъ моментовъ, необходимыхъ для расширенія области человѣческихъ познаній, но правильное пониманіе всѣхъ явленій жизни можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда разумъ человѣческій будетъ въ состояніи охватить всѣ эти явленія въ общей сложности и уловить ихъ взаимную связь.

Обыкновенный читатель во многихъ случаяхъ можетъ оказаться лучшимъ біологомъ, нежели спеціалистъ, вдающійся въ изученіе деталей и упускающій изъ виду общую связь явленій и ихъ характеръ; поэтому то лучшіе результаты, въ научномъ отношеніи, должна дать конечно совмѣстная работа различныхъ спеціалистовъ, такъ какъ при такихъ условіяхъ получается болѣе разностороннее освѣщеніе и возможность болѣе общихъ выводовъ.

Слова «соціальный организмъ» сдѣлались въ настоящее время ходячимъ выраженіемъ и указываютъ, безъ сомнѣнія, на стремленіе современной науки искать въ біологіи разъясненія и законовъ, управляющихъ явленіями соціальной жизни. Стремленіе это вызвало на свѣтъ появленіе органической теории общества и массу сопоставленій и сравненій, зачастую весьма натянутыхъ, но все же несомнѣнно указывающихъ на тѣсную связь, существующую между біологіей и соціологіей. Такую же попытку сопоставленія біологическихъ и соціологическихъ фактовъ представляетъ и сов-

*) «Parasitism organic and social» by Jean Massart and Emile Vander-velde.

мѣстный трудъ двухъ бельгійскихъ ученыхъ, Жана Массара и Эмиля Ван-дервельда, задавшихъ цѣлью провести параллель между явленіями паразитизма въ органическомъ и социальномъ мірѣ.

Оба автора заявляютъ въ своемъ предисловіи, что они вовсе не имѣютъ въ виду сообщить новые факты, касающіеся интересующаго ихъ явленія. Ихъ цѣль — указать на взаимное отношеніе общественныхъ фактовъ въ области ботаники, зоологии и социальной науки, на сходство явленій паразитизма среди животныхъ и растений съ паразитизмомъ въ человѣческомъ обществѣ, и еще разъ подтвердить конкретнымъ образомъ тѣсную связь, существующую между социологіей и биологіей. Связь эту авторы подтверждаютъ, между прочимъ, и самымъ фактомъ своего сотрудничества. Одинъ изъ авторовъ — специалистъ по естественнымъ наукамъ, другой — по политической экономіи; оба, слѣдовательно, рассматриваютъ явленія со своей специальной точки зрѣнія, и ихъ совмѣстная работа представляетъ новый типъ научнаго сотрудничества, отъ котораго можно ожидать въ будущемъ наиболѣе плодотворныхъ и любопытныхъ результатовъ.

Какъ съ биологической, такъ и съ социологической точки зрѣнія, паразитомъ называется такой организмъ, «который живетъ на счетъ другого, не уничтожая его, но и не оказывая ему никакихъ услугъ». Въ этомъ опредѣленіи надо различать слѣдующіе основные пункты: 1) паразитъ, живущій на счетъ своей жертвы, либо совершенно для нея бесполезенъ, либо наносить ей вредъ своимъ пребываніемъ, но обмѣна взаимныхъ услугъ при этомъ никогда не бываетъ; 2) паразитъ не умерщвляетъ свою жертву или, по крайней мѣрѣ, ему нѣтъ никакой выгоды поступать такимъ образомъ. Если отсутствуетъ которое нибудь изъ этихъ условій, то мы уже имѣемъ дѣло не съ паразитизмомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, а съ другимъ явленіемъ и, смотря по главнымъ основнымъ чертамъ этого явленія, это будетъ или «взаимность» (обмѣнъ услугъ между организмами, живущими одинъ на счетъ другого) или «хищническая эксплуатація».

Хищническіе организмы не только живутъ насчетъ другихъ, но губятъ свою жертву, смерть которой позволяетъ имъ жить. Настоящій же паразитъ можетъ существовать лишь при условіи сохраненія жизни своей жертвы. Ленточная глиста, на примѣръ, обитающая въ желудкѣ какаго нибудь животнаго, можетъ жить лишь до тѣхъ поръ, пока живетъ это животное, слѣдовательно, не въ ея интересахъ убивать его.

Если организмы извлекаютъ взаимную выгоду изъ своихъ отношеній, то здѣсь также не будетъ паразитизма. Такая «взаимность», на примѣръ, существуетъ между человѣкомъ и домашними животными, между нѣкоторыми породами муравьевъ и тлями, которыя служатъ для нихъ домашнимъ скотомъ, между нѣкоторыми насѣкомыми, которыя содѣйствуютъ оплодотворенію цвѣтовъ, и цвѣтами, питающими ихъ своимъ медомъ. Конечно во многихъ такихъ случаяхъ наблюдается неравенство услугъ. Пользованіе услугами въ домашнемъ быту весьма близко граничитъ съ рабствомъ, и зачастую хозяинъ стремится превратиться въ паразита, живущаго насчетъ своихъ рабовъ или до-

машинных животных, которых онъ приспособилъ къ своимъ услугамъ. Но во всякомъ случаѣ, если существуетъ хоть какая нибудь взаимность услугъ, то уже тутъ нѣтъ паразитизма въ строгомъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ не менѣе существуетъ градація между тѣми и другими явленіями, и провести рѣзкую черту между ними невозможно.

Въ органическомъ мірѣ паразитизмъ выражается тремя способами: эксплуатаціей питанія, эксплуатаціей энергіи и раздраженіемъ.

Питаніе организмовъ совершается различными путями. Одни изъ нихъ непосредственно извлекаютъ изъ неорганическихъ веществъ необходимый для нихъ запасъ пищи, какъ напримѣръ большинство растений; другіе же требуютъ для своего питанія болѣе сложный матеріалъ, или входящій въ составъ другихъ организмовъ, или уже переработанный ими. Первый способъ питанія характеризующій растения, называется «голофитическимъ» (holophytic); второй способъ можетъ носить различный характеръ; организмы въ этомъ случаѣ либо утилизируютъ для своего питанія отбросы выдѣленія и мертвые тѣла другихъ организмовъ (sacrophytic, saprophagous), либо питаются самымъ веществомъ другого организма, умерщвляя его, какъ хищникъ, эксплуатируя его, какъ паразитъ или получая отъ него свое питаніе, взаимнѣе оказанныхъ ему услугъ» (взаимность).

Всѣ эти различные способы питанія мы можемъ наблюдать у инфузорій. «Vorticella», напримѣръ, обладающая зеленымъ пигментомъ—хлорофилемъ, характеризующимъ растенія, можетъ питаться также какъ они, голофитическимъ способомъ. Другая инфузорія, «Oralina» живущая въ самой оконечности пищеварительнаго канала лягушки, питается переработанными остатками ея пищи и слѣдовательно по способу питанія принадлежитъ къ разряду «saprophagous». Хищничество наблюдается у огромнаго большинства инфузорій, живущихъ на счетъ организма мелкихъ животных и растений и уничтожающихъ ихъ, ради потребностей своего собственного питанія. Затѣмъ «взаимность» прекрасно выражена группою инфузорій «Paramecium bursaria», которые утилизируютъ для своего питанія углеродныя соединенія, вырабатываемыя живущими въ нихъ микроскопическими зелеными водорослями изъ углекислоты и другихъ простыхъ тѣлъ. Въ этой ассоціаціи микроскопическихъ организмовъ отражаются въ линіатюрѣ взаимныя отношенія, существующія между животнымъ и растительнымъ міромъ на земномъ шарѣ. Животныя, питаясь растеніями, возвращаютъ атмосферѣ углеродъ, извлеченный ими изъ растений, а почвѣ—минеральные элементы извлеченные изъ нея и введенные растеніями въ циклъ жизни.

Въ наиболѣе характеристичныхъ формахъ животной и растительной жизни способы питанія болѣе специализированы и не обнаруживаютъ такого поразительнаго разнообразія, какъ у инфузорій. Сѣмянные растенія почти исключительно питаются голофитически, позвоночныя же животныя, за небольшими исключеніями, всѣ питаются хищническимъ способомъ, т. е. поглащаютъ другіе организмы.

Самымъ примитивнымъ способомъ питанія надо считать голофитическій, такъ какъ трудно себѣ представить, чтобы первыя живыя существа, появившіяся на землѣ, могли найти другой матеріалъ для своего питанія, кромѣ неорганической матеріи. За этими первобытными голофитическими организмами должны были слѣдовать тѣ, которые въ состояніи были питаться органическими остатками и превращать ихъ снова въ неорганическую матерію. Появленіе «сапрофитическихъ» организмовъ, копрофаговъ и некрофаговъ, необходимо было для сохраненія жизни, такъ какъ безъ нихъ весь пригодный для пищи животныхъ и растений матеріалъ оставался бы заключеннымъ въ органическихъ остаткахъ, которые превратили бы землю въ гигантскій склепъ, и мертвая матерія не могла бы поддерживать жизнь.

Хищническая, взаимная и паразитная формы жизни могли развиваться лишь впослѣдствіи изъ этихъ двухъ первичныхъ формъ: голофитической и сапрофитической. Грибы, напримѣръ, живущіе на счетъ другихъ растений, имѣютъ сапрофитическихъ предковъ. Во многихъ случаяхъ органической жизни мы можемъ прослѣдить такое постепенное развитіе одной формы изъ другой. Подобное происхожденіе и развитіе паразитизма достаточно объясняетъ, почему нельзя провести рѣзкую демаркаціонную линію между паразитизмомъ и различными способами питанія, отъ которыхъ онъ можетъ произойти. Въ большинствѣ случаевъ паразитъ только частью зависитъ отъ своей жертвы, частью же живетъ за свой собственный счетъ, но разумѣется тунеядство выражается тѣмъ рѣзче, чѣмъ меньше паразитомъ тратится усилій для поддержанія своего собственного существованія и ассимилированія потребляемой имъ пищи. Паразиты, живущіе на счетъ животныхъ, всегда обнаруживаютъ большую или меньшую степень дегенерации, смотря по тому періоду своей жизни, когда они приобрѣли паразитныя привычки. Такъ, напримѣръ, ракообразныя, живущія въ полости рта у рыбъ и пользующіяся непосредственно тою пищею, которую рыба ловитъ для себя, не дожидаясь пока она подвергнется процессу пищеваренія, сохранили сами всѣ свои пищеварительные органы. Этому типу паразитовъ Ванъ Бенеденъ присвоиваетъ названіе: «commensal».

Глисты и другія животныя, обитающія въ пищеварительныхъ каналахъ, обнаруживаютъ уже болѣе рѣзко выраженную форму паразитизма. Они получаютъ свою пищу въ болѣе или менѣе готовомъ переваренномъ видѣ и поэтому могутъ сами обходиться безъ пищеварительныхъ органовъ. Тѣ же паразиты, которые обитаютъ въ крови и тканяхъ, представляютъ еще болѣе простое устройство, такъ какъ питаются посредствомъ диффузіи изъ той питательной среды, въ которой живутъ.

Другая форма паразитизма выражается, какъ мы уже указывали выше, въ эксплуатаціи жизненной энергіи, вырабатываемой другимъ организмомъ. Паразиты, принадлежащіе къ этой категоріи, отнимаютъ у другого организма не питательный матеріалъ, а часть его физической энергіи или силы. Въ растительномъ мірѣ представителями этого типа паразитовъ являются ползучія растения, утилизирующія, если можно такъ выразиться,

«плечи своего сосѣда», для того, чтобы взобраться какъ можно выше и доставить своей листвѣ возможность пользоваться большимъ количествомъ свѣта. У животныхъ аналогичныя отношенія существуютъ тамъ, гдѣ одинъ пользуется другимъ не только какъ подпарою, но и какъ носильщикомъ. Таковы, на примѣръ, маленькія рыбки (Remora), присасывающіяся къ акуламъ или крошечныя клещи, прикрѣпляющіяся къ большимъ фіолетовымъ жукамъ, переносящимъ ихъ такимъ образомъ отъ одной навозной кучи къ другой.

Къ этой же категоріи паразитовъ надо причислить и тѣхъ, которые ищутъ у другихъ не матеріала для питанія, а покрова или убѣжища. Таковы краббы, живущіе въ раковинахъ извѣстной породы улитокъ и др. Но во всякомъ случаѣ животное тутъ никогда не живетъ на счетъ другого, а только пользуется услугами своего сосѣда или его жилищемъ, не давая ему ничего взаимнѣ.

Третья форма паразитизма—эксплоатація посредствомъ подражанія (мимикрія или миметизмъ) выражается тѣмъ, что одинъ организмъ подражаетъ другому своимъ внѣшнимъ видомъ и цвѣтомъ, съ цѣлью извлечь для себя выгоду изъ этого подражанія. Мимикрія причисляется къ формамъ паразитизма только потому, что она приноситъ явный ущербъ тому организму, форма, цвѣтъ и видъ котораго перенимаются другимъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ подобнаго мимикрическаго паразитизма: плотоядная порода, принимающая обликъ безвредныхъ животныхъ, можетъ приблизиться къ своей жертвѣ, не возбуждая ея опасеній и такимъ образомъ легче овладѣваетъ ею. Одна порода животныхъ подражаетъ въ формѣ и окраскѣ другой со специальною цѣлью вредить ей. Слабые и беззащитные виды животныхъ перенимаютъ наружность хорошо защищенныхъ и не съѣдобныхъ видовъ и тѣмъ избегаютъ участи попасть въ пищу врагу. Къ первой группѣ мимикрическихъ паразитовъ принадлежатъ, на примѣръ, пауки, подражающіе муравьямъ. Безъ сомнѣнія, такая мимикрія приноситъ до нѣкоторой степени ущербъ животнымъ, которымъ подражаютъ, такъ какъ ихъ принимаютъ иногда за злодѣевъ, только принявшихъ обликъ безвреднаго животного, и обращаются съ ними подобающимъ образомъ. Вредъ, приносимый мимикріей, выступаетъ еще рѣзче, если подражаніе вызывается желаніемъ захватить свою жертву врасплохъ.

Такъ какъ мимикрія имѣетъ исключительно оборонительный характеръ, то ущербъ, приносимый ею, не сразу бросается въ глаза, но пояснимъ это примѣромъ, лучше всего указывающимъ, что такой ущербъ существуетъ. Въ тропическихъ лѣсахъ водятся бабочки, принадлежащія къ семейству геликонидъ и отличающіяся необыкновенно яркою красивою окраскою крыльевъ. Онѣ не съѣдобны, и птицы никогда ихъ не ловятъ. Другая же съѣдобная порода бабочекъ (Puridae) подражаетъ геликонидамъ въ окраскѣ своихъ крыльевъ съ такою точностью, что не только птицы, но даже энтомологи часто ошибаются и смѣшиваютъ обѣ породы. Благодаря такому сходству птицы, познакомившіяся съ тошнотворнымъ вкусомъ геликонидъ,

никогда не гоняются за бабочками, подражающими имъ своею окраскою крыльевъ, принимая ихъ за геликонидъ. Но зато такая птица, которая начавъ охотиться за бабочками, напала случайно не на геликониду, а на съѣдобную породу, подражающую геликонидамъ яркостью окраски, не станетъ въ послѣдствіи избѣгать и геликонидъ и хотя не въ состояніи будетъ питаться ими, но тѣмъ не менѣе будетъ все-таки истреблять ихъ, отыскивая съѣдобную породу.

Во всѣхъ трехъ родахъ паразитизма мы наблюдаемъ слѣдующія характерныя черты: численное преобладаніе эксплуатируемыхъ надъ эксплуатирующими; кромѣ того эксплуатируемый организмъ всегда больше и сильнѣе, чѣмъ тотъ, который живетъ на его счетъ. Затѣмъ всѣ формы органическаго паразитизма обуславливаютъ болѣе или менѣе непосредственныя, прямыя отношенія между эксплуататорами и эксплуатируемыми организмами.

Всѣ три рода эксплуатаціи, описанныя выше, встрѣчаются и въ социальномъ мірѣ, такъ же какъ въ мірѣ растений и животныхъ, но съ нѣкоторыми характерными различіями. Одна изъ существенныхъ отличительныхъ чертъ социальнаго паразитизма заключается въ томъ, что онъ возможенъ лишь между индивидами одного и того же вида, тогда какъ въ органическомъ мірѣ, наоборотъ, паразиты всегда принадлежатъ къ другому виду. Но социальный паразитизмъ можетъ имѣть мѣсто лишь тамъ, гдѣ есть социальныя группы, а социальныя группы всегда состоятъ изъ индивидовъ одного и того же вида.

Другая отличительная черта социальнаго паразитизма состоитъ въ томъ, что социальный паразитъ не разрушаетъ непосредственно эксплуатируемый организмъ, а только похищаетъ у него, въ большей или меньшей степени, его средства къ существованію и преимущественно его пищевые запасы, затѣмъ въ социальномъ мірѣ, въ противоположность органическому, паразитизмъ представляетъ свойство, характеризующее отдѣльныхъ индивидовъ, тогда какъ у органическихъ паразитовъ это свойство присуще всегда цѣлому виду, обнаруживающему и соответствующія физиологическія черты. Паразитныя виды развивались постепенно и благодаря вещественному подбору, паразитныя привычки пріобрѣли значеніе и достоинство специфическихъ чертъ, характеризующихъ извѣстный видъ и передающихся по наследству. Въ человеческомъ же обществѣ паразитныя наклонности и привычки возникаютъ и развиваются у отдѣльныхъ индивидовъ лишь въ теченіе ихъ собственной жизни и всегда остаются пріобрѣтенною индивидуальной чертой, не подлежащей органической передачѣ. Потомство ленточной глисты конечно не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ ленточными же глистами и осуждено жить въ кишечникѣ другого организма, но въ социальномъ мірѣ нѣтъ такой группы индивидовъ, которая была бы органически присуждена непремѣнно состоять изъ паразитовъ. Дегенеративные родители большею частью, это правда, имѣютъ такихъ же выродившихся потомковъ, но тѣмъ не менѣе эти потомки могутъ и не быть паразитами, а если и сдѣлаются таковыми, то все же могутъ принадлежать къ совершенно иному роду па-

разитовъ, нежели ихъ родители. Въ развитіи паразитныхъ привычекъ, безъ сомнѣнія, играетъ большую роль подражаніе, не менѣе важную, чѣмъ наслѣдственность въ области биологической.

При изученіи видовъ социальнаго паразитизма надо преимущественно обращать вниманіе на его отношеніе къ человѣческой общинѣ въ цѣломъ, а не къ отдѣльнымъ индивидамъ, входящимъ въ составъ какой-нибудь общины. Ростовщики, разнаго рода обманщики и другіе злодѣи должны рассматриваться какъ паразиты, эксплуатирующіе социальный организмъ (общество) а не ту или другую жертву, которою имъ удалось случайно овладѣть. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ социальнаго паразитизма эксплуатируемыя жертвы (напр. проституція) находятъ даже выгоднымъ для себя служить предметомъ эксплуатаціи, но тѣмъ не менѣе социальный организмъ терпитъ отъ этого несомнѣнный ущербъ.

Надо замѣтить вообще, что социальный паразитизмъ отличается гораздо менѣе стойкими и рѣзко выраженными чертами, нежели органическій. Между тремя главными видами паразитизма не существуетъ такого, болѣе или менѣе, рѣзкаго разграниченія, какое наблюдается въ органическомъ мірѣ, и весьма часто всѣ три вида паразитизма встрѣчаются у одного и того же индивида.

Говоря о способахъ питанія живыхъ существъ, мы уже указывали, что необходимый для существованія организмъ запасъ пищевого матеріала получается тремя путями: непосредственно изъ неорганической матеріи, или изъ органическихъ отбросовъ выдѣленій и мертвыхъ тѣлъ, а также другихъ организмъ. Тоже самое наблюдается и въ экономической жизни общества, причѣмъ члены данной социальной группы извлекаютъ свои средства къ существованію: 1) непосредственно изъ запасовъ природы; 2) утилизируя отбросы и продукты производительности или остатки; 3) присвоивая себѣ запасы, приготовленные другими изъ запасовъ природы.

Первый способъ существованія всего чаще встрѣчается у животныхъ, живущихъ обществами и между нецивилизованными расами. На болѣе высокой ступени социальнаго развитія представителями этого отдѣла являются классы, занимающіеся охотой, рыбною ловлей, земледѣліемъ и другими родами экстрактивной промышленности. Физиократы считаютъ эти классы единственно продуктивными классами, такъ какъ они доставляютъ экономическому міру сырой матеріалъ, на которомъ онъ можетъ построить уже свое благосостояніе.

Ко второй группѣ мы причисляемъ всѣхъ тѣхъ, кто стремится утилизировать вещества, брошенные производителями или потребителями. Это такъ называемые «сапрофиты» общества. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, тряпичники, подбиратели битой посуды, продавцы старой одежды, собиратели окурковъ и т. п. Названіе сапрофитовъ еще больше заслуживаютъ, конечно, тѣ безыменныя созданія, которыя кишмя кишатъ въ трущобахъ большихъ городовъ и которыхъ Флоберъ назвалъ «les mangeurs de la boue».

Третью группу составляют тѣ, кто самъ ничего непосредственно не извлекаетъ для себя изъ запасовъ природы, а лишь присваиваетъ себѣ запасы, сдѣланные другими. Индивиды, принадлежащіе къ этой группѣ, распадаются въ свою очередь на три категории. Къ первой принадлежатъ всѣ, добывающіе средства къ жизни посредствомъ хищнической эксплуатаціи или грабежа. Во второй категоріи существуетъ обмѣнъ, взаимность услугъ, къ третьей относятся всѣ паразиты, которые могутъ, въ свою очередь, происходить изъ одного изъ вышепоименованныхъ классовъ.

Цѣль жизни паразитовъ: потреблять, не производя ничего, общая у всѣхъ, но способы достиженія ея бываютъ различны. Одни изъ социальныхъ паразитовъ употребляютъ насиліе или обманъ, другіе эксплуатируютъ въ свою пользу страсти; третьи стремятся создать себѣ синекуры отъ общественныхъ должностей или овладѣть орудіями производства и т. п. Но далеко не всѣ люди, разумѣется, имѣющіе независимыя средства или занимающіе должности, которыя смѣло могутъ быть названы синекурами, должны быть зачислены въ разрядъ паразитовъ. Многіе изъ такихъ людей доставляютъ огромную пользу обществу своими трудами, почти не приносящими дохода имъ самимъ, но имѣющими большое значеніе для націи. Зачастую также возможность трудиться подобнымъ образомъ находится въ тѣсной зависимости отъ обезпеченнаго дохода и свободного времени, которое получается благодаря синекурамъ и отсутствію необходимости зарабатывать необходимыя средства къ жизни. Безъ сомнѣнія очень много людей, поставленныхъ случайностями жизни въ такое положеніе, которое даетъ имъ право вести совершенно праздный безполезный образъ жизни, широко пользуются этимъ правомъ, но рядомъ съ ними есть другіе, нежелающіе играть роль паразитовъ въ обществѣ и поэтому считающіе себя обязанными приносить обществу посильную пользу.

Въ социальномъ, какъ и въ органическомъ мірѣ, чѣмъ меньше требуется усилій для эксплуатаціи, тѣмъ рѣже и типичнѣе бываютъ выражены характерныя черты паразита. Проводя далѣе параллель между социальнымъ и органическимъ міромъ, мы находимъ, что паразиты не имѣютъ численнаго преобладанія надъ своими жертвами, и притомъ ихъ способы эксплуатаціи также довольно разнообразны. Принимая во вниманіе эти способы, мы подраздѣляемъ социальныхъ паразитовъ: на такихъ, которые живутъ обманомъ и грабежомъ, на эксплуатирующихъ развратъ и на тѣхъ, которые живутъ на счетъ работы другихъ или занимаютъ безполезныя общественныя должности. Тѣмъ, приводить въ «Ancien Regime» цѣлый списокъ такъ называемыхъ «почетныхъ» должностей при версальскомъ дворѣ и этотъ списокъ довольно поучителенъ. Напримѣръ «Intendant des chasses» получалъ 18,000 ф. жалованья въ годъ лишь за то, что ежегодно два раза подписывалъ свое имя. Еще типичнѣе въ этомъ отношеніи должность «стража королевской постели», получавшаго 12,000 ф., хотя никто хорошенько не могъ опредѣлить, въ чемъ собственно состояли его обязанности. Эта должность, оставшаяся вакантною со временъ Анны Австрій-

ской, была восстановлена въ XVIII вѣкѣ. Въ Англіи, въ этой классической странѣ всякихъ средневѣковыхъ переживаній, да сихъ поръ существуютъ должности, поражающія своею бессмысленностью и бесполезностью, такъ же какъ и своимъ анахронизмомъ. Онѣ сохранились въ неприкосновенности среди современной обстановки словно насѣкомыя въ янтарѣ.

Тамъ, гдѣ со стороны паразита требуются хоть какія нибудь усилія для полученія средствъ къ жизни, черты паразитизма будутъ уже не столь рѣзко выражены. Мы уже говорили раньше относительно органическихъ паразитовъ, что чистѣйшая форма эксплуатаціи встрѣчается лишь тамъ, гдѣ паразитъ получаетъ все готовое отъ эксплуатируемаго организма, не прибѣгая для этого ни къ какимъ ухищреніямъ или усиліямъ. Такъ и въ социальномъ мірѣ паразиты, живущіе эксплуатаціей разврата или хищничествомъ, несмотря на свою крайнюю испорченность и послѣднюю степень упадка, все таки не представляютъ чистѣйшаго типа паразитизма, такъ какъ они должны все же дѣлать нѣкоторыя усилія для добыванія своихъ средствъ къ жизни, прибѣгать къ извѣстнымъ ухищреніямъ и развивать въ себѣ извѣстныя спеціальныя черты и способности, необходимыя для успѣшной эксплуатаціи другихъ. Профессиональные преступники, ростовщики, мѣнялы, и т. п. конечно должны заботиться о развитіи своихъ способностей въ извѣстномъ направленіи и, слѣдовательно, не могутъ предаваться полнѣйшей праздности, составляющей типичную черту паразитизма. Поэтому то паразиты этой категоріи, т. е. такіе, которые нуждаются въ развитіи у себя извѣстныхъ качествъ для лучшей эксплуатаціи своихъ жертвъ, зачастую въ отношеніи умственного и физическаго развитія стоятъ выше своихъ жертвъ. Въ органическомъ мірѣ животныя, питающіяся кровью своихъ жертвъ и съ этою цѣлью производящія на нихъ нападеніе извнѣ, представляютъ высшія формы сравнительно съ глистами и паразитами, обитающими въ крови и тканяхъ и получающими готовый матеріалъ для своего питанія. Въ социальномъ мірѣ наблюдается то же самое явленіе. Напримѣръ шайки арабовъ грабителей и кохинхинскіе пираты, производящіе нападенія на французскія поселенія, стоятъ, въ отношеніи физическаго и интеллектуальнаго развитія, много выше тѣхъ племенъ въ оазисахъ Африки и въ Тонкинѣ, которыхъ они эксплуатируютъ посредствомъ своихъ набѣговъ и грабежа. Бенедиктъ между прочимъ заявилъ на послѣднемъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ, что венгерскіе разбойники, которыхъ онъ зналъ, превосходили въ значительной степени своимъ физическимъ и умственнымъ развитіемъ поселенъ того же округа.

Мы не имѣемъ въ виду, разумѣется, отдавать преимущество одному классу паразитовъ передъ другимъ и говоря, о типичныхъ формахъ паразитизма, ставить эти формы ниже другихъ, не представляющихъ чистаго типа паразитовъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще болѣе вредныхъ для общества, или его отдѣльныхъ членовъ, дѣлающихся предметомъ эксплуатаціи. Мы хотимъ лишь указать на различныя формы, въ которыхъ выражается паразитизмъ какъ органическій, такъ и социальный и подтвердить аналогію, существующую между социальнымъ и органическимъ мірсомъ.

Въ соціальной жизни можно наблюдать въ довольно широкихъ размѣрахъ эксплуатацію соціальной энергіи или рабочей силы отдѣльными индивидами или цѣлыми классами, живущими такимъ образомъ на счетъ энергіи и работы другихъ. Наиболее типичный примѣръ такого паразитизма мы имѣемъ въ феодальныхъ учрежденіяхъ «Corvée» «droit de préage» и т. д. Всѣ эти учрежденія давали право феодальнымъ владѣльцамъ требовать извѣстныхъ услугъ отъ своихъ подданныхъ и налагать на нихъ извѣстную работу, не давая имъ ничего взамѣнъ. Эта форма паразитизма обуславливаетъ эксплуатацію ручного труда. Эксплуатація же умственной работы—интеллектуального труда наблюдается столь же часто и въ такихъ же размѣрахъ. Плагіатъ и другія формы эксплуатаціи чужого литературнаго труда должны быть отнесены къ этому именно виду паразитизма.

Въ соціальной жизни наблюдается еще слѣдующее явленіе: каждый общественный дѣятель увлекаетъ за собою въ своемъ движеніи впередъ не мало такихъ индивидовъ, которые стремятся извлечь для себя личныя выгоды изъ своей близости къ нему или своего родства. Подобные индивиды должны быть также причислены къ разряду паразитовъ, эксплуатирующихъ соціальную энергію. Они приносятъ вредъ не только обществу, подвергающемуся непосредственно ихъ эксплуатаціи, но и тому индивиду, близость къ которому доставила имъ возможность эксплуатировать общество. Не мало государственныхъ людей обязаны были гибелью своею популярности и своимъ паденіемъ не характеру своей общественной дѣятельности и своимъ поступкамъ, а именно компрометирующимъ результатамъ своей дружбы! Римская имперія можетъ служить, въ данномъ случаѣ, классическимъ примѣромъ подобной эксплуатаціи соціальной энергіи, и ничто не указываетъ лучше, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ ведутъ подобныя отношенія, какъ для самого паразита, такъ и для его жертвы.

Мимикрический паразитизмъ также очень распространенъ въ соціальномъ мірѣ. Мы можемъ наблюдать не только индивидовъ, но и цѣлыя группы, подражающія другимъ индивидамъ и группамъ, по той же причинѣ, по какой животныя и растенія перенимаютъ наружный видъ другихъ породъ. Иногда эта мимикрія, какъ и въ органическомъ мірѣ, преслѣдуетъ исключительно цѣли самоохраненія, напримѣръ въ такихъ случаяхъ, когда изгнанники, возвращаясь тайкомъ на родину, переодѣваются съ цѣлью представиться другими лицами и обмануть бдительность своихъ враговъ. Но пороку мимикрія въ соціальной жизни бываетъ прямо направлена ко вреднымъ цѣлямъ и является средствомъ для эксплуатаціи какъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и цѣлыхъ группъ. Къ этому разряду паразитовъ мы причисляемъ всѣхъ тѣхъ, кто обманнымъ образомъ эксплуатируетъ благотворительность отдѣльныхъ лицъ или учреждений, причиняя такимъ образомъ ущербъ не только этимъ лицамъ и учреждениямъ, но и другимъ индивидамъ напр., увѣчнымъ и больнымъ, которымъ подражаютъ паразиты, съ цѣлью выманить пособіе. Такіе мимикрическіе паразиты, симулируя болѣзнь, несчастье, неудачу въ поискахъ работы, и т. д. отнимаютъ часть того пособія и сочувствія, которыя прина-

длежать истинно нуждающимся. Также точно различные шарлатаны, злоупотребляющіе довѣріемъ простаго народа, посредствомъ симуляціи религиозныхъ чувствъ, ложные монахи, юродивые и т. д. представляютъ классъ вредныхъ паразитовъ, наравнѣ съ тѣми обманщиками, которые присвоиваютъ себѣ титулы и званія, имъ не принадлежащія, и тѣмъ умаляютъ значеніе этихъ титуловъ, расшатывая существовавшее къ нимъ прежде довѣріе. Всѣ профессіи изобилуютъ такого рода паразитами—обманщиками, эксплуатирующими довѣріе народа къ извѣстнымъ внѣшнимъ формамъ и титулу. Лучшимъ примѣромъ такого паразитизма можетъ служить спекуляція учености, подрывающая довѣріе къ истинному знанію и къ авторитетамъ.

Паразитный образъ жизни конечно возникъ постепенно и развился изъ другихъ способовъ существованія. Было бы очень интересно, разумѣется, выяснитъ predisposing причины и тѣ условія, которыя вызвало появленіе и развитіе паразитовъ. Но тутъ затрудненія такъ велики, особенно въ томъ, что касается органическаго паразитизма, что научное изслѣдованіе почти еще не коснулось этой области. Единственную руководящую нить при подобнаго рода изслѣдованіяхъ въ области біологіи можетъ доставить намъ морфологія и эмбриологія; въ области же социальнаго паразитизма мы располагаемъ болѣе разнообразными методами изслѣдованія, такъ какъ, кромѣ біологическихъ методовъ, весьма полезныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, влючъ къ разьясненію социальнаго паразитизма намъ доставляетъ исторія и ежедневныя наблюденія социальныхъ явленій. Въ этомъ отношеніи мы поставлены въ лучшія условія, нежели биологи, такъ какъ можемъ прослѣдить отчасти генезисъ социальнаго паразитизма и вслѣдствіе этого скорѣе можемъ выяснитъ факторы, обуславливающіе его появленіе и развитіе.

Среди растений и среди простѣйшихъ формъ, напр., бактерій, паразитизмъ всегда развивается изъ тѣхъ типовъ питанія, которые мы назвали выше «голофитическимъ» и «сапрофитическимъ».

Нѣкоторые изъ микробовъ, обладающіе красящимъ веществомъ, могутъ извлекать необходимый для нихъ углеродъ непосредственно изъ атмосферы и поэтому заслуживаютъ названія «голофитовъ». Другіе, какъ «*Bacillus subtilis*» должны быть причислены къ «сапрофитамъ», такъ какъ нуждаются въ органической матеріи для своего питанія; третьи же, съ теченіемъ времени, прибрѣтаютъ паразитныя привычки, хотя въ начальномъ періодѣ своей жизни и не могутъ быть названы паразитами. Существуютъ, однако, такіе виды, которые не могутъ быть не чѣмъ инымъ, какъ паразитами въ полномъ смыслѣ этого слова. Такіе паразиты находятся въ самой полной зависимости отъ своей жертвы и обязаны ей рѣшительно всѣмъ. Лучшимъ образчикомъ такихъ паразитовъ служить туберкулезная бацилла, являющаяся въ нѣкоторомъ родѣ послѣднею стадіею въ дѣлѣ развитія паразитизма у голофитовъ. Трудно даже представить себѣ болѣе совершенную форму паразитизма! Такой паразитный организмъ не можетъ развиваться нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, кромѣ тѣла своей железы. Пищу онъ по-

лучаетъ изъ лимфы и клѣточковаго вещества своей жертвы и ея кровь доставляетъ ему не только необходимый кислородъ, но и необходимую теплоту для своего развитія и существованія. Мало этого; совершенно неспособный передвигаться самъ, этотъ паразитъ обязанъ своимъ распространеніемъ въ тѣлѣ своей жертвы сердечнымъ сокращеніямъ и движенію крови, разносящей его по всѣмъ тканямъ.

Сравнительная анатомія указываетъ намъ, болѣе или менѣе точно, тѣ послѣдовательныя стадіи, черезъ которыя должны были пройти всѣ паразитныя виды. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первобытный способъ жизни всѣхъ этихъ паразитныхъ группъ, былъ совершенно независимымъ—голофитическимъ. Переходъ отъ этого способа питанія къ паразитизму всего лучше можно наблюдать на тератологическомъ явленіи, извѣстномъ подъ названіемъ «пятнистости». Листья многихъ растений, особенно японскихъ, бывають иногда испещрены пятнами, происходящими отъ уничтоженія въ этихъ мѣстахъ хлорофіла. Такія листья конечно не могутъ питаться непосредственно изъ воздуха и поэтому превращаются въ паразитовъ, эксплуатирующихъ зеленныя части растенія въ свою пользу.

Семейство грибовъ можетъ доставить намъ хорошіе примѣры такихъ переходовъ отъ сапрофитическаго образа жизни къ болѣе специальнымъ формамъ паразитизма. Такія формы развиваются далеко не въ каждой обстановкѣ; имъ нужна извѣстная среда, извѣстный организмъ для эксплуатаціи, и нѣкоторыя изъ этихъ формъ достигаютъ полнаго развитія лишь послѣ цѣлаго ряда миграцій, подобныхъ тѣмъ, какія наблюдаются у ленточной глисты. Особенно характерна въ этомъ отношеніи исторія развитія грибка, появляющагося на хлѣбныхъ злакахъ и извѣстнаго подъ названіемъ спорыньи или рожка. Весною большія споры этого грибка, перемывавъ подъ почвою, начинаютъ расти и даютъ уже чрезвычайно мелкія споры, которыя разносятся вѣтромъ во всѣхъ направленіяхъ. Чтобы избѣжать гибели, эти споры должны непремѣнно укрѣпиться на листьяхъ барбариса и если этого не случится, то циклъ ихъ развитія приостанавливается. Въ противномъ случаѣ, споры, попавшія на листья барбариса, начинаютъ свой паразитный образъ жизни и развиваются далѣе, причемъ воспроизводительные элементы, явившіеся результатомъ этой фазы развитія грибка, уже обладаютъ совершенно иными новыми свойствами. Они не могутъ развиваться на барбарисѣ и для того чтобы не погибнуть должны непремѣнно укрѣпиться на какомъ-нибудь хлѣбномъ злакѣ, гдѣ и появляются уже въ формѣ всѣмъ извѣстной спорыньи. Въ этой новой фазѣ своего существованія грибокъ развивается насчетъ хлѣбнаго растенія, разрушаетъ зерно, осенью же производитъ большія споры, толстостѣбныя споры, которыя слѣдующей весною снова начинаютъ рядъ превращеній, характеризующихъ жизнь грибка.

Что касается животныхъ, то паразитизмъ развивается у нихъ почти всегда изъ предшествовавшаго хищническаго образа жизни. Повидимому, это справедливо и относительно простѣйшихъ формъ, болѣе склоняющихся

къ животному, нежели растительному типу. Это подтверждается и морфологическими и эмбриологическими данными, указывающими, что многие из паразитных типов имѣютъ предковъ, не принадлежавшихъ къ этому типу.

Въ эволюціи соціального паразитизма исходною точкою также могутъ служить образъ жизни, соотвѣтствующій тѣмъ способамъ питанія, какіе наблюдаются въ мірѣ животныхъ и растений. Это означаетъ, что соціальные паразиты могутъ происходить или сами начать свою карьеру слѣдующими путями: какъ хищники или какъ индивиды, извлекающіе свои средства къ жизни непосредственно изъ запасовъ природы, или путемъ взаимныхъ услугъ. Въ обществахъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, большинство, разумѣется, вынуждено добывать свои средства къ жизни охотой, рыбною ловлей или собираиємъ плодовъ, а также всего того, что имъ доставляетъ природа безъ всякой затраты съ ихъ стороны какого-бы то ни было труда. При такихъ условіяхъ паразитами и грабителями или хищниками могутъ быть лишь немногіе привилегированные, имѣющіе возможность эксплуатировать свою жертву. Но и среди дикарей, какъ и среди цивилизованныхъ группъ, невозможно провести рѣзкихъ границъ между этими видами, и переходъ отъ одного образа жизни къ другому совершается очень быстро и часто. Фуджіицы, напримеръ, питающіеся обыкновенно моллюсками, становятся некрофагами, если случайно волною прибьютъ къ ихъ берегу трупъ кита, а иногда, въ голодное время, превращаются даже въ каннибаловъ. Бушмены, питающіеся муравьями, дикими плодами и т. п. не теряютъ случая перейти къ паразитному образу жизни, если явится возможность жить на счетъ кафровъ, готтентотовъ и бѣлыхъ поселенцевъ, на которыхъ они производятъ свои набѣги.

Но чтобы прослѣдить постепенное превращеніе такъ называемаго соціального «голофита» въ соціального паразита, мы должны вернуться къ обществамъ съ болѣе стойкою организаціей, нежели та, которая наблюдается у первобытныхъ народовъ. Въ такихъ культурныхъ обществахъ мы на каждомъ шагѣ наталкиваемся на подобные примѣры превращенія работника, извлекающаго свои средства къ жизни непосредственно изъ запасовъ природы или добывающаго ихъ иными путями, — въ паразита, живущаго на счетъ работы другихъ.

Паразиты предоставляютъ худшій родъ уже потому, что они создаютъ вокругъ себя цѣлый міръ паразитизма и кромѣ того часто бываютъ склонны увеличивать свои доходы, дающіе имъ возможность вести совершенно праздный образъ жизни, разными нелегальными способами. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются биржевою игрою, азартною игрою и пари на скачкахъ, а иногда превращаются въ спекуляторовъ самаго подозрительнаго сорта. Бываютъ и такіе, которые, стремясь увеличить свои доходы легальными способами, прибѣгаютъ къ такимъ способамъ эксплуатации, которые не заключаютъ въ себѣ ничего незаконнаго по наружности, въ сущности то и представляють язвы, отъ которыхъ страдаютъ общества.

Сюда мы причисляемъ людей, употребляющихъ свои доходы на устройство кабаковъ, увеселительныхъ заведеній подозрительнаго рода, публичныхъ домовъ и т. п., а также тѣхъ, кто исключительно изъ меркантильныхъ цѣлей строятъ дома для рабочихъ въ городахъ и ухитряется эксплуатировать такимъ путемъ бѣднѣйшіе классы, взимая все-таки черезъ чуръ высокую плату за помѣщеніе, отдаваемое внаймы рабочимъ, тогда какъ устройство такого помѣщенія, лишеннаго даже самыхъ примитивныхъ удобствъ, конечно, не требовало большихъ расходовъ отъ своего владѣльца.

Превращеніе расы хищническихъ эксплуататоровъ въ расу паразитовъ лучше всего иллюстрируется исторіей арабскихъ племенъ Мутреба. Вначалѣ эти племена попросту истребляли населеніе, сопротивлявшееся ихъ захватамъ, устраивая хищническіе набѣги, вродѣ тѣхъ, какіе и теперь еще происходятъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Верхняго Конго. Позднѣе они раздѣлили все пространство оазиса на округа и превратили жителей въ данниковъ, у которыхъ они отбирали ихъ сборъ финиковъ и жатву и вводили ихъ верблюдовъ. Французская оккупация вынудила эти дикія племена Сахары отступить дальше и теперь они уже не могутъ поступать такъ, какъ поступали раньше и ограничиваются лишь мелкими актами грабежа, гдѣ это имъ удается. Другіе, также неспособные примѣниться къ новымъ условіямъ жизни среди европейцевъ, образуютъ населенія на окраинахъ большихъ городовъ и окончательно превратились въ паразитовъ. У воротъ Константины можно наткнуться на группу скученныхъ лачугъ—gourbis, гдѣ господствуютъ такая грязь и нищета, въ сравненіи съ которой наши бѣднѣйшіе кварталы могутъ показаться настоящими чертогами. Въ этихъ поселкахъ собраны остатки племенъ, выгнанныхъ изъ своихъ раззоренныхъ убѣжищъ побѣдителями и дошедшихъ до послѣдней степени униженія и паденія. Этихъ несчастныхъ мѣстные хлѣбопашцы называютъ: «Ben-gamasse's» и у нихъ нѣтъ другихъ способовъ къ существованію, какъ прошеніе милостыни, проституція и всякаго рода преступленія.

Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ паразитомъ, который прежде былъ хищническимъ эксплуататоромъ, но лишенный силъ не могъ сохранить свой прежній характеръ среди измѣнившихся условій жизни. Мы можемъ также прослѣдить на немъ всѣ послѣдовательныя стадія дегенерации, начиная съ того момента, когда онъ увидѣлъ цѣлыя стада у мирныхъ жителей, до того положенія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, отыскивая случая украсть цыпленка, что случается ежедневно въ деревняхъ. Все какъ то уменьлось: и предметъ воровства, и самая качества вора. Но въ сущности актъ остается тѣмъ же самымъ, и какъ говоритъ Тардъ, «въ наши дни въ самыхъ цивилизованныхъ округахъ, похищеніе лошади изъ конюшни или пары сыговъ изъ стойла, имѣетъ нѣкоторую археологическую окраску, не позволяющую намъ смѣшивать преступника въ данномъ случаѣ, будь онъ бедуинъ или бандитъ, съ обыкновеннымъ воромъ».

Другой типическій примѣръ также приводится Тардомъ въ его «Archeo-

logie judiciaire du Périgord». Изслѣдуя архивы Перигора до 1789 г., Тардь пришелъ къ заключенію, что, по мѣрѣ укрѣпленія политической организаціи Франціи, частныя войны, преобладавшія въ средніе вѣка и представлявшія, собственно, одинъ изъ видовъ хищнической эксплуатаціи, превратились постепенно въ преступленія противъ обычнаго права. Тардь спрашиваетъ: «Не слѣдуетъ ли намъ смотрѣть на ночного вора, этого специалиста по части ограбленія городскихъ квартиръ и виллъ, хозяева которыхъ отлучились, какъ на послѣдняго потомка феодальныхъ рыцарей, грабившихъ чужія владѣнія и замки вновь представшихъ передъ нами во образѣ преступника самаго обыкновеннаго сорта и вида?»

Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ обсужденіе этой гипотезы, но во всякомъ случаѣ должны признать, что много фактовъ соціальной жизни говорятъ въ ея пользу, указывая на прямую связь между антисоціальнымъ паразитомъ и профессиональнымъ преступникомъ и многими исчезнувшими видами хищнической эксплуатаціи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этого рода мы имѣемъ дѣло, вѣроятно, съ атавистическими стремленіями и, весьма часто, съ подражаніемъ, но во всѣхъ случаяхъ паразиты этой категоріи являются хищническими эксплуататорами, природная сила которыхъ ослаблена или же они поставлены въ невозможность организаціей современнаго общества вести характерный для нихъ образъ жизни.

Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что хищнической типъ паразитизма часто развивается на основахъ взаимности. Напримѣръ, это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда банкиръ превращается въ ростовщика или маклера.

Эволюція паразитизма, возникшаго на почвѣ взаимныхъ отношеній, совершается посредствомъ аналогичнаго же процесса. Взаимныя отношенія существуютъ вездѣ, гдѣ есть обмѣнъ услугъ между тѣми, кто работаетъ и тѣми, кто пользуется этою работою какъ средствами къ жизни. Пояснимъ это примѣрами:

Домашняя промышленность, хотя и не въ состояніи контролировать самый процессъ производительности, тѣмъ не менѣе принимаетъ все таки большіе размѣры и въ концѣ концовъ заботится лишь о продажѣ своихъ продуктовъ. Рабочіе, большею частью старые ремесленники или крестьянскія семьи, перестаютъ производить непосредственно для потребителя, а передаютъ свои продукты отдѣльному покупателю, который въ данномъ случаѣ играетъ роль посредника между производителями и потребителями. Но такъ какъ производители разбросаны на большомъ пространствѣ и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о состояніи рынка, то такому посреднику очень удобно держать ихъ въ полной зависимости. Иногда впрочемъ, онъ этимъ не удовлетворяется и прибѣгаетъ къ добавочнымъ средствамъ, чтобы сдѣлать свою эксплуатацію еще дѣйствительнѣе. Къ такимъ средствамъ принадлежитъ ростовщичество во всевозможныхъ видахъ, ссуды на короткое время подъ огромные проценты (*le prêt à la petite semaine*) и т. п. Большею частью къ такимъ способамъ прибѣгаютъ не сами торговцы, скупающіе продукты у производителей, а ихъ агенты, служащіе посредниками между ними и рабочими. Изслѣдованіе

системы вымогательства работы (Sweating System), существующей в Англии, труды Маруссема и Греефа, а также многочисленные монографии, появившиеся в Германии, Австрии и других странах о различных формах домашней промышленности—все подтверждают массою фактов действия этих прожорливых паразитов, расплодившихся по всей стране и всечески старающихся эксплуатировать рабочего в свою пользу и в пользу своего господина и изменить ради собственной выгоды естественные законы распределения богатства.

Превращение личной службы в паразитизм лучше всего иллюстрируется примерами из истории Рима (система покровительства) и Франции при старом режиме. У Тэна можно найти весьма поучительный список почетных придворных должностей, превратившихся в настоящие синекюры. Этот список, однако, указывает достаточно ясно, что вначале эти должности имели *raison d'être*, и люди, занимающие их, действительно, оказывали услуги королю, а только впоследствии эти должности превратились в синекюры, а занимающие их—в паразитов.

То же самое наблюдается и в римской истории. В начале между клиентом и патроном существовала очень стойкая связь, основанная на наследственном обязательстве и взаимных добровольных услугах. Впоследствии, во времена падения республики, отношения эти изменились. Каждый, желавший играть роль в общественной жизни, признавал необходимым окружать себя свитой покорных людей — *salutatores, deductores, assectatores*—которых он привлекал к себе и удерживал своею лестью и щедростью. Эта свита содействовала укреплению или распространению его влияния, особенно когда он выступал кандидатом на какую-нибудь общественную должность. Во времена империи нужды в таких пособниках уже не было, но, тем не менее знатные господа находили все-таки нужным показываться в публических окруженных такою внушительною свитой и устраивать у себя дома настоящие дворы. Надо сознаться, что недостатка в желающих составлять такую свиту никогда не было, так как истинные римляне, к сожалению, всегда питали нескрываемое отвращение к скромному и честному зарабатыванию куска хлеба и стремились к более широкой жизни и влиянию. Поэтому-то в такой свите можно было встретить представителей всех классов общества, ничего лучше не желающих как иметь доход и занимать известное социальное положение, не деля для этого никакой работы.

Моммзенъ и Маркардтъ приводят цѣлые списки такихъ паразитовъ. Тутъ есть: поэты, солдаты, люди разнаго ранга и профессій, не имѣющіе занятій,—профессиональные мошенники и плуты, нищіе и разныя другія лица, ищущія хорошаго обѣда или возможности пожить на чужой счетъ, частью при помощи дружеской поддержки вліятельнаго лица, частью же при помощи самыхъ разнообразныхъ подачекъ.

Традиціонный паразитизмъ, переживаніе извѣстныхъ должностей, послѣ того какъ исчезли необходимыя условія, вызвавшія ихъ къ жизни, встрѣ-

чается не только въ человѣческихъ обществахъ, но и въ общинахъ животныхъ.

Въ муравейникахъ мы находимъ породы животныхъ, ставшія совершенно слѣпными вслѣдствіе своего образа жизни во тьмѣ земляной кучи. Эти породы, безъ сомнѣнія, суть паразиты муравьевъ. Но какъ же муравьи переносятъ ихъ присутствіе? Хотя это еще не доказано, но весьма возможно все-таки, что между этими породами и муравьями существовали прежде взаимныя отношенія, аналогичныя тѣмъ, какія существуютъ теперь между муравьями и тлями. Мало-по-малу эти отношенія прекратились, и животныя, находимыя въ муравейныхъ кучахъ, превратились въ традиціонныхъ паразитовъ, терпимыхъ лишь на основаніи стойкости обычая, и, быть можетъ, въ память прежнихъ услугъ, которыя оказывались ихъ предками.

То же самое случается и въ человѣческомъ обществѣ, когда общественныя обязанности, отвѣчавшія истиннымъ потребностямъ въ прежнее время, теряютъ свой смыслъ и превращаются въ разорительныя синектуры, терпимыя обществомъ лишь изъ привычки и отвращенія къ переменамъ.

Наиболѣе разительный примѣръ паразитизма подобнаго рода мы находимъ у муравьевъ, общины которыхъ временами представляютъ очень сложный характеръ. У нѣкоторыхъ породъ мы находимъ такое же рѣзкое раздѣленіе труда, какое наблюдалось въ феодальномъ обществѣ, гдѣ владѣлецъ только сражался, а рабы его работали для него. Но любопытно при этомъ, что продолжительная недѣятельность, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, вызвала у нѣкоторыхъ породъ муравьевъ (напр. у *Strongylognatus testaceus*) ослабленіе силъ извѣстнаго аристократическаго класса, сохранившаго, однако, свои воинственныя инстинкты. Такіе муравьи представляютъ настоящую каррикатуру своихъ предковъ, проводившихъ жизнь въ воинственныхъ подвигахъ, въ то время какъ рабочіе муравьи трудились для общей пользы муравейника. Выродившіеся воители и теперь охотно атакуютъ врага, не справляясь со своими силами и гибнутъ, если къ нимъ не подоспѣютъ на помощь ихъ слуги, другіе муравьи, всегда сопровождающіе ихъ во всѣхъ экскурсіяхъ. Еще одинъ шагъ далѣе, и эта порода амазонскихъ муравьевъ превратится въ настоящихъ паразитовъ, существованіе которыхъ будетъ находиться въ полной зависимости отъ ихъ слугъ, продолжающихъ ихъ поддерживать, благодаря традиціонному инстинкту покорности.

Если мы вернемся къ человѣческимъ обществамъ, то увидимъ поразительную аналогію, какая существуетъ между только что описанными условіями и, на примѣръ, положеніемъ вещей во Франціи при прежнемъ режимѣ. Тамъ аристократія, сохранивъ массу всевозможныхъ привилегій, не несла, однако, никакой государственной службы. Въ прежнія времена такой знатный господинъ не только держалъ въ своихъ рукахъ власть, но и выполнялъ множество обязанностей; онъ былъ и гражданскимъ и военнымъ главой, облагалъ податями, творилъ судъ и защищалъ свои владѣнія какъ отъ

разбойниковъ, такъ и отъ четвероногихъ хищниковъ всякаго рода. Но мало-по-малу всѣ его обязанности перешли въ руки центрального правительства, организовавшаго постепенно различные отдѣлы своего управленія, и королевскіе агенты лишили его всѣхъ прежнихъ прерогативъ, но оставили ему громкіе титулы, превратившіеся однако въ пустой звукъ, и сопряженный съ этими титулами хорошій окладъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ настоящимъ правительствомъ, продолжала существовать и прежняя организациія общества, которая и обусловила появленіе цѣлаго сонмища паразитовъ.

Въ наше время такое переживаніе не только наблюдается все рѣже, но и удерживается съ трудомъ. Наслѣдственныя должности мало-по-малу исчезаютъ, а существующимъ синекурамъ стараются придать полезный видъ во избѣжаніе нападокъ общественнаго мнѣнія и печати. Однимъ словомъ, паразитизмъ въ такихъ случаяхъ скрывается подъ маскою лицемѣрія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должности, переставшія уже быть полезными, остаются до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются вакантными и тогда уже вновь никѣмъ не замѣщаются. Въ Бельгій, напримѣръ, все еще существуетъ должность палача, не смотря на то, что смертная казнь перестала существовать *de facto*, хотя закономъ и не отмѣнена до сихъ поръ. Въ Лондонѣ и вообще въ Англіи существуетъ не мало такихъ должностей, которыя сохраняются лишь по традиціи.

Итакъ социальный паразитизмъ можетъ имѣть двѣ исходныя точки, диаметрально противоположныя другъ другу: хищничество и взаимность.

Паразиты хищники представляютъ организмы, побужденные въ борьбѣ за существованіе и лишеныя силъ, такъ что они уже не могутъ нападать на индивидовъ и классы, подвергавшіеся въ былыя времена ихъ воинственнымъ набѣгамъ, и вынуждены довольствоваться эксплуатацией рабочей силы тѣхъ, чья социальная энергія больше, чѣмъ ихъ собственная.

Паразиты, развившіеся на почвѣ взаимныхъ отношеній, стремятся къ легкой жизни и поэтому предпочли пользоваться работою другихъ, не оказывая за это никакой услуги.

Между хищническимъ и взаимнымъ типомъ паразитовъ существуютъ разумѣется промежуточные типы, весьма различнаго происхожденія. Но вездѣ мы наблюдаемъ, что первичною причиною паразитизма явилось измѣненіе окружающихъ условій. Развитие организации общества создаетъ социальную среду, неблагоприятную для открытаго хищничества, и поэтому потомки хищниковъ вынуждены, если хотятъ вести подобный же образъ жизни, прибѣгать къ другимъ приемамъ и переходятъ къ паразитнымъ привычкамъ. Затѣмъ если существующія учрежденія перестаютъ отвѣчать истиннымъ социальнымъ потребностямъ, то сохраненіе ихъ въ прежнемъ видѣ, какъ переживаніе въ политическомъ и общественномъ строю страны, также неминуемо влечетъ за собою появленіе цѣлаго сонмища паразитовъ. Слѣдуетъ замѣтить однако, что эволюція въ сторону паразитизма, не составляетъ несправимаго зла. Пока не существуетъ органической дегенерации, то социальный паразитъ можетъ вернуться къ прежнему образу жизни, къ взаим-

ности напиримърь. Но еще легче такому паразиту-хищнику вернуться въ благоприятный моментъ къ своимъ прежнимъ приемамъ.

Организмъ, перешедшій къ паразитному образу жизни, подвергается измѣненіямъ, которыя выражаются, прежде всего, въ атрофіи органовъ, сдѣлавшихся бесполезными при новомъ образѣ жизни, затѣмъ въ развитіи новыхъ свойствъ или приспособленій и въ измѣненіи воспроизводительной функціи.

Какими бы причинами ни была вызвана недѣятельность какого-нибудь органа, прекращеніе его спеціальной функціи, эта недѣятельность непременно имѣеть своимъ послѣдствіемъ большую или меньшую степень атрофіи этого органа. При переломѣ руки или ноги, продолжительная недѣятельность, на которую осужденъ бываетъ этотъ членъ, всегда вызываетъ въ немъ частичную дегенерацію мускуловъ. Явленіе это выражается еще рѣзче, конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда неупотребленіе органа становится постояннымъ. Въ мѣрѣ животныхъ можно найти массу примѣровъ такого вырожденія. Объясненіе этой атрофіи, составляющей характерную черту паразитизма, надо искать въ законѣ естественнаго подбора, благоприятствующаго переживанію наиболѣе приспособленнхъ къ окружающимъ условіямъ. Ненужный органъ становится уже лишнимъ бременемъ для организма и въ интересахъ самого организма избавиться какъ можно скорѣе отъ этого бремени. Паразиты въ особенности должны къ этому стремиться, такъ какъ не въ ихъ интересахъ убивать «курицу, несущую золотыя яйца», т. е. тотъ организмъ, который питаетъ ихъ, и, слѣдовательно, они должны освобождать этотъ организмъ отъ лишней тяжести и извлекать изъ него лишь столько, сколько абсолютно необходимо для ихъ питанія. Ненужный органъ составляетъ именно такую тяжесть, такъ какъ онъ тоже требуетъ питанія, и поэтому присутствіе лишняго органа можетъ быть даже болѣе опаснымъ бременемъ для самого паразита, нежели для животнаго, ведущаго самостоятельный образъ жизни. На этомъ основаніи атрофія всегда совершается у паразитовъ быстрѣе и рѣзче. Растенія быстро теряютъ корни и даже листья, становясь паразитами; у животныхъ, сообразно со степенью паразитизма, исчезаютъ всѣ органы, посредствомъ которыхъ они соприкасаются со внѣшнимъ міромъ; нервная система атрофируется до такой степени, что у нѣкоторыхъ паразитныхъ породъ индивидъ представляетъ не что иное, какъ мѣшокъ съ производительными органами.

У человѣка паразитная дегенерація имѣеть по преимуществу мозговой характеръ. Первыми атрофируются интеллектуальныя способности отъ неупотребленія; физическая дегенерація представляетъ уже позднѣйшій и до нѣкоторой степени рефлекторный процессъ.

Такъ какъ паразитизмъ развивается постепенно, вслѣдствіе того, что организмъ попадаетъ въ новыя условія, то совершенно естественно, что онъ влечетъ за собою измѣненія въ организмѣ, выражающіяся его приспособленіемъ къ новой обстановкѣ. Эти измѣненія выражаются также и наружными признаками; животное или человѣкъ, превращающіеся въ пара-

зиты, изменяют свою наружность соответствующим образом. Миръ животных изобилует подобными примѣрами, въ человеческомъ же обществѣ измененіе наружнаго вида, вызываемыя паразитнымъ образомъ жизни лучше всего можно прослѣдить у побѣдоносныхъ расъ, водворившихся въ покоренной странѣ и живущихъ на счетъ побѣжденнаго народа.

У социальныхъ паразитовъ можетъ существовать извѣстное предрасположеніе или наклонность къ паразитной жизни, полученная ими путемъ наследственности. Но усовершенствованіе паразитныхъ привычекъ и способовъ совершается, главнымъ образомъ, посредствомъ подражанія и практики, и чѣмъ сложнѣе становятся условія современной жизни, тѣмъ больше специализаціи требуется отъ паразита, совершенно такъ же, какъ и отъ каждаго рабочаго.

Соціальная жизнь изобилуетъ подобными примѣрами, и мы видимъ, что паразиты, эксплуатирующіе извѣстный классъ, развиваютъ въ себѣ спеціальныя свойства, наиболѣе полезныя имъ въ данномъ случаѣ. Паразиты-хищники всегда прибѣгаютъ къ стереотипнымъ способамъ для лучшей эксплуатаціи своихъ жертвъ. Ломброзо говоритъ: «Умъ и ловкость преступниковъ иногда кажутся намъ просто поразительными, но чѣмъ ближе мы присматриваемся, тѣмъ меньше находимъ поводовъ для удивленія, такъ какъ если преступники такъ искусно продѣлываютъ свои плутни, то лишь потому, что они продѣлываютъ всегда однѣ и тѣ же штуки».

Формы приспособленія, о которыхъ мы только что говорили, атрофія органовъ, бесполезныхъ для паразита, и развитіе новыхъ свойствъ, нужны для сохраненія жизни паразитнаго индивида, но ему надо еще обезпечить воспроизведеніе своего вида, т. е. свое размноженіе. У органическихъ паразитовъ это достигается различными способами. Въ наиболѣе рѣзко выраженныхъ случаяхъ паразитизма, у изолированныхъ паразитовъ, какъ напр. у ленточной глисты, наблюдается гермафродитизмъ. Другіе паразиты живутъ парами и такимъ образомъ обезпечиваютъ воспроизведеніе своего вида. Въ періоды размноженія паразиты приходятъ въ соприкосновеніе съ вѣшнимъ міромъ для того, чтобы ихъ яички могли быть удалены изъ эксплуатируемаго организма и совершали бы вѣдь его весь циклъ своего развитія.

Въ социальномъ паразитизмѣ, само собою разумѣется, мы не находимъ аналогичныхъ условій, такъ какъ въ социальномъ мирѣ паразитизмъ не подчиняется органическому закону воспроизведенія, а стоитъ въ зависимости отъ психическаго закона подражанія. Размноженіе социальныхъ паразитовъ находится, такимъ образомъ, въ прямой зависимости отъ импульса подражанія и отъ способности общества подвергаться эксплуатаціи. Извѣстное наследственное предрасположеніе, разумѣется, существуетъ и въ социальномъ паразитизмѣ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ паразитизмъ сопровождается психическимъ вырожденіемъ въ большей или меньшей степени, которое и можетъ быть унаслѣдовано потомствомъ, осужденнымъ поэтому вести паразитное существованіе въ той или другой формѣ.

Слишкомъ большое размноженіе паразитовъ въ социальномъ мирѣ, ра-

Миръ
общественной
жизни
в
расположенности
у
степени
сплошности
гражданства
въ
и
ито
е-
д-
й

зужьется, было бы вредно и опасно для общества. Опасность эта до нѣкоторой степени умалывается благодаря тому обстоятельству, что индивиды съ рѣзко выраженными признаками вырожденія обыкновенно неспособны къ размноженію, затѣмъ смертность среди нѣкоторыхъ классовъ паразитовъ (напр. среди бродягъ, нищихъ, воровъ и т. д.) всегда бываетъ увеличена. У привилегированныхъ паразитовъ, ведущихъ совершенно праздный образъ жизни, дѣйствуютъ другія причины, задерживающія ихъ размноженіе. Они сами не желаютъ отягощать себя многочисленнымъ потомствомъ ради личной выгоды. Притомъ нѣкоторые изъ паразитовъ общества, вынуждаемые специальными условіями своей соціальной среды къ паразитному образу жизни, сознательно удаляютъ своихъ дѣтей изъ этой среды, желая ихъ приспособить къ другому образу жизни. Это явленіе особенно часто наблюдается среди воровъ по профессіи и женщинъ, ведущихъ дурной образъ жизни, нерѣдко старательно скрывающихъ свою профессію отъ своихъ дѣтей.

Принимая во вниманіе все эти факты мы можемъ не опасаться слишкомъ сильнаго распространенія соціального паразитизма путемъ наследственности. Если паразитизмъ влечетъ за собою вырожденіе, то оно обыкновенно сопровождается безплодіемъ, или же этого нѣтъ, то паразиты, либо избѣгаютъ въ собственныхъ интересахъ плодить многочисленное потомство, либо такъ мало заботятся о своемъ потомствѣ, что оно большею частью вымираетъ.

Истинная опасность въ данномъ случаѣ заключается въ подражательномъ распространеніи того или иного рода паразитизма, которому благоприятствуютъ извѣстныя соціальныя условія. Паразитъ, конечно, истощаетъ организмъ, на счетъ котораго питается и иногда вызываетъ его полное разрушеніе. Въ соціальномъ мирѣ паразитизмъ не влечетъ конечно такихъ глубокихъ нарушеній экономіи эксплуатируемаго общественного организма, но тѣмъ не менѣе и тамъ наблюдаются факты полного истощенія общества, на счетъ котораго развиваются паразиты.

Въ органическомъ паразитизмѣ наблюдается зачастую не только полная покорность эксплуатируемаго организма, но и услужливость, которую онъ обнаруживаетъ по отношенію къ эксплуатирующему его паразиту. Зачастую въ организмѣ животнаго можно наблюдать измѣненія строенія, которыя могутъ быть полезны эксплуататору, такъ сказать приспособленіе къ его потребностямъ. То же наблюдается и въ соціальномъ мирѣ. Тюрго, напримѣръ, указываетъ любопытный примѣръ, что бѣднѣйшіе классы населенія, живущаго своимъ трудомъ, не только не питаютъ дурного чувства къ ростовщикамъ, дающимъ имъ деньги на короткіе сроки и подъ необыкновенно высокіе проценты (*les prêteurs à la petite semaine*), но даже испытываютъ къ нимъ нѣчто вродѣ благодарности. Способность реакціи становится тѣмъ слабѣе, чѣмъ ниже мы спускаемся по ступенямъ соціальной лѣстницы, и пропорціонально съ этимъ выступаютъ ярче черты пассивности.

Переходя къ средствамъ защиты противъ паразитизма, мы также встрѣчаемъ аналогію между органическимъ и социальнымъ паразитизмомъ. Мѣры противъ паразитизма могутъ имѣть репрессивный или предохранительный характеръ.

Къ первымъ принадлежитъ уничтоженіе паразита или лишеніе его возможности эксплуатировать организмъ, посредствомъ изгнанія его изъ организма, или заключенія въ такое мѣсто, откуда бы онъ не могъ производить нападенія на свою жертву—или превращеніе паразита въ непаразита.

Лейкоциты, напримѣръ, поглощая патогенныхъ микробовъ, попадающихъ въ кровь, употребляютъ первый способъ борьбы съ паразитомъ, т. е. уничтоженіе. Такъ же поступаютъ и пчелы, истребляющія бесполезныхъ трутней послѣ оплодотворенія матки. Къ такимъ же мѣрамъ прибѣгаютъ иногда и человѣческія общества, чтобы избавиться отъ крайне вредныхъ социальныхъ паразитовъ. Однако, съ увеличеніемъ цивилизаціи, предпочтеніе конечно отдается предохранительнымъ мѣрамъ, на что указываютъ и разъясненія законодательства. Изгнаніе паразитовъ животными не практикуется, тогда какъ человѣкъ и человѣческія общины часто прибѣгаютъ къ этому способу избавленія отъ своихъ паразитовъ. Но заключеніе паразита на извѣстномъ пространствѣ наблюдается и у животныхъ. Напримѣръ трихины въ мускулахъ животнаго окружаются известковою оболочкой, откуда онѣ выйти не могутъ. У породы сумчатыхъ сурговъ (*Spermatophilus*) туберкулезныя бациллы, попадая въ ткани, поглощаются кѣлками, выделяющими секретъ, образующій родъ твердой ограды вокругъ бациллы, внутри которой она разлагается и распадается на свои элементы.

Третій способъ борьбы съ паразитизмомъ: превращеніе паразита въ непаразита, возможенъ только въ человѣческомъ обществѣ и то лишь въ томъ случаѣ, если социальный паразитъ не представляетъ рѣзко выраженной индегенерации. Общество прибѣгаетъ для этой цѣли къ двумъ методамъ: усилению нравственнаго вліянія и воздѣйствія и законодательнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ паразитныхъ классовъ. Впрочемъ эти мѣры почти можно назвать предохранительными.

Къ предохранительнымъ мѣрамъ принадлежитъ также: увеличеніе въ самомъ организмѣ силы реакціи противъ паразитной эксплуатаціи и защита организма внѣшними способами, предохраняющими его отъ нападенія паразитнаго врага. Всякія гигиеническія мѣропріятія принадлежатъ конечно къ числу предохранительныхъ мѣропріятій, защищающихъ организмъ человѣка отъ попаданія въ него паразитовъ. Такимъ же мѣропріятіемъ служитъ вакцинація, увеличивающая силу борьбы и сопротивленія организма патогеннымъ микробамъ.

Въ социальной жизни предохранительнымъ средствомъ противъ паразитовъ служатъ нѣкоторые законодательныя мѣропріятія, напр. въ Соединенныхъ Штатахъ воспрещеніе иммиграціи праздношатающихся, или въ

Черногоріи воспрещеніе чужеземцамъ владѣть хотя бы самую малую частицею земли княжества, упраздненіе нѣкоторыхъ обычаевъ, традицій и законовъ, не отвѣчающихъ болѣе требованіямъ современной жизни, также составляетъ одно изъ полезныхъ средствъ борьбы съ соціальнымъ паразитизмомъ. Принципъ ассоціаціи является также однимъ изъ могущественныхъ факторовъ. Въ борьбѣ съ паразитизмомъ въ соціальной жизни и тамъ, гдѣ онъ проводится въ современную жизнь, паразитизмъ становится менѣе опаснымъ для общества, напр., кредитныя общества, основанныя Ранффейзеномъ въ Германіи и Валленборгомъ въ Италіи почти истребили ростовщичество въ деревняхъ, гдѣ въ прежнія времена ростовщики безпрепятственно эксплуатировали населеніе. Такъ и всѣ другія формы ассоціацій, кооперативныя общества, всѣ формы аграрнаго коллективизма, хотя и соединенныя со многими неудобствами, все это болѣе или менѣе дѣйствительныя средства противъ развитія соціального паразитизма и для болѣе успѣшной борьбы съ нимъ. Поэтому то и всѣ соціальныя реформы должны быть направлены по этому же пути, т. е. должны стремиться къ увеличенію средствъ защиты соціального организма противъ паразитизма, и должны противодѣйствовать распространенію паразитовъ.

Э. Пименова.

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ВЪ НАУКѢ УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Речь Адольфа Пренса,
профессора Брюссельскаго университета.

Милостивые Государи!

Я съ особымъ удовольствіемъ откликаюсь на вашу призывъ и пользуюсь случаемъ побесѣдовать съ вами о предметѣ, который васъ сильно занимаетъ и который вполне достоинъ вашего вниманія.

Вы могли бы подумать, что съ моей стороны слишкомъ отважно излагать новое ученіе уголовного права съ кафедры, на которой нѣсколько недѣль тому назадъ вы удивлялись и рукоплескали удивительному краснорѣчію г. Энрико Ферри, одного изъ замѣчательныхъ представителей новой школы. Но я спѣшу предупредить васъ, что явился сюда не для того, чтобы противопоставлять одно ученіе другому, которое я раздѣляю, подобно тому какъ раздѣляю многія мнѣнія высказанныя гг. Ферри, Гарофало, фонъ-Литцге, Ванъ-Хамелемъ, словомъ всеми учениками новой школы, въ которой принадлежу самъ. Подобно имъ, я полагаю, что классическая школа страдала избыткомъ абстракцій; въ ея глазахъ преступникъ является не живымъ и дѣйствующимъ человѣкомъ, а какимъ-то абстрактнымъ типомъ, созданнымъ изъ головы и находящимся внѣ условій дѣйствительности; для нея преступленіе представляетъ не явленіе дѣйствительности, но какую-то юридическую формулу, записанную на страницахъ уголовного свода; наказаніе представлялось ей не защитой противъ нападенія, а теоретической системой, созданной учеными, не принимавшими въ расчетъ природу преступника; однимъ словомъ, наука уголовного права заключалась въ текстахъ и книгахъ.

Мнѣ кажется, что представители новой школы справедливо возстаютъ противъ подобнаго направленія.

Подобно имъ, я думаю, что преступность представляетъ столько-же явленіе соціальной жизни, какъ и предметъ юридической науки, что совре-

менный судъ слишкомъ напоминаетъ машину, слишкомъ безличенъ и недостаточно знаетъ преступника; онъ очень часто забываетъ, что тюрьма для однихъ представляетъ не болѣе какъ рискъ новаго предпріятія или удобную гостиницу, гдѣ они отдыхаютъ отъ трудовъ своего ремесла, между тѣмъ какъ для другихъ она нравственная пытка, принимающая и толкающая ихъ на новое преступленіе. Я думаю, что кратковременныя наказанія, которыя практикуются всюду въ Европѣ въ обширныхъ размѣрахъ, нерѣдко превращаютъ судъ въ какой-то кранъ, который выпускаетъ воду капля за каплей лишь для того, чтобы она, упавъ на землю, исчезла безслѣдно.

Вмѣстѣ съ представителями новой школы я думаю, что подъ вліяніемъ алкоголизма, невоздержности, трудности борьбы за существованіе и излишество цивилизаціи всѣ классы населенія, какъ низшіе, такъ и высшіе, не всегда обладаютъ достаточнымъ нравственнымъ и физическимъ здоровьемъ, чтобы противостоять дурнымъ наклонностямъ, и благодаря тому нравственная болѣзнь распространяется быстрѣе, чѣмъ возможность подавить ее. Я думаю вмѣстѣ съ ними, что настоятельно необходимы реформы, какъ въ области уголовного права и уголовного процесса, такъ и въ организациі суда и карательныхъ учрежденій.

Но въ нѣдрахъ самой новой школы по этому предмету существуютъ разногласія; я считаю поэтому полезнымъ указать вамъ на нихъ и изложить нѣкоторые изъ нихъ предъ вами въ этой непритязательной бесѣдѣ.

Резюмируя теперь-же содержаніе моей бесѣды, я могу сказать, что если социологія преступности вполнѣ законна и полезна, если положительное законодательство, желающее быть полезнымъ, должно немедленно воспользоваться ея данными, то нельзя сказать то-же самое о криминальной антропологіи, ибо выводы ея были слишкомъ преувеличены, научная цѣнность ея и точка исхода, равно какъ слишкомъ неопредѣленныя сужденія, далеко не приняты безусловно самой наукой...

Около десяти лѣтъ тому назадъ въ Брюсселѣ возникъ международный Союзъ уголовного права. Въ настоящее время онъ насчитываетъ около тысячи членовъ, въ числѣ которыхъ преобладаютъ профессора всѣхъ университетовъ и судьи всѣхъ странъ свѣта. Союзъ поставилъ себѣ слѣдующую цѣль, которую преслѣдуетъ горячо: классическая школа находится при послѣднемъ издыханіи, и мы живемъ теперь среди ея развалинъ; необходимо возвести новое зданіе. Союзъ уголовного права именно и ставитъ это своей задачей; онъ изслѣдуетъ практическія слѣдствія глубокихъ превращеній, увлекающихъ уголовное право на новые пути; онъ слѣдуетъ каніями изъ старыхъ матеріаловъ можно воспользоваться и какіе слѣдуетъ отбросить. Я намѣренъ стать на ту-же почву, но пока займусь лишь тѣмъ, что называется прирожденный преступникъ. Вамъ извѣстно пять классовъ итальянской антропологической школы: преступникъ умалишенный, преступникъ прирожденный, преступникъ по привычкѣ, преступникъ случайный и преступникъ по страсти. Предоставляя первый классъ психіатріи, мы можемъ

разбить остальные на двѣ группы: преступники по привычкѣ, которые представляют громадное большинство, ибо, какъ вамъ извѣстно, статистическая цифра рецидивистовъ достигаетъ иногда до 80 % всего числа преступниковъ, что весьма утѣшительно, такъ какъ указываетъ на локализацию и специализацию преступления; вторую группу представляютъ преступники случайные, составляющіе ничтожное меньшинство.

Итальянская школа первая привлекла вниманіе на необходимость и важность подобной классификаціи, и мы были бы безконечно благодарны ей за это, если бы антропологическая школа не принимала за основной типъ, типъ прирожденнаго преступника. Здѣсь немедленно возникаютъ вопросы: въ какой моментъ можно назвать преступника прирожденнымъ, кто рѣшится сдѣлать опредѣленіе и что же дѣлать далѣе?

Ломброзо смотритъ на задачу просто: всякій преступникъ, даже случайный, есть преступникъ прирожденный, т. е., существо не нормальное.

По мнѣнію Ферри, типъ Ломброзо встрѣчается чаще всего среди рецидивистовъ и рѣже среди случайныхъ преступниковъ.

Если итальянская школа говоритъ, что въ классѣ преступниковъ такъ-же, какъ и среди честныхъ людей, много людей выродившихся и неуравновѣшенныхъ, и что социальныя причины для дальнѣйшаго вырожденія все увеличиваются, то мы конечно всѣ согласимся съ этимъ. Кто присутствовалъ на лекціяхъ Далемана, кто побывалъ въ госпиталяхъ и на лекціяхъ профессоровъ Де-Смета и Де-Бека, тотъ знаетъ, насколько истина эта справедлива. Но антропологическая школа идетъ еще далѣе. По ея мнѣнію, причину преступления являются біологическія и физическія условія.

Если нѣкоторые авторы вмѣстѣ съ Ферри дабавляютъ, что преступленіе происходитъ отъ причинъ біологическихъ, физическихъ, психическихъ и социальныхъ, то вы конечно замѣчаете, что подобное положеніе не имѣетъ особаго значенія: дѣйствительно, человѣкъ составляется одновременно изъ элементовъ біологическихъ, физическихъ, психическихъ и социальныхъ, и говоритъ, что преступленіе есть результатъ этихъ различныхъ причинъ, въ сущности значить признавать его дѣломъ человѣка, а въ этомъ случаѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ новой теоріи. Сущность антропологической школы сводится къ принципу, что преступникъ есть существо ненормальное, что ненормальность эта не есть исключеніе, а представляетъ нѣчто обычное и носить біологическій, физическій и психическій характеръ. Такимъ образомъ классическая школа занимается опредѣленіемъ степени злой воли, заключающейся въ данномъ поступкѣ, между тѣмъ какъ школа антропологическая опредѣляетъ степень ненормальности даннаго преступника. Нельзя не признать, что обѣ задачи весьма трудны. Несомнѣнно судья приходитъ въ затрудненіе, когда предъ нимъ поднимаютъ вопросъ о степени ответственности, для даннаго случая, когда отъ него требуютъ смягченія наказаній, хотя-бы въ ущербъ ответственности, между тѣмъ какъ здравый смыслъ подсказываетъ ему, что виновный снова примется за преступленіе и что поэтому единственною разумною мѣрою является продолжительное

заключеніе. Но онъ также приходитъ въ замѣшательство, когда ему говорятъ о существованіи у преступника асимметріи лица, прогнатизма и выдающейся челюсти, неправильной формы ушей и т. д., и если на основаніи этого онъ захочетъ построить какое нибудь судебное заключеніе, то сильно рискуетъ впасть въ ошибку.

Истина заключается въ томъ, что слѣдуетъ изучать и судить живого человѣка и человѣка какъ члена социального дѣла, — въ этомъ направленіи бесспорно заключается прогрессъ. Благодаря естественной исторіи человѣка, для изученія которой первый толчекъ былъ данъ Кетле, человѣкъ спустился съ заоблачныхъ высотъ, гдѣ онъ блуждалъ, на землю. Классическая школа помѣщала его въ природѣ столь высоко, что разумъ не въ состояніи былъ его постигнуть. Она прилѣпилась къ непонятному представленію о какой-то абсолютно-неопредѣленной волѣ, способной дѣйствовать безъ всякихъ побужденій или даже противъ нихъ и желать въ одно и то-же время совершенно противоположныя вещи. При подобной системѣ воззрѣній предполагалось, что одинъ и тотъ-же человѣкъ въ одно и то-же время и при совершенно тождественныхъ обстоятельствахъ можетъ совершить какъ разъ противоположное тому, что онъ дѣлаетъ. Вы помните извѣстный примѣръ почтеннаго отца семейства, который по окончаніи ежедневныхъ занятій регулярно приходитъ домой. Бьетъ 6 часовъ, наступаетъ ночь, онъ усаживается въ удобное кресло передъ каминомъ въ кругу своей семьи и говоритъ себѣ: «вотъ какъ я свободенъ! я сижу около жены, кругомъ меня дѣти, но я могу подняться, спуститься внизъ и, выйдя изъ дверей, совершить путешествіе по всему свѣту. Можно ли быть болѣе свободнымъ, чѣмъ я, ибо я могу сдѣлать противоположное тому, что дѣлаю!»

И тѣмъ не менѣе вы понимаете, что это вздоръ, что можно предположить сто тысячъ франковъ этому отцу семейства и домоѣду для совершенія путешествія вокругъ свѣта, и онъ еще подумаетъ прежде, чѣмъ отправится въ путь. Подобный поступокъ былъ бы не объяснимъ ни характеромъ человѣка, ни его темпераментомъ, привычками, расположеніемъ, природой и потому не соответствуетъ ему. Его невозможно приписать этому человѣку, и въ этомъ-то проявляются крайности сторонниковъ классической школы, которые такимъ образомъ подкопали основаніе даже самой ответственности.

Поэтому новая школа поступаетъ весьма разумно, когда изучаетъ преступника среди жизненной обстановки, когда утверждаетъ, что поступокъ его объясняется его темпераментомъ, природой и окружающей средой, и что слѣдуетъ изучать и человѣка, и среду, въ которой онъ живетъ, но, подобно всякой реакціи, новая школа зашла слишкомъ далеко. Ошибка ея заключается въ томъ, что она принизила человѣка выше всякой мѣры и поставила его въ такую зависимость отъ собственнаго организма, что моральная жизнь его превратилась въ чистый механизмъ, а всѣ его дѣйствія свелись на простые рефлексы. Я не желаю вовсе изстѣ-

довать, насколько это ошибочно, но утверждаю, что явление это дурно и печально въ качествѣ нравственнаго ученія и направленія мысли. Если въ ученіи Фуллье, который воскрешаетъ взгляды Декарта и провозглашаетъ ученіе идеи—силы, заключается доля истины, если справедливо, что идея свободы можетъ насъ сдѣлать свободными, подобно тому какъ идея справедливости дѣлаетъ насъ справедливыми, то будемъ-же развивать далѣе идею свободы. Мы слишкомъ уже склонны отдаваться всеѣмъ своимъ побужденіямъ, повиноваться всякимъ нездоровымъ склонностямъ, мы отдаемся во власть теченію событій, людей и рѣчей и отказываемся совершенно отъ воли.

Но наша обязанность, наоборотъ, бороться съ этими стремленіями и укрѣплять въ своей душѣ чувство воли, равно какъ чувство отвѣтственности и свободы. Тѣмъ, кто, слѣдуя Шопенгауеру, утверждаетъ, что свобода воли не болѣе, какъ иллюзія, я отвѣчу: «во всякомъ случаѣ иллюзія эта необходима». Отказываясь отъ нея, человѣчество лишается всякаго значенія и превращается въ нѣчто безсознательное, гдѣ все свѣтлое, энергичное, точное, опредѣленное заволакивается туманомъ сновидѣній, галлюцинацій и старческаго пессимизма.

Не думайте, что я собираюсь разбирать здѣсь вопросъ о свободѣ воли, для этого было бы мало не только одного, но даже сотни собесѣдованій. Мыслящее человѣчество безуспѣшно занимается этимъ вопросомъ со временъ св. Августина. Достоевскій говоритъ: «Нѣтъ ничего, что нравилось бы человѣку больше, чѣмъ свобода воли, которая однако заставляетъ его страдать болѣе всего». Я ограничусь лишь однимъ замѣчаніемъ: въ области уголовнаго права замѣчается то-же явленіе, которое имѣетъ мѣсто въ гражданскомъ правѣ, а именно—право общественное беретъ перевѣсъ надъ правомъ частнымъ.

Для примѣра возьмемъ изъ гражданскаго права рабочій контрактъ. Онъ немедленно вызываетъ вопросъ объ отвѣтственности хозяевъ и рабочихъ. Спрашивается, кто не правъ,—хозяинъ или рабочій, кто изъ нихъ долженъ доказать вину и какова степень отвѣтственности каждаго изъ нихъ. Вопросъ этотъ связанъ съ непреодолимыми трудностями, отъ которыхъ отдѣляются слѣдующими словами: оставимъ эти сложные случаи, сохранимъ принципъ отвѣтственности и въ дѣлѣ несчастныхъ случаевъ во время работы обратимся къ простымъ общественнымъ мѣрамъ. Какъ видите, въ этомъ заключается основаніе теоріи страхованія отъ несчастныхъ случаевъ.

Въ уголовномъ правѣ происходитъ то-же самое. Мы поняли, какъ трудно опредѣлить степень отвѣтственности въ каждомъ данномъ случаѣ и отстраняемъ эти затрудненія слѣдующими словами: оставимъ эти вопросы; преступникъ есть угроза и опасность для общества, обезопасимъ-же себя противъ нихъ и примемъ противъ преступника мѣры общественной защиты, соотвѣтствующей степени опасности. Совокупность этихъ мѣръ и есть то, что мы называемъ уголовнымъ сводомъ.

Обстоятельство это позволяетъ тѣмъ, кто, подобно мнѣ, признаетъ

извѣстную внутреннюю свободу, понимая подъ этимъ свободу, обусловленную общими законами и столь-же необходимую для существованія въ мѣрѣ нравственномъ, какъ для объясненія мѣра физическаго необходимо извѣстное количество эфира, разлитаго въ пространство, обстоятельство это, повторяю я, позволяетъ намъ найти общую точку соприкосновенія съ самыми непримиримыми детерминистами и утверждать вмѣстѣ съ ними, что уголовный законъ, если онъ хочетъ стоять на высотѣ своего великаго призванія, долженъ быть человѣченъ и жизнедѣятеленъ и долженъ сообразоваться съ дѣйствительностью, среди которой живетъ и дѣйствуетъ преступникъ.

Въ то время какъ гражданское право обращаетъ тщательное вниманіе на послѣдствія, которыя вызовутъ его рѣшенія и постановленія, въ то время какъ оно колеблется и размышляетъ по поводу самыхъ малыхъ дѣлъ, представленныхъ на его обсужденіе и прослѣживаетъ все дурное и хорошее, могущее явиться слѣдствіемъ его, право уголовное не всегда руководится подобными соображеніями.

Гейне въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ произведеній рассказываетъ объ одномъ англійскомъ механикѣ, сдѣлавшемъ человѣка, который имѣлъ внутри себя аппаратъ съ помощью котораго совершенно правильно произносилъ всѣ англійскія слова. Этому человѣку не доставало только одного— души.

Я никогда не встрѣчалъ судьи безъ души. Всѣ, кого я знаю и не знаю, несомнѣнно имѣютъ совѣсть, сердце и умъ, которыми пользуются на благо другимъ людямъ. Но что справедливо по отношенію къ отдѣльному человѣку, не всегда, какъ вы знаете, вѣрно по отношенію къ собранію ихъ, и вотъ почему безличныя трибуналы нерѣдко напоминаютъ мнѣ человѣка Гейне; они нерѣдко ограничиваются произнесеніемъ юридическихъ словъ и формулъ, лишенныхъ души. Когда мы читаемъ, напримѣръ, что Уоиннадцатая камера Исправительнаго Парижскаго Суда въ одно утреннее засѣданіе въ теченіе какихъ нибудь трехъ часовъ произнесла 116 приговоровъ, то мы, конечно, поражены. Можно сказать, что правосудіе, дѣйствующее такимъ образомъ, произноситъ свои приговоры, подобно человѣку, одержимому чиханьемъ. Благодаря усиліямъ новой школы, подобное явленіе становится все рѣже и рѣже, и въ этомъ обстоятельствѣ мы усматриваемъ несомнѣнный прогрессъ.

Но можетъ-ли судъ, освободившійся отъ этихъ недостатковъ, основываться твердо и положительно на данныхъ криминальной антропологии?

Я не стану описывать предъ вами антропологическій типъ Ломброзо ибо вотъ уже десять лѣтъ, какъ объ немъ толкуютъ повсюду. Онъ былъ предметомъ продолжительныхъ дебатовъ на Парижскомъ Антропологическомъ Конгрессѣ 1889 года, гдѣ объ немъ особенно горячо разсуждали специалисты. Я хочу только указать вамъ на сложность этого типа, который въ одно и то-же время представляетъ собою черты анатомическія, физиологическія, патологическія и психическія. Сверхъ того, этотъ сложный типъ весьма многочисленъ; то онъ представляется типомъ возврата къ дикарю и на-

поминаетъ собою первобытное животное, то это типъ вырождающагося или нейрастеника, который въ этомъ случаѣ является жертвой цивилизаціи; то, наконецъ, это нравственно-помѣшанный, типъ промежуточный, который не вполне подходитъ къ типу вырождающихся и который итальянская школа окрестила терминомъ *маттоидъ*.

Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ слѣдующемъ: можетъ-ли этотъ сложный и многочисленный въ своихъ разновидностяхъ типъ послужить основаніемъ для уголовного права; возможно-ли установить для него въ наукѣ права дѣленіе на преступника по привычкѣ и преступника случайнаго, или необходима какая нибудь другая формулировка?

Вспомните, господа, что для Ломброзо антропологическій типъ преступника есть типъ общій, между тѣмъ какъ, по мнѣнію Ферри, этотъ типъ обыченъ только для рецидивистовъ, т. е. для громаднаго большинства преступниковъ.

Итакъ, въ то время какъ послѣдователи итальянской школы сдѣлали свои антропологическія изслѣдованія надъ громаднымъ числомъ преступниковъ (мнѣ кажется, что въ настоящее время изслѣдовано 17.000 типовъ), ученики новой школы открыли этотъ антропологическій типъ среди изученныхъ ими преступниковъ лишь въ количествѣ 50%. Слѣдовательно, половина преступниковъ не подходитъ подъ этотъ типъ.

Я не могу входить здѣсь въ детальное обсужденіе, не могу также обсудить подробно различныя подраздѣленія, которыя Ферри сдѣлалъ предметомъ своихъ особыхъ изслѣдованій; ограничиваясь самымъ общимъ, я могу лишь указать вамъ, что Ферри открылъ существованіе значительнаго числа аномалій лишь у 30% изученныхъ имъ преступниковъ, а существованіе отдѣльныхъ аномалій или ихъ сочетаній у 50%. Сверхъ того добавлю тотъ установленный фактъ, что въ средѣ честнаго населенія многія лица представляютъ по своему характеру типъ прирожденнаго преступника. Мнѣ скажутъ, что такихъ мало, но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ нѣтъ возможности изслѣдовать каждаго человѣка въ отдѣльности. Но обратимся къ набору солдатъ. Въ Италіи, такъ-же какъ и у насъ, отъ набора освобождаются люди съ извѣстными пороками. И тѣмъ не менѣе въ арміи попадаютъ всегда лица, обладающія одной или нѣсколькими чертами, характерными для прирожденнаго преступника. Мы-же въ нашей жизни наталкиваемся на этотъ типъ сплошь и рядомъ. Это тѣ лица, про которыхъ мы говоримъ, оставшись на единѣ: какая уродливая голова! И, тѣмъ не менѣе, эти лица остаются честными людьми. Они кандидаты въ преступники, возвращаетъ намъ Ломброзо. Пусть такъ, но они кандидаты, которые не выдержали экзамена. Они проводятъ жизнь, не совершивъ никакого преступленія, и не рѣдко погребаются съ почетомъ.

Натуры вырождающіяся встрѣчаются вездѣ. Они существовали всегда, и нѣтъ недостатка въ общеизвѣстныхъ примѣрахъ. Укажу между прочимъ на Паскаля и Руссо. Паскаль болѣзненный, одержимый галлюцинаціями,

постоянно носить на себѣ послѣ случая на мосту Нельи амулетъ съ непонятными письменами; онъ не можетъ глотать жидкость иначе, какъ малыми глотками, и подѣ условіемъ, чтобъ она была нагрѣта; въ наше время его несомнѣнно сочли бы человѣкомъ ненормальнымъ. Что касается Руссо, то эта порывистая натура представляетъ рѣзко выраженный типъ вырождающагося. Онъ былъ бродягой и несчастнымъ, онъ совершилъ въ юности нѣсколько кражъ у гравера Дюкомена и обнаружилъ въ своемъ нравственномъ характерѣ всѣ черты прирожденнаго преступника: преждевременное развитіе, такъ какъ онъ былъ еще очень юнъ, и отсутствіе угрызений совѣсти, такъ какъ въ своей *Исповѣди* сознается въ нихъ безъ всякаго стыда. Если-бы въ то время существовала антропологическая школа, то его безъ сомнѣнія присудили-бы къ неопредѣленно долгому заключенію, и *Общественный Договоръ* въ такомъ случаѣ не былъ-бы написанъ.

Словомъ, существуетъ извѣстное количество физиологическихъ и психическихъ недостатковъ, совокупность которыхъ мы называемъ въ наше время великою нервною болѣзнью вѣка. Нельзя не сознаться, что болѣзнь эта имѣетъ весьма капризный характеръ: она порождаетъ наряду съ убійцей талантливаго писателя или подвижную, страстную пѣвицу, она вызываетъ то ужасное насиліе, то блестящую поэмю и, по словамъ Ломброзо, является одновременно колыбелью и геніа и помѣшаннаго; если появленіе ея двойнаго рода, если она безразлично порождаетъ зло и добро, то мы не смѣемъ опредѣленно указывать на нее, какъ на источникъ зла.

Признаки прирожденнаго преступника мы встрѣчаемъ у половины всего числа преступниковъ и не преступниковъ; мы не встрѣчаемъ ихъ у остальной половины преступниковъ. Убѣдительно-ли это?

Я думаю, что если-бы въ этомъ помѣщеніи ежедневно собиралось достаточное количество публики, которая позволила бы мнѣ изслѣдовать антропологическія, физиологическія и психическія черты слушателей, то я бы могъ установить средній типъ ихъ. Большія числа, въ сущности, всегда даютъ среднія величины столь-же точно, какъ яблони порождаютъ яблони. Въ этомъ случаѣ я могъ бы сказать, что установилъ врожденный типъ слушателя этихъ собраній. Но этотъ типъ несомнѣнно носилъ бы условный характеръ и противъ него можно было бы возразить слѣдующее: это собраніе посѣщается многими лицами, не пропускающими ни одного вечера, а между тѣмъ они не представляютъ характерныхъ чертъ установленнаго типа. Съ другой стороны, въ этотъ-же моментъ по улицѣ ходятъ люди, которые носятъ всѣ черты установленнаго типа и, тѣмъ не менѣе, нога ихъ не бывала въ этой залѣ; стало быть, это не доказываетъ ровно ничего.

Но почему-же мы не споримъ о типѣ негра или китайца? Потому что никто, кромѣ негровъ и китайцевъ, не обнаруживаетъ его, между тѣмъ какъ всѣ негры и китайцы обладаютъ имъ. Эта истина слишкомъ извѣстна, но я пользуюсь ею съ цѣлью доказать, что средній типъ преступ-

наго человѣка Ломброзо такъ-же далеки отъ дѣйствительности, какъ и средній отвлеченный типъ классической школы; онъ носитъ столь-же метафизическій и условный характеръ, какъ дѣйствующія лица въ трагедіяхъ Корнеля или Расина.

Но я иду далѣе, я беру любую группу лицъ, изъ которыхъ каждый безспорно подходитъ подъ антропологическій типъ, установленный Ломброзо и Ферри. Я думаю, что и для нихъ мы не имѣемъ твердой почвы для сужденій, потому что для установленія ненормальнаго типа слѣдуетъ сперва прійти къ соглашенію, что считать типомъ нормальнымъ. Между тѣмъ послѣднее невозможно по той простой причинѣ, что мы всё болѣе или менѣе ненормальны. Можетъ быть у народовъ первобытныхъ, живущихъ среди природы, можно еще встрѣтить нетронутое физическое и психическое здоровье и равновѣсіе силъ и способностей, соответствующее понятію о совершенномъ человѣкѣ. Но среди нашей цивилизованной жизни существуетъ-ли хоть одинъ человѣкъ, котораго мы могли бы назвать нормальнымъ въ физическомъ, физиологическомъ и психическомъ отношеніи? Причины недостатковъ столь многочисленны, что подобный человѣкъ является не болѣе, какъ созданіемъ нашего воображенія. Прочтите недавно вышедшее сочиненіе Фуллера о расахъ, и вы увидите, что самые признаки расъ въ Европѣ начинаютъ смягчаться и исчезать подъ влияніемъ скрещиванія и смѣшиваній. Напримѣръ, какъ мы установимъ нормальный типъ бельгійца, если въ странѣ живутъ двѣ соединившіяся расы, и если притокъ иноземцевъ столь великъ? Среди разнообразія окружающихъ насъ аномалій сумѣемъ-ли мы выдѣлить аномалію преступности?

Позвольте мнѣ привести одинъ примѣръ: наши тюрьмы переполнены настоящими рецидивистами, неисправимыми злодѣями, для которыхъ ударъ ножемъ не болѣе какъ привычный жестъ. При всякомъ храмовомъ праздникѣ да и, помимо того, также воскресенье, происходитъ игра въ карты, пьянство, причѣмъ происходятъ драки за какую нибудь каплю, за женщину или даже безъ всякаго повода. Я беру этотъ примѣръ, потому что Ферри находитъ въ группѣ рецидивистовъ—убійцъ наиболѣе выраженные признаки прирожденнаго преступника. Теперь посѣтите тюрьму и посмотрите на заключенныхъ. Все это здоровые молодцы съ хорошимъ тѣлосложеніемъ, по большей части, работники съ фермъ или даже фермерскіе сыновья. Я вамъ ручаюсь, что вы не найдете у нихъ и признака типа Ломброзо, но вы найдете у нихъ все таки типъ, именно типъ фламандскій. При взглядѣ на нихъ вы вспомните наши старыя хроники, повѣствующія о воинственномъ задорѣ нашихъ крестьянъ, о ихъ непрерывныхъ раздорахъ. Вамъ придутъ также на память старыя итальянскія хроники, въ которыхъ упоминается о фламандскихъ студентахъ, учившихся въ университетахъ Болоньи, Флоренціи и Рима, гдѣ указываются ихъ воинственные инстинкты и непрерывныя стычки съ полиціей, забиравшей ихъ за кровавыя драки въ разныхъ кабакахъ. Съ тѣхъ поръ ровно ничего не измѣнилось; в

нѣкоторыхъ флананскихъ семеніяхъ вы встрѣчаете поистинѣ корсиканскіе нравы и упомянутые выше рецидивисты представляютъ вовсе не прирожденныхъ преступниковъ, а просто прирожденныхъ флананцевъ, флананцевъ XV и XVI столѣтія. Типъ ихъ довольно характеренъ и неизмѣненъ, такъ что Лейсъ могъ для своихъ картинъ, изображающихъ флананцевъ прошлыхъ вѣковъ, черпать образцы изъ окружающей дѣйствительности и рисовать, какъ вы сами знаете, съ замѣчательнымъ искусствомъ, совершенствомъ и правдою типы флананцевъ этихъ прошлыхъ великихъ эпохъ.

Но слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что типъ преступника вовсе не существуетъ? Никомъ образомъ. Подобное заключеніе было-бы нелѣпо. Для этого достаточно посѣтить тюрьмы, ознакомившись съ которыми, вы отлично научились-бы отличать при входѣ въ любую камеру каждаго рецидивиста и даже разновидность его: насилвателя, вора, убійцу. Существуетъ даже специальный типъ вора, который легко отличить повсюду. Это обыкновенно человѣкъ съ нетвердой походкой, съ низкимъ лбомъ и дерзкимъ взглядомъ. Но представляетъ ли онъ такой-же антропологическій типъ, какъ типъ негра и китайца, или-же это типъ профессиональный или социальный, какъ напр. типъ свѣтскаго человѣка, угольщика или солдата? Я думаю въ согласіи съ Тардомъ и Коляни, что это типъ социальный. Онъ формируется ежедневно на нашихъ глазахъ, и происходитъ это весьма просто. Тардъ и Коляни объясняютъ происхожденіе его слѣдующимъ образомъ: люди, поставленные въ тождественныя условія существованія, принимаютъ сходный обликъ; изъ подражанія, вслѣдствіе занятія однимъ и тѣмъ-же неизмѣннымъ ремесломъ и дѣломъ, вслѣдствіе постоянного повторенія однихъ и тѣхъ-же движеній, будетъ-ли то въ салонѣ или въ угольной копи, они усваиваютъ общія нервныя и мышечныя привычки; ихъ внѣшность, выраженіе лица и даже строеніе тѣла получаютъ общее сходство. Для пониманія этого явленія вполне достаточно законовъ социальныхъ, и нѣтъ надобности прибѣгать къ законамъ биологическимъ.

Мы всё умѣемъ отличать моряка, художника; въ юности моей я встрѣчалъ рѣзко выраженный, но уже исчезнувшій теперь типъ республиканца 1848 года. Существуетъ общезвѣстный примѣръ, который я приводилъ въ другомъ мѣстѣ и который, насколько я помню, указанъ Коляни, — это духовное лицо тѣхъ вѣронсповѣданій, гдѣ бракъ запрещенъ священникамъ. Въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой возможности сослаться на законъ наследственности или какой-нибудь другой биологическій законъ, и, тѣмъ не менѣе, этотъ типъ является рѣзко выраженнымъ въ физическомъ и психическомъ отношеніи. Его создаютъ образъ жизни, возрѣнія, профессія и нравы.

Обратимся къ области трудовой дѣятельности, посмотримъ на каменьщика, стекольщика, углекопа, на рабочаго съ кирпичнаго завода. Здѣсь опять мы встрѣчаемъ физическій типъ и находимъ здѣсь цѣлыя династіи стекольщиковъ, каменьщиковъ и углекоповъ ибо отцы, путемъ выучки, передавали свои качества дѣтямъ; мы встрѣчаемъ этотъ же типъ и по

той же причинѣ всюду за предѣлами нашей страны, и, тѣмъ не менѣе, мы видимъ въ нихъ не антропологическіе типы природенныхъ каменьщиковъ или землекоповъ, а лишь типы социальныя. Подтвержденіемъ тому служитъ то обстоятельство, что если бы угольная или стекольная промышленность исчезла въ странѣ, то немедленно исчезъ или замѣнился бы новымъ характерный созданный ею профессиональный типъ.

Но то же самое мы можемъ сказать и о преступникахъ по привычкѣ. Они несомнѣнно представляютъ особый типъ. Но что же производитъ этотъ типъ? Не созданіе-ли онъ роковой, кровожадной и поистинѣ отвратительной природы? Нѣтъ, демоны создатели его извѣстны намъ, и мы можемъ назвать ихъ по имени, — имя имъ: развратъ, алкоголизмъ и нищета. При наличности этихъ условій, жизнь носитъ характеръ приключеній и насилія. Въ ней господствуютъ страсти, тюрьма налагаетъ на нихъ неизгладимую печать, въ лачугахъ своихъ они коснѣютъ въ низменныхъ привычкахъ, не имѣя передъ глазами иного примѣра. Они облекаются въ свою форму, приобретаютъ привычки и инстинкты, усваиваютъ себѣ безчувственность, жестокость, цинизмъ и, несомнѣнно, образуютъ особый классъ, такъ что Модслей правъ, когда говоритъ, что они отличаются отъ честныхъ людей такъ же рѣзко, какъ овцы съ черными головами отъ овецъ съ бѣлыми головами. Это сравненіе совершенно справедливо, но не забудемъ, что его можно съ такимъ же правомъ отнести къ старому профессору философіи и къ старому канатному плясуну, и тѣмъ не менѣе, мы не можемъ превратить канатнаго плясуна въ философа, такъ же какъ и обратно не обратимъ философа въ канатнаго плясуна.

Но столь же невозможно превратить въ честнаго человѣка рецидивиста. Онъ представляетъ собою особый типъ, и если только преступники будутъ заниматься своимъ ремесломъ, передавая его отъ отца къ сыну, то при сходныхъ условіяхъ типъ этотъ будетъ сохраняться, но все же будетъ представлять типъ социальный. Сама же итальянская школа признаетъ, что человѣкъ, отмѣченный чертами преступности, превращается или не превращается въ преступника въ зависимости отъ окружающихъ условій. Мы знаемъ вырождающихся, которые живутъ не трудясь и о которыхъ мы говоримъ: «возможно-ли, что существуютъ такіе паразиты, такіе бесполезные люди? Очевидно, что многие изъ нихъ въ физическомъ и психическомъ отношеніи ниже преступниковъ, которые не разъ доказывали способность къ дѣятельности, энергію и умъ. Тѣмъ не менѣе, они не становятся преступниками, а остаются бесполезными паразитными ничтожествами. Какое же значеніе имѣютъ эти факты, какъ не то, что приходится считаться съ индивидуальными факторами и признать, что по отношенію къ этимъ лицамъ условія социальной жизни взяли верхъ надъ условіями биологическими.

Заключеніе это вполне согласуется съ послѣдними выводами психологіи.

Опыты послѣдняго времени положительно устанавливаютъ, что проав-

леніе закона приспособленія къ средѣ находится въ зависимости отъ функциональных отравленій. Въ этомъ заключается слабый пунктъ антропологической школы, въ которомъ онъ расходится съ нами. Эта школа, конечно, не признаетъ безусловной вѣры въ наследственность, но, тѣмъ не менѣе, приписываетъ ей слишкомъ большое значеніе. Существуютъ семьи, до такой степени выродившіяся вслѣдствіе нищеты, алкоголизма, помѣшательства, разврата или эпилепси, что онѣ уже не въ состояніи сопротивляться судьбѣ. Антропологическая школа обобщаетъ эти случаи и приходитъ къ заключенію, что преступникъ обладаетъ предрасположеніемъ, котораго психологія въ наше время не находитъ даже въ протоплазматической клеточкѣ.

Да, милостивые государи, именно психологія освобождаетъ насъ отъ столь тяжелыхъ сновидѣній, съ поразительной силой воплощенныхъ Ибсеномъ въ его драмѣ *Привидѣнія*: «Все страдающее человечество стало добычей болѣзненной наследственности». Намъ указывали классы выродившихся жертвъ двухъ жестокихъ и возмутительныхъ законовъ: желѣзнаго закона наследственности и желѣзнаго закона заработной платы. Конечно, если бы эти законы были установлены на опытѣ, то общество, основанное на нихъ, не имѣло бы права даже на одно мгновеніе дальнѣйшаго существованія!

Подобно тому, какъ общественная наука показала намъ ошибочность желѣзнаго закона заработной платы, такъ что въ настоящее время его не придерживается болѣе ни одинъ социалистъ, такъ психологія устранила желѣзный законъ наследственности, и на нее ссылаются, когда говорятъ, что законъ этотъ поколебленъ въ тройкомъ отношеніи: онъ поколебленъ вслѣдствіе своей необычайной сложности, необыкновенной подвижности и безконечнаго разнообразія въ примѣненіи; онъ представляетъ какъ бы результатъ миллиардовъ кружащихся атомовъ этихъ крупинокъ пыли, подверженныхъ безчисленнымъ вліяніямъ, несущихся по различнымъ направленіямъ, которыя имъ указываютъ наследственность, эволюція, традиція и свобода, память и изобрѣтательность и которыя соединяются другъ съ другомъ въ безконечной игрѣ причинъ.

Прослѣдите вліяніе наследственности, напримѣръ, на двухъ лошадяхъ или на вырождающемся человѣкѣ. Она то нейтрализуетъ достоинства и недостатки отца и матери въ случаяхъ, когда они противоположны, то усиливаетъ ихъ, если они одного и того же порядка. Мы замѣчаемъ, какъ отъ воли случая получаютъ преобладаніе достоинства или недостатки родителей, близкихъ родственниковъ и предковъ. Можно идти въ этомъ направленіи очень далеко. Вамъ извѣстно, что психологія утверждаетъ возможность восхожденія до десятаго колѣна, что въ совокупности представляетъ до 2,000 индивидуальныхъ факторовъ, изъ которыхъ каждый подверженъ вліянію такихъ же десяти поколѣній. Нельзя не признать, что столь отдаленная отъ своего слѣдствія причина, можетъ проявиться лишь въ весьма слабой степени. Смотри по своимъ убѣжденіямъ, мы приписываемъ

слѣдствія случаю, свободѣ или Провидѣнію, но какъ бы тамъ ни было, мы во всѣхъ случаяхъ можемъ только признать, что наталкиваемся на нѣчто непознаваемое, котораго не можетъ разъяснить терминъ *наслѣдственность*.

Наслѣдственность поколеблена еще въ одномъ отношеніи. Физиологія имѣетъ полное основаніе вѣрить въ передачу врожденныхъ признаковъ; бесспорно они передаются, и потому-то чистыя расы сохраняютъ свой типъ. Патологія съ тѣмъ же основаніемъ вѣритъ въ наслѣдственную передачу извѣстныхъ болѣзней, какъ напримѣръ, помѣшательства или эпилепсіи.

Но физиологія все менѣе и менѣе признаетъ передачу пріобрѣтенныхъ признаковъ. Во главѣ этой школы стоитъ извѣстный нѣмецкій физиологъ Вейсманнъ, и школа эта называетъ себя неодарвинизмомъ, въ противоположность прежней доктринѣ Ламарка.

Подобно тому, какъ хромой или безрукій человекъ не передаетъ своего недостатка потомству, какъ кривоногій имѣетъ дѣтей съ прямыми ногами; подобно тому, какъ у китайцевъ, уродующихъ въ теченіе многихъ вѣковъ ноги своимъ дѣвочкамъ, неизмѣнно рождаются дѣвочки съ нормальными ногами, подобно тому, какъ у семитовъ, практикующихъ уже давно обрядъ обрѣзанія, всегда рождаются нормальные дѣти, такъ и пріобрѣтенныя родителями нравственныя черты не передаются по наслѣдству.

Мы убѣждаемся въ этомъ, какъ только рассмотримъ какой-либо народъ въ двухъ фазахъ его развитія. Какое различіе, напримѣръ, между современными французами и французами эпохи романтизма? Между мечтательной, меланхолической Германіей начала этого столѣтія и современной положительной Германіей, между практической и положительной Бельгіей, какою она была пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и нашей Бельгіей, зараженной нѣскольکو поэзіей Ибсена, символизмомъ и даже мистицизмомъ; между прежней разбойничьей Албаніей, воспѣтой Байрономъ и Викторомъ Гюго, и промышленной нынѣшней Албаніей, съ которой завязываются правильныя торговыя сношенія.

Не то же ли самое находимъ мы у отдѣльныхъ лицъ. Пословица говорить: у расточительнаго отца скупой сынъ. Государственные люди, ученые, артисты, прославившіеся въ цѣломъ свѣтѣ, нерѣдко имѣли посредственныхъ дѣтей. Въ буржуазной, но честной семьѣ иногда зарождается преступный членъ. Даже въ самой низменной средѣ мы встрѣчаемъ иногда ребенка, одареннаго инстинктивной прямою, благодаря которой онъ противостоитъ всѣмъ соблазнамъ и живетъ какъ настоящій герой. Ужъ, конечно, не наслѣдственность объяснить намъ эти случаи.

Наконецъ, наслѣдственность поколеблена, если такъ можно выразиться, въ качествѣ руководящей силы человѣчества. Физиологи подтверждаютъ эту мысль разительнымъ сравненіемъ, которое я почерпнулъ въ сочиненіяхъ профессора Сорбонны Делажа и, съ вашего позволенія, приведу здѣсь: «Потокъ течетъ, говоритъ онъ, не вслѣдствіе того, что обладаетъ способностью

течь, а въ зависимости отъ условій, въ которыхъ течеть, т. е. отъ наклона ложа и отъ направленія вѣтра. Измѣните эти условія, и онъ остановится или измѣнитъ путь». Точно также наслѣдственность течеть не потому, что обладаетъ такою способностью, но потому что находится въ соответствующихъ неизмѣнныхъ условіяхъ. Она дѣйствуетъ въ этомъ направленіи, пока условія тѣ же, но измѣните ихъ, и наслѣдственность отклонится и уступитъ мѣсто измѣнчивости.

Кромѣ того, по отношенію къ клѣточкамъ установлено, что измѣненія обычныхъ условій въ ихъ жизни влекутъ измѣненія въ ихъ строеніи. Болѣе того, опыты, произведенные въ послѣдніе годы знаменитыми физиологами Ру, Делажъ, Дришъ, Гертвигъ, Гербстъ позволили имъ формулировать слѣдующее положеніе: *подъ вліяніемъ онтогенетическихъ факторовъ* (т. е. факторовъ дѣйствующихъ въ теченіе развитія данной особи), *яйцо можетъ развитъ признаки, которыхъ оно не заключало въ зародышѣ*.

Положеніе это имѣетъ необычайное значеніе, ибо если справедливо, что зародышъ не представляетъ чего либо предопредѣленнаго, то еще съ большимъ правомъ мы можемъ перенести этотъ выводъ на особь или на индивидуумъ; послѣдній, подобно протоплазмѣ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ окружающихъ условій, приспосаблиется къ нимъ въ зависимости отъ своей пластичности. Этимъ путемъ объясняется подражательность. Если вы прогуляетесь по знаменитой залѣ Лондонскаго Естественна-Историческаго музея, посвященной памяти Дарвина, то вы увидите въ ней удивительное собраніе случаевъ подражательности или миметизма, представляемой природой, которое послужитъ вамъ самой полной иллюстраціей и безспорнымъ доказательствомъ закона приспособленія къ средѣ.

Если какое нибудь насѣкомое усваиваетъ себѣ форму и цвѣтъ или иннервации какого нибудь листка съ цѣлью ускользнуть отъ вниманія птицы, если какая нибудь птица принимаетъ окраску обитаемыхъ ею скалъ съ цѣлью укрыться отъ зоркаго глаза орла, если полярный заяцъ окрашенъ въ цвѣтъ снѣга, а мотылекъ въ яркіе цвѣта рощи, и все это съ цѣлью защиты отъ непріятели, то почему-бы человѣку съ сильно развитыми противобщественными инстинктами не усвоить себѣ социальную форму и цвѣтъ, вообще социальную окраску, позволяющую ему укрыться отъ жандармовъ?

Я разсматриваю здѣсь законъ приспособленія къ средѣ съ чисто утилитарной точки зрѣнія, но этотъ законъ, господствующій надъ задачей, разрѣшеніемъ которой мы занимаемся, имѣетъ иное высшее значеніе. Онъ безспорно выдвигаетъ на первый планъ преобладающее значеніе социальной среды и индивидуальнаго фактора; онъ отводитъ наслѣдственности второстепенную роль и выдвигаетъ свободу, возвращая намъ сознаніе нашего значенія, сознаніе того, что мы должны и можемъ сдѣлать для блага своихъ ближнихъ, для прогресса человѣчества и для поднятія низшихъ слоевъ населенія, доставляющихъ главный контингентъ преступниковъ.

На первый взглядъ кажется, что мы возвращаемся къ старой доктринѣ прошлыхъ вѣковъ, къ принципу коллективной отвѣтственности племени,

семьи, рода или гильдии, когда естественныя социальныя группы принимали на себя предъ обществомъ обязательство сохранять порядокъ и возмѣщать за причиненное безпокойство, когда они, подобно нынѣшнимъ семьямъ, гордились добродѣтельностью своихъ членовъ и страдали отъ пороковъ одного изъ нихъ, такъ какъ обязаны были возмѣстить причиненный имъ вредъ.

Что же означалъ этотъ принципъ общей солидарности и круговой поруки, который проникаетъ собою древнее англосаксонское, франкское или германское право и извѣстенъ подъ именемъ *Френк-Плажъ*, т. е. вольное поручительство? Онъ означалъ, что эти молодые народы, рождающееся сознание которыхъ составляло полную противоположность научному педантизму, имѣли ясное представленіе о значеніи общественной среды. Это ясное пониманіе, какъ намъ кажется, внезапно появляется теперь предъ нами изъ мрака прошлыхъ вѣковъ.

Когда возникаетъ преступный замыселъ, когда грозитъ покушеніе на жизнь и собственность, когда люди становятся рабами своихъ вождельній и страстей, то мы хорошо понимаемъ, что это зависитъ не отъ того или иного свода законовъ, не отъ той или иной системы наказаній или способовъ доказательства, но зависитъ отъ условій цивилизаціи; мы хорошо понимаемъ, что общественная среда дѣйствуетъ на отдѣльнаго человѣка подобно тому, какъ условія питанія вліяютъ на зародышъ во чревѣ матери, и мы сознаемъ, что должны вернуться къ личности и обратиться къ низшимъ слоямъ населенія, доставивъ имъ на ряду со свѣтомъ, съ чистымъ воздухомъ и водой, наряду съ физическимъ здоровьемъ, здоровье нравственное.

Бросимъ взглядъ на Англію: въ то время какъ въ Италіи на 100.000 населенія приходится 239 преступниковъ, во Франціи 158, въ Пруссіи 120, въ Бельгіи 110, въ Англіи эта цифра спускается до 75, а между тѣмъ страна эта живетъ напряженною экономическою жизнью и волнуется частыми кризисами.

Но можетъ быть Англія обладаетъ лучшими карательными учрежденіями, чѣмъ континентальныя государства? Нѣтъ. Она обладаетъ уравновѣшенной общественной средой, въ ней болѣе распространены нравственныя идеи, болѣе развито чувство личной отвѣтственности и уваженіе какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ обязанностямъ. Англійскій народъ вѣритъ въ силу общественной среды, которая дѣйствуетъ на отдѣльную личность черезъ посредство мѣстнаго самоуправленія, различныхъ ассоціацій и рабочихъ союзовъ, поднимающихъ нравственный уровень низшихъ классовъ населенія.

Въ Бельгіи также начинаютъ понимать эту истину. Мѣры для защиты дѣтей, которымъ столь сочувствуетъ это собраніе, проѣтъ закона охраненія покинутыхъ дѣтей и лишенія отцовскихъ правъ, возникшее по инициативѣ Лежена, ясно свидѣтельствуютъ о вліяніи общественной среды. Но это вовсе не означаетъ, что мы должны отвѣчать за преступленіе ребенка, ставшаго жертвой окружающей изменной среды, подобно тому какъ древнія общины отвѣчали за преступленія своихъ членовъ. Не въ этомъ причина,

почему мы считаемъ своей священной обязанностью вырвать его изъ этой среды; доставить ему охрану, воспитаніе и состраданіе, въ которыхъ онъ абсолютно нуждается, а не грозить ему полиціей и тюрьмою; пока мы не сдѣлали этого, мы имѣемъ полное право утверждать, что за преступленіе ребенка ответственны не жестокая наслѣдственность, не махиха-природа, но мы, и только мы одни!

Г.г!.. Идея общественной среды окружаетъ насъ отовсюду, она проникаетъ насъ самихъ, и мы не только видимъ воздѣйствіе ея, но начинаемъ понимать все правильнѣе и лучше, при какихъ условіяхъ вліяніе ея благотвительно и при какихъ условіяхъ оно вредно.

Благопріятная среда—это есть среда органическая, семейная группа, ассоціація, словомъ, однородное коллективное цѣлое, о которомъ говорить Лебонъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи *Психологія толпы*.

Неблагопріятная среда — это неорганизованная толпа, скопище атомовъ.

Изученіе толпы началось недавно; выдающіеся соціологи: Зигеле, Тардъ, Лебонъ анализировали ее безпристрастно. Они показали особенно, о чемъ до нихъ догадывались одни лишь поэты, постоянную готовность толпы ко всякаго рода иллюзіямъ, ея неспособность внимать голосу благоразумія, ея склонность слѣдовать вожакамъ, заразительный характеръ ея примѣра, впечатлѣнія, которыя производятъ на нее слова и событія, и крайнюю измѣнчивость ея страстей. Но послѣднее свойство я назову счастливымъ, ибо если-бы толпа всегда оставалась вѣрна своему энтузіазму, своимъ пристрастіямъ и кумирамъ, то она превратилась бы въ тирана и варвара и ввергла бы общество въ пучину несчастій...

Упомянутые выше ученые указали характерную черту толпы, заключающуюся въ томъ, что всѣ человѣческія свойства нейтрализуются въ ней, что въ ней проявляются всѣ человѣческіе недостатки и наверхъ всплываетъ одна пѣна.

Въ этомъ случаѣ мы впервые обращаемся не къ исторіи, которая представляетъ множество примѣровъ, а къ научному пониманію преступнаго характера толпы.

Ферри самъ указалъ на низменный характеръ толпы, но наиболѣе глубокое изслѣдованіе преступной толпы сдѣлалъ его ученикъ Сигеле.

Прочтите у Тэна описаніе сентябрьскихъ убійствъ, убійство зрителя Бастиліи де-Лоне или убійство принцессы де-Ламбаль; прочтите въ *Жерминаль* описаніе толпы, бросающей на трупъ Мегра или у Сигеле рассказъ о недавнемъ убійствѣ инженера Ватрина, совершившемся при ужасной обстановкѣ стачекъ въ Декавиллѣ; почитайте Лебона и Тарда, и вы получите представленіе о психологіи толпы. Вы увидите, съ какою быстрою проявляются въ толпѣ дурные инстинкты человѣка, какъ легко она становится кровожадной, неистовой и положительно полуумной, какъ быстро она пьянѣетъ, такъ что достаточно какого нибудь крика или жеста, чтобы толкнуть ее на преступленіе. вмѣстѣ съ соціологами вы при-

дете къ заключенію, что если и существуетъ прирожденный типъ преступника, то онъ представляетъ коллективный характеръ и образуется среди извѣстной толпы; въ ея средѣ его увлекаетъ дикій инстинктъ и предрасположеніе ко злу; въ ея средѣ проявляется настоящая бессознательность и неукротимые импульсы. Вотъ почему наша отвѣтственность по отношенію къ толпѣ, по отношенію къ этому большому ребенку столь-же велика, какъ и по отношенію къ маленькимъ дѣтямъ, о которыхъ я говорилъ выше; она возрастаетъ еще соотвѣтственно довѣрчивости и мягкости этого большого ребенка, такъ что, изучая толпу, приходишь къ убѣжденію, что нѣрѣдко достойнѣе быть ея жертвою, чѣмъ ея вожакомъ или провокаторомъ.

На это обстоятельство рѣже приходится указывать въ государствахъ олигархическихъ, гдѣ преобладаетъ подчиненіе власти; но оно получаетъ особое значеніе въ государствахъ демократическихъ, гдѣ многіе склонны бѣжать за толпою. Нельзя поэтому не признать полезными сочиненія писателей, указывающихъ намъ на пропасть, раздѣляющую благородную задачу и обязанность любить, служить, покровительствовать и защищать малыхъ и слабыхъ этого міра и, безъ сомнѣнія, менѣе благородное стремленіе служить и лѣстить толпѣ. Писатели эти позволяютъ намъ оцѣнивать героевъ Ибсена, находящихъ себѣ горькое удовлетвореніе въ одиночествѣ и въ удаленіи отъ толпы, или учениковъ Платона, которые, какъ пишетъ Жюль Симонъ, жили вдали отъ толпы, пренебрегая ею, во дворцахъ своихъ радужныхъ мечтаній.

Это представленіе о природѣ среды, которое я позволилъ себѣ напомнить вамъ, естественно опрокинуло прежнія представленія о значеніи наказанія. Произвольные размѣры его, наивная вѣра въ дѣйствительность заключенія, какъ средства обновленія человѣчества, еще болѣе наивная вѣра въ благотворность краткосрочныхъ наказаній, все это представляется намъ теперь не болѣе, какъ схоластической формалистикой. Необходимо что нибудь иное. Всюду ревностно ищутъ его, всюду стремятся замѣнить однородныя наказанія большимъ разнообразіемъ средствъ подавленія преступленія и болѣе полнымъ приспособленіемъ наказаній къ различнымъ категоріямъ преступниковъ. Къ сожалѣнію, трудности весьма велики. Почему Европа покинула систему салическаго закона, который видѣлъ въ наказаніи средство поправить причиненный вредъ и такъ превосходно защищалъ интересы потерпѣвшихъ? Это произошло потому, что развитіе цивилизаціи разрушило первобытное равенство и раздѣлило общество на классы, въ числѣ которыхъ низшій классъ даетъ наибольшее число преступниковъ, причемъ его уже нельзя облагать штрафомъ по той простой причинѣ, что онъ не владѣетъ ничѣмъ. Тогда обратились къ тѣлеснымъ наказаніямъ, которые носили жестокій характеръ, пока самые нравы были жестоки; подъ вліяніемъ, гуманизма наказанія смягчились и превратились въ тюремное заключеніе, какъ средство подавленія.

Но и заключеніе прошло аналогичныя фазы. Въ началѣ столѣтія оно

носило суровый характер, обрисованный Бетховеномъ въ *Фиделио*, гдѣ онъ заставляетъ насъ выслушивать жалобы Флорестана, брошеннаго въ темную, сырую тюрьму. Въ наши дни подъ вліяніемъ своеобразной филантропіи тюрьма превратилась въ роскошныя зданія, гдѣ жизнь заключенныхъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, недалеко отъ идеала наибольшаго количества благъ, нарисованнаго коллективистами. Эта система, примѣняемая безразлично ко всѣмъ преступленіямъ и ко всѣмъ преступникамъ, утратила даже то значеніе, которое имѣлъ острый мечъ палача. Въ настоящее время отыскиваются другія средства; вотъ почему въ наказаніе пытаются ввести элементъ денежнаго вознагражденія, почему всюду въ Европѣ стремятся сократить расходы на тюрьмы, съ цѣлью употребить эти средства на общественное оздоровленіе; почему для совершающихъ преступленіе въ первый разъ введены условныя обвиненія, а для рецидивистовъ приняты долгосрочныя заключенія съ условнымъ освобожденіемъ; далѣе, идея внутреннихъ и внѣшнихъ колоній для преступниковъ, рабочіе дома для отбывшихъ наказаніе опасныхъ осужденныхъ, убѣжища для преступниковъ помѣшанныхъ и алкоголиковъ, гдѣ содержатъ, подобно тому какъ содержатъ неизлѣчимо больныхъ въ госпиталяхъ, не причиняя страданій, но и безъ лишней роскоши, такихъ осужденныхъ, надежда на исправленіе которыхъ потеряна навсегда. Наконецъ антропологическая школа ввела въ науку уголовного права понятіе о неопредѣленномъ наказаніи, подразумѣвая подъ этимъ обязанность судьи произносить приговоръ съ осужденіемъ на неопредѣленный срокъ.

Нѣтъ ничего любопытнѣе измѣчивости, которой отличается общественное мнѣніе по отношенію къ обязанностямъ судьи. Въ началѣ столѣтія общество возстало противъ произвола судьи и превратило его въ какого-то раба уголовного текста. Но новая школа справедливо говоритъ: законы дѣлаютъ изъ судьи какую-то машину, возвратимъ ему свободу сужденія и предоставимъ ему извѣстную свободу дѣйствій. Антропологическая школа идетъ еще далѣе и требуетъ, чтобы судья не опредѣлялъ вовсе срока наказанія, а ограничивался лишь однимъ приговоромъ къ тюремному заключенію, предоставивъ опредѣлить время заключенія особой административной оллегии.

Такимъ образомъ послѣ того, какъ цѣлый потокъ писаній былъ направленъ противъ административной власти, наступаетъ снова реакція и ей предоставляютъ неограниченное полномочіе и даже подчиняютъ ей судебскую власть.

Идея эта встрѣтила весьма авторитетныхъ приверженцевъ въ лицѣ моихъ уважаемыхъ коллегъ фонъ-Литца и Ванъ-Хамеля. Несмотря на то я не вижу въ этомъ какого либо прогресса. Дѣйствительно, нынѣшнее судопроизводство имѣетъ крупныя недостатки: такъ, судья принужденъ произносить приговоръ, исполненіе и слѣдствіе котораго ему неизвѣстны. Въ Бельгій этотъ недостатокъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что наказанія сокращаются въ случаѣ одиночнаго заключенія; такимъ образомъ бельгійскій судья налагаетъ согласно закону наказаніе, причѣмъ въ моментъ про-

изнесенія приговора судья даже не подозреваетъ, что срокъ наказанія сократится, можетъ быть, на половину.

Конечно это нехѣлость, но она нисколько не является аргументомъ въ пользу опредѣленнаго срока. Современное общественное право пожертвовало опредѣленнымъ наказаніемъ, этой опорой личной свободы, гарантіей слабыхъ противъ сильныхъ и справедливости противъ произвола. Неопредѣленное наказаніе въ сущности не что иное, какъ новая форма пресловутыхъ *lettre de cachet* (приказъ объ арестѣ, съ помощью котораго по произволу сажали въ Бастилію неугодныхъ правительству лицъ въ эпоху, предшествовавшую Великой революціи); оно не болѣе какъ неограниченное заключеніе и не потому, что заключенный не нравится власти, а потому, что антропологъ можетъ сказать ему: «Мой другъ, ваша фізіономія мнѣ не нравится, посидите-ка въ тюрьмѣ, я васъ изучу еще немножко».

Выдается-ли *lettre de cachet* королемъ, народомъ, какимъ нибудь влассомъ людей, врачомъ, судьей или низшимъ тюремнымъ служителемъ, сущность дѣла отъ этого не измѣняется, и не было надобности прибѣгать къ революціи для уничтоженія во имя правъ народа того, что восстанавливаютъ во имя предполагаемыхъ правъ науки.

Мнѣ возразятъ: «Дѣло идетъ лишь о правильномъ опредѣленіи категоріи преступника, къ которому примѣняютъ наказаніе. «Разумѣется, вся сущность дѣла заключается въ этомъ, ибо невозможно держать человѣка подъ замкомъ ради простаго удовольствія лучше изучить его, какъ это дѣлаютъ съ мигромомъ, посаженнымъ въ банку съ бульономъ».

Разумѣется, я признаю благотельнымъ принципъ, согласно которому задерживаютъ нищихъ и бродягъ, пока не найдутъ имъ работы, обезпечивающей имъ кусокъ хлѣба; я признаю его также по отношенію къ помѣшаннымъ и хроническимъ алкоголикамъ, ибо для нихъ невозможно опредѣлить заранѣе срокъ заключенія, признаю его также въ педагогическомъ отношеніи, т. е. въ примѣненіи къ дѣтямъ. Несомнѣнно всѣ согласятся со мною, что для дѣтей вредно, если ихъ присуждаютъ къ заранѣе опредѣленному сроку заключенія; ихъ слѣдуетъ воспитывать и освободить, какъ скоро они въ состояніи занять свое мѣсто въ обществѣ. Такъ именно и поступаютъ въ Эльмирѣ, представляющемъ пансіонъ, какой мы пожелаемъ бы всѣмъ честнымъ дѣтямъ. Учрежденіе это стоитъ милліонъ франковъ въ годъ, въ немъ обучаютъ ремесламъ, исторіи, философіи, литературѣ и устраиваютъ собесѣдованія, словомъ, это образцовая школа.

Но наши тюрьмы не представляютъ подобныхъ пансіоновъ, и мы должны задать себѣ вопросъ, къ какой-же категоріи содержащихся въ нихъ преступниковъ слѣдуетъ примѣнить принципъ неопредѣленнаго заключенія.

Дѣло идетъ не о случайныхъ преступникахъ, которыхъ заточаютъ болѣе для примѣра, чѣмъ для ихъ исправленія, и которыхъ можно было бы оставить совершенно въ покоѣ безъ всякой опасности для общества. Вопросъ заключается въ преступникахъ по привычкѣ, которые представля-

ють дѣйствительную опасность для общества, опредѣлить которую въ каждомъ данномъ случаѣ является не всегда возможнымъ. Но достаточно-ли этого обстоятельства для установленія наказанія на неопредѣленный срокъ?

Замѣтьте, что по отношенію къ преступникамъ по привычкѣ почти исключена всякая случайность; трудности опредѣленія ихъ сведены до минимума, и въ большинствѣ случаевъ бываетъ извѣстно, что они снова примутся за свое ремесло, тако что возникаетъ необходимость удалить ихъ изъ общества, дабы они не имѣли возможности вредить. Въ случаяхъ, когда обстоятельства требуютъ смягченія наказанія, мы имѣемъ коррективъ къ долгосрочному наказанію въ условномъ освобожденіи.

Замѣтьте сверхъ того, что статистика въ трудахъ Кетле, Герри, фонъ Эттингена, фонъ-Майера, Гектора Дени рисуетъ намъ кривую склонности къ преступленію. Эта кривая достигаетъ высшей точки для возраста отъ 21 до 30 лѣтъ, затѣмъ она понижается нѣсколько для возраста отъ 30 до 40 и быстро падаетъ къ 50 годамъ, послѣ чего продолжаетъ убывать слегка волнистой линіей, пока не исчезаетъ вовсе.

Слѣдовательно, послѣ пятидесяти лѣтъ человекъ перестаетъ быть опаснымъ для общества; но вытекаетъ ли отсюда необходимость освобожденія большинства задержанныхъ въ возрастѣ послѣ 50 лѣтъ? Нѣтъ, не вытекаетъ, потому что въ классѣ преступниковъ, такъ же какъ и повсюду: въ политикѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ, существуютъ люди неопредѣленные и колеблющіеся; если они увидятъ, что задержаніе преступниковъ въ возрастѣ свыше 50 лѣтъ будетъ явленіе исключительное, то правосудіе встрѣтитъ въ лицѣ ихъ новое затрудненіе, и въ большихъ уголовныхъ процессахъ оно лишь съ большимъ трудомъ найдетъ свидѣтелей, готовыхъ говорить правду и обвинить виновнаго.

Въ этомъ случаѣ, при необходимости смягчить наказаніе, коррективомъ является опять таки условное освобожденіе. Впрочемъ оно такъ же представляетъ извѣстную долю произвола; однако цѣлая пропасть отдѣляетъ произвольное сокращеніе заранѣе опредѣленнаго срока наказанія и, при условіяхъ надзора и контроля, отъ произвола, который заключается въ удлиненіи на неопредѣленное время наказанія, срокъ котораго не былъ установленъ заранѣе. Условное освобожденіе представляетъ простую мѣру, примѣненіе которой не представляетъ никакихъ затрудненій и удовлетворяетъ всѣхъ. Неопредѣленный приговоръ представляетъ, наоборотъ, мѣру очень сложную, ибо приводитъ въ движеніе очень сложный механизмъ; онъ обязываетъ къ частымъ и послѣдовательнымъ освобожденіямъ, долженъ приспособляться къ самымъ противоположнымъ явленіямъ, такъ какъ при немъ постоянно приходится разрѣшать вопросы о физическомъ, психическомъ и социальномъ положеніи человека. Для этой цѣли потребуются соединенныя усилія медиковъ, психологовъ, филантроповъ, судей и лицъ администраціи. Если правосудіе впадаетъ иногда въ неизбѣжныя ошибки при сужденіи о явленіяхъ явныхъ, осязательныхъ и извѣстныхъ всѣмъ, то

какъ-же ожидать отъ него успѣшнаго дѣйствія при сужденіи о явленіяхъ внутренней жизни, столь деликатныхъ и неопредѣленныхъ? По свидѣтельству извѣстнаго психіатра Гарнье, высказанному имъ на Антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, врачи въ психіатрическихъ заведеніяхъ не осмѣливаются произносить окончательнаго сужденія о томъ, выздоровѣли ли больной и можно-ли выпустить его на волю. Мы нерѣдко сами впадаемъ въ заблужденіе и ошибаемся въ своей оцѣнкѣ, когда дѣло идетъ о вольномъ гражданинѣ, живущемъ при свѣтѣ дня и на глазахъ у всѣхъ, а между тѣмъ мы хотимъ имѣть твердое, основанное на наукѣ, сужденіе о преступникѣ, живущемъ въ тюрьмѣ подъ самымъ строгимъ надзоромъ, каждый шагъ котораго подчиненъ правиламъ, который зависитъ отъ донесенія какого нибудь низшаго служителя администраціи. Знаете ли вы, кто выдаетъ въ этомъ случаѣ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ профессоръ Готье изъ Женевы: тѣ, которыхъ называютъ примѣрными заключенными, т. е. самые худшіе изъ нихъ; эта мѣра будетъ преміей за лицемѣріе, наградой для рецидивистовъ, которые изучили своего надсмотрщика лучше, чѣмъ онъ изучилъ ихъ, потому что надсмотрщикъ выдаетъ свой характеръ легче, чѣмъ опытный рецидивистъ.

Въ этомъ случаѣ повторяется ошибка, столь обычная въ политикѣ, которая заключается въ предположеніи, что послѣ какой либо реформы люди, уполномоченные осуществить ее, становятся совершенными. Какъ извѣстно, съ сотворенія міра люди измѣнились мало; они обогатились знаніями, но не стали лучше; они исполнены обычныхъ недостатковъ, обычныхъ мелкихъ страстей. Искусство законодателя заключается именно въ томъ, чтобы принять мѣры противъ этихъ недостатковъ и страстей, и потому-то я считаю себя вправѣ питать недовѣріе къ мѣрѣ, осуществленіе которой требуетъ цѣлага легіона совершенныхъ людей, начиная съ верховнаго судьи и кончая послѣднимъ служителемъ.

Я думаю, господа, что все можно сдѣлать проще. Необходимо ввести больше дѣйствительной жизни, больше движенія въ эту систему наказаній, которая оставалась неподвижной въ то время какъ все въ мірѣ шагало впередъ; необходимо, чтобы судья обладалъ болѣе высокимъ сознаніемъ своего положенія и, кромѣ того, болѣе общимъ и широкимъ образованіемъ. Послѣднее есть задача высшаго образованія.

Но не забудемъ, что если судья не долженъ оставаться специалистомъ, законникомъ, то онъ не можетъ быть также энциклопедистомъ; что было возможно въ восемнадцатомъ вѣкѣ, невозможно въ девятнадцатомъ, такъ какъ при удивительномъ развитіи науки не всякій специалистъ въ состояніи слѣдить за всѣми вѣтвями своей специальности; но все-же судья можетъ быть человѣкомъ открытаго ума, образованнымъ, знающимъ жизнь и людей, и трудную задачу его можно облегчить, окруживъ его подобными-же лицами.

Мы все еще заключены въ узахъ властной традиціи; нашъ судъ представляетъ симметричное и правильное зданіе, въ которомъ всѣ вѣдомства

располагаются по ярусамъ. Каждый ярусъ заключаетъ особыхъ должностныхъ лицъ въ особыхъ костюмахъ и, взирая на нихъ, мы говоримъ себѣ: все устроено превосходно, все идетъ превосходно. На дѣлѣ же все не такъ хорошо, какъ могло бы быть. Особенно выдается въ глаза крайняя централизація правосудія, при которой судья, не будучи въ состояніи ближе узнать человѣка, ограничивается примѣненіемъ статей уголовного свода.

Необходимо устранить эту централизацію, необходимо увеличить число мѣстныхъ судовъ и положить въ основаніе ихъ общину, представляющую настоящую и органическую судебную единицу.

Мнѣ представляются въ этотъ моментъ англійскіе мировые судьи, этотъ традиціонный англо-саксонскій магистратъ, составляющій живую противоположность имперскому суду, мировые судьи, въ которыхъ заключается сила и величіе Англій; они разсыяны по всей Британской имперіи, они составляютъ живую струну ея жизни, и, благодаря имъ, англійская община носитъ характеръ прочнаго и устойчиваго организма.

Намъ также необходимы настоящіе мѣстные судьи и исправительные общинные трибуналы, но для этой цѣли нѣтъ надобности назначать на эти должности антропологовъ и физиологовъ. Судьи въ случаѣ надобности будутъ прибѣгать къ содѣйствію врача, сознавая, что это во многихъ случаяхъ необходимо. Живя въ средѣ населенія, они будутъ знать его такъ же, какъ мы знаемъ своихъ сосѣдей, что представляетъ громадное преимущество. Подобно намъ, они при ознакомленіи съ людьми будутъ пользоваться не столько научными данными, сколько собственнымъ чувствомъ и здравымъ умомъ.

Правила эти особенно необходимы по отношенію къ дѣтямъ. Суды, заседающіе въ городахъ, не знаютъ дѣтей, для которыхъ необходимъ своего рода семейный, мѣстный судъ, составленный не изъ однихъ только юристовъ, но изъ филантроповъ, врачей и отцовъ семействъ, которые будутъ судить, руководствуясь не отвлеченными принципами права, а собственнымъ сердцемъ и умомъ, преслѣдуя скорѣе цѣли защиты, а не казанія.

Если мы будемъ обладать такими судами, господа, то кончена ли будетъ наша задача? Нѣтъ, и вы сами сознаете это. Вамъ извѣстны наилучшія социальныя мѣры защиты противъ преступленія, мѣры, въ которыхъ общество настоятельно и всегда нуждается. Я намекаю на законодательныя мѣры о дешевыхъ жилищахъ для рабочихъ, которыя хотя и существуютъ у насъ, но нуждаются въ расширеніи, о настойчивыхъ мѣрахъ противъ алкоголизма, этого неизсякаемаго источника преступленія, о страхованіи рабочихъ союзахъ, объ общественной взаимопомощи и о мѣрахъ противъ перенаселенія деревень.

Необходимо также принять какія нибудь общественныя мѣры противъ грязной порнографической литературы, которая приходится по вкусу вырождающимся людямъ и является такимъ образомъ причиною преступности.

Но думаете-ли вы, что исполнивъ все предлагаемое мною, мы одержимъ побѣду надъ преступленіемъ? Нѣтъ, господа. По моему мнѣнію преступленіе можно только локализовать, но человечество не можетъ освободиться отъ преступленій, такъ же какъ оно не освободится отъ нищеты, болѣзни и войны.

Можетъ быть эта мысль вдохновляла Альберта Дюрера, когда на своей знаменитой гравюрѣ онъ изобразилъ науку не въ видѣ гордаго величественнаго и надменнаго генія, но въ образѣ мечтательно-задумчивой богини, которая устремляетъ свой глубоко печальный взоръ въ таинственное будущее, которое развертывается передъ нею, и которое, какъ она знаетъ, навсегда останется непостижимымъ!

Пер. Н. Ильинъ.

Изъ области знаній.

Научныя бесѣды.

Новые опыты въ области метеорологіи.

Солнечная теплота есть, безъ сомнѣнія, первая и главная причина всѣхъ почти физическихъ явленій, совершающихся въ земной атмосферѣ. Поэтому атмосферу можно разсматривать какъ громадную, приводимую въ движеніе тепломъ, машину, очагомъ которой служить солнце, котломъ—поверхность земли или облака, нагрѣваемая солнечнымъ жаромъ, а холодильникомъ—необозримое междупланетное пространство, гдѣ разсѣиваются отраженные отъ поверхности земли лучи. Средства, помощью которыхъ физики и метеорологи изучаютъ различные слои атмосферы, весьма ограничены. Большею частью ученымъ приходится довольствоваться одними наблюденіями, на которыхъ они основываютъ свои дальнѣйшіе выводы. А между тѣмъ наиболѣ замѣчательныя явленія совершаются именно въ верхнихъ недоступныхъ почти слояхъ атмосферы. Тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ изъ этой бесѣды, физики и метеорологи сумѣли при помощи нѣкоторыхъ простыхъ опытовъ подойти весьма близко къ объясненію различныхъ совершающихся на высотѣ явленій. Имъ не только удалось получить во многихъ случаяхъ изображеніе даннаго явленія, но и воспроизвести въ дѣйствительности процессъ, аналогичный совершающемуся въ природѣ.

Для изученія различныхъ слоевъ атмосферы служить прежде всего воздушный шаръ, который позволяетъ метеорологу подняться вмѣстѣ съ необходимыми приборами на любую высоту и проникать, такъ сказать, въ самое сердце атмосферы. Къ сожалѣнію этотъ способъ сопряженъ съ большими расходами, и потому имъ пользуются сравнительно рѣдко. Самыя знаменитыя поднятія на воздушномъ шарѣ были совершены Гей-Люссакомъ (1804 г.), Глешеромъ (1862 г.), а въ недавнее время (1894 г.) докторомъ Берсономъ изъ Штрасфурта, достигшимъ высоты болѣе чѣмъ въ 9000 метровъ.

Въ существенномъ добытые при помощи воздушнаго шара результаты заключаются въ слѣдующемъ:

На высотѣ встрѣчаются нерѣдко облака, составленныя изъ мелкихъ кристалловъ льда; эти облака называются перистыми, они очень рѣдки и плаваютъ на большой высотѣ. Правда въ послѣднее время явились наблюденія, поколебавшія отчасти это установившееся уже было въ наукѣ мнѣніе о природѣ перистыхъ облаковъ. Однако возможность существованія льдистыхъ облаковъ даже на меньшей высотѣ, какъ мы увидимъ ниже, подтверждается многими другими фактами.

Далѣе оказалось, что направленіе вѣтра различно на различныхъ высотахъ, и что температура воздуха не всегда убываетъ правильно по мѣрѣ удаленія отъ поверхности земли, атмосфера состоитъ нерѣдко изъ чередующихся теплыхъ и холодныхъ слоевъ воздуха.

Второй способъ непосредственнаго наблюденія атмосферы на высотѣ это—метеорологическія обсерваторіи на высокихъ и по возможности уединенныхъ вершинахъ. Послѣднее условіе желательно по той причинѣ, что въ этомъ случаѣ обсерваторія будетъ ближе къ условіямъ свободной атмосферы, ибо извѣстно, что поверхность земли оказываетъ свое вліяніе на воздушныя явленія, которыя въ гористой области протекаютъ иначе, чѣмъ на равнинѣ. Потому то и установили наряду съ типами морского и материковаго климата типъ горнаго климата, носящаго свои особенныя черты. Обсерваторіи имѣютъ преимущество передъ воздушными шарами въ томъ отношеніи что позволяютъ дѣлать непрерывныя и продолжительныя наблюденія, которыя при достаточномъ числѣ станцій позволяютъ судить о состояніи атмосферы на высотѣ въ одно и то же время въ различныхъ точкахъ земнаго шара. А какъ извѣстно, сравненіе возможно большаго числа наблюденій есть наилучшій методъ для раскрытія причинъ столь быстро протекающихъ явленій, какими являются, на примѣръ, явленія атмосферныя. Число горныхъ обсерваторій растетъ довольно быстро: такъ въ Европѣ ихъ можно насчитать до десятка; между прочимъ во Франціи имѣются четыре обсерваторіи, расположенныя на слѣдующихъ высотахъ:

Пикъ дю Миди въ Пиренеяхъ на высотѣ	2800 ф.
Монъ-Венту > Провансъ > >	1900 >
Пюи де Домъ > Оверни > >	1900 >
Башня Эйфеля > Парижѣ > >	300 >

Всѣ эти горныя обсерваторіи не достигаютъ высоты, на которой обыкновенно держатся перистыя облака (6000 — 10.000 метровъ), такъ что достигнуть послѣднихъ можно лишь на воздушномъ шарѣ. Къ счастью однако льдистыя облака обнаруживаютъ свою природу въ оптическомъ явленіи, извѣстномъ подъ названіемъ круговъ около луны и солнца, которые представляютъ блестящіе круги радиусомъ въ 22°; внутренній край круга окрашенъ въ красноватый цвѣтъ, наружный имѣетъ слабый голубоватый оттѣнокъ. Явленіе это объясняется подобно многимъ другимъ преломленіемъ лучей въ кристалликахъ льда. Дѣйствительно, кристаллы льда представляютъ шестигранныя призмы, грани которыхъ наклонены другъ къ другу подъ угломъ въ 60°. Мельчайшіе кристаллики облаковъ прелом-

ляютъ лучи по различнымъ направленіямъ, но мы видимъ лишь тѣ изъ нихъ, которые достигаютъ нашего глаза подѣ угломъ въ 22° къ прямой линіи, соединяющей нашъ глазъ съ центромъ луны. Это явленіе удалось воспроизвести на опытѣ. Для этого необходимо получить мелкіе кристаллики въ какой нибудь прозрачной средѣ, напримѣръ, въ водѣ. Если взять насыщенный растворъ обыкновенныхъ квасцовъ и пропустить въ сосудѣ съ растворомъ лучъ свѣта чрезъ небольшое круглое отверстіе, то мы получимъ на опытѣ подобіе земной атмосферы и луны. Если далѣе разбавить растворъ небольшимъ количествомъ чистаго спирта, то квасцы, не растворяющіеся въ смѣси воды и спирта, тотчасъ же осаждаются въ водѣ мельчайшихъ кристалликовъ, и жидкость отъ присутствія ихъ мутнѣетъ. Эта муть соотвѣтствуетъ въ природѣ облакамъ.

Наблюдая затѣмъ пропущенный лучъ, мы увидимъ изображеніе отверстія въ видѣ кружка сначала неяснымъ, какимъ представляется солнце въ облачный день, но вскорѣ — по мѣрѣ формировавія кристалликовъ — изображеніе рѣзко обрисовывается, и вокругъ кружка виденъ блестящій кругъ, слабо окрашенный въ цвѣта радуги такъ же, какъ природный кругъ вокругъ луны. Опытъ этотъ весьма эффектенъ и нагляденъ.

На сосѣднихъ, но все же отдаленныхъ другъ отъ друга горныхъ обсерваторіяхъ, напримѣръ Пюи де Домъ и Клермонъ, нерѣдко наблюдали теплыя теченія на высотѣ. Последовательной смѣной ихъ Амслеръ объясняетъ загадочное явленіе «пламеннія Альпъ». Явленіе заключается въ томъ, что снѣжныя вершины горъ послѣ заката солнца загораются вторично розовымъ огнемъ. Среди окружающей темноты явленіе это, говорятъ, необычайно красиво. Какъ извѣстно свѣтовой лучъ, проходя черезъ какую либо прозрачную среду, отклоняется отъ своего первоначальнаго пути или преломляется; степень преломленія зависитъ, между прочимъ, отъ природы вещества. Воздухъ, окружающій землю, конечно, также преломляетъ всѣ лучи, падающіе изъ небснаго пространства подѣ какимъ либо угломъ на землю. Поэтому изображенія свѣтящихся небсныхъ тѣлъ мы видимъ не на ихъ настоящемъ мѣстѣ, а нѣсколько въ сторонѣ. Степень смѣщенія ихъ изображенія зависитъ конечно отъ среды, т. е. отъ воздуха; но такъ какъ воздухъ можетъ быть различной температуры, а слѣд., и плотности, то конечно теплые и холодные слои его преломляютъ свѣтъ какъ два различныхъ вещества, т. е., неодинаково. Представимъ теперь себѣ Альпійскую долину, расположенную между двумя гребнями горъ; за однимъ изъ нихъ на закатѣ скрывается солнце. Пока нагрѣтая поверхность земли поддерживаетъ высокую температуру нижнихъ слоевъ воздуха, зритель будетъ видѣть солнце смѣщеннымъ надъ горизонтомъ въ верхъ т. е. выше, чѣмъ оно въ дѣйствительности, такъ какъ теплый воздухъ преломляетъ лучи слабѣе, вслѣдствіе чего путь ихъ будетъ представлять *выгнутую* по отношенію къ землѣ линію. Но по мѣрѣ охлажденія поверхности земли отъ вечерняго и ночнаго лучеиспусканія, холодный воздухъ будетъ стекать на дно долины, и расположеніе воздушныхъ слоевъ въ отношеніи

плотности будетъ обратное. Нижніе слои будутъ преломлять уже не слабѣе, а сильнѣе, и путь луча представляетъ *выпуклую* линію. Въ это время наблюдатель, стоящій на склонѣ противоположнаго гребня, можетъ снова увидѣть солнце, хотя прямая линія, соединяющая его глазъ съ этимъ свѣтиломъ, встрѣчаетъ на своемъ пути западный гребень — долины. Выпуклые лучи подобно аркѣ перекидываются черезъ этотъ гребень и позволяютъ видѣть то, что при иныхъ условіяхъ атмосферы уже невидимо. При извѣстномъ благопріятномъ расположеніи долины и при указанномъ состояніи атмосферы на вершинахъ восточнаго гребня появляется послѣ заката солнца пламенное сіяніе. Повторить это явленіе на опытѣ весьма не трудно. Для этого берутъ прозрачный сосудъ продолговатой четырехугольной формы и наполняютъ его тремя жидкостями различной плотности такимъ образомъ, чтобы образовалось три слоя: самый плотный или преломляющій сильнѣе внизу, самый легкій наверху. Верхній слой представляетъ смѣсь глицерина ($\frac{1}{3}$) и воды ($\frac{2}{3}$), слѣдующій слой составленъ изъ той же смѣси, но въ иной пропорціи (глицерина $\frac{2}{3}$, воды $\frac{1}{3}$); нижній слой представляетъ смѣсь воднаго раствора хлористаго цинка ($\frac{1}{3}$) и воды ($\frac{2}{3}$).

Растворъ хлористаго цинка плотнѣе, но преломляетъ свѣтъ слабѣе, чѣмъ болѣе легкій растворъ глицерина. Если поставить передъ стѣнкой сосуда экранъ съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ и пропустить черезъ послѣднее отраженный отъ зеркала лучъ, то вслѣдствіе слабой флуоресценціи жидкости, можно ясно видѣть сбоку ходъ лучей: въ нижней слабо преломляющей средѣ направленіе ихъ будетъ представлять вогнутую линію; въ верхнихъ слояхъ ходъ лучей представляетъ выпуклую линію.

Мы могли бы указать еще одно явленіе, которое обязано своимъ происхожденіемъ измѣнчивому состоянію атмосферы, именно мерцаніе звѣздъ, но вслѣдствіе сложности прибора ограничимся лишь замѣчаніемъ, что явленіе это происходитъ вслѣдствіе того, что лучи отъ звѣзды проходятъ чрезъ движущіеся слои воздуха различной плотности и температуры.

Выше мы рассмотрѣли явленія, происходящія при спокойномъ состояніи атмосферы (т. е. относительно спокойномъ) или при равновѣсіи ея. Но большинство ихъ является какъ результатъ движенія атмосферы и имѣетъ не *статическій*, а *динамическій* характеръ. Главной причиною движенія атмосферы является нагрѣвающая сила солнца съ одной стороны, а съ другой — ночное охлажденіе поверхности земли, происходящія вслѣдствіе лучеиспусканія полученной отъ солнца въ теченіи дня теплоты въ міровое пространство. Эти динамическія явленія могутъ проявляться въ формѣ *механической энергии*: вѣтеръ, вихрь, циклонъ, смерчъ; въ формѣ *тепловой энергии*, проявляющейся въ образованіи облаковъ, дожда, града; наконецъ, въ формѣ *электрической энергии*: громъ, молнія и прочіе. Главное значеніе принадлежитъ, конечно, механической энергіи, порождаемой солнечной теплотой; оно производитъ всѣ остальные. Поэтому мы рассмотримъ пока его одно. Наиболѣе простое механическое явленіе это

вѣтеръ. Онъ происходитъ вслѣдствіе различія атмосфернаго давленія въ двухъ болѣе или менѣе отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ или точкахъ. Со времени Паскаля мы привыкли измѣрять давленіе воздуха барометромъ. Читатель могъ бы подумать, что направленіе вѣтра опредѣляется просто показаніями барометра, т. е. что онъ дуетъ изъ мѣста, гдѣ барометръ стоитъ высоко, въ мѣсто, гдѣ барометръ стоитъ ниже. Однако это едва ли когда наблюдается.

Дѣйствительное направленіе вѣтра всегда болѣе или менѣе разнится отъ направленія требуемаго по теоріи указаніями барометра, и Ле Верье первый показалъ, что отклоненіе вѣтра представляетъ свою законность. Именно направленіе вѣтра отклоняется въ области низкаго давленія (или, какъ говорятъ, *минимума*) въ сторону *противную* движенію часовой стрѣлки; т. е. вѣтеръ дуетъ всегда по направленію влѣво отъ направленія линіи соединяющей точки низкаго и высокаго давленія; въ области высокаго давленія (или *максимума*) отклоненіе совершается въ обратную сторону, т. е., по движенію часовой стрѣлки или вправо отъ указанной выше линіи. Но явленіе происходитъ такимъ образомъ лишь въ сѣверномъ полушаріи земли; въ южномъ законность обратная, т. е. вѣтеръ отклоняется *вправо* въ области низкаго давленія, и *влево* въ области высокаго давленія. Въ результатъ движеніе вѣтра приобретаетъ круговой характеръ, вслѣдствіе чего система вѣтровъ, вращающихся около центра низкаго давленія, получила названіе *циклона*, система высокаго давленія— *антициклона*. Круговое движеніе вѣтра въ меньшихъ размѣрахъ наблюдалось неоднократно. Вѣроятно, всякій видѣлъ крутящуюся по дорогѣ пыль или сухіе листья; пыль и листья движутся конечно не сами, а уносятся вѣтромъ, слѣд. въ этомъ случаѣ воздухъ крутится около нѣкоторой средней оси. На морѣ подобные вихри производятъ смерчи.

Въ Америкѣ страшные вихри, длящиеся какихъ нибудь одну двѣ минуты, получили названіе торнадо. Эти круговыя движенія атмосферы наблюдались первоначально лишь при особыхъ условіяхъ, напримѣръ во время бурь; но по мѣрѣ дальнѣйшаго наблюденія атмосферы обнаружилось, что круговыя движенія присущи всякому перемѣщенію воздуха, вслѣдствіе чего теперь полагаютъ, что они нормальны, и что при всякомъ нарушеніи равновѣсія воздухъ стремится къ покою этимъ путемъ.

Общія причины, влияющія на движеніе атмосферы, сами почти всѣ представляютъ круговыя движенія. Прежде всего укажемъ на вращеніе земнаго шара, который въ своемъ движеніи конечно увлекаетъ съ собою атмосферу. Само собою понятно, что скорость вращенія частицы воздуха близь поверхности земли и на высотѣ, близь полюса и подъ экваторомъ, не одинакова, ибо въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ частица описываетъ въ сутки большій кругъ. Поэтому всякое перемѣщеніе воздуха по высотѣ или по широтѣ подпадаетъ вліянію вращенія земли, которое сказывается въ измѣненіи направленія и въ измѣненіи скорости. Другой причиною является солнечная теплота, нагрѣвающая поверхность земли. Такъ какъ послѣдняя весьма разно-

образна и представляет то пустыню, то степь, лѣсъ, горы, озеро, море, то понятно, степень нагрѣванія бываетъ различна; въ жаркое время года и въ полуденные часы воздухъ нагрѣвается очень сильно и теряетъ свое равновѣсіе, такъ какъ нижніе слои его становятся теплѣе и легче верхнихъ; вслѣдствіе этого возникаютъ восходящіе токи воздуха, которые поднимаются вращаясь подобно столбу дыма. Разъ подобный токъ установился, произведшія его причины продолжаютъ дѣйствовать далѣе, и движеніе еще усиливается. При этомъ наряду съ токами въ формѣ слабыхъ вихрей, гдѣ частицы движутся по восходящей спирали, происходятъ токи, въ которыхъ частицы двигаются около горизонтальной оси. Американскій метеорологъ Франкъ Вери наблюдалъ подобное вращеніе при бурѣ съ градомъ, пронесшейся надъ Петербургомъ 20 мая 1893 г. Наблюденіе это позволило ему построить весьма любопытную теорію происхожденія града.

Дѣйствительно, при подобномъ движеніи атмосферы, воздухъ, низвергаясь съ высоты, захватываетъ и увлекаетъ нижніе обильные паромъ слои, увлекаетъ ихъ на высоту, снова падаетъ далѣе, опять поднимается и т. д., такъ что частица его повторяетъ движеніе, которое мы можемъ наблюдать на песчинкѣ, прилипшей къ колесу двигающейся тележки. При всякомъ поднятіи пары сгущаются, образуя кристаллы льда; попадая внизъ, въ влажные слои, они такъ, но въ то же время сгущаютъ на своей поверхности пары, которые замерзаютъ, какъ скоро формирующаяся градина снова увлекается на высоту. Наконецъ, когда вѣсъ ея превышаетъ подъемную силу вѣтра, она падаетъ на землю. Эта гипотеза объясняетъ довольно удовлетворительно всѣ явленія, сопровождающія градъ: слоистое строеніе градинъ, которыя, какъ читатель вѣроятно наблюдалъ неоднократно, состоятъ обыкновенно изъ поперебѣнныхъ концентрическихъ слоевъ темнаго сплошнаго и прозрачнаго льда и бѣлаго пузырчататаго льда или снѣга; далѣе, низкую температуру градинъ, особый звукъ, который слышится передъ градомъ, и электрическія явленія.

Опыты съ круговымъ движеніемъ воздуха привели къ необычайно интереснымъ и неожиданнымъ явленіямъ. Обычные законы механики, дѣйствіе которыхъ мы наблюдаемъ вокругъ себя ежедневно, какъ бы теряютъ свою силу при циклональномъ движеніи воздуха или же превращаются въ обратные. Мы не должны удивляться этому. Механическіе законы мы свели къ самымъ простымъ элементамъ: къ матеріальной точкѣ, непрерывно дѣйствующей силѣ и къ прямолинейному движенію; благодаря такому упрощенію мы въ состояніи представлять себѣ самыя простыя формы движенія, какъ напр. качаніе маятника, вращеніе колеса и т. п. Но лишь только движущееся тѣло имѣетъ сколько нибудь сложную форму, какъ мы уже съ трудомъ или вовсе не въ состояніи представить себѣ путь, описываемый имъ при одновременномъ поступательномъ движеніи и вращеніи; если добавить къ тому сопротивленіе среды, то мы окончательно неспособны представить себѣ вѣроятный результатъ движенія. Что касается движенія жидкости, то оно столь трудно для нашего пониманія, что мы не въ состояніи

предсказать, какой вид примет поверхность ея при томъ или иномъ движеніи и потому безсознательно удивляемся всякому движенію ея при каждомъ толчкѣ сосуда. Тѣмъ труднѣе представить себѣ движеніе атмосферы, масса которой, несмотря на малый вѣсъ воздуха (1.300 гр.—куб. м.), громадна; если энергія, приводящая атмосферу въ движеніе, громадна, то не менѣе громадна кочность ея и сопротивленіе, которое она встрѣчаетъ на своемъ пути въ видѣ тренія о неровную земную поверхность.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытны опыты Цейера.

Сфера, состоящая изъ десяти сплюснутыхъ въ меридіональной плоскости, ободовъ, приводится въ быстрое вращеніе. Плоскость каждаго обода дѣйствуетъ на окружающій воздухъ подобно лопасти переходнаго колеса. Поэтому въ плоскости экватора воздухъ движется въ видѣ множества вихрей, оси которыхъ расположены параллельно оси сферы. Вслѣдствіе этого воздухъ не только не отталкивается отъ сферы, но, наоборотъ, всасывается въ нее, и въ этомъ не трудно убѣдиться по дыму или по кусочкамъ бумаги, брошеннымъ въ этотъ круговоротъ. Дымъ или бумажные обрывки держатся неподвижно вокругъ сферы, напоминая намъ кольца, окружающія планету Сатурнъ; по колебаніямъ ихъ видно, что удалиться отъ сферы имъ не позволяетъ именно отталкивательная сила, проявляющаяся въ плоскости экватора.

Изъ этого можно было бы заключить, что вращающаяся сфера въ состояніи произвести лишь отталкиваніе въ плоскости экватора; однако сложность этого вихревого движенія опрокидываетъ всякія предположенія. Если къ сферѣ приблизить легкій маленькій воздушный шаръ, онъ немедленно притягивается и начинаетъ быстро вращаться *круломъ* сферы, оставаясь въ плоскости экватора; если ввести второй, третій и т. д. шаръ, то они увлекаются тѣмъ же движеніемъ и образуютъ нѣчто вродѣ спутниковъ этого своеобразнаго подобія планетной системы. Это парадоксальное превращеніе отталкиванія въ притяженіе объясняется тѣмъ, что на поверхность движущагося тѣла оказываютъ большое дѣйствіе крутящія силы образовавшагося вихря. Если подъ сферой помѣстить чанъ съ горячей водой, то при спокойномъ состояніи атмосферы въ комнатѣ будетъ видно, какъ пары притягиваются отъ поверхности воды къ сферѣ. Это наблюденіе побудило измѣнить условія опыта: вмѣсто сферы поставили маленькую мельницу (попросту колесо съ четырьмя лопастями), а внизу, на разстояніи трехъ метровъ плоскій сосудъ съ водой діаметромъ въ четыре метра. При скорости обращенія колеса, достигавшемъ 400—500 оборотовъ въ минуту, воздухъ между мельницей и водой приходилъ въ быстрое крутящееся движеніе и всасывалъ понемногу въ себя воду съ поверхности резервуара, образуя водоворотъ и крутящійся конусъ воды высотой въ нѣсколько сантиметровъ.

Надъ конусомъ собирается множество капель, которыя падаютъ обратно въ резервуаръ, описавъ къ воздуху путь въ видѣ спирали. Это протяженіе на разстояніи представляетъ еще болѣе поразительное зрѣлище, если

вода въ резервуарѣ нагрѣта: тогда пары, увлекаемые токомъ воздуха, образуютъ полую трубку, осевая полая часть которой выдѣляется на бѣломъ фонѣ своимъ темнымъ цвѣтомъ и правильной формой.

Этотъ же опытъ, повторенный въ иной формѣ *), разъяснилъ природу водяныхъ смерчей. Прежде предполагали, что въ смерчѣ вода въ видѣ брызгъ подымается вверхъ; другіе думали, что, наоборотъ, пары облаковъ спускаются внизъ. Въ дѣйствительности оказалось, что поднятыя въ смерчѣ на воздухъ массы воды, брызговъ и пара подымаются по спирали вверхъ и по обратной спирали возвращаются опять внизъ, чтобы немедленно снова подняться на воздухъ. Вода и пары образуютъ вѣшнюю и безопасную часть смерча, между тѣмъ какъ внутренняя и невидимая полость его представляетъ крутящуюся со страшной разрушительной силой колонну воздуха.

Какъ мы уже говорили выше, разрушительные вихри стояли въ наукѣ совершенно особнякомъ, пока не было установлено, что всѣ движенія атмосферы, вся система вѣтровъ, представляетъ не болѣе какъ громадныя вихри, распространяющіеся на обширныя пространства, но плоскіе, ибо они не заходятъ высоко въ атмосферу. Эти системы вихрей получили названіе циклоновъ и антициклоновъ по имени разрушительныхъ урагановъ тропическихъ странъ. Поперечникъ такой системы можетъ простирается болѣе, чѣмъ на 1.000 километровъ, между тѣмъ какъ въ высоту она простирается никакъ не болѣе, чѣмъ на 10 километровъ или 10.000 метровъ. Не будемъ описывать этихъ явленій **), укажемъ лишь опыты, съ помощью которыхъ ихъ удастся воспроизвести въ маломъ размѣрѣ.

Плоскій дискъ размѣрами въ 1 метръ въ поперечникъ съ лопастями на нижней поверхности помѣщается надъ столомъ, поверхность котораго утыкана булавками съ прикрѣпленными къ ихъ головкамъ шерстинками длиною въ нѣсколько сантиметровъ.

Дискъ вращается подъ оконечностью крана длиной въ 2 метра, помощью котораго его можно перемѣщать въ горизонтальной плоскости надъ столомъ. Сверхъ того въ срединѣ стола сдѣлано небольшое отверстіе, которое сообщается помощью каучуковой трубки съ весьма чувствительнымъ барометромъ. Расположивъ дискъ ближе къ одному краю стола, мы приводимъ его въ быстрое вращеніе и немедленно замѣчаемъ, что шерстинки нашихъ маленькихъ флаговъ вытягиваются, указывая тѣмъ направленіе вѣтра. Флаги, расположенные въ центрѣ производимаго вихря, остаются на столѣ неподвижными съ концами, обращенными другъ къ другу. Они прекрасно иллюстрируютъ центральную область затишья. Окружающіе эту область флаги располагаются въ видѣ круга, шерстинки ихъ направлены по окружности, но обращены слегка къ центру и вверхъ, указывая этимъ на восходящее

*) Nature, Thursday, April 23, 1896, p. 590, 591.

**) Читатель найдетъ объясненіе ихъ въ любой метеорологіи (напр. Лачинова), а также въ приложеніи къ соч. Реклю Земля часть V. Атмосфера подѣ словами *циклонъ* и *антициклонъ*.

центростремительное движение воздуха. Въ слѣдующей концентрической полосѣ шерстинки флаговъ также располагаются по окружности, но кончики ихъ вовсе или лишь слабо обнаруживаютъ центростремительное и восходящее движение воздушнаго тока. Наконецъ, слѣдующія полосы, по мѣрѣ удаленія отъ центра, указываютъ все сильнѣе на нисходящее центробѣжное теченіе воздуха, который со всѣхъ сторонъ спускается и вытекаетъ изъ средней области вихря.

Если съ помощью крана мы будемъ перемѣщать нашъ циклонъ надъ столомъ, то убѣдимся, что вся система вѣтровъ правильно слѣдуетъ за движеніемъ циклона, что особенно ясно замѣтно по центральной области затишья.* Лишь только центръ циклона надвигается на новое мѣсто, какъ вытянутыя по вѣтру шерстинки немедленно опускаются неподвижно на столъ. Флаги, которые прежде были обращены въ одну сторону, сразу обращаются въ противоположную сторону и позволяютъ наблюдать внезапную перемѣну въ направленіи вѣтра, которая такъ поражаетъ моряковъ, когда центръ бури проносится надъ ихъ кораблемъ. Кромѣ того съ помощью указанной выше трубки и барометра возможно установить различія воздушнаго давленія въ разныхъ областяхъ циклона.

Барометръ падаетъ все ниже и ниже по мѣрѣ приближенія центра циклона къ отверстию трубки. Она стоитъ ниже всего какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ центръ проходитъ надъ отверстиемъ, а затѣмъ постепенно подымается снова.

Точно также чувствительный термометръ, помѣщенный въ центрѣ, указываетъ на повышеніе температуры въ центрѣ циклона.

Такимъ образомъ мы видимъ, что циклонъ представляетъ собою вихрь, въ которомъ воздухъ поднимается въ средней части на верхъ съ тѣмъ, чтобы, вытекая на верхъ къ краямъ, снова направиться по низу, по спиральной линіи къ центру. Такъ какъ около центра вихрь крутится съ наибольшей силой, то здѣсь и наблюдается наиболѣе сильный вѣтеръ и наиболѣе правильное направленіе его, между тѣмъ какъ въ самомъ центрѣ воздухъ спокоенъ и почти неподвиженъ. Дѣйствительно, моряки, попавшіе въ центръ бури, видятъ надъ собою чрезъ громадное отверстіе въ облакахъ ясное небо, солнце и звѣзды, въ то время какъ кругомъ ихъ въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ свирѣпствуетъ страшный ураганъ, который чрезъ нѣсколько времени надвигается на судно. Не нужно смѣшивать быстрое вращеніе воздуха въ циклонѣ съ поступательнымъ движеніемъ самого циклона. Сила вѣтра въ ураганѣ необычайно велика, между тѣмъ какъ самъ циклонъ подвигается впередъ иногда настолько медленно, что судно успѣваетъ уклониться отъ самой опасной области его.

Такимъ образомъ циклонъ-ураганъ представляетъ въ сущности громадныхъ размѣровъ смерчъ. Смерчи несравненно большихъ размѣровъ постоянно проносятся надъ сушей и водой. Они не сопровождаются разрушительными послѣдствіями тропическихъ урагановъ, а составляютъ нормальное явленіе среднихъ широтъ, обуславливающее ходъ и перемѣну погоды. Напр.

вся Европа лежит на пути подобныхъ циклоновъ, рождающихся и проходящихъ къ намъ большею частью со стороны Атлантическаго океана. Если читатель потрудится рассмотретьъ внимательно въ теченіе нѣсколькихъ дней метеорологическія карточки, печатающіяся при нѣкоторыхъ газетахъ, напр. въ «Новомъ Времени», то онъ безъ труда научится отличать области низкаго давленія или циклоны, ограниченные обыкновенно въ центрѣ пунктирною линіей съ давленіемъ барометра въ 745, 750, 755 миллиметровъ. Во всѣ стороны отъ этой области давленіе растетъ, если по сосѣдству не проходитъ другой циклонъ. Не трудно замѣтить, что направленіе вѣтра обращено въ сосѣдствѣ центра въ сторону, противоположную движенію часовой стрѣлки, а по температурѣ и облачности (значки объяснены на картѣ) можно предположить въ общихъ чертахъ, какую погоду принесетъ съ собою вѣтеръ, направляющійся изъ той или иной области циклона.

Обращаясь къ описаннымъ выше опытамъ, мы видимъ, что, хотя размеры ихъ весьма незначительны по сравненію съ явленіями, совершающимися въ природѣ, тѣмъ не менѣе эти опыты вѣрно воспроизводятъ передъ нами всѣ частности великихъ атмосферныхъ явленій. Несомнѣнно метеорологія сдѣлаетъ быстрый шагъ впередъ, какъ скоро получитъ возможность пользоваться на ряду съ наблюденіями опытомъ. Вѣдь извѣстно, что въ наукѣ о природѣ активный опытъ представляетъ несомнѣнно болѣе могучее орудіе, чѣмъ пассивное наблюденіе.

Н. Каспійскій.

Изъ жизни и литературы на Западѣ.

Бичеръ Стоу.—Жюль Симонъ.—Эдмонъ Гонкуръ.—Робертъ Вернсъ.

Смерть американской писательницы Гарриетъ Бичеръ-Стоу вызвала конечно благодарныя воспоминанія во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ. Кто не помнитъ слезъ, которыя проливалъ въ дѣтствѣ надъ «Хижиною дяди Тома» — произведеніемъ, сыгравшимъ огромную роль въ исторіи культуры нашего вѣка. Врядъ-ли существуетъ другая книга, пользующаяся такою громадною популярностью во всемъ читающемъ мѣрѣ и такъ много повліявшая на воспитаніе молодыхъ поколѣній. Въ художественномъ отношеніи «Хижина дяди Тома» далеко уступаетъ многимъ произведеніямъ, не только всемірной литературы, но и современной ему американской литературы, но тѣмъ не менѣе теплота и искренность, съ которою написана эта книга, искупаютъ всѣ другіе ея недостатки. Своевременность же ея появленія конечно лучше всего выразилась въ томъ, что въ первый же годъ (въ 1852) книга эта разошлась въ количествѣ 350,000 экземпляровъ, выдержала 35 изданій въ Англіи и была тотчасъ же переведена на 20 иностранныхъ языковъ. Появленіе этого романа совпало и у насъ въ Россіи съ великою эпохой освобожденія крестьянъ, и поэтому понятно, что горячая проповѣдь американской писательницы въ пользу уничтоженія рабства негровъ нашла въ Россіи также сочувственный откликъ.

Гарриетъ Бичеръ-Стоу была дочерью одного извѣстнаго американскаго богослова, прославившагося своими проповѣдями. Мать ея также подвизалась на литературномъ поприщѣ и написала нѣсколько повѣстей и разсказовъ изъ американской жизни и исторіи. До своего замужества Гарриетъ занималась въ школѣ своей сестры и затѣмъ, выйдя замужъ за бывшаго профессора богословія, оставила педагогическую дѣятельность и занялась литературой. Она выступила сразу горячей заступницей высшаго женскаго образованія и уничтоженія рабства. Наравнѣ со своимъ братомъ и мужемъ она принимала самое горячее участіе въ аболиціонистскомъ движеніи, но до появленія ея романа «Хижина дяди Тома» имя ея было почти неизвѣстно въ литературѣ. Не выдаваясь надъ уровнемъ посредственности, произведенія ея не могли привлечь къ себѣ вниманіе публики. Но вотъ въ фельетонахъ одной

незначительной вашингтонской газетки «The National Era» началъ печататься романъ «Хижина дяди Тома». Печатаніе его продолжалось почти годъ (съ іюня 1851 года по апрѣль 1852) и за это время онъ успѣлъ завоевать всѣ симпатіи публики и сдѣлать имя писательницы самымъ популярнымъ въ Америкѣ. По истинѣ «habent sua fata libelli!» Романъ этотъ, несмотря на свои весьма незначительныя художественныя достоинства, разошелся по своему выходѣ отдѣльнымъ изданіемъ въ 100,000 экземпляровъ въ нѣсколько дней. Вотъ что значить, что писательница затронула въ немъ жгучій назрѣвшій вопросъ американской жизни. Аболиціонистское движеніе тогда было въ самомъ разгарѣ и захватило уже всѣ слои американскаго общества. Но до разрѣшенія его было еще далеко. Господствующая система казалась столь прочно установленной и такъ вошедшей въ строй государственной жизни и въ нравы государства, что всѣ были невольно поражены необыкновенно смѣлымъ проповѣдническимъ воззваніемъ американской писательницы, показавшей обществу ужасныя язвы этой системы и возвысившей свой голосъ въ защиту несчастныхъ рабовъ, которымъ общество и законъ отказывали во всѣхъ правахъ человѣка. Романъ Бичеръ Стоу, благодаря своей искренности и горячности, произвелъ почти потрясающее впечатлѣніе. Разумѣется, на Бичеръ Стоу посыпались проклятія и нападки со стороны рабовладельцевъ. Какую ожесточенную полемику вызвалъ ея романъ, указывается лучше всего сохраняющимся въ библіотекѣ Британскаго музея безконечно длиннымъ спискомъ брошюръ, памфлетовъ, статей за и противъ Бичеръ Стоу, появившихся въ сравнительно короткій промежутокъ времени въ американской журналистикѣ.

Въ Европѣ «Хижина дяди Тома» также приобрѣла огромную популярность, благодаря тому, что цивилизованныя европейскія государства были также очень заинтересованы аболиціонистскимъ движеніемъ. Кромѣ того всездѣ вопросъ о правахъ человѣческой личности—былъ болѣе или менѣе жгучимъ вопросомъ. У насъ въ Россіи романъ этотъ появился въ 1857 г. и тоже произвелъ сильное впечатлѣніе, благодаря тому, какъ мы указали выше, что онъ совпалъ съ великою эпохою, когда все общество было охвачено ожиданіемъ великой реформы.

Въ отвѣтъ на сыпавшіяся на нее нападки и обвиненія со стороны рабовладельцевъ, Бичеръ Стоу напечатала «Ключъ къ хижинѣ дяди Тома», (Key to Uncle's Tom Cabin), доказывая, что сюжетъ романа взятъ изъ жизни до мельчайшихъ подробностей и что герой романа дядя Томъ—живое лицо. Дѣйствительно, какъ оказалось, это былъ освобожденный негръ, по фамиліи Генсонъ. Генсонъ дожилъ до глубокой старости, не смотря на то, что ему пришлось вынести нѣкогда жестокое обращеніе, и умеръ въ 1883 году на 94-мъ году жизни.

Значеніе, которое имѣлъ романъ Бичеръ Стоу въ американской жизни и нравственное вліяніе его не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ даетъ право его автору стоять на ряду съ великими борцами за освобожденіе человѣчества. Во всякомъ случаѣ польза, которую онъ принесъ, несомнѣнна

и искупаетъ прискорбную ошибку автора, вызвавшего въ 1869 году всеобщее негодованіе своими разоблаченіями интимной жизни Байрона. Бичеръ Стоу напечатала въ одномъ американскомъ журналѣ статью «Истинная исторія жизни леди Байронъ», въ которой взводила на Байрона самыя ужасныя обвиненія въ безнравственности, выставяя его жену жертвой его крайней испорченности. Это неумѣстное заступничество Бичеръ Стоу объясняется влияніемъ той пуританской среды, въ которой она прожила всю свою жизнь и ея страстною приверженностью къ истинѣ или къ тому, что она вообще принимала за истину. Въ данномъ случаѣ она горячо была убѣждена въ безнравственности поэта и, считая его жену несправедливо обиженной, выступила въ ея защиту. На это указываетъ и самое названіе второй статьи, написанной по этому поводу: «Отомщенная леди Байронъ» (*Lady Byron vindicated*). Но во всякомъ случаѣ для репутаціи Бичеръ Стоу было бы лучше, если бы она не подымала всей этой исторіи и не пускалась въ грозныя разоблаченія, и мы можемъ только пожалѣть объ этомъ эпизодѣ, бросающемъ нѣкоторую тѣнь на ея славное имя.

Франція въ короткій промежутокъ времени лишилась двухъ выдающихся людей: Жюль Симона и Эдмона Гонкура. Членъ французской академіи, Жюль Симонъ умеръ 8-го іюня н. ст. на 82-мъ году жизни. Онъ давно уже былъ боленъ, и поэтому смерть его не была неожиданностью, но тѣмъ не менѣе, до послѣдняго времени имя его появлялось на страницахъ періодическихъ журналовъ и онъ отзывался на всѣ современные вопросы, волнующіе европейское общественное мнѣніе. Такъ, еще въ нынѣшнемъ году онъ печаталъ статьи въ пользу мира и третейскаго суда въ международныхъ вопросахъ. Жюль Симонъ былъ талантливымъ ораторомъ и публицистомъ, но во всемъ и всегда обнаруживалъ нѣсколько буржуазный либерализмъ и поэтому его дѣятельность какъ государственнаго человѣка и политика не принесли особенной пользы странѣ. На дѣлѣ онъ всегда противорѣчилъ тѣмъ идеямъ, которыя самъ же проповѣдывалъ въ своихъ статьяхъ, и сдѣлавшись, министромъ президентомъ при Макъ-Магонѣ, пробавлялся самыми мелочными либеральными реформами, не сдѣлавъ ничего важнаго для народа. Это удивительное противорѣчіе на практикѣ идеямъ, проповѣдуемымъ въ теоріи, проходитъ красною нитью черезъ всю жизнь Жюль Симона. Напримѣръ, онъ оказался яркимъ противникомъ политической амнистіи, хотя горячо проповѣдывалъ отмѣну смертной казни; онъ всегда ратовалъ за улучшеніе доли рабочихъ классовъ и, между тѣмъ, на пресловутой берлинской рабочей конференціи онъ опять таки возставалъ противъ сокращенія рабочаго дня. Такимъ же противорѣчіемъ слова и дѣла объясняется его противодѣйствіе въ сенатѣ закону Ферри о свободной первоначальной школѣ, несмотря на то, что онъ, Жюль Симонъ, всегда горячо проповѣдывалъ необходимость народнаго образованія. Однако, Жюль Симонъ вовсе не преслѣдовалъ корыстныхъ цѣлей, поступая подобнымъ образомъ. Онъ просто на просто былъ добронамѣреннымъ умѣренно-либеральнымъ буржуа, искренно восхищавшимся высокими идеалами, но не былъ героемъ, готовымъ принести въ жертву свою жизнь за эти идеалы

Поэтому онъ гораздо болѣе имѣлъ значенія какъ проповѣдникъ прекрасныхъ истинъ и возвышенныхъ стремленій, нежели какъ общественный дѣятель, ибо въ этой дѣятельности выступали наружу болѣе или менѣе мелочныя черты его характера, какъ напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда онъ старался мѣшать Гамбеттѣ, противодействуя его патриотической дѣятельности, потому что Гамбетта не пользовался его симпатіями. Единственный его геройскій поступокъ—это публичный протестъ съ кафедръ Сорбонны противъ декабрьскаго переворота и отказъ отъ присяги второй Имперіи. За это Жюль Симонъ поплатился своею кафедрой. Однако, впоследствии онъ воздерживался всетаки отъ слишкомъ рѣзкой критики наполеоновскаго режима и ограничился лишь проповѣдью реформъ, направленныхъ къ улучшенію рабочаго класса и ко введенію свободы торговли.

Жюль Симонъ родился въ бѣдной бретонской семьѣ, мать его была бретонка, а отецъ еврей. Настоящая его фамилія была Скюзъ, но онъ перемѣнилъ ее по совѣтамъ знаменитаго философа Виктора Кузена, который былъ учителемъ въ парижской Ecole Normale. Сначала Жюль Симонъ хотѣлъ посвятить себя исключительно педагогической карьерѣ и занялъ кафедру философіи въ Ecole Normale и въ Сорбоннѣ, но затѣмъ въ 1848 году былъ вовлеченъ въ круговоротъ политической жизни, сдѣлавшись членомъ учредительнаго собранія. Однако, и тутъ онъ выказалъ себя такимъ же умѣренно-либеральнымъ, какимъ оставался всю свою жизнь; онъ какъ и всегда поддерживалъ во всемъ буржуазію. Когда послѣ декабрьскаго переворота его курсы въ Сорбоннѣ были закрыты, то онъ отправился въ Бельгію и тамъ читалъ лекціи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Тамъ же онъ написалъ свои знаменитыя книги: «О долгѣ, свободѣ совѣсти и свободѣ, О смертной казни и выступилъ горячимъ защитникомъ интересовъ рабочихъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи: «Трудъ», «Работница» и «Восьмилѣтній работникъ». Эти книги стяжали ему всемірную извѣстность и названіе друга народа. Но когда впоследствии представилась Жюлю Симону возможность выказать себя на дѣлѣ такимъ другомъ народа, то онъ оказался не на высотѣ своей задачи и поэтому никогда не пользовался популярностью среди народа. Народъ имѣлъ о немъ свое собственное мнѣніе, какъ выразилась одна изъ французскихъ газетъ по поводу его смерти, и поэтому-то народъ остался безучастенъ къ его смерти и не пошелъ провожать его прахъ до могилы.

Въ лицѣ Жюля Симона Франція всетаки потеряла талантливаго блестящаго публициста, подготавливавшаго своими литературными трудами и своими рѣчами почву для полезныхъ общественныхъ реформъ. Но всего важнѣе значеніе Жюля Симона какъ поборника народнаго образованія, онъ имѣлъ большое вліяніе на его развитіе во Франціи какъ авторъ замѣчательной книги L'Ecole, и какъ министръ народнаго просвѣщенія.

Въ лицѣ другого знаменитаго покойника, Эдмона Гонкура, умершаго также недавно, Франція лишилась выдающагося писателя, котораго называютъ однимъ изъ корифеевъ французскаго экспериментальнаго романа. Другимъ корифеемъ былъ братъ Эдмона, Жюль, умершій еще въ 1870 году, но до своей смерти рабо-

тавший вмѣстѣ съ Эдмономъ, представляя такимъ образомъ примѣръ идеальнаго литературнаго сотрудничества. Оба брата стояли во главѣ натуралистической школы, характерными чертами которой являются фатализмъ и протоколлизмъ, т. е. описаніе мельчайшихъ подробностей человеческой жизни. Эдмонъ Гонкуръ всегда находилъ, что романъ долженъ изображать истину какъ она есть во всей ея наготѣ и неприглядности. Онъ не допускалъ никакой идеализаціи и отводилъ воображенію въ романѣ самую незначительную роль, выдвигая на первый планъ наблюденіе фактовъ.

Братьевъ Гонкуръ, Эдмона и Жюля, въ шутку называли «сіамскими близнецами» въ литературѣ. Дѣйствительно, они были неразлучны въ жизни и въ работѣ. На литературной дѣятельности обоихъ братьевъ это неразлучное сотрудничество отразилось очень выгоднымъ образомъ. Въ ихъ совмѣстныхъ произведеніяхъ исчезала индивидуальность автора, но зато они выигрывали въ отношеніи отдѣлки, замысла и стиля. Языкъ всѣхъ ихъ произведеній отличается особенно живописностью и художественною отдѣлкой, но благодаря тому, что они всегда старались подыскивать какое-нибудь особенно точное, яркое и мѣткое выраженіе, то мѣстами эта художественность языка переходитъ уже въ вычурность и искусственность.

Братья Гонкуръ происходили изъ зажиточной семьи и, не стѣсняемые матеріальными средствами, вначалѣ отдались своему влеченію къ искусствамъ, занялись живописью и сдѣлались страстными собирателями художественныхъ произведеній и рѣдкостей, превративъ свой домъ въ настоящій музей. Въ литературѣ они также дебютировали сначала описаніями бытовой и художественной жизни XVIII вѣка: «Portraits intimes du XVIII siècle» «Histoire de Marie Antoinette», Les Maitresses de Louis XV» и т. д. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ они являются тонкими художниками, сумѣвшими изобразить живую картину жизни XVIII столѣтія.

Первый романъ, который они написали совмѣстно, носилъ названіе: «Еп 18.....» По ихъ воззрѣніямъ романъ былъ тою же исторіею, только исторіей современной жизни и поэтому они добивались въ романѣ такой же вѣрности истинѣ, какъ и въ историческомъ сочиненіи. Чтобы написать романъ, надо было прежде собрать какъ можно болѣе документовъ, фактовъ, наблюденій и ни на шагъ не отступать отъ истины. И дѣйствительно, оба брата посѣщали больницы, рабочіе дома, фабрики и т. д., чтобы тщательно изучить всѣ мельчайшія детали жизни въ этихъ мѣстахъ. Художникъ, по ихъ мнѣнію не долженъ ни одобрять, ни негодовать, а только воспроизводить то, что онъ видитъ, вовсе не стараясь вліять на читателя, вызывать въ немъ какія либо чувства, содѣйствовать подъему души. Поэтому то въ своихъ произведеніяхъ братья Гонкуръ, такъ же какъ и всѣ послѣдователи экспериментальной школы, стремятся къ необычайной тщательности отдѣлки всѣхъ ничтожныхъ деталей и вѣрности факту.

Изъ совмѣстныхъ произведеній литературныхъ сіамскихъ близнецовъ наилучшими считаются: «Germinie Lacerteux» и «Renée Mauperin». Оба эти романа такъ же какъ и «Soeur Philomène» и «Madame Gervaisais»

представляютъ эпизоды женской психологіи. Кроме романовъ братья Гонкуръ издали также совмѣстный трудъ по исторіи искусствъ въ XVIII вѣкѣ—девятнадцать томовъ съ офортами, выполненными Жюлемъ, который также искусно владѣлъ кистью, какъ и перомъ.

Въ 1869 году Жюль умеръ отъ нервнаго истощенія на 41-мъ году жизни. Эдмонъ продолжалъ одинъ подвизаться на литературномъ поприщѣ. Прекращеніе литературнаго сотрудничества впрочемъ, отразилось не совсѣмъ выгодно на его работѣ. Его романы, написанные послѣ смерти брата, отличаются еще большею вычурностью языка и стремленіемъ къ оригинальности. Въ одномъ изъ этихъ романовъ, «Братья Земганно», онъ изобразилъ свое сотрудничество и отношенія съ братомъ. Однако, страннымъ образомъ, онъ выбралъ для этой цѣли двухъ клоуновъ-акробатовъ, въ лицѣ которыхъ онъ и изобразилъ себя и брата. Во всякомъ случаѣ, выборъ этотъ, весьма характерный для главы экспериментальной школы, указываетъ, что Гонкуръ вовсе не былъ щепетиленъ въ выборѣ сюжетовъ для художественнаго воспроизведенія, лишь бы они были взяты изъ жизни и описаны съ фотографическою точностью. Всякое искусство было одинаково хорошо въ его глазахъ — ремесло акробатовъ онъ также считалъ искусствомъ—и одинаково достойно изображенія, совершенно независимо отъ своихъ высшихъ цѣлей и задачъ.

Принимая во вниманіе эту точку зрѣнія Гонкура, нечего удивляться конечно, что онъ выбралъ средѣ акробатовъ для своего, до нѣкоторой степени, автобіографическаго романа. Не все-ли равно какую средѣ описывать, лишь бы это описаніе было сдѣлано художественно и вѣрно!

Въ 1888 году Эдмонъ Гонкуръ началъ печатать свои мемуары подъ названіемъ «Journal des Goncourts». Появленіе этихъ мемуаровъ, характеризующихъ жизнь конца вѣка, вызвало цѣлую бурю въ обществѣ и печати. Безцеремонность, съ которою Эдмонъ Гонкуръ доводилъ такимъ образомъ до свѣдѣнія публики всѣ свои разговоры съ братомъ и сужденія, поразила всѣхъ и возбудила всеобщее негодованіе противъ него, такъ какъ многіе оказались задѣтыми рѣчами Гонкура. Но Гонкуръ, однако, очень оскорбился нападками на его журналъ и совершенно искренно возмущался этимъ. Онъ никакъ не могъ понять, что простой правдивый рассказъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, можетъ кого-нибудь обидѣть, и его это обстоятельство очень огорчало. «Но вѣдь это правда!» возражалъ Гонкуръ, если ему выговаривали за его чрезмѣрную откровенность. Онъ вовсе никогда не думалъ огорчить кого-нибудь своими рассказами». Онъ любилъ истину и высказывалъ ее—вотъ и все.

Конечно, такое высказываніе истины и рѣзкая критика, направленная противъ многихъ литературныхъ дѣятелей и авторовъ, хотя и обуславливались любовью Гонкура къ правдѣ, но тѣмъ не менѣе, въ нихъ всетаки заключалось много яда литературнаго тщеславія, накопившагося у Гонкура вслѣдствіе того, что онъ чувствовалъ себя оставленнымъ и какъ бы сошедшимъ со сцены, на которой уже появились новыя свѣтила, болѣе молодыя и яркія, чѣмъ онъ и увлекавшія публику новыми приѣмами и идеями. Это обстоятельство несомнѣнно заставляло страдать Гонкура, уязвленное честолю-

біе котораго не могло перенести мысли, что его забывают мало-по-малу, и превратило его въ настоящаго мизантропа, только одержимаго дѣтскимъ тщеславіемъ. Малѣйшій пустякъ, малѣйшій успѣхъ какого-нибудь другаго собрата, выводилъ его изъ себя и людямъ, дѣйствительно любившимъ его и цѣнившимъ въ немъ его благородное сердце и душу, несмотря на многіе недостатки его характера, приходилось потратить массу такта и великодушія, чтобы сохранить съ нимъ хорошія отношенія.

Эдмонъ Гонкуръ, такъ же какъ и его братъ, оба были яростными противниками французской академіи и оба рѣшили послѣ своей смерти основать отдѣльную академію, которая бы носила ихъ имя. Они сами обозначили въ своемъ завѣщаніи десять членовъ этой академіи, которымъ назначили содержаніе въ годъ по шести тысячъ франковъ, съ тою цѣлью, чтобы они могли не заботясь о насущномъ кускѣ хлѣба предаться занятію избраннымъ ими искусствомъ. Говорять, впрочемъ, что Гонкуръ нѣсколько разъ измѣнялъ составъ своихъ академиковъ, вычеркивая однихъ и вставляя другихъ на ихъ мѣсто. Такимъ образомъ были вычеркнуты: Золя—несчастный Золя! не могущій никакъ попасть ни въ какую академію!—и Пьеръ Лоти, сдѣлавшійся уже академикомъ.

По вскрытіи завѣщанія, тамъ дѣйствительно оказались распоряженія, касающіяся открытія академіи. Гонкуръ поименовалъ только восемь членовъ, такъ какъ двое были имъ вычеркнуты раньше. Эти восемь счастливецъ слѣдующіе: Альфонсъ Додэ, Гюисмансъ, Мирбо, два брата Рони, Геннигъ, Поль Маргериттъ и Жоффрау. Конечно, эти выборы не могли не породить массы нареканий и толковъ и вызвать даже вражду. Нѣкоторые изъ литераторовъ естественно могли считать себя обиженными за то, что ихъ имя не состоитъ въ спискѣ. Однако, впрочемъ, многіе сомнѣваются, чтобы академія была открыта, такъ какъ полагаютъ, что Гонкуръ ошибся насчетъ цѣны своихъ художественныхъ коллекцій, которыя онъ поручилъ продать, чтобы выручить сумму, необходимую для образованія академіи. По мнѣнію этихъ людей, коллекція далеко не дадутъ требуемой суммы. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ академіи пока еще остается открытымъ.

Что касается Золя, то какъ и слѣдовало ожидать, онъ снова выступаетъ кандидатомъ на кресло, остающееся вакантнымъ въ академіи, послѣ смерти Жюля Симона.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого года Шотландія чествовала память своего замѣчательнаго національнаго поэта Роберта Бернса, со дня смерти котораго исполнилось ровно сто лѣтъ. Бернсъ прожилъ всего—37 лѣтъ, но преждевременно состарился и растратилъ всѣ свои жизненные силы. Послѣ него остался толстый томъ стихотвореній, свидѣтельствующій о томъ, какой могучій талантъ безвременно погибъ съ его смертію и какъ сравнительно мало онъ успѣлъ сдѣлать при жизни. Тяжкія условія существованія поэта конечно много содѣйствовали тому, что его громадное дарованіе не могло развенуться во всю ширь и онъ не сдѣлалъ того, что могъ бы сдѣлать при другихъ обстоятельствахъ, въ другой средѣ и другой жизненной об-

становкѣ. Самъ Бернсъ говорилъ о себѣ: «Я завидую дикой лошади, странствующей по лѣсамъ Азіи, потому что у нея нѣтъ желаній, которыя она не могла бы осуществить, и завидую устрицѣ, потому что у нея вообще нѣтъ никакихъ желаній!» Эти слова указываютъ, что Бернсъ былъ глубоко несчастенъ. Дѣйствительно въ его душѣ царилъ глубокой внутренней разладъ, происходила постоянная борьба между высокими порывами, благородными стремленіями и низменными страстями, роковымъ образомъ увлекавшими его къ гибели. Бернсъ сознавалъ это, но у него не хватало силы воли, чтобы слѣдовать голосу разсуда и совѣсти, онъ сбивался съ пути и глубоко мучился, и эта борьба плоти и духа отражается и во всѣхъ его произведеніяхъ. гдѣ, по словамъ одного великаго поэта перемѣшаны нѣжность, и грубость, низменные инстинкты и божественная чистота, великодушные порывы и чувственность.

Таковъ былъ Робертъ Бернсъ и въ жизни. Онъ весь былъ созданъ изъ противорѣчій, и невозможность примирить эти противорѣчія составляла главное несчастье его жизни. Родись онъ въ другой обстановкѣ, конечно-обстоятельства его жизни сложились бы иначе. Но его богато одаренная натура не находила выхода въ той средѣ, въ которой онъ родился и выросъ, и онъ самъ говорилъ впоследствии, что его жизнь проходила въ «работѣ каторжника и мрачной тоскѣ отшельника».

Бернсъ былъ сыномъ бѣднаго фермера въ Шотландскомъ графствѣ Айръ, отецъ его былъ неутомимый труженикъ, но, не смотря на это едва зарабатывалъ настолько, чтобъ прокормить семью, и семья его постоянно бѣдствовала. Будущій поэтъ долженъ былъ ужъ съ тринадцати лѣтъ взяться за плугъ и исполнять всѣ работы на фермѣ. Однако, какъ ни старались отецъ и сынъ, но дѣла фермы не поправлялись, и семья иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ голодала, питаясь только хлѣбомъ да картофелемъ.

Несмотря на такія тяжкія условія жизни отецъ Бернса всетаки позаботился дать своему сыну образованіе, какое былъ въ состояніи. Маленькій Робертъ ходилъ въ ближайшую школу, откуда вынесъ настолько сильное пристрастіе къ чтенію, что даже съ плугомъ въ полѣ всегда ходилъ съ какой нибудь книгою въ карманѣ. Эта страсть къ чтенію, разумѣется много способствовала расширенію его умственного кругозора; кромѣ того онъ обладалъ особенною способностью угадывать то, чего не зналъ, и самоучкой достигъ такого развитія, какое достается лишь людямъ, получившимъ хорошее образованіе.

Къ сожалѣнію, непосильная физическая работа въ связи съ постоянными лишеніями и душевною неудовлетворенностью привела къ сильнѣйшему разстройству нервовъ. Бернсъ сталъ страдать приступами меланхолическими головными болями и, что хуже всего, пристрастился къ спиртнымъ напиткамъ, обладавшимъ свойствомъ разгонять тоску. Онъ проводилъ ночи безъ сна, лежа въ своей холодной каморкѣ и придумывая разныя баллады и стихи. Онъ чувствовалъ стремленіе къ поэтическому творчеству; ему хотѣлось излить въ стихахъ свою тоску, свое восхищеніе природой,

среди которой онъ родился и выросъ. Шестнадцатилѣтнимъ юношей онъ началъ писать стихи и, идя за плугомъ, находясь наединѣ съ природой, онъ мечталъ о новыхъ балладахъ, придумывалъ новыя формы и рѣмы.

Но его стихамъ суждено было увидѣть свѣтъ лишь спустя много лѣтъ. Его первый печатный сборникъ стихотвореній появился въ 1786 году, когда Бернсу было уже 27 лѣтъ. Отца его уже не было въ живыхъ и дѣла фермы пошли такъ плохо, что Бернсъ даже подумывалъ переселиться въ Ямайку, гдѣ ему предложено было мѣсто бухгалтера. Въ это время на долю бѣднаго поэта выпало какъ то особенно много разочарованій. Онъ полюбилъ дѣвушку, отецъ которой не соглашался на ея бракъ съ нимъ, дѣвушка же не хотѣла идти противъ воли отца. Бернсъ страдалъ и, какъ всегда, топилъ горе въ винѣ. Но тутъ судьба какъ будто стала ласка надъ нимъ. Вышла его книга стиховъ, и хотя она доставила автору всего лишь 20 ф. ст., но тѣмъ не менѣе имѣла такой громадный успѣхъ, что о немъ сразу всѣ заговорили. Особенно прославилось его имя въ его собственной средѣ работниковъ и земледѣльцевъ, которые откладывали изъ своего скуднаго заработка деньги на покупку стихотвореній своего поэта. «Это нашъ поэтъ», говорили они, и дѣйствительно Бернсъ былъ чисто народнымъ поэтомъ, въ произведеніяхъ котораго шотландцы, какъ въ зеркалѣ, видѣли отраженіе своей дорогой родины и какъ бы ощущали запахъ своихъ родныхъ полей. Неудивительно поэтому, что Бернсъ быстро сдѣлался самымъ популярнымъ поэтомъ въ Шотландіи.

Но громкая слава Бернса не сдѣлала его счастливымъ, хотя и доставила ему возможность сочетаться бракомъ съ любимою дѣвушкой. Когда вышелъ первый томъ его стихотвореній, то литературное общество Эдинбурга пригласило его пріѣхать въ Эдинбургъ. Бернсъ, никогда не бывавшій въ обществѣ до этого, держалъ себя однако, такъ непринужденно и съ такимъ тактомъ, что, по рассказамъ современниковъ, очаровалъ всѣхъ, и шотландская аристократія приходила въ восторгъ отъ его умѣнья вести разговоръ обо всемъ и держаться съ такимъ достоинствомъ. Онъ приводилъ въ изумленіе даже ученыхъ, касаясь съ ними въ бесѣдахъ разныхъ серьезныхъ, даже философскихъ вопросовъ и былъ настоящимъ львомъ эдинбургскаго сезона, пользуясь огромнымъ успѣхомъ въ аристократическихъ салонахъ и у великосвѣтскихъ дамъ. Однако этотъ успѣхъ не вскружилъ ему голову; ему не нравилось чопорное общество и его всетаки тянуло на просторъ, въ родныя поля. Къ тому же онъ чувствовалъ самъ, что по собственной слабости не можетъ удержаться отъ участія въ кутежахъ, разстраивающихъ его здоровье и истощающихъ его, и безъ того уже тощій, карманъ. Поэтому собравъ всю силу воли, какая только у него была, онъ уѣхалъ изъ Эдинбурга, увезя съ собою, не болѣе 400 ф. ст., полученныхъ имъ отъ издателей, обогатившихся на его счетъ, благодаря его полной безалаберности и удѣлявшихъ ему только кое какія крохи.

На эти 400 фунтовъ, уплаченные ему за второй томъ стихотвореній, Бернсъ взялъ въ аренду клочекъ земли и женился на той самой дѣвушкѣ,

которую прежде любилъ. Но внутренній разладъ, такъ мучившій поэта, не прекратился. Онъ не нашелъ успокоенія ни въ семейной жизни, ни въ сельскихъ занятіяхъ. Къ тому же онъ выказалъ полную неспособность къ фермерскому дѣлу. Дѣла его шли все хуже и хуже и наконецъ, онъ лишился всѣхъ своихъ денегъ; семья же его увеличилась, а слѣдовательно, увеличились и расходы. Онъ продолжалъ писать стихи, но литературный трудъ его плохо оплачивался, какъ видно изъ того, что онъ однажды получилъ слѣдующій гонораръ: шаль для жены, картину и пять фунтовъ деньгами. Въ его письмахъ въ это время часто высказываются опасенія умереть съ голоду.

Чѣмъ труднѣе становилось жить Бернсу, тѣмъ болѣе онъ предавался своей пагубной страсти, ища въ вѣрпкихъ напитокѣхъ забвенія. Это окончательно подрывало его силы, здоровье. Вліятельные люди, принимавшіе въ немъ участіе, видя, какъ бѣдствуетъ его семья, доставили ему должностъ сборщика податей съ содержаніемъ 70 ф. въ годъ. Но въ этой должности несчастный Бернсъ оказался еще менѣе пригоднымъ чѣмъ въ профессіи фермера. Тамъ онъ хоть самъ себѣ былъ хозяинъ и не вѣдалъ надъ собою начальства, здѣсь же онъ долженъ былъ покоряться часто грубому чиновнику, сносить оскорбительныя замѣчанія и выговоры и терпѣливо молчать. Строптивый нравъ Бернса не могъ этого вынести. Онъ запижъ еще больше прежняго и кромѣ того возстановилъ свое начальство и своихъ великосвѣтскихъ покровителей тѣмъ, что открыто высказывалъ сочувствіе французской революціи. Мало по малу его расшатанное здоровье сдѣлало его неспособнымъ ни къ какой дѣятельности, кромѣ литературной, способностъ къ которой онъ, къ удивленію, сохранилъ до самаго конца. За нѣсколько дней до смерти, онъ просилъ у своего двоюроднаго брата займа 12 ф., чтобы не умереть въ тюрьмѣ. Онъ умеръ 21-го іюля 1796 года и какъ разъ, когда гробъ его опускали въ могилу, у него родился еще одинъ сынъ.

Бернсъ самъ называлъ себя Золовою арфой, которая звучитъ отъ малѣйшаго прикосновенія вѣтерка. Это сравненіе дѣйствительно подходитъ къ нему, такъ какъ онъ необыкновенно сочувственно относился къ окружающему его простому безыскусственному міру. Онъ одухотворялъ природу въ своихъ стихахъ, придавая глубокой внутренней смыслъ самымъ простымъ явленіямъ. Замѣчательно, что онъ никогда не воспѣвалъ той аристократической среды, въ которой ему пришлось вращаться, когда его чествовали въ Эдинбургѣ, и его поэтический геній вдохновлялся лишь образами народной жизни и природы, широкимъ просторомъ полей, величіемъ лѣсовъ и горъ, шумомъ горныхъ потоковъ и простыми событіями жизни поселянина, находившими откликъ въ его душѣ. Вообще вся поэзія Бернса проникнута чувствомъ свободы и національности, и въ ней то именно и отразились лучшія стороны его души, всегда равнявшейся къ свободѣ, къ истинѣ и справедливости, не смотря на то, что низменныя страсти часто брали верхъ надъ этими возвышенными стремленіями, и поэтъ, мучительно сознавая свое паденіе, подчинялся этихъ страстямъ.

Лучшимъ изъ произведеній Бернса считаются «Веселые нищiе», гдѣ онъ изображаетъ жизнь отверженныхъ обществомъ и смѣло и мастерски освѣщаетъ разныя стороны социальнаго вопроса. Глубокое сочувствiе народу сквозить во всѣхъ его стихотворенiяхъ; особенно заслуживаетъ вниманiя въ этомъ отношенiи стихотворенiе «Субботнiй вечеръ поселянина», гдѣ удивительно тепло изображена жизнь скромнаго труженика-земледѣльца. Шотландiя имѣетъ право гордиться Бернсомъ и называть его своимъ великимъ национальнымъ поэтомъ, но значенiе его не исчерпывается только этимъ и, хотя онъ былъ истиннымъ сыномъ своего народа, но въ его поэзи можно найти выраженiе тѣхъ чувствъ, которыя заставляютъ страдать и волнуютъ душу не одной только Шотландiи, а всего человѣчества.

Э. Пименова.

Статистика образованія.

Итогъ нашихъ расходовъ на народное образованіе.

Совершенно точное опредѣленіе итога нашихъ расходовъ на народное образованіе въ высшей степени затруднительно, такъ какъ данныя, необходимыя для такого опредѣленія, сокрыты въ вѣдрахъ нашихъ многочисленныхъ канцелярій, департаментовъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ, недоступныхъ для частныхъ изслѣдователей. Государственные росписи и отчеты государственнаго контроля по ихъ исполненію, составляющіе главнѣйшіе источники для такого опредѣленія, оказываются недостаточными прежде всего потому, что они вовсе не обнимаютъ всѣхъ смѣтъ на народное образованіе. Хотя со времени реформы нашей государственной финансовой отчетности и введенія такъ называемаго единства государственной кассы прошла почти уже цѣлая треть столѣтія, но это единство, еще далеко не осуществлено во всей его полнотѣ и существуютъ цѣлыя вѣдомства, съ весьма широкими бюджетами, не подчиненныя общему Государственному Контролю и даже не показывающія хотя бы только итоговъ своихъ доходовъ и расходовъ въ общей Государственной росписи; таково, на примѣръ, вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи, преслѣдующее почти *исключительно* цѣли учебно-воспитательныя и филантропическія, и слѣдовательно, особенно важное по своему участию въ дѣлѣ народнаго образованія и воспитанія. Относительно Вѣдомства Императорскаго Двора, въ отчетахъ Государственнаго контроля показывается только общій итогъ ассигнуемыхъ ему изъ Государственнаго казначейства суммъ; между тѣмъ расходы этого вѣдомства на нужды просвѣщенія вообще несомнѣнно должны быть весьма значительны: одна Академія Художествъ, Императорскіе театры; Эрмитажъ и проч. требуютъ для своего содержанія очень большихъ суммъ, не говоря уже о другихъ, менѣе крупныхъ пособіяхъ придворнаго вѣдомства разнымъ учебнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Независимо отъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ казны, или субсидируемыхъ ею, существуетъ очень много заведеній, источникомъ содержанія которыхъ являются частныя лица и общества, земства и города. Здѣсь подведеніе точныхъ итоговъ еще болѣе затруднительно, такъ какъ во множествѣ случаевъ, невозможно было

бы даже и собрать всёхъ необходимыхъ для этого отчетовъ, частію по ихъ чрезвычайной разбросанности, частію же даже и по совершенному ихъ отсутствію. Такимъ образомъ итогъ, который мы получимъ, будетъ только приблизительный и притомъ *непременно значительно меньшій сравнительно съ действительнымъ.*

Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы помѣщаемъ вычисленные на основаніи данныхъ «Отчета Государственного контроля по исполненію Государственной росписи за 1893 г.» итоги расходовъ на нужды образованія и воспитанія по каждому министерству отдѣльно, раздѣляя эти расходы на двѣ категоріи—пособія отдѣльнымъ лицамъ, преимущественно служащимъ въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, и пособія учреждениямъ. Считаемъ нужнымъ оговориться, что пособія ученымъ обществамъ, театрамъ, на изданіе специальныхъ и другихъ журналовъ и книгъ, не преслѣдующимъ ближайшимъ образомъ цѣли собственно народнаго образованія, не приняты во вниманіе, за исключеніемъ расходовъ подобнаго рода министерства народнаго просвѣщенія. Это сдѣлано потому, что указанные сейчасъ расходы, въ другихъ министерствахъ, являются въ значительной мѣрѣ случайными и часто не могутъ быть выдѣлены изъ другихъ расходовъ, съ которыми показано слитно и которые не имѣютъ ничего общаго съ цѣлями народнаго образованія.

ВѢДОМСТВА и МИНИСТЕРСТВА.	Пособія отдѣльнымъ лицамъ *).	Расходы на содержаніе учебныхъ и т. п. учреждений *).	И т о г о.
1. Высш. Госуд. учрежденія	16,814	—	16,814
2. Святѣйшаго сѣнода **).	—	2.187,169	2.187,169
3. Иностранныхъ дѣлъ	5,100	14,787	19,887
4. Военное ***).	390,340	8.273,929	8.664,269
5. Морское	213,980	570,418	784,398
6. Финансовъ	250,466	5.043,277	5.293,743
7. Госуд. имуществовъ	64,967	1.057,033	1.122,000
8. Внутреннихъ дѣлъ	102,326	441,998	544,324
9. Путей сообщенія	16,491	180,369	196,860
10. Юстиціи	51,648	722,161	773,809
11. Госуд. коннозаводства	5,150	4,820	9,970
12. Госуд. контроля	11,396	—	11,396
13. Народнаго просвѣщенія	71,360	22.338,640	22.410,000
В с е г о	1.200,038	40.834,601	42.034,639

Примѣчанія: *) Суммы показаны въ рубляхъ.

***) Въ расходахъ по вѣдомству святѣйшаго сѣнода нельзя выдѣлить пособій на воспитаніе дѣтей служащихъ изъ суммъ, ассигнуемыхъ вообще на пособія и награды.

****) Тоже самое относится къ военному министерству, въ смѣтѣ котораго по главному штабу § 4, ст. 2 показанъ расходъ въ 453,110 руб. смѣтою на награды и пособія лицамъ военнаго вѣдомства, а также на воспитаніе дѣтей. Принимая во вниманіе, что морское министерство, при несравненно меньшемъ, сравнительно съ военнымъ, численномъ составѣ служащихъ, расходуетъ на воспитаніе дѣтей служащихъ 213,979 руб., едва ли

Изъ этой таблицы видно, что пособія отдѣльнымъ лицамъ на воспитаніе дѣтей выдаются всѣми безъ исключенія вѣдомствами. Хотя для вѣдомства святѣйшаго сунда этотъ расходъ и не показанъ, но онъ несомнѣнно существуетъ (примѣч. 2). Выдающіяся мѣста по размѣрамъ этого расхода занимаютъ вѣдомства: военное, морское и финансовъ и въ послѣднемъ расходъ на воспитаніе дѣтей чиновъ таможеннаго вѣдомства, простирающійся до 146,639 р. 39 к. т. е. составляющій гораздо болѣе половины (58,5%) всей суммы, показанной по смѣтѣ мин. финансовъ на этого рода пособія. Что касается расходовъ на содержаніе учебныхъ заведеній, то оказывается, что только высшія государственныя учрежденія и вѣдомство государственнаго контроля свободны отъ нихъ. Изъ этого правила, не исключается даже и министерство иностранныхъ дѣлъ *).

Расходы собственно учебныя, распределяются въ разныхъ вѣдомствахъ согласно слѣдующей таблицѣ:

Вѣдомства и министерства.	Общеобраз. учебн. заведенія.		Спец. учеб. зав. низшія и среднія 1).	Университеты и высшія спец. заведенія 2).	Расходы на админ. на пособ. учен. учрежден. и обществ. и проч. 3).	Итого.
	Низшія.	Среднія.				
1. Св. сунда . . .	525,476 ^{1а)}	—	1.661,693 ^{1а)}	—	—	2.187,169
2. Ин. дѣль . . .	—	—	—	14,787	—	14,787
3. Военное . . .	199,096	5.685,871	1.039,796	1.349,166	—	8.273,929
4. Морское . . .	—	—	504,691 ^{а)}	65,727 ^{а)}	—	570,418
5. Финансоавъ . . .	—	4.416,496 ^{а)}	565,250 ^{а)}	—	61,531	1.043,277
6. Госуд. имущ. . .	—	—	612,891	415,111	29,031	2.057,033
7. Вн. дѣль ^{1а)} . . .	—	—	176,514 ^{а)}	134,955	—	441,998
8. Иут. сообщ. . .	—	—	27,741	132,628	130,529 ^{1а)}	180,369
9. Юстиціи . . .	—	—	116,540	605,621 ^{1а)}	—	722,161
10. Гос. коннозав. . .	—	—	4,8 ^{2а)}	—	—	4,820
11. Нар. проsv. . .	3.295,000	8.543,000	1.582,000 ^{1а)}	5.070,000	3.848,640	22.338,640
Всего . . .	4.019,572	18.645,367	6.291,936	7.787,995	4.089,731	40.834,601
Проц. отнош. къ общ. 9,84%, итого: 45,67%			15,40%	19,07%	10,02%	1020,00%

мы сдѣлаемъ ошибку, допустивъ, что военное вѣдомство расходуетъ на тотъ же предметъ 300,000 р. Остальные 90,340 р., входящіе въ общій итогъ 390,340 р. расходовъ на воспитаніе дѣтей служащихъ по военному вѣдомству прямо указываются другими статьями смѣты.

*) Расходы мин. иностр. дѣль состоятъ, кромѣ 5,100 р. на пособія отдѣльнымъ лицамъ для воспитанія дѣтей, изъ 14,787 р. идущихъ на содержаніе учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ и 22,481 р. 16 к. расходовъ на переѣзды и содержаніе южно-славянъ, воспитывающихся въ Россіи. Этотъ послѣдній расходъ мы вовсе не принимали во вниманіе: онъ имѣетъ значеніе политическое и русское просвѣщеніе отъ него ни мало не выигрываетъ; напротивъ, на эти деньги можно было бы образовывать по нѣскольку сотъ русскихъ дѣтей ежегодно, для которыхъ теперь нѣтъ мѣста по недостатку школь!

Примѣчанія: 1) Отчетъ госуд. контроля и смѣты министерствъ не дають возможности въ точности распредѣлить расходы между низшими и средними специальными учебными заведениями.

2) Университеты соединены съ высшими специальными учебными заведениями на томъ основаніи, что университетскіе факультеты являются на самомъ дѣлѣ мѣстомъ для подготовки къ профессиональной дѣятельности.

3) Для нѣкоторыхъ вѣдомствъ и министерствъ расходы на администрацію и пособія разнаго рода не могли быть выдѣлены, или могли быть выдѣлены только отчасти. Этимъ объясняются пробѣлы столбца 6-го, по поводу цифръ котораго надо имѣть въ виду и то, что далеко не всѣ расходы, прямо или косвенно идущіе на нужды просвѣщенія, могли быть показаны, такъ что цифры этого столбца являются лишь приблизительными и притомъ меньшими, сравнительно съ дѣйствительностью.

4) Въ цифрѣ 504,691 заключается и стоимость содержанія Морскаго кадетскаго корпуса, три общіе класса котораго, подобно кадетскимъ корпусамъ, должны бы быть отнесены къ общеобразовательнымъ учебнымъ заведениямъ реального характера; но расходы на содержаніе этихъ общеобразовательныхъ классовъ не могутъ быть выдѣлены изъ общей суммы.

5) Въ цифрѣ 65,727 р. заключается стоимость содержанія офицерскихъ классовъ миннаго и артиллерійскаго и Николаевской морской академіи. Бюджетъ послѣдней взятъ 13,193 р. Нынѣ (23 мая 1896 г.) состоялось Высочайшее утвержденіе новаго „Иоложенія“ объ академіи и по штату на содержаніе ея будетъ отпускается 35,030 руб.

6) Въ суммѣ 4.416,496 р. заключаются 2.908,996 р. отпускаемые на нужды вѣдомства учреждений Императрицы Маріи и 1.400,000 р., отпущенные тому же вѣдомству на уплату за приобрѣтеніе въ казну и переустройство Николаевскаго дворца, для Ксеніевскаго института.

7) Въ суммѣ 565,250 р. заключаются главнымъ образомъ: пособіе на усиленіе капиталовъ Екатерининскаго института въ Москвѣ и Лазаревскаго института восточныхъ языковъ (107,500 р.) и пособіе на постройку зданія Большаго театра для консерваторіи (400,000 р.).

8) Министерство государственныхъ имуществъ, со времени реформированія его въ министерство земледѣлія, какъ извѣстно, довольно значительно расширило свой учебный бюджетъ и данныя въ таблицѣ цифры ниже существующихъ въ настоящее время.

9) Въ суммѣ 176,514 р. заключается, главнымъ образомъ, расходъ на постройку новаго зданія для московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и консерваторіи (150,000) и пособіе до 5,000 р. Киевскому музыкальному училищѣ того же общества.

10) Вся эта сумма (130,529 р.) ассигнуется на содержаніе Императорскаго института экспериментальной медицины.

11) Въ этой суммѣ заключаются: 142,165 р. на содержаніе Константиновскаго межеваго института, 227,359 р., на содержаніе училища правовѣдѣнія и 236,098 р. на капитальную перестройку послѣдняго.

12) Въ этой суммѣ заключаются между прочимъ 1.267,000 на содержаніе учительскихъ институтовъ и семинарій.

13) Нынѣ, какъ извѣстно, въ дополненіе къ суммѣ 525,476 р., отпускается еще изъ госуд. казначейства въ распоряженіе духовнаго вѣдомства на нужды собственно народнаго образованія еще 3.000,000 р.

14) Въ этой суммѣ заключаются расходы на содержаніе духовныхъ училищъ, духовныхъ семинарій и духовныхъ академій. Отчетъ госуд. контроля не даетъ возможности распредѣлить эту сумму по тремъ указаннымъ категоріямъ учебныхъ заведеній.

Принимая во вниманіе, что нѣкоторая часть расходовъ, показанныхъ въ столбцѣ 4-мъ (расходы святѣйшаго синода — на духовныя училища, мор-

скаго министерства—на общіе классы морскаго кадетскаго корпуса, министерства финансов—на институты: Екатерининскій и Лазаревскій восточныхъ языковъ) и, по всей вѣроятности, еще и другіе расходы разныхъ вѣдомствъ, которые не могутъ быть выдѣлены, должны быть отнесены къ расходамъ столбца 3-го (содержаніе общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній), приходимъ, относительно предъидущей таблицы, къ тому общему выводу, что, въ круглыхъ числахъ, приблизительно только $\frac{1}{10}$ часть учебного бюджета всѣхъ вѣдомствъ шла собственно на народное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ слова; около $\frac{1}{2}$ всего бюджета—на среднее образованіе (встрѣчаемся съ весьма своеобразной и характерной чертой русскаго бюджета народнаго просвѣщенія—особой заботой правительства объ образованіи дворянскаго, чиновнаго и служилаго сословія), около $\frac{1}{10}$ на высшее образованіе и, приблизительно, по $\frac{1}{10}$ на низшія и среднія спеціальныя учебныя заведенія и на администрацію и пособія ученымъ обществамъ и проч. Обращаясь къ подробностямъ, нельзя не поразиться одной изъ нихъ, именно: чрезвычайно щедрыми пособіями казны спеціально-музыкальному образованію, далеко оставляющими за собой пособія на высшее спеціальное образованіе по такимъ даже отраслямъ знаній, которыя несомнѣнно имѣютъ первостатейное государственное значеніе, каково образованіе сельско-хозяйственное, инженерное, военно-морское и т. п. Не говоря уже о собственномъ народномъ образованіи, въ которомъ мы такъ страшно нуждаемся, Императорское русское музыкальное общество, независимо отъ другихъ средствъ, по однимъ только смѣтамъ министерствъ: финансовъ и внутреннихъ дѣлъ получило свыше 550,000 руб., т. е. болѣе половины милліона. Музыкальное образованіе, даваемое въ консерваторіяхъ, при всей его важности и значеніи, всетаки составляетъ роскошь, отвѣчающую потребностямъ и вкусамъ небольшой горсти людей, принадлежащихъ къ высшимъ и достаточнымъ слоямъ общества, и потому, казалось бы, должно было поддерживаться, главнымъ образомъ, средствами частныхъ лицъ и учреждений. Женское образованіе медицинское, и общее, высшее и среднее, имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, неизмѣримо болѣе важное значеніе для семьи, общества и государства въ сравненіи съ музыкально-консерваторскимъ образованіемъ, а между тѣмъ на первое изъ нихъ государство не даетъ ни копѣйки и впредь не будетъ давать и, какъ извѣстно, даже самое разрѣшеніе у насъ женскаго медицинскаго института обусловлено было тѣмъ, чтобы средства на его содержаніе всецѣло собраны и впредь были собираемы частными лицами и учреждениями. Притомъ это требованіе поставлено было такъ строго и рѣшительно, что недостатокъ средствъ и было главной причиною столь долгаго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, откладыванія дѣла открытія женскаго медицинскаго института. Что касается общаго высшаго женскаго образованія, то единственныя по всей Россіи С.-Петербургскіе высшія женскіе курсы, расходующія (по послѣднему отчету за 1894—1895 уч. годъ) до 133,605 руб. субсидируются изъ государственнаго казначейства ничтожной, по сравненію съ общими итогамъ расходовъ, суммой въ 3000 р.; все остальное собирается съ

учащихся, или жертвуется частными лицами и частными и общественными учреждениями. Наконец, средняя женская школа, на которой зиждется все образование русской женщины, субсидируется из государственной казны самой ничтожной суммой. Если исключить прибалтийскія, сѣверо-западныя, юго-западныя, привислянскія, кавказскую и закавказскую окраины, гдѣ поддержаніемъ женскаго образованія государство преслѣдуетъ особыя политическія цѣли, то въ остальной, громадной, коренной части Имперіи, пособіе казны женскимъ учебнымъ заведеніямъ напримѣръ въ 1892 году едва доходило собственно для гимназій (не считая другихъ учебныхъ заведеній)—до $4\frac{1}{2}\%$, а для прогимназій—до $7\frac{1}{2}\%$ отъ всего расхода на ихъ содержаніе! Эти цифры, конечно, говорятъ сами за себя и не требуютъ никакихъ комментарий.

Можно было бы указать и другіе примѣры несоразмѣрности въ частяхъ нашего чрезвычайно сложнаго, распределеннаго между всѣми вѣдомствами бюджета на нужды просвѣщенія, но это не составляетъ нашей настоящей задачи, и, сверхъ того, для вполне обстоятельнаго изслѣдованія этого предмета потребовался бы спеціальнѣйшій трудъ, для котораго отчасти, не имѣется даже и всѣхъ необходимыхъ данныхъ, такъ какъ нѣкоторыя вѣдомства и общественныя учрежденія не обнаруживаютъ своихъ отчетовъ.

Какъ уже замѣчено, вышеприведенная таблица даетъ только приближительныя цифры и относительно самаго размѣра расходовъ и относительно ихъ распределенія по различнымъ учебнымъ заведеніямъ и потребностямъ.

Было бы чрезвычайно важно дополнить вышеприведенные итоги суммами, ассигнуемыми на народное образованіе разными сословіями, земствами, городами, сельскими обществами и т. п. но, къ сожалѣнію, за чрезвычайной сложностью, разбросанностью, а, можетъ быть, и за совершеннымъ отсутствіемъ необходимыхъ для этого данныхъ, нѣтъ возможности выполнить такую задачу, и приходится довольствоваться лишь весьма мало приближительнымъ результатомъ. Приведемъ лишь нѣкоторыя относящіяся къ этому предмету вычисленія, далеко не полныя, чтобы дать лишь понятіе о трудностяхъ вопроса и хотя нѣсколько приблизиться къ цифрѣ общаго итога суммъ, идущихъ у насъ на народное образованіе вообще.

Въ 1892 г. «государственный контроль заявилъ о своемъ намѣреніи разработать данныя объ оборотахъ сословныхъ и общественныхъ капиталовъ, состоящихъ въ распоряженіи правительственныхъ учреждений. Въ исполненіе этой мысли въ томъ же году были представлены государственному совѣту вѣдомости объ оборотахъ суммъ государственнаго и губернскаго земскихъ сборовъ», а въ 1893 г. свѣдѣнія эти уже значительно дополнены. Пользуемся этими свѣдѣніями, насколько они относятся къ интересующему насъ предмету *).

Указанные труды государственнаго контроля даютъ возможность опредѣлить: до чего *по большей мѣрѣ* простирались въ 1893 г. расходы на на-

*) Отч. госуд. контр. за 1893 г. Часть III, приложенія: 8, 9, 10, ш. а) и б) Спб. 1894 г.

родное образованіе вообще изъ суммъ казачьихъ войскъ *) и земскихъ сборовъ въ губерніяхъ и вообще мѣстностяхъ, гдѣ не введено земское положеніе **).

Изъ суммъ казачьихъ войскъ на учебныя цѣли было назначено по смѣтѣ 1893 г. 1.125,262 руб.; дѣйствительно же израсходовано: 1.090,910 р., т. е. на 34,352, или на 3,05%, меньше противъ смѣты.

Изъ земскихъ сборовъ въ губерніяхъ и вообще мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, на учебныя цѣли назначено было по смѣтѣ 1893 г. 986,584 р., въ дѣйствительности же израсходовано 840,884 р. т. е. на 145,700 р. менѣе, что составляетъ 14,8% смѣтнаго итога.

Наконецъ, въ вѣдомостяхъ, приложенныхъ къ отчету госуд. контр. за 1893 г. о движеніи различныхъ суммъ находимъ, въ числѣ расходовъ суммъ общественнаго призрѣнія и другихъ капиталовъ въ тѣхъ же губерніяхъ, еще слѣдующіе расходы на учебную часть: на содержаніе повивальныхъ школъ и школъ фельшерницъ—5,755 р. и на содержаніе училищъ въ селеніяхъ—70,072 р., а всего 75,827 руб.

Замѣтимъ, что въ счетъ указанныхъ сейчасъ суммъ сборовъ въ губерніяхъ и мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, не вошли губерніи привислянскія, относительно которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Что касается, наконецъ, губерній земскихъ, а также городовъ, то какъ было уже замѣчено выше, опредѣлить ихъ расходы на народное образованіе и въ особенности распредѣленіе этихъ расходовъ по различнымъ родамъ учебныхъ заведеній и даже выдѣлить хотя бы только расходъ собственно на начальное народное образованіе, представляется въ высшей степени затруднительнымъ и даже, можетъ быть, и невозможнымъ для отдѣльнаго лица. Поэтому приходится довольствоваться только общимъ и притомъ приблизительнымъ итогомъ. Изъ данныхъ, опубликованныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, относительно земскихъ смѣтныхъ приходовъ и расходовъ за 1893 г., видно, что на народное образованіе вообще было назначено по смѣтамъ всѣхъ земскихъ губерній 7.657,000 руб., въ дѣйстви-

*) Донскаго, Кубанскаго, Терскаго, Астраханскаго, Уральскаго, Оренбургскаго, Сибирскаго, Семирѣченскаго, Иркутскаго и Енисейскаго, Забайкальскаго, Амурскаго и Уссурийскаго.

***) Говоримъ „по болѣшей мѣрѣ“, потому что часть казачьихъ суммъ, земскихъ сборовъ и т. п. вносится въ смѣты министерствъ, какъ пособіе изъ постороннихъ источниковъ въ возмѣщеніе расходовъ государственнаго казначейства. Такъ, въ частности, вошли въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія по § 32 пособій госуд. казн. изъ постороннихъ источниковъ, ст. 6, изъ суммъ казачьихъ войскъ 77,120 р. и ст. 8, изъ земскихъ сборовъ—465,761 р.; въ смѣту главнаго управленія учебныхъ заведеній изъ первыхъ суммъ—77,375 р. и проч. Къ сожалѣнію, по неимѣнію данныхъ, мы не можемъ исключить итогъ всѣхъ подобныхъ пособій госуд. казначейству изъ постороннихъ источниковъ по смѣтамъ всѣхъ вообще министерствъ на учебныя собственно цѣли, почему результаты, которые мы получимъ, и будутъ нѣсколько преувеличены.

тельности же израсходовано—6.861,000 руб., т. е. на 796,000 руб. или же 10,4% меньше.

Соединяя всё указанные выше суммы, т. е. 1.090,910 р., 840,884 р., 75,827 р. и 6.861,000 р., получимъ 8.868,621 р. По исключеніи изъ нихъ итога 77,120 р. + 465,761 + 77,375 р. = 620,256 р. суммъ указанныхъ въ предъидущемъ подстрочномъ примѣчаніи, какъ несомнѣнно вошедшихъ въ смѣты министерствъ народнаго просвѣщенія и военнаго на учебныя надобности, найдемъ сумму 8.248,365 р., показывающую, до чего *по большей мѣрѣ* простирались въ 1893 г. расходы на народное образованіе вообще изъ суммъ казачьихъ войскъ, земскихъ сборовъ въ губерніяхъ и вообще мѣстностяхъ, гдѣ не введено земское положеніе (не считая привислянскаго края) и въ губерніяхъ земскихъ. Присоединяя эту сумму къ полученному прежде итогу: 40.834,601 р. расходовъ на народное образованіе, занесенныхъ въ государственную роспись, получимъ 49.082,966 р. приблизительный, и, по всей вѣроятности, меньшій сравнительно съ дѣйствительностью, итогъ нашихъ расходовъ на народное образованіе. Принимая во вниманіе, что мы не имѣли возможности опредѣлить расходовъ на цѣли народнаго образованія вѣдомства Императорскаго Двора и удѣловъ, части расходовъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи *), мѣстныхъ расходовъ въ губерніяхъ привислянскихъ, расходовъ городскихъ обществъ **) и, можетъ быть, еще какихъ нибудь другихъ

*) Говоримъ части, потому что въ смѣту министерства финансовъ вошли 2.908,996 р., отпускаемые на нужды вѣдомства учреждений Императрицы Маріи и сумма эта уже принята нами во вниманіе (см. примѣч. 6 къ табл. II). По свѣдѣніямъ журнала „Русской Школы“ (1896 г. № 2. стр. 248) вѣдомство учреждений Императрицы Маріи на содержаніе своихъ учебныхъ заведеній по росписи 1896 г. ассигновало—5.520,520 р. Указанное пособие изъ Министерства финансовъ составляетъ болѣе половины этой суммы. Прибавимъ кстатѣ, что, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, общая сумма расходовъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, по росписи 1896 г. простирается до 13.236,216 р. Изъ этой суммы—кромѣ указанныхъ сейчасъ 5.520.520 р., ассигнуется еще на содержаніе воспитательныхъ домовъ 2.323,095 р. Первая сумма составляетъ 41,7%, а вторая 17,5% общаго бюджета вѣдомства; остальные 40,8%, т. е. не многимъ менѣе половины всего бюджета, идутъ на прочіе расходы вѣдомства.

**) По смѣтѣ доходовъ министерства народнаго просвѣщенія на 1896 г. итогъ пособій госуд. казначейству изъ городскихъ суммъ простирается до 803,219 р. Въ дѣйствительности же города расходуютъ на нужды народнаго образованія гораздо больше, потому что отъ нихъ поступаютъ пособия и въ смѣты другихъ министерствъ и, сверхъ того, они несутъ расходы на тотъ же предметъ и сверхъ обязательныхъ пособій Государственному казначейству. Въ вышедшемъ къ открытію Нижегородской выставки очеркѣ „Низшія учебныя заведенія“ А. Острогорскаго, находимъ, что въ 1891 г. отъ городскихъ суммъ на нужды собственно низшихъ учебныхъ заведеній поступило всего 3.026,880 р. (см. очеркъ стр. 33). Даемъ эти и указанные въ предъидущемъ примѣчаніи цифры, чтобы, хотя до нѣкоторой степени, оправдать дѣлаемые нами въ концѣ настоящей замітки окончательные выводы.

расходовъ, найденный выше итогъ 49.082,961 р., повторяемъ, по всей вѣроятности, меньше дѣйствительнаго; но насколько именно меньше, сказать очень трудно. Во всякомъ случаѣ всѣ перечисленные сейчасъ источники, не принятые нами въ расчетъ, безъ сомнѣнія, дадутъ итогъ, составляющій лишь нѣкоторую часть найденнаго выше итога, который, въ круглыхъ числахъ, можно принять равнымъ 50.000,000 р. Если допустить, что эта часть не превосходитъ $\frac{1}{5}$ доли послѣдней суммы, т. е. 10.000.000 р., что составляетъ почти половину *всего* бюджета министерства народнаго просвѣщенія, долженствующаго, казалось бы, быть *главнѣйшимъ источникомъ* средствъ для народнаго образованія, то такое допущеніе, безъ сомнѣнія, будетъ значительно превосходить дѣйствительность. Принявъ его, найдемъ, что итогъ нашихъ государственныхъ и мѣстныхъ земскихъ и общественныхъ расходовъ на народное образованіе вообще въ 1893 году едва-ли превышалъ 60.000,000 р. Въ послѣдніе годы, какъ уже было упомянуто выше, въ распоряженіе духовнаго вѣдомства ежегодно отпускается собственно на начальное народное образованіе, сверхъ прежнихъ суммъ, еще 3.000,000 р.; Министерство Земледѣлія и другія вѣдомства также нѣсколько увеличили свои расходы на нужды просвѣщенія. Все это позволяетъ заключить, что итогъ 60.000,000 за три послѣдніе года можетъ быть дошелъ до 65, а въ самомъ счастливомъ случаѣ даже до 70.000,000 р. Какъ ни значительна эта сумма сама по себѣ, но для такого громаднаго, со 125 миллионнымъ населеніемъ, государства, какова Россія, она ничтожна и далеко не покрыла бы нуждъ даже одного только начальнаго народнаго образованія, а ею у насъ поддерживаются всѣ виды и ступени общаго и профессиональнаго образованія и большая часть ученыхъ и иныхъ учреждений, необходимыхъ для всякаго культурнаго государства!

А. Страннолюбекій.

Разныя извѣстія и сообщенія.

Высочайшее посѣщеніе образцоваго зданія начальнаго народнаго училища М. Н. П. на Нижегородской выставкѣ.

Въ 10-ти часамъ утра 19-го іюля мальчики и дѣвочки городскихъ начальныхъ училищъ собрались у зданія образцоваго училища на выставкѣ; тутъ же сталъ хоръ изъ 50-ти человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей и пріѣзжихъ учителей. Передъ зданіемъ училища по одну сторону стояли въ 2—3 ряда учителя, по другую — учительницы, какъ мѣстные, такъ и прибывшіе въ Нижній съ разныхъ концовъ Россіи. Въ общемъ число участниковъ встрѣчи простиралось до 500 человѣкъ, не считая сторонней публики, стоявшей толпами въ разныхъ мѣстахъ неподалеку отъ училищнаго зданія.

День былъ ясный и очень хорошій, особенно когда время пошло за полдень. Нѣкоторые дѣти начали было утомляться стояніемъ въ рядахъ и стали присаживаться на песокъ, покрывающій дорожки, какъ вдругъ слышался легкій шумъ приближавшагося поѣзда электрической дороги. «Государь!» «Государь ѣдетъ!» пронеслось въ массѣ ожидавшихъ.

Среди полнѣйшаго безмолвія, раздалось пѣніе хора учителей и учащихся: «Спаси, Господи, люди Твоя». Государь и Государыня обратились лицомъ къ поющимъ, удостоивъ отвѣтнымъ поклономъ всѣхъ собравшихся. Поѣздъ продолжалъ къ царскому павильону, гдѣ Ихъ Величества и остановились на время завтрака. Осмотрѣвъ послѣ завтрака находящійся по близости фабрично-заводскій отдѣлъ и павильонъ Краснаго Креста, Они изволили направиться къ научно-учебному отдѣлу въ сопровожденіи завѣдывающаго этимъ отдѣломъ Е. П. Ковалевскаго.

Едва только Государь и Государыня появились въ дверяхъ павильона Краснаго Креста, который находится въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ зданія училища, какъ тотъ же хоръ еще разъ запѣлъ во встрѣчу Имъ «Спаси, Господи». У подносимой святой иконы Ихъ Императорскія Величества остановились. Подносившихъ икону было четверо: учительница Сарадонскаго сельскаго училища Нижегородскаго уѣзда В. В. Коридалина, сельская учительница Зарайскаго уѣзда К. И. Булаковская, учитель Нижегородскаго Мининскаго братскаго училища В. Н. Домашневъ и сельскій учитель изъ Смолен-

ской губерні С. О. Игнатенковъ. Послѣдній произнесъ, обращаясь къ Государю: «Ваше Императорское Величество! учителя и учительницы народныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ знакъ безпредѣльной любви и преданности всеподданнѣйше просятъ принять сію святую икону».

Милостивое «*Благодарю*» было отвѣтомъ Государя на слова подносящихъ. Затѣмъ Государь спросилъ: «*Икона освящена?*» «Освящена, Ваше Императорское Величество», — отвѣчали подносяшіе. Тогда Ихъ Величества изволили приложиться къ иконѣ и принять оную. Хоръ учителей завершилъ этотъ торжественно-радостный моментъ, пропѣвъ: «Многая, многая лѣта!»

Поднесенная икона изображаетъ св. Николая Чудотворца и св. Царицу Александру. На обратной сторонѣ ея выгравирована надпись: «Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ вѣрноподданнѣйшіе учителя и учительницы народныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Нижній-Новгородъ, 19-го іюля 1896 г.»

Въ передней «раздѣвальной» комнатѣ училища въ моментъ входа Ихъ Императорскихъ Величествъ стояли три ученицы изъ нижегородскихъ женскихъ училищъ съ попечительницею Е. Р. Ермолаевою. Одна изъ дѣвочекъ, ученица Георгіевскаго училища, держала букетъ живыхъ цвѣтовъ, и когда Ихъ Величества приблизились къ стоявшимъ, произнесла слѣдующее привѣтствіе:

Царица Русской земли!
Господь Тебя благослови
На многіе, многіе дни!
Благосклонно прими
Нашъ дѣтскій привѣтъ...
И этотъ букетъ
Въ знакъ нашей любви.

Государыня Императрица съ благосклонною улыбкою на устахъ выслушала дѣтское привѣтствіе и, принимая лѣвою рукою букетъ, правую подала дѣвочкѣ, сказавъ ей: «*Спасибо*».

Изъ «раздѣвальной» Ихъ Величества вступили въ классную комнату, гдѣ находились въ это время инспекторъ В. А. Раевскій и предсѣдатель Нижегородской земской управы А. А. Савельевъ. Изъ классной комнаты Ихъ Величества вошли въ ночлежную, гдѣ на время выставки подробнѣйшимъ образомъ представлено состояніе учебной части въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ Нижегородскаго уѣзда. Осмотрѣвъ это помѣщеніе, Ихъ Величества вошли въ пристроенную къ училищу обширную галлерею, гдѣ сосредоточены многочисленные образцы работъ ремесленныхъ классовъ и по ручному труду. Отсюда Ихъ Императорскія Величества чрезъ ту же переднюю комнату вышли изъ училища, направляясь къ церкви-школѣ. Всѣ очевидцы, учителя и учительницы единодушно утверждаютъ, что они отчетливо видѣли на лицахъ Высочайшихъ посѣтителей, при выходѣ Ихъ изъ училища, выраженіе удовольствія, которое, разумѣется, отразилось въ сердцахъ встречавшихъ чувствомъ живѣйшей радости.

Въ слѣдъ.уходящимъ Государю и Государынѣ хоръ тѣхъ же народныхъ учителей и учащихся пропѣлъ: *«Слався, слався»*, чѣмъ и завершилось Высочайшее восшествіе училища М. Н. П., особенно знаменательное въ томъ отношеніи, что бывшіе на лицо наши народные учителя и учительницы собравшіеся съ разныхъ концовъ Русской земли, здѣсь нынѣ впервые имѣли счастье видѣть Государя Императора и Государыню Императрицу и не только видѣть, но и сдѣлать имъ поднесеніе святой иконы, удостоенное милостиваго приѣма.

Высочайшая отмѣтка.

Въ циркулярѣ по одесскому учебному округу напечатано:

«По Высочайшему повелѣнію внесены въ комитетъ министровъ всеподданныѣйшіе отчеты за 1894 г. о состояніи губерній воронежской и таврической. Въ отчетахъ этихъ Высочайшія Его Императорскаго Величества отмѣтки послѣдовали по объясненіямъ: въ отчетѣ таврическаго губернатора противъ объясненія, что сословныя и общественныя учрежденія содѣйствовали дѣлу народнаго образованія широкой матеріальной поддержкой, причѣмъ сельскими обществами израсходовано 344,088 р., или около $\frac{1}{2}$ всего расхода на этотъ предметъ по губерніи; нѣмецкія сельскія общества дали средства на устройство временныхъ педагогическихъ курсовъ на 100 учителей; земства-же проявили заслуживающую вниманія дѣятельность по устройству народныхъ школъ, особенно бердянское, израсходовавшее въ 1894 г. на народное образованіе 113,449 р., *Отрадно»*.

Министерскія распоряженія.

Въ «Цирк. по одесскому учебному округу», перепечатанномъ въ одесскихъ газетахъ, напечатано: «Министръ Императорскаго Двора сообщилъ г. министру народнаго просвѣщенія, что за послѣднее время присутствующіе въ высокаторжественные дни на *театральныхъ представленіяхъ* воспитанники учебныхъ заведеній позволяютъ себѣ неумѣстныя выраженія восторга; такъ, напримѣръ, при исполненіи народнаго гимна, раздавались аплодисменты вмѣсто троекратнаго возгласа «ура» и требованія повторенія гимна. Въ виду этого, г. министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на будущее время, при исполненіи народнаго гимна присутствующіе на спектакляхъ и др. публичныхъ увеселеніяхъ воспитанники учебныхъ заведеній, ограничиваясь возгласами «ура» и требованіями повторенія гимна, воздерживались отъ аплодисментовъ и тому подобныхъ шумныхъ выраженій восторга».

Изъ имѣющихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣній видно, что однимъ директоромъ народныхъ училищъ циркулярно было рекомендовано учителямъ подвѣдомственныхъ ему народныхъ училищъ выписывать нѣкоторые періодическія изданія, признанныя имъ полезными. Принимая во вниманіе, что подобныя *циркулярныя рекомендаціи* ближайшаго учебнаго начальства могутъ быть поняты подчиненными имъ лицами въ смыслѣ обязательной выписки означенныхъ изданій, г. министр народнаго просвѣщенія предложилъ, какъ передаетъ «Од. Лист.», попечителямъ и между ними попечителю одесскаго учебнаго округа указать директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ округа на всю неловкость подобныхъ распоряженій, которыя какъ-бы обязываютъ подчиненныхъ имъ учителей къ выпискѣ, какъ для нихъ самихъ, такъ и для учебныхъ заведеній разныхъ болѣе или менѣе дорогихъ изданій. Что касается учителей, то собственно для себя они могутъ выбирать изъ числа одобренныхъ книгъ какія угодно, и для нихъ нельзя установить какой-бы то ни было обязательной выписки изданій.

Пожертванія на народное образование.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ о предположеніи Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго московскаго генералъ-губернатора устроить въ Москвѣ, при участіи казны и частныхъ благотворителей, общежитія для студентовъ московскаго университета, Высочайше соизволилъ повелѣть, отпустить изъ государственнаго казначейства, въ видѣ почина, на устройство сихъ общежитій 300,000 рублей.

Какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.», извѣстная *московская благотворительница* Юлія Ивановна Базанова 4-го іюня представила въ правленіе московскаго университета 515,000 руб. *процентными бумагами*, которые жертвуются ею на окончательное устройство клиники ушныхъ, горловыхъ и носовыхъ болѣзней и на учрежденіе и содержаніе въ этой клиникѣ 25 безплатныхъ кроватей.

Баронесса Искуль, г-жа фонъ-Дервизъ, Вѣлоголова, Армандь и Борисова недавно пожертвовали 19,200 рублей въ пользу общества доставленія средствъ женскому медицинскому институту.

Скончавшійся въ Тамбовѣ купецъ Толмачевъ, по словамъ «Русск. Вѣд.», *завѣщалъ на городскія школы* около 100 тыс. деньгами и 1,500 десят. земли.

Въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, одесская городская дума постановила отпускать ежегодно по 14,000 руб., изъ нихъ 10,000 рублей предназначаются на содержаніе вновь открывающихся городскихъ народныхъ училищъ, 2,000 р. на выдачу пособій и одежды обучающимся въ народныхъ училищахъ дѣтямъ бѣднѣйшихъ родителей и 2,000 р. на тотъ же предметъ обучающимся въ церковно-приходскихъ школахъ.

Оставленный по духовному завѣщанію А. Ф. Паньковымъ капиталъ въ 100,000 р. на содержаніе двухъ городскихъ училищъ, поступилъ въ С.-Петербург. городскую управу, въ виду чего управа предполагаетъ на проценты съ капитала открыть съ августа нынѣшняго года, если къ этому представится возможность, согласно волѣ жертвователя, въ Спасской части два начальныхъ училища, мужское и женское, и испросить, въ установленномъ порядкѣ, разрѣшеніе о присвоеніи этимъ училищамъ названія «въ память пот. поч. гражд. А. Ф. Панькова».

Бывшій пензенскій губернаторъ Н. Д. Селиверстовъ завѣщалъ городу Пензѣ капиталъ болѣе 500,000 руб. на постройку рисовальной школы и содержаніе ея. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ «Пензенскія Губ. Вѣд.», зданіе школы чернѣ уже окончено. Проектъ устава школы представленъ на утвержденіе правительства. Предполагается при школѣ учредить историко-промышленный и сельско-хозяйственный музей, начало которому положено самимъ Н. Д. Селиверстовымъ, пожертвовавшимъ городу коллекцію картинъ и свою библіотеку.

Открытие новыхъ образовательныхъ учреждений.

«Руск. Вѣд.» сообщаютъ, что Московская городская дума по предложенію городского головы въ память посѣщенія 23-го мая думы Ихъ Величествами, постановила, между прочимъ, открыть въ наступающемъ учебномъ году, сверхъ обычныхъ 10-ти начальныхъ городскихъ училищъ, еще 15-ть. Такъ что въ нынѣшнемъ учебномъ году будетъ открыто въ Москвѣ всего 25 новыхъ школъ. Такого числа новыхъ начальныхъ школъ, по словамъ городского головы, еще ни разу не открывалось въ Москвѣ въ предшествовавшіе года.

4-го мая Глазовское уѣздное земское собраніе постановило, — какъ сообщаетъ «Волжск. Вѣстникъ», — въ ознаменованіе дня Св. Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ образовать капиталъ въ 30,000 рублей для постройки училищныхъ зданій въ уѣздѣ; построить домъ для помѣщенія ремесленныхъ классовъ при городскомъ училищѣ стоимостью въ 3,000 р. и открыть въ уѣздѣ 60 народныхъ училищъ.

По свѣдѣніямъ «Нов. Вр.», Черниговское губернское земство ассигновало 60,000 рублей на устройство народныхъ библіотекъ.

Г. Гаранинъ въ корреспонденціи «Нов. Вр.» пишетъ изъ Баку. Въ ознаменованіе Коронованія Ихъ Величествъ бакинскій нефтепромышленникъ г. Тагеевъ внесъ въ городскую думу 165,000 руб. для основанія въ Баку первой на Кавказѣ женской русско-татарской школы, съ интернатомъ на первыхъ порахъ на 20 дѣвочекъ.

Аккерманской уѣздной земской управой рѣшенъ въ окончательной формѣ вопросъ объ открытіи при 50-ти училищахъ аккерманскаго уѣзда вечернихъ и воскресныхъ классовъ для неграмотныхъ взрослыхъ, и повтори-

тельныхъ для окончившихъ курсъ въ училищахъ, и также объ устройствѣ библиотекъ для чтенія при этихъ классахъ. Классы и библиотеки будутъ содержаться,—по словамъ «Бессар. Вѣст.»—на средства мѣстныхъ обществъ и земства.

Пермское губернское попечительство народной трезвости задалось цѣлью выстроить въ болѣе населенныхъ заводахъ и селахъ губерніи зданія *народныхъ театровъ*, вмѣстимостью 1,000 чел., и менѣе, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Рѣшено,—по словамъ мѣстныхъ газетъ,—просить принять участіе въ расходахъ по постройкѣ зданій театровъ заводоуправляющимъ, почему послѣднимъ и разосланы приглашенія въ этомъ смыслѣ отъ имени предсѣдателя попечительства. Владѣльцы Верхъ-Исетскаго завода уже откликнулись на этотъ симпатичный призывъ, ассигновавъ на постройку въ центрѣ завода желѣзнаго зданія театра семь тысячъ рублей. Въ Н.-Тагилѣ также проектированъ народный театръ на тысячу зрителей, стоимость постройки коего по предположенію не превыситъ 10—15 тысячъ рублей. По всей вѣроятности владѣльцы нижнетагильскихъ заводовъ, наследники П. П. Демидова князя Санъ-Донато, не откажутъ съ своей стороны въ ассигнованіи необходимой суммы на возведеніе въ Тагилѣ зданія народнаго театра.

По свѣдѣніямъ газеты «Нов. Вр.» Кирилло-Мееодіевское братство признало необходимымъ открыть вновь 120 церковно-приходскихъ школъ, на содержаніе которыхъ потребуется до 50,000 руб., а на обзаведеніе 17,500 р. Кромѣ того, предложено открыть 13 двухъклассныхъ церковно-приходскихъ школъ для подготовленія учителей въ школы грамоты.

Изъ Вятки пишутъ въ газету «Нов. Врем.»: «наше губернское земство, съ цѣлью широкаго *распространенія грамотности среди крестьянскаго населенія*, предполагаетъ открыть, кромѣ школъ нормальнаго типа, еще слѣдующія школы. 1) одногодичныя начальныя училища, 2) подвижныя трехгодичныя школы, 3) сѣтъ мелкихъ школъ съ дешевыми учителями изъ лучшихъ учениковъ начальной школы подъ руководствомъ опытнаго учителя и 4) школы съ подвижными учителями, по типу шведскихъ и норвежскихъ школъ. Кромѣ того, для распространенія образованія среди взрослога населенія губерніи предложено устраивать воскресныя и вечернія школы. Для подъема же образовательнаго ценза земскихъ учителей будутъ ежегодно устраиваться педагогическіе курсы».

По свѣдѣніямъ газеты «Новости», на постройку зданія *промышленнаго училища* въ Казани разрѣшенъ кредитъ въ 450,000 рублей.

Поступили въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новыя
изданія **Ф. ПАВЛЕНКОВА.**

„Соціологическія основы исторіи“

п. ЛАКОМБА. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Р. Сементковскаго.
Цѣна 1 р. 50 к. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова.

ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА

Г. Брандеса.

Французская литература: Литература эмигрантовъ. Реакція во Франціи.
Романическая школа. Переводъ съ нѣм. Э. Зауэръ, съ 13 портретами.
Цѣна 2 рубля.

«ДУХОВНЫЙ ПРОГРЕССЪ И СЧАСТЬЕ»

. ЛОСКУТОВА. С.-Петербургъ, 1895 г., 250 стр. Цѣна 1 рубль.

„НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ“

. АГАФОНОВА. Популярная геологія. Съ 237 рис. Цѣна 2 рубля.

„ОПЫТЪ ЖЕНЕРАЛИЗАЦІОННАГО ВЫЧИСЛЕНІЯ“

Сочиненіе женевскаго профессора Г. ОЛЬТРАМАРА. Переводъ съ французскаго В. Обреимова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ

въ стихахъ А. БРЯНЧАНИНОВА. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. 25 книжекъ (№№ 46—70 „Сказочной бібліотеки“). Цѣна каждой книжки 10 коп.

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТІЕ

У РАЗЛИЧНЫХЪ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ

Шарля Летурно.

Содержаніе: Начало литературы.—Литература черныхъ расъ.—Литература желтыхъ расъ.—Литература народовъ бѣлой расы.—Прошлое и будущее литературы. Переводъ съ франц. В. Святловскаго. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Поступили въ продажу 11—20 тыс. экз.

ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ.

Т. БОКЛЯ.

Переводъ А. Буйницкаго. Съ примѣчаніями автора. Цѣна 2 рубля. Тотъ-же переводъ безъ примѣчаній—1 руб. 50 коп.

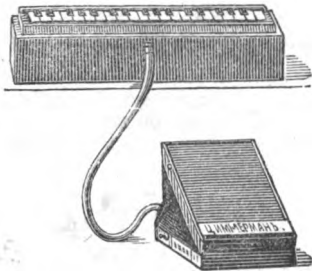
Психологія характера.

П О Л А Н А.

Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисл. Р. И. Сементковскаго. Цѣна 75 коп.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ШКОЛЬ

лучшее и самое дешевое пособие

ПРИ ОБУЧЕНИИ ПѢНЮ

Народный гармонифлютъ

общедоступный музыкальный инструментъ хроматическаго строя и весьма пріятнаго тона.—Изученіе игры на немъ не представляетъ затрудненія.

Цѣна 3 окт. съ ножной педалью . . . 15 р.
" 4 " съ ножной педалью . . . 20 р.

Деревянная складная подставка для 3-хъ или 4-хъ октавъ. народн. гармонифлюта 4 р. Самоучитель по циферной системѣ съ приложеніемъ пьесъ, сост. Маковскимъ, 1 р. Его же двѣ тетради нотъ по 1 р.

ФИСГАРМОНИИ

знаменитыхъ фабрикъ

ШИДМАЙЕРЪ, КАРПЕНТЕРЪ

и другихъ отъ 85 руб. и дор.

Скрипки отъ 2 руб. до 1,000 руб.

Смычки для нихъ отъ 50 к. до 60 р.

Скрипки $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$, и $\frac{1}{4}$ величины для дѣтей отъ 2 р. до 25 р.

Футляръ къ скрипкамъ отъ 3 р. 50 к. до 60 р.

Англійское концертно по 24, 30, 40, 55, 70, 100, 125, 140, 160, 200, 224 и 250 руб.

Рояли, піанино и фисгармоніи

извѣстныхъ фабрикъ и всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности для нихъ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

всевозможныхъ самоиграющихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Ноты для пѣнія и всѣхъ инструментовъ.

Новѣйшій иллюстр. прейсъ-курантъ и каталоги нотъ бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ДИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО И ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.—Спб., Б. Морск., № 34 и 40.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.
Редакторъ В. Сиповскій.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6230
1-year loans may be renewed by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

MAR 09 1996

RECEIVED

OCT 06 2003

JUL 23 1996

CIRCULATION DEPT.

JUN 12 1998

YC 23069

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008395496

